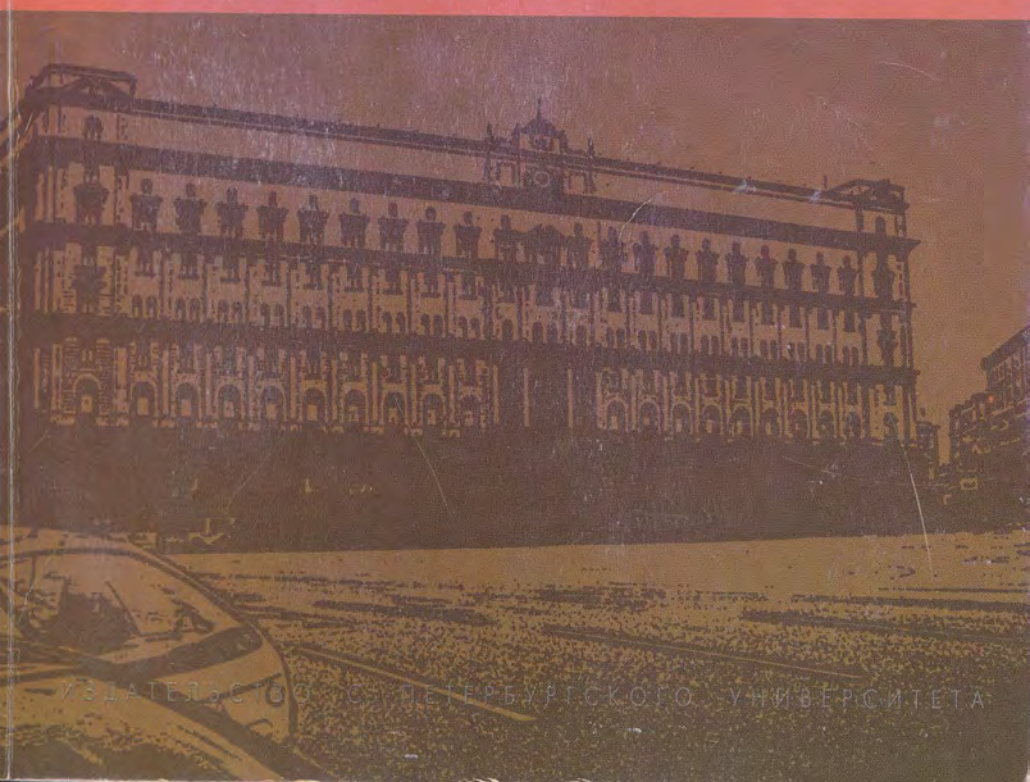

Архимандрит Августин
(Никитин)

ЦЕРКОВЬ ПЛЕНЕННАЯ

Митрополит Никодим и его время

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим
(1929-1978)

АРХИМАНДРИТ
АВГУСТИН (НИКИТИН)

ЦЕРКОВЬ ПЛЕНЕННАЯ
МИТРОПОЛИТ НИКОДИМ (1929–1978)
И ЕГО ЭПОХА (В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Архимандрит Августин (Никитин). Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 676 с.
ISBN 978-5-288-04772-5

В книге архимандрита Августина (Никитина) рассказывается о малоизвестных широкому читателю страницах истории Русской Православной Церкви, связанных с жизнью митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) (1929–1978). Опираясь на воспоминания современников митрополита, в том числе на свои собственные, автор представляет атмосферу той эпохи, в которую этот выдающийся архипастырь осуществлял свое нелегкое служение. Книга рассчитана как на воцерковленных читателей, так и на тех, кто только начинает искать свою «дорогу к Храму».

ББК 86.372

ISBN 978-5-288-04772-5

© архимандрит Августин
(Никитин), 2008

«Поминайте наставников ваших...»
(Евр. 13, 7)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «застойные» годы было такое «воспоминание о будущем». Где-то в XXII столетии на уроке истории школьник спрашивает Марь Иванну: «Кто такой Брежнев?» Раскрыв энциклопедию, учительница читает: «Брежнев Л. И. — мелкий политический деятель, живший в эпоху Сахарова — Солженицына».

История безжалостно «отфильтровывает» проходные фигуры и пешки. Кто такой Григорий Романов — об этом через столетие будут знать лишь узкие специалисты. Сначала придется долго объяснять, что был такой пост: первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. И что означает «обком», и что такое «КПСС». И что «персек» — не из династии Романовых, и не Гришка Отрепьев, — Григорий жил в эпоху митрополита Никодима. И что в июле 1985 г. Г. Романов, претендовавший на пост «генсека», был выброшен из *Политбюро*.

Про патриарха Никона (XVII в.) слышали все. А кто «навскидку» назовет имена его современников-опричников? Имя митрополита Никодима (1929–1978) на века вписано в историю Русской православной Церкви. Доктор богословия, председатель Отдела внешних церковных сношений, Патриарший Экзарх Западной Европы, президент Христианской мирной конференции, президент Всемирного совета церквей — это лишь основные его титулы, должности и звания.

К 20-летию со времени кончины святителя увидела свет книга «Человек Церкви. Памяти митрополита Никодима» (М., 1998). А

через четверть века после его смерти в ряде городов СНГ и в дальнем зарубежье прошли конференции, посвященные памяти владыки. В октябре 2004 г. ему исполнилось бы 75 лет.

Почему появились эти «затеси»? Бежит время, из памяти уходит многое; «иных уж нет, а те *долечат*». Автор понимает уязвимость своего положения, — ведь многие из здравствующих клириков, облеченных высоким саном, знали владыку гораздо лучше и общались с ним теснее и доверительнее. И, казалось бы: им и перо в руки! Но налицо замкнутый круг: чем выше сан и должность, тем меньше свободного времени. Ведь личные воспоминания — это не доклад, составление которого можно поручить референту-спичрайтеру. Как говорят в армии, «тут вам не институт, здесь головой работать надо!». А если «голова» (украинск. — председатель) привыкла только править готовый текст и ставить под ним свою подпись?

Вот и предлагается серия отрывков из воспоминаний о «человеке Церкви». Предвижу упреки в наличии неточностей, — ведь не случайно есть парадоксальное выражение: «врет, как очевидец». Кто-то может воскликнуть: «Владыка *такого* не мог сказать!» В ответ на эти возражения можно привести эпизод, имевший место в 1920-х годах. Тогда в советской России устраивались диспуты на разные темы; особенно любил в них участвовать нарком просвещения А. В. Луначарский. Однажды, в ходе спора, он сослался на какие-то слова Ленина (не к ночи он будет помянут). И тут же с места вскочила социально озабоченная дамочка-марксистка и истерично закричала: «Ленин этого не говорил!». Нарком спокойно парировал: «Вам, уважаемая, не говорил, а мне — говорил».

... Когда-то византийский летописец Прокопий Кесарийский составлял два варианта царствования императора Юстиниана: официальной и «Тайной истории» — «как все было на самом деле». Важно, чтобы такие факты не были преданы забвению, — иначе историю легко можно свести к «Краткому курсу» сами знаем чего...

В свое время шеф жандармов и начальник политической полиции при императоре Николае I граф Александр Христофорович Бенкендорф дал такую «установку»: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может представить себе самое смелое воображение. Вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана».

Культурное развитие России последнего двадцатилетия было

достаточно планомерно подготовлено в предыдущую эпоху — в период 1960–1980-х годов. Какая-то преемственность между русской и советской (а следовательно, и с постсоветской «российской») культурой существовала всегда. Но в области исторической науки, религиозной мысли и философии традиция была разрушена до основания. Между 1917-м и 1985-м зияет чудовищный провал. Речь шла не просто о запрете на гуманитарное знание. Преступлением считалось не написание, а одно ЧТЕНИЕ книг русских историков и философов. Книгу прочел — в тюрьму. Отсидел, вышел, прочел — в тюрьму. «Романтика».¹

В 1923 г. Надежда Крупская (в народе — «Крупа»), «сидевшая на культурке», запретила для чтения религиозную литературу: в библиотеках отдел религии «должен содержать только антирелигиозные книги». Во все библиотеки — от «Облпубблиб'а» (Областная публичная библиотека) до избы-читальни был *спущен* «Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя» (1923 г.).

А куда девать изъятые? — Ликвидировать путем *утилизации*. Сдавать в утильсырье нежелательно: кто-то из *несознательных* может извлечь бесценные тома из груды макулатуры и спасти их от уничтожения. Извечный вопрос: «Что делать?». А вот что: сжигать в печке здесь же, библиотеке, но в присутствии особой комиссии, *по акту*. (В 1933 г. немецкие штурмовики не додумались до духовной газовой камеры и сжигали «антихудожественную и контрреволюционную литературу» на площадях.)

Изъятие «контрреволюционной литературы» продолжалось на протяжении десятилетий. Изгнали Трещого, «шлепнули» Бухарина, Зиновьева и К° — очередная ревизия в библиотечных фондах. «Подрался» Сталин с Гитлером — и срочно изымаются подшивки «Правды» за 1939–1940 гг.

... Очередная *чистка фондов*, направлявшаяся из *методического центра*, шла в начале 1970-х годов. Проверялись и изымались (в основном под предлогом ветхости) книги, изданные *до 1964 г.* То есть — непроизносимыми официально словами — изданные *при Хрущеве*, когда (как известно стало при Брежнев) на выпуски в свет чего *надо-не-надо*, генералы не стеснялись писать, как их пытали на Лубянке — словом, *наломали дров*. Так опускали занавес над эпохой *оттепели*.

Тем не менее с этого времени в стране уже не было массовых «отстрелов» населения, а также шумных назидательно-показатель-

ных кампаний запугивания. Поэтому в послевоенное время выросло одно-два небитых, непуганых поколения с пробуждающимся чувством человеческого достоинства, которые, естественно, пришли в острейший конфликт с устоявшимися порядками.

А тут пошли отъезды — литераторы смели самоволкой покидать самую свободную в мире державу. Шли масштабные изъятия — только представим себе, сколько надо было уничтожить (строго предписывалось именно уничтожение) по всем сельским и поселковым, а также городским библиотекам экземпляров всеми любимой книги о войне «В окопах Сталинграда»?..

Так полки подавляющего большинства российских библиотек оказались *засорены* в начале XXI в. книгами, изданными исключительно в «застойные» 70-е — начальные 80-е годы. А сколько правдивых мемуаров, собраний потрясающих документов, вышедших в конце 80-х — начале 90-х годов, осели в столицах, не двинулись почти никуда!

В начале 1990-х годов архивы Лубянки и Старой площади открылись, кое-что из материалов было опубликовано, и Россия в очередной раз вздрогнула. Но вскоре дверку прихлопнули.

Помните, был такой Бакатин — тогда, в 1991-м? Недели три после победы над ГКЧП возглавлял госбезопасность. В начале первой недели пообещал расшифровать сексотов и стукачей. В середине второй обмолвился, что это невозможно, поскольку после этого ни одна семья не уцелеет, распадется. На третью неделю перестал возглавлять.

В результате образовался духовный вакуум, и очередное поколение вступает в жизнь с *незамутненным*, хрустальным сознанием. С этими людьми можно делать что угодно. Табула раза (лат. — чистая доска).

Но подросло поколение пока не виноватых. И за них уже взялись. Чтобы они не успели научиться различать добро и зло. И как можно скорее потеряли свою свободу. Чтобы, как в 1917-м, кричали: «Все, что было до нас — устарело, все на помойку! Новые реалии жизни диктуют новые стандарты. Сбросим N и Z и даже Y с виртуального кибер-драйфтера современности!». Но те, кто восклицают: «Зачем ворошить прошлое?», не помнят (или не знают) слов Ф. М. Достоевского: «Россия жива, пока есть русские мальчики, умеющие думать».

В советское время был такой гриф: «ДСП» — «Для служебного пользования». Его ставили на книгах, изданных для ограниченно-

го круга партийных аппаратчиков, чтобы они принимали «судьбоносные» решения, опираясь на реальные факты, а не на передовицы «Правды». Книга, предлагаемая читателю, — тоже своего рода «ДСП» — для молодых пастырей, не имеющих иммунитета против «наследия светлого прошлого». Замалчивать его — это все равно, что говорить про церковную жизнь в Германии в 1930–1940-х годах без упоминания о концлагерях, застенках гестапо и о тех дьявольских играх, которые оно вело с «церковниками».

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II послал книге «Человек Церкви» такие слова о митрополите Никодиме: «Он жил и совершал свое служение, дерзновенно свидетельствуя о жизнеспособности Православной Церкви после страшных перенесенных Церковью репрессий и перед лицом новых испытаний».

Осенью 2007 г. Патриарх Алексей II поддержал идею создания в Москве музея ГУЛАГа и призвал епископов Русской Православной Церкви присылать его организаторам сведения о репрессированных, а также о разрушенных храмах и монастырях. «Хотим мы или не хотим, это наша трагическая история, и мы должны ее знать. Когда молодое поколение не знает своей истории — это катастрофа», — подчеркнул Святейший Патриарх на встрече с членами международного дискуссионного клуба «Валдай».*

Время бежит, и современников тех событий все меньше и меньше. Большинство людей всегда придерживается инстинкта самосохранения или, как это зовется, «житейской мудрости». Это заставляет их сначала молчать, а затем поддакивать. В конце концов, это заставляет поверить всей той лжи, которая, как пыль, садится тонким слоем на картину прошлого. И когда невозможно уже ничего разглядеть — ее подменяют тем, что выгодно выдавать за правду. Кто потом осмелится опровергать официальную версию? Свидетели умирают, с ними умирает правда.

«С именем митрополита Никодима связан особый период церковной жизни, о котором, как любил говорить сам владыка, нельзя прочитать ни в одном учебнике, ни в одной книге, — пишет современная исследовательница. — Этот период начинается во времена хрущевских гонений на Церковь и продолжается в эпоху брежневского застоя, когда слова популярной

* НГ-Религии. 2007. № 16 (210). 19 сентября. С. 2.

песни «Все хорошо, прекрасная маркиза» как нельзя лучше подходили к политике государства. Декларированные идеи прикрывали прямо противоположную суть вещей: так было и с декларацией Свободы совести, отделения Церкви от государства.

На самом деле осуществлялся партийно-государственный диктат. Уничтожить православие на Руси путем открытых массовых репрессий не удалось, но «тихие репрессии» по отношению к Церкви и верующим имеют все тот же тотальный характер, только действия репрессивной машины становятся более изощренными»².

Будущие историки, лет через 50, в сравнении с нами будут обладать преимуществами: к этому времени откроются архивы, уйдут из жизни все «заинтересованные лица» и можно будет писать о делах минувших лет объективно и непредвзято. Но вряд ли, читая архивные бумаги, можно будет ощутить ту живую атмосферу, в которой мы жили, с ее невосполнимыми чертами. В предлагаемой книге речь пойдет именно о «мелочах архиерейской жизни», из которых складывается живой портрет владыки Никодима.

Знакомство с митрополитом

Как состоялось мое знакомство с митрополитом Никодимом? Ведь к деятелям такого ранга с улицы не попадают. Свел нас случай; знакомство состоялось благодаря... «Реквиему» Моцарта.

Самое начало 1970-х годов. Большой зал Филармонии (бывший зал Дворянского собрания).

С 10 июня по 5 июля 1922 г. здесь проходил Петроградский процесс, по которому было привлечено более 80 человек во главе с митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским). Он обвинялся в противодействии изъятию коммунистами церковных ценностей и был приговорен к расстрелу. Когда владыку под конвоем вывели из здания, толпа, ожидавшая на площади, встала на колени, и все запели: «Спаси, Господи, людя твоя... Победы православным христианам на сопротивных даруй...» Как понять это нам, умилявшимся лучистой улыбке Ильича, так радевшего об архиерейском применении расстрела?

Точное место расстрела и погребения владыки Вениамина неизвестно. В 1990 г. приговор Петроградского ревтрибунала был отменен; в 1992 г. митрополит Вениамин был причислен к лику святых Русской православной Церкви...

В Большом зале Филармонии исполняется «Реквием», естественно, на латыни. Впереди сидит слушатель, в руках у него — рукописный латинский текст с переводом на русский язык. В перерыве подхожу к нему с просьбой: нельзя ли как-нибудь переписать слова? Он дает мне номер своего домашнего телефона, адрес. Через неделю наношу визит. В квартире — иконы, лампады. Спрашиваю о профессии, и в ответ слышу: «священник».

Отец Игорь Ранне, настоятель Свято-Троицкого собора (в те годы — бывшей) Александровской лавры, секретарь епархии, «правая рука» митрополита... И когда некоторое время спустя я заикнулся о своем желании поступить в семинарию, он устроил мне «уединенцию»...

Конечно, я видел владыку и раньше, присутствуя в ленинградских храмах за архиерейскими богослужениями. Но один эпизод был особенно необычен. Москва, 3 июня 1971 г. В кафедральном Елоховском Богоявленском соборе — интронизация новоизбранного патриарха Пимена. Вход — по пригласительным билетам, а все «посторонние» приникли к железной ограде и наблюдают за прибытием гостей. Среди особо важных персон — архиепископ Макариос, президент Кипра. По протоколу его следует встречать у входа в собор, но почему-то у церковных врат никого нет. Медленно подъезжает длинный лимузин с флажком на капоте, дверца распахивается, и глава Кипрской Православной церкви выходит из машины. И тут из собора стремительно выбегает митрополит Никодим, в полном архиерейском облачении, после чего следует братское лобызание. Теперь трудно сказать, из-за чего чуть было не произошла «накладка», но, несомненно, это стоило владыке нервов. Мог ли он тогда предполагать, что через восемь лет его жизнь оборвется при сходных обстоятельствах?

Но вот все гости прибыли, милиция снимает внешнее оцепление, в то время как церковные врата только еще начинают закрываться. В образовавшийся «зазор» хлынуло десятка два «необилеченных»; половине из них удалось просочиться в храм. А уж пройти поближе к алтарю совсем просто. В храме довольно просторно, и нет обычной праздничной давки. Но, конечно, при первой встрече с митрополитом я не буду похвастаться тем, что присутствовал на том богослужении.

Первая встреча с владыкой Никодимом в митрополичьем кабинете. Энергичные движения, неподдельный интерес к новичку. Не дослушав фразу до конца, прерывает: «Все ясно, понял».

И шутливо: «У меня есть один недостаток: я быстро соображаю».

Вскоре я подал прошение о допуске к вступительным экзаменам в семинарию. Митрополит проявил особый интерес к абитуриенту с высшим техническим образованием и, несмотря на свою загруженность, присутствовал на устном экзамене. Члены комиссии погнали меня по семинарской программе, после чего владыка решил: зачислить прямо на первый курс академии. Тогда же он включил новоиспеченного первокурсника в свой штат иподиаконов, но без места — в «лист ожидания».

Вакансия открылась при необычных обстоятельствах. Книгодержцем у митрополита был семинарист по фамилии Ждан. Однажды владыка должен был в Троицком соборе Александро-Невской лавры прочесть молитву, не входящую в обычное чинопоследование богослужения. Скажем, помянуть за здравие тезоименитого иерарха. Но книгодержец перепутал страницы и открыл заупокойную молитву. Владыка, читавший текст громко, на весь храм, дошел до «усопшего раба Твоего...» Пауза... Затем он легонько хлопнул Ждана по лбу и в сердцах воскликнул: «Ты не Ждан, а жбан!»

Это был серьезный «прокол», и книгодержец был отправлен «за штат». Этот урок запомнился мне надолго и, будучи книгодержцем, я всегда «смотрел в святцы», прежде чем «бухнуть в колокола». А Ждан пошел на повышение и стал первым иподиаконом у викарного епископа Мелитона (Соловьева).

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Рязань

Митрополит Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов) родился 15 октября 1929 г. в деревне Фролово Кораблинского района Рязанской области.

Рязанская земля славна своими архиереями. Одним из них был Стефан Яворский (1658–1722), церковный писатель, митрополит Рязанский, Местоблюститель Патриаршего престола. Он был похоронен в великолепном Успенском соборе в Рязани, построенном Я.Г. Бухвостовым в 1693–1699 гг. В истории Рязанщины видное место занимает великий князь Рязанский Олег Иванович (род. до

1350 — сконч. в 1402) — современник Димитрия Донского, строитель стен и обителей рязанских.

Отечественный ученый и поэт П. Востоков в годы сталинских репрессий провел «в земле Рязанской» 11 лет. В стихотворном сборнике, опубликованном во Франции в 1960 г., он воспел этот край такими строками:

Земля Рязанская, земля и лип, и меда,
Степных плато, лесных сырых низин!
Рязани Старой помнишь ты невзгоды
И повесть слушаешь Оки глухих глубин.

В соборе стройном спит Стефан Яворский,
Над гладью водной бодрствует Олег,
И бьет Ока своей волной холодной
В рязанский неприступный брег³.

Славен на Рязанщине город Скопин. В семи километрах от Скопина на круглой, как шлем, горе — древняя церковь и совсем новые строения. Монастырь. Инок Пересвет по дороге на поле Куликово оставил здесь свой посох и опоясался мечом. Димитровский Рязский заштатный необщежительный монастырь хранил святыню.

Есть предание: посох лечил зубную боль, болящие даже грызли дерево. И тогда был сделан футляр, украшенный драгоценными камнями. Советская власть, разоряя монастыри, святыню конфисковала. Футляр исчез, а посох отдали в областной музей...⁴

... В советской историографии 1929 г. назывался годом «великого перелома». Это начало коллективизации, индустриализации, резкое усиление гонений на религию и, в первую очередь, на Русскую православную Церковь. По меткому выражению Солженицына, в этом году был сломан хребет русского народа. Ограбив деревню, Сталин получил в свое распоряжение миллионы голодных ртов и мозолистых рук, готовых за пайку вкалывать на ударных стройках социализма.

65 дней — от 27 декабря 1929 г., когда Сталин объявил о переходе к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, добавляя «снявши голову, по волосам не плачут», до 2 марта 1930 г., когда тот же Сталин опубликовал в «Правде» статью «Головокружение от успехов», в которой всю вину за эксцессы свалил на исполнителей, — потрясли страну гораздо больше,

чем те «10 дней», о которых писал Джон Рид. По подсчетам английского историка Р. Конквеста, жертвами коллективизации — от голода, лишений во время переселения, в тюрьмах и лагерях — стало около 15 млн человек, более 10% населения⁵.

Началось создание военно-промышленного комплекса, острие которого было нацелено на Запад. «Наступив на грабли», кремлевский вождь получил 22 июня 1941 г. («Нас разбудили, нам объявили...»). Свою ошибку он «искупил» жизнями многих миллионов солдат, павших на полях сражений, и жизнями миллионов заключенных, умиравших за колючей проволокой.

Товарищ Сталин человек,
Товарищ Сталин — флаг.
Архистратиг, Архистратег,
Архипелаг Гулаг.

(Глеб Горбовский)

И все-таки будущему архипастырю повезло, что он родился в 1929 г., а не на три-четыре года раньше. Весной 1945 г. новобранцы, «с 25–26-го года», были брошены на взятие Зееловских высот и на штурм Берлина. (Это после войны модно было рассуждать о «шестидесятниках», о «потерянном поколении». О выбитом поколении глухо молчали.) А в 1929 г. власти «всего лишь» изъяли из Конституции СССР пункт о свободе религиозной пропаганды — основной закон страны фактически лишал верующих будущего.

В том же 1929 г. в Советском Союзе была введена «пятидневная неделя», состоявшая из четырех рабочих дней и одного дня отдыха (Декрет от 24 сентября 1929 г.). Официально — «в связи с введением непрерывного производства». Фактически — «с введением пятидневной недели отменяются в качестве дня отдыха все дни религиозных праздников»⁶. «Несомненным является политическое значение пятидневной недели в борьбе с религиозными и бытовыми пережитками: регулярное празднование воскресений, праздников, связанных с религиозными и бытовыми обрядностями»⁷, — отмечалось в тогдашней печати. Однако «пятидневка» не прижилась, и в 1936 г. народу вернули «семидневку». От тех лет осталась лишь частушка:

Четыре дня сижу в пивной,
А на пятый — выходной.

В Германии шел параллельный процесс. Членам гитлерюгенда было запрещено участвовать в церковных процессиях. Затем начали принуждать молодежь принимать участие в спортивных состязаниях, которые устраивались в часы воскресных богослужений. Был издан тайный указ Бормана о необходимости полной ликвидации Церкви и тайные инструкции гестапо, в которых меры по подавлению Церкви мотивировались мнимой враждебностью Церкви к государству⁸.

Для замены традиционных религиозных праздников и пропаганды национал-социалистических идей в Третьем рейхе были введены собственные праздничные дни, в том числе:

20 апреля. День рождения Гитлера. Один из наиболее важных дней в ритуале культа фюрера. В этот день по всей Германии выставляли и вывешивали миллионы фотографий и портретов фюрера, фасады домов украшали красно-бело-черными флагами, устраивались грандиозные факельные шествия, массовые выступления фольклорных коллективов, происходили обряды посвящения.

День летнего солнцестояния. В этот день разжигали огромные костры, в которые бросали венки в честь партийных «мучеников» и героев войны. Устраивались танцы, выступали хоровые коллективы, участники праздника прыгали через костры, устраивали факельные шествия. Партийные руководители к этому дню готовили особые «огненные речи».

День зимнего солнцестояния. Был введен нацистскими властями, чтобы конкурировать с христианскими рождественскими праздниками, однако самого Рождества Христова не заменял⁹.

... Рязанская епархия, как и многие другие, не избежала репрессий. В 1923–1926 годах в Соловецком лагере особого назначения находился епископ Глеб (Покровский), викарий Рязанский. В 1936 г. был арестован архиепископ Рязанский Иувеналий (Масловский).

Будущий владыка родился в военное время, хотя войны никакой не было. Шла война против собственного народа. Через год с небольшим после рождения Бориса, 28 ноября 1930 г., газета «Известия» обнародовала афоризм, перекраивавший старые понятия о милости. Вместо прежнего изречения «страшен сон, да милостив Бог», появилось новое: «страшен сон, да милостиво ОГПУ». Место Бога заняла тайная полиция, совмещавшая с сыском пытки и расстрелы.

Провал построения индустриального рая бросил на скамью под-

судимых инженерную интеллигенцию. Начался процесс над Промпартией, организацией, которой никогда не существовало в действительности, но которую создало воображение сталинского ЦК.

На экстренном собрании работников искусств («Известия» от 17 декабря 1930 г.) Шкловский, Пудовкин, Таиров, Довженко, Качалов, Мейерхольд заклеили арестованных инженеров как «платных шпионов», «изменников, продающих нас врагу». А Александр Довженко требовал «запретить им дышать». В заключение «работники искусств» обращаются к правительству с просьбой «наградить ОГПУ орденом Ленина».

Параллельно громам и молниям, которые гремят на митингах и собраниях, требующих «раздавить гадину», звучит густой окающий бас Горького. В те годы он отсиживался в фашистской Италии, не желая возвращаться в коммунистическую Россию. Он посылает в «Известия» статьи из Сорренто, именуя главарей Промпартии «дегенератами», «уродами», «идиотами», «негодаями», «кретинами» и «подлецами».

«Надо ли вспоминать о людях, которые исчезают из жизни медленнее, чем следовало бы им исчезать? — пишет он. — Употребляется ли ради развития сознания человека насилие над ним? Я говорю — да!» «*Культура*» есть не что иное, как «организованное разумом *насилие* над зоологическими инстинктами людей». С «культурой», «гуманизмом» и прочими *цветами красноречия* покончено. Естественно, что рабоче-крестьянская власть бьет своих врагов, как вошь». (Через несколько лет один из вождей немецкого национал-социализма скажет: «Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к пистолету»).

15 ноября 1930 г. появляется статья «Если враг не сдается — его истребляют». В других изданиях ее кровожадность несколько сглажена: «Если враг не сдается — его уничтожают». Не Бог вещь какая милость, но раз «с гуманизмом покончено», то что же роптать?¹⁰ В те годы у Горького были ницшеанские усы и ницшеанские идеи: «Падающего подтолкни». 15 мая 1932 г. декретом правительства за подписью Сталина было объявлено о «безбожной пятилетке»: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто» на всей территории СССР¹¹. Таков был воздух, которым юный Борис дышал с детства. Вот эпизод, описывающий тогдашнее отношение местных властей к Русской Православной Церкви.

1931 год. Крестьянский поэт Николай Клюев проводит лето в селе Потрепухине на реке Вятке. Вместе с приятелем идут в

город за семь верст за продуктами. Клюев, как обычно: в белой домотканой рубаше с шелковым пояском, в полотняном картузе, «борода навывпуск». Навстречу — два милиционера:

— Стой! Кто такой?

— Писатель, — отвечает Клюев.

— Какой ты писатель! Ты поп! И матерят классового врага.

— Вы не грубите, — просит Клюев. — Я действительно писатель.

Куда там! Схватили, привели в отделение, начали допрос. Документов с собой нет, документы — в Потрепухине. «Поп» оставили сидеть, младшего Кравченко — все матюгами — послали за документами. Бегом туда и обратно, вернулся без чувств, но с бумагами. А тут в милиции появился капитан с кубиками.

И что же? Извинился начальник, отпустил арестованных, а подчиненных своих попридержал.

И не знал еще Николай Клюев, что вскорости светит ему ссылка в Сибирь, а там и чекистская пуля в расстрельном овраге...¹²

В декабре 1937 г., в дни празднования 20-летия органов госбезопасности, в газете «Правда» были напечатаны отрывки из поэмы Джамбула Джабаева «Баллада о наркоме Ежове».

Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Враги нашей жизни, враги миллионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попали в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг —
Ежов разорвал их предательский круг.

Разгромлена вся скорпионья порода,
Руками Ежова, руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.

...Борис родился в Рязани в семье местного партийного деятеля. Его отец — из крестьян, человек энергичный и практический, хорошо знавший деревню и никогда не порывавший с ней связи. Он всегда занимался сельскими делами и дорос до третьего секретаря Рязанского обкома партии, ведавшего колхозными делами. Мать будущего владыки, урожденная Сионская, дочь священника, энер-

гичная, культурная женщина, по профессии учительница. (В 1969 г. на магнитофон были записаны воспоминания матери митрополита Никодима, где она поведала немало интересных эпизодов из его рязанского детства. Интересно, что она, будучи дочерью священника, очень не хотела, чтобы ее сын стал монахом. Она ни разу не попыталась сама сводить ребенка в церковь. Одновременно Боря Ротов был очень исполнительным пионером и даже председателем совета отряда.)

Борис еще на школьной скамье проявлял большие способности и оригинальный склад характера. Хороший ученик, увлекавшийся биологией, он в то же время с детства имел пристрастие к Церкви. В Рязани тогда была единственная небольшая церковь на кладбище. В ней часто бывал юный Борис.

В последние годы жизни митрополит Никодим вспоминал то время, когда ощутил в себе по-настоящему патриотическое чувство. Было это осенью 1941 г., когда фашисты подходили к Рязани, и в Скорбященском храме ежедневно служился молебен о спасении и победе. (В декабре 1941 г. немцы подошли на 30 км к Рязани, но повернули обратно.)

Уже позднее митрополит Никодим вспоминал обстоятельства, при которых он впервые попал в церковь. На одном из занятий учительница обратила особое внимание на вопрос, почему школьникам не стоит ходить в Божий храм. В этот же день Борис с несколькими своими друзьями пошли в церковь на «экскурсию». Для Бориса эта «экскурсия» затянулась на всю жизнь...

Рязанская епархия

Еще школьником Борис познакомился с подростком из села Никуличи Колей Македоновым — нынешним настоятелем Иоанно-Богословского монастыря архимандритом Авелем. Мальчики вместе ходили в церковь и вместе выбрали для себя духовное поприще. Митрополит Никодим вспоминал: «Настоящим утешением и радостью для меня было подать кадило и принять просфору. Совершение богослужений очаровало меня и уловило в сети Христа». Позже он отметил: «Вся моя сознательная жизнь принадлежит Церкви». (Это уже потом, в 1959 г., управделами Московской патриархии протопресвитер Николай Колчицкий разошлет по епархиям циркуляр, в котором *разъяснялось*, что «нельзя допускать до прислуживания в алтаре лиц, не достигших 18-ти лет».)¹³

После войны в Рязань был назначен новый архиерей, архиепископ Димитрий (Градусов), своеобразный, интересный человек. Родом из ярославской интеллигенции, полудуховного, полукупеческого происхождения, владыка Димитрий был высокоинтеллектуальным и глубоко религиозным человеком. До принятия сана он был музыкантом. Будучи лично близок к митрополиту Сергию (Страгородскому) (тогда патриаршему местоблюстителю), отец Димитрий Градусов был рукоположен во священники в 1930-е годы, а перед самой войной, после принятия монашества, стал епископом Можайским (викарием Московской епархии). Это было едва ли не единственное рукоположение в предвоенные годы, так как все хиротонии были запрещены властями, и только благодаря личной близости рукополагаемого к митрополиту Сергию удалось эту хиротонию осуществить¹⁴.

Во время войны, после восстановления патриаршества (1943 г.), владыка Димитрий был назначен в Ульяновск (бывш. Симбирск); из Ульяновска он был переведен на Рязанскую кафедру. К нему и обратился юноша Борис Ротов. Время это было своеобразное. Только что было восстановлено патриаршество, в Москве непрерывно рукополагались епископы и священники, всюду открывались храмы.

В Рязани было решено восстановить великолепный кафедральный Борисоглебский собор, стоящий на самом высоком месте города, в местном Кремле. В 1944 г. открылись ворота старинного заброшенного храма, и первый, кто туда вошел, был 15-летний Борис Ротов, новый приближенный рязанского владыки. Вскоре архиерей решает постричь смышленного энергичного отрока в монахи. Уже был назначен день пострижения, Борис даже знал свое монашеское имя: его уже все звали Никодимом. Все сорвалось в последний момент. Владыка Димитрий пригласил престарелую монахиню прислуживать ему и петь во время пострижения, которое должно было быть совершено келейно в покоях владыки.

Монахиня, однако, узнав, что речь идет о пострижении Бориса, пришла в ужас: «Как, владыко, 16-летнего? Что Вы, владыко!». Она была права. Пострижение в монашество 16-летнего юноши противоречило не только церковному уставу, но и с точки зрения советских законов было тягчайшим преступлением¹⁵.

По окончании средней школы Борис поступил на биологический факультет Рязанского педагогического института. Студенческая среда — это «площадка молодняка», с ее нехитрыми развлечениями

ниями, среди которых в те годы главное было — «танцульки». Но молодой первокурсник чурался «рассеянного образа жизни». Он не мог понять — что влечет его однокашников на танцплощадку и в школу танцев. Прямо по Канту: «странное ощущение при бессмысленных движениях». Уже тогда юный Борис был предрасположен к иному призванию. Конечно, то, что «в области балета мы впереди планеты всей», позднее вызывало у владыки гордость за державу. Но в личном плане он относился к этому скептически: «Лукавых жен многовертимое плясанье».

На втором году обучения в педагогическом вузе юноше уже исполнилось 18 лет, поэтому владыка Димитрий, переведенный к этому времени в Ярославль, в августе 1947 г. постриг Бориса в монашество с именем Никодим и рукоположил его во иеродиакона. Монахом Борис стал в полной тайне от отца, который был атеистом, как и полагалось настоящему коммунисту. Но потом, когда все открылось, отца — третьего секретаря обкома — чуть не хватил удар.

Отец Никодим некоторое время скрывал от родителей, что он — священнослужитель, и они были уверены, что их сын — студент. Однажды мать случайно увидела его фотографию в священническом облачении и все поняла. Затем был тяжелый разговор с отцом, после чего о. Никодим покидает родителей на долгие годы. По некоторым сведениям, с отцом он встречается после многих лет, став уже митрополитом¹⁶.

Тоталитарный режим уловлял молодые умы в свои диавольские сети через систему «всеобуча». И педагоги должны были участвовать в этих играх. В те годы на «владыкиной Рязанщине» учительствовала Наталья Алексеевна Решетовская, первая супруга Александра Солженицына. Это потом, в конце 1960-х, ее сломали «органы», и она написала книгу, «порочащую честь и достоинство» опального писателя. (Издана АПН для заграницы; переиздана в России в начале 1990-х годов) А в 1950-х, находясь на «переднем крае идеологического фронта», она должна была составить брошюрку под названием: «Химия в борьбе с религиозными суевериями. Материал в помощь лектору» (Рязань, 1955). А сколько было тогда в стране несчастных, замотанных «училок»?

Но Бог поругаем не бывает... 2005 год. В Рязани губернатор отобрал у журналистов Дом печати, где располагались «Рязанские ведомости», и вернул здание местной православной епархии. Наталья Алексеевна до этих дней не дожидаясь, Александр Исаевич

дожил¹⁷. А на факультете естествознания сегодняшнего Рязанского государственного педагогического университета находится музейная экспозиция, посвященная митрополиту Никодиму. Именно в этом учебном заведении созданный недавно Экспериментальный центр православной педагогики провозгласил, что особое внимание уделяет «изучению того духовного наследия, которое оставили выпускники РГПУ — такие, как митрополит Никодим (Ротов)...»¹⁸

После многолетнего «атеистического воспитания» выросла молодежь, которая «не различает» церковной колокольни от каланчи. Писатель Григорий Медынский приводит в «Воспоминаниях» такой случай.

Пришлось мне как-то побывать в древнем русском городе Рязани. В поисках нужного адреса я обратился к молодому человеку.

— А вот, батя, как дойдешь до той каланчи, так спросишь, — развязно ответил он.

— Так это же не каланча, — попробовал я поправить его. — Это колокольня, собор вашего рязанского кремля.

— Ну, все равно! Один ч...!¹⁹

В те годы в педагогических институтах организовывались атеистические кружки, проводились атеистические викторины. Одна из них — на тему: «Знаешь ли ты Библию?». Вопросы — актуальные, соответствовавшие «текущему моменту».

Вопрос: В каком месте Библии говорится о том, что Христос поощрял тунеядство?

Ответ: В Евангелии от Матфея, 6-я глава, 29 стих — «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их».

Вопрос: В каком месте Библии говорится о том, что Христос нанес ущерб животноводству Палестины?

Ответ: В Евангелии от Марка, 5-я глава, 2–13 стихи. Христос исцелил бесноватого; бесы вышли из одержимого. «И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море» (Мрк. 5, 13).

Впрочем, «беснование» в те годы было и на Рязанщине. Именно в Рязани покончил с собой первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионов — когда вскрылась его «мясная афера». Он громкогласно принял обязательство, что его область за 1959 г. сдаст государству на 280% больше мяса, чем в 1958 г. На декабрьском 1959 г. Пленуме ЦК партии Ларионов гордо доложил о выполне-

нии обязательства, и его похвалил сам Хрущев. Восхищенный и умиленный Никита Сергеевич распорядился дать «мяснику» «Гер-труду» — звание Героя Социалистического Труда. А на следующий год выяснилось, что все рапорты Ларионова были обманом: чтобы перевыполнить план производства мяса и обогнать Америку, Ларионов приказал забить весь скот в области. Кроме того, он приказал купить мясо в продовольственных магазинах своей и соседней областей и «сдал государству»... И Ларионову предложили незаметно застрелиться.

С Рязанской епархией была связана жизнь известного старца Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина) (род. в 1910 г.) 14 января 1945 г. митрополит Николай (Ярушевич) рукоположил его во диакона в храме на Ваганькове (Москва). На праздник Иерусалимской иконы Божией Матери, 25 октября того же года, Святейший патриарх Алексей I рукоположил диакона Иоанна в сан священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве. В 1950 г. о. Иоанн окончил два курса Московской духовной академии.

В ночь с 29 на 30 апреля 1950 г. на основании ордера прокурора г. Москвы в своей квартире о. Иоанн был арестован сотрудниками НКВД. Был судим тройкой по статье 58, пункт 10 УК РСФСР, после чего был приговорен к семи годам лишения свободы. С 30 апреля по 1 июля 1950 г. он находился в заключении в тюрьме на Лубянке, с 1 июля по 19 августа в тюрьме в Лефортово (камера-одиночка), с 19 августа по 8 октября — в Бутырской тюрьме до дня отправления на этап. С 1950 по 1953 гг. работал на лесоповале разьезда Черный в Архангельской области. С 1953 по 1955 гг. — переведен в инвалидный ОЛП (отдельный лагпункт) через Сызранскую тюрьму в г. Молотовске, Куйбышевской области, где и находился до 15 февраля 1955 г.²⁰ Об этом духовном пастыре, которого почитала вся православная Россия, вспоминает один из его солагерников — Анатолий Краснов-Левитин.

Иван Михайлович Крестьянкин родился 11 апреля 1910 г. в городе Орле, в типичной городской мещанской семье. Отца не помнит. Воспитывала мать — глубоко религиозная женщина. Старшие дети женились, от семьи отошли. Что касается Ивана Михайловича, то он монах, монах от рождения.

С детства глубоко религиозный, хотя и в меру шаловливый. Добросовестный, трудолюбивый. Был посошником у известного своей монашеской строгостью Орловского архиерея Серафима. В

нормальных условиях быть ему монахом с 18 лет, как указывало призвание. Но попал он в тяжелое советское время, когда все монастыри были ликвидированы.

И пришлось Ване Крестьянкину после окончания средней школы окончить бухгалтерские курсы и переезжать в Москву, работать бухгалтером. Но любил он бухгалтерию. Был необыкновенно аккуратен, копейку не пропустит, все сосчитает. И абсолютная, неподкупная честность. В то же время — монашеский образ жизни, инок в миру. Всенощные моления, посты, хождения в храм.

Человек по натуре веселый, добродушный, несказанно мягкий. В 1945 г. рукополагают его в диакона московского храма, что в селе Измайловском. Старинный храм, построенный еще при Алексее Михайловиче, известный чтимой иконой Божией Матери Иерусалимской. Вскоре потом иерейская хиротония. Он становится священником этого храма. Если представить себе человека абсолютно чуждого какой бы то ни было политики и даже не представляющего себе, что это такое, — то это будет отец Иоанн Крестьянкин.

Он священник и инок с головы до пят, и все мирское ему чуждо. Но он священник, и этого достаточно — и для прихожан, и для властей. Для прихожан — чтоб в короткое время стать одним из самых популярных священников в Москве; ну, а для властей — этого тоже вполне достаточно, чтобы арестовать человека и законопатить его на много лет в лагеря. В 1950 г. он действительно был арестован.

Обвинения, которые ему предъявлялись, были смехотворны даже для того времени. Так, ему ставилось в вину, что он на отпусте поминал Александра Невского святым благоверным князем. (Видимо, по мнению следователя, надо было назвать его «товарищем».) И все в этом роде. Тем не менее получил пять лет.

В лагере возил на себе, впрягшись в санки, воду. Много молился. Все лагерное население к нему сразу потянулось. Всеобщий духовник. Начальство без конца его допекало и грозило тюрьмой. Приставили к нему специального наблюдателя — толстого здорового придурка из проворовавшихся хозяйственников.

Запомнилась мне на всю жизнь почти символическая картина. Сидит на скамейке проворовавшийся хозяйственник, читает газету — он к тому же еще культорг в бараке. А за его спиной по площадке, окаймленной кустарником, бегают взад и вперед отец

Иоанн. Только я понимаю, в чем дело. Это отец Иоанн совершает молитву.

Он близорукий. Глаза большие, проникновенные, глубокие. Несколько раз, приходя в барак, заставлял его спать. Во сне лицо дивно спокойное, безмятежное. Как ребенок. Не верится, что это взрослый мужчина. Несколько раз, якобы гуляя с ним по лагерю, у него исповедовался. Чистый, хороший человек. В феврале 1955 г. он освободился. Тепло с ним простились. Впоследствии он служил священником в храмах различных провинциальных городов²¹.

Вернувшись из заключения досрочно, в 1955 г. о. Иоанн был назначен во Псковскую епархию, а в 1957 г. был перемещен в Рязанскую епархию, где священствовал почти 11 лет. За это время о. Иоанна пять раз перемещали с прихода на приход: 1) приход Ясаково, Свято-Троицкий храм; 2) приход в Летово; 3) приход Некрасовка, храм св. Николая; 4) приход села Борец; 5) приход в Касимове.

В 1966 г. о. Иоанн овдовел и был пострижен в монашество, в 1967 г. он поступил во Псково-Печерский монастырь. В 1970 г. о. Иоанн был возведен во игумена, а в 1973 г. — во архимандрита. С 1978 г. на о. Иоанна посыпались награды: орден св. князя Владимира III степени (1978), орден преп. Сергия Радонежского III степени (1980), орден св. благоверного князя Даниила Московского II степени (2000), орден Серафима Саровского I степени (2005). Назови он в 1950 г. на следствии этих праведников святыми — получил бы «довесок», без права на амнистию...

За несколько лет до кончины старца к нему приехал VIP-паломник: полковник КГБ, бывший шеф ФСБ, а в 2000–2008 гг. — президент России — Владимир Путин. И они долго беседовали в скромной келье о. Иоанна. (После кончины о. Иоанна на имя наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Тихона пришла правительственная телеграмма: «...Беседы с отцом Иоанном — неординарным, светлым и праведным человеком — оставили неизгладимый след в моей душе, в сердцах всех, кому посчастливилось с ним встретиться. Вечная ему память. = В. Путин».)

29 сентября 2004 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси направил о. Иоанну письмо, в котором, в частности, было сказано: «Спасибо Вам за постоянную твердую позицию в поддержке Священноначалия Церкви перед лицом распускаемых эсхатологических страхов при выдаче новых российских паспортов, во время переписи, в связи с индивидуальным налоговым номером и тому

подобными страхами и мнимыми опасностями. Мне очень понравилось Ваше высказывание в отношении Интернета — все зависит от человека, ибо сам человек может брать доброе, разумное и вечное, а может использовать то, что вредит душе — греховное и злое»²².

Архимандрит Иоанн отошел ко Господу на 96-м году жизни 5 февраля 2006 г. И что удивительно, во время похорон — посмертная встреча с Рязанщиной. 6 февраля вечером в Сретенском храме Псково-Печерского монастыря был совершен парастас, который возглавил епископ **Зарайский Меркурий**. А 7 февраля состоялось отпевание о. Иоанна по монашескому чину, которое возглавил Евсеев, архиепископ Псковский и Великолукский, в сослужении архипастырей и более 120 священников. Перед пением «Со святыми упокой...» слово прощания с почившим старцем сказал владыка Павел, архиепископ **Рязанский и Касимовский**. ...²³

... Владыке Никодиму не довелось дожить до возрождения Рязанской епархии. Коммунистический режим рухнул только в 1991 г. Там, где когда-то опальный Александр Солженицын трудился учителем математики и, таясь ото всех, писал «в стол», зазвучали новые голоса. Одним из писателей «новой волны» стал Валерий Шамбаров, бывший инженер-испытатель НИИ ВВС имени Чкалова, майор запаса, а ныне автор множества книг (в т. ч. «Белогвардейщина», «Русь — дорога из глубин тысячелетий», «Государство и революции», «За веру, царя и Отечество!», «Оккультные корни Октябрьской революции»), посвященных важнейшим этапам многовековой судьбы России и русского народа. Валерий Шамбаров вспоминает.

— Еще служа в армии, собирал документальные материалы, касающиеся Белой гвардии, для написания пьесы по ее истории... В начале 90-х тяжело заболел, свалился, был комиссован из армии. Приехал тогда ко мне главный редактор газеты «Вечерняя Рязань», мой хороший друг Вадим Михайлов, стал ободрять: «Ты пишешь хорошо, вот и пиши, — сказал Вадим. — А что из армии уволился, так это нормально. Беру тебя в штат, даю полосу, работай. Ты собирал материалы по Белой гвардии, теперь пиши ее историю, будем публиковать с продолжением...». Первая моя книга «Белогвардейщина» три года печаталась в «Вечерней Рязани», после чего вышла отдельным изданием²⁴.

В 2006 г. была издана уникальная книга известных краеведов Николая Аграмакова и Евгения Каширина «Путеводитель по губернской Рязани». Это уже девятая книга в серии исторических

сборников «Путеводители по городу Рязани». В девятом томе серии читатели смогут узнать историю улицы Астраханской, Владимирской слободы, Большой Мещанской и Семинарской, Ново-Александровской и Московской, а также улицы Соборной и Ильинской (Соборной) площади.

Еще лет 30 назад ни один партаппаратчик даже в самом страшном сне не мог представить себе, что грядет не только возрождение Русской православной Церкви, но и (страшно подумать!) возрождение традиции полковых священников. А сегодня мы как должное воспринимаем такую, например, газетную заметку: «Учебные сборы военного духовенства Русской Православной Церкви: Рязань, 24–26 июня 2003 г. (120 священников из 32 епархий)».

«Сборы военного духовенства».

Первые учебно-методические сборы священников, ответственных за взаимодействие епархиальных управлений с Вооруженными Силами, а также священников, окормляющих православных военнослужащих воинских частей, дислоцированных на канонической территории Русской Православной Церкви, прошли в Рязани в июне 2003 г. на базе Рязанского воздушно-десантного училища.

*На сборах в Рязани священники изучали устройство полевого храма и полевой часовни и особенности совершения церковных Таинств в полевых условиях. Обсуждались также проблемы богослужебной деятельности в воинских частях, в частности вопросы окормления воинских коллективов, в которых есть представители иных вероисповеданий. Священнослужители обменялись опытом работы с военнослужащими в «горячих точках» и в военно-медицинских учреждениях, обсудили особенности оказания благотворительной помощи военнослужащим и воинским частям, проблемы пополнения воинских библиотек литературой духовно-нравственного содержания, а также организации экскурсий и паломнических поездок для военнослужащих. Сборы-2003 имели практическую пользу для работы и вызвали большой положительный отклик.**

И вот родилась идея: вернуть посох Пересвета Русской православной Церкви. Автор идеи — известный писатель Владислав Бахревский. «Стоит в музее сей безымянный неброский экспонат за стеклом, рядом с кольчугами. А ведь — былина и молитва, вспоминал писатель. — Даже приснилось потом: некто вручил мне дивный

этот посох. Сон я принял как призыв — вернуть святыню на Димитровскую гору». После чего он написал письмо губернатору Шпаку. Дескать, вы генерал, а в Рязани — знаменитое десантное училище. Чего бы не вернуть посох Церкви?»

Ответ пришел изумляющий: «... Для изучения вопроса из музея была получена справка об истории данного экспоната, в которой сообщается, что до настоящего времени не сделан его радиоуглеродный и дендро-хронологический анализ и утверждать с полной уверенностью о его принадлежности XIV в. невозможно. Кроме того, нет окончательного и единогласного мнения историков о личности самого Александра Пересвета. По версии одних, он являлся иноком Троицкого монастыря и был послан Сергием Радонежским к московскому князю Дмитрию Ивановичу. По ряду признаков из других источников, в том числе летописной «Повести...», Пересвет не был монахом Троицкого монастыря, и при перечислении имен погибших на Куликовом поле в ней прямо указано на Пересвета как на светского человека.

На основании изложенного принято решение о нецелесообразности использовать музейный экспонат «Посох Пересвета» в проведении богослужений и благословении военнослужащих, пока не будут проведены экспертные исследования и получены соответствующие заключения, подтверждающие его историческую ценность»²⁵.

Хоть стой, хоть падай. В дореволюционной Богословской энциклопедии читаем: «Пересвет (Александр) — инок Троице-Сергиевой лавры, родом боярин из Брянска, участвовал вместе с Ослябей в Куликовской битве, пал в поединке с татарским богатырем Челубеем».

«Не верите, господа, что посох, хранящийся в вашем музее, — посох Пересвета — верните его, откуда взяли без спросу, — в Димитровский монастырь»²⁶, — пишет Владислав Бахревский.

Но, как бы то ни было, возрождение православия в России — процесс необратимый. И вот в «Церковном вестнике» (октябрь 2005 г.) читаем: «Заслушав прошение архиепископа Рязанского и Касимовского Павла, Священный Синод постановил открыть Спасо-Преображенский мужской монастырь г. Рязани для возрождения в нем монашеской жизни и назначить игумена Игнатия (Депутатова) его наместником»²⁷.

4 апреля 2006 г. в зале церковных соборов храма Христа Спасителя приступил к работе X юбилейный Всемирный русский народный собор на тему: «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI ве-

*Церковный вестник. 2005. № 1–2. С. 4.

ке». Третий день работы Собора был посвящен выработке основополагающих документов и деклараций. Одна из них — «Резолюция в поддержку передачи Церкви зданий в Рязанском кремле»²⁸.

Ярославль-1

... С педагогическим вузом пришлось расстаться. И загремел бы тайный монах в действующую армию. Но в первые послевоенные годы она и без того была «переукомплектована», несмотря на то, что демобилизованные возвращались на «гражданку». «Недокомплект» образовался к 1954 году, когда о. Никодим был уже приходским священником и призыву в СА не подлежал.

... 1954 год. Коридоры военкоматов, стены железнодорожных и автомобильных вокзалов, речных пристаней оклеены приказом министра обороны СССР Николая Булганина, в котором предписывалось явиться на призывные пункты всем советским гражданам мужского пола, появившимся на свет в 1927–1935 годах. Причем в армию впервые в мирное время отправились бывшие заключенные. Почему? По двум причинам. Во-первых, в 1953 г. имела место знаменитая бериевская амнистия и многие из освобожденных уголовников продолжали болтаться без дела, наводя страх на мирных граждан. (С самыми отпетыми с трудом удалось управиться к концу года, но осенью «махновщину» призывать побоялись). Во-вторых, ощущалась острая нехватка рекрутов. Ведь из-за безумной коллективизации 1929–1930 годов, следствием которой стал страшнейший голодомор, произошел демографический провал.

В общем, оказалось, что в 1954-м в Вооруженные силы призывать было некого. Тогда, как водится, нашли выход и поскребли по сусекам. А сусеки, к сожалению, оказались криминальными, поскольку очень многие из ребят 1927–1933 годов рождения имели за плечами ссылку, побег, бездомное скитание, попрошайничество, воровство, лагеря и тюрьмы. Иные успели побывать за «колючкой» и дважды, и трижды. Этот контингент прибыл в казармы, и 27-летние ухари-блатари стали в один строй с 19-летними призывниками, зачастую не умевшими дать отпор матерым уголовникам*.

Так рождалась *дедовщина*, но о. Никодим от *дедушки* ушел...

* Егоров А. В каком году родилась дедовщина? // Независимое военное обозрение. № 5. 2007. С. 8.

Иеродиакон Никодим был рукоположен во иеромонаха и получил назначение на приход в селе Давыдово Толбухинского района Ярославской епархии. Он иногда вспоминал о сельском периоде своего пастырского служения.

— Приходят в церковь и просят причастить умирающую бабушку. А деревня — километрах в 15-ти от сельского храма. Беру запасные Дары, епитрахиль и отправляюсь в путь. На дворе распутица, приходится месить грязь на дороге. Бреду и не знаю, вернусь ли обратно к вечеру.

В те годы иеромонах Никодим ходил в сапогах и носил длинные волосы с прямым пробором. Так он выглядел на пожелтевших фотографиях, которые иногда доставал из шкатулки и показывал нам в Серебряном Бору. Вряд ли будущий «князь Церкви» рассматривал свое тогдашнее служение на сельском приходе как «трамплин» для прыжка в «высшие сферы». Тем не менее так оно буквально и вышло: «Из грязи — в князи».

В те годы на Ярославщине еще жили очевидцы кровавых событий, разыгравшихся здесь после 1917 г. О ярославском восстании 1918 г. рассказывали выгнанные из Казанского монастыря сестры обители. Две недели — с 6 по 21 июля — красноармейские орудия бомбили город так, что он превратился в руины. А в обители Казанской иконы Божией Матери разместили концлагерь. В середине октября 1919 г. часть заключенных перевели в Спасо-Преображенский монастырь, и лагерь получил название «1-й городской». Концлагерь № 2 разместили в Казанском монастыре, и он назывался «Административным». В ярославские концлагеря заключали участников крестьянских восстаний, а волнения по губернии шли повсеместно²⁹.

После того, как патриарх Тихон во всеуслышание осудил расстрел государя Николая II — кровавую расправу не только над помазанником Божиим, но и над всей семьей его, чадами и домочадцами — участь святителя была предрешена. «Наша совесть не может с этим примириться, — мужественно заявил патриарх Тихон в проповеди после литургии в праздник Казанской иконы Божией Матери 8/21 июля 1918 г. в Казанском соборе, находившемся по соседству с Кремлем. — Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть...»

Патриарх совершил панихиду по убиенному императору и благословил «архипастырей и пастырей молиться о сем на местах».

В сентябре 1918 г. святитель Тихон успевает еще посетить милый его сердцу Ярославль и Ростов Великий, но уже через два месяца последовал первый арест патриарха, за которым аресты и покушения на жизнь предстоятеля Русской православной Церкви уже не прекращаются до самой его кончины в Благовещенье 1925 г...³⁰

...Лучшим периодом своей жизни владыка считал годы служения на приходах Ярославской епархии (1949–1952). (В 1918 г. в одном Ярославле было три монастыря и 70 храмов. На 1980 г. во всей епархии (одной из самых богатых храмами в свое время) было 85 церквей). Из села Давыдово о. Никодим был переведен в Переяславль-Залесский, а затем в старинный Углич.

С особой любовью владыка вспоминал свое пребывание в Угличе. Отсюда он был взят «наверх», и за годы своей стремительной церковной карьеры никак не мог побывать в этом древнем городе. Это ему удалось сделать лишь за несколько лет до кончины — во время путешествия на теплоходе по Волге.

Теплоход шел по необъятному Рыбинскому водохранилищу. От бывшего лагерника — о. Павла Груздева владыка Никодим слышал рассказы об оставшихся под водой городках и селах, о криках, которые иногда чудились морякам, о всплывавших гробах. Но страшную догадку о том, что живых людей могли оставить на дне рукотворного моря, сознание не могло и допустить. Только недавно в книге «Русская Атлантида» был опубликован документ, не оставляющий иллюзий; он относится к 1940-м годам. Вот две строчки из рапорта начальника Мологского отделения лагпункта Волголага: «Докладываю, что число граждан, добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скербом при наполнении водохранилища, составляет 294 человека...»³¹.

В Угличе судно стояло несколько часов, и владыка совершил богослужение в приходской церкви. Глядя на старушек-прихожанок, он узнавал некоторых из них и даже вспоминал, что они, как и прежде, стоят в храме на своих привычных местах. В конце службы, когда прихожане подходили прикладываться ко кресту, одна из бабулек, подслеповато шурясь, сказала митрополиту: «Отец Никодим, что-то тебя давно не видно!».

Во время этого путешествия владыка ежедневно служил литургию в своей каюте. А когда «плановые» туристы отправлялись на экскурсию по очередному городу, святитель, в сопровождении иподиакона, садился на такси и посещал местные храмы, по большей части «музеефицированные» или «руинированные». А там, где был

действующий приход, владыка запасался просфорами для келейного богослужения на теплоходе.

Это были те редкие дни, когда святитель совершал моцион на палубе «ковчега» в «малом облачении» — в костюме и шляпе. Тем не менее его «вычислил» один из номенклатурщиков, занимавший соседний «полулюкс». И решил дать бой «отсталому церковнику». Вот какой у них состоялся диалог.

— А ведь среди естествоиспытателей не было верующих!

— А Исаак Ньютон, снимавший шляпу при слове «Бог»? А Грегор Мендель?

(Разговор был в те времена, когда основоположника генетики уже называли не «реакционным австрийским монахом», а «прогрессивным чешским ученым».)

— Да если вырвать из учебника естествознания страницы, посвященные открытиям ученых-верующих, то останутся только обложки!

И «упертый» марксист молча отошел, как побитая собака...

В январе 1952 г. иеромонах Никодим был назначен клириком кафедрального собора в Ярославле и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского, затем ключарем собора и с декабря 1954 г. — исполняющим обязанности настоятеля. Как-то владыка с иронией поведал об одном рязанском батюшке, ревнителе благочестия на греческий манер. Если во время причастия прихожанка называла свое имя: «Светлана», то следовало строгое внушение — надо говорить «Фотиния». Этого же он требовал придерживаться и от иеромонаха Никодима. Зная семью этого священника, о. Никодим спросил его: «А как святое имечко Вашей дочери?».

— Вера.

— Так и называйте ее по-гречески — «Писта»!

И любящий отец не нашел, что на это возразить.

Но эта история — детская игра, в сравнении с тем, что о. Никодиму довелось пережить в Ярославской епархии. Его постоянной «головной болью» был один протоиерей, из бывших обновленцев, который после войны покаялся и вернулся в юрисдикцию «тихоновской» Московской патриархии. А в те годы «просто так» раскаявшихся не прощали: в 1937 г. 37 архиереев-обновленцев «пропали без вести».

В свое время Дзержинский писал: «Церковь разваливается, это надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК,

а не кто-нибудь другой. Официальные или полуофициальные отношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию».

Заветы «рыцаря революции» свято хранил лидер НСДАП Адольф Гитлер. В январе 1939 года на заседании рейхстага он назвал обе Церкви — и Католическую и Протестантскую — врагами народа. Еще в годы войны сложилась фраза: нужно «кровью искупить свою вину перед Родиной, перед партией и лично перед товарищем Сталиным». А такие вот обновленцы-возвращенцы — отличный «материал» для вербовки.

Впрочем, обновленцы, как «социально близкие», были «на контакте» с ГПУ еще с начала 1920-х годов. Приведем один лишь документ, датированный 1921 годом, — выдержку из протокола Секретного отдела ВЧК: «Доклад по поводу осведомительной и агентурной работы ЧК по духовенству».

Вопрос осведомительной агентурной работы по духовенству самый больной в ЧК как по трудности его выполнения, так и по тому, что на него до сих пор ЧК мало обращала внимания. Для более быстрого и верного его проведения в жизнь необходимо на первых порах принять следующие меры:

1. Пользоваться в своих целях самим духовенством в особенности занимающими важное служебное в церковной жизни положение, как-то архиереями, митрополитами и т. п., заставляя их под страхом суровой ответственности издавать по духовенству те или иные распоряжения, могущие быть нам полезными, например: прекращение запретной агитации по поводу декретов о закрытии монастырей и т. п.

2. Выяснить характер отдельных епископов, викариев, дабы на черте честолубия разыгрывать разного рода варианты, поощряя их желаниям и замыслам.

3. Вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа в отдельности. Материалы могут быть добыты разными путями, главным образом через изъятие переписки при обысках и через личное знакомство с духовной средой.

Материальное заинтересование того или иного осведомителя среди духовенства необходимо, так как на одной этой почве еще можно договориться с попом, а надеяться на его доброжелательное отношение к Советской власти нельзя. При этом субсидии

денежные и натурой, без сомнения, их будут связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет ВЕЧНЫЙ РАБ ЧК, боящийся расконспирировать свою деятельность.

Должна практиковаться вербовка осведомителей и через застрачивание тюрьмой и лагерем по незначительным поводам — за спекуляцию, нарушение распоряжений властей и т. п. Правда, этот способ может быть полезным только в том случае, когда объект для вербовки слабохарактерный и безвольный...

Помощник Уполномоченного Со. ВЧК (подпись неразборчива)³².

Система осведомления, или доноительства, внедряемая в «массы» большевиками с первых дней Советской власти, действовала и в Церкви, как то явственно следует из доклада начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Е. А. Тучкова от 27 февраля 1924 г.: «Осведомление, которое создано за этот прошлый год по церковникам, вполне отвечает тому, чтобы сохранить негласное руководство церковью в наших руках, конечно, при условии, если будут даны соответствующие средства для их содержания»³³.

Большинство «тихоновцев» отказалось заглотить чекистскую наживку, было сослано в лагеря, расстреляно и пополнило сонм святых, «умученных от большевиков». Другое дело — обновленцы. Вернувшись в Московскую патриархию, они, «опираясь на органы», «дорвались до корыта» и вели себя нагло и бесцеремонно: ведь у них — солидная «крыша». «... Обновленческий раскол изжил быстро, незаметно и сам собою, — пишет «Журнал Московской Патриархии». — Народная верующая масса за обновленческим духовенством не пошла, и самозванные пастыри в большинстве случаев избрали благую часть: принесли раскаяние в содеянном — попытке растерзать хитон Христов — и возвратились в лоно Церкви в том сане и звании, в котором ушли из нее»³⁴.

Впоследствии владыка Никодим вспоминал: «Наорет на меня “оборотень”, обхамит... Стою у жертвенника, совершаю проскомидию, слезы текут...». Как зачумленные крысы, обновленцы привнесли в церковную среду инфекцию «стукачества»: посыпалась лавина доносов — надо было отрабатывать «должок». И лишь через несколько лет, когда о. Никодим «набрал вес», он смог дать отпор зарвавшемуся хаму с наперсным золотым крестом...

Приспособленчество сквозит через всю деятельность обновленческой Церкви. Пели «Многая лета благовернейшему Совнарком», заменяли кресты на могилах красными звездами с надписью

И. Х. Ц. И. (Иисус Христос, Царь Иудейский), выпускали плакаты и советские лозунги в рамках, составляли «молитвы» за успехи социалистического строительства, приветственные телеграммы ВЦИК от синода и т. п. Правда, однажды случился крупный прокол. Одного обновленческого иерея «шлепнули» как «контру» после того, как он первой пятилетке возгласил «Многая лета»...

Отец Никодим глубоко чтит память своего покровителя — архиепископа Димитрия, скончавшегося в 1956 г. на покое и принявшего перед смертью схиму. (В схиме он был наречен архиепископом Лазарем.) Прошли годы, и владыка Никодим отслужил в Кентерберийском соборе панихиду в годовщину его смерти, прославив своего адвоката на весь мир³⁵.

Иерусалим

25 февраля 1956 г. иеромонах Никодим был назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме, а затем — заместителем начальника Миссии. Здесь он попадает под начальство архимандрита Пимена (Хмелевского) (впоследствии наместника Троице-Сергиевой лавры, затем архиепископа Саратовского).

Нельзя сказать, что отношения игумена Никодима (при всем его умении ладить с людьми) были безоблачны в отношении его нового начальника. Впоследствии он говорил: «Тяжелый человек. Это самое трудное время моего священнослужения». Надо, однако, сказать, что мнение владыки Никодима здесь расходится с мнением большинства сотрудников архиепископа Пимена (Хмелевского). Большинство его подчиненных и учеников (и в Лавре, и в Московской Духовной Академии, где он преподавал логику, и в Саратовской епархии) его любили и уважали. Видимо, сказалась разница психологических типов монахов, представлявших Московскую Патриархию в Иерусалиме³⁶. (Биологи знают, что есть рыбки, которых нельзя держать в одном аквариуме — перегрызутся. Не то чтобы одни хорошие, а другие плохие, а просто — разные).

Вспоминает митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), Патриарший Экзарх Белоруссии.

Впервые я увидел владыку Никодима в 1956 году в Патриаршем Богоявленском соборе в Москве. По-видимому, это было 25 февраля — день тезоименитства Патриарха Алексия I. На службе появился молодой иеромонах с огромной «бородой Аароновой» и длин-

ной косой. Он приехал из Ярославля со своим правящим епископом и был представлен Святейшему Патриарху, который напутствовал его на послушание в Иерусалим в качестве члена Русской Духовной миссии. Свидетелем как раз этого момента я и оказался³⁷.

1950-е годы — это время усиления советского влияния на Ближнем Востоке. Важной вехой в истории Иерусалима была принятая 29 ноября 1947 г. резолюция ООН о разделе Палестины и о создании на ее территории двух государств — арабского и еврейского.

Проблема Палестины оказалась для ООН очень трудной. Великобритания, мандат которой истекал в мае 1948 г., настаивала на создании единого мультиэтнического палестинского государства. Другие члены ООН, учитывая конфликтные отношения между арабами и евреями, предлагали создание федеративного государства по типу Югославии или Швейцарии. Третий проект, который поддерживали прежде всего США и СССР, предполагал разделение Палестины на два самостоятельных государства — палестинское и еврейское. Обсуждать проблему Палестины в Совете Безопасности ООН было невозможно, так как Великобритания имела в этом случае право вето. Решение проблемы могло быть достигнуто только голосованием на пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Для подготовки проекта к голосованию была создана специальная комиссия по Палестине. Эта комиссия, работавшая несколько месяцев, рекомендовала для голосования в ООН именно тот проект двух государств, который поддерживали прежде всего США и СССР. Великобритания и все арабские и мусульманские страны были против. Главная сложность принятия рекомендованного проекта состояла в том, что по Уставу ООН за него должно было проголосовать не простое большинство, а две трети стран, входивших в ООН. В этих условиях позиция СССР, т. е. Сталина, была решающей. Сталин практически контролировал голоса пяти стран-членов ООН: СССР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Чехословакии и Польши.

В 1947 г. в ООН было всего лишь 60 членов. Страны, считавшиеся агрессорами в недавно закончившейся войне, — Германия, Япония, Австрия, Румыния, Венгрия и некоторые другие еще не были приняты в ООН. Большая часть африканских и почти половина азиатских стран все еще относились к разряду колоний³⁸.

Атмосфера дискуссии перед предварительным голосованием 25 ноября 1947 г. была очень напряженной. В поддержку создания

в Палестине двух независимых государств проголосовали 25 стран, 13 стран выступили против этого проекта и 17 стран, включая Великобританию и Югославию, воздержались. Югославия, хотя она входила в 1947 г. в советский блок, поддерживала идею федеративной Палестины. СССР, Украина, Белоруссия, Чехословакия и Польша поддержали план разделения Палестины на два самостоятельных государства³⁹.

Председателем советской делегации на этой сессии ООН был молодой Андрей Громыко, первый постоянный представитель СССР в ООН.

Ему не было и 30 лет, когда он попался на глаза Молотову, комиссару иностранных дел, который отбирал на смену репрессированным сотрудникам новые и надежные кадры. Требовалось рабоче-крестьянское происхождение, послушание и трудолюбие — качества, которыми в избытке обладал Громыко. И через два года он из мелкого чиновника дипломатической службы превратился в советника посольства в Соединенных Штатах. Прошло всего два года, и он стал в Вашингтоне самым молодым советским послом. Подталкивали его по служебной лестнице расположение министра и партийные чистки. Они расчистили для угодливых людей, лишенных самолюбия, не способных думать (или умеющих скрывать свои мысли), немало престижных и влиятельных постов. В 1946 г. Громыко назначается первым советским представителем в Совете Безопасности ООН.

По указанию Сталина Громыко в 1947–1948 гг. настойчиво выступал за признание права евреев на самостоятельное государство, умело и последовательно подбирая свои аргументы. Столь же убедительно он сумел обосновать впоследствии и разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем.

Выжив при Сталине, он укрепился при Хрущеве — стал министром иностранных дел. Хрущев никогда не сомневался в его лояльности и заметил как-то: прикажи он Громыко снять штаны и сесть на лед, тот будет покорно сидеть на нем, пока не прикажут ему встать⁴⁰.

Перед вторым решающим голосованием 29 ноября 1947 г. Громыко выступил с таким предложением: «... Опыт изучения вопроса о Палестине показал, что евреи и арабы в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал логический вывод: если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах

единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства — арабское и еврейское. Никакого иного практически осуществимого варианта, по мнению советской делегации, нельзя придумать...»⁴¹

В решающем голосовании Генеральной Ассамблеи ООН 33 страны поддержали резолюцию о создании независимых арабского и еврейского государств; 13 стран голосовали против этого проекта, и число воздержавшихся уменьшилось до десяти. Пять стран советского блока обеспечивали необходимое большинство в две трети. Если бы эти страны поддержали арабскую позицию, то соотношение «за» и «против» составило бы 28 к 18. Это не обеспечивало бы большинства в две трети, и поэтому создание Израиля не получило бы мандата ООН. Против создания Израиля в этом голосовании были мусульманские страны: Афганистан, Египет, Иран, Ирак, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия, Турция и Йемен. Голосовали также против Индия, Греция и Куба⁴².

Возмущенные принятым решением в пользу Израиля, арабские делегации покинули Нью-Йорк до окончания работы ООН.

Во время Второй мировой войны многие мусульмане питали симпатии к гитлеровской Германии и фашистской Италии, исходя из древнего принципа: «Враг моего врага — мой друг». Историческим фактом является то, что великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хуссейни, духовный руководитель палестинских арабов, в ноябре 1941 г. имел в Берлине встречу с Гитлером. В годы Второй мировой войны он жил в Германии, был офицером СС. Он организовал в рамках немецкой армии военное подразделение из арабов и вместе с Гитлером разрабатывал планы окончательного решения судьбы евреев в Палестине и завоевания района Ближнего Востока африканским корпусом фельдмаршала Роммеля⁴³.

В 1990 г. в Париже вышла в свет книга известных французских журналистов Роже Фалиго и Реми Коффера «Полумесяц и свастика». В ней рассказывается о связях арабских националистов с нацистской Германией. «Я встретился с авторами книги, — пишет парижский корреспондент «Литературной газеты» Кирилл Привалов. — Роже Фалиго показал мне символические фотографии. С Великим муфтием беседует фюрер, оба улыбаются — и Гитлер, и его гость. Правая рука вскинута в нацистском приветствии — Великий муфтий принимает парад дивизии Ваффен-СС — «Ятаган», сформированной из мусульман-боснийцев. Еще один снимок: Великий муфтий — руки благоговейно сложены на

жизноте — благодарит Аллаха за создание в Берлине «Арабского легиона» из добровольцев, рвущихся в рядах СС бороться с «неверными»⁴⁴.

... В связи с тем, что иерусалимские святыни, связанные с историей трех религий, имеют исключительную ценность в глазах сотен миллионов верующих, было решено, что Иерусалим должен быть интернационализирован и наделен особым статусом. Этому вопросу был посвящен особый раздел резолюции (параграф 13. Святые места), где говорилось следующее:

а) уже существующие права в отношении Святых мест или зданий и мест, предназначенных для религиозных целей, не подлежат отмене и не могут быть ограничены;

б) свободный доступ к Святым местам или в здания и участки, предназначенные для религиозных целей, и свободное отправление богослужения обеспечивают в соответствии с существующими правами при условии соблюдения требований в отношении поддержания общественного порядка и благопристойности;

в) Святые места и здания и участки, предназначенные для религиозных целей, подлежат охранению. Не разрешаются никакие действия, которые могут нарушить их священный характер.

Когда Израиль был формально провозглашен 17 мая 1948 г. независимым государством, то на следующий день США признал это государство, но только де-факто, что не подразумевало полных дипломатических отношений. СССР признал Израиль через два дня и сразу де-юре. СССР был первой страной, установившей с Израилем дипломатические отношения. США сделали такой же шаг лишь в 1949 г.⁴⁵

Первая арабо-израильская война началась сразу же после провозглашения независимого Израиля. Войска семи арабских стран: Трансиордании, Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Саудовской Аравии и Йемена, — 15 мая 1948 г. вторглись на территорию Палестины. В результате арабо-израильской войны (1948–1949) Иерусалим был разделен демаркационной линией на две части: западная вошла в состав Израиля, восточная часть, включавшая «Старый город» с его святынями — в состав Иордании.

В те годы у Советского Союза еще не было «каналов влияния» в арабском мире, и поэтому Сталин сделал ставку на Израиль. В этой войне именно Советский Союз оказал Израилю быструю и эффективную военную помощь. Через Чехословакию и Румынию в Израиль было отправлено по морю большое количество оружия

всех видов. Большая часть этого оружия была из запасов немецкого трофейного снаряжения. Поставки включали пулеметы, минометы, артиллерию и немецкие истребители «мессершмиты». Немецко-советско-еврейские самолеты перегонялись в Израиль, где они, часто с хода, вступали в воздушный бой с противниками. (В те годы родилась шутка: «Как называется песня еврейского летчика?» — «Полет Шмуля».)

Великобритания, напротив, поставляла оружие зависимым от нее арабским странам. Все эти страны, кроме Ливана, были в 1947 г. монархиями, созданными Великобританией после Первой мировой войны. США объявили эмбарго на поставки оружия в этот регион.

Вместе с оружием из стран Восточной Европы в Израиль приехало большое число военных — евреев, имевших опыт участия в войне против Германии. Секретно отправлялись в Израиль и советские офицеры. Появились большие возможности и у советской разведки. Использование офицеров советской разведки в боевых и диверсионных операциях против англичан в Палестине было начато уже в 1946 г.⁴⁶

Речь даже шла о том, чтобы послать на помощь Израилю «ограниченный контингент еврейских воинов-интернационалистов» под командованием фронтового генерала Драгунского. (По иронии судьбы, после шестидневной войны 1967 г. и разрыва советско-израильских отношений, именно Драгунскому будет приказано возглавить антиссионистский комитет.)

Нередко высказывается предположение о том, что Сталин стремился присоединить Израиль к советскому блоку. Но такого намерения у Сталина не было. Проамериканская ориентация Израиля была слишком ясной. Новая страна создавалась на деньги богатых американских сионистских организаций, которые оплачивали и то оружие, которое закупалось в Восточной Европе. Тем не менее, по мнению Сталина, создание Израиля отвечало в тот период и на обозримое будущее внешнеполитическим интересам СССР. Поддерживая Израиль, Сталин «вбивал клин» в отношения США и Великобритании и в отношения между США и арабскими странами. Сталин предвидел, что арабские страны в последующем повернутся в сторону Советского Союза, разочаровавшись в англичанах и американцах из-за их поддержки Израиля. Помощник Молотова Михаил Ветров передал слова Сталина: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конеч-

ном счете британское влияние будет полностью подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке»⁴⁷.

... В благодарность за своевременную помощь израильское правительство передало Русской православной Церкви ее недвижимость, находящуюся на территории к западу от демаркационной линии. Так была возрождена деятельность Русской духовной миссии в Иерусалиме. (Представители Зарубежной русской Церкви покинули территорию Израиля, но в их владениях остались храмы, находившиеся в Восточном Иерусалиме под контролем Иордании.)

31 марта 1957 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич, сконч. в 1961 г.) возвел о. Никодима в сан игумена с возложением палицы. 25 сентября этого же года игумен Никодим был возведен в сан архимандрита. Будучи начальником Русской духовной миссии в Палестине (1957–1959), о. Никодим выучил древнееврейский и греческий языки и владел ими в совершенстве. (Впоследствии, в редкие минуты отдыха, он иногда просил своих «приближенных» сказать какую-нибудь фразу по-русски, и тут же произносил ее на иврите. Евангелие от Иоанна за пасхальным богослужением владыка также читал на иврите, а уже потом — и на «иных языках».)

Москва

В марте 1959 г. по благословению Святейшего патриарха Алексия I (Симанского, сконч. в 1970 г.) архимандрит Никодим вернулся в Москву и был назначен заведующим канцелярией Московской патриархии, а 4 июня — одновременно и заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС). Митрополит Никодим вспоминал о своих первых шагах в Чистом переулке, где располагается патриаршая резиденция. (Чистый переулок, д. 5. До начала Великой Отечественной войны в этом здании располагалась резиденция германского посла; в 1943 г. особняк был передан Московской патриархии.)

В 1959 г., перед встречей со Святейшим Патриархом Алексием I будущему владыке был дан ценный совет. Один из служащих, входивший в ближайшее окружение патриарха, сказал архимандриту Никодиму: «Святейший не любит, когда при обсуждении каких-либо вопросов беспрестанно повторяют: “как скажете! как благословите!”. Надо отвечать по-деловому: “Я считаю, что следовало бы поступить так-то и так-то”». Совет был с благодарностью при-

нят, однако владыке не нужно было искусственно «подыгрывать» патриарху во время аудиенции. Эта линия поведения вполне соответствовала его деятельной и самостоятельной натуре.

Пользуясь благорасположением патриарха Алексия I, владыка часто бывал по делам в Чистом переулке. Как это нередко бывает, «доступ к телу» начальства регулируют секретари. Таким влиятельным «царедворцем» был тогда Данила Андреевич Остапов. (официально его личный секретарь, наследственный лакей в семье Симанских). Многие архиереи вынуждены были мириться с его капризами, дабы не попасть в немилость к Святейшему. Его называли «Даниил всея Руси» или даже «Имже вся быша».

Во второй половине 1940-х годов Остапов боролся за «сферы влияния» с протопресвитером Николаем Колчицким. Приспешники Колчицкого хотели расправиться с Данилой, но у них оказались коротки руки. При попытке его арестовать патриарх Алексий I обратился лично к Сталину, и Данила был немедленно освобожден⁴⁸.

Интересные сведения о протопресвитере Николае Колчицком содержатся в воспоминаниях А. Э. Краснова-Левитина.

Николай Федорович Колчицкий родился в 1892 г. в семье священника, под Харьковом. Украинская национальность сказывалась в особой певучей манере разговаривать, в произношении буквы «е». Сын священника, окончив Харьковскую Духовную семинарию и Московскую Духовную Академию, он возвращается к себе на родину, где становится приходским священником и законоучителем в женской гимназии. В этом сане и в этой должности застает его революция.

Священник, любящий уставное богослужение, умеющий хорошо, с чувством, служить, умеющий говорить проповеди, — правда, посредственные, но доходчивые, рассчитанные на простой народ, — он быстро приобретает популярность среди своих прихожан.

Во время Церковной смуты Колчицкий занимал уклончивую позицию, не примыкая ни к одной из борющихся партий, а в 1924 г. как-то странно очутился в Москве. Официальная версия гласит, что он был выслан из Харькова. (Выслан в Москву?! Странное место ссылки.)

Затем он становится священником Елоховского, тогда еще не кафедрального, но одного из центральных храмов Москвы. В конце 1920-х годов, после поголовного ареста почти всех священнослужителей Елоховского собора, он становится его настоятелем.

Чем был занят тогда отец настоятель? На этот вопрос может ответить некий документ, находившийся в архивах Московской Патриархии и который хранился у митрополита Николая. В 1960 г. мне пришлось с ним познакомиться. Документ представляет собой прошение на имя заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия от имени прихожан Елоховского Богоявленского собора. Документ написан идеальным каллиграфическим почерком, составлен хорошим литературным языком, он очень убедительно рассказывает о заслугах отца Николая Колчицкого и заканчивается просьбой наградить его митрой. Документ тем более убедителен, что написан почерком отца Николая Колчицкого. Характерные для него обороты не оставляют сомнения в его авторстве. Вскоре он действительно был награжден митрой.

В 1930 г. отца Николая постигло горькое испытание: он был арестован и заключен в знаменитую тюрьму на Лубянке. О его пребывании там рассказывал многим людям совместно с ним арестованный известный московский протоиерей о. Димитрий Боголюбов. «Во время одной из ночных бесед, — рассказывал о. Димитрий, — следователь вдруг меня спрашивает: «Не хотите ли у нас послужить?» А я притворился дурачком и спрашиваю: «А что, разве у вас здесь есть храм?» На другой день меня перевели в Бутырку и дали десять лет, а Колчицкого выпустили. А почему?»

На этот риторический вопрос отца протоиерея отвечает дальнейшая судьба Николая Колчицкого. «Пожар способствовал ей много к украшению», как говорил про Москву Фамусов. После ареста происходит стремительный взлет отца Николая к вершинам. Он становится (после закрытия Дорогомиловского собора) настоятелем кафедрального собора Москвы, занимает должность заместителя Управляющего делами Московской Патриархии. А после назначения архиепископа Сергия Воскресенского в Ригу в 1940 г. становится Управляющим делами Московской Патриархии.

Он неразлучен с митрополитом Сергием. Не отходит от него ни на шаг. Так как митрополит страдал в это время глухотой, то беседа Патриаршего Местоблюстителя с посетителями происходила так: Николай Федорович опускался на колени перед креслом престарелого митрополита и кричал ему в ухо слова собеседника. Таким образом, ни один из посетителей не проходил мимо внимания Николая Колчицкого. «Он отвечает за митро-

полита Сергия», — сказал мне однажды митрополит Александр Введенский. «Перед кем?» — спросил я. «Во всяком случае, не перед Церковью», — ответил тот, улыбаясь по обыкновению моей наивности.

Высшей своей точки достигла власть Николая Колчицкого в послевоенное время, при патриархе Алексии, когда он становится буквально царем и богом. Назначает архиереев, отправляет их на покой, выгоняет священников, поставяет их, причем, по имеющимся сведениям, в это время он запятнал себя совершенно беспрецедентной в Русской Церкви симонией.

Будучи облечен саном протопресвитера (единственного в Русской Церкви), он становится поистине полновластным ее хозяином. И только 1956–1957 гг., которые ограничились властью КГБ, покончили заодно и с непрерываемой властью эmissара этого учреждения в Церкви⁴⁹.

Ссориться с Даниилом было «неполезно для пользы дела» и о. Никодиму приходилось терпеть прихоти самодура. Приходилось даже прибегать к тому, что позднее в отношениях США с Китаем называлось «пинг-понговой дипломатией». Только в Чистом вместо теннисного стола «хитрые игры» проходили на шахматно-шашечной доске. «Князь Данила» и о. Никодим хорошо играли в шашки, но будущий святитель был «на разряд» сильнее. Коротая время в приемной патриарха, они частенько уподоблялись гоголевским персонажам: «Давненько я не брал в руки шашки...». И, дабы снискать благосклонность влиятельного старца, молодой архимандрит «подставлялся» и проигрывал партию. Но Данила и не подозревал, что именно его взял «на фук» тот, кто вскоре выйдет «в дамки».

Но подавленные чувства искали выхода, и после кончины Алексия I владыка нередко вспоминал эпоху «остаповщины». В рассказах митрополита часто фигурировал такой эпизод. Один архиерей, которому уже нечего было терять, прибыл на аудиенцию к Святейшему и просил Остапова доложить. Данила тянул время, дескать, патриарх сейчас занят, нужно подождать еще и еще... Наконец чаша терпения архиерея переполнилась, и он резко произнес: «Мирянин Остапов! Если патриарх скажет мне ждать, я могу сидеть хоть сутки. Но Вас ждать я не намерен ни минуты. Немедленно доложить!» И Данилушка поплелся в покои...

Вспоминает А. Э. Краснов-Левитин.

Примерно в 1948 г. в патриаршем окружении появляется семья Остаповых. Было это так. В Вильно к местному митро-

политу Корнилию обратился один пожилой человек, который заявил, что он родился в доме Симанских, знает Патриарха с детства и долгое время состоял при Сергее Владимировиче, когда он был студентом, после его пострижения в монашество, после его рукоположения в епископа. Затем гражданская война разлучила его с патриархом надолго.

Митрополит Корнилий направил его к патриарху. Патриарх принял его как родного, немедленно устроил его с семьей в патриархию на место заведующего хозяйственной частью. Вскоре он делается наиболее близким к патриарху человеком. Такого необыкновенного влияния семьи Остаповых на патриарха — влияния, возмраставшего с каждым годом, длившегося до самой его смерти. Остапов с его огромным влиянием на церковные дела стал притчей во языцех. О нем говорили без конца, а недруги дали ему язвительную кличку «Распутин».

Между тем мы здесь имеем дело с интереснейшим психологическим феноменом. Святейший Патриарх Алексей, окруженный необыкновенной византийской пышностью, имея множество резиденций, располагая большими средствами, на самом деле был очень одиноким человеком. Будучи монахом, он не имел семьи (в скобках сказать, как безусловно честный монах, он не имел никогда и никаких негласных связей). Он не мог доверять ни одному человеку к нему приближенному, так как почти все они были связаны с госбезопасностью, во всяком случае, не было никаких гарантий, что они были этому чужды.

Все стены Московской Патриархии были, безусловно, снабжены подслушивающими устройствами, и каждое слово патриарха улавливалось. Единственным близким человеком была сестра; однако после ее отъезда в Киев и поступления там в монастырь и она отошла. В этом положении, вполне понятно, патриарх привязался к семье, которую он знал с детства, к людям, которым он мог безусловно доверять.

Даниил Андреевич Остапов был сыном лакея, который служил в доме Симанских, а дед его был еще их крепостным. Сам Даниил Андреевич, родившийся в этом же доме, был казачком у молодого барина, а затем долгое время состоял при нем в качестве камердинера. Его сын, названный в честь покровителя семьи Алексеем, был крестником патриарха.

В связи с появлением семьи Остаповых в окружении патриарха разыгрался эпизод, очень характерный для того времени. Щадя

седины одного из действующих лиц, ныне облаченного высоким саном, опузу его имя. Это духовное лицо решило, чтоб избавиться от Даниила Андреевича, пустить самый главный козырь — МГБ. Было использовано пребывание Даниила Андреевича во время войны в Литве, на оккупированной немцами территории. По дороге из Лавры после одного из торжеств Даниил Андреевич был арестован в поезде — и водворен во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Никто, однако, не учел реакции патриарха Алексея. Святейший имел лимит: он мог раз в неделю говорить сорок минут по телефону со Сталиным. Этой привилегией он, однако, ни разу не пользовался. Воспользовался ею только один раз — после ареста близкого ему человека. Позвонив Сталину, патриарх заявил с несвойственной ему твердостью, что он решил уйти на покой, если не освободят Даниила Андреевича Остапова, так как это единственный человек, которому он доверяет. В тот же день Даниил Андреевич был освобожден. После этого никто уже не смел выступить против Остапова.

Враги его, однако, притаились и ждали момента, чтобы ему отомстить. Они действительно свели с ним счеты самым низким и постыдным способом. После смерти патриарха Даниил Андреевич был вновь арестован в 1973 г., и неизвестно, какова бы была его участь, если бы ему не пришел на помощь на этот раз... Андрей Дмитриевич Сатаров⁵⁰.

Патриарх Алексей I отличался аристократическими манерами. Род Симанских принадлежал к псковскому дворянству; в юношеские годы будущий святитель учился в московском Лазаревском институте восточных языков, в Императорском лицее памяти цесаревича Николая Александровича (Москва), а в 1896–1899 гг. — в Московском университете на юридическом факультете (по этому поводу шутили — государством правит семинарист, а Русской Церковью — юрист).

Владыка Никодим вспоминал такой эпизод. На одном из дипломатических приемов, где присутствовал весь тогдашний «истеблишмент», Святейший беседовал с французским послом. И вот, прокладывая локтями путь среди гостей, к патриарху пробился простодушный клирик, работавший в Чистом. Желая сообщить святителю что-то важное и срочное, батюшка вклинился в беседу: «Дык! Дык!» Патриарх на секунду прервал разговор, ведшийся по-французски, и, величественно обернувшись к «гонцу», спросил:

«Comment?». Смешавшись, тот начал пятиться задом, тихо приговаривая: «Так ить, так ить...»

Вполне понятно, что Святейший сводил свои контакты с Советом по делам религий к минимуму: «не тот уровень». И владыке Никодиму приходилось брать на себя черновую работу...

1959–1964 гг. — период хрущевских гонений на Русскую православную Церковь, массового закрытия храмов. Непоследовательность Хрущева можно отчасти объяснить ограниченностью его власти и страхом перед взрывной силой разоблачения Сталина. Впоследствии он сам признавался: «Мы испугались... сильно испугались. Мы боялись, что оттепель вызовет наводнение, которое мы не сможем контролировать и которое потопит нас». Обращаясь к своим оппонентам, Хрущев как-то заметил: «Сталинист сидит в каждом из нас. Я и сам немножко сталинист»⁵¹.

Утвердилось мнение, что Никита Хрущев — диаметрально противоположность Иосифу Сталину. Как же, на XX-м съезде развенчал тирана, невинных выпустил из темниц, оттепель подпустил, свободу как мог отстаивал. Так и гуляет этот миф до сих пор с легкой руки либералов-шестидесятников. «Некоторые люди ждут, пока я подохну, чтобы возродить Сталина и его методы, — говорил он в 1962 г. — Поэтому перед смертью я хочу уничтожить Сталина и уничтожить этих людей, чтобы нельзя было повернуть вспять часы истории»⁵².

Рассмотреть фигуру Хрущева с более объективных позиций помогли архивные документы. И мы узнали, что не прост был размашисто многословный Никита, ох не прост! Дважды в предвоенные годы лично руководил зачисткой партийных и советских кадров на Украине. Только на втором заходе «искоренил» более 100 тысяч «врагов народа». А будучи первым секретарем Московского горкома партии, танком прошелся по троцкистам и всяким «левым—правым уклонистам».

Лично Хрущев возглавлял «тройку», которая выносила внесудебные приговоры кадрам, и подписал в 1935–1937 гг. более 130 тысяч смертных обвинений в Москве. (Делалось это легко. Вверху расстрельного списка, наискосок, напиши три буквы: *ВМН* — *высшая мера наказания* — и спи спокойно. Смотреть в глаза жертвам не надо.) За что был введен в состав Политбюро. А по мастерству плести интриги не было ему равных на олимпе верховной власти после смерти вождя.

Можно взять подшивку «Правды» за январь 1938 г. и прочитать

речь Никиты Хрущева на митинге, собранным им же на Красной площади. Речь с людоедскими, кровожадными призывами расправиться с такими «бешеными собаками», как Бухарин и Рыков, еще ожидавших приговора суда.

Хрущев, организовав арест Берии и выступив на XX-м съезде с якобы закрытым разоблачением репрессий, а на деле устроив преднамеренную утечку информации, фактически развязал себе руки. При этом, как единодушно утверждают исследователи, он предусмотрительно уничтожил через своего человека в КГБ генерала Ивана Серова (Серов — председатель КГБ с 1954 по 1958 г.) все или почти все документы о личном участии в массовых политических расправах.

Из интервью с бывшим председателем КГБ Владимиром Семичастным.

— *Идут разговоры, что Хрущев уничтожал изобличающие его документы времен культа личности...*

— *Такие разговоры идут. Почему? Да потому, что когда Хрущев выступил с разоблачением культа Сталина, пришлось приводить многие решения на «расстрельных письмах» с росписями Молотова, Кагановича, Микояна и других... А росписи Хрущева на них нет, как будто бы он не участвовал. Это тоже вводит на мысль о том, что кто-то (и, скорее всего, именно с ведома Серова) сделал так, чтобы росписи Хрущева испарились.*

— *А что? Можно сделать так, чтобы каких-то подписей не стало?*

— *Ну конечно! Можно все вытравить. Например, в мое время в паспортах Гали Брежневой и Игоря Кио не осталось и следа, что дочь Брежнева вопреки желанию отца вышла замуж за фокусника. Так что при Серове и с росписями Хрущева такое же могло быть. А некоторые документы могли быть и вовсе уничтожены*⁵³.

Жестокость, коварство и хитрость уживались в Хрущеве с безрассудством и «истинно революционной отвагой». Отсюда «последний и решительный» бой с Церковью (тысячи закрытых, сотни взорванных храмов; практический запрет на профессию священнослужителей, преследование верующих), окончательное «решение частнособственнической стихии» (отмена «кустарного» производства, сокращение личных подсобных хозяйств у крестьян), масштабная авантюра с целиной и кукурузой, смертельно опасные игры с размещением ракет с ядерными боеголовками на Кубе... Полная ли

он противоположность своего учителя, выпестовавшего его и выведшего в люди? Уж очень много у них обнаруживается общего и даже тождественного.

Уже в наши дни приговором Хрущеву стали слова А. Н. Яковлева, руководителя Комиссии по реабилитации жертв незаконных репрессий: «Крови на совести Хрущева не меньше, а по сравнению кое с кем и больше!»⁵⁴.

В то время был принят следующий порядок закрытия храмов: церкви закрывались руками архиереев. От архиерея, «сориентированного» соответствующим образом уполномоченным Советом по делам религий, приходил указ местному священнику сдать все церковное имущество представителю горсовета, а самому переходить на новое место служения (по указанию епископа). Там, где сопротивление народа закрытию храма было особенно яростным, архиерей лично являлся в храм, забирал антиминс, и богослужение автоматически прекращалось. Подобный случай имел место, в частности, около Днепропетровска, когда архиепископ Иосаф, придя в женский монастырь во время проскомидии и войдя в алтарь, положил Агнца в карман рясы и объявил, что литургии не будет⁵⁵.

Митрополит Николай (Ярушевич)

Тогдашний председатель ОВЦС митрополит Николай (Ярушевич) пытался протестовать против закрытия храмов. В то время он исполнял обязанности «министра иностранных дел» Русской православной Церкви. Вся дипломатическая часть — связь с иностранцами всех рангов и калибров — лежала на нем. Все, чем занимается теперь целое учреждение — Отдел внешних сношений при Патриархии, насчитывающий десятки сотрудников, — делал он сам при помощи трех-четырех человек, исполнявших главным образом технические обязанности.

В это время он выполнял ряд ответственных поручений, среди которых бывали порой и весьма двусмысленные. Вместе с академиком Николаем Бурденко митрополит Николай оказался в центре международного скандала, связанного с так называемым Катынским делом — расследованием трагической судьбы нескольких тысяч польских офицеров, могилы которых были обнаружены весной 1942 г. немецкими оккупантами в Хатынском лесу под Смоленском.

Катынь, Катынский лес — место массового расстрела и захоронения польских офицеров, попавших в плен к Красной армии в

1939 г., а в 1941 г. оказавшихся в руках германского вермахта. После проведения раскопок и эксгумации трупов немецкие власти официально объявили виновниками в преступлении органы ОГПУ. Этот вывод немцев подтверждали сведения, полученные от местного населения.

Советское правительство отвергло это обвинение и уверенно заявило, что преступление в Катыни является делом рук немцев. После освобождения Смоленска от фашистов Сталин объявил о создании (во главе с Бурденко) «Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Бурденко Николай Нилович (1876–1946) — хирург; один из основоположников нейрохирургии в СССР; академик АН СССР (1939 г.); первый президент Академии медицинских наук (1944–1946); государственный и общественный деятель.

Среди членов комиссии были митрополит Николай, писатель А. Н. Толстой. В официальном сообщении от 24 января 1944 г. Комиссия Бурденко категорически заявила, что польские офицеры стали жертвами террора, совершенного фашистами. Однако ряд польских исследователей и представителей Международного Красного Креста не согласились с этими выводами. Они утверждали, что в Катынском лесу в 1940 г. были расстреляны польские офицеры, интернированные в СССР после вступления 17 сентября 1939 г. частей Красной армии на территорию Польши.

В феврале 1952 г. специальная комиссия конгресса США занялась расследованием обстоятельств Катынского преступления. Комиссия направила материалы расследования в Международный суд в Гааге. Однако Советский Союз отказался с ним сотрудничать⁵⁶. А митрополит Николай в опубликованном им послании, в частности, заявил: «Правящие круги США в своем безудержном стремлении клеветать на мою Родину выступили с новой чудовищной провокацией... Во мне как участнике расследования Катынского преступления закипает жгучее чувство протеста против такой отвратительной провокации... Преступник, пытающийся приписать свое злодеяние другому, — предел нравственного падения человека... Провокаторам не удастся опорочить великую миролюбивую державу, мою Родину, знаменосца мира во всем мире!..»⁵⁷

Руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и польское правительство до 1956 г. безоговорочно поддерживали

версию Комиссии Бурденко. В крайнем случае допускалось, что польских офицеров в Катыни расстреляли обыкновенные неизвестные, а СССР с ГБ ни при чем. Потому как не существует такого листка бумаги, на котором было бы написано: каждому из двадцати тысяч этих несчастных (список прилагается) связать руки за спиной, поставить каждого на краю вырытой им самим ямы, выстрелить в затылок, зарыть, землю разровнять; подпись: любимый руководитель. А существует, в лучшем случае, листок, на котором почерком любимого руководителя нацарапано: принять меры. А какие — не сказано. Может быть, он имел в виду выдать каждому из заключенных по патефону с набором пластинок, чтобы они слушали, предположим, Шопена.

А значит, убиты они (если вы так уж настаиваете, что убиты) неустановленными лицами с неустановленной целью. Вот вам и вся истина, другой не ждите. В любом преступлении против человечности никто не окажется виноват, поскольку каждый исполнял приказ другого — тоже невиноватого, поскольку не докажете, что приказ был⁵⁸.

Однако в 1991 г. группа советских историков представила в ЦК КПСС архивные документы, свидетельствующие о расстреле польских офицеров советскими властями. Приведем фрагменты одного документа.

**«Особая папка. Совершенно секретно.
Для товарища Хрущева Н. С.**

Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) — 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова — 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) — 6311 человек и 7305 были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. . .

. . . Для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. . . Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 г. по названной выше операции. . .

Председатель КГБ при СМ СССР А. Шелепин

3 марта 1959 года»

Так «Железный Шурик» подставил митрополита Крутицкого и Коломенского. . .

Непосредственно приговор о расстреле более 20 тысяч офицеров польской армии был вынесен Особым совещанием НКВД СССР на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1940 г. Завершение дела по уничтожению более 20 тысяч человек отметили в Москве. 26 октября 1940 г. появился секретный приказ за подписью Лаврентия Берии о награждении работников НКВД за успешное выполнение специального задания месячным окладом. В списке значилось 143 фамилии. Офицеры госбезопасности, надзиратели, шоферы⁵⁹.

В материалах советской комиссии имеется свидетельство смертельно больного Бурденко. В 1946 г. он рассказал своему другу Ольшанскому, бывшему профессору Воронежского университета, уехавшему из СССР на Запад, следующее: «Выполняя личное распоряжение Сталина, я отправился в Катынь, где как раз вскрыли могилы. . . Все тела были погребены 4 года назад. Смерть наступила в 1940 году. . . Для меня как для врача это очевидный факт, который невозможно поставить под сомнение. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку»⁶⁰.

Катынское дело в течение десятков лет бросало тень на польско-российские отношения. Лишь после десяти лет конструктивного польско-российского диалога, а также после многих усилий и стараний одна из самых важных страниц в истории Катынского дела была закрыта. В местах гибели и тайного захоронения польских офицеров были наконец созданы польские военные кладбища.

Президент России Борис Ельцин говорил: «Наши отношения будут наконец очищены от отравлявшей их в течение многих лет чуждовищной лжи». В Польше хорошо помнят визит президента Ельцина в «Варшавскую резиденцию» в Катыни под крестом, который увековечивает память жертв Катынского преступления⁶¹.

Из истории человечества хорошо известно, что для уничтожения нации достаточно уничтожить ее образованные классы. Немцы в 1939 г. начали свою политику уничтожения польской нации с расстрела всех без исключения профессоров Краковского университета. А сотрудники НКВД продолжили «дело фюрера» в Катыни. Однако «ленинская гвардия» начала уничтожение российской нации еще в 1918 г. с расстрела в Петрограде и Москве сотен заложников, состоявших из гимназистов, студентов, профессоров, чиновников. Кто-нибудь из защитников Октября и сталинского социализма

отдает себе отчет, как много будущих Королевых, Туполевых, Курчатовых потеряла российская нация во время красного террора и сталинских репрессий тридцатых годов?

После окончания Великой Отечественной войны митрополит Николай, в частности, руководил массовым возвращением русских эмигрантов из Франции и других стран в СССР, — пишет А. Э. Краснов-Левитин. — Его появление во Франции осенью 1945 года вызвало сенсацию среди русской колонии. Благостный владыка, елейный, с типично русским лицом, носящий имя в честь святителя Николая Чудотворца — исконного покровителя святой Руси, — владыка казался эмигрантам воплощением старой Руси, которая, как хотелось им думать, вновь ожила в дни войны.

Не надо при этом забывать, что старая эмиграция, особенно во Франции, была совершенно дезориентирована. Все старые эмигрантские газеты прекратили свое существование; старые, общеизвестные деятели эмиграции или умерли, или доживали последние дни, или сами были полностью дезориентированы.

Как рассказывал мне митрополит, вернувшийся из поездки в Париж, он имел обстоятельный разговор с Иваном Алексеевичем Бунинным, причем митрополит считал возвращение Бунина вопросом решенным. (Говорят, только дикая расправа с Ахматовой и Зощенко в августе 1946 г. отрезвила старика и удержала от возвращения.)

О чем говорить, если Н. А. Бердяев, знаменитая Кшесинская с сыном приняли советское гражданство! Митрополит Евлогий принял митрополита Крутицкого с распростертыми объятиями и воссоединился с Патриархией. Надо ли удивляться тому, что тысячи простых людей, бывших поручиков, прапорщиков, титулярных и надворных советников, — потекли на Родину. Встречал их потом сотнями в тюрьмах и лагерях.

Знал ли митрополит о готовящейся им участи? Вряд ли. Верно, и он находился во власти некоторых иллюзий. Но только лишь некоторых. Уж он-то, прошедший всю жизнь в Советском Союзе, хорошо знал, чего стоит слово советского правительства и как можно верить Сталину. Все это он понимал в подсознании, но старательно отгонял от себя эти мысли. Им владела одна лишь идея: ему казалось, что таким образом можно не только восстановить Церковь, но и утвердить ее существование на века.

Когда позже, при Хрущеве, выяснилась вся эфемерность этих

надежд, он нашел в себе мужество открыто выступить в защиту Церкви⁶².

А теперь слово протоиерею Владимиру Тимакову.

Митрополит Николай постоянно был в разъездах по границам и свидетельствовал, что времена гонений на Церковь прошли. Можно себе представить, какое впечатление такие речи производили на слушателей-эмигрантов. Остаться без Родины, жить в безытийности очень тяжело. Огненная проповедь о всяческой свободе и беззаветно любимой Отчизне, за которую они, собственно, и страдали, пала на плодотворную почву, и некоторые стали возвращаться в Россию.

Сейчас доподлинно могу засвидетельствовать только один факт. Приехала семья: отец, мать и две дочери. Советского радушия только и хватило до встречи на границе, по пересечении же ее их сразу отправили в ссылку в Казахстан, на поселение; хорошо хоть не за колючую проволоку. Младшая дочь, еще девочка, тайно прямо из Казахстана одна приехала в Москву. Отыскала храм митрополита Николая, пришла на его службу и, подойдя к нему, сказала: «Владыко, Вы обманщик. Вы советовали моим родителям возвратиться в Россию, гарантировали свободу. Вот мы приехали, и нас сослали в Казахстан. Я одна пробралась в Москву, чтобы Вам за все сказать спасибо».

Митрополит Николай был ошеломлен, тут же отправился к председателю Совета по делам Русской православной Церкви Карпову, описал ситуацию, выразил возмущение и недовольство тем, что власти спекулируют его именем... Это возымело действие — попавшую в беду семью освободили, но какими усилиями далась им свобода!*

Митрополит Николай стал говорить проповеди против атеизма и атеистической пропаганды. Одно время, протестуя, на некоторое время он перестал выпускать «Журнал Московской Патриархии», либо выпускал его очень «тощим» (митрополит Николай был тогда ответственным за издание ЖМП). Конечно, такой бойкот Советской власти не нравился.

К тому же митрополит Николай был автором февральской 1960 г. речи Святейшего Патриарха Алексия I на собрании миротворческой общественности. Защитительная речь патриарха, мяг-

* Тимаков В., протоиерей. Церковь и атеистическое засилье в 40–80-х годах // Альфа и Омега. № 1 (42). М., 2005. С. 229–230.

кий его протест, вызвал бурю ярости и гнева со стороны хрущевского руководства, партийных фанатиков и фундаменталистов и, конечно, это был провал политики Г. Г. Карпова⁶³.

Речь идет о докладе патриарха Алексия I, прочитанном 16 февраля 1960 г. на Конференции советской общественности за разоружение. Речь была опубликована в «Журнале Московской Патриархии» (№ 3, 1960, с. 33–35). В условиях хрущевских гонений патриарх напоминал собравшимся о той огромной роли, которую играла на протяжении всей русской истории Православная Церковь. По словам прот. Владислава Цыпина, «речь первосвященника не оградила Церковь от нападков, но, опубликованная в «Журнале Московской Патриархии», она получила широкое распространение в церковном народе и укрепляла дух служителей алтаря Господня и верных чад Церкви»⁶⁴.

Эта речь представляла собой своеобразную декларацию: она состояла из перечисления исторических заслуг Православной Церкви перед русским народом. Уже начало было декларативным: «Перед вами говорит представитель Церкви, той Церкви, которая...» И далее следовал краткий обзор исторических заслуг Церкви — от Крещения Руси до победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. И предельно сильная фраза в конце: «Теперь эта Церковь подвергается нападкам, но это ее не смущает, ибо она помнит слова Своего Основателя: Церковь Мою созижду на камне, и врата адовы не одолеют ее».

Шок всех присутствовавших. Аплодисменты, несколько неожиданные, большей части зала. В кулуарах митрополит Николай встретил коллегу по Совету Мира, генерального секретаря Союза евангельских христиан-баптистов А. В. Карева. «Ну как?» — «Сильно», — ответил Александр Васильевич⁶⁵.

Таковы были слухи. А вот что пишет об этом архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин): «Я спросил митрополита Николая о нашумевшей речи Патриарха Алексия на заседании Советского комитета защиты мира.

— Эту речь составил я, — ответил мне митрополит Николай. — Патриарх только ее прочитал. А Вы знаете, что произошло потом? Когда Патриарх закончил читать речь, в зале раздались два-три жидких хлопка, а вслед за тем один за другим поднялись представители общественности и начали громить Патриарха... «Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана Церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда» и т. д. Произошел целый скандал»⁶⁶.

За все эти «несвоевременные мысли» маститый архиерей был подвергнут властями опале, освобожден от должности председателя ОВЦС (в 1961 г. он скоропостижно скончался). В те же дни «покатилась голова» и генерал-майора КГБ Г. Г. Карпова. С 1943 по 1960 гг. он занимал должность председателя Совета по делам Русской православной Церкви при Совете Министров СССР; был уволен с должности через пять дней после того, как патриарх Алексий I произнес свою речь на Конференции советской общественности⁶⁷.

О подробностях обстоятельств отставки митрополита Николая рассказывал А. В. Ведерников в Москве в 1968 г. По его словам, к патриарху весной 1960 г. явился Куроедов и его сотрудник, кажется, Фуров. В течение нескольких часов *они кричали* на Патриарха, категорически требуя устранения митрополита Николая от всех должностей. Патриарх долго сопротивлялся, но наконец вынужден был уступить, выговорив только, что увольнение митрополита Николая будет происходить постепенно, с *временными промежутками*, что и было впоследствии осуществлено. Ведерников был близок к покойному митрополиту Николаю, и потому можно полагать, что этот рассказ основан на его собственных словах⁶⁸.

Так сообщает об этом в своих записках архиепископ Василий (Кривошеин). То, что Куроедов с Фуровым кричали на Святейшего, это скорее исключение из правил, о чем свидетельствует все тот же архиепископ Василий: «Куроедова я увидел впервые, — пишет он. — Это был брюнет под 50 лет, средней интеллигентности на вид, державший себя с апломбом, но без нахальства и грубости. Время от времени он разговаривал в довольно любезном тоне с Патриархом, и тот отвечал приблизительно так же. Меня чрезвычайно поразило, что Куроедов, обращаясь к Патриарху, называл его не «Ваше Святейшество», а просто «Алексей Владимирович»⁶⁹.

В своих записках владыка Василий излагает и другую версию отставки митрополита Николая.

Совсем наоборот говорил митрополит Никодим (Ротов). Он уверял, что Синод и патриарх не хотели совсем увольнять митрополита Николая, а только думали перевести на кафедру митрополита Ленинградского: «Этого требовали обстоятельства». В этом предложении не было бы ничего обидного для митрополита Николая. Даже наоборот: в Ленинградской епархии в его ведении были бы прекрасные столичные трамваи и Духовная академия, что для митрополита Николая, как ученого богослова, должно было

быть очень интересно. Тем более что в городе на Неве протекали годы его церковного служения в молодости, его все помнили и любили. Но получалось так, что без Внешнего отдела Крутицкая митрополия неинтересна. А должность митрополита Крутицкого и Коломенского, в сущности, есть служение викария патриарха, из его ведения изъяты все московские храмы (кроме одного) и Духовная Академия, все они подчинены непосредственно патриарху.

Митрополит Николай счел перемещение в Ленинград обидным понижением и отказался принять предложение. Впоследствии, когда он понял, что его собираются совсем «убрать на покой», он сам стал проситься в Ленинград, но было уже поздно⁷⁰.

Патриарху было предложено удалить митрополита Николая из Москвы. Патриарх, уступивший давлению, обратился к митрополиту Николаю с предложением перейти на другую кафедру: в Ленинград или в Новосибирск. Категорический отказ; и патриарх говорит Куроедову: «Он не хочет, что я могу сделать?» — «Тогда пусть уходит совсем»⁷¹.

Уход митрополита от управления произошел в тяжелой атмосфере. Во время прощального визита митрополита в Патриархию ему было сказано: «Они настаивают на Вашем уходе. Напишите прошение об уходе на покой. На осенней сессии Синода без Вас мы его рассматривать не будем, а там это забудется». Митрополит Николай проявил слабость (сказался старый интеллигент, не привыкший лезть на рожон), написал прошение об увольнении на покой по состоянию здоровья. Когда митрополит прибыл в Сухуми, в гостинице его уже ожидала телеграмма о том, что его прошение об уходе на покой удовлетворено⁷².

Вначале митрополита Николая власти хотели услатить в один из сохранившихся монастырей. Владыка категорически отказался, заявив: «Я гражданин, прописанный в Москве в Бауманском переулке, — и буду жить здесь». Перед таким категорическим отказом власти отступили. На скандал, связанный с применением прямого насилия, не решились. Зато отказывали митрополиту в служении. Со времени своего ухода на покой митрополит Николай служил лишь в Рождественскую ночь с 6-го на 7 января 1961 г. в Елоховском соборе, где он сослужил патриарху.

В Светлую ночь митрополит Николай написал патриарху: «Первый раз в жизни в Светлую ночь я не в храме, сижу один в своей комнате и плачу». После этого ему было послано приглашение от-

служить литургию на Светлой неделе в четверг, в трапезном храме Троице-Сергиевой лавры. Это было его последнее служение⁷³.

В конце октября 1961 г. владыку отвезли в кремлевскую больницу. Идти он не мог, надо было нести на носилках. В дверь носилки не проходили. Пришлось выломать окно, носилки вынесли ногами вперед. «Как покойника», — сказал владыка. 13 декабря 1961 года, в день апостола Андрея Первозванного, он сказал врачу: «Кажется, я умираю». В 4 часа утра владыка перекрестился и закрыл глаза. Через некоторое время наступила смерть.

17 декабря состоялись похороны. Отпевали в трапезном храме, где владыка несколько месяцев назад, на Светлой седмице, отслужил в последний раз литургию. Было много народу, но далеко не все желающие смогли попасть на похороны, так как в 8 часов утра неожиданно перестали ходить поезда. Не ходили до 3-х часов дня, до окончания похорон.

На отпевание вышел взволнованный патриарх — его долго готовили к известию о смерти его долголетнего — в течение 40 лет — сотрудника, с которым его связывали сложные отношения, и еще несколько архиереев. (Еще в августе 1922 г. последовал арест епископа Ямбургского Алексия [Симанского] и трехлетняя ссылка в Сибирь. А в январе 1923 г. был сослан епископ Николай [Ярушевич]⁷⁴.

Народ стоял с зажженными свечами, по церкви шныряли шпики. В притворе было много венков. Патриарх прочел разрешительную грамоту, сказал несколько взволнованных слов. И потянулась длинная очередь ко гробу, для последнего прощания. А затем тело владыки перенесли в усыпальницу, в подвале «ротонды» — круглого небольшого храма в честь Смоленской иконы Божией Матери, небольшой церковки, построенной в XVIII веке⁷⁵.

А теперь зададим вопрос: мог ли Святейший Патриарх Алексий I защитить митрополита Николая от опалы? Трудно судить об этом, можно вспомнить о похожей ситуации, имевшей место в 1927 г. Перед тем, как митрополит Сергей (Страгородский) стал заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола, его роль чекист Тучков предлагал митрополиту Кириллу (Смирнову). Тот давал согласие на занятие этой должности, но не принял предложенных условий. «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, — сказал Тучков, — Вы должны будете нам помочь». — «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против те-

бя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать». — «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!» Владыка Кирилл, конечно, отказался. Говорят, он ответил: «Вы не пушка, а я — не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!»⁷⁶. А в июне того же 1927 г. митрополит Кирилл был отправлен в ссылку в Туруханск...

Ярославль-2

Тогдашняя церковная атмосфера была похожа на фронтовую: от вражеской пули гибнет командир, и его должность тут же занимает заместитель. Так, в годы войны уцелевшие бойцы за несколько месяцев проходили путь от сержанта до капитана. А капитаны становились полковниками и генералами...

В послевоенное время заново открывались храмы, во священники рукополагались пожилые миряне, помнившие церковную службу еще с «мирного времени». А откуда взять архиереев на вакантные кафедры? Ведь в «расстрельные тридцатые» их извели почти под корень. *За период с 1917 по 1940 г. 205 русских архиереев «пропали без вести»; из них 59 архиереев исчезли в одном 1937 г. На встрече с иерархами Русской православной Церкви 4 сентября 1943 г. митрополит Ленинградский Алексий поднял острый вопрос — об освобождении некоторых архиереев, находившихся в ссылке, лагерях и тюрьмах. Сталин сказал: «Представьте такой список — мы его рассмотрим». Впоследствии проверка показала, что из 26 священнослужителей, включенных в составленный список, 25 были уже расстреляны. Однако иерархам об этом не сказали — не хотели их расстраивать.* Не поставишь же в «князь Церкви» полуграмотного запойного пономаря! Но выход все же был найден.

... Не успел еще приходский священник отметить «сороковины» после кончины матушки, как вдовца срочно вызывают в епархиальное управление. Правящий архиерей, благословив растерянного клирика, изрекает: «Сегодня вечером — монашеский постриг, завтра на литургии — возведение во архимандрита, послезавтра — архиерейская хиротония. И срочно принимать дела в соседней епархии!».

С одним таким «карьеристом» приключилась история. Перед постригом архиерей вопрошает ставленника: «Почто пришел еси, чадо?» По тексту чинопоследования должен следовать ответ: «Ино-

ческого жития возжелал есмь». Но сбитый с толку маститый постриженник, ничтоже сумняшеся, изрекает: «Архиерейского жития возжелал есмь». Вполне понятно, что вдовы архиереи, с «подпорченной родословной», поставлялись на провинциальные кафедры, «далеко от Москвы». Им не суждено было возвращаться ни в «кругах», ни в «сферах»...

... Постановлением Святейшего Патриарха Алексия I и Священного синода от 21 июня 1960 г. было определено: архимандриту Никодиму быть епископом Подольским и Председателем ОВЦС. Но викарным епископом владыка был всего пять месяцев. 23 ноября 1960 г. он был назначен правящим архиереем на Ярославскую кафедру и возглавлял эту епархию до 3 августа 1963 г.

У этой епархии была сложная «история болезни». 3 февраля 1919 г. было принято постановление Народного комиссариата юстиции о вскрытии мощей. А через несколько дней в Ярославле были вскрыты гробницы князя Константина (9 февраля), князей Феодора и Давида (9 апреля)⁷⁷.

А в конце мая — начале июня 1922 г. в Ярославле имели место переговоры Е. А. Тучкова, уполномоченного ГПУ по делам религий, с митрополитом Ярославским Агафангелом (Преображенским). Владыке было предложено возглавить церковное управление при условии отречения от патриарха Тихона и осуждения его деятельности.

Но в Москве власть захватили обновленцы, о чем и говорилось в послании заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной русской Церкви.

«... Во имя святого послушания и по долгу моей архипастырской присяги, я предполагал немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву. Но вопреки моей воле, по обстоятельствам от меня не зависящим, я лишен и донныне возможности отправиться в Москву на место служения. Между тем меня официально известили, что явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской Церкви. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными...»⁷⁸

В то время как под угрозой ареста патриарх Тихон 3 (16) мая 1922 г. шлет депешу в Ярославль с распоряжением митрополиту

Агафангелу «прибыть в Москву без промедления», так как «вследствие привлечения меня к гражданскому суду почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе Церковного Управления до созыва Собора», в Толгу прибывает протоиерей из обновленцев Красницкий с уговорами подписать воззвание против Святейшего Патриарха Тихона. После отказа владыки в его келиях проводится обыск, у дверей выставляется охрана.

«Из найденной переписки, — докладывают обыскивавшие своему начальству, — удалось определить, что действительно Тихон и Агафангел есть неразлучные друзья, ибо частных писем у Агафангела больше всего от Патриарха Тихона, с содержанием частной жизни».

На допросах владыку Агафангела принуждали признать обновленчество и его аппарат — Высшее церковное управление, но он непоколебимо ответил: «Власть Патриарха передана мне, распоряжения ВЦУ считаю незаконными».

5(18) июня 1922 г. владыка Агафангел обратился к «архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви» с Посланием, разоблачающим «новую» или «живую церковь», и призывом управлять своими епархиями самостоятельно, «сообразуясь с Писанием и священными канонами». Через десять дней владыку арестовали.

Нужен был компрометирующий материал. Тут-то (7 июля 1922 г.) и поступил в Ярославское ГПУ донос от тутавевского священника Андрея Немирова, лишенного сана митрополитом Агафангелом и епископом Вениамином. Он и восемь его единомышленников просили предать суду обоих иерархов, писали, что епископ Вениамин — «это не архиерей, а палач», который «в речах своих явно и косвенно давал понять всем, что советская власть — безбожная власть»⁷⁹.

... В декабре 1926 г. митрополит Сергей (Страгородский) был этапирован в Москву и содержался во внутренней тюрьме ГПУ до марта 1927 г. (Впоследствии выяснилось, что митрополит Сергей мог быть расстрелян как «японский шпион» — такой вариант рассматривался. Имелся и повод: до революции ему дважды поручали нести службу в Японии, а значит, могли сохраниться и «связи». Чем не причина?) А 16 июля того же года было обнародовано Послание («Декларация») заместителя патриаршего Местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского), и временного при нем Патриаршего Священного синода об отношении Православной Российской церкви к существующей гражданской власти.

«... Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом, — говорилось в «Декларации». — Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление...»

Выразим всенародно нашу благодарность Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия... Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом...»⁸⁰

Но уже в июле того же 1927 г. последовало массовое возвращение «Декларации» православными приходами митрополиту Сергию, — в знак протеста. Митрополит Иоанн (Снычев) пишет, что в некоторых епархиях (на Урале) до 90% приходов отослали «Декларацию» назад⁸¹.

Попытки давления на Церковь были и в гитлеровской Германии, но в Третьем рейхе нашлись достойные защитники прав верующих. В их числе был Фридрих Карл Отто Дибелиус (1880–1967). В 1925 г. он возглавил Лютеранскую Церковь Пруссии, но после прихода Гитлера к власти Дибелиус был смещен со своего поста. Он дал понять, что не потерпит контроля со стороны государства над духовной и проповеднической деятельностью. В открытом письме к д-ру Хансу Керрлю, нацистскому комиссару по делам религии, опубликованному в марте 1937 г., Дибелиус писал: «Позвольте мне задать Вам один вопрос, господин рейхсминистр. Если во время утреннего религиозного наставления дети скажут, что Библия является словом Божиим, с которым Он обращается к нам в Ветхом и Новом Завете, и когда после обеда молодые люди должны заучить наизусть “Что есть наша Библия? Наша Библия — это «Майн кампф» Гитлера”, — кто изменит его учение? Это решающий момент... Доктрина, которую вы выдвигаете, дает основание считать, что государство вмешивается в дела Церкви настолько, насколько этому способствуют репрессивные органы, поддерживающие это государство... В этом кроются корни борьбы между государством и Евангеличе-

ской Церковью... Как только государство попытается подменить Церковь и захватить власть над душами людей, тогда мы, будучи связанными словами Лютера, окажем сопротивление именем Божиим. Уверю вас, что мы это сделаем».

Дибелиус предстал перед Зондгерихт — специальным военным трибуналом по обвинению в предательских напаках на правительство. Вынесенный судом оправдательный вердикт в отношении Дибелиуса вызвал большую тревогу среди нацистских должностных лиц. Гитлер лично запросил в трибунале копию протокола с доводами суда, но вмешиваться все же не стал⁸².

Ярославская епархия оставалась оплотом борьбы не только с обновленцами, но и с «сергианством». Вот основные вехи этого противостояния.

24 января 1928 г. последовало обращение к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) от пяти архиереев: митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), викария Ярославской епархии, епископа Евгения (Кобранова), Ростовского викария Ярославской епархии, а также митрополита Иосифа (Петровых) и архиепископа Варлаама (Ряшенцева) — с сообщением об отделении от него и отказе признать за ним и его Синодом права на высшее управление Церковью.

Основная причина отделения: «... Почитая священным долгом своим охранять чистоту Св. Православной веры и завещанную Христом свободу устроения внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением иного выхода из создавшегося рокового для Церкви положения», отделяемся и т. д.⁸³

И уже 28 января того же года митрополит Сергей (Страгородский), автор печально известной «Декларации» 1927 г., отправил митрополиту Агафангелу письмо с мольбой о сохранении общения. «... Мы с Вами подошли уже к той черте, у которой все земные ценности и всякие земные счета теряют свою абсолютную значимость, и остается только одно: дать добрый ответ на судище Христовом... Ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной не отрекаемся и не намерены отречься... Я всегда готов передать Вам полномочия, лишь только будут у меня в руках достаточные к тому основания...»⁸⁴

За твердые убеждения пришлось расплачиваться, и в феврале того же 1928 г. последовала ссылка архиепископа Серафима и митрополита

рополита Иосифа из Ярославской области соответственно в Могилев и в г. Устюжну⁸⁵. 14 марта 1928 г. было принято постановление «сергианского» Синода о запрещении восьми архиереев, в том числе митрополита Иосифа, архиепископа Серафима и других, кроме митрополита Агафангела⁸⁶.

27-м апреля 1928 г. датировано письмо митрополита Агафангела, епископа Евгения (Кобранова) Ростовского и архиепископа Варлаама (Ряшенцева) о том, что они не порывают молитвенного общения с митрополитом Сергием, не отрицают принципиально его власть как заместителя Местоблюстителя, раскола не учиняют, но распоряжения, смущающие религиозную совесть и, по убеждению пишущих, нарушающие каноны, выполнять не могли и не могут, иноепархиальных епископов, клириков и мирян в общение не принимают и направляют к митрополиту Сергию⁸⁷.

17 мая 1928 г. было издано постановление № 110 митрополита Сергия и Синода по делу «Ярославской группы»: снятие запретов с архиепископа Варлаама и епископа Евгения; попытка интерпретировать решение ярославских епископов как согласие на «административно-каноническое подчинение Заместителю Синода»⁸⁸.

3 октября 1928 г. митрополит Агафангел скончался, а в начале 1929 г. последовал арест 15-ти отделившихся от митрополита Сергия епископов, в том числе архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) (Соловки) и архиепископа Варлаама (Ряшенцева) (Ярославская тюрьма). Вот как происходил арест: агент ГПУ являлся к епископу и задавал ему следующий вопрос: «Как Вы относитесь к декларации митрополита Сергия (Страгородского)?» Если епископ отвечал, что он ее не признает, то агент говорил: «Значит, Вы контрреволюционер». И епископ арестовывался⁸⁹. «Зачистка» епархии продолжалась и в последующие годы. В 1930 г. был арестован Ярославский викарий Вениамин (Воскресенский), епископ Тутаевский; в 1937 г. — митрополит Ярославский Павел (Борисовский)...

И вот, в 1960 г., в разгар хрущевских гонений, на «антисергианскую» кафедру назначается архиерей, обязанный действовать в жестких рамках «Декларации» 1927 г....

Вспоминает владыка Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев). В один из его приездов из Святой Земли в Троице-Сергиеву Лавру он неожиданно появился на втором этаже главного монастырского корпуса и направился ко мне в келью. Для меня,

молодого иеродиакона, это было весьма неожиданно и необычно. В дверь входит мощный коренастый архимандрит и спрашивает: «Над чем работаешь?» А я как раз работал над своей кандидатской диссертацией на тему «Пастырское душепопечительство митрополита Филарета (Дроздова) по его письмам». Так мы познакомились...

Владыка Никодим привез меня на родину моих отцов, познакомил с Ярославлем. Я весьма благодарен ему за это, а также и за благословение, чтобы не забывал землю отцов. С тех пор я действительно стал более внимательно относиться к своему роду⁹⁰.

Нельзя утверждать, что в годы пребывания владыки Никодима на Ярославской кафедре власти не закрывали храмы. Закрывали, и еще как! Но архиереи, по советским «законам», были почти бесправны, о чем рассказывал сам владыка: «Когда я был архиепископом в Ярославской епархии, там тоже началось закрытие церквей, и верующие стали обращаться ко мне за помощью. Я им говорю: "Подайте прошение, что вы хотите сохранить храм, соберите побольше подписей, и тогда я смогу лучше вам помочь". И что ж Вы думаете? Мнутя, жмутся, отнекиваются и в конце концов ни один не подписывает, боятся»⁹¹.

В те годы владыками в епархиях были уполномоченные. Священник Павел Груздев, бывший узник ГУЛАГа, служил в сельской глубинке. Взялся однажды владыка Никодим хлопотать за него перед местным уполномоченным по делам религий, чтобы перевели о. Павла Груздева в тутаевский Воскресенский собор, поближе к людям и к родным местам.

— Ты что? — схватился за голову уполномоченный. — Груздева? В Собор? Там Спаситель чудотворный, да Груздев — чудотворец, они обое-то дров наломают! Пускай Груздев живет у себя в Никульском.

— Вот так и живу, — вздыхал о. Павел, вспоминая о хлопотах владыки Никодима. — Так и живу, так и юродствую. А уж теперь и конец приближается⁹². (О. Павел пережил владыку Никодима на 18 лет и скончался в рождественскую неделю 1996 г. — в ночь на отдание праздника Рождества Христова — 13 января.)

С этого времени прошли десятилетия, и вот в 2006 г. в церковной печати появилось такое сообщение: «Музей церквей советского периода создается в Ярославской области. В селе Новое Большесельского района Ярославской области до конца 2008 г. бу-

дет создан музей церквей. В музее планируется построить макеты 19 церквей, ставших историческими и духовными символами Большесельского района. Местные мастера создадут макеты храмов из дерева или папье-маше в том виде, который они обрели за время борьбы с православной верой в России: обезглавленные, полуразрушенные, с вросшими в фундаменты и стены деревьями.

Таким образом, музей станет памятником целой эпохи безверия и напоминанием о необходимости возрождения глубинки, которое на Руси всегда начиналось со строительства православных святынь»⁹³.

16 марта 1961 г. владыка Никодим становится постоянным членом Священного синода Русской православной Церкви. 10 июня того же года он был возведен в сан архиепископа. 3 августа 1963 г. он был назначен председателем Комиссии Священного синода по вопросам христианского единства с возведением в сан митрополита.

Вспоминает владыка Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев). ... Август 1963-го. Я уже был инспектором Московской Духовной Академии, когда владыка Никодим, будучи в Лавре, позвонил мне и спросил:

— А ты давно был в Ярославле?

— Владыка, к стыду своему, пока еще не был.

— Сегодня вечером я еду в Ярославль. Собирайся, а с ректором я договорюсь.

— Как благословите, — только и ответил я.

Так владыка Никодим привез меня на родину моих отцов, познакомил с Ярославлем. Это была его, по-видимому, последняя поездка в Ярославль, и он поступил так потому, что знал о переменях в своем служении: в Ярославль он отправился архиепископом, а там его встречал иеромонах Мелхиседек (впоследствии — архиепископ) и, приветствуя, поднес владыке белый клобук. Это означало, что владыка Никодим уже возведен Святейшим Патриархом в сан митрополита как Председатель Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства⁹⁴.

Одним из преемников владыки Никодима на Ярославской кафедре был митрополит Иоанн (Вендланд). В годы его управления епархией здесь мало что изменилось. Духовная дочь митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна рассказала о том, что в дневниках его сестры, монахини Евфросинии, после ее смерти прочитали запись: «Бедный владыка! Как тяжело ему, что близкие люди

предают его». И дальше назывались имена людей из окружения владыки, которые доносили в «органы» всю информацию о том, что делает, говорит и с кем встречается митрополит Иоанн⁹⁵. И каково было владыке Иоанну переносить все это после долголетнего пребывания на заграничном служении: Дамаск, Берлин, Нью-Йорк...

... 4 августа того же 1963 г. Владыка Никодим назначается митрополитом Минским и Белорусским, а 9 октября — Ленинградским и Ладозским. Когда митрополит Никодим был назначен на Минскую кафедру, здесь в течение двух месяцев, пока владыка оставался правящим архиереем, остановился процесс массового закрытия приходов, которому не мог воспрепятствовать его предшественник. После перевода владыки Никодима в Ленинград, в Минско-Белорусской епархии закрытие приходов возобновилось⁹⁶.

Кадровые «подвижки» произошли и в Кремле. В 1961 г. старая большевичка Лазуркина предложила убрать из Мавзолея тело Сталина; она ссылалась на то, что в «тонком сне» к ней пришел Ленин и просил избавить его от соседа. Предложение было принято, так как в хрустальном гробу оставался создатель партии и государства. (В 1989 г. смелое по тем временам предложение депутата Юрия Карякина о «полной зачистке» мавзолея было отвергнуто как богохульство, ибо без Ленина гроб идеологии остался бы пустым.)

Когда Сталина вынесли из мавзолея и похоронили у кремлевской стены, на его могиле (якобы) появился венок с надписью: «Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных».

Настенные часы в форме мавзолея. Каждый час под бой курантов в них соответствующее число раз высовывается саркофаг со Сталиным.

— Почему после удаления Сталина из мавзолея там удвоили охрану?

— Возле мавзолея видели Хрущева с раскладушкой.

Сражаясь с мертвым «божеством», Хрущев, однако, продолжал преследовать Церковь, и об этом все смелее говорили православные архиереи, даже «заангажированные». Вспоминает архиепископ Василий (Кривошеин).

Весной 1964 г. приезжал из Берлина Экзарх Средней Европы архиепископ Сергей (Ларин), красочная личность, бывший обновленческий епископ, принятый в Патриаршую Церковь как простой монах и только потом вновь возведенный во епископы. Это

был человек с крупными коммунистическими связями, но тем не менее независимый и осведомленный. Я был тогда в Париже, виделся с ним, но мы с ним разговорились только в аэропорту Бурже, пришлось ждать самолета. Более часа мы с ним провели в интереснейшей беседе с глазу на глаз. Владыка Сергей с большой откровенностью стал рассказывать о происходящем в России, как за последние годы усилились гонения на Церковь, о массовом закрытии храмов, о насилиях, арестах и т. д. «Кто же главный виновник этих гонений?» — спросил я. «Хрущев, — категорически ответил архиепископ Сергей. — Это всецело его дело».

И тут же он самым резким образом начал критиковать Хрущева не только за его антицерковную политику, но и за все его управление. Затем он продолжил: «Я знаю, благодаря моим связям, что против него — всеобщее недовольство и даже в высших сферах. Так долго продолжаться не может. Должна быть перемена». Помню, как я был поражен смелостью, с которой «советский» архиерей высказывается о главе советского правительства, это был единственный случай такого рода, с которым мне пришлось вообще сталкиваться. А впоследствии я поражаюсь, как он предсказал падение самого Хрущева за шесть месяцев до того, как оно случилось. Но наиболее ценным для меня было его указание на Хрущева как на главного виновника гонения на Церковь. Мы тогда хорошо видели, что происходит нечто ужасное, настоящее уничтожение остатков выжившей в советском режиме Церкви, но какова роль самого Хрущева, было нам тогда неясно. Во многом мешала его репутация антисталинца и либерала «оттепели», а тут владыка Сергей сказал все прямо и без обиняков. Спасибо ему!⁹⁷

Поскольку речь зашла об архиепископе Сергии (Ларине), приведу сведения из его очень непростой биографии, тем более, что в последние годы жизни он был одним из преемников владыки Никодима на Ярославской кафедре.

«Во время войны в Ташкент был переведен из Москвы с пышным титулом епископа Ташкентского и Среднеазиатского молодой епископ Сергей Ларин, — пишет А. Э. Краснов-Левитин. — Подоплека этого перевода мне была не ясна. Только лишь через много лет от епископа Сергия Ларина я узнал причину его перевода из Москвы в Ташкент».

Епископ Сергей был колоритной личностью. Мой земляк, птерец, старше меня на девять лет, он с юности примкнул к об-

новленцам. Человек порыва, честолюбивый, талантливый, развитой, но без всякого систематического образования (даже не очень сильный в грамматике), он еще в двадцатые годы становится иподиаконом у престарелого обновленческого Первоиерарха митрополита Вениамина Муратовского. Сергей Ларин является очень типичным молодым церковником этого времени.

С одной стороны, как будто искренняя религиозность, искренний религиозный порыв, с другой стороны — необузданное честолюбие. Он был помешан на архиерейских титулах, на архиерейском этикете, на роскошных облачениях. К обновленцам его толкнула легкость архиерейской карьеры.

После того, как молодой приходский протоиерей Александр Введенский в течение двух лет стал митрополитом и стяжал своими проповедями всемирную славу, церковная молодежь буквально помешалась. Всем мерещились слава, почести, золотые митры, белые клобуки.

К числу таких людей принадлежал молодой иподиакон Сережа Ларин. Счастье, действительно на первых порах улыбнулось иподиакону. В 1931 г. он священник, в 1932 г. — протоиерей, в 1933 г. его покидает жена, и он принимает монашество в Тихвинском обновленческом монастыре. Его возводят в сан архимандрита. В 1935 г., однако, крах. Он привлечен к ответственности по делу, с политикой ничего общего не имеющему, — по женской линии. По глупому доносу ревнивой женщины его заключают в лагерь, под Дмитровом, сроком на пять лет.

Освобожденный в 1939 г., он переезжает в Москву (конечно, не без содействия некоторых своих высоких друзей из органов) и становится управляющим делами при Первоиерархе (самая в то время энкаведистская должность: заведующий отделом кадров). Впрочем, должен сказать, что мне не известен ни один случай, чтобы кто-нибудь из-за него пострадал. По натуре он был, видимо, не злой человек и ограничивался «общей информацией».

В начале войны, осенью 1941 г., он неожиданно всплыл на поверхность. Выше мы рассказывали, как неожиданная эвакуация из Москвы высшего духовенства повлекла за собой необходимость немедленного рукоположения епископа, который должен был остаться в Москве после эвакуации церковного руководства в Ульяновск. Таким епископом оказался Сергей Ларин, апробированный гражданской властью. Он и был рукоположен во епископа Звенигородского в обстановке невероятной спешки, с полным

нарушением церковных правил. (Даже не была совершена литургия.)

Так или иначе, епископ Сергей неожиданно стал (хотя и сугубо временно) в центре обновленческой церкви. Как это ни странно, он тотчас выступил против Введенского. Правда, справедливость требует признать, что большей частью он был прав. Прежде всего (об этом я узнал уже много позже) он сорвал авантюрный план Александра Ивановича объявить себя патриархом. На это дали согласие все обновленческие иерархи, кроме Сергея Ларина, который справедливо указал на антиканоничность подобной авантюры.

Наибольшее обострение отношений произошло в 1943 г., когда стало известно о секретных переговорах, которые Сергей Ларин повел (строго конфиденциально) с митрополитом Николаем. Сергей Ларин, как прожженный политик, имеющий связи в кругах МГБ, получил сведения о неминуемом разгроме обновленчества. Он решил опередить события и вступил в контакт с митрополитом Николаем, представлявшим тогда Патриархию (в отсутствие Патриаршего Местоблюстителя) в Москве. В результате секретных переговоров было достигнуто следующее соглашение:

1. Все обновленческие иерархи съезжаются в Москву и открывают Собор в Елоховском храме. Это было тем более легко осуществимо, что их оставалось в это время очень немного, всего двенадцать человек.

2. Собравшиеся архиереи аннулируют решения обновленческих Соборов 1923 и 1925 гг. и признают покойного Патриарха Тихона в сущем сане.

3. Затем они лишают сана митрополита Александра за незаконное восприятие сана Первоиерарха и как нарушившего постановление Собора 1923 г. об однобрачности епископов и как введшего в свое время Собор 1923 г. в заблуждение, в результате чего последовало постановление о лишении сана Патриарха Тихона.

4. Обновленческий Собор архиереев приносит покаяние за себя и за своих предшественников и воссоединяется с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием.

5. Все обновленческие епископы принимаются в сущем сане. Неженатые и те, которые изъявляют согласие расстаться с женами, разумеется, по обоюдному согласию со своими супругами, также получают кафедры. Те епископы, которые останутся в женатом состоянии, принимаются в сущем сане, им разрешает-

ся ношение панагии, но с пожизненным запрещением в священнослужении.

Это соглашение было одобрено митрополитом Сергеем. Гражданская власть также заявила, что у нее нет возражений, и дала согласие выдать обновленческим архиереям пропуска для проезда в Москву.

Все сорвалось из-за непредвиденного обстоятельства. Текст этого соглашения был разослан совершенно конфиденциально всем обновленческим архиереям. Однако совершенно неожиданно один из них (причем это был старый архиерей еще дореволюционного поставления Митрополит Ярославский Корнилий) переслал текст этого проекта... Кому бы вы думали? Введенскому. Первоиерарх тотчас перевел епископа Сергия в Ташкент. Сразу же проект заглот.

Весной 1944 г., когда воссоединение обновленцев все-таки произошло (на гораздо менее благоприятных условиях), Сергей Ларин тут же поспешил поднести Патриархии Среднеазиатскую епархию (90 приходов) на серебряном блюде. Для приема епархии из Москвы был направлен архиепископ Куйбышевский Алексей Палицын, о котором речь шла уже выше. Сергей Ларин был затребован в Москву, принят в сане простого монаха, а через два месяца был вновь рукоположен в диакона, пресвитера и епископа – и стал православным архиереем, занимая поочередно Одесскую, Ростовскую, Вятскую и Ярославскую кафедры. (Умер в сентябре 1967 г. в сане архиепископа Ярославского и Ростовского)⁹⁸.

... В апреле 1961 г. Юрий Гагарин слетал в ближний космос и по возвращении якобы сообщил, что он там «Бога не видел». После этого Хрущев осмелел и «пошел на повышение». Космонавтов он стал называть «космическими братьями», а себя, как бы в шутку, «космическим отцом» (читай — «отцом небесным»). 12 октября 1964 г. Хрущеву предоставилась последняя возможность появиться на экранах телевизоров. Незадолго до старта космического корабля «Восход» он позвонил из Сочи в космический центр и пожелал космонавтам счастливого пути, пообещав их торжественно встретить.

Встреча не состоялась: пока «Восход» мотался вокруг земного шара, для Хрущева наступил закат. Подобно возгордившемуся ангелу, он был сброшен с вершин власти и «опущен» на землю. «Дорогого Никиту Сергеевича» убрали в аккурат «на Покровá», а «небесных братьев», вернувшихся из космоса, встречал уже «бровеносец в потемках». На церемонии встречи Брежнев заявил: «Мы будем

повышать ответственность партии и ее ведущую организаторскую роль в советском обществе». (Брежнев выступил с подхалимским приветствием «нашему дорогому и любимому Никите Сергеевичу» по поводу его 70-летия, а через несколько месяцев оказался во главе заговора против него.)

А в народе шутили:

Как известно, после возвращения на Землю космонавты всегда рапортовали на Красной площади: «Готовы выполнить любое задание советского правительства!» Космонавты, запущенные при Хрущеве, а вернувшиеся при Брежневе, (якобы) рапортовали: «Готовы выполнить задание *любого* советского правительства!»

Перед увольнением Хрущеву не подписывали в мавзолее обходной лист: он принял двоих, а сдал одного.

16 октября «Правда» сообщила об отставке Хрущева, и он стал политическим невидимкой, после чего гонения на Церковь немного ослабли. Так что владыке Никодиму повезло в полном смысле слова. Как, впрочем, и Хрущеву. Ведь прикажи «Хозяин», и Хрущев мог бы стать и Ежовым, и Берией...

Серебряный Бор

Резиденция председателя ОВЦС располагалась на окраине Москвы, в Серебряном Бору, и была выстроена как загородный дом. Вокруг нее были дачи послов иностранных государств, аккредитованных в Москве. В 1970-х годах там жил не только митрополит Никодим, но и два его заместителя по Отделу: архиепископ Ювеналий (ныне — митрополит Крутицкий и Коломенский) и епископ Хризостом (ныне — архиепископ Виленский и Литовский). Резиденцию в обиходе так и называли: «Трехсвятительское подворье»; дом находился на 2-й Парковой линии, 52. На этот адрес посылали свои письма те прихожане, с которыми владыка состоял в переписке. Некоторые из них, по душевной простоте, выводили на конверте: «Серебряный Бор, 2-я *просека*...»

В резиденции митрополита была устроена небольшая часовня и великолепная ризница с древними иконами еще дониконовского времени. Однажды резиденцию митрополита в Серебряном Бору посетили родственники владыки, в то время, как он совершал там литургию в полном архиерейском облачении. Маленький мальчик, присутствовавший при этом, рассказывал потом: «Я был у Царя!»

Владыка запросто общался не только с «царями», но и с императорами. Так, он побывал в Эфиопии еще до переворота, который возгласил «друг страны Советов» Менгисту Хайле Мариам. И митрополит Никодим имел встречу с императором Хайле Селассие, после чего в Ленинградскую духовную академию начали прибывать на учебу посланцы с Черного континента.

Начало 1960-х годов — это разгар гонений на Церковь, бесчинства местных «хунвейбинов». В Ленинграде уполномоченный пытался сорвать крестный ход в первую Пасху служения митрополита Никодима на Ленинградской кафедре⁹⁹. Как обеспечить безопасное проведение пасхального богослужения в Николо-Богоявленском кафедральном соборе? А вот как. В страну с официальным визитом прибывает королева Нидерландов. Поставим ее на клирос, а потом пригласим участвовать в крестном ходе. И комсомольских «активистов» милиция ближе, чем на километр, не подпустит.

Владыка Никодим благожелательно относился к старообрядцам и искренне сожалел о том, что они воздерживаются от сближения с Русской православной Церковью. У себя в резиденции, в Серебряном Бору, владыка часто носил старообрядческую монашескую полумантию. Именно по инициативе владыки, изложенной им в специальном докладе на Поместном соборе Русской православной Церкви 1971 г. участники Собора определили упразднить клятвы, наложенные Московскими соборами 1656 и 1667 гг. на старые церковные обряды и их последователей. Было также разрешено староверам посещать храмы Московского патриархата и причащаться в них в случае необходимости.

В те годы реакция старообрядцев на решение Поместного собора была сдержанной. («А мы эти проклятия никогда и не признавали».) Развитие отношений началось лишь в период недолгого правления старообрядческого митрополита Андриана (Четвергова) (2003–2005). Да и в эти годы «упертых» старообрядцев смущали встречи Андриана с иерархами Русской православной Церкви. А высказывания митрополита об улучшении отношений с Московской патриархией и даже о духовном единстве русского народа у многих вызывали настороженность.

Став членом Президентского совета по взаимодействию с религиозными объединениями, Андриан был везде «персоной грата». В поездках по стране его принимали губернаторы и, что не менее важно, епископы Московского патриархата. На людях Андриан стал появляться не в черной шапке с меховой оторочкой, а в белом ку-

коле — точно таком же, как и у Святейшего Патриарха Алексия II. Событием в жизни России стало его выступление на Всемирном русском соборе, куда он прибыл по приглашению Русской православной Церкви.

Обладая неограниченным влиянием в Московской патриархии, владыка Никодим продвигал своих ставленников в епископат, на должности, связанные с долгосрочным пребыванием за границей. Это была вынужденная мера. В те годы Совет по делам религий препятствовал обновлению епископата Русской православной Церкви на территории Советского Союза. А рукоположить архиерея для служения за границей — это пожалуйста: «с глаз долой из сердца вон». Но вот отслужит епископ несколько лет на чужбине и возвращается на родину из «долгосрочной командировки». Как говорится, «не ждали». И тут уж власти волей-неволей соглашались на его «трудоустройство» в епархии. (В итоге к 1970 г. средний возраст епископата Русской православной Церкви снизился до 50-ти лет. Таким образом, Церковь оказалась обеспечена молодыми и деятельными епископами в среднем на 30 лет, что гарантировало ее историческое бытие в самый трудный период новейшей церковной истории, притом совершенно мирным, неконфронтационным путем.)¹⁰⁰

И уж конечно митрополит Никодим мог бы в этом смысле «озолотить» своего племянника Георгия, который иногда гостил у владыки в Серебряном Бору. Но владыка был в этом отношении чрезвычайно щепетилен и *непотизма* не поощрял. И Жора пошел по медицинской части.

Энергия владыки была неисчерпаемой. Даже одержимый сердечными недугами, он разрывался между обеими столицами. Лежа на одре болезни в Серебряном Бору, он постоянно работал с бумагами. Иногда что-то срочное нужно было отправить в Питер. И тогда начинал работать «воздушный мост». Иеромонах Лев выезжал на архиерейской «Чайке» в Шереметьево (Шереметьево-2 тогда еще не было) и вылетал в Ленинград. Секретарь епархии протоиерей Борис Глебов встречал его в Пулково, и епархиальная «Волга» следовала к адресату. Иногда вдогонку следующим рейсом посылали кого-нибудь из иподиаконов. Затем бумаги (и о. Лев при них) возвращались в Первопрестольную — к митрополиту. Бывали дни, когда иеромонах Лев делал за день две «ходки» туда и обратно. В шутку его называли *аэромонахом*.

Но были «аэромонахи» и посolidнее. Как-то владыка летел в

ГДР с о. Маркеллом, — «особой, приближенной к святителю» еще в конце 1960-х годов (впоследствии архимандрит Маркелл — настоятель Феодоровского Государева собора в Царском Селе (г. Пушкин); с 2006 г. — епископ Петергофский). В салоне 1-го класса с каждой стороны — по два кресла; владыка сидит у окна. Подходит стюардесса и приглашает митрополита пройти в кабину пилотов. Вспоминает епископ Маркелл:

— Сижу долго, святителя все нет. Начинаю беспокоиться, стучу в кабину, мне открывают дверку. (Тогда, в дотеррористическую эпоху, это было просто.) Смотрю, святитель в рясе, с бородой, сидит за штурвалом. На голове наушники, сбоку, на подставке, как положено, командирская чашечка кофе.

Потом владыка объяснил изумленному о. Маркеллу, что его как постоянного, «знатного» пассажира узнали пилоты и любезно пригласили «поручить» воздушным лайнером. А чтобы самолет не свалился в «штопор», святителя усадили за штурвал дублера.

Обратный путь владыка проделывал в «разобранном виде». Там, в ГДР, у него случился очередной инфаркт, и о. Маркелл буквально спас святителя от смерти. Накануне поездки «медбрат» получил подробные инструкции от врача, постоянно лечившего архиерея, а также чемоданчик с набором медикаментов. Когда владыке стало плохо и каждая секунда была на счету, о. Маркелл делал ему внутримышечные уколы через подрясник. Иглы гнулись, но, к счастью, выдержали. Владыку срочно отправили в Москву; в Шереметьево архиерейскую «чайку» подогнали прямо к трапу самолета, а оттуда святителя отправили в Серебряный Бор.

Можно себе представить, сколько еще мог бы сделать полезных дел для Церкви митрополит Никодим, если бы дожил до эпохи факса и электронной почты! Представим себе ряды келейников, секретарей и иподиаконов, сидящих за компьютерами, как в Центре управления космическими полетами. . . А сотовые телефоны, а пейджеры?

Но в те годы все было гораздо скромнее. Чтобы не беспокоить владыку частыми телефонными трелями, аппарат перенесли в его кабинет, и трубку снимал дежурный иподиакон. Если звонок действительно был важным, телефон переносили в архиерейскую спальню и включали в параллельную розетку. И вот — мое первое дежурство в качестве «оператора». Владыка ожидал звонок из Рима и просил меня сразу же «перебросить» телефон в его спальню, без лишних «согласований».

Звонок, голос телефонистки: «Рим заказывали? Соединяю!» Выдернув шнур, бегу с аппаратом в руках к изголовью святителя. Лежа на одре, владыка мирно беседует с одним из иподиаконов. А тут врывается еще один и с криком: «Рим!» втыкает телефонную вилку в розетку на. . . 220 вольт! Треск, дым, святитель хватается за сердце. О. Маркелл бросается к стеклянной пробирке с нитроглицерином и протягивает ее владыке. А он мне слабым голосом: «А еще физик!»

От святительского гнева меня спасли три обстоятельства: 1. на «боевое дежурство» я заступил впервые; 2. не было инструктажа от «бывалых» сменщиков; 3. телефонная и электрическая розетки были одинаковы по всем параметрам.

Высокое положение обязывало владыку быть в курсе текущих политических событий. В Москве он начинал свой рабочий день в «чайке», везущей его из Серебряного Бора на улицу Рылеева (ныне ей возвращено историческое название — Гагаринский переулок), где тогда находилось здание ОВЦС. За полчаса езды он просматривал свежие центральные газеты, чтобы «держать руку на пульсе». В Ленинграде таких регулярных длинных «ездок» у владыки не было, и как-то он попросил меня просматривать прессу и отмечать наиболее важные материалы. Это было тяжелым моральным испытанием: приходилось перелопачивать кучи советской макулатуры, чтобы отыскать «жемчужное зерно», которого там быть не могло: «искать в “Правде” известия, а в “Известиях” — правду — дело бесперспективное». К счастью для меня, владыка отправился в очередную поездку, и послушание временного «пресс-секретаря» как-то само собой отпало.

Иеромонах Лев (Церпицкий) был келейником, а потом и личным секретарем митрополита Никодима (ныне — архиепископ Новгородский и Старорусский). Но владыка иногда поручал часть работы «вторым секретарям». Так, однажды он передал мне для отзыва сценарий телефильма о гражданской войне в Сибири. Телевизионщики хотели, чтобы митрополит был консультантом по церковным эпизодам фильма. Прочитав сценарий, я отметил такие фрагменты; некоторые из них были явно антицерковными. Сценарий вернули киношникам без комментариев: бегло взглянув на «развесистую клюкву», святитель «умыл руки» и «поставил крест на синагоге».

В редкие минуты отдыха владыка любил гулять по берегу реки. В Ленинграде вдоль Обводного канала не очень-то погуляешь (грузовики, шум, грязь). Но в Серебряном Бору условия идеаль-

ные. Здесь все дышит историей и настраивает беседу на этот лад. Рассуждая об эпохе Бориса Годунова, о Смутном времени, владыка (в миру Борис) вряд ли мог предположить, что где-то здесь в реке «искупается» другой Борис, после чего на Руси снова будет смута...

В июне 2001 г. бывший шеф КГБ Владимир Крючков в интервью привел кое-какие подробности этого происшествия.

— А когда Борис Ельцин свалился в речку... Что там все-таки произошло?

— Я разговаривал с Бакатиным по этому поводу. Потому что мы не занимались этим, занимался Бакатин... Он сообщил, что вообще не было падения в речку... Он упал не в речку, а в озеро. Это было в дачном поселке Успенское. Тогда были сугубо личные, так сказать, мотивы... Поэтому о покушении на его жизнь и речи не могло быть¹⁰¹.

Так что КГБ был здесь ни при чем. И вообще, картину «Купание красного коня» написал Петров-Водкин...

Желая свалить Горби, оппозиция выдвинула лозунг: «Бориску — на царство!» В 1990 г. «легкообучаемый» Ельцин посетил США; президент Буш (старший), уделивший визитеру одну минуту, так отозвался о нем: «Веселый парень!»¹⁰².

А через 17 лет в печати появилась заметка под названием «Беловежье», где был любопытный абзац.

*Военные отказались от функций карателей в ночь с 18 на 19 августа 1991 г., когда командующий Приволжско-Уральским военным округом генерал Макашов не стал сбивать самолет с Борисом Ельциным и сопровождавшими его лицами, возвращавшимися из Средней Азии, без письменного приказа, и подтвердили свою позицию на улицах Москвы.**

ЗАГРАНИЦА

Бывая за границей, владыка старался выучить хотя бы несколько фраз на местном языке. Но иногда его подводили тонкости произношения. Так, совершая богослужение в одном из православных храмов Хельсинки, владыка преподавал прихожанам благословение

* Шелов-Коведяев Ф. Беловежье // Литературная газета. 2007. №5. 7–13 февраля. С. 4.

на финском языке: «Мир (рауха) всем!» Но звук «у» был произнесен нечетко, и получилось: «Деньги (раха) всем!»

Еще большая накладка произошла в Греции, в годы правления черных полковников. Митрополиту нужно было нанести визит в Министерство иностранных дел. Взяв такси, он сказал шоферу: «Министерство внешних (эксотерикон) дел!» Но шоферу послышалось: «эсотерикон» (внутренних дел). Когда такси подкатило к мрачному зданию, опоясанному проволочными заграждениями и вышками, владыка взглянул на злобные лица охранников и понял, что его здесь не ждали... В течение пяти лет (1944–1949 гг.) Сталин разжигал в Греции гражданскую войну с целью превратить страну в «народную демократию». Это удалось сделать в соседней Болгарии.

Болгария

В Болгарии владыка бывал неоднократно. Однажды он совершал Божественную литургию в столичном Софийском соборе св. блгв. кн. Александра Невского. В Болгарии даже при коммунистах можно было поминать имя императора Александра II, Освободителя от турецкого ига. И вот архиерей возглашает об упокоении... Николая Александровича! (Вместо Александра Николаевича.) И получилось — святитель помянул имя императора Николая II, «умученного от безбожников-большевиков». Старички-эмигранты, стоявшие в храме, начали истово креститься, лица их просветлели, — надо же, не побоялся!

В тот раз из этой оговорки «второй Шипки» не получилось — «братушки из безпеки» (госбезопасности) в такие тонкости не входили. В те годы, когда русская армия освобождала Болгарию от турок, революционеры-народовольцы мечтали вырезать всю «великую ектенью», т. е. всю династию Романовых, поминавшихся «за здравие» во время богослужений. В 1881 г. «господа бомбисты» ликвидировали Александра Николаевича, а Николай Александрович с семьей принял смерть в подвале Ипатьевского дома по приказу Ленина. Мог ли владыка Никодим предполагать, что его титул «Ленинградский» в 1991 г. будет «ликвидирован», а в 2000 г. император Николай II, с семейством, будет причислен к лику святых Русской православной Церкви?

Известен случай, когда владыка с одним духовным лицом, которому абсолютно доверял, был в Свердловске (ныне — снова Екате-

ринбург) в гостинице. Утром он постучал к тому в номер и сказал: «Слушайте, *они* здесь приняли смерть. Давайте отслужим панихиду»¹⁰³.

Из документов:

5/18 июля 1918 г. Заседание ВЦИК под председательством Свердлова, одобрившее расстрел Николая Романова, имевший место «16 июля в Екатеринбурге», «ввиду опасности приближения чехословацких войск»¹⁰⁴. И царская семья приняла смерть в подвале дома Ипатьева...

6/19 июля 1918 г. Резолюция патриарха Тихона на протоколе совещания Соборного Совета, созванного по вопросу о служении соборной панихиды по расстрелянному бывшему императоре Николае II: «Благословляю Архипастырей и пастырей молиться о сем на местах»¹⁰⁵. Так что владыка Никодим, будучи официальным сергианцем, был тайным тихоновцем.

Когда владыка Никодим побывал в Свердловске, там еще стоял дом Ипатьева. Но в 1977 г. — после прославления последнего русского императора за границей — в два дня был снесен по приказу тогдашнего первого секретаря Свердловского обкома КПСС, того, кто через десять лет и возглавил «освобождение» РСФСР от СССР в 1989–1991 гг. И вряд ли митрополит Ленинградский мог предполагать, что пройдет еще 30 лет, и островам архипелага Северная Земля вернут дореволюционные названия. Остров Малый Таймыр станет островом цесаревича Алексея, остров Октябрьской революции станет островом Святой Александры, остров Большевик вернет прежнее название — Святой Ольги, остров Комсомолец станет островом Святой Марии, остров Пионер — островом Святой Татьяны, а остров Домашний — Святой Анастасии...¹⁰⁶

В советское время была такая поговорка: «Курица не птица, Болгария не заграница». Но поездки даже в такую «беспроблемную» страну Лубянка обставляла так, как будто «агентов влияния» забрасывали в одну из стран НАТО «с тяжелым контрразведывательным режимом». Вот образчик тогдашней комитетской «чернухи».

1983 год. В НРБ на юбилейные торжества, посвященные юбилею патриаршества Православной Церкви Болгарии выехала делегация РПЦ во главе с патриархом Пименом. В состав делегации включены агенты органов КГБ (перечисляются агентурные клички — а. А.) и оперработник действующего резерва под соответствующим прикрытием сотрудника Патриархии¹⁰⁷.

Но никакие «оперативные прикрытия» не помогли, и в 1990-е годы в Болгарии, как и в других бывших странах Варшавского блока, произошло то, чего не случилось в Российской Федерации, а именно — люстрация. С руководящих должностей были убраны около 50 тысяч бывших членов БКП — носителей гена номенклатурной зависимости.

В феврале 1991 г. в Болгарии начался судебный процесс над Тодором Живковым, правившим страной с 1954 по 1989 г. За полтора года по делу Живкова было опрошено более двухсот свидетелей, документы исчислялись сотнями килограммов. Слушания несколько раз переносились из-за преклонного возраста обвиняемого (тогда Живкову шел 81-й год).

Бывшему лидеру было предъявлено обвинение в хищении государственных средств на сумму 26 млн левов. Прокурор потребовал приговорить Живкова к десяти годам лишения свободы. Однако общественность страны посчитала такое обвинение недостаточным. Поэтому на первый план выдвинули другой процесс, начатый в июне того же года. В его рамках Живков обвинялся в организации исправительно-трудовых лагерей близ города Ловеч, где, по ряду оценок, было замучено и убито 147 политических заключенных. Ему также предъявили обвинение в разжигании национальной розни за проведение насильственной ассимиляции почти миллиона этнических турок в Болгарии в 1984–1985 гг.¹⁰⁸

Вспоминает внучка Тодора Живкова — Елена.

— После 1990 г. мне было тяжело жить с фамилией Живкова, но я не поменяла ее из принципа, хоть и вышла замуж, — объясняет Евгения.

— Когда дед освободили после 6-месячного заключения, он переехал жить ко мне на дачу — у него никогда не было своей собственной квартиры. Впрочем, на даче полиция постоянно устраивала обыски, а потом и вовсе хотела ее отобрать: против меня тоже завели уголовное дело, грозившее конфискацией имущества. Слава богу, все обошлось. Дед жил под домашним арестом почти до самой смерти, и жил очень скромно — ему всегда казалось, что он мешает своим близким. Больше всего Тодор Живков переживал, что те, кто ласкал его и кланялся, отвернулись от него первыми. Горбачева он не любил — говорил, что «этот руководитель влюблен в себя и занимается пустословием»¹⁰⁹.

...Владыка Никодим объездил много стран; собирался он побывать и в Чили. Но не успел: в стране произошел переворот, и к

власти пришел Пиночет. Снова черные полковники... А эта страна была близка к тому, чтобы упасть в «объятия Кремля», — в ходе операции КГБ в Чили по избранию президента Сальвадора Альенде. Это была своеобразная «битва между КГБ и ЦРУ».

В документах архива Лубянки эта операция КГБ носит название «Лидер», а избрание Альенде в 1970 г. президентом Чили называется «революционным ударом по системе империализма в Латинской Америке». КГБ играл важную роль в его предвыборной кампании — Альенде победил с очень незначительным перевесом голосов. Есть документы, свидетельствующие, что КГБ финансировал его избирательную кампанию, выплачивал ему десятки тысяч долларов и даже передал в его личную коллекцию несколько икон. Коммунистической партии Чили было выплачено 400 тысяч долларов. Американцы тоже потратили тогда в Чили около полутора миллиона долларов, но их деньги оказались менее действенными¹¹⁰.

В те годы поездки в страны Южной Америки считались чем-то экзотическим и были на сугубом контроле «конторы».

Из документов.

23.11.1987. Совет по делам религий при Совете Министров СССР (т. Харчев) просит разрешить дать согласие Московской Патриархии направлять священнослужителей из числа советских граждан на постоянную работу во вновь созданные приходы Русской Православной Церкви в Бразилии и Уругвае, не входящих в перечень стран, куда, в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 24.1.1975 г. (№ Ст-158/52 гс), разрешены долгосрочные командировки советских граждан по религиозному каналу.

С МИД СССР (т. Комплектов), КГБ СССР (т. Бобков), согласовано. (Заместитель председателя КГБ Бобков отвечал за работу по линии «инакомыслящих» (сегодня — шеф охранной службы крупной компании.)

Учитывая современную политическую обстановку и складывающиеся благоприятные условия для деятельности Русской православной Церкви в Бразилии и Уругвае, полагаю бы возможным поддержать данное предложение. Просим согласия. Зав. отделом пропаганды ЦК КПСС Ю. Складов. Зам. зав. международным отделом ЦК КПСС К. Брутенц¹¹¹.

Финляндия

Для многих поездка за границу — это отдых, смена впечатлений; груз проблем, хотя бы на время, где-то позади. Но владыка Никодим до предела заполнял каждое свое пребывание за рубежом. А иногда и создавал новые проблемы, которые сам потом и преодолевал, — порой за счет собственного здоровья. Вспоминает архиепископ Лонгин (Талыпин), викарий Московской епархии, представитель Русской православной Церкви в Германии (Дюссельдорф).

Характер владыки я мог бы проиллюстрировать следующим примером. Митрополит приехал в очередной раз в Финляндию, в Хельсинки, чтобы принять участие в поставлении нового лютеранского епископа. Торжественное богослужение было назначено на 10 часов утра в одно из воскресений. Естественно, владыка Никодим, как обычно, хотел совершить сначала Божественную Литургию в одном из наших православных приходов. И вот в Покровском Патриаршем приходе он назначил службу на 7.30 утра. Совершив богослужение, митрополит был приглашен на чай в дом настоятеля. Владыка общался с прихожанами, духовенством, а поскольку я был организатором визита, то мое дело было смотреть за тем, чтобы мы вовремя были на лютеранском богослужении, поскольку там должен был присутствовать и президент республики Финляндии. Время идет, я говорю владыке, что нам пора уже ехать. Он мне говорит: «Да-да». Проходит немного времени, я снова подхожу к нему, говорю: «Владыка, нам нужно ехать». В ответ: «Я сказал тебе — да-да». Я вижу, не могу я старца переубедить, пошел, позвонил в полицию. Объяснил положение и попросил полицейскую машину с мигалкой, которая будет ехать перед нами, дабы мы успели вовремя. Полиция приехала, и говорят, что если вы хотите заранее приехать, то ехать надо сейчас. Я пошел и говорю владыке, что полиция приехала, просит поторопиться. Он мне: «Я тебе сказал — да», и продолжает сидеть. Я пошел к полицейским, а они говорят, что если этот человек не выйдет сейчас, они уедут. Я говорю: «Поймите, он митрополит Ленинградский и Новгородский, член Священного синода». Они нервно отвечают: «Нам не важно, кто он и какой митрополит, мы его проводим, если только он немедленно выйдет». Я пошел к владыке снова, митрополит крайне раздражен: «Я сказал, что иду!» Я отвечаю, что полиция утверждает, что если Вы сейчас не выйдете, то придется добирать-

ся пешком. Митрополит встал, прочитал благодарственную молитву и быстро вышел из комнаты. За ним последовал болгарский митрополит Панкратий. Подошел владыка к машине, сел, захлопнул дверь. Я тоже сел в машину, и мы поехали. Я обращаюсь к владыке: «Извините, что я так сказал, поймите, что полиции все равно, а нам надо вовремя приехать». Авва молчит. владыка Панкратий, представитель болгарского Патриарха, говорит: «Владыка, не сердитесь на отца Лонгина, он же только лучшего хочет». Молчание. Подъезжаем мы к евангелическому собору, улицы все перекрыты, поскольку ожидали приезда президента Финляндии, без двух минут десять мы влетаем на машине на площадь перед собором, я быстро выскакиваю, вытаскиваю митрополита из машины, а он мне говорит: «Посмотри, как там у меня крест на клобуке», причем очень спокойно. Я говорю: «Владыка, все очень хорошо», беру его под руку, веду. Уже слышна сирена, президент подъезжает. Я говорю: «Скорее, владыка!», а он: «Спокойно», и солидно поднимается по ступенькам собора, его приветствуют, отводят на его место, и тогда он миролюбиво говорит мне: «Ну, Сотник (так он меня, любя, называл), смотри, мы прекрасно успели». Владыка садится на предназначенное ему место, и тут же входит президент. После богослужения я подхожу к владыке под благословение, а он говорит: «Ну чего тебе, Сотник, было волноваться, чего наводит панику, мы же успели, все хорошо, ты молодец, все хорошо устроил!»¹¹².

Афон

Бывая на Афоне в 1960-х годах, владыка Никодим нередко сталкивался с недоброжелательным отношением греческих насельников к маститому паломнику из советской России. Иноки опасались усиления русского былого влияния на Святой Горе, и в каждом таком визите видели «руку Москвы». Однажды, во время одного из первых визитов, владыка подал на «вечное поминовение» в древнюю обитель синодик с именами усопших иерархов Русской православной Церкви, а также своих родных и близких. К помяннику он приложил 100 долларов, что было по тем временам крупным пожертвованием. Особенно если учесть жесткий валютный контроль советских времен. Это невольно расположило афонскую братию к посланцу из России, и святогорцы стали считать его «своим».

А обстановка на Афоне была весьма сложной. Еще 18 марта

1957 г. патриарх Алексей I обратился к Константинопольскому патриарху Афинагору с просьбой допустить на Афон в русский монастырь св. Пантелеимона десять новых монахов из Советского Союза: «Поминая годы пребывания на Афоне наших насельников и радость их духовного возрастания в благословенной атмосфере св. Горы, мы обращаемся к Вашему Святейшеству с просьбой благословить и ныне пребывание и несение послушания в монастыре св. Пантелеимона русских монахов, вновь желающих прибыть в количестве десяти человек, и дать нам великое утешение сознавать, что русские люди, как и в древние времена, несут молитвенный подвиг во славу имени Христа Бога нашего, в уделе Его Преподобной Матери»¹¹³.

Однако во второй половине 1958 г. денежная помощь Свято-Пантелеимоновскому монастырю на Афоне, посланная Патриархом Алексием I в связи с бедственным положением обители, была отвергнута ее монахами. Попытка послать из СССР монахов на Афон потерпела фиаско. «Кроме церковной стороны этого дела, здесь не следует упускать из вида еще и другую его сторону, — отмечалось в зарубежной печати. — Ни при каких условиях органы государственной безопасности СССР не выпустят из страны непроверенных людей; они выпустят туда лишь не вызывающих никаких сомнений в смысле их политической благонадежности. А если эти люди благонадежные, то, во-первых, едва ли они будут искренними монахами и подлинными насельниками монастыря во имя Христа, а, во-вторых, те же органы государственной безопасности не забудут дать им “дополнительные задания”, мало имеющие общего с монашеством. Да и вообще, не будут ли в этом случае одеты монашеские рясы на негласных агентов государственной безопасности СССР? Положение на этом фронте борьбы Московской Патриархии за свое абсолютное церковно-политическое господство создалось в достаточной степени деликатное»¹¹⁴.

Именно митрополиту Никодиму принадлежит заслуга возрождения почти совсем угасшего русского монашества на Святой Горе Афон. Получив, хотя и с трудом, разрешение посетить Афон, он наглядно столкнулся с кризисом, в котором оказался русский монастырь св. великомученика Пантелеимона: самому молодому монаху здесь было 70 лет. В результате настойчивых усилий митрополита Никодима в 1960–1970-е годы более чем двадцати монахам молодого и среднего возраста удалось получить разрешение приехать из России на Афон и поступить в русский Свято-Пантелеимонов мона-

стырь, благодаря чему монастырская жизнь в нем не упразднилась окончательно.

Владыка Никодим немало потрудился для того, чтобы воссозданные при его содействии связи России с Афоном развились и упрочились. В бытность его постоянным членом Синода Афон начали посещать многочисленные делегации и паломнические группы, монастырю оказывалась посильная помощь. Конечно, уровень материальной помощи Афону ограничивался политическими обстоятельствами того времени. Но едва ли не важнее для святогорских иноков была моральная и духовная поддержка со стороны нашей Церкви в годину, когда военная хунта, правившая тогда Грецией, вознамерилась закрыть русский Свято-Пантелеимоновский монастырь¹¹⁵.

Вспоминает митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев): «Мне довелось быть свидетелем и самовидцем жесткого объяснения владыки Никодима, в тот период уже председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, с одним из руководителей греческой хунты генералом Потакосом. Сколько внутренней силы, сколько убежденности, сколько веры было в аргументах митрополита Никодима! Он говорил воистину как власть имеющий, и опровергнуть его доводы генералу оказалось не под силу. Усилия владыки Никодима достигли цели и сыграли свою роль в спасении русского афонского монастыря»¹¹⁶.

После кончины владыки (1978 г.) на Ленинградскую кафедру был перемещен из Белоруссии митрополит Антоний (Мельников; скончался в 1986 г.) Мне довелось наблюдать его в быту и невольно сравнивать его линию поведения с жизнью его предшественника. Упоминания о митрополите Антонии полезны для контраста, чтобы рельефнее «вылепить» образ владыки Никодима.

В параллель. Прошли годы, и в начале 1980-х годов на Афоне побывала небольшая делегация Русской православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Антонием (Мельниковым). Перед отбытием из Москвы ему были выданы в ОБЦС «командировочные» на всех участников поездки. Не желая связывать себя бухгалтерскими расчетами, он вручил мне полученные доллары вместе с «расшифровкой»: по какой статье начислены нам те или иные суммы. Одновременно я получил указания, не подлежащие обсуждению. Митрополит Антоний неоднократно выезжал за границу, и чувствовалось, что он действует по отработанной схеме.

— Расшифровку никому не показывать. Доллары обменять на драхмы; «представительские» (а это немалая сумма. — *а. А.*) и мои «суточные» передать сразу же лично мне.

— А как насчет остальных членов делегации?

— Владыке Владимиру (второй по сану член делегации; фамилия не имеет значения. — *а. А.*) выдать суточные полностью. Себе тоже можете отсчитать суточные. Остальным пока ничего не давать. На Афоне им деньги не нужны.

В моей практике это было впервые. Ранее мне доводилось выезжать за границу во главе небольших молодежных делегаций по линии всеправославной международной организации «Синдесмос». Едем, к примеру, в поезде «Москва—Хельсинки». Сразу после пересечения границы приглашаю всех в купе. Первым делом пускаю по рукам финансовую ведомость («расшифровку»), чтобы каждый видел причитающуюся ему сумму. Суточные раздаю сразу же; остаток «гостиничных» — в конце поездки. А представительские, за вычетом расходов (транспорт, телефонные звонки, сувениры и т. д.), делим поровну накануне возвращения домой. И никаких закулисных разговоров, интриг, косых взглядов.

А тут хозяин «общака» подставляет меня под удар «братвы!» При первой же возможности раскрываю перед «неимущими» «тайны мадридского двора». Дескать, все претензии — к главе делегации.

Пролетели дни пребывания на Афоне, возвращаемся в Афины. Новый приказ: выдать каждому небольшую сумму (на карманные расходы); остальное — утром перед отъездом в аэропорт. Народ тихо ропщет, но ко мне — с полным пониманием. («А при чем здесь Штирлиц? Ему поручили — он выполнил».)

Утром новое распоряжение: в 10 утра собраться в холле гостиницы с вещами и ждать указаний. Деньги пока не раздавать! В томительном ожидании проходит два часа. Архиерей, нагруженный коробками, выходит из машины: с утра он объехал антикварные лавки и «представительские» потратил с толком. И тут же команда: выезжаем в аэропорт!

В зале отлета до регистрации билетов еще час, и я робко спрашиваю: можно ли раздать драхмы? Ведь это последняя возможность купить что-то для дома, для семьи, — пусть и по взвинченным аэропортовским ценам. И, к моему удивлению, слышу: «Нечего им болтаться по аэропорту! Еще опоздают на посадку! Валюту в Москве вернуть в бухгалтерию ОБЦС!».

Возражать бессмысленно: хозяин — барин! Но мне надо «сохранить лицо» перед «рядовым составом». Отойдя в сторону, доложу архиерейский приказ до «обездоленных» и демонстрирую пачку «неразменных» греческих драхм. И, ничего не опасаясь, в присутствии архиерейского келейника, комментирую: «Барин!» И чувствую, что даже он на моей стороне.

Но в Москве трагикомедия продолжается. Беру одного из «обиженных» в качестве «понятого», и мы идем в бухгалтерию ОВЦС. Увидев драхмы, главбух Нина Ивановна устраивает скандал: выдавали доллары, а возвращают драхмы!

— Ну и что?

— Как что? Доллары — это валюта «первой категории», а драхмы — «второй»! Как я теперь их оприходуя?

Мы молча уходим: «антониевщиной» сыты по горло. Зато архиерей доволен: руководство ОВЦС знает, что он всегда радует о казне, и в следующий раз, перед очередной поездкой, его кандидатура будет иметь преимущество.

... В те годы корреспонденция, приходившая в епархию и академию, раскладывалась по ящичкам, и у наиболее «общительных» были свои персональные «ниши». Выгребаю из своей ячейки ворох писем; заграничные, не глядя и не вскрывая, перекладываю в митрополичий ящик. Это был своего рода вызов: хотели втянуть меня в ваши «игры» — сами и разбирайтесь! Но митрополит Антоний делал вид, что все так и должно быть. Своему личному секретарю он сказал: «Женечка, заведи отдельную папочку для писем о. Августина!».

У читателей молодого поколения может сложиться впечатление, что тогдашние власти «прессовали» лишь служителей *культы*. А, дескать, *культура* — это другое дело. И вопрос — «С кем вы, деятели культуры?» — решался однозначно: «Партия сказала, комсомол ответил — есть!»

Вспоминает кинорежиссер Владимир Меньшов, снявший знаменитый фильм «Москва слезам не верит» (1980 г.) В течение первого года фильм просмотрели 85 миллионов человек. Статистику второго года никто не вел, хотя в одной Москве картина шла в 20 кинотеатрах. Фильм купили сто стран мира. В США первой наградой «Москвы...» стал приз прокатчиков Америки — купленный за 50 тысяч долларов фильм за 12 месяцев собрал 2,5 миллиона. По миру шли триумфальные премьеры картины, на которых неизменно отсутствовал один человек — режиссер Меньшов.

— Почему меня не выпускали из страны? В этом как раз и вся проблема, что тебе никогда не говорили причину. Я сам пытался выяснить, в чем дело, ходил по кабинетам. А начальники опускали глаза: «Ну подожди, все само как-нибудь рассосется». Только спустя годы я узнал, что на меня лежало два доноса. От коллег. Моими «проступками» было то, что после снятия с должности Подгорного (кто сейчас помнит о нем! — а. А.) я высказал удивление, почему, мол, отставка второго человека в стране произошла без всяких объяснений. А второй донос был посвящен моему восхищению количеством продуктов в каком-то заграничном магазине. Этого было достаточно. А я-то думал, что Родину продал, планы секретного завода выдал.

Когда пришло приглашение на церемонию «Оскара» (американцы прислали его на мой домашний адрес), меня, разумеется, вновь не выпустили. А в результате все окончилось позорищем для страны. Потому что, когда за наградой вышел атташе по культуре советского посольства, на следующий же день во всех газетах было написано, что «Оскара» получил работник КГБ вместо невыпущенного Меньшова¹¹⁷.

... Весной 1986 г. митрополит Антоний скончался, прожив всего 62 года. Ученые давно установили, что ложь вредно отражается на здоровье человека — как врущего, так и слушающего ложные суждения: психика бунтует, возникают стрессы, подступают хвори... А угрюмый поток лжи в СМИ начала 1980-х годов был сравним по своему вредоносному воздействию с радиацией.

Летом я отправился в одиночный байдарочный поход по Витиму (четвертая категория сложности), — маршрут, «страшный в своей безысходности». За месяц было пройдено по «ненаселенке» полторы тысячи километров. Пороги, перевороты, постоянное балансирование на грани жизни и смерти, — все это помогло забыть питерскую мышиную возню, «крысиные гонки».

Возвращаясь в академию к началу учебного года. Захожу в канцелярию, готовый к самому худшему: мол, «фирма не нуждается в ваших услугах». За столом — тогдашний секретарь ЛДАиС — архимандрит Ианнуарий. Поздоровались, и он сообщает: «Из Отдела пришло письмо. Тебя оформляют в поездку на международную конференцию». Щупальца разжались...

Будучи по существу вторым (после патриарха) лицом в Русской православной Церкви, владыка не имел зеленого (дипломатического) заграничного паспорта. Тем не менее он мог пользоваться депутатским залом при вылете за границу и при возвращении, что освобождало от обязательного таможенного досмотра. Владыка пользовался этой привилегией и ввозил в страну центеры религиозной литературы, пополняя книгами библиотеку Ленинградской духовной академии, раздавая семинаристам Библии брюссельского издания на русском языке. Книги он привозил из-за границы в чемоданах, которых у него было обычно не менее десяти. Объясняли такое количество тем, что владыка везет с собой архиерейские облачения, необходимые ему для совершения богослужения в поездках.

Святитель «баловался контрабандой» в особо крупных размерах. Как вспоминал о. Маркелл, однажды за границей владыке подарили большую партию нательных крестиков, которые по тем временам в Союзе были дефицитом. (Власти боролись с религиозной символикой — она понемногу расшатывала их режим: «Крестик — маленький протестик».) Крестики «под завязку» были насыпаны в большую круглую деревянную коробку из-под митры, и в аэропорту ее оформили как ручную кладь.

Прилетели в Москву; владыка с о. Маркеллом проходят в Шереметьево через депутатский зал. О. Маркелл идет сзади и несет «митру», но под тяжестью содержимого ремешок на коробке лопается, она падает, и крестики рассыпаются по полу. Владыка, не видя этого, проходит мимо дежурного у стойки, а тот «закрывает глаза» на келейника, ползающего по полу с коробкой в руках... Через неделю владыка одаривал этими крестиками студентов академии.

Однако «депутатские привилегии» были весьма условными. При необходимости досмотр, включая личный, могли учинить любому «неприкасаемому» (Широко известна история с главой Евангелическо-лютеранской Церкви Латвии, которого «взяли на кармане» по наводке из рижского КГБ. Прямо в депутатском зале у него при личном досмотре изъяли «незаконную» валюту.) А надо было воспользоваться советом основоположника: «Чтобы здесь не взяли лишку за размен, — учил великий Ленин, — лучше всего купить франков в Москве и перевести уже точную сумму фран-

ков в Париж... Это самый удобный способ. Оказиям доверять не стоит»¹¹⁸.

Когда у секретаря ЦК КПСС Фрола Козлова чекисты нашли в сейфе доллары, того хватил инсульт (весна 1963 г.) В те годы за «незаконные валютные операции» могли дать «вплоть до высшей меры», — а тут — такой человек! Председатель КГБ Семичастный пошел к Хрущеву за инструкциями, что делать с провинившимся.

— Выздоровеет — исключить из партии, умрет — похоронить с почестями, — ответил Никита Сергеевич.

Слова эти дошли до лежащего в больнице партбосса. Судя по тому, что Козлов до сих пор лежит у кремлевской стены, намек он понял правильно»¹¹⁹.

В хрущевское время член Президиума и секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов, считавшийся вторым лицом в руководстве после Хрущева, как выяснилось, брал взятки за назначение на руководящие посты, прекращение судебных дел и прочие услуги. Брал он деньгами и драгоценными камнями через посредство своего приближенного Н. Смирнова, председателя исполкома Ленинградского горсовета»¹²⁰.

Впрочем, зря сделали Фрола козлом отпущения. Ведь у него были славные учителя — члены ленинского Политбюро. Когда умер Яков Михайлович Свердлов (1885–1919), его сейф опечатали, отравили в подвал и забыли нем. Пролежал он там 15 лет. А в 1935 г. стали проводить инвентаризацию, и сейф вскрыли. В сейфе Свердлова лежало 7 иностранных паспортов на всю его семью. А также 108 тысяч золотых рублей царской чеканки, 760 тысяч рублей облигациями и 708 золотых предметов с бриллиантами¹²¹.

Владыка Никодим должен был учитывать возможную опасность и не переступать условную черту. В его резиденции в Серебряном Бору был богатый подбор зарубежных изданий на русском языке. Но в совокупности, выражаясь тогдашними терминами, эта «литература» не тянула на 70-ю статью УК РСФСР (антисоветская деятельность). Она тянула только на 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Впрочем, по свидетельству одного из тогдашних семинаристов, однажды митрополит Никодим привез «Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицына, напечатанный на тонкой папиросной бумаге, и другие книги, которые затем передавались учащимися друг другу¹²².

«Внутри этого круга людей циркулировала литература, в том числе и антисоветских издательств, и были вполне откровенные разговоры о советском режиме, — свидетельствует священник Игорь Адрианов (Минск). — Эти молодые люди понимали, что советская власть не вечна, и нужно сейчас готовить Церковь к жизни в условиях свободы, которая неизбежно наступит. Самое главное — они доверяли друг другу. В конечном счете, эта команда единомышленников “переиграла” советское КГБ и сумела сделать очень многое, чтобы в определенном смысле подготовить Церковь к будущей жизни в условиях свободы после падения коммунизма. И владыка Никодим имел огромное влияние на эту молодежь, “подняв их с колен”, и был подобен Моисею, готовившему свой народ к жизни в Земле Обетованной, но так самому на нее и не вступившему. Так владыка Никодим готовил Церковь к жизни в условиях свободы, но сам не дожил до этих времен»¹²³.

Владыка провозил через депутатский зал чемоданы «идеологически вредной литературы» «на грани фола». А обычных «книгонош» на таможне ожидали испытания. Что обычно интересует таможенню? В «застойные» годы на советско-финской границе выборские таможенники, следуя инструкции, скучным голосом спрашивали у пассажиров, следующих *туда*: водка? иконы? оружие? И едущих *оттуда*: Библия? порнография? литература?

Вспоминаю аналогичную сцену эпохи «застоя» в Шереметьево-2. Таможенник, выявив в чемодане «литературу», откладывает стопку книг в сторону и нажимает на кнопку. Над стойкой загорается лампочка-светильник определенного цвета, и через минуту, не глядя в сторону владельца, к книгам подходит «круглолицый». (Таможенник уже «работает» со следующим пассажиром; ко мне, «по его линии» претензий нет). «Круглолицый» молчалив; представляясь, он произносит лишь одно слово: «политконтроль». А это значит, что в отличие от таможенника (в те годы — представителя Министерства внешней торговли), «библиофил» числится за другой «конторой».

За книги я спокоен, — в них, при всем желании, нельзя отыскать ни одной строчки, «враждебной советскому строю». Однако «литературовед в штатском» неожиданно откладывает в сторону... «Алису в стране чудес» лондонского издания на русском языке. Как? Почему «Алиса» «непроходная»? Лениво цедя слова, сквозь зубы, «круглолицый» объясняет: «Разве не видите, чей перевод? Набокова!»

— Так что же, «Алиса» — антисоветчица?

— А Вы не видите, где книга напечатана? — не сдается опер, — в Лондоне!

Это уже полное «Зазеркалье». Ясно, что гэбэшник хочет «заиграть» «Алису». На носу Новый год, а у него семья, дети, и надо думать о подарках. Я продолжаю настаивать: — Покажите «Алису» в «Перечне книг, запрещенных к ввозу в СССР»!

— «Перечень» — для служебного пользования и ознакомлению не подлежит! — парирует «шестерка» из «пятерки». (В 1970–1980-х годах — Пятое управление КГБ по борьбе с идеологическими диверсиями).

Немного поразмыслив, «сдаюсь».

— Хорошо! Протокол об изъятии книги Кэрролла прошу составить в двух экземплярах (копию мне) и указать, что это «сборник сказок для детей».

«Идеолог», не ожидавший такого поворота, теряется, но только на секунду. Продолжая «литературную игру», он вынимает радио и связывается с напарником (подельником): «Второй! Второй! Первый на связи!» «Второй», изображающий «первого» (шефа), появляется незамедлительно. Им нужно капитулировать на почетных условиях. Следуя отработанной технологии, «добренький» просматривает стопку книг, придвигает к ним «Алису» и отрывисто произносит: «Свободен!». После этого оба «наперсточника» молча удаляются...

Впрочем, иногда обходилось и без политконтроля. Прибывают в Шереметьево-2 одновременно, скажем, три рейса из Западной Европы. Таможенники не справляются, очередь не убывает. Тут уже не будешь перетряхивать каждый чемодан и *выявлять печатные издания*. И происходит такой вот диалог.

— Литература в багаже есть?

— Только наша. (Под «нашей» они тогда понимали советскую. А мы — церковную).

— Проходите. Следующий!

Строгости касались в основном *литературы*. А в остальном в «Шереметьево-2» действовали тоньше. Просто так, без прямой «наводки», карманы пиджака не выворачивали. Зачем? Ведь есть другой способ. «Вот у Вас в декларации указана валюта. Предъявите ее, пожалуйста». Законное требование. Пассажир сам достает портмоне и извлекает задекларированные «зеленые». Но валюта — только предлог. Таможенник тянется к бумажнику пассажира и

ласково спрашивает: «Можно взглянуть?», после чего вытряхивает его содержимое. . .

И все же Шереметьево-2 — это зеркало, хотя и кривое. А в советском зазеркалье все было проще. Те, кто ходил в загранплавание на торговых судах, в те годы пели: «С чего начинается родина? Со шмона в твоём рундучке». А «легкоранимым», тем, кто пытался протестовать против обыска, разъясняли: «Это личный досмотр. Обыск — это когда с тебя носки будут снимать». «Недовольным» закрывали «форму номер один» (или как она там) на выезд за рубеж, и переводили на «малый каботаж» — без допуска на заход в иностранные порты.

К среднему звену «плавсостава» относились поделikatней. Без особых подозрений не «лапали», но если пиджак висел на стене кубрика, то запустить руку в карманы — святое дело. Из «устной классики» загранплавания: пожилой стармех сходил в последний загранрейс, собираясь взять расчет в пароходстве. А заодно — расквитаться за долгие годы унижений. Перед визитом таможенников он повесил свой пиджак на стену каюты, а в нагрудном кармане «забыл» лезвие опасной бритвы. . .

Митрополиты, не имевшие «зеленых корочек», а обладавшие всего лишь обычными красными загранпаспортами, пользовались депутатским залом, но при каждой поездке необходимо было получить разрешительное письмо от Совета по делам религий. Один из них — митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко; ныне — в расколе) — летал за границу чаще других, — по «миротворческой линии». Тяжко дыша, опираясь на посох, осыпанный алмазами, он вальяжно шествовал через депутатский зал на посадку в самолет. Депутатский зал был у него уже «в крови», и когда в конце «перестройки» члены Священного синода стали вести «антисоветские разговоры» о ликвидации Совета с его полицейскими функциями, киевский архиерей выражал свое несогласие.

— Позвольте! Вот я, например, иду через депутатский зал под «гарантийное письмо» из Совета. А если Совет ликвидируют, то кто мне депутатский зал будет обеспечивать?

Депутатский зал. . . О том, что он представлял собой в советское время (как, прочем, и сейчас), повествуется в книге М. Восленского «Номенклатура» (Лондон, 1984).

. . . Черная «Волга» привозит номенклатурищика в аэропорт. Подвезет она его не к общему входу, а к специальному — в так называемую «комнату депутатов Верховного Совета СССР».

Это — отличное изобретение, которым организаторы обслуживания номенклатуры справедливо гордятся. Действительно, звучит демократично и конституционно: не зал для каких-нибудь бонз, а комната для наших с вами народных избранников, товарищи! А кто знает, что в этом зале с мягкой мебелью, ковровыми дорожками и обслуживающим персоналом сидят в большинстве своем не избранники, а номенклатурные чины? Да и нет такого потока разъезжающих депутатов Верховного Совета СССР, который оправдывал бы содержание залов. Решена была и проблема, как представить эти залы привозимым туда иностранцам — дипломатам и членам разных делегаций, знающим, что они — не депутаты Верховного Совета: в табличках на английском языке депутатская комната переведена как VIP-Hall; — ну кто же возразит против того, что он — *very important person*?

Из депутатской комнаты предупредительный персонал — не чета тому, который рывкает на пассажиров в других помещениях аэропорта — проведет нашего завсектором в самолет за несколько минут до того, как будет объявлена посадка, так, чтобы он и у трапа самолета не встретился с народом. А в первом классе самолета он окажется среди своих. При посадке самолета сначала подкатят трап к первому классу, и он сойдет на пустое летное поле, встреченный местным руководством — потом уже выпустят остальных пассажиров¹²⁴.

А как обстояли дела с высшими партийными бонзами? Слово М. Восленскому.

«Во время своих поездок высшие номенклатуришки не соизволят заходить даже в депутатские комнаты, о праве пользоваться которыми мечтают делегации советских ученых, писателей и прочих защитников мира. “ЗИЛы” и “чайки” верховного начальства въезжают прямо на аэродром и тутчас везут прилетевших на их дачи и квартиры. А как с багажом хозяев? Ведь, находясь за границей, они не забывают покупать вещи для себя и родственников, хотя по магазинам бегают не сами, а посылают обслуживающих их подчиненных. Заботу о багаже и оформление штампов в паспортах при отлетах и прилетах берет на себя обслуга — приезжающие для этой цели в аэропорт сотрудники Девятого управления КГБ. Они уверенно распоряжаются в аэропорту, где всюду имеют право доступа. Тягостно было смотреть, как такой распорядитель, приехавший в аэропорт Шереметьево за багажом входившей в состав нашей делегации дочери А. Н. Косыгина, отправив ее че-

моданы, из милости покровительственно вывел вместе с собой без очереди вице-президента Академии наук А. П. Виноградова. И вот один из крупнейших ученых страны с робкой благодарностью семенил ослабевшими старческими ногами за важно шагавшим холуем номенклатурной верхушки»¹²⁵.

Однажды владыка Никодим поведал об истории, которая якобы приключилась с армянским Католикосом Вазгеном. Тот прилетел во Францию, и в парижском аэропорту таможенники «тормознули» его представительский багаж. Им не понравилось, что несколько чемоданов были забиты бутылками армянского коньяка. Мало того, что превышены все мыслимые нормы провоза спиртного, так еще на этикетках значится слово «коньяк», — а это уже незаконное использование чужой торговой марки. Речь уже зашла о конфискации, но секретарь Католикоса не растерялся и заявил, что это «вино» необходимо для совершения литургии по чину Армянской апостольской Церкви. У таможенников глаза полезли на лоб: ничего себе литургия! Но груз был пропущен — «из уважения к сану».

Впрочем, с другим архипастырем приключилась история из разряда «нарочно не придумаешь». Самолет Аэрофлота выполнял рейс за границу, с промежуточной посадкой. На борту — артисты Кировского балета, летевшие до конечного пункта. Митрополиту сходить раньше, и он, пройдя аэропортовские формальности, направляется к багажной стойке. По транспортеру движется «его» чемодан, но на самом деле еще при регистрации в Шереметьево были перепутаны багажные бирки, а чемоданы похожи как две капли воды. Ничего не подозревая, владыка едет в гостиницу; есть еще время отдохнуть перед началом богослужения. Но пока надо извлечь из чемодана облачение. Крышка поднята, а там — пуанты и балетная пачка «лебедя». А прима-балерина в «своем» чемодане накануне спектакля обнаружила святительский омофор, саккос, поручи...

«Бронь ЦК»

Владыке часто приходилось вылетать за границу по срочным делам, не терпящим отлагательства (например, участие в похоронах предстоятелей Церквей). У Московской патриархии не было таких привилегий, как «бронь обкома», «бронь ЦК» или «бронь МИДа».

Для современного читателя поясним, что такое «бронь ЦК».

Железнодорожные или авиационные билеты партноменклатура получала прямо в ЦК. В узком переулке за комплексом зданий ЦК КПСС в невзрачном домике был расположен Сектор транспортного обслуживания, относившийся к Управлению делами ЦК. Американский корреспондент Хедрик Смит с наивным западным негодованием передавал рассказ разоткровенничавшегося интуристовского гида о том, что во всех самолетах, поездах и отелях всегда резервировалось определенное количество мест на случай, если вдруг «власти» пожелают ими воспользоваться.

Для советского человека это была привычная азбука повседневности: он знал, что существует так называемая «правительственная броня» на самые лучшие места, и пускаются эти места в продажу для обычных граждан не раньше, чем за полчаса до отхода поезда, парохода или самолета, а в отелях часть забронированных мест вообще не занимается, так как отель никуда не отходит, а номенклатуричики могут появиться в любой момент. Сектор транспортного обслуживания ЦК КПСС — одно из главных мест где номенклатура получала билеты на забронированные места»¹²⁶.

Но, как шутили еще в сталинские времена, «блат выше наркома». В международной кассе Аэрофлота у ОВЦС все было «схвачено». Бывали тупиковые ситуации, когда действительно мест не было — вся бронь уже «выбрана». И тогда аэрофлотовский кассир «брала грех на душу» — продавала второй билет на то же место. За это ей грозил выговор, и она просила сотрудника ОВЦС: «Вы уж там за меня помолитесь!».

Владыка занимал «свое» место в салоне первого класса одним из первых, — при всех регалиях: в белом клобуке, с панагиями, с посохом. И появлявшийся затем «двойник» с простым кейсом не решался вступать в спор с маститым «князем Церкви». «Недоразумение» приходилось улаживать бортпроводницам, и «номенклатурищика из ЦК» пристраивали во втором салоне, но обслуживали по разряду первого класса.

В советские времена иностранцы, летавшие самолетами Аэрофлота, называли эту авиакомпанию «чикен-компани» (chicken, англ. — цыпленок), поскольку особого выбора блюд на борту не было. В одном из подмосковных поселков у Аэрофлота была птицеферма, где выращивали бройлерных цыплят. Пассажиры экономического класса получали «фрагменты» птичьей тушки в холодном виде, «люксовики» — в разогретом. В те годы существовало негласное

правило, согласно которому «совграждане» должны были летать за границу только аэрофлотскими самолетами (экономия госвалюты!), и плакат «Летайте самолетами Аэрофлота!» ненавязчиво напоминал об этом. А если лететь надо было в дни поста?

Вспоминает бывший протоиерей, которого включали в состав делегаций, возглавлявшихся митрополитом Никодимом.

Взлетели; стюардессы начинают разносить подносы; и пассажирам экономического класса предлагают обычный аэрофлотский набор. А владыке ставят поднос с рыбой, по спецзаказу. Передо мной — цыпленок; смотрю на владыку, а он мне: «В дороге — разрешение на вся».

Часто бывая за границей, владыка был прост в обиходе, если это не касалось официальных моментов церковно-дипломатического протокола. Так, он с удивлением отзывался об одном почтенном профессоре-протоиерее (прошедшем лагеря), с которым ему доводилось бывать в поездках: «Он может за ужином в ресторане устроить сцену — почему вино не подогрето! Я этого не понимаю».

Пресс-конференции

Неотъемлемой частью поездок архиепископов за границу было участие в пресс-конференциях и чтение докладов. В годы хрущевских гонений владыка Никодим находился «между молотом и наковальней», о чем рассказывает архиепископ Брюссельский Василий. Осень 1961 г., Всеправославное совещание на о. Родос.

Выступление архиепископа Никодима носило, в общем, безупречно православный характер, ставило ряд вопросов, важных для жизненных интересов православия, отстаивало интересы Русской православной Церкви в рамках всеправославного единства. К сожалению, там была и политическая часть, с обычными полемическими выпадами против империализма, колониализма и т. д., сопровождаемыми очень резкими выражениями. Переводя эту часть доклада, я эти резкости систематически опускал. Архиепископ Никодим этого не заметил, но я ему сам потом сказал об этом: «Я это сделал потому, что иначе Ваш доклад произвел бы неблагоприятное впечатление». В ответ он сделал недовольную мину, но ничего мне не сказал. Он был достаточно умен, чтобы понять, что я говорю правду»¹²⁷.

Вспоминает профессор Эрлангенского университета д-р Фэри фон Лиленфельд: «В 1974 г. владыка приехал в Западную Герма-

нию. Это были брежневские времена, и немецкие баптисты очень много говорили о гонениях на религию в Советском Союзе. Когда владыка прилетел, в аэропорту его встретили с плакатами «Свободе Борису Талантову» (это был один из тогдашних политических заключенных). По лицу владыки я видела, что ему все это было очень больно. Он, помнится, сказал мне: «Эти призывы — не по моему адресу». Некоторые на Западе распространили слухи, что митрополит Никодим — ставленник КГБ, а не служитель Церкви. Но мы, работавшие с ним бок о бок, прекрасно знали и ясно видели, что для него именно служение Церкви всегда было на первом месте: этому служению он отдал всю свою жизнь»¹²⁸.

Приблизительно в то тяжелейшее для Церкви время, в так называемый хрущевский период, когда в два-три года по стране было закрыто более 10 тысяч храмов, когда каждый день приносил известия об очередных актах насилия, когда все газеты и журналы были переполнены клеветой в адрес верующих, в то время неприметный учитель из Вятки Борис Владимирович Талантов возвысил свой голос в защиту правды и справедливости, против гонений и насилий над Церковью. Он писал письма в церковные и государственные инстанции, обличал произвол местных властей. Тяжело было ему, пожилому человеку. Он был один, не было рядом ни подготовленных людей, ни смелых соратников. В провинции люди более робки, а власти более самоуправны, произвол более циничен.

Пример Талантова пробудил церковное самосознание простого верующего православного народа Кировской епархии. Они подали сотни жалоб о насилии и несправедливости по отношению к Церкви со стороны государственной власти в Президиум Верховного Совета СССР, в Верховный Суд, в центральные газеты, в канцелярию Н. С. Хрущева. Жалобы были подписаны сотнями и тысячами верующих»¹²⁹.

Фэри фон Лиленфельд продолжает: «Во время одного из визитов владыка Никодим пригласил меня в свою комнату и сказал: «Я не могу поделиться этим со всеми, но скажу хотя бы Вам. Мне очень тяжело на Западе. Меня все время спрашивают: есть ли гонения на Церковь в России? Если я скажу, что да, я нанесу своей Церкви непоправимый вред, а если скажу нет, меня назовут ставленником КГБ. Вот, я только что дал пресс-конференцию. Мне задали тот же самый вопрос. Я им сказал: а знаете ли вы, каковы права верующих согласно Конституции Советского Союза? И пересказал им почти

дословно статьи из Конституции, из которых ясно, что пропаганда атеизма в СССР поощряется, а пропаганда религии запрещена. Но журналистам все это было не интересно. Они просто хотели спровоцировать меня на ответ о гонениях на религию в СССР, чтобы потом обвинить в неискренности»¹³⁰.

В 1999 г. эта тема была затронута в интервью со Святейшим Патриархом Алексием II.

— 1960–70-е годы ознаменованы началом правозащитного движения. Многие его участники в СССР были связаны с Православной Церковью. Как Вы восприняли это движение?

— Я воспринял его как естественное движение в защиту прав верующих и не только верующих. Но светские политические методы противостояния часто не отвечали христианскому духу свидетельствования справедливости. С чем, например, и мы, и покойный Святейший Патриарх Алексий I не были согласны — это с формой открытых писем, которые сначала публиковались, а потом уже присылались к Патриарху, особенно когда они исходили от клириков. . . . Такую форму я и сегодня не считаю допустимой. Каждый может обратиться к своему епископу, не собирая для этого подписи и не публикуя воззвания.

Я отдаю должное гражданскому мужеству множества активистов, которые были готовы пожертвовать и жертвовали личным земным благополучием, терпели преследования, находились в заключении ради высших идеалов. И могу заверить, что внутреннее сочувствие преобладало у большинства православного духовенства. Я также высоко ценю жизненный подвиг десятков тысяч пастырей и миллионов верующих, которые изменяли общество своим христианским свидетельством и каждодневным трудом, терпя поношения и дискриминацию.*

В заморских странах владыке Никодиму приходилось иногда выслушивать не очень приятные вещи. Он выслушивал их с самообладанием. Вот, например, он в Вашингтоне. Там проводится пресс-конференция. Первым выступает представитель агентства Херст.

Вопрос: Скажите, Ваше Преосвященство (далее подчеркнуто деловым тоном), с какого времени Вы являетесь агентом КГБ, и как Вам удастся совмещать это со священнослужением?

Делегация Русской православной Церкви, состоявшая из 20 че-

* Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 6.

ловек, смотрит на владыку. У всех мелькнула мысль: «Сейчас встанет и уйдет, уйдем и мы все».

Все юпитеры и фотоаппараты направлены на митрополита. Ни один мускул не дрогнул у него на лице. Спокойно он ответил: «Я не служу в этой организации. Следующий вопрос». Вздых облегчения у членов делегации. Далее пошли рядовые вопросы¹³¹.

Другой деятель, принимавший некоторое участие в организации ОБЦС, владыка Киприан, не отличался подобным самообладанием. Так, еще будучи протоиереем, он был послан в Софию для контактов с местным духовенством. Он начал свою речь, к всеобщему удивлению, следующим образом: «Вы считаете меня агентом КГБ и не верите ни одному моему слову». Далее пошла речь о преимуществах положения Церкви в Советском Союзе. После речи владыка Киприан (тогда еще отец Михаил Зернов) обратился к одному из протоиереев с победоносным видом, видимо, ожидая комплиментов: «Ну, как?». И услышал в ответ: «Вы же, отец Михаил, не опровергли заявления, сделанного Вами в начале речи». Действительно, не опроверг¹³².

Общаясь с православными эмигрантскими кругами, владыка неоднократно убеждался в том, что нельзя быть в беседах до конца откровенным. Случалась утечка информации: «Скажешь что-нибудь по секрету архиепископу Брюссельскому Василию (Кривошеину), а завтра об этом знают не только в Бельгии, но и в Париже», — сетовал владыка Никодим. Болезненной темой было отсутствие религиозной свободы в Советском Союзе. «Вы нас ругайте, а мы будем вас опровергать. А вы нас еще сильнее ругайте», — так «инструктировал» владыка своих западных оппонентов. О тогдашней внешнеполитической деятельности иерархов пишет диакон Андрей Кураев.

«Там они лгали, утверждая, что в России религия свободна. Грех? Да. Но должно ли автоматически осуждение греха распространяться на осуждение согрешивших? Ведь это наш общий национальный и народный грех, который лишь в лице церковных пастырей сконцентрировался более ясно, полно и печально. Да, епископы за границей уверяли всех в нашей свободе. А верных людей там же просили: не верьте нам, не миритесь с большевизмом, кричите об этом ужасе (так делал, например, покойный Ленинградский митрополит Никодим). А по возвращении писали "отчеты": с кем встречался, о чем говорил. Кто-то надеялся, что сами эти отчеты станут средством давления на власти:

смотрите, мир беспокоится, что же делается с Церковью в России...»¹³³

Еще раз слово Фэри фон Лиленфельд (или как «по-православному» называл ее владыка — Вера Георгиевна).

В 1970-е годы западные журналисты на всех пресс-конференциях задавали ему один и тот же провокационный вопрос: подвергается ли Церковь преследованиям в СССР? Однажды я и сама присутствовала, когда он отвечал на этот вопрос. Он говорил примерно следующее: «Прежде чем произнести итоговое суждение, точу подчеркнуть, что предварительно надо познакомиться с Советской Конституцией и законодательством. Все ли знают, что в ней сказано о положении верующих и о Церкви?» Потом он пространно — и скудно — излагал многочисленные положения этой Конституции и так называемые подзаконные акты. Отсюда делался вывод: «Посмотрите, как ясно и недвусмысленно прописаны права верующих: Конституцией разрешается пропаганда атеизма и запрещается пропаганда религии». Журналистам предоставлялось право быть догадливыми, но они «ленивы и нелюбопытны».

Митрополит никогда прямо не говорил, что преследований нет. Он, конечно, не говорил и того, что они есть. Подчеркивалось, что в нынешнее время уже нет необходимости быть мучеником за Христа до крови, до смерти. Власть оставляет, хотя и мало, но все же достаточно места, чтобы совершать богослужения. Есть риск испортить себе карьеру, потерять место на службе, но нормальным христианином при желании оставаться было можно. Отречений от Христа никто прямо не требовал. Как квалифицировать все это — государственные преследования или все-таки нет? К сожалению, конечно, не было видно доброй воли со стороны государства. Но на прямые гонения коммунисты послетруцевского времени уже не шли. Добросовестному журналисту, имеющему открытые уши, все должно было бы быть понятно.

«Но ваших журналистов, — говорил мне митрополит Николай в частной беседе, — совсем не интересует установление истины. Они прибывают на пресс-конференции с предубеждением: в Советском Союзе религия подвергается преследованиям. Если же епископ этого не подтверждает, то — все: его объявляют сторонником коммунизма. А там хоть трава не расти. Меня же кровно тревожит судьба моей родной Церкви. Я не говорю журналистам

прямой лжи. Даже и не слишком умалчиваю. Рассказываю, как реально обстоят дела. Но писатели начинают скучать: им подавай концлагеря, колючую проволоку, злобных овчарок!»

Такие провокации сопровождали митрополита всю его жизнь. После одной из них, которая имела место в Найроби, когда на Генеральной ассамблее Всемирного совета Церквей официально ставили вопрос о положении РПЦ в связи с письмом Якунина и Эшлимана, у него возникли большие затруднения с советскими властями¹³⁴.

Насчет концлагерей, проволоки и овчарок. В 1930 г. митрополит Сергей (Страгородский) встретился с иностранными журналистами. По просьбе митрополита Сергея пять иностранных корреспондентов за 30 часов до начала пресс-конференции направили ему шесть вопросов в письменной форме, которые должны были послужить основой для дальнейшей беседы.

15-го и 18-го февраля 1930 г. митрополит Сергей на пресс-конференции дал интервью западным корреспондентам в Москве. В интервью он заявил, что сообщения зарубежной печати о преследованиях верующих и служителей религии в Советском Союзе лишены какого-либо основания и представляют собой «клевету, совершенно недостойную серьезных людей». На вопрос о его мнении относительно выступлений в защиту верующих папы Пия XI, архиепископа Кентерберийского и других глав Церквей, митрополит Сергей ответил: «Эти выступления должны быть осуждены всеми верующими христианами».

Прошло 30 лет, и газета «Новое русское слово» от 12 сентября 1960 г. писала на основании свидетельств очевидца, что митрополиту Сергию незадолго до пресс-конференции из соответствующих отделов НКВД было сообщено, что его посетят иностранные журналисты и будут его интервьюировать на предмет церковной жизни в Советском Союзе и что если он, митрополит Сергей, доведет до их сведения, что на Церковь в России ведется гонение, то да будет ему известно: в ответ на такое заявление все наличное духовенство, остающееся временно на свободе, будет немедленно арестовано и ликвидировано. Это был далеко не единственный случай, когда митрополит Сергей и затем и его преемник вынуждены были выступать так или иначе под сопровождаемую угрозой диктовку большевиков¹³⁵.

В начале 1960-х годов положение Церкви в стране было тяжелым. Митрополит Николай (Ярушевич), освобожденный от должности председателя ОВЦС, все смелее стал говорить о гонениях;

он поделился своими мыслями и с архиепископом Брюссельским Василием. И состоялся такой вот разговор.

Владыка Василий:

— Вот Вы говорите мне о преследованиях и тяжелом положении Церкви в современной России, — продолжал я, — а всего несколько недель тому назад была в Англии монашеская делегация Русской Церкви с архимандритом, теперь епископом, Никодимом во главе. И владыка Никодим на задаваемые ему англичанами вопросы отвечал, что Церковь в России свободна и никаких гонений или притеснений нет.

Митрополит Николай грустно улыбнулся в ответ.

— Если бы я был на месте владыки Никодима в поездке по Англии, то, вероятно, в Оксфорде стал бы говорить то же самое, что и он¹³⁶.

Почти в каждом упоминании о владыке Никодиме звучит определение: «дипломатичность». Возможно, здесь и спрятано зерно этих возможных кажущихся противоречий. Каким должен был быть и оставаться иерарх в пору, когда глава Советского Союза объявляет, что покажет всему миру «последнего советского попа»? Владыка знал и понимал главное — необходимо сберечь и сохранить Церковь, паству и священство. Недоброжелатели видели только внешнюю сторону деятельности митрополита, называя ее «лакейской». Лишь немногим, в том числе и своим ученикам, владыка приоткрывал свое внутреннее видение и делание на благо Церкви.

Но в 1970-х годах стало немного полегче, и появилась «свобода маневра». Рассказывают, что однажды владыке Никодиму довелось быть на пресс-конференции, где собрались журналисты-«антисоветчики» и где также присутствовали работники советского посольства. Первый вопрос, естественно! — свободна ли Церковь в Советском Союзе? Как подобные вопросы воспринимал Н. С. Хрущев, когда его «прижимали к стенке» «заокеанские недруги»? — По рабоче-крестьянски: «Вопрос провокационный, отвечать не буду!» И, в который раз, про «кузькину мать».

А теперь слово владыке Никодиму.

— В нашей стране Церковь свободна и независима. (Пауза. Иронические улыбки западных «журналигов», довольные ухмылки работников «совзагранучреждений».)

— Но нам могут что-то посоветовать, а могут что-то и не посоветовать. (Реакция в зале — с точностью до наоборот.)

— И это неудивительно: ведь мы живем в стране *Советов*! (Общий взрыв смеха, аплодисменты.)

Если даже эта история всего лишь легенда, она хорошо иллюстрирует тактику тогдашней борьбы «за успех нашего безнадежного дела».

Но не каждой «бабушке» был дан талант «говорить надвое». Начало 1980-х годов. На одном из международных церковных форумов его участникам был продемонстрирован фильм о Русской православной Церкви, снятый западными режиссерами. Авторы фильма почти ничего не говорили «от себя», они только смонтировали снятые интервью. На экране Алексей Сергеевич Бувеский, ответственный сотрудник ОВЦС. Западный журналист задает вопрос: свободна ли Церковь в Советском Союзе?

— Конечно свободна! Все разговоры о каком-то контроле властей — это происки наших недругов!

В следующих кадрах — ответственный работник Совета по делам религии при ЦМ СССР. Вопрос тот же — о свободе Церкви. Чиновник в недоумении.

— Какая может быть свобода? Мы контролируем все религиозные объединения в Советском Союзе через уполномоченных. Для этого и создан Совет по делам религий, этим мы и занимаемся...

Слова этого чиновника косвенно подтвердил К. Харчев, в конце 1980-х годов занимавший пост председателя Совета по делам религий. Выступая перед слушателями Высшей партийной школы, кузницы партийных кадров, он говорил совершенно откровенно. Признав ошибочность прежней антирелигиозной политики, плодящей бездуховность, К. Харчев задал вопрос: «Что выгоднее партии — бездуховный или искренне верующий человек?» (Пьяный коммунист или трезвый баптист?) И уверенно ответил: духовный, ибо «бездуховным тяжелее управлять». Для него не было сомнения, что, поскольку «религия всерьез и надолго», то «искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм». Как обычно в советской системе: все упирается в проблему кадров. «Перед нами встает задача, — говорил Харчев, — воспитание нового типа священников; подбор и расстановка священников — дело партии»¹³⁷.

Харчев говорил прежде всего об успехах в проникновении и контроле Русской православной Церкви. Не были оставлены без внимания и другие конфессии. Кардинал Винцентас Сладкявичус, говоря о положении Католической церкви в Литве, констатировал:

«Епископат скован. Он скован той организацией, которую называют уполномоченный по делам религии. Мы никогда не знаем их последнего решающего слова, и оно всегда остается за ними»¹³⁸.

... Злые языки приписывали владыке Никодиму еще один эпизод, якобы имевший место на подобной пресс-конференции. «Острые» вопросы уже позади, как говорится, «проехали», аудитория доброжелательная, и беседа продолжается в дружеской атмосфере. Тогдашняя гордость «Страны Советов» — это известный «набор»: космос, балет, подземные дворцы метрополитена. Тут есть чем похвастать! Звучит вопрос:

— Как часто ходят поезда метрополитена в Москве?

Архиерей, поигрывая панагией, усыпанной бриллиантами:

— Очень часто! Каждые 10–15 минут!

Эту байку привожу лишь как пример того, насколько архиерейская жизнь ограничена протокольными рамками. (Один уважаемый мною владыка в 2003 г. откровенно говорил: «В моем городе метро построено уже лет 20 назад, а я там еще не был. Все время — машины, самолеты, поезда...»)

Не знаю, как насчет «Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени Ленина» (да еще от площади Ленина до Ленинского проспекта, — вот где «штрих-коды»!), но в московском метро владыка Никодим однажды путешествовал при всех митрополичьих регалиях: в рясе, с посохом, панагией, в белом клобуке. А дело было так. Отдельский клерк, отвечавший за транспорт, забыл послать машину на Ленинградский вокзал к приходу «Красной стрелы».

«Подождали с келейником на перроне минут десять, — вспоминал владыка, — а потом пошли на метро. Не стоять же в длиннющей очереди на такси! Благо что ветка прямая: от «Комсомольской» до «Кропоткинской». А там до Отдела десять минут ходьбы». Ну и, конечно, нахлобучка ответственному за «протокол»: следующий «прокол» будет для него последним. После этого «накладок» больше не было.

Станция метро «Кропоткинская» — это довоенная станция «Дворец Советов». Храм Христа Спасителя взорвали (1932 г.), предварительно ободрав мраморные плиты со стен; начали рыть котлован под «Дворец». В 1935 г. провели первую линию метро — им. товарища Л. М. Кагановича (и здесь «штрих-код»!); близлежащую станцию называли «Дворец Советов» и облицевали ее церковным мрамором.

Одна из «побед» ВКП(б) над христианством — это снос в

1934 г. храма Христа Спасителя в Москве. Это была не просто ликвидация культового здания — это был ритуальный акт, сокрушение самого Христа. Не случайно на его месте должен был встать «советский храм» — Дворец Советов, «символ великих побед сталинской эпохи, олицетворение мощи и величия нашей страны, победоносно идущей под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму». Грандиозностью и пышностью этот «сталинский объект» ближе всего по стилю подходил именно к храму Христа Спасителя. Совершенно так же, как в нем, архитектура, живопись, скульптура должны были образовывать духовное пространство, в которое будут вовлекаться массы людей для участия в советском «богослужении». Пышностью и размерами этот дворец должен был многократно превосходить и снесенный храм, и самые знаменитые соборы Европы.

Пресса тех лет доносит до нас замыслы проектировщиков, чудовищные по своей не знающей меры грандиозности: «На мощных пилонах будут 2 яруса 20-метровых многофигурных групп. Все 8 групп (по две друг над другом) выразят идею интернационального братства. На сцене Большого зала на 21 тыс. зрителей, 970 тыс. кв. м, будут мчаться всадники, автомобили, дефилировать полки и даже двигаться поезда. Главное фойе будет посвящено сталинской Конституции; эту тему отразит мозаичное панно на 690 кв. м. В парадных залах будет значительное количество тематических панно, плафонов и скульптур, посвященных революционному движению в СССР, истории партии, социалистическому строительству, Красной Армии, единению народов и т. п.».

Внутреннее убранство предполагаемого Дворца Советов всецело совпадало с тем, что окружало верующих в соборах. В плафонах и картинах должен был предстать наглядный рассказ, воспроизводящий центральные эпизоды «священного писания» от ВКП(б) — «Краткого курса истории партии»¹³⁹.

Дворец Советов задумывался чем-то вроде постамента памятника Ленину, обретшего в «сталинской мифологии» статус «Бога Отца». Предполагалось, что поднятая на огромную высоту колоссальная фигура значительную часть времени будет скрыта облаками, в самом буквальном смысле слова вознесена в «заоблачные выси» и, освобождаясь от облаков, она выступала бы в озарении солнца подлинным сошествием Ленина «с небес». «Я полагаю, мы живем в эпоху постхристианскую, — писал нобелевский лау-

реат Иосиф Бродский. — Не знаю, когда она началась. Советский писатель Леонид Леонов предложил — в качестве подарка к одному из дней рождения Сталина — начать новое летоисчисление: со дня рождения Джугашвили. Не знаю, почему предложение это не было принято. Может, потому что Гитлер был моложе. Но дух времени он уловил правильно. Ибо оба эти исчадия Ада сделали первый шаг к осуществлению новой цели: к нравственному небытию»¹⁴⁰.

Мог ли предположить владыка Никодим, что к 1988 г. ОВЦС из скромного здания на улице Рылеева переедет в большой особняк в возрожденном Даниловом монастыре? И что на месте котлована-бассейна будет заново выстроен храм Христа Спасителя?..

Иногда, в разговорах с «приближенными», владыка делился опытом церковного управления. Вступая в новую должность, принимая новую епархию, не следует сразу же делать резких движений. Все насторожены, готовы к отпору. Но менять что-то надо — для церковной пользы. Пройдет несколько месяцев, за это время можно присмотреться к ситуации, бдительность оппонентов притупится. И тут — серия указов об освобождениях и назначениях. И сразу же — в длительную поездку за рубеж. К моменту возвращения епархиальные страсти уже улягутся.

В 1970 г. делегация во главе с митрополитом Никодимом находилась в США. В Нью-Йорке владыка увидел в витрине антикварного магазина большое напрестольное Евангелие, выставленное на продажу. Выяснилось, что это Евангелие было когда-то вывезено с Валаама и, проделав долгий путь, оказалось на атлантическом побережье. Владыка решил спасти святыню и вернуть ее на родину. Все представительские, суточные и прочие средства были собраны по кругу, Евангелие было выкуплено и, по прибытии в Ленинград, владыка передал его в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

В параллель: будучи в Австралии на конференции ВСЦ «Миссия и евангелизация», митрополит Антоний (Мельников), преемник владыки Никодима по Ленинградской кафедре, свободное время посвящал визитам в антикварные магазины. На представительские деньги были приобретены фарфоровые статуэтки для личной коллекции. Они были бережно уложены в митрополичий кlobук и обернуты наметкой, после чего кlobук с «пастушками» был уложен в один из чемоданов.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЕПАРХИЯ (1963–1978)

Митрополит Ленинградский

Архиереи, возглавлявшие кафедру в городе на Неве, помимо обычных тягот служения, несли еще и тяжкое моральное бремя: их титул был «Ленинградский». Конечно, страдали и другие архиереи: Куйбышевский, Свердловский, Калининский, Горьковский, Кировский, Кировоградский. А раньше были Молотовский, Ворошиловградский, Сталинский, Сталинградский. (Говорят, что в 1990-х годах, при разукрупнении Хабаровской епархии, хотели поставить правящего архиерея в Комсомальск-на-Амуре...) Все они были в какой-то мере «штрихованными», но главный «штрих-код» ложился на град святого Петра, в 1924 г. получивший партийную кличку вождя.

В том же 1924 г. В. В. Маяковский написал поэму «Владимир Ильич Ленин». Там говорилось про «сердце, полное любовью к Ильичу»:

Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
и не Бог
ему
велел —
избранник будь!¹⁴¹

И тогда неизбежно встает вопрос: кто? Средневековый летописец объяснил бы успех большевиков короткой и выразительной формулой: «Богу попущающе, а сатане действующу...».

Образ вождя и в Германии, и в СССР (даже при антирелигиозной пропаганде) играл роль религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа. Иллюзию вездесущности создавали бесчисленные изображения вождя, присутствие его имени в названиях улиц, городов, заводов, институтов. Все это отражало стремление «обессмертить», продлить во времени выполнявшую им функцию интеграции, а также стремление обеспечить преемственность власти. В этом смысле умерший вождь продолжал и после смерти играть эту роль.

Сотрание забальзамированного тела Ленина давало повод к возникновению в фольклоре молитвы о его воскрешении. В середине 1920-х годов по Москве ходила легенда, что по ночам по Кремлю разгуливает призрак Ленина. В Вятской губернии была записана сказка о том, что Ленин решил представиться мертвым, чтобы посмотреть, как без него пойдут дела, и по ночам приходит на завод, в деревню, в Кремль, чтобы это проверить.

В данном сюжете заслуживает внимания представление о Ленине как о высшем судии, единственном, кто имеет право судить о праведности и истинности нового мира. То же отношение мы можем усмотреть в фактах уже 1980-х годов, когда люди, доведенные до отчаяния своим бесправием, не найдя нигде защиты, оставляли письма со своими жалобами «Ильичу» на парапете у стеклянного гроба в мавзолее, считая вождем последней инстанции в поисках правды¹⁴².

Владыка Никодим, понимая это, старался не упоминать кличку Ульянова, и в обиходе называл град святого Петра «Питером». А в официальной обстановке (речи, приветствия высоких гостей, доклады и т. п.) он именовал Петербург «городом на Неве».

Но большего владыка сделать не мог: высокий сан обязывал «соблюдать протокол». Едва ли не единственным священником из «непоминающих» был протиерей Петр Белавский (1892–1983) — «лагерник со стажем», с 1929 г. По возвращению из ГУЛАГа отец Петр был назначен священником сначала в Павловский собор г. Гатчины, а затем переведен настоятелем в пос. Мариенбург (рядом с Гатчиной).

Отец Петр за все время своего служения ни разу не произнес имя города «Ленинград» за богослужением, не желая упоминать имя разрушителя устоев России, и даже певчие у него, вознося имя митрополита Никодима, не упоминали переименованного коммунистами имени города. Такая бескомпромиссность вызвала гнев уполномоченного, и в конце концов отец Петр был лишен настоятельства.*

По словам протопресвитера Виталия Борового, «общий лейтмотив, который лучше всего характеризует трагизм и сложность жизни нашей Церкви во времена митрополита Никодима и помога-

* Прекрасен лик страданиями очищенной души. Протоиерей Владимир Каменский — весть через года / Авторы-сост. Л. А. Ильюнина, М. Б. Данилушкина. СПб., 2007. С. 61–62.

ет понять неоднозначности и расхождения в оценке его личности, выражен в словах Апокалипсиса, обращенных к семи Малоазийским Церквям: «Знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны» (Откр. 2, 13)¹⁴³.

... В марте 2000 г. Священный синод Русской православной Церкви выразил беспокойство по поводу предлагаемой схемы контроля над сбором налогов с российских граждан. В частности, протесты верующих вызывал штрих-код, который предполагалось использовать в ряде налоговых документов. В заявлении Св. синода было сказано: «Каждый из этих кодов заключает в себе три раздельные линии, графически совпадающие с символом, принятым для цифры “6”. Таким образом, в штрих-кодах, по воле создателей международной системы их написания, заключено изображение числа 666, которое упомянуто как число антихриста».

Вскоре после этого на состоявшейся встрече со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II глава Министерства по налогам и сборам Российской Федерации Александр Починков заверил, что штрих-код, о котором шла речь в заявлении Синода, в документах налоговой службы использоваться не будет. По словам А. Починкина, МНС решило изменить первоначальное содержание свидетельства ИНН, чтобы учесть чувства верующих¹⁴⁴.

Чувства верующих пощадило не только МНС, но и МПС. Осенью 1999 г. Министерство путей сообщения России изменило номер поезда Москва — Осташков. С 1 сентября состав, имевший номер 666, стал отправляться из Первопрестольной под номером 604. Решение было принято по просьбе верующих. Подавая петицию в министерство, православные писали: «Мы понимаем, что поезд носит такой номер случайно и никаких мистических действий при его нумерации не проводилось, однако ехать на нем неудобно»¹⁴⁵. А то, что поезд идет по железной дороге, носящей название Октябрьская, в письме не упоминалось. А что тут такого? Ведь еще Пушкин писал: «Октябрь уж наступил...»

Оставим на время доводы за/против принятия/непринятия штрих-кода. Возьмем коробок и отсчитаем 15 спичек. Старая игра в бараках ГУЛАГа состояла в следующем. Для начала изобразим пресловутые три шестерки в самом простом, «компьютерном» виде. Затем рассыпем «число зверя» и из тех же спичек сложим 5-конечную звезду, с пятиугольником в основе. Теперь мы подошли к главному: те же 15 спичек лягут так, что можно будет прочесть партийную кличку основоположника, того, что вечно живой. Но

поскольку за такую игру можно было в зоне получить второй срок, то старые лагерные волки довольствовались первыми тремя буквами: ЛЕН... — а участники игры (в дальнейшем именовавшиеся соучастниками) восклицали: «Ой, я, кажется, догадался!»

А Иван Бунин оставил о Ленине безжалостные строки: «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографии снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!»

А теперь обратимся к третьей главе Апокалипсиса: знак зверя будет положен «на чело их» (Откр. 3, 16). И вспоминаются кинокадры, плакаты из времен гражданской войны: красноармейцы в буденовках, «а во лбу звезда горит». (Как видим, еще Пушкин предупреждал.) Изготовленные по эскизам Нестерова для войны с «германцем», эти древнерусские «шлемы» были потом «маркированы» большевиками.

Вынашивая бредовые идеи о мировой революции, Ленин говорил об отмене денежного обращения, о введении системы распределения, спецпайков, так, «что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр. 3, 17). В 1920 г. СНК РСФСР в русле курса на отмену денежного обращения принял декрет «О введении трудового продовольственного пайка», согласно которому устанавливалось единообразное и бесплатное распределение продуктов среди «трудового» некрестьянского населения. В июле всем советским и общественным учреждениям было запрещено приобретать что-либо за деньги и предписано со всеми своими нуждами обращаться в соответствующие распределители. Сегодня это почти забыто и бытует в сатирической форме «от Ильфа и Петрова»: «Пиво отпускается только членам профсоюза».

Кодировка жителей «большой зоны» начиналась с детства. Проведем небольшой эксперимент. Произнесем начальные строки: «Я маленькая девочка, играю и пою...» И тут же 95 % «кодированных» читателей, из тех, кому за тридцать, подхватят: «Я Ленина не видела, но я его люблю». (Первоклашки на прогулке в лесу

впервые увидели ежика. Учительница спрашивает: кто это? Дети молчат. Она подсказывает: ну о ком мы говорили совсем недавно на уроках? И тогда один из мальчиков говорит: «Так вот ты какой, дедушка Ленин!»)

Это в первом классе, где принимали в октябрята и прикалывали к груди звездочку с изображением «начертания». А еще через несколько лет штрих-код закреплялся на уроках пения, и это тоже ложилось в подсознание: «Ленин в твоей мечте, в каждом счастливом дне, Ленин в тебе и во мне». *Вездесущие* вождя подчеркивалось и лозунгами. Например, после смерти Ленина в 1924 г.: «Ленин молчит, но мы, рабочие, слышим его голос внутри нас». Еще в 1918 г. в Петрограде о вожде говорилось: «Во многих из нас незаметно для нас есть маленькая частица от великих трудов товарища Ленина, от его неустанной работы». Был и другой вариант «пролетарского причастия»:

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!¹⁴⁶

Старшеклассников штриховали по Маяковскому: «С Лениным в башке, с наганом в руке». (А ведь партия большевиков, захватив власть осенью 1917 г., долго не могла поверить своей победе. Ленин торжествовал, отметив 73-й день своей власти, ибо он продержался на день больше, чем парижские коммунары в 1871 г.)

Место образа Ленина внутри иерархии коллективных представлений было зримо обозначено в интерьере крестьянской избы. Начиная с 1920-х годов и даже в годы Великой Отечественной войны в крестьянских избах фотопортрет Ленина нередко помещался в красный угол, рядом с иконами. (Сводки о настроениях в «третьем рейхе» также сообщали о сооружении домашних алтарей с фотографией Гитлера.)

Особенно тяжело пришлось Санкт-Петербургу, «отштрихован-

ному» в 1924 г. Приходит человек в православный храм, а там за литургией диакон поминает «митрополита ЛЕНИНградского. Первым «меченым» архиереем со «штрих-кодом» стал Иосиф (Петровых; 1927 г.), митрополит ЛЕНИНградский и Гдовский. И попробуй возрази: его предшественник — митрополит Петроградский Вениамин, в 1922 г. был расстрелян. Пикнешь, и тебя «оформит на 9 грамм» особая «тройка» из сталинских «шестерок»! (снова число зверя!) Из этого «человеческого материала капиталистической эпохи» предстояло «выработать коммунистического человека» методами «пролетарского принуждения во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью» (Н. И. Бухарин).

Тот же «Бухарчик», как ласково называл его Сталин, на вопрос «Где классовые враги и внутренние вредители?» отвечал, что их надо искать в росте «проявления великорусского, великодержавного шовинизма». Идеолог партии призывал видеть врага в русском патриотизме, в осознании народом своего национального достоинства.

Особенно тихо надо было сидеть в 1937 г. (Ведь и Пушкина «шлепнули» в 37-м.) Весной 1937 г., когда митрополит Алексей (Симанский) был буквально выброшен из своих покоев в Новодевичьем монастыре у Московских ворот, он не предпринял никаких шагов к восстановлению справедливости, а скромно нашел себе приют на колокольне Князь-Владимирского собора, в тесном и темном помещении, в котором раньше жили сторожа.

А те, кто уцелел в «кровавые 30-е», уже не могли «раскодироваться» и возглашали «Осанна!» Сталину, который готов был до войны вырезать Церковь под корень. Отец хотел сделать Сосо сапожником, мать — священником. Отец издевательски ее спрашивал: «Ты что, думаешь, что он будет митрополитом?» Нет, мать этого не думала. Еще меньше думала она, что Сосо будет назначать и смещать митрополитов. Но чтобы достигнуть вершины власти, нужно было «поступиться принципами».

В начале 1940-х годов на Западе было обнаружено любопытное письмо. Как сообщил опубликовавший его американский историк Исаак Дон Левин, документ был вывезен во время гражданской войны из Восточной Сибири беженцами, — вероятно, офицерами царской охраны, — вместе с другими материалами из ее архивов в Китай, а уже оттуда попал в США. Вот текст этого документа.

М. В. Д. ЗАВЕДЫВАЮЩИЙ ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 12 июля 1913 года. № 2898.

Начальнику Енисейского Охранного Отделения А. Ф. Железнякову. Совершенно секретно. Лично.

Милостивый Государь Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский Край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал Начальнику Тифлиссского Г(лавного) Ж(андармского) Управления ценные агентурные сведения.

В 1908 г. Начальник Бакинского Охранного Отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного Отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный Комитет Партии в г. Праге, Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных сообщений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении.

Еремин¹⁴⁷

В биографии Сталина и Гитлера находим много общего. Отцом Сталина был осетин-сапожник. Отец Гитлера — Алоис Шикльгрубер, с 13 лет начал работать подмастерьем у сапожника. Оба пили «как сапожники» и метелили своих чад — будущих фюреров. Адольф, как и Сосо, не раз испытывал на себе удары отцовского ремня. Ему часто приходилось тащить домой пьяного отца. Матери обоих хотели, чтобы их сыновья стали священниками. Мать Адольфа, будучи весьма религиозной женщиной, отправила его в Ламбах, в приходскую школу бенедиктинского монастыря, после которой, как она надеялась, сын в конце концов станет священником. Но его исключили из школы, застав курящим в монастырском саду¹⁴⁸.

В молодости у обоих «харизматиков» были связи с охранкой. После демобилизации из армии Гитлер обратился к политической деятельности. Поскольку он все еще числился в штате своего старого полка, ему поручили шпионить за политическими партиями. В сентябре 1919 г. Гитлеру приказали навести справки о небольшой группе националистически настроенных ветеранов из Немец-

кой рабочей партии. Эта партия не имела ни программы, ни плана действий, ее казна насчитывала несколько марок. Но Гитлера необычайно поразили некоторые ее идеи, совпадавшие с его собственными. Он вступил в эту партию под № 55, а позднее стал № 7 ее исполнительного комитета.

Не прошло и двух лет, как Гитлера выдвинули в руководство этой небольшой партии. Он придумал ей новое название — Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП). Отсюда же родился и термин нацизм — производное от слов Национал-социалист¹⁴⁹. Через всю жизнь Сталина красной нитью проходит борьба за власть. Гитлеровский лейтмотив тот же — «Моя борьба» («Майн кампф»). И вот, фюрер и вождь — на Олимпе власти; они — «небожители».

«Сердечно и молитвенно приветствую в Вашем лице *богоизбранного* вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием...» «Мудрый, *Богопоставленный* Вождь народов нашего великого Союза...»¹⁵⁰ — постоянное выражение патриарха Сергия о Сталине. «Слава и честь и многая помощь от Господа Мудрому Верховному командованию и *благодарованному* Верховному Вождю нашему И. В. Сталину»¹⁵¹, — писал митрополит Алексей (Симанский).

Страницы советских газет были заполнены поздравлениями, отправлявшимися в адрес вождя.

«Правда», 23 декабря 1939 г. Господину Иосифу Сталину. Москва.

Памятуя об исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления.

Иоахим фон Риббентроп
Министр иностранных дел

Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые искренние поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания, желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза.

Адольф Гитлер

В тот же день из Москвы в Берлин был отправлен благодарственный ответ: «благодарованного» — «богопоставленному»...

Один из плакатов гитлерюгенда гласил: «Все мы верим в Адольфа Гитлера, нашего вождя. Мы верим, что национал-социализм — единственный символ веры для нашего народа. И мы верим, что это Бог послал нам Адольфа Гитлера, чтобы Германия стала краеугольным камнем вечности»¹⁵².

То, что большевизм в России (равно как и национал-социализм в Германии) обрел характер религии, несомненно. Ее яркими чертами стало обожествление лидеров правящей партии, утверждение государственной идеологии в качестве непреложного «кредо», а также страсть к ритуальным действиям и символам, носящим безусловно сакральный характер.

Природе сталинизма более чем что-либо соответствовала идея «антихристианства», т. е. антихриста, «черного Христа», обещающего людям мнимое «спасение». Сталин не говорил впрямую: «Я — Христос». Он фактически наделил себя «функциями» Спасителя и «прельстил» столь многих, сколь не прельщал ни один лжемесия. Даже Гитлер, — ведь фюрер был у власти всего 12 лет, а кремлевский партайгеноссе — почти 30. После окончания Второй мировой войны в Германии насильно водили людей в бывшие лагеря, показывали им фильмы о злодеяниях нацистов, во время просмотра которых люди рыдали, теряли сознание, и постепенно (еще в 1948 г. чуть ли не половина немцев самым великим деятелем XX в. считала Гитлера!) немцы осудили прошлое. В Германии и сегодня школьников обязательно водят в бывшие концлагеря, чтобы они своими глазами увидели, каким преступным был нацистский режим.

А «сакральность» советского искусства в послевоенные годы приобрела уже вполне откровенный характер. Тема «Сталин-бог» прямым текстом, разумеется, не заявлялась, но, несомненно, подразумевалась и даже не слишком вуалировалась. В дни 70-летия Сталина во время всенародного гуляния вечером 21 декабря 1949 г. в небе над Кремлем вспыхнул ярким сиянием лик Сталина. Портрет был освещен таким образом, что от него расходились по всему небу лучи. Это весьма напоминало нисхождение Святого Духа, как его обычно изображают на иконах.

И снова о Пушкине. В «Борисе Годунове» юродивый говорит в ответ на просьбу царя о молитве: «... Нельзя молиться за царя Ирода». Почему? Аргумент: «Богородица не велит!»

После поразившего многих факта стояния московских иерархов в почетном карауле у гроба Сталина в русском зарубежье курсировала фраза, принадлежавшая якобы покойному митрополиту Николаю (Ярушевичу): «Стоял, чтобы других не заставить стоять...»¹⁵³

... Тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека¹⁵⁴.

Видение мира в религиозных символах как арены борьбы божественных сил порядка и сатанинских сил хаоса было характерно для тех членов общества, которые не принимали официальной системы ценностей. В их глазах образ Ленина приобретал демонические черты. Оппоненты из самых различных слоев общества называли Ленина антихристом, дьяволом. Вот лишь одно из многочисленных высказываний в частных письмах, вскрытых цензурой (март 1924 г.): «У нас отреклись от Бога истинного и признали себе Богом черта, кровопийцу, людоеда Ленина и Троцкого». В процессе развенчания культа Ленина проявились те же настроения. Многие ораторы на митингах 1990 г., требовавшие переименовать Ленинград, называли Ленина сатаной.

Представим себе питерскую подземку; в те годы она была «штриханутая»: «Ленинградский ордена Ленина метрополитен имени Ленина». А если к тому же пассажир едет с Ленинского проспекта, где стоит памятник Ленину, на станцию «площадь Ленина» у Финляндского вокзала? Кстати, до каких пор Ленин на броневике будет загромождать набережную? Тем более, что этот броневик мешает прибывающим финнам любоваться со ступеней вокзала очертаниями «Большого Дома»... (Для тех, кто не в курсе: «Большой Дом» — Литейный проспект, дом 4 — здание НКВД — МГБ — КГБ — ФСБ).

Тогда не покажется абсурдным нынешнее положение, когда, несмотря на словесное осуждение идеологии сталинизма, сохраняется практически не затронутым весь именник составленных при «отце народов» святцев для именования всего и вся набором из десятка канонизированных как «святые революции» при Сталине

деятелей. В таком случае не надо будет задавать вопросов, почему у нас населенных пунктов имени Кирова — 150, Калинина — 100, Куйбышева — 40.

Уже в 1919 г. взамен Театральной площади и Рогожской заставы появляются площадь Свердлова и площадь Ильича. В 1921 г. город Талдом Тверской губернии становится Ленинском (название не установилось). И пошло-поехало: 1923 — Троцк (Гатчина), 1924 — Зиновьевск (Елизаветград), Ленинград (Петербург — Петроград), 1931 — Калинин (Тверь), 1932 — Горький (Нижний Новгород), 1934 — Киров (Вятка), 1936 — Ленинабад (Ходжент), Куйбышев (Самара). А один из таджикских городов был переименован в *Кагановичебад*... Эксперимент с «переодеванием имен» продолжался до середины 80-х годов: Брежнев (Набережные Челны), Устинов (Ижевск), Андропов (Рыбинск), Черненко (Шарыпово).

С правовой точки зрения эти переименования следует квалифицировать как незаконные. Акции по замене исторических названий партийно-мемориальными свершались по обычаю идеологического однопартийного «права». Образчиком такого идеологического «права» может служить вердикт ЦИК СССР об упразднении исторического имени Тверь, воскресшего к новой жизни под мощным общественным давлением сравнительно недавно.

Вот этот документ.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ

Ходатайство Президиума ВЦИК и Московского облисполкома удовлетворить и переименовать город Тверь Московской области в город Калинин.

Председатель ЦИК СССРМ. И. Калинин

Секретарь ЦИК СССРА. Енукидзе

Москва, Кремль 20 ноября 1931 г.

Случай беспрецедентный в европейской, да, пожалуй, и в мировой истории XX века. Даже монархи не подписывают указов о наречении городов в свою честь.

Культовую модель в топонимии, окончательно сложившуюся к середине 30-х годов, можно сравнить с паутиной, которая сетью имен из сталинского окружения, а также набором идеологических терминов партийного новояза, заткала карту страны. На 1990 г. в Калининской области насчитывалось пятнадцать колхозов имени Калинина, добавим еще Калининский район. Представьте себе

ваш тогдашний адрес: Калининский район Калининской области, колхоз имени Калинина.

В июле 1990 г. произошли события, которые знаменовали начало возвращения исторических названий в стране. В честь обретения исконного именованья города — ТВЕРЬ — состоялось грандиозное Тверское вече. Оно началось молебном в главном храме, а затем от Белой Троицы двинулся крестный ход к центру города, где состоялся многотысячный митинг. В нем принял участие председатель Моссовета народный депутат СССР Г. Х. Попов, он-то и объявил о возвращении центральной улице Москвы его первоначального имени, а также обещал вернуть Твери московский долг — вывезенный в прежние времена большой колокол.

Кампания по искоренению исторически сложившихся названий городов, сел, районов, улиц, учреждений приобрела тотальный характер и сохранялась вплоть до середины 80-х годов. О практике замены старых имен на новые говорят стихи Б. Слуцкого:

Имя падало с грохотом
И забывалось не скоро.
Хотя позабыть немедля
Обязывал нас закон.
Оно звучало в памяти,
Как эхо далекого спора,
И кто его знает, кончен
Или не кончен он?

Как мы сейчас с вами видим, спор не окончен.

Если говорить о «возвращении к вере отцов», то наши отцы — это советские люди, которые строили коммунистическое, безбожное общество. Надо отдавать себе отчет, что когда мы говорим о вере отцов и подразумеваем Святую Русь, то для нас это всего лишь некая литература. А реальная вера наших отцов — это большевизм, все эти улицы Ленина, Кирова, Дзержинского.

Один из немногих авторов, обративших внимание читателей на «закодированность» российского общества, — церковный историк Д. В. Поспеловский (Канада). «Сегодня идет бурная кампания против нормального компьютеризированного учета товаров, а совершенно спокойно воспринимается зло сохранившейся символики коммунистической тирании, — пишет Дмитрий Владимирович. — Повсюду стоят памятники Ленину (не говоря уже о мавзо-

лее), улицы продолжают носить имена Ленина, основателя большевистского террора Дзержинского и пр. Ведь это равноценно тому, если бы в современной Германии стояли памятники Гитлеру и улицы носили имена Гиммлера, Геринга и пр. Режим-то Ленина — Сталина был значительно более кровавым, чем Гитлера, во всяком случае, в отношении собственного народа»¹⁵⁵.

Невозможно себе представить, скажем, на площадях Германии памятник Гитлеру, воздвигнутый только потому, что кто-то из бывших партайгеноссе говорил бы: «Это часть нашей истории. Пусть стоит. И вообще это памятник — произведение искусства, не смейте его разрушать».

В начале августа 2006 г. в Петербурге на Невском заводе состоялось редкое по нынешним временам событие. Здесь отмечали 80-летие первого в городе монумента вождю мирового пролетариата. Формально Невский завод давно уже не носит имя Ленина, но сохранил его в товарном знаке предприятия и официальной аббревиатуре «НЗЛ». Памятник Ильичу у главной конторы завода был установлен в 1926 г.

В настоящее время на территории С.-Петербурга располагаются около 20 монументальных изображений Ильича, главные из которых — Ленин на броневике у Финляндского вокзала, памятник у Смольного и монумент на Московской площади. А всего, даже сейчас, по подсчетам специалистов, в бывшем Ленинграде около ста памятников.

Поэту Иосифу Бродскому принадлежит любопытное сравнение.

«Медный всадник»: Петр I, восседающий на коне, обращен лицом к Университету и Академии наук. Справа — Сенат, слева — Синод, позади — Исаакиевский собор. Все чинно, благородно.

Ленин на «броневичке»: вождь смотрит — через Неву — на «Большой дом» (Управление КГБ), сзади — Финляндский вокзал (в случае чего — свалить за границу). Справа — райком, слева — тюрьма «Кресты». Без комментариев.

Монумент вождя на Московской площади в народе прозвали «Балерина». А встречи назначали «под кепкой».

Постсоветская эпоха оказалась непростой для памятников Ленину: их неоднократно обливали краской. Поэтому, например, был демонтирован бюст Ильича, сооруженный некогда во дворе дома на улице Достоевского, — памятник чуть ли не еженедельно подвергался атакам. А монумент в Пушкине, в 1960-е годы поставленный на месте взорванного большевиками храма Святой Екатерины,

в 2004 г. был свергнут с пьедестала и разрушен. Но царскосельский Ильич уже восстановлен (что обошлось городскому бюджету в 3 млн рублей) и в октябре 2006 г. было его «воздвижение», правда, в другом месте¹⁵⁶. А сколько еще таких капищ по всей стране, на нашей «канонической территории»?

Впрочем, с Варшавского вокзала Ленин уже «уехал»; это случилось осенью 2005 года. Памятник Ленину вряд ли вернется к фасаду теперь уже бывшего Варшавского вокзала. Когда началась перестройка здания под торгово-развлекательный комплекс, фирма-инвестор демонтировала бронзовый монумент и отправила его на хранение в Музей городской скульптуры, в запасниках которого он ныне и пребывает.

Между тем до революции, с 1901 г., фасад украшала монумент-икона Спасителя в массивном иконостасе из темно-серого сердобольского гранита на пьедестале красного финляндского гранита. Годом позже над иконой был сооружен навес-шатер из металла и стекла в виде часовни по проекту архитектора Нечаева. Часовня была возведена на средства прихожан церкви Воскресения Христова в память о благополучном выздоровлении в 1900 г. императора Николая II от тифа. Пришедшие к власти большевики в 1925 г. часовню снесли, а в 1949 г. на ее месте встал памятник Ленину работы известного советского скульптора Николая Томского. По некоторым данным, Ильич был отлит из тысячепудового бронзового колокола «Александр Невский» — подобные «переливы» церковного имущества были обычной большевистской практикой.

Демонтаж памятника был положительно воспринят православной общественностью — тем более что в непосредственной близости находится ныне действующий храм Воскресения Христова. В фасад крупнейшего в городе казино, в которое превращается Варшавский вокзал, бронзовый Ильич тоже не вписывается. Таким образом, в городе на Неве одним Лениным стало меньше¹⁵⁷.

В «блокадном» Ленинграде

...Прибыв в город на Неве, митрополит Никодим столкнулся с тяжелой ситуацией в церковной сфере. 1963 г. — пик хрущевских гонений на Русскую православную Церковь, массовое закрытие храмов. Даже при всех своих «высоких связях» владыка не мог

сразу приостановить этот процесс. Он долго сокрушался, когда не удалось «отбить у супостатов» храм в поселке Котлы, что к юго-западу от Санкт-Петербурга (ныне — снова действующий). «Пепел *Котлов* стучал в его сердце...»

В 1967 г., уже после снятия Хрущева, в городе на Неве была закрыта церковь во имя Св. Троицы (при бывшем подворье Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова мужского монастыря). Она стояла на Большой Спасской улице (д. 62). Эта деревянная церковь была построена в 1897–1898 гг.; после 1917 г. не закрывалась, а в декабре 1927 г. стала иосифлянкой. С 1933 г. это был единственный последний официально действовавший храм иосифлян в Советском Союзе. Он сохранял роль центра притяжения для политических противников режима. 24 ноября 1943 г., в блокадном Ленинграде, приход Троицкой церкви перешел в юрисдикцию Московской патриархии.

Когда началась массовая застройка северо-западной окраины пятиэтажными «хрущобами», необходимо было проложить новую магистраль. Храм стоял на месте будущей трассы, и по тем временам было «логично» его снести. (Это в годы перестройки пикетчики будут круглосуточно дежурить у «Англетера», у дома Дельвига, не допуская сноса исторических памятников. А в «юбилейном» 1967 г. об этом не могло быть и речи.) Храм был закрыт и вскоре снесен. (Ныне это угол проспекта Непокоренных и Гражданского проспекта, д. 2.)

Тем не менее владыке Никодиму удалось сохранить и общину упраздненной церкви, и храмовое имущество. На близлежащем Шуваловском кладбище в то время была одна действующая церковь, а второй храм — в честь св. Александра Невского — стоял закрытым. Митрополит добился открытия этой небольшой церкви, и туда был перенесен иконостас Свято-Троицкого храма, а также богослужебная утварь. Петербуржцы нового поколения порой удивляются: почему на небольшом Шуваловском кладбище целых два храма, в то время как в соседних «спальных районах» церкви лишь только сейчас возводятся или проектируются? Не будем упрекать владыку: он сделал все, что мог...

В те годы существовал запрет на проповеди: свободно проповедовать не разрешалось, перед тем, как произнести проповедь священника обязывали записать ее в двух экземплярах и эти два экземпляра отправить в епархиальное управление. И только после тщательного просмотра уполномоченным содержания по-

ступало разрешение (или запрет) на проповедь. Эта антицерковная практика была отменена только при митрополите Никодиме в 1963 г.*

В 1970-х годах, как реликт, сохранялся чисто формальный контроль над «златоустами»: раз в год нужно было подать уполномоченному краткий текст проповеди (на страничку) — «для галочки».

Деятельность владыки Никодима можно оценить объективнее на фоне того, что происходило в других епархиях. Так, в начале 1960-х годов уполномоченные требовали от архиереев, чтобы те не допускали в храмы детей на богослужения. Особенную настойчивость в этом направлении проявлял уполномоченный Совета в Ставропольском крае А. М. Нарыжный. Он до такой степени терроризировал местное духовенство, что священники боялись причащать даже собственных детей.

И кое-где архипастыри, «прижатые на компромате», не выдерживали натиска. Так, в одной из южных епархий (Ставрополье) местный архиерей во время проповеди призывал верующих не водить детей в храм.

— А почему Дева Мария была введена в Святая Святых Иерусалимского храма? Значит, можно? — спросили его прихожане.

— А тогда не было школ, и детей научали в храме. А теперь надо водить детей в школу, а не в храм, — нашелся епископ.

В Ленинградской митрополии до такого «прессинга» дело, к счастью, не доходило.

Вспоминает Святейший Патриарх Алексий II.

В 1964 г. я был назначен управляющим делами Московской Патриархии. Эта сфера деятельности была для меня совершенно новой. Я столкнулся с концом хрущевского периода преследований Церкви. Коридор здания Управления делами был заполнен священнослужителями, которые просили их трудоустроить. Не всегда мы имели возможность помочь правящим архиереям. Но все-таки в Москве мы могли разрешать некоторые вопросы, не решавшиеся на месте.

Например, в 1966 г. в Ростове-на-Дону я столкнулся с проблемой: можно, дескать, крестить до двух лет, а потом до восемнадцати нельзя! Почему? Откуда такие ограничения? А в Куйбышеве,

* Прекрасен лик страданиями очищенной души. Протоиерей Владимир Каменский — весть через года / Авторы-сост. Л. А. Ильюнина, М. Б. Данилушкина. СПб., 2007. С. 90.

например, крестили всех без ограничений, но только от школьников требовали справку из школы о том, что она не возражает! И самое удивительное, что такие справки давали: я сам видел кипы подобных документов, в которых было сказано, что школа не возражает против крещения своего ученика такого-то класса. Я довел до сведения уполномоченного, что это нарушение Декрета об отделении Церкви от государства и Школы от Церкви. Он просил меня не говорить об этом в Москве и дал слово, что через неделю все будет отменено. И было отменено. Или, скажем, Уфимский архиепископ Феодосий (Погорский) рассказывал, что нет проблем с крещением детей, а вот взрослый перед крещением должен был написать заявление на имя исполнительного органа такого-то прихода с просьбой окрестить его в православную веру, и два человека должны были подписать, что на него никто не оказывает давление и что он психически здоров. Я не поверил, что это возможно. Когда же владыка в следующий раз привез мне эти бумаги, я пошел к Владимиру Алексеевичу Куроедову и сказал ему, что это унижение человеческого достоинства: как Петров или Иванов могут свидетельствовать о психическом здоровье имярек? И это также отменили.*

В 1967 г., в ходе шестидневной войны, Израиль разгромил вооруженные силы трех арабских стран — Египта, Сирии и Иордании. Иорданские оккупанты были вытеснены за Иордан, и Иерусалим был провозглашен столицей еврейского государства. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем.

В разгар развязанной в советской печати антиизраильской кампании произошел забавный случай. В 1971 г. один из авторов газеты «Правда», рецензируя Тринадцатый квартет Шостаковича, написал, что он посвящен «памяти альтиста В. Борисовского». Но Вадим Васильевич был в добром здравии и просто уже не играл в квартете имени Бетховена, ушел на пенсию. В следующем номере «Правды» в качестве «опровержения» появилась краткая заметка за подписью самого В. Борисовского о том, что он решительно протестует против происков сионистов в Палестине... Эта нелепая заметка нужна была газете, чтобы как-то сообщить, что Борисовский жив¹⁵⁸.

В те годы гэбисты уже защищали не столько социальный строй,

* Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 6.

сколько систему власти. Все, не вписывающееся в ритуал, предусмотренный нормами партноменклатуры, объявлялось заслуживающим наказания. Диссидентов арестовывали, а потом задерживали и людей, не связанных с «подпольщиками» ничем, кроме обычной дружбы. Однажды, когда «интернированные» поинтересовались, за что им-то досталось, комитетчики ответили: за пропаганду *импрессионизма*. По всей видимости, в КГБ знали, что надо бороться с сионизмом, а тут ведь был не просто сионизм, а еще и *импрес-*. Этот случай тянул бы на анекдот, если бы не был правдой¹⁵⁹.

После всего сказанного уже не покажется странным, что и ретивые уполномоченные начали «тягать» архиереев на «доверительные беседы».

— Вы газеты читаете? Вы в курсе «текущего момента»? Партия и правительство решительно осудили израильских агрессоров. А у вас в храмах по-прежнему поют «славу Израилю!». (Речь шла о церковном песнопении «Ныне отпускаеши...» — это песнь Симеона Богоприимца, взявшего на свои руки Младенца Иисуса и восславившего Господа (Лк. 2, 29–32). Конечные слова песнопения: «... и славу людей Твоих Израиля».) Забавную историю в этой связи рассказал поэт и мемуарист Анатолий Найман. Во время войны 1967 г. старушка из одного московского храма спросила более молодого прихожанина: «Ну как там дела у Израиля?» И, услышав в ответ, что Израиль, дескать, побеждает, удовлетворенно заметила: «И то. Ведь каждый день за него в церкви молимся». И дуrolомы-уполномоченные требовали убрать из песнопения часть евангельского текста.

Кое-где они добились своего, но в Москву с мест посыпались многочисленные жалобы. (Ведь в XVII в. при патриархе Никоне на подобной почве возник старообрядческий раскол.) И Совет по делам религий (Москва) разослал по областным центрам предписание — не вмешиваться в богослужебные вопросы. И наместники «гауляйтеры» сбавили обороты. А в светском хоровом искусстве с «сионизмом» расправились быстро. Исполняются в капелле, к примеру, старинные русские песнопения. Ведущий объявляет: «Бортнянский. Сочинение № 16». И хор поет то же самое «Ныне отпускаеши», но только в усеченном виде, без «Израиля». Но мелодию не «обрежешь», вот и тянут в конце: «м-м-м-м-м...»

В параллель. Перефразируя Маяковского, можно сказать: «Социализм и национал-социализм — близнецы-братья. Кто более для истории ценен?» Молодое поколение, родившееся в постсоветское

время, может не знать, в чем тут «фишка». А пожилые люди помнят (забыть не могут!) эти строки наизусть и с ходу продолжают:

Мы говорим — партия —
Подразумеваем — Ленин.

Таковыми же «штрихованными» были и немцы в гитлеровской Германии. ... Последние кадры фильма «Триумф воли» (1936 г.) (документальный полнометражный фильм кинорежиссера и продюсера Лени Рифеншталь, посвященный торжествам, проходившим в сентябре 1934 г. на ежегодном съезде НСДАП в Нюрнберге). «Зиг хайль!» — кричит публика. Гесс выходит вперед, ждет, когда стихнут аплодисменты. Наконец он кричит: «Партия — это Гитлер, Гитлер — это Германия!»¹⁶⁰

Клир в государственных Церквах Германии всегда был выборным, и в 1930-х годах нацистам удалось поставить на многие посты своих кандидатов. Тогда же сформировались партии «Церковный союз за позитивное христианство и немецкую нацию» и «Евангельские национал-социалисты». В 1932 г. нацисты начали объединять такого рода партии в «Движение веры немецких христиан», во главе его встал Иоахим Хоссенфельдер.

Подобно тому, как, по предложению Троцкого, ГПУ спровоцировало раскол в Русской православной Церкви, и во главе «обновленцев» был поставлен Александр Введенский, в гитлеровской Германии «подработали кандидатурку» своего «введенского» — им стал Людвиг Мюллер (1883–1945). Это был пастор Кенигсбергского военного округа, избранный 27 сентября 1933 г. под нажимом Гитлера и при ревностном участии т. н. «немецких христиан» (т. е. пронацистских) Имперским епископом.

С этого времени Мюллер стал центральной фигурой в борьбе между прогитлеровским *Германским движением за веру* и новой Конфессиональной церковью (Бекентнискирхе), которую возглавлял Мартин Нимеллер. Гитлер требовал, чтобы Имперская церковь собрала всех протестантов в единое, легко управляемое общество. Хотя Мюллер и был фанатичным сторонником нацистского режима, однако ему так не удалось завоевать абсолютного доверия Гитлера. Начиная с 1935 г., когда Гитлер передал решение всех религиозных вопросов в ведение имперской комиссии по религии, влияние Мюллера стало угасать. Он умер в Берлине 31 июля 1945 г.¹⁶¹

После прихода Гитлера к власти Церковь должна была в сво-

ей проповеди проводить параллель между Христом, Спасителем всего человечества, и Гитлером, призванным для спасения немецкой нации. Вера должна была базироваться не только на «учении Лютера», но и на «духе героического немецкого благочестия». Со временем такие возгласы, как «Аминь» и «Аллилуия», были исключены из литургического обихода из-за их еврейской этимологии. Профессора богословия, преподававшие в немецких университетах, должны были в обязательном порядке подписывать клятву верности, в которой Гитлер ставился выше Христа¹⁶².

И сам Гитлер в своих речах, и его сторонники часто прямо сравнивали фюрера с Иисусом Христом, признавали его спасителем нации. Гитлер говорил, что довершит дело, которое начал Христос. Речи Гитлера были пронизаны религиозной символикой. Иногда он их заканчивал словом «аминь». Свою речь 1 мая 1933 г., в Национальный день труда, Гитлер завершил прямым обращением к Богу: «Господи, Ты видишь, мы преобразились. Немецкий народ более не народ без чести, опозоренный, разрываемый на части, малодушный, слабый в своей вере. Нет, Господи, немецкий народ снова силен в своей вере, в своей целеустремленности, в своей готовности к жертве. Господи, мы не оставили Тебя. Благослови же нашу борьбу за свободу, наш народ и отечество». Таким образом, фюрер выступал прямым посредником между народом и Богом.

В целом религиозное измерение было очень важным компонентом в мифе о Гитлере. Участники массовых митингов в присутствии фюрера отмечали, что их атмосфера была ближе к атмосфере богослужений, чем к политическому собранию. В своем дневнике за 1945 г. Геббельс отмечал: «Когда говорит Фюрер, это как религиозная служба»¹⁶³. Религиозный дискурс был характерен и для языка Третьего рейха. Рядовой нацист в интервью американскому социологу Т. Абелю в 1934 г. говорил: «Моя вера — в том, что наш возждь, Адольф Гитлер, дан судьбой немецкой нации как наш Спаситель, несущий свет в темноту».

... За «Израиль» у нас священника могли снять с регистрации, но за «Аллилуию» к стенке не ставили. Так что Хрущев в сравнении с Гитлером — это юный барабанщик в коротких штанишках и с красным галстуком. Но были у нас сходные проблемы. Выступает, например, провинциальный уполномоченный на епархиальном собрании:

— В отдельных проповедях священники допускают критику со-

ветской власти в плане зажима религии. Архиерей должен пресекать такие выпады. Ведь что говорится у вас в Библии? — власть от Бога! Повинуйтесь властям! Так говорит отец, и сын, и внук!

К счастью, владыке Никодиму с таким «дном» сталкиваться не приходилось; ленинградский «гауляйтер» действовал более изоцированно. Но и при тотальном контроле, когда, казалось, «кислород перекрыт», удавалось найти отдушину.

Концерт старинной музыки в Ленинградской капелле. Регент академического храма ЛДАиС — иеромонах Ионафан (Елецких; ныне — архиерей, Украинский экзархат Московской патриархии) — в неофициальном творческом контакте с дирижером. Еще на репетициях он дал хористам необходимые консультации. На премьере среди слушателей — владыка Никодим; добрая треть зала заполнена нашими студентами; остальная публика тоже из «посвященных». Песнопения звучат не в концертном варианте, не как отдельные «номера», а органично соединены между собой чтением богослужебных текстов. «Бас» в концертном фраке читает Апостол, Евангелие. Хор исполняет «Херувимскую», «Отче наш»... А завершилось все триумфальным «Тебе Бога хвалим...» в сопровождении оркестра. Вслед за владыкой все встают. Такого в этих стенах не было с 1917 года...

Владыки-«отсиденты»

По приглашению владыки Никодима в его епархии иногда гостили архиереи-узники сталинских лагерей. Одним из них был архиепископ Вениамин (Новицкий); обычно он сослужил владыке Никодиму в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, и оба святителя подолгу беседовали в алтаре «один на один». Вот как в 1971 г. описывал владыку Вениамина архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин).

Он поражает своим внешним видом. Сгорбленный, без единого волоса на голове и на лице, точно кто-то сбрил ему начисто голову, усы и бороду. Первое впечатление какого-то скопца или латинского патера. А между тем еще несколько лет назад у него были и усы, и борода. С тех пор они совершенно вылезли. Все это, как и сломанная спина, — последствия долголетнего пребывания на советской каторге. Говорят, что его там избивали, спинной хребет ломали, а волосы вылезли от лишений, хотя не сразу, но много лет спустя. Архиепископ Вениамин родился в 1900 г., перед

самой войной 1939 г. был в сане архимандрита наместником Почаевской Лавры в тогдашней Польше. В 1940 г. после вступления туда советской армии был рукоположен во епископы Московской Патриархии. По-видимому, остался на Волыни при немецкой оккупации, точно сказать не могу, так как нигде в изданиях Патриархии, мне известных, его биография не была напечатана. Во всяком случае, как он сам мне сказал, был арестован в 1943 г., вероятно, вернувшись красными, и сослан на Колыму, где пробыл 12 лет, до 1955 г.

В 1956 г. он был назначен епископом Камским и Тюменским, а в 1958 г. возведен в сан архиепископа и переведен в Иркутск с титулом Иркутского и Читинского. Там он пробыл до мая 1973 г., когда был переведен на кафедру архиепископа Чебоксарского и Чувашского, в каковом сане и скончался. Уже в Иркутске, в начале 60-х годов, у него были трудности с местными гражданскими властями, и ему грозило предание гражданскому суду, но дело, по-видимому, обошлось без серьезных последствий¹⁶⁴.

Интересные воспоминания о владыке Вениамине содержатся в записках выпускника юридического факультета Ленинградского государственного университета, ныне священника Евгения Касаткина. Для поступления в духовную семинарию Евгению пришлось заручиться рекомендацией митрополита Никодима, но, в конечном счете, даже эта рекомендация не помогла ему.

«Митрополит Никодим был очень влиятельным иерархом, и с ним считались власти, — пишет отец Евгений Касаткин в своих воспоминаниях. — В ряде случаев он мог даже успешно ходатайствовать за опального священника. И вообще он мог многое, чего не могли другие архиереи. Этот человек обладал феноменальной памятью, поразительной работоспособностью и тонким дипломатическим чутьем. Благодаря ряду дипломатических приемов на международном и правительственном уровне ему удалось предотвратить (подготавливавшееся уже) закрытие Санкт-Петербургских духовных школ.

Дипломатическое маневрирование его с советскими чиновниками некоторых смущало. Но надо отметить, что даже зарубежные корреспонденты, которые делили наших архиереев на преданных Церкви и «предателей» (хорошо так делить из-за океана в спокойных кабинетных условиях), считали владыку Никодима «лично-стью неразгаданной».

Так вот, в тот момент митрополит Никодим меня знал и реко-

мендацию в семинарию мне дал. Бедное семинарское начальство оказалось в сложном положении: с одной стороны, при моих документах имелась рекомендация митрополита Никодима, а с другой стороны, в том же личном деле было напечатанное на машинке краткое содержание газетного на меня фельетона. В этот момент митрополит был где-то за границей. По возвращении его у нас состоялся разговор. Владыка Никодим пояснил мне, что существуют круги, заинтересованные в том, чтобы меня в семинарии не было. И бездействовать они, конечно, не будут.

Оставался один-единственный выход — найти архиерея, который согласился бы рукоположить меня в священный сан без официального семинарского образования, только на основе самостоятельной подготовки, — вспоминает о. Евгений. — И такой архиерей нашелся! Это был весьма уважаемый иерарх — архиепископ Иркутский Вениамин. Человек глубокой, строгой духовной жизни, он пользовался огромным авторитетом среди верующих (и не только в Иркутской епархии!). Его любвеобильность, молитвенность, общительность создавали вокруг него такую атмосферу, что после общения с ним каждый человек чувствовал себя обновленным.

В жизни он много претерпел за веру. После войны был репрессирован и десять лет пробыл на Колыме. Как известно, живыми оттуда возвращались немногие. Когда он работал в шахте, там однажды произошла авария, во время которой его травмировало глыбой в грудь. После относительного выздоровления он был признан непригодным к физическому труду, и его оставили при санчасти в качестве фельдшера. Служба в санчасти лагеря не только спасла жизнь владыке, но и дала все-таки возможность тайно молиться. Нательного креста носить не разрешали, иметь иконы — тем более. Чудом сумел владыка сохранить в заключении иконку Божией Матери, напечатанную на тонкой бумаге. В лагере часто делали обыски. Чтобы утаить свою единственную святыню от надзирателей, он складывал ее тонкими узкими полосками — «гармошкой» — и зажимал между пальцев, поднимая руки вверх. Видя такую откровенность, обыскивающие не требовали раздвинуть пальцы. Тогда была бы беда. Но Бог хранил. На настольном календаре владыка нарисовал медицинский крест красного цвета, а для маскировки сделал надпись: «Чистота — залог здоровья». В удобный момент на эти крест и иконку он молился. Когда владыка стал Иркутским архиереем, этот самодельный календарь сохранялся на память на его письменном столе.

Много перестрадавший сам, владыка живо откликался на человеческие страдания и всегда был готов протянуть руку помощи. В приезжавших клириках он видел прежде всего священников, служителей Бога. Встречал их радушно, сажал с собой за стол, предлагал ночлег и старался окружить домашним теплом, как дорогого гостя. В то же время все это не значило, что владыка был чрезмерно мягким и безвольным. Далеко не так! Со всем этим он умело сочетал строгость и требовательность. С глубокой благодарностью я буду помнить этого человека всю жизнь. В осеннюю Казанскую 1967 г. в Знаменском соборе города Иркутска архиепископ Вениамин рукоположил меня в священники».

За свои самостоятельные действия иркутский владыка Вениамин и сам принял на себя такое же гонение. К нему неоднократно приходили с вопросами: «А вы, когда принимаете людей в епархию для рукоположения в священный сан, хотя бы спрашиваете документы и интересуетесь ли их прошлым? Ведь могут приехать люди неблагонадежные!»

Спустя некоторое время в областной газете появилась погромная статья против Церкви: «А пастыри кто?» Бедного владыку Вениамина трясло по политическим обвинениям, результатом которых в послевоенные годы был концлагерь на Колыме. К старому нелепому обвинению в сотрудничестве с Гитлером было добавлено и новое: владыка Вениамин, дескать, подбирает кадры духовенства из неблагонадежных людей.

Такой удар принял на себя престарелый архиерей только за то, что позволил себе самостоятельно решить, что рекомендуемый человек достоин священного сана. Вскоре владыку Вениамина перевели в другую епархию¹⁶⁵.

Другим узником ГУЛАГа, гостившим у владыки Никодима, был митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов, 1893 г. рожд.) Ко времени Поместного собора 1971 г. ему уже было «крепко за 70». В его биографии сказано: «С 1933 по 1942 гг. управлял Донской и Новочеркасской епархией; с 1943 по 1956 гг. епархией не управлял». Как пишет архиепископ Василий (Кривошеин), «владыка Иосиф был под немецкой оккупацией и сидел в лагерях, этого власти не любят (хотя, как говорят, местный уполномоченный предлагал ему: “Выставляйте Вашу кандидатуру в Патриархи, мы Вас поддержим”, на что митрополит Иосиф ответил: “Мне вашей поддержки не надо!”)»¹⁶⁶.

Как и архиепископ Вениамин, митрополит Иосиф сослужил

владыке Никодиму в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Однажды правящий архиерей попросил своего опального гостя во время всенощного бдения возглавить литию. Митрополит Алма-Атинский из алтаря через царские врата шествует со свитой в конец храма, где у притвора начинается лития. Книгодержец открывает архиерейский чиновник, и владыка Иосиф начинает читать молитву: «Владыка, Многомилостиве...» Текст обычный; его читают в храмах «от Москвы до самых до окраин». Но вот начинается перечень *местночтимых* святых угодников Божиих. И тут происходит «системный сбой». Владыка привык у себя в епархии к одним именам, а здесь в тексте — совсем другие. И вот на весь храм звучит на одном дыхании, без паузы:

— ...преподобного Мартирия Зеленецкого... А это кто такой?

— ...преподобного Александра Свирского... А этот откуда взялся?

— ...преподобного Антония Дымского... А этого вообще не знаю!

— ...преподобного Арсения Коневского... Про этого никогда не слышал!

Впрочем, владыка Никодим привечал не только «отсидентов»-архиереев, но и расконвоированный монашеский клир. В гостях у владыки часто бывал архимандрит Клавдиан (настоятель храма в Старой Руссе) и о. Павел Груздев.

После назначения митрополита Никодима на Ленинградскую кафедру отец Павел — всегда желанный гость в митрополичьих покоях в здании Ленинградских Духовных школ на Обводном канале. Конечно, только глубокая вера могла соединить таких совершенно разных и по возрасту, и по жизненному опыту людей, как митрополит Никодим и отец Павел. Владыка Никодим хлопотал за священника «с клеймом заключенного» еще будучи ярославским архиереем. Отец Павел, всю жизнь гонимый, был еще просто по-человечески благодарен владыке Никодиму за его отношение к нему, «каторжнику». Приедет в Ленинград, зайдет в митрополичьи покои, одет как всегда, зимой — тулуп и валенки, а летом вовсе босой. Встанет позади всех. А владыка Никодим за трапезу приглашает, всегда о. Павла посадит рядом с собой: «Отец Павел, иди сюда!» Еще и велит своему шоферу отвезти верхне-никульского старца на вокзал:

— Отвези батюшку!

Как-то раз стоит отец Павел на улице у автомашины, дожидая-

ется шофера. Тот вышел, увидел босого старика, вернулся в митрополичьи покои, спрашивает владыку:

— А где батюшка-то?

Такое случалось с о. Павлом нередко¹⁶⁷.

Аудиенции

Обычная неделя, если не было больших праздников, проходила у владыки Никодима так: с понедельника по пятницу в Москве (ОВЦС), суббота и воскресенье — в Ленинграде. За два дня, проведенные в городе на Неве, владыка развивал такую кипучую деятельность, что и здоровому это было бы не под силу. Всенощная, литургия, вампир-уполномоченный, десятки посетителей, сотни прошений... Иногда владыка говорил: «У меня две жизни: ленинградская и московская». Но второго, запасного сердца, к сожалению, не было...

Ни дня владыка не мыслил себе без Евхаристии. Если он не совершал ее сам в приходском храме, то присутствовал и причащался за литургией в Крестовой церкви, находившейся в здании Ленинградской духовной академии (Обводный канал, д. 17). За богослужением пел небольшой хор из иподиаконов. Здесь были «все свои», и поэтому ектения об оглашенных опускалась. В будние дни владыке не давали покоя звонки, и ему порой приходилось отлучаться из Крестовой церкви к телефону. Возвращаясь, он виновато вздыхал: «Москва!» К счастью для него, тогда еще не было сотовых телефонов...

Распорядка дня как такового у владыки не было. Изменения могли произойти в любой момент. Вот что рассказывал шофер митрополита — Николай Иванович. Однажды владыка отпустил его до вечера, и Николай Иванович отправился в баню при академии. «Сижку в парилке, вдруг вбегает секретарь: машину срочно к подъезду!» Я выскакиваю в тулупе «на босо тело» (дело было зимой), подгоняю машину к подъезду. Пар валит, лицо красное: «Владыка, благословите!» — «Бог благословит! *Exai!*» (владыка иногда щеголял простонародными словечками.)

Однажды мне довелось видеть владыку в гневе во время моего послушания на дежурстве. (Иподиаконы по очереди несли дежурство у кабинета, где владыка принимал посетителей.) Народ все шел и шел; в коридоре собралась большая толпа. Отпустив последнего (как он считал) посетителя, владыка вышел из кабинета

и увидел толпу новых ходоков. Но запас его сил был исчерпан; он прошел к себе в покои и приземлился на диван «с пустыми баками». А затем устроил мне разнос (первый и единственный).

В глубине души владыка сознавал, что приказа «не пущать» не было, и поэтому он быстро остыл, примирительно сказав: «Побереги архиерейские нервы». В другой раз и по другому поводу он добавил: «Глядя на тебя, я почему-то быстро успокаиваюсь».

... В кабинете идет прием посетителей. А на кухне при митрополичьих покоях строгая мать Ольга (пожилая монахиня из Закарпатья) готовит обед на десяток персон. Скажем, в 3 часа дня придут «официальные лица»; до трапезы еще далеко, а есть хочется. И вот владыка, во время «технологического перерыва», крадется на кухню «заморить червячка» и украдкой хватает с блюда запретный кусочек. (владыка страдал диабетом, и врачи запрещали ему вкушать определенные виды блюд.) При этом — предельная концентрация внимания: чтобы не увидел ни врач, ни мать Ольга, которая не поощряла кусовничества. Жуя на ходу, митрополит виновато улыбается дежурным иподиаконам, — они свои, не выдадут!

Когда наваливались неотложные дела, владыка мог принимать посетителей до часу ночи. Это вело к огромному переутомлению и ускорило кончину святителя. Как-то он назначил одному клирику аудиенцию, и тому пришлось ждать с обеда и до полуночи. Владыка принял его на пределе сил и от переутомления забыл, зачем вызывал. Расспросив о делах, о здоровье, он отпустил с миром недоумевающего батюшку. Но это, скорее, исключение из правила. Обычно посетители, даже отстояв в очереди полдня, выходили из кабинета владыки окрыленные. Он был человеком дела, и от него нельзя было услышать нечто расплывчатое, типа: «Нам надо пообщаться. Зайдите как-нибудь».

Об одном таком ночном разговоре вспоминает Юрий Рубан:

Мое личное знакомство с митрополитом Никодимом состоялось при обстоятельствах в высшей степени знаменательных, еще раз оправдавших его монашеское имя. Это было в августе 1972 г., когда я держал вступительные экзамены в Ленинградскую духовную семинарию. Прошел еще один напряженный день, в одиннадцать часов вечера в спальнях комнат семинарского общежития погас свет, и измученные ожиданием абитуриенты остались в темноте со своими мыслями. На следующий день строгая приемная комиссия должна была решить судьбу каждого из нас.

Хорошо помню свое изумление и страх, когда до меня, уже

спавшего, дошел смысл слов помощника инспектора, стоявшего рядом с моей кроватью и теребившего мое плечо: «Вставай, тебя вызывает митрополит Никодим», — что происходит, который час?! Нет, еще не утренний подъем, лишь только пробило полночь.

Вскочив и быстро одевшись, пытаюсь прояснить сознание холодной водой. Сон исчез, мгновенно побежденный страхом и растерянностью. Сопровождаемый сочувственными советами и благопожеланиями проснувшихся сотоварищей, спускаюсь вниз по широкой лестнице на первый этаж. Пересекаю вестибюль с плотно запертыми на ночь дверями. Впереди — коридор митрополичьих покоев, со стен которого взирают, застыв на холстах с тяжелыми резными рамами, многочисленные Санкт-Петербургские — Петроградские — Ленинградские архиереи XVIII–XX столетий. Предпоследний в ряду — митрополит Пимен (Извеков), тогда — Патриарх Московский и всея Руси. Последний — тот, кто ждет меня в кабинете и оживет через несколько секунд.

Двери кабинета — с левой стороны коридора. Напутствуемый помощником инспектора, вхожу в нее и замираю. Мягкий свет заливает квадратную комнату, полы которой скрывает огромный ковер. Стены уставлены полками с многочисленными книгами. Перед иконой Спасителя теплится лампада.

«Проходи, брат Юрий, не бойся», — звучит необыкновенно глухой, чуть глуховатый голос. Человек с мудрыми, все понимающими глазами легко поднимается и обходит свой дубовый резной стол. «Спаси Господи», — благословляет он меня в ответ на мое робкое «Благословите, владыко». — Целую властную руку, затем прикладываюсь к щеке, ощущая упругий шелк густой сидящей бороде. — «Садись, поговорим».

Уже тогда я сознавал, что происходящее со мною принадлежит истории, но ничего не записал, и теперь, по прошествии почти четверти века, помню лишь общую атмосферу этой удивительной встречи и навсегда врезавшиеся в сознание отдельные фразы ночной беседы.¹⁶⁸

Вспоминает протоиерей Вадим Балакирев, клирик Николо-Богоявленского морского собора. Середина 1970-х годов, осень. Прием посетителей владыка закончил за полночь, и перед сном необходимо прогуляться. Вадим в подряснике сопровождает митрополита. Весь вечер он дежурил у дверей кабинета, и теперь тоже валит с ног. Идут вдвоем вдоль берега речки Монастырки, потом —

вдоль Никольского лаврского кладбища. Святитель вдруг говорит: «Наверное, скоро умру». И далее — рассуждения на тему: где будет могила. Вадим пытается протестовать: «Владыка! Рано об этом говорить! Вы до ста лет проживете!» Но митрополит продолжает размышлять.

— Если «лечь» в Свято-Троицком соборе Лавры, то он не всегда открыт, и доступ к могиле будет затруднен. Лучше — на монастырском кладбище, среди лаврских насельников: оно открыто с утра до вечера.

Вдруг навстречу — дежурный милиционер. Видит: люди перед ним солидные, явно не его «клиенты». Но уже второй час ночи, и он, по долгу службы, спрашивает: «Уважаемые! Что здесь делаете так поздно?» А владыка кротко в ответ: «Не ругайте нас, дяденька! Я ведь митрополит. Мы уже уходим».

А если не было приема посетителей, то владыка допоздна работал в своем кабинете. Вспоминает протоиерей Борис Безменов, в те годы — студент ЛДА, подрабатывавший дежурством на вахте, при входе в здание Академии.

Время идет к полуночи, уже закончилась вечерняя молитва в академическом храме, входные двери закрыты наглухо. Смотрю — с лестницы спускается студент и крадется по коридору, ведущему к митрополичьим покоям. Но ему — дальше, до Крестовой церкви, а там — в дверь налево, вниз мимо баньки, и во двор. Ну а перемахнуть через забор — дело техники. И вдруг беглец видит в коридоре митрополита! Секунда оцепенения, и опрометью обратно. А владыка ему вслед: «Брат! Куда же ты? Вернись, поговорим...» Но «братский» след уже простыл, а владыка искренне удивился: откуда такой страх? Он-то привык работать допоздна и считал, что время еще «детское»...

Войдя в здание академии, где в те годы располагались и покои митрополита, можно было безошибочно определить: в Питере владыка, или в отъезде. Протоиерей Борис Безменов (в прошлом закончил биофак) вспоминал: «Прошло больше 20 лет со времени кончины митрополита, а он до сих пор мне иногда снится, и я в страхе просыпаюсь, с чувством неисполненного долга». Одно слово, Хозяин...

Поступив в семинарию в 1976 г., Борис воспринимал владыку Никодима как «живую легенду». Встретившись с ним как-то в лаврском парке, воспитанник Борис подошел к архиерею (во крещении Борису) под благословение.

— Идет дождь, на дороге грязь. А у меня обе руки заняты: в одной портфель, в другой шляпа. Бросаю все под ноги, в лужу, и подхожу к святителю: «Владыко, благословите!»

Как-то позднее о. Борис рассказал владыке о своем знакомом, подвизавшемся на кладбище в Зеленогорске. Станислав Чуркин работал там могильщиком, но местные бабульки почитали его за «святого». В те годы в Зеленогорске не было действующего храма; на горке стояла закрытая властями церковь Казанской иконы Божией Матери. И владыка загорелся идеей открыть этот храм. Через о. Бориса Чуркину было передано конфиденциальное благопожелание: организовать общину минимум из 20-ти человек и подать заявление уполномоченному по делам религий. Но имя архиерея не упоминать: по тогдашним законам это могло бы лишь повредить делу. Инициатива должна идти снизу, от простых «несознательных» граждан.

... Изобразив на лице улыбку, уполномоченный Жаринов сказал Чуркину: «Мы-то не будем возражать, но что скажет Москва?!» «Актив» общины едет в Москву, в Совет по делам религий. Ответ — с точностью до наоборот: «Мы — не против, но как на это посмотрят в Ленинграде?» Это была «пинг-понговая дипломатия», и члены общины мотались в Первопрестольную не менее 15 (!) раз, но их каждый раз «отфутболивали». В те годы это было делом безнадежным, но впоследствии «наработки» пригодились. И когда в стране ситуация начала меняться, все бумаги сразу пошли в дело: храм был открыт к кратчайшим срокам. Но это было уже после смерти святителя, хотя начиналось все по его инициативе.

У владыки была «фотографическая» память. О. Борис приносит в кабинет митрополита очередной проект ходатайства зеленогорской общины об открытии храма. Святитель пробегает бумагу глазами и кладет в ящик стола. Через месяц — очередная беседа на эту тему. Архиерей спрашивает о. Бориса:

— Как там у вас было написано?

О. Борис излагает текст приблизительно, по памяти, и слышит:

— Нет, там было сказано так-то и так-то!

Жизнь в «Стреле»

Жизнь побуждала владыку заполнять делами свое время накануне отъезда вплоть до последней минуты. Вот типичная картина

отъезда в Москву. До отхода «Стрелы» остается 20 минут, а владыка все еще «шуршит бумагами» у себя в покоях. Потом, в сопровождении секретаря, быстрым шагом идет по коридору к машине. Шофер Николай Иванович трогает с места и, осенив себя крестом, выжимает из ЗИМа все, что можно.

Зам. начальника Московского вокзала обычно бывал в курсе дела, и иногда задерживал отправление экспресса до 5 минут. Шествуя по перрону к вагону СВ (место № 19, одиночное полукупе), владыка тяжело дышал, опираясь на посох и глотая нитроглицерин. И в машине, и в купе — бумаги, подписи, распоряжения. . . Реже бывало так, что до отправления поезда было еще несколько минут, и Николай Иванович сразу уезжал после нелегкого рабочего дня. А владыка продолжал с собеседником разговор, начатый еще в кабинете. В последний момент «гражданин провожающий» высказывал из вагона и в полночь, под музыку Глиэра, шел в подряснике по перрону под испытующим взглядом дежурного милиционера.

С билетом в Москву проблем никогда не было. Если на «Стрелу» все места были распроданы, начальник вокзала мог распорядиться, чтобы к составу прицепили еще один вагон. Проводники знали владыку в лицо и с радостью приветствовали именитого пассажира. Расплачиваясь за чай, митрополит оставлял на столике красненькую десятку. Тогдашнюю, старорежимную, с «черепом».

... *Поезд прибывает в Ленинград. Партноменклатура выходила из поезда одновременно с простым народом — но путь по перрону недолог: в очередную «депутатскую комнату». А к ее подвезду подавалась машина республиканского ЦК, обкома или горкома и доставляла начальство в отведенную резиденцию, где можно отлично подготовиться к выступлению на местном партактиве, скажем, на традиционную тему: «Единство партии и народа»¹⁶⁹.*

Приезд архиерея был гораздо более скромным. На перроне владыку встречает небольшая свита; во главе — секретарь епархии протоиерей Борис Глебов. Машина ждет митрополита у центрального входа, где разрешено стоять только обкомовским «Волгам». Но отец Борис — в «доверительных отношениях» с гаишником, и тот «не замечает» архиерейский ЗИМ. Тем более что на автомобильном номере — буквы «ЛЕБ». В те годы это означало принадлежность к «номенклатуре».

Бывало так, что тем же поездом из командировки возвращался уполномоченный Г. С. Жаринов. Серенький, неприметный совслужащий; в руках — портфельчик с «материалом» и инструкциями.

Одна остановка на метро: площадь Восстания—Чернышевская; пешочком до своей конторы, и вот уже «серый кардинал» восседает в своем кабинете под портретом Маркса. И при встрече с «князем Церкви», прибывшим на ЗИМе для очередной беседы, их роли меняются. . .

НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ (1967–1978)

Упразднение епархии

В Новгороде после 1917 г. митрополит был лишен своих вековых покоев в Новгородском кремле. В феврале–мае 1919 г. в Новгородской епархии было произведено «вскрытие мощей». В «официальном списке», составленном властями, значились: князь Мстислав Удалой, князь Владимир, Анна, жена Ярослава, Иоанн Новгородский, Иаков Боровический, епископ Никита, князь Феодор¹⁷⁰.

В 1920 г. в Новгороде был упразднен епархиальный совет. Был судебный процесс; в качестве обвиняемых — члены совета: прот. К. Яковцевский, Н. Соколов; свящ. В. Вихров, В. Н. Фиников; временно управляющий епархией епископ Алексей (Симанский), Новгородский митрополит Арсений. Митрополит Арсений Новгородский, викарный епископ Алексей (Симанский) и другие приговорены к пяти годам условно¹⁷¹. В обвинительном акте, среди прочих, был пункт: «Издание от имени совета духовного органа “Новгородские епархиальные ведомости”, в которых усматриваются признаки злостной критики советского строительства»¹⁷².

В июле 1923 г. последовало разъяснение новгородского прокурора: «Торжественное поминовение на ектении, во время великого входа и т. п. заведомых контрреволюционеров, как например, бывшего Патриарха Тихона, находившегося под судом, именование его “Господином нашим” и проч. уже выходит за рамки простой молитвы и является публичным изъявлением хвалы заведомым врагам советской власти. . .

... Служители культа, которые будут продолжать такое поминовение. . . как лица социально опасные на основании декрета ВЦИК от 18 августа 1922 г. будут представляться в особую комиссию при НКВД для высылки в административном порядке с заключением на три года в лагерь принудительных работ»¹⁷³. В 1925 г. митрополит Арсений был сослан в Бухару; в 1927 г. был аресто-

ван Иосиф (Невский), епископ Валдайский, викарий Новгородской епархии.

В Новгородском уезде изобрели неповторимую форму давления на неудобных. В церкви Десятинского монастыря чекисты устроили резиденцию Губчека и через тонкую перегородку — помещение для арестованных¹⁷⁴. И арестованные священнослужители должны были слушать круглые сутки бетховенскую «симфонию пыток»: «Через страдания — к радости».

Закрылись монастыри, как писали тогда в газетах, «по требованию трудящихся». В Ефремо-Перекопском монастыре был размещен племенной рассадник и кирпичный завод¹⁷⁵. Потом закрылись и храмы, кроме одного. После Великой Отечественной войны богослужения совершались в Никольском соборе. В трудный хрущевский период едва удержался и этот единственный приход: его переместили в отдаленный от центра Филипповский храм. Маленький, невзрачный домик на окраине города и был «покоюми» новгородского владыки. Это был простой, на три комнатки, послевоенный домик.

Благочестивый, умный епископ Сергей (Голубцов) при высоком духовном настроении ничего не мог сделать для изменения печального положения в Новгородской епархии: он управлял в самый трудный период 1960-х годов. «Из-за отсутствия верующих» в Новгородской области, где до революции колоколен было, что сосен в бору, при владыке Сергии (Голубцове) в 1960-м году было закрыто пять церквей, а в 1961 — еще семь¹⁷⁶. Когда архипастырь заболел, его пришлось уволить на покой. Это всех устраивало. Фактически епархиальный центр в Новгороде ликвидировался¹⁷⁷.

(В 1950 г. будущий владыка Сергей закончил Московскую духовную академию; он учился вместе с о. Иоанном Крестьянкиным и Анатолием Сергеевичем Мельниковым. И когда о. Иоанна арестовали, страх еще глубже укоренился в их сердцах на долгие годы. И, пребывая на Новгородской кафедре, владыка Сергей [Голубцов] и владыка Антоний [Мельников] [с 1978 по 1986 гг.] особой инициативы не проявляли.)

Митрополит Новгородский

К 1964 г. в Новгородской епархии осталось всего 25 храмов, и в 1967 г. она была присоединена к Ленинградской. Ленинградский «митрополичий округ» включал также и Карелию, где осталось

всего четыре храма. О тогдашнем состоянии новгородских храмов повествует о. Павел Груздев. Прошло более тридцати лет с тех пор, как молодой Павел Груздев покинул Новгород по предписанию «в 24 часа», и вот уже игумен Павел, прошедший тюрьмы и лагеря, реабилитированный и рукоположенный, приехал в любимый город.

«... И вот 20-го октября 1966 г. я вновь в Новгороде. Моим глазам представились грандиозные новостройки, прекрасные сооружения, как-то: вокзал, мост через р. Волхов и т. д. Стопы мои сразу же по выходе из автобуса устремились к сердцу города — Кремлю, который совсем еще недавно был превращен чуть ли не в руины. Тот же Софийский собор с золотой главой и легендарным голубем на кресте, тот же неповторимый памятник 1000-летию России, правда, ажурной ограды из красной меди не сохранилось.

Когда я вошел в Софийский собор, то слезы невольно потекли из глаз моих, я сразу же устремил мой взор в главный купол храма к дивному изображению Спасителя, но этот образ уничтожен снарядами, пробившим главный купол собора. Я искал глазами древнейший иконостас-тябло, но его даже нет и следа. Я искал взором паникадило-хорос, но видал одну цепь, на которой оно висело. Я не увидел ни одной иконы, а какие были дивные и древние изображения.

Я видел те постаменты, на которых стояли раки св. мощей некоторых новгородских чудотворцев; я поклонился святым мощам почивающему под спудом святителю Григорию. Я был на хорах собора, я видал древнейшие западные Сигтунские XII в. врата, а также Корсунские, и немало порадовался, что эта ценность уцелела для потомства.

Из собора я пошел в Грановитую палату, она построена в 1433 году. У входа в палату я поклонился древнему изображению Спасителя с раскрытым Евангелием, на страницах которого начертано: «Не на лице зряще судити, сынове человечести, но праведен суд судите, им же бо судом судите, судится и вам». По преданию, перед этим изображением молился святитель Иоанн в ночь накануне сражения новгородцев с суздальцами в 1169 г. и в момент молитвы услышал глас, говорящий ему: «Иди в церковь иже есть на Ильине улице и тамо возьми образ Богородицы вознеси на стены граду противу супостатов и узриши спасение граду». Я видел многое множество драгоценностей, как-то: материальных, а также исторических.

Из Грановитой палаты я направился к древней звоннице Софийского собора, у подножия которой стоят 5 колоколов. От звонницы я был у миниатюрной церкви Андрея Стратилата, к сожалению, внутри которой в окно я увидал какие-то грязные корзины и т. д. Осмотрев этот храм, я посетил здание музея, где видал чудотворную икону Знамение Божией Матери и Дворищенский образ святителя Николая XII в. и немало порадовался их сохранности. Посещение музея произвело на меня прекрасное впечатление, и от всего сердца я мысленно поблагодарил того, кто неимоверный труд закладывает в это благородное дело.

После осмотра музея я еще раз обошел кругом памятника 1000-летию России и в Пречистенскую арку вышел на берег бурливого Волхова. Милый Волхов! Старого моста нет, не сохранилась и часовня Чудный Крест, но вместо старого моста я увидал широкий новый мост. Проходя мимо Владимирской башни Кремля, можно еще ясно увидеть древнюю фреску, изображающую святителя и чудотворца Николая в рост. В бытность мою в Новгороде это изображение находилось в часовне, которая была пристроена к стене Владимирской башни. С Волховского моста я любовался красавцем Ильменем, близ которого виден древнейший Юрьев монастырь, но не видал девяти золоченых глав Юрьевских соборов, не слышать веселых песен-поозерок: «Где горит? чего горит? Юрьевские главушки...» Не слышно звону 2100-пудового великана под названием «Неопалимая купина».

Я направил свой путь в бывший Антониев Римлянина монастырь, который сохранился полностью, за исключением колокольни. Обошедши два раза вокруг монастырского собора, я посмотрел в окно, внутрь его ничего не видал из достопримечательностей, правда, виден иконостас, но без икон, сохранилась живопись на стенах, виден постамент, на котором стояла рака св. мощей преп. Антония Римлянина.

От собора мимо здания бывшей духовной семинарии я направился в дубовую монастырскую рощу с намерением набрать на память желудей, но придя на то место, где был монастырский сад, я не нашел ни одного дуба, только жалкие обгорелые пни — все уничтожено огнем войны! Вернувшись вновь к собору и посидев минут 5–10 на ступеньках крыльца, и постояв у дверей трапезной церкви Сретения Господня, поглядел на окна келий, где жили архимандрит о. Сергей и иеромонах о. Серафим. Через бывшие святые врата я вышел на автобус, на котором через

5–10 минут был в центре Торговой стороны на Ярославовом дворе.

Осмотрев наружно Николо-Дворищенский собор, церкви Жен-Мироносиц, Параскевы Пятницы, великомученика Прокопия, Успения Божией Матери, я направил свой путь к церкви великомученика и Победоносца Георгия на Торгу, в коей в 1932 году была кафедра новгородского архиепископа. Я даже не узнал этого храма — нет ограды, нет колокольни, да пожалуй, нет даже и трапезной с притвором, а на месте примыкавшей с востока часовни, в коей почивали под спудом св. мощи Феодора блаженного, разбит садик с клумбами цветов.

Церковь Иоанна Крестителя на Опоках я узнал по сохранившемуся на алтарной стене изображению Предтечи, нет колокольни и ничего похожего. Церковь Спаса на Ильине сохранилась во всей своей красе, какой была и до войны, даже много лучше и благоустроенней. Через дорогу стоит знаменитый красавец собор Знамения Божией Матери, даже уцелело над входными воротами в ограду изображение иконы Богоматери с предстоящими святыми Никитой и Иоанном, стоит и колокольня, даже висят 1–2 колокола. В 1932 г. в этом соборе я видал восковую свечу весом — как было на ней написано — 1 (10) пудъ, но ее никогда не зажигали.

В 5 часов вечера я пришел к храму св. апостола Филиппа, где сейчас находится кафедра новгородского архиепископа. Боже мой! как все убого, как все беспорядочно! Великий Новгород, где же было твое торжественное богослужение? На клиросе поют на 12-й глас. Господи! да еще священник сбивает, такие заведет бесчинные вопли, о Матерь Божия! А какие были красивые новгородские напевы, собранные и изложенные в «Спутнике», изданном митрополитом Арсением. Ничего не напоминает в церкви Новгорода, все в ином духе, нет икон Святых в земли Новгородской просиявших, правда, в нижнем помещении, где отпевают умерших, стоит порядочная икона сих святых, но кто-то маленько ее подновлял и на венчиках у многих святых перепутал имена. Две иконы — св. Никита и Иоанн — стоят там же, ничего похожего я не видывал, чтобы св. Иоанна изображали в клобуке, он был сти-архиепископ.

Приложившись к мощам святителя Никиты, я с грустью вышел из храма. От кого это зависит? Ведь Ленинград рядом, какое там благолепие, какое прекрасное богослужение, а тут скудость и убожество. Может быть, виной минувшая война? Может быть,

я посетил храм на буднях? Может, мне так показалось? А показалось, на мой взгляд, очень плохо. Уж чего хорошего, когда священник, который служил, чередом ни разу не перекрестился»¹⁷⁸.

С 7 октября 1967 г. владыка Никодим носил титул митрополита Ленинградского и Новгородского. Его первым указом на новой кафедре было повеление: за богослужениями в Новгородской епархии именовать его митрополитом Новгородским и Ленинградским. У владыки была митра, изготовленная на древнерусский манер, с меховой опушкой, в которой он служил только в Новгороде.

В какой-то степени владыка Никодим прошел путь, противоположный тому, который проделал Святейший Патриарх Алексий I. В 1932 г. состоялось назначение митрополита Алексия (Симанского) на Новгородскую кафедру. А в следующем, 1933 г. последовало назначение митрополита Алексия на Ленинградскую кафедру¹⁷⁹.

Как правящий архиерей, владыка Никодим впервые приехал в Новгород в конце 1967 г. Его встречали причт Филипповской церкви, духовенство близлежащих приходов, множество жителей города. По окончании Божественной литургии владыка пригласил всех священнослужителей, участвовавших в богослужении, на прием, который проходил в епархиальном управлении на улице Заставной. Во время приема владыка расспрашивал духовенство о церковной жизни в Новгороде и области, а также о жизни каждого священника в отдельности.

Потом владыка стал регулярно приезжать на богослужения, особенно в дни праздников новгородским святым. Если он не мог приехать сам, то присылал своего викария.

Владыке Никодиму нравились новгородские церковные распевы, и он с похвалой отзывался о них. Певчие были в основном пожилые люди, они очень дорожили новгородскими распевами; некоторые пели еще в Софийском соборе до его закрытия. На праздник иконы «Знамение» митрополит Никодим почти всегда приезжал в Новгород. Накануне — всенощное бдение, в самый праздник — Божественная литургия, вечером — акафист с вечерней.

Дважды в год отмечается память святителя Никиты, и владыка почти всегда бывал в Новгороде в эти дни. Часто святитель приезжал на берега Волхова в праздник Варлаама Хутынского. Иногда вместе с ним приезжал о. Павел из Ярославля, — он раньше был иноком Хутынского монастыря. Обычно после всенощного бдения накануне праздника он ночью ходил в Хутынь, чтобы поклониться мощам преподобного Варлаама.

«31 января (13 февраля н. ст.) 1968 г. в день памяти святителя Никиты был в Новгороде, — сделана запись в батюшкином дневнике, — служил совместно с новгородским духовенством, возглавляемым митрополитом Никодимом, всенощное бдение и Божественную Литургию в храме св. апостола Филиппа, в коем почивают св. мощи святителя Никиты, епископа Новгородского». Тут же сделана приписка: «У цветка семена остаются, не беда, что цветок растоптали!» Это изречение отец Павел услышал по радио, о чем и сообщает: «31/1–75 г. радио, первая программа 9 часов утра». И приписка оказалась как раз под воспоминаниями о богослужении в храме апостола Филиппа у раки с мощами св. Никиты (память 31 января ст. ст.), тоже 31 января, только семь лет спустя¹⁸⁰.

Вспоминает архиепископ Новгородский и Старорусский Лев: «В Новгороде в то время оставалась всего одна маленькая Церковь во имя апостола Филиппа на окраине города, да и ту думали не то закрыть, не то перенести еще дальше... Владыка стал привозить с собой зарубежные делегации. Естественно, это вызвало крайнее недовольство местной власти. Новгород, в общем-то, был закрытым городом, и митрополиту стоило больших трудов через Москву «пробивать» эти поездки. Я был несколько раз свидетелем очень эмоциональных телефонных разговоров с Советом по делам религий. Но постепенно к этому привыкли... Построили архиерейский дом, епархиальное управление... Мало-помалу местные власти стали привыкать к тому, что православная вера — это не идеи нескольких бабушек. Религиозная жизнь в Новгороде приобретала все более конкретные очертания»¹⁸¹.

Пути будущего владыки пересеклись с Новгородчиной еще в начале 1950-х годов. Обучаясь на заочном секторе Ленинградской духовной академии, он сдавал экзамены по литургике профессору Н. Д. Успенскому, выходяцу из «земли святой Софии».

Ровесник XX века, Николай Дмитриевич родился 3 января 1900 г. в семье священника погоста Поля Демянского уезда Новгородской губернии. Помимо него в семье было еще пятеро детей. Родители с малых лет привили им любовь к Богу и храму. Отец, священник Димитрий Алексеевич Успенский, часто возил детей в монастыри. Как видим, все благоприятствовало дальнейшему служению юного Николая на церковном поприще.

Любвеобильный и справедливый, о. Димитрий пользовался большой любовью своих прихожан. Авторитет и мудрость батюшки были такими, что крестьяне никогда не обращались в суд для раз-

бора своих споров, а приходили к отцу Димитрию с просьбой, чтобы он их рассудил. И как батюшка скажет, так и поступали. Мать маленького Николая, Лидия Петровна, очень обаятельная женщина, после окончания гимназии в Новгороде преподавала русский язык в приходской школе, по месту церковного служения своего мужа.

В семье часто играли на музыкальных инструментах и пели. О. Димитрий и его матушка имели хорошие голоса. Дети унаследовали от своих родителей любовь к музыке и пению. Все они впоследствии получили музыкальное образование. В храме, где благоговейно служил о. Димитрий, у Николая зародилась любовь к церковным службам.

Начальное образование Николай получил в местной земской школе, по окончании которой поступил в Духовное училище в г. Старая Русса, и затем — в Новгородскую духовную семинарию. Во время учебы проявились и развились наследственные способности и любовь к церковному пению. Обучаясь в семинарии, он пел в хоре Софийского собора. А через 50 лет порог музея «Софийский собор» переступил митрополит Новгородский Никодим...

Объезжая Новгородскую епархию, владыка иногда посещал Валдай, где после 1917 г. были закрыты все монастыри. Власти подходили к делу «творчески»: издевательства доходили до того, что у сестер Валдайского Короткого женского монастыря под угрозой выселения из обители требовали подписи о вступлении их в местную организацию РКП (Российской Коммунистической партии)¹⁸². (Поначалу были и более мягкие формы давления. Так, женский Афанасиевский монастырь в Мологе в 1919 г. был переименован в Афанасьевскую женскую трудовую артель. И на документах 1919 г. настоятельница Иннокентия вынуждена была подписываться совершенно несуразно — «игуменья Афанасьевской трудовой общины»)¹⁸³.

Особенно часто владыка Никодим бывал в Иверском монастыре. Как и в других упраздненных обителях, в бывших монастырских кельях жили посторонние люди. Они равнодушно смотрели на посетителя в странной длинной одежде, который рассказывал своему личному секретарю — иеромонаху Льву — об истории монастыря. И вряд ли владыка мог предположить, что именно «Лев родной», уже будучи епископом Новгородским и Старорусским, возродит к жизни эту древнюю обитель...

Софийский собор был закрыт в 1929 г. — в год рождения владыки Никодима. Бывая в новгородской Святой Софии, — в те годы

музее — владыка заходил в алтарную часть, садился на горнее место и несколько минут о чем-то думал. Может быть, о том, что он и не доживет до открытия собора, но уж о. Лев — точно доживет!

В 1985 г. на экраны страны вышел фильм А. Салтыкова «Господин Великий Новгород». Согласно сценарию, партизаны и подпольщики по заданию райкома партии спасают от оккупантов новгородский вечевой колокол. В фильм вставлены сцены нашествия на Новгород тевтонов, по какому поводу князь Александр Невский и велит мастерам отлить колокол. А в следующих эпизодах большевики, ставшие вдруг ревнителями русской старины, снимают с кремлевской звонницы этот колокол, чтобы он не достался нацистам. Те самые большевики, которые всего за два г. до этого запретили по всей стране колокольный звон, а колокола сняли и переплавили. Уцелели лишь те, что снять оказалось не под силу — в Московском Кремле, Ростове Великом и Новгороде.

Пропагандистский расчет верен: неискушенный и плохо знающий историю зритель может и не заметить трагикомический аспект картины. Сидя в зрительном зале, слушая колокольный звон, любясь фресками Феофана Грека, Софийским и Георгиевским соборами, памятником «Тысячелетия России», он невольно связывает эту красоту с «подвигом» большевиков, забывая о том, кто снес или разрушил большинство монастырей, соборов, палат, дворцов и усадеб¹⁸⁴.

В те годы нельзя было и помыслить, что владыка Лев откроет не только Софийский собор, но и Николо-Вяжицкий монастырь, лежащий у северного предместья Новгорода. В годы правления владыки Никодима эта обитель была в удручающем состоянии. Вспоминает архиепископ Новгородский и Старорусский Лев.

Однажды ездили мы с митрополитом и в Николо-Вяжицкий монастырь к святителю Евфимию. С точки зрения сохранности он был в лучшем состоянии, чем Хутынский, но верующий народ туда почему-то не ходил, и нам пришлось пробираться к храму по пояс в снегу. Двери были забиты. Оставалась, правда, узкая щель, куда я с трудом пролез, а потом помогал это проделать митрополиту, который был плотного телосложения. Как всегда в таких случаях, владыка митрополит пропел тропарь, кондак и величание. Однако место, где покоились мощи святителя, так много сделавшего для земли Новгородской, было не обозначено или, может быть, находилось под кучами мусора. Для тех, кто сопровождал владыку в Новгород, это было действительной возмож-

ностью не только соприкоснуться со святынями древней земли Русской, но и услышать из уст митрополита интереснейшие рассказы из истории нашей Церкви, связанной с этой древней епархией¹⁸⁵.

А вот что случилось в Боровичах. После службы, напутствуемый прихожанами, владыка сел в ЗИМ, прихватив с собой несколько иподиаконов, в том числе и меня. Тем временем Николай Терятников как старший иподиакон бегал по церковному двору и распределял оставшихся с облачением и т. п. Идет время, владыка положить чемоданы с облачением и т. п. Идет время, владыка улыбается, машет рукой старушкам. А Коля тасует иподиаконов и чемоданы по второму, по третьему кругу. Кого-то вынимает из ЗИМа, кого-то сажает. Владыка, не переставая расточать улыбки и поклоны, просит: «Коля, поехали!» Но тот никак не может завершить рассадку. Наконец минут через десять все закончено и, забравшись в ЗИМ, Коля начинает оправдываться.

... Никогда я не видел владыку в таком гневе. Здоровому человеку в такой ситуации непросто, а если сердечник... Загнать эмоции внутрь — значит они будут работать на разрушение. Им надо дать выплеснуться. Часть святительского гнева обрушилась на Колю, а часть — на архиерейский посох. Он чуть не был сломан о стенку кабины.

Уже потом, взяв на два тона ниже, владыка объяснил причину гнева. У каждого человека есть какой-то слабый пункт («таракан в голове»). У владыки — вынужденные паузы при официальных проводах. Когда все прощальные слова сказаны, транспорт должен двигаться, — будь то машина, поезд или самолет. Любая задержка вносит в эмоции элемент фальши, заставляет вымучивать пустые фразы.

Уже совсем успокоившись, владыка рассказал, как однажды, при возвращении из-за границы, в зарубежном аэропорту его с почестями проводили до паспортного контроля, но тут по радио было сказано, что рейс откладывается на два часа. «Два часа испытаний...»

В ходе той поездки владыка посетил и г. Валдай, где настоятелем местного храма был о. Амвросий Блинков. Зная о его интересе и симпатии к Римско-католической Церкви, владыка относился к о. Амвросию с пониманием — в те годы шло развитие православно-католического богословского диалога. И пока был жив митрополит, о. Амвросий мог рассчитывать на его поддержку. (Впоследствии

судьба о. Амвросия сложилась драматично, но это уже другая тема.)

По окончании праздничного богослужения была прогулка на катере по озеру. Близ его берега когда-то стояла дача Сталина, и на подходах к ней, охраняя покой «хозяина», в засадах дежурили чекисты в звании не ниже майора. Для владыки эта прогулка была поистине «глотком кислорода». Подойдя к стогу сена на прибрежном лугу, он припал к нему, наслаждаясь терпким ароматом свежескошенных трав. А на обратном пути в Ленинград занимался «самиздатом»: расположившись на переднем сидении, читал машинописную распечатку книги «Леонид Федоров. Жизнь и деятельность» (Рим, 1966). Текст не афишируя, но особо и не скрывая...

Протоиерей Михаил Елагин

Занимая высокое официальное положение в Церкви, владыка не мог общаться с диссидентами, находившимися «под колпаком» органов, но он всячески помогал и содействовал «отсидентам» — священникам, освободившимся из ГУЛАГа. В Новгородской епархии это были архимандрит Клавдиан, настоятель собора в Старой Руссе, и протоиерей Михаил Елагин, секретарь Новгородской епархии.

Отец Михаил был «бит» и после освобождения из лагеря. Будучи клириком Псковской епархии, он в конце 1950-х годов возглавил, как обычно, крестный ход на Светлой седмице. А это было начало хрущевских гонений на Церковь, и местный уполномоченный запрещал церковные «шествия» вне стен храма. О. Михаила сняли с «регистрации», после чего он был вынужден перебраться в соседнюю Новгородскую епархию.

Об атмосфере того времени можно судить по тексту типичных документов¹⁸⁶.

Справка. «Дана в том, что Трубичинский сельсовет (Новгородской области) не возражает о выезде попа к умершему (ФИО) в деревню Устье». 10 апреля 1961 года.

В Никольский собор гор. Новгорода. Заявление. «Просим зайти священника к нам на квартиру к больной — (ФИО) для выполнения религиозного обряда. В посещении служителем церкви нашей квартиры жильцы нашего подъезда не возражают. Вот их подписи...» 24.07.1961.

Пользуясь покровительством владыки Никодима, о. Михаил Елагин, вопреки всем запретам властей, совершал невозможное. Так, в один из дней городские власти обнаружили, что за ночь здание епархиального управления из одноэтажного превратилось в двухэтажное. Тронуть о. Михаила отцы города не решились, но зато отыгрались на строительном тресте и упрятали за решетку тех, кто выделил епархии стройматериалы помимо «фондов». И когда о. Михаил, затеяв очередное строительство, приходил в тот же трест, то начальство, завидев «рокового» батюшку, в страхе разбегалось.

Действуя за широкой спиной владыки Никодима, о. Михаил Елагин разработал безотказную систему, суть которой доверительно излагал за праздничной трапезой в узком кругу слушателей. «Если вы задумали что-то построить на приходе, нужно “пропитать” все звенья цепочки — от сельского исполкома до обкома. Главное — не пропустить ни одного звена, иначе все рухнет. А когда все звенья “смазаны”, стройматериал завезен, рабочие на месте, раствор готов (и тут в голосе о. Михаила звучал металл), — поить, поить и поить!»

Отец Михаил Елагин был человеком с трудной судьбой. Фронтвик, награжденный орденами и медалями, после войны он прошел ад сталинских лагерей, где «оперы» ломали его «через колено». После 1978 г., когда о. Михаил лишился сильного заступника в лице владыки Никодима, он вел себя предельно осторожно. Уже не могло быть и речи, чтобы дать рекомендацию местному молодому прихожанину для поступления в семинарию. В Новгородский епархии был один такой бесстрашный священник — архимандрит Агафангел (Догадин).

По окончании ЛДА (1962 г.) о. Агафангел был включен в состав Русской духовной миссии в Иерусалиме, но, прибыв в Святую землю, «повел себя странно»: не стал участвовать в тех играх, которые Лубянка навязывала «долгосрочникам». И вскоре был отозван на родину, получив новое назначение — в Псково-Печерский монастырь. Вдогонку был пущен слух: у о. Агафангела якобы «что-то с головой». Владыка Никодим, как мог, покровительствовал опальному, но «выше головы не прыгнешь».

Пребывая в древней обители, «ненормальный» насельник собрал уникальные материалы по истории Псково-Печерского монастыря и оформил их в виде магистерской диссертации. Но защититься так и не смог; был переведен в Новгород, а потом в Старую

Руссу, где и прослужил до своей кончины, последовавшей в конце 1990-х годов.

Своим духовным чадам о. Агафангел дарил книги с церковной тематикой, и всегда — с дарственной надписью. (Тут уже «распространение литературы» не пришьешь.) Получит, бывало, молодой прихожанин рекомендацию от о. Агафангела и ждет приезда в Новгород митрополита Антония (Мельникова). А потом, спрятав «бумагу», крадется «огородами» в епархиальное управление на первую беседу с архиереем. Но так, чтобы не увидел о. Михаил. . .

Страх сидел у бывшего фронтовика и лагерника на клеточном уровне. Начало 1980-х годов. Храм апостола Филиппа, единственный из действовавших тогда в Новгороде, посещает группа французских туристов. Идет вечернее богослужение; под сводами храма звучат уникальные новгородские распевы. Но не за этим пришли сюда французские провокаторы. Они стремятся уловить простых прихожан в липкую паутину агентуры. Прямо в стенах храма проводится идеологическая диверсия: агенты «Сюрте жене-раль» (туризм — это оперативное прикрытие) раздают молящимся бумажные иконки с изображением отъявленного монархиста, злейшего врага революционных масс — протоиерея Иоанна Кронштадтского! Да еще причисленного к лику святых нашими недругами из Русской зарубежной православной Церкви (карловчане)!

Но отца Михаила на кривой не объедешь. Как писали тогда в стандартных характеристиках, «политику партии и правительства понимает правильно». Провокацию нужно пресечь на корню. Едва «лягушатники» вышли из храма, как двери были наглухо заперты, и пока народ не сдал все «вещдоки» о. благочинному, никто не мог покинуть «каноническую территорию».

. . . У англичан есть выражение: человек со «сломанной идентичностью». Как сказал поэт, «а нас сознанию учили в лагерях. . .» Так что можно понять и несчастного отца Михаила. А понять — значит простить. . .

Митрополит Никодим сделал много, даже все, что было в его возможности, чтобы:

1) капитально отремонтировать переданную вместо Никольского собора, отданного атеистическому музею (!), — полуразрушенную Филипповскую церковь;

2) построить к Филипповской придельную Никольскую церковь, не существующую с XVIII века;

3) построить помещение для епархиального управления;

4) построить покои для пребывания митрополита¹⁸⁷.

Митрополит Никодим благословил к храму апостола Филиппа пристроить придел в честь святителя Николая, просторный, светлый. Получился, в сущности, новый храм в Новгороде, в то время как власти дали согласие, как им казалось, всего лишь на ремонт старого храма апостола Филиппа. Возник конфликт. Чтобы его разрешить успешно для Церкви, владыка пригласил специальную комиссию из Управления по культуре, экспертное заключение которой воспрепятствовало намерению партийных властей Новгорода ликвидировать «незаконную пристройку».

Для митрополита Никодима богослужение было центром жизнедеятельности священнослужителя, его пастырским долгом. Этот долг побуждал его как можно чаще совершать богослужения, которые доставляли большое утешение и отраду пастве и ему самому.

Правда, некоторые оценивали это по-другому. Уполномоченный по Новгородской области писал в своем отчете: «Никодим 1–2 раза в месяц проводит службы в церквях Новгородской епархии. . . Зажигаются все люстры, бра, и всем этим он руководит, собирая воедино красоту духовную, гармонию богослужения, осанку и выражения лиц и напыщенную важность телодвижений участников службы, чтобы всем этим оглушить верующих, возбудить у них благоговение на грани галлюцинации»¹⁸⁸.

Иногда, после беседы с уполномоченным по делам религий, владыка доверительно говорил: «Я чувствую, что передо мной — бетонная стена. Будешь биться — лоб расшибешь, и ничего не добьешься». Станислав Ежи Лец (Польша) в те годы как бы развивал эту мысль: «Ну, допустим, пробьешь ты лбом стену. Но что ты будешь делать в соседней камере?» Поэтому владыка искал, где мог, обходные пути.

Живя в эпоху, когда «запрещено было все, кроме того, что было разрешено особым решением ЦК», владыка Никодим вынужден был включаться в закулисные игры, вести неофициальные переговоры, устраивать «хитрые обеды» с «нужниками» (нужными людьми), чтобы решить какое-либо дело в пользу Церкви. Он любил рассказывать историю про снабженца, который творил чудеса и мог доставать на базах любой «дефицит». Секрет снабженца заключался в том, что у него был нервный тик. Приходит он на базу и спрашивает: «Кирпич есть?» И вроде бы подмигивает заведующему складом. Тот подмигивает в ответ: «Найдем!» — «Древесина есть?» — «Конечно, есть!» и т. д.

Владыка Никодим буквально разрывался на две епархии. В напряженные предпасхальные дни продолжительные богослужения шли каждый день — утром и вечером. Казалось бы, нет никакого просвета для отдыха. Но владыка и здесь находил «зазор», но отнюдь не для короткой передышки. Вечером под Великую Субботу он выезжал из Ленинграда в Новгород и в храме св. апостола Филиппа совершал «чин погребения» (Плещаницы).

Под утро возвращение в Питер, и снова на богослужение. А впереди — пасхальная заутреня, вторая ночь без сна... Протоиерей Борис Глебов — ответственный за организационную часть праздников — едва выдерживал «марафон» и ко времени пасхального разговения обычно был уже на грани срыва. А святитель все «наддавал жару», не замечая, что «стрелка манометра» уже давно зашкалила, и «котел» может не выдержать...

ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ (ОВЦС) (1960–1972)

В те годы ОВЦС размещался на тихой улице Рылеева, 18/2, недалеко от станции метро «Кропоткинская». В «мирное время» это был Гагаринский переулок, известный старым москвичам по аристократическим особнякам. В Отделе работали люди «с биографией». Чего стоил один Александр Казем-бек (1902–1977), видный деятель эмиграции, репатрировавшийся в Советский Союз!

«Советы без коммунистов»

Предки Казем-Бека были туркменские ханы. Он любил рассказывать о том, что его прадед имел гарем с десятками жен. Его дед после покорения Средней Азии стал приспешником Скобелева, принял крещение и женился на графине Толстой. Дед Александра Львовича сблизился с духовенством. Его отец — Лев Казем-Бек, окончивший Пажеский корпус, вошел в круг русской аристократии и был близок к церковным кругам. Революция застала Александра Львовича 16-летним юношей в Петербурге. В 1920 г. вместе с семьей отца он через Финляндию отправился в эмиграцию.

Молодой Александр учился в университетах Белграда, Мюнхена, Парижа. Париж, конец гражданской войны, нащупывание новых путей. В начале 20-х годов ярко сияет восходящая звез-

да нового вождя — дуче Муссолини. Раб божий Александр увлекся сильным человеком, он горел желанием стать русским Муссолини. Как неглупый человек, он, однако, понимал, что Россия имеет свой исторический путь и механически перенести сюда опыт фашизма невозможно. И вот в голове честолюбивого юноши возникает грандиозный план: соединить две русские традиции — монархическую и советскую. Так возникает партия «младороссов» — единственная партия русских эмигрантов.

Наиболее экстравагантной чертой этой партии была идея реставрации русской монархии во главе с законным претендентом на русский престол из дома Романовых — великим князем Кириллом Владимировичем, при полном сохранении всех форм советской государственности (Советами, исполкомами, народными комиссарами и т. д.). В то же время должна была произойти некоторая «подстановка»: Коммунистическую партию должна была вытеснить и заменить новорожденная партия «младороссов», ну, а место вождя — Ленина, Троцкого и тогда еще только претендовавшего на эту роль Сталина — великодушно брал на себя русский Муссолини — Казем-Бек¹⁸⁹.

Будучи в эмиграции, Казем-бек выдвинул девиз: «Советы без коммунистов!» Казем-Бек завязал связи с Кириллом Владимировичем и добился у него «апробации». Затем он завязал отношения с Муссолини, сподобился у него аудиенции и определенных денежных субсидий. Ему наконец удалось заинтересовать своим планом советское полпредство (посольство) в Париже, с которым поддерживалась негласная связь и от которого (как можно догадываться) также получают определенные денежные средства. Наконец, благодаря талантливой пропаганде ему удастся привлечь к этому делу многих русских молодых эмигрантов, которые основывают полувоенную организацию типа гитлеровских штурмовиков, носят особую форму, по-военному салютуют Казем-Беку на собраниях и встречах его криками: «Глава!» (по образцу «Neil Hitler!»).

В тридцатые годы это движение угасло, война заставила вообще забыть о русских эмигрантских движениях двадцатых годов. К чести Казем-Бека, он не пошел на сговор с гитлеровцами. В 1940 г., будучи в оккупированной немцами Франции, он, за свои «советские» убеждения, был посажен в концлагерь.

Казалось бы, за что? Ведь вскоре после разгрома Франции посол Шуленбург телеграфировал из Москвы в МИД Германии: «Молотов пригласил меня сегодня вечером (17 июня 1940 г.) в свой ка-

бинет и выразил мне самые теплые поздравления советского правительства по случаю блестящего успеха германских вооруженных сил»¹⁹⁰.

С большим трудом Александру удалось освободиться из неволи, и он переехал в США, где преподавал в Йельском университете. Растерявший старые связи, бывший кандидат в вожди вел тихий и скромный образ жизни в Канзасе. Ему уже под пятьдесят, но энергия еще бьет ключом.

Советского концлагеря Александру Львовичу удалось избежать по простой причине: он обратился за советским гражданством лишь в 1954 г., после смерти Сталина. В 1956 г. Казем-Бек возвращается в Советский Союз; в 1957 г. он был «восстановлен в правах». Репатриант публикует ряд статей, выступает по московскому радио, он говорит о том, что, будучи по профессии журналистом, собирается посвятить свою деятельность разоблачению капитализма. Здесь явный намек и заявка: он претендует не иначе как на роль редактора крупного советского журнала. В это время — разоблачения культа личности, он заговорил языком сталинской эпохи. Это вызвало резкий отпор со стороны Ильи Эренбурга, который выступил со специальным письмом в редакцию «Литературной газеты», направленным против выступлений Казем-Бека.

Талантливого журналиста задвинули. И вот он появляется в коридорах Московской патриархии. Он хорошо знает Ватикан; как оказывается, он всегда интересовался Русской Церковью и русской «Фиваидой» (северной монашеской волной). С его умением завязывать отношения он преуспел во многом: стал бывать у патриарха, пробился и к митрополиту Николаю, помощником которого он стал. Что касается патриарха, то с ним Казем-Бек нашел общий язык: они вспоминали форму гвардейских полков, значки; патриарх любил расспрашивать про Париж, про места, виденные в детстве. Он жил в фешенебельном районе Москвы, на Фрунзенской набережной, в доме Министерства обороны, куда простым людям вход был заказан.

Впоследствии, когда во главе ОВЦС встал митрополит Никодим и Ватикан стал одним из главных объектов его деятельности, Казем-Бек с его знанием ватиканской кухни стал незаменим¹⁹¹. Старшим консультантом ОВЦС Казем-бек стал в 1962 г.¹⁹²

Вернувшись в коммунистическую Россию, Александр Львович о своих «идейных шатаниях» на людях не вспоминал. Но коммунисты ничего не забыли и, когда пришло время, — припомнили. В

1971 г., на Поместном соборе Русской православной Церкви, Казем-бек горько жаловался архиепископу Брюссельскому Василию, что его никуда не выпускают за границу. «Не только в настоящую за границу, во Францию или Америку, но и в «братские страны». Подал прошение поехать в Югославию. Отказали. А между тем мне нужно туда поехать для одной церковной исторической работы, которую я хочу написать. С трудом пустили только раз в Болгарию, да и то потому, что Патриарх Болгарский потребовал. А другие постоянно ездят»¹⁹³.

Своей аристократической выправкой и манерами Александр Львович чем-то напоминал Вертинского. В ОВЦС он заведовал католическим сектором.

«Дело Кутепова»

В отделе переводов трудился сын генерала Кутепова, похищенного в Париже и ликвидированного агентами НКВД. Павла Кутепова война застала в Югославии, и в сентябре 1944 г. он вступил в ряды Советской армии-освободительницы, не скрывая свою «подноготную». Владея французским, немецким и сербско-хорватским языками, Павел Александрович служил в Советской Армии в качестве переводчика.

В конце войны он был арестован СМЕРШем, отсидел десять лет во Владимирской «крытке». Его «оформляли на 9 грамм», но следователь, ведший дело, заболел, а тут подоспел указ об отмене смертной казни. По словам Павла, у него в тюрьме было два желания: съесть сразу килограмм хлеба и увидеть в тюремном дворике зеленую траву.

Владимирская тюрьма была построена по указу Екатерины II в августе 1783 г. После 1917 г. централ официально назывался уже не временной каторжной тюрьмой, а Владимирским политизолятором. Во Владимирском центре содержались крупные партийные и государственные деятели, репрессированные в предвоенные и послевоенные годы.

Сюда после суда скорого и несправедливого отправили на «исправление» ныне всемирно известного русского прозаика и поэта Даниила Андреева, создавшего в неволе знаменитую «Розу мира». Здесь же сидел один из идеологов белого движения в революционной России, монархист, депутат нескольких созывов Государственной думы, принимавший отречение последнего российского императора,

писатель и публицист Василий Шульгин. В камерах централа в разное время содержались академик Василий Парин, историк Лев Раков, грузинский меньшевик Симон Гогеберидзе, отсидевший во Владимире 25 лет.

С 1945 по 1955 гг. во Владимирской «крытке» отбывали наказание высшие офицеры гитлеровской Германии. Здесь саживали члены правительства, как тогда говорили, буржуазных Литвы, Латвии и Эстонии, а также их близкие родственники, арестованные в начале войны. Под №3 в одиночной камере Владимирской особой тюрьмы томился Константин Орджоникидзе — родной брат наркома. Номер 22 был присвоен Евгении Аллилуевой — жене брата Надежды Аллилуевой — супруги Сталина. Под №23 высшее тюремное начальство скрывало даже от своих рядовых сотрудников Анну Аллилуеву — сестру Надежды Аллилуевой.

Под вымышленной фамилией Васильев Василий Павлович в начале января 1956 г. во Владимирскую тюрьму особого назначения доставили сына «отца народов» Василия Сталина, осужденного на восемь лет якобы за «растрату государственных средств и имущества».

В августе 1960 г. во Владимирскую тюрьму доставили американского летчика-шпиона Пауэрса, сбитого советскими ракетчиками под Свердловском 1 мая того же года. Суд приговорил его к десяти годам лишения свободы. Но уже через год его обменяли на советского разведчика Рудольфа Абея, раскрытого и осужденного в США.¹⁹⁴

... В мае 1953 г. по указанию Берия был создан самостоятельный 9-й отдел МВД СССР для проведения террористической и диверсионной работы. Его возглавил опытный чекист Павел Судоплатов (с 1933 г. — в Иностранном Отделе ОГПУ), а его заместителем стал Наум Исакович Эйтингон (он же Котов, он же Наумов — в зависимости от страны, в которой работал). Этот отдел был упразднен после ареста Берия в июле 1953 г. Берия потянул за собой цепочку, и вертушка 9-го отдела была осуждена по статье «за измену Родине». Павел Анатольевич загремел на нары.

И снова Владимирская тюрьма... 9 марта 1966 г. з/к Судоплатов пишет из «крытки» в адрес XXIII съезда: «Мы успешно выполнили поручение ЦК ВКП(б) по делу Троцкого... Подробности приводить не буду. Они известны в ЦК КПСС из устного и пись-

менного отчета об уничтожении Троцкого. В особом порядке в июне 1941 г. за это дело мы оба были награждены орденами»...¹⁹⁵. Но «плачущий большевик» отсидел «от звонка до звонка» и был освобожден по отбытии срока в августе 1968 г.

В начале 1970-х годов во Владимирской тюрьме саживал и правозащитник Кронид Любарский. Его письма на волю урезывались цензурой или конфисковывались. Любое сообщение, выходящее за рамки банальных сообщений о благополучном здоровье, вызывало подозрения и страх. Не минуло это и религиозно-философскую тематику. В ответ на протесты политзаключенного к нему явился зам. начальника Владимирского управления исправительно-трудовых учреждений полковник Ларин и сообщил, что впредь ни на религиозные, ни на атеистические темы рассуждать в письмах нельзя, так как в СССР... «Церковь отделена от государства»¹⁹⁶.

... Скончался Павел Александрович в декабре 1983 г. на 59-м году жизни и был похоронен в Москве на Бабушкинском кладбище. В «Журнале Московской Патриархии» был опубликован некролог, что по тем временам (последние месяцы «андроповщины») было довольно непросто. «Сын генерала Кутепова, ликвидированного НКВД», — так ведь не напишешь! Читаем: «П. А. Кутепов родился 27 февраля 1925 г. в Париже в семье военного». Про годы тюрьмы — не заикнуться! Читаем: «В сентябре 1944 г. в течение некоторого времени служил военным переводчиком в Советской Армии». И сразу, без перехода: «С 1954 г. работал в г. Иваново на текстильных предприятиях... В октябре 1960 г. был принят на работу в Отдел в качестве переводчика...»¹⁹⁷

Но и после 1960 г., в течение 17 лет, Павел Кутепов был «невыездным». Одна из первых его немногих зарубежных поездок была в Прагу на миротворческий конгресс ХМК. В ту самую Прагу, которую он, будучи в эмиграции, знал как свои пять пальцев...

Павел Александрович скончался 27 декабря 1983 г., а в феврале 1984 г. ушел из жизни бывший шеф КГБ Юрий Андропов, за чьей «конторой» Кутепов старший и Кутепов младший числились в течение нескольких десятилетий. Речь Святейшего Патриарха Пимена перед панихидой в Богоявленском Елоховском соборе «по усопшем вожде» была опубликована в том же 3-м номере «ЖМП» за 1984 г., где напечатан некролог, посвященный Павлу Александровичу.

В речи Святейшего Патриарха было отмечено, что «на всех по-

стах, какие Юрий Владимирович занимал от молодых лет (комсомольский вожак в Карелии, посол в Венгрии — осенью 1956 г. активно подавлял «мятеж»; шеф КГБ, инициатор «карательной психиатрии». — а. А.) он трудился самозабвенно и самоотверженно, не щадил ни своих сил, ни своего здоровья... Кончина Юрия Владимировича Андропова — это огромная утрата не только для нашего народа, но и для всех миролюбивых сил мира... Светлый образ почившего навсегда останется в нашей благодарной памяти. Вознесем же, возлюбленные, наши усердные молитвы о новопреставленном Юрии и возгласим ему «вечную память»¹⁹⁸. Сцена, достойная пера Шекспира. «Бедный Юрик...»

Таких почестей Московская Патриархия не воздавала даже умершему «вечно живому».

11/24 января 1924 г. Обращение патриарха Тихона и членов Патриаршего синода в советскую прессу в связи со смертью председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина).

«Прощу через вашу газету выразить мое соболезнование правительству Союза Советских Социалистических Республик по поводу тяжелой утраты понесенной *им* (а не *нами*. — а. А.) в лице неожиданно скончавшегося председателя Совета народных комиссаров В. И. Ульянова (Ленина)»¹⁹⁹.

Андропов был председателем КГБ в 1967–1982 гг.; создал Пятое («диссидентское») управление. (Аналогом андроповской «пятерки» была гитлеровская «четверка». После создания 27 сентября 1939 г. Главного управления имперской безопасности (РСХА) гестапо вошло в него в качестве IV-го управления. Внутренняя структура гестапо насчитывала пять отделов, в том числе — IV В — надзор за политической деятельностью католической и протестантской Церквей, религиозных сект, евреев, франкмасонов и оппозиционных течений в молодежной среде)²⁰⁰.

Андропов же разработал для инакомыслящих метод «сухой гильотины» — высылать из страны и сажать в сумасшедшие дома. Солнечным февральским днем 1984 г. кремлевские охранники в медленном балетном марше по Красной площади проводили его в забвение. Вскоре после смерти бывшего шефа КГБ ни в чем неповинный Рыбинск был переименован в «Андропов».

Почему именно Рыбинск? А вот почему. В 1936 г., 22-летним юношей, Юра Андропов был назначен на скромное место освобожденного секретаря комсомольской организации техникума в Рыбинске, Ярославской области. Ежовщина расчистила путь на-

верх, и всего через два года Андропов был уже первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

Но через несколько лет древнему городу было возвращено его прежнее название. За эти годы в печати были подняты «неудобные» вопросы, связанные с провалами во внешнеполитическом курсе страны, выразившимися в кампучийской проблеме, советском участии в афганской военной авантюре, в тайной установке ракет СС-20, взбудоражившей весь мир...

1 сентября 1983 г. произошел инцидент с пассажирским южнокорейским «Боингом»; решение об его уничтожении было принято не на Камчатке и не на Сахалине, а в Москве — «на самом верху». Короткое правление Андропова отмечено гибелью корейского пассажирского авиалайнера, сбитого советским истребителем над Японским морем. Погибло 269 человек. Трагедия пассажирского самолета продемонстрировала многие качества советской системы: чудовищный, иррациональный страх перед «нарушением границы», предельную централизованность — приказ о действиях против корейского лайнера пришел из Москвы; бесчеловечность: даже если пассажирский самолет сошел с курса, нарушил границу, приказ о его уничтожении был дан в мирное время²⁰¹.

Нельзя забывать, что не последнюю роль сыграл Андропов (в 1956 г. — посол СССР в Венгрии) в спешном перебазировании бывшего венгерского кровавого диктатора Матяша Ракоши подальше от народного гнева в глубь советской территории, в Киргизию, в небольшой городок Токмак в 60-ти км от республиканской столицы...

А через четверть века «светлый образ почившего» сильно полек, и в «осадке» осталась лишь пара анекдотов.

— Юрий Владимирович, в Москве новый камерный театр открылся!

— Да? И на сколько камер?

— Юрий Владимирович! Кто ваш любимый поэт?

— Пушкин. Это ему принадлежат строки: «*Души прекрасные порывы!*»

Протопресвитер Виталий Боровой

С 1959 г. сотрудником Отдела был о. Виталий Боровой, и нами, «семидесятиниками», он воспринимался как живая легенда. Протопресвитер Виталий родился в 1916 г. в Минской губернии; после

образования «белопанской Польши» учился в Виленской духовной семинарии, а с 1936 по 1939 гг. — на православном богословском факультете Варшавского университета.

В 1920 г. ленинское правительство пыталось захватить Польшу, и в обозе Красной армии, пересекавшей польскую границу, находилось «советское правительство Польши» — разумеется, с участием бесстрашного рыцаря революции, председателя ВЧК Дзержинского. «Даешь Варшаву! Дай Берлин!» — заливались песенники Первой конармии. «Даешь Европу!» — вторили советские писатели. Первый наскок не удался, от Варшавы пришлось отступить. Когда Польша в 1920 г. не покорилась, не приняла привезенного в обоз оккупантов «советского правительства Польши», а организовала контрнаступление, Ленин поспешил заключить мир.

Ясно, что поход Пилсудского на Киев в апреле 1920 г. — агрессия, хотя ее формально прикрывал договор с Петлюрой. А как оценить, спрашивают польские историки, поход Тухачевского на Варшаву?

После раздела Польши (пакт Молотова — Риббентропа, 1939 г.) Виталий стал учителем в родной деревне на Витебщине.

23 августа 1939 г. советские люди были поражены до глубины души, прочтя на первых страницах газет сообщение о прибытии в Москву министра иностранных дел Третьего рейха Риббентропа. На следующий день читатели газет могли познакомиться с текстом Договора о ненападении между Германией и СССР и полюбоваться на фотографию: улыбающиеся Сталин и Риббентроп, соединенные дружеским рукопожатием.

«Правда» объявила пакт «инструментом мира», «мирным актом», который будет содействовать «облегчению напряжения в международной обстановке». В секретном дополнительном протоколе к Договору 2-я статья гласила: «Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение независимости Польского государства и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических развитий». В истории дипломатии есть мало документов так цинично провозглашающих намерение ликвидировать и разделить суверенное государство.

Советские газеты опубликовали тост Сталина после подписания Договора: «Я пью за здоровье рейхсканцлера, я знаю, как его любит немецкий народ. Я знаю, — добавил генеральный секретарь, — что немцы хотят мира». Советскими газетами не были опубликованы слова Сталина (их записали немцы), обращенные к Риббен-

тропу: «Советское правительство рассматривает новый пакт очень серьезно. Сталин может гарантировать своим честным словом, что Советский Союз не подведет своего товарища»²⁰².

Счастлив был и Гитлер. Фон Шпеер вспоминает, что получив телеграмму о подписании пакта, фюрер заплясал с криком: «Вот они где у меня теперь», показывая кулак²⁰³. Хрущев вспоминал, как Сталин воспринял этот договор. «Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера» (Хрущев Н. С. «Воспоминания»). Вот так краснокоричневые параноик с шизофреником готовили Вторую мировую войну...

Психоавтоматизмы у высших организмов не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Они функционально сложны и более усложняются в зависимости от развитости психики. В стае волков, например, психопатичный волк вряд ли сможет существовать, он будет либо изгнан, либо убит, а в стае обезьян, например, психопат вполне может стать даже лидером, вожаком стаи²⁰⁴. И уж тем более — лидером Третьего Рейха или III-го Интернационала.

Договор о ненападении, подписанный 23 августа, еще можно попытаться объяснить с помощью очень сомнительных аргументов (желанием Сталина выиграть время, колебаниями Англии и Франции, не спешившими договориться с Москвой). Гораздо труднее объяснить второй договор — «О дружбе и границах», подписанный 28 сентября 1939 г. Советские историки, как обычно в трудных обстоятельствах, обращались к простому способу: договор «О дружбе и границах» в советской историографии не упоминался. Если встречался термин «договор, подписанный в сентябре», то его содержание не излагалось.

Советский Союз обязался поставлять гитлеровской Германии необходимое для ведения войны стратегическое сырье (нефть, металлы, зерно), НКВД и Гестапо сотрудничали в Польше (это записано в договоре) в борьбе с национальным сопротивлением оккупантам. В знак дружбы НКВД выдало Гестапо немецких коммунистов, которые нашли убежище в Москве, а потом в годы террора были арестованы. В немецкой кинохронике запечатлен совместный военный парад советских и гитлеровских войск во Львове. Секретное соглашение о границах уточнило зоны влияния: Советский Союз получил Литву, отдав взамен Германии Варшавское воеводство²⁰⁵.

Вспоминает ветеран Великой Отечественной войны полковник в отставке Григорий Браиловский.

— Запевай! — скомандовал наш взводный, и я было начал:

Кто Родине нашей грозитсЯ войной,
Тот будет сражаться со всеЮ страной.
Лишь землю родную затронет фашист,
Станет танкистом любой тракторист...

Еще вчера мои однокашники, курсанты Череповецкого пехотного училища, дружно подхватывали припев:

«Знайте, враги, на удар мы ответим...»

В этот раз, едва прозвучало слово «фашист», как наш взводный поспешно распорядился: «Эту песню прекратить!» А потом смущенно про себя добавил: «Теперь они наши друзья». Слово «фашист», еще вчера звучавшее как последнее ругательство, произносить было запрещено²⁰⁶.

В соответствии с соглашением, подписанным германской и немецкой сторонами 16 ноября 1939 г., осуществлялось переселение в Германию жителей немецкого происхождения с занятой советскими частями территории Польши, а в СССР — украинского и белорусского населения генерал-губернаторства.

С германской стороны этим занималась команда по переселению, состоявшая главным образом из эсэсовцев. В течение двух месяцев она совершенно свободно действовала в советской зоне оккупации Польши и контролировала совместно с соответствующими службами НКВД переселение многих тысяч лиц немецкого происхождения. Существенно большие сложности возникали с обратным переселением (украинцев, например, вовсе не мечтавших перебраться в СССР)²⁰⁷.

Первые два года Второй мировой войны Сталин и Гитлер были «заклятыми друзьями». Впрочем, предпосылки к этому были и раньше.

Неотъемлемое свойство тоталитарного режима — экспансия, поиск Lebensraum (жизненного пространства). Вспомним заимствованные у нацистского гимна строки славной песни советских авиаторов: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, // Завоевать пространство и простор». Гитлер и Муссолини пытались оправдать свои планы ссылками на то, что природные ресурсы распределены на земле неравномерно. Нужно, мол, подправить эту «несправедливость».

В получасе езды от Генуи, на берегу живописной бухты, расположен курорт Рапалло, знаменитый тем, что в 1922 г. в тамошнем отеле «Империял» жили участники Генуэзской конференции. Здесь можно было видеть цвет большевистской дипломатии: Черчин, Красин, Воровский. На заседания делегаты ездили поездом в Геную, где собирались во дворце Сан Джорджисо (Св. Георгия), а вечером возвращались обратно.

Сложные чувства обуревают сегодня наших соотечественников, посещающих этот зал отеля «Империял», где был подписан Рапальский договор между советской Россией и Германией. Долгие годы придворные историки изображали это соглашение как блестящую победу ленинской дипломатии. Действительно, в то время, как и советская Россия, Германия находилась вне международного сообщества, являясь жертвой политики держав Антанты. Так же как и Германия, советская Россия не поддерживала версальского послевоенного урегулирования.

Но в течение десятилетий от «простых советских людей» скрывалась простая истина: ведь и Берлин и Москва имели кое-что из того, что каждый из них в отдельности хотел от другого. Большевики испытывали необходимость в передовом промышленном оборудовании и технической помощи. Германии же были нужны рынки и территория, где можно было бы тайно перевооружаться. Поэтому-то в 1922 г. в Рапалло две державы и подписали соглашение о расширении экономических связей и взаимно отказались от претензий на репарации, установленные после Первой мировой войны. В 1926 г. Берлинский договор о ненападении и нейтралитете расширил рапальские договоренности и возложил на стороны твердые политические обязательства. В случае, если одна из сторон подвергнется нападению, другая будет соблюдать благожелательный нейтралитет.

Большевистская дипломатия взяла линию на раскол своих потенциальных врагов путем заключения двусторонних соглашений хотя бы с одним из них. Очень выиграли от этих соглашений германские вооруженные силы. Советская Россия предоставила Германии возможность для проведения на своей территории военных учений и испытаний боевого оружия, что запрещалось Версальским договором. В Казани построили специальный танковый полигон, где германские фирмы могли проводить эксперименты с новейшей техникой; в Саратове открыли школу по изучению отравляющих веществ; в Липецке Германии был предоставлен

аэродром, где проходили испытания нового поколения немецких истребителей и тяжелых бомбардировщиков, а сотни молодых немцев приобретали технические и летные навыки. К 1928 г. 800 офицеров германских вооруженных сил работали в тесном сотрудничестве с Красной армией, осваивая тактику, методы обучения и технологию.

В 1933 г., когда к власти пришел Гитлер и базы были ликвидированы, маршал Тухачевский заметил, что «рейхсвер был учителем Красной Армии и это никогда не будет забыто»²⁰⁸.

В 1931 г. Сталин, признавая: «Мы уважаем американскую деловитость во всем — в промышленности, технике, в литературе, в жизни», уточнял: «Но если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, или, вернее, к большинству какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам. С этими симпатиями не сравнить наших чувств к американцам» (Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 115).

В 1933 г. к власти в Германии пришел Адольф Алоизович, — «социально близкий» Иосифу Виссарионовичу. В 1934 г. Гитлер разъяснял своим партайгеноссе, что национал-социализм заимствовал у марксистских партий и буржуазии главные идеи, их характеризовавшие: «Национальное сознание — у буржуазной традиции, живой и творческий социализм — у марксистов». Гитлер назвал своей целью создание «фольксгемайншафт» — всенародного государства, общество трудящихся, союз всех интересов, истребление индивидуализма и создание единой и организованной динамической массы»²⁰⁹.

Это было государство, основанное на частной собственности и разделении публичной и частной сфер. По закону от 1 декабря 1933 г. НСДАП характеризовалась как «корпорация публичного права», т. е. (хотя бы на бумаге) была публично-правовым институтом, тогда как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС таковым никогда не была.

Для справки: фашизм в Европе существовал только в Италии и Испании. У фашистов этих государств не было свастичной символики. Гитлеровская Германия, использовавшая свастичную символику была не фашистская, а национал-социалистическая. Кто сомневается — прочтите статью И. В. Сталина «Руки прочь от социалистической Германии». Данная статья печаталась в газетах «Правда» и «Известия» в 1930-х годах.

«Бифштексы» — так в гитлеровской Германии презрительно на-

зывали тех коммунистов и социалистов, которые ради собственной выгоды вступали в нацистскую партию. Про них говорили, что они «коричневые снаружи и красные внутри». В июне и июле 1933 г., вскоре после прихода Гитлера к власти, было сформировано несколько подразделений СА, почти целиком состоявших из коммунистов»²¹⁰.

Вальтер Кривицкий, бывший руководитель советской шпионской сети в Западной Европе, рассказывал о том огромном впечатлении, которое произвела на Сталина «ночь длинных ножей», организованная Гитлером летом 1934 г. Ночью 30 июня были схвачены и убиты ближайшие соратники Гитлера — руководители СА. При случае были ликвидированы «беспартийные» противники фюрера. Кривицкий вспоминает, что едва весть о «ночи длинных ножей» дошла до Москвы, Сталин созвал Политбюро. Отвергнув мнения специалистов — разведчиков, дипломатов, экспертов, — Сталин пришел к выводу, что массовые убийства, организованные Гитлером, приведут к консолидации нацизма и укрепят личную власть фюрера. Убийство Кирова, организованное через полгода после гитлеровской «акции», стало сигналом к завершению строительства тоталитарного государства»²¹¹.

Главный враг — гитлеровская Германия — до поры до времени по имени не назывался. С 1938 г. ежедневно звучала по радио песня из фильма Е. Дзигана «Если завтра война...», но с кем именно начнется война, не говорилось: с будущим врагом дружили и старались его не дразнить. Отпор призывали дать неназванному противнику:

Если завтра война, если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек весь советский народ
За свободную родину встанет.

А тем временем немецкие асы, прошедшие подготовку в авиационной школе под Липецком, летали бомбить Варшаву. Будущие солдаты на уроках решали задачки: «Самолет летит со скоростью 240 км в час бомбить центр мирового еврейства Варшаву, отстоящий на дистанции 210 км. Когда можно ожидать его возвращения, если бомбометание занимает 7,5 минуты?» Только в конце учебника, где приводился ответ, не говорилось о том, что самолеты Люфтваффе прокладывали курс на Варшаву с помощью радио-

маяка, расположенного в советском Минске. В Брестской крепости в сентябре 1939 г. был проведен совместный парад частей Красной Армии и вермахта.

Газета «Правда», 20 сентября 1939 г.: «Берлин в эти дни принял особенно оживленный вид. На улицах около витрин и специальных щитов, где вывешены карты Польши, весь день толпятся люди. Они оживленно обсуждают успешные операции Красной Армии. Продвижение частей Красной Армии обозначается на карте красными флажками».

Белоруссия родная,
Украина золотая,
Ваше счастье молодое
Мы стальными штыками оградим!

Этот походный марш 1939 г. определял отношения Москвы с братскими республиками. Цели были просты, а задачи ясны.

Из доклада Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. «... Надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши не мало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора... Война между Германией и Польшей закончилась быстро, ввиду полного банкротства польских руководителей. Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и неизвестно, что это были за “гарантии”. (Общий смех)²¹².

Солидарен с Молотовым был и генерал-губернатор созданного национал-социалистами польского «генерал-губернаторства» Франк. Он провозгласил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, что бы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство».

Вот советские фильмы тех же лет: «Ветер с Востока» 1940 г. (сценарий Ванды Василевской, режиссер — Абрам Роом) и знаменитый «Богдан Хмельницкий» 1941 г., поставленный Иго-

рем Савченко. Сегодня, при просмотре «Богдана Хмельницкого», поставленного с поистине голливудским размахом, возникает вопрос: что за странность: вбухивать огромные деньги в дорогую постановку, показывающую коварство иезуитов, жестокость польских панов, запорожцев, горящих на столбах, — и все это накануне войны с Германией?

Но эта жажда вдруг обличать шляхетских панов XVI века, ни с того ни с сего взявшаяся, станет более понятна после просмотра «Ветра с Востока». Снятый на современном ему материале, этот фильм не скрывает своей цели — объяснить ввод советских войск в Польшу в 1939 г. Тут все, как в польских фильмах о русских в 30-е годы, только наоборот. Не русский учитель кичится историей, а злобная графиня — великой польской культурой. Не польские гимназисты жаждут учиться на родном языке, а украинские крестьяне — на украинском... И подводящие «базис» титры: «Польское правительство ввергло народ в губительную войну. 1 сентября 1939 г. война началась».

Кинематограф в виде оружия массового поражения, доходчиво и наглядно формирующий образ врага. Недаром «вечно живой» изрек: «Из всех видов искусств для нас важнейшим является кино». Это большая сила, и советская пропаганда пользовалась ею умело. Недаром министр пропаганды Иозеф Геббельс советовал учиться этому именно у русских.

Немецкие корабли, готовившиеся к захвату Норвегии, бункеровались топливом в Мурманске.

Посол Шуленбург — в МИД Германии (9 апреля 1940 г.): «Молотов заявил, что советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам... В заключение Молотов сказал: «Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях»²¹³.

А вскоре после немецкой оккупации Норвегии из Москвы в Берлин ушла шифровка.

МИД Германии — послу Шуленбургу (5 сентября 1940 г.): «Наш военный флот намерен отказаться от предоставленной ему базы на Мурманском побережье, так как в настоящее время ему достаточно базы в Норвегии. Пожалуйста, уведомите об этом решении русских и от имени Имперского правительства выразите им благодарность за неоценимую помощь. В дополнение к официальной ноте главнокомандующий флотом (адмирал Редер. — Прим. авт.) намерен выразить свою признательность в личном письме главнокоманду-

ющему советским флотом (нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов. — *Прим. авт.*)²¹⁴.

7 ноября 1938 г. на советские экраны вышел фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Однако вскоре режиссер взялся за работу прямо противоположную «Невскому». Молотов подписал в Берлине пакт о ненападении с Риббентропом, и на какое-то время «Невского» перестали показывать. Эйзенштейн согласился поставить «Валькирии» — любимую оперу Гитлера, музыкальный символ утверждаемого национал-социализмом национального духа. Лишь бы дали работать, а трактовать тевтонцев как «псов» или «рыцарей» Эйзенштейну было безразлично. Он сказал, что Вагнер воплощает «творческую волю народа» и пора «приблизить к нам эпос германских народов».

В Германии почтовые открытки изображали Гитлера в образе Зигфрида, величественно парящего в воздухе и разящего врагов. Для Гитлера и нацистских идеологов Вагнер был истинным героем. Его музыкальное и литературное творчество представлялось им наиболее выразительным проявлением великогерманского национального духа. Гитлер считал Вагнера своим духовным учителем: «На каждом этапе моей жизни я возвращался к Вагнеру»²¹⁵.

Кинорежиссер Г. Рошаль вспоминал, что это был «вагнеровский парад тевтонских героев в то время, как все более реальной была война с фашистской Германией», «торжественный парадный спектакль в фарватере советско-германских дипломатических отношений». На сей раз Эйзенштейну не повезло: спектакль, премьера которого состоялась 21 ноября 1940 г., прошел всего несколько раз — близилась война, и на экраны опять вышел «Александр Невский»²¹⁶.

Неужели советские люди все тогда понимали? Не все, но многое. «Москва предвоенного времени» — говорилось как само собой разумеющееся, до начала Второй мировой войны. Поэт Павел Коган, выполняя социальный заказ, «пророчествовал»:

Во имя войны 45-го года,
Во имя солдатской породы,
Во имя принявших твердь и вод
Смерть, холод, бессонницу и бой...

«Солдатской породы» он заменил после на «чекистской», так сейчас и начинается, но первый вариант был точнее²¹⁷.

После нападения Гитлера на Советский Союз Белоруссия оказалась «под немцем», и Виталий Боровой стал делопроизводителем Минской духовной консистории. (Как тут не вспомнить рассказ о человеке из Закарпатья, чьи документы регистрировали после смерти: «Родился в Румынии, учился в Венгрии, женился в Чехословакии, работал в Польше, умер в Советском Союзе». «Повезло человеку, — позавидовал кто-то, — всю жизнь путешествовал!» «Да он ни разу не выезжал из родной деревни», — сказали ему в ответ.)

Осенью 1944 г. оккупационные власти намеревались депортировать его в Германию, но во время остановки поезда в Гродно Виталий с женой тайно покинули вагон и добрались до Минска. Вскоре Виталий был рукоположен во иерея, служил в Гомеле, а в 1945–1946 гг. возглавлял организацию богословских курсов в Жировицком монастыре (впоследствии — Минская духовная семинария; ныне — Минская духовная академия). В 1953 г. о. Виталий закончил экстерном Ленинградскую духовную академию — на два года раньше о. Никодима. В 1954 г. он был назначен преподавателем истории Древней Церкви, и, возможно, пути о. Виталия и о. Никодима пересеклись уже в то время.

О. Виталий стал сотрудником ОВЦС еще при митрополите Николае (Ярушевиче) (с 5 июня 1959 г.), а при владыке Никодиме он вырос до заместителя председателя Отдела (с 28 августа 1960 по 15 февраля 1961 г.). С марта 1962 г. на протяжении 13 лет (с перерывами) о. Виталий был представителем Русской православной Церкви при Всемирном совете Церквей (Женева).

О. Виталий был старше владыки Никодима на 13 лет, и это давало ему право отзываться о своем шефе без чрезмерного пиетета. Постепенно между ними произошло негласное разделение сфер влияния. Считалось, что о. Виталий — талантливый богослов, обладающий глубокими знаниями (за плечами Варшавский университет!). Дескать, «мы пишем архиереям доклады, а они их лишь озвучивают». А владыка Никодим («простой рязанский мужик») — талантливый администратор и хитрый дипломат. Но, при мудром наставничестве о. Виталия, он «легко обучаем» и все схватывает на лету. Между обоими «харизматическими лидерами» нередко вспыхивали споры, велись дискуссии, но не для удовлетворения амбиций, а на пользу общецерковному делу. Если владыка Никодим соглашался с о. Виталием, то обращался к нему ласково: «батьюшка!» А если они шли «стенка на стенку», то официально: «отец протопресвитер!»

Это совпадает с тем, что пишет о владыке Никодиме А. Э. Краснов-Левитин.

Что он был за человек? Прежде всего это был практический человек, реальный политик до мозга костей. Человек мужицкой, крестьянской хватки. Человек с живым умом, необыкновенно сообразительный, — обычно он отвечал собеседнику, когда собеседник еще не успел закончить фразу. Он был человеком с хитрецей, и большой хитрецей, осторожным и гибким. Но это была хитрость умного человека, а не бездарного чиновника, который лжет тогда, когда это совершенно бессмысленно, и боится сказать лишнее слово.

Это был человек быстрых решений; на месте министра иностранных дел он был бы незаменим. Во всяком случае, в тысячу раз более на месте, чем все на свете Молотовы, Шепиловы, Громыки — пресные люди, люди без выдумки и без фантазии.

Огромное обаяние, которым он обладал от природы, делало его незаменимым дипломатом. В этом отношении он во много раз превосходил своего предшественника — митрополита Николая. Тот умел лишь улыбаться, но улыбаться можно раз, два, ну три, — а дальше улыбке перестают верить. Никодим не улыбался, видимо, понимая, что улыбкам в наш век не очень верят.

Он говорил серьезно, по-деловому, конкретно, — он говорил, казалось, правду, только правду, ничего, кроме правды, но, конечно, не всю, далеко не всю правду. Он умел маневрировать, отступать, перестраиваться на ходу²¹⁸.

Анатолий Эммануилович знал владыку Никодима лично. «Несколько очень продолжительных и довольно откровенных бесед я с ним все-таки имел, — пишет он. — Мы, разумеется, всегда стояли на совершенно противоположных позициях. Однако между нами существовала личная симпатия. Я любил беседовать с ним: мне нравились его простой и ясный ум, его быстрая сообразительность, живость, пристальный интерес к общественным вопросам. Он также (как это я могу судить по его отзывам, о которых мне говорили) питал ко мне некоторую симпатию и даже говорил: «Как жаль, что такой (пропускаю лестный для меня эпитет) не с нами».

Как ужасны перегородки и глухие стены, которые придумали люди!»²¹⁹

С 1973 по 1978 гг. о. Виталий в сане протопресвитера был настоятелем Елоховского Богоявленского собора в Москве. Вспоминает Фэри фон Лиленфельд.

В 1974 г. я в очередной раз побывала в Москве по линии научного обмена и провела здесь несколько месяцев. Тогда, помню, регулярно ходила на пассивы, за которыми проповедовал протопресвитер Виталий (Боровой), бывший тогда настоятелем Богоявленского собора в Елохове. О. Виталий умел придать своим суждениям по поводу евангельской истории актуальное звучание, и все понимали, что он косвенно осуждает власти СССР за нажим на верующих. А в многотысячной толпе, конечно же, были и секретные работники всесильного КГБ (стукачи), так что проповеди о. протопресвитера казались дерзкими и опасными для него.

О. Виталий белорус, происходит из Восточной Польши, и он за пассивами вспоминал о времени перед Второй мировой войной, когда официальной политической властью было всемерное вытеснение из религиозной жизни страны не только православных, но даже и униатов-католиков. Тогда в Польше мало оставалось открытых храмов восточного обряда. Прошла кампания массового разрушения даже самих зданий православных церквей; поляки сровняли с землей огромный собор св. Александра Невского в Варшаве. Православным верующим приходилось покрывать огромные расстояния, чтобы добраться до ближайшей церкви. Проповедник говорил, казалось бы, о преследованиях Православия в довоенной Польше, о варварстве и религиозной нетерпимости тогдашних польских правителей и ни одним словом не упоминал СССР, но все-все в храме, впитывая его слова, понимали, что имелось в виду положение верующих в Советском Союзе, как теперь говорят, «времен застоя»²²⁰.

В Женеве с 1973 по 1978 гг. подвизался архимандрит Кирилл (Гундяев). Очередной отъезд о. Виталия в Женеву состоялся после перемещения архимандрита Кирилла на должность ректора Ленинградской духовной академии. Однако возвращение о. Виталия из Швейцарии было сопряжено с тяжелыми испытаниями, о которых поначалу знал только узкий круг посвященных. Лишь после августа 1991 г. о. Виталий стал рассказывать о пережитом.

В 1985 г. на Лубянке начался переполох: на Запад «свалил» шеф лондонской резидентуры Олег Гордиевский. Последовал ряд провалов по линии ПГУ (Первого главного управления) КГБ (внешняя разведка). Тогдашний шеф КГБ Виктор Чебриков бился в истерику; глава ПГУ генерал Владимир Крючков был в предынфарктном состоянии. Было решено отозвать в Москву «долгосрочников» и

поставить их на следственный конвейер: не разложился ли, не завербован ли западными спецслужбами?

Но о. Виталий, как «церковник», был «профилактирован» еще весной 1984 г., попав в мелкочейный невод контрразведки. Он был вызван в Москву под благовидным предлогом, на несколько дней. Отправился в столицу налегке, без вещей, не подозревая, что ловушка захлопнется в аэропорту Шереметьево-2. Многократная выездная виза была аннулирована; о. Виталию было предписано оставаться в Москве и пока работать в ОВЦС. А вскоре последовал вызов в «органы». Но опального протоиерея пригласили отнюдь не в то зловещее здание, перед которым тогда высилась статуя «железного Феликса».

Мы жили в украденном времени. Над Лубянкой долгое время тикали часы, которые еще Железный Феликс утащил в свое время с колокольни закрытой лютеранской кирхи. Часы были сделаны немецкими мастерами, цифирки были латинскими, так что мало кто из москвичей почувствовал разницу. Часики, кстати, до сих пор тикают над крышей этого Дома Без Вывески.

За десятилетия существования ЧК — ГПУ — НКВД — МГБ — КГБ эта контора расширялась и захватывала близлежащие здания, пока в центре Москвы не образовался целый режимный микрорайон. (Центральный аппарат РСХА располагался в Берлине в комплексе зданий на Принц-Альбрехтштрассе, однако многие службы были разбросаны по всему городу, занимая 38 зданий). В один из таких «хитрых домиков» и был приглашен всемирно известный православный богослов.

Оперативник, который вел дело «гражданина Борового», хорошо подготовился к допросу. На его столе лежали папки с компроматом на маститого протопресвитера: агентурные доносы, материалы оперативной разработки, распечатки прослушки и т. д. Беседа велась подчеркнуто вежливо, но по принципу: «Здесь вопросы задаем мы».

— Виталий Михайлович! Комитет располагает информацией о том, что в таком-то году, такого-то числа, при встрече с господином таким-то Вы сказали то-то и то-то, чем нанесли ущерб престижу советского государства.

— А, так это протоиерей такой-то, наш секретарь в Женеве, подсуетился и донес на меня! Ведь он был при этом разговоре. И, как всегда, все перепутал.

— Ну, не будем называть имена! А вот тогда-то Вы в дискуссии

по такому-то вопросу допустили клеветническое высказывание, что можно квалифицировать как...

— Да ложь все это! Там был сотрудник ОВЦС такой-то, разговор шел без переводчика, а он в английском языке профан. Решил «проявить бдительность» и все переврал. (Вскоре после 1991 г. открылись архивы Лубянки, и в тодашней печати был опубликован такой примерно текст: «Источник “Кузнецов” сообщает об изменческих высказываниях протоиерея Борового».)

У о. Виталия хотели вырвать «компромат на Кочеткова», но он не «сдал» опального о. Георгия. Протоиерей Георгий вспоминает: «о. Виталий был одиноким рыцарем. И не только по необходимости и по принуждению, но и по собственному выбору. Это был его путь. Он понимал, что, как он мне однажды сказал, где двое или трое православных собраны вместе, там один стучах. Это была очень горькая шутка, которая, конечно, основывалась на определенном отношении к людям. Он придерживался принципа, что доверять до конца можно только Богу». В те же «окаянные дни» «органы» обложили «красными флажками» и С. С. Аверинцева. Правда, на Лубянку Сергея Сергеевича не тягали, но на несколько лет он стал «невъездным». Из текущих отчетов Пятого управления КГБ СССР: Заведено дело оперативной проверки на С. Аверинцева, доктора филологических наук, зав. сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького, осуществляются агентурно-оперативные мероприятия по изучению объекта (Ф. 6. Оп. 6/16. Д. Т-175. Т. 3. С. 48).*

И так с утра до вечера, всю неделю... На нервной почве о. Виталий заметно сдал; на лице появились темные пигментные пятна. В конце концов «дело» было закрыто «за недоказанностью», но выезд за границу был надолго закрыт. Устное предание приписывает о. Виталию фразу, которая якобы и решила исход дела в его пользу. Когда «опер» стал обвинять протопресвитера в том, что тот «продал Родину», о. Виталий парировал: «А что, нашелся покупатель?»

Со временем о. Виталий оправился от потрясений, но его здоровье заметно пошатнулось. Тем не менее он «пересидел» в ОВЦС четырех председателей, и лишь при пятом, в 1997 г. стал внештатным консультантом ОВЦС. И все эти годы о. Виталий, встречаясь в коридорах ОВЦС с «Кузнецовым», благословлял его и лобызался с «источником». («Контрольный поцелуй в голову».) А женевский

* Кифа. 2007 № 1 (59). Январь. С. 7.

протоиерей-секретарь, заложивший о. протопресвитера, до сих пор мелькает «по ящику» и учит нас с экрана патриотизму. О таких писали еще в начале XX столетия:

Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов,
Направляется сюда!

Отсюда — мания к засекречиванию. На этой почве родился анекдот: «Один работник ОВЦС спрашивает у другого: “Сколько сейчас времени?” Ответ: “Тсс... (шепотом) сейчас три часа, только никому не говори, что это я тебе сказал”».

Впрочем, отец Виталий — не первый и не последний: от жене-вского священника пострадал еще Достоевский. Второго августа 1868 г. он пишет Майкову: «Письмо мое пропало... Петербургская полиция вскрывает и читает все мои письма, а так как жене-вский священник, по данным (заметьте, не по догадкам, а по фактам), служит в тайной полиции, то и в здешнем почтамте (жене-вском)... некоторые из писем, мною получаемых, задерживались... Каково же вынести это человеку чистому, патриоту, предавшемуся им до измены своим прежним убеждениям, обожжающему Государя... Дураки, дураки!.. Достоевского подозревают!»²²¹

Известно, что лидер, поставленный на ответственный пост, подбирает «команду» из людей, близких ему по духу. Так действовал и владыка Никодим, занявший пост председателя ОВЦС. Вспоминает митрополит Минский и Слуцкий Филарет.

Когда я уже был ректором Московской духовной академии, митрополит Никодим как председатель ОВЦС испросил у Святейшего Патриарха благословение, чтобы ректор Московских духовных школ был вторым заместителем председателя ОВЦС. Владыка Ювеналий (ныне — митрополит Крутицкий и Коломенский. — а. а.) тогда был первым заместителем, а я стал вторым. Но, признаться, Святейший Патриарх был не очень этим доволен: «Он должен быть в Академии! Это второе послушание будет отвлекать его от главных обязанностей...» Поэтому назначение состоялось с формулировкой: «... с временным оставлением в должности ректора». И я семь лет был в должности ректора «временно».²²²

Епископ Алексей (Ридигер) (Святейший Патриарх Алексий II)

В 1961 г. Председатель ОВЦС архиепископ Никодим совершил посвящение во епископы настоятеля Успенского собора города Тарту о. Алексия (Ридигера).

Оба они родились в 1929 г., но «детство—отрочество—юность» складывались у них по-разному. С детства Алексей Ридигер прислуживал в церкви под руководством своего духовного отца протоиерея Иоанна Богоявленского, впоследствии епископа Таллиннского и Эстонского. Эстония обрела независимость в 1920 г. — по Тартускому мирному договору. 1939 год — начало 2-й мировой войны; Эстония под советской, а затем немецкой оккупацией. Об «освобождении» Эстонии от немецко-фашистских войск вспоминает Святейший Патриарх Алексей II.

Конец спокойной и размеренной жизни пришел с установлением советских военных баз на территории Эстонии, с вводом войск, а потом оккупации Эстонии и последовавшей за этим массовой высылкой в Сибирь. Вывозили в основном по ночам — на запасных путях стояли товарные вагоны, в которые загоняли людей. Такая же участь должна была постигнуть и нас, и только каким-то чудом мы остались целы. Я сегодня рассказываю об этих событиях в первый раз. Мы жили в пригороде Таллина, все наши родственники переехали к нам, так как шла война, родители и я уступили свой дом, а сами поселились в комнатухе при сарае. В ту ночь мы тоже ночевали там... Две наши собаки крепко спали, хотя энкавэдэшники искали по всей территории. До сарая они так и не дошли... После этого мы уже не ночевали дома. Моя судьба могла бы сложиться совершенно иначе, если бы нас вывезли в Сибирь вместе с десятками тысяч высланных русских и эстонцев.*

В 1961 г. епископ Алексей назначается заместителем владыки Никодима на посту главы ОВЦС. «Отдел ставил задачу расширения межцерковных контактов, потому что это был очень сильный аргумент в пользу выживания Церкви в то нелегкое время, — вспоминал Святейший Патриарх Алексей II в 1999 г. — Мы развивали не только миротворческое служение Русской Православной Церкви, но и межрелигиозное сотрудничество, контакты с инославием.

* Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 1.

Расширение межцерковных контактов помогло сохранить веру в СССР, особенно в период хрущевских гонений».**

Пост заместителя Председателя ОВЦС помог владыке Алексию приостановить гонения на Церковь в Эстонской епархии, о чем он поведал в одном из интервью.

— В 1961 г. вы стали епископом. В советское время епископское служение являлось достаточно тяжелым. Какие проблемы должен был решать в эту эпоху правящий епископ Эстонской епархии?

— Я сразу же столкнулся с проблемой: в первую же неделю моего служения мне было сказано, что 1 октября Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь должен был быть передан под дом отдыха шахтеров. Мне был представлен список 36 храмов в основном эстонских православных приходов, которые были названы нерентабельными и подлежали закрытию. Стоило трудов убедить власти Эстонии, что я не могу начинать епископское служение с закрытия Пюхтицкого монастыря, единственного в Эстонии, поскольку Псково-Печерский монастырь к этому времени уже входил в состав Псковской епархии. Мне говорили: «Решение принято до вас». Но если бы это свершилось при мне, я нес бы ответственность в полной мере. Тогда мне надо было бы уйти. Но удалось убедить отодвинуть закрытие. В конце апреля 1962 г. я привез в Пюхтицкий монастырь делегацию Евангелической Церкви ГДР — 18 человек. Условия у нас тогда были весьма скромные, но в газете «Нойе Цайт» появились фотографии Пюхтицкого монастыря и очень хорошее описание приема и посещения. Потом я привез делегацию Протестантской федерации Франции, делегацию Национального Совета Церквей Христа в США, и таким образом вопрос о закрытии монастыря отпал.

То же самое было и с приходами. Я сказал, что не могу начинать с их закрытия. Некоторые приходы в дальнейшем умирали естественным образом. Там уже не оставалось православных верующих. Многие я поддерживал искусственно или из епархиальных, или из своих средств, давая деньги на то, чтобы оплатить налог за строение, за землю и страховку в надежде, что, может быть, увеличится население, будут построены новые предприятия, которые иногда возводились на окраинах Советского Союза, возникнут

** Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. №4 (27). 24 февраля. С. 6.

новые рабочие места. Поэтому административными методами приходы в мою бытность не закрывали.

Я понимал всю трудность епископского служения. Священник отвечает только за свой приход, епископ же — за всю епархию и духовенство. Причем в случае Эстонии духовенство двунациональное! Я поддерживал старое поколение эстонского духовенства, сегодня, к сожалению, почти полностью ушедшее в мир иной. Оно жило в тяжелых условиях, но главное — у него не было морального удовлетворения, когда оно совершало службу Божию при пустых храмах. Я объяснял русским, что у них есть моральное удовлетворение — люди. А у эстонцев — пустые храмы. Тогда в быт эстонских священников вошла поговорка: «Сам служу, сам пою, сам кадило подаю». Некоторые эстонские священники работали кочегарами, работали в совхозах. И почти всех, еще до достижения ими пенсионного возраста, я обеспечивал пенсиями из Московского Патриархата — тогда пенсии духовенству выплачивала Церковь. Тем самым эти люди не были связаны с необходимостью работать в светских учреждениях, для того чтобы прокормить себя и семью. Многие из них обслуживали по три-четыре прихода. Но, повторяю, в основном это были не приходы, а храмы.

— Была ли у властей сознательная политика уничтожать именно эстонские приходы?

— Нет. Все-таки в Эстонии не было такого разгрома Православия, как в Советском Союзе до войны или в хрущевский период. Мне удавалось убедить эстонские власти в нецелесообразности такой политики. Скажем, в 1962 г., когда я только похоронил отца, сразу после отъезда делегации из ГДР уполномоченный предложил мне выбрать новый кафедральный собор в Таллине, поскольку молодежь якобы хочет устроить в соборе Александра Невского планетарий, как в Риге. Я ответил, что об этом мы поговорим, когда приеду в следующий раз на Троицу. Меж тем я описал на основании разных источников трагическую судьбу Александро-Невского собора, который хотели взорвать в 1924 г., и собирали деньги среди населения, даже среди школьников, на перестройку русского православного собора, увенчанного традиционными куполами в форме луковиц, в Пантеон эстонской самостоятельности (в оккупационное время собор был закрыт и открылся только в 1945 г.). Мне удалось убедить власти в Москве и Таллине, что закрытие собора будет повторением той истории. Когда же я встретился на Троицу с уполномоченным и предложил поговорить о соборе, то он ответил: «Мало

ли что хочет молодежь, не будем же мы идти у нее на поводу!» В Эстонии власти можно было убедить не делать опрометчивых шагов. Например, было решение райисполкома об отчуждении от Пюхтицкого монастыря и сносе Сергиевского храма. Мне пришлось напомнить, что там похоронен много сделавший для Православия в Эстонии губернатор, считавший, что эстонский народ можно сроднить с Россией через общность религии. За что мы будем разрушать его усыпальницу? Удалось убедить — храм преподобного Сергия и летняя резиденция губернатора остались, а затем храм даже был взят в монастырскую ограду.*

... В 1964 г. владыка Алексей возводится в сан архиепископа и назначается управляющим делами Московской Патриархии со статусом постоянного члена Священного Синода. Еще через год назначается председателем Учебного комитета. С 1963 по 1979 г. архиепископ Алексей является также членом комиссии Священного Синода Русской Православной Церкви по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. В 1968 г. он был возведен в сан митрополита. . .

Профессор-протоиерей Ливерий Воронов

Членом Отдела был профессор-протоиерей Ливерий Воронов, отсидевший десять лет в Норильске «ни за что»: во время войны был в оккупации и, будучи священником Псковской миссии, не партизанил и не пускал поезда под откос. А значит — «немецкий прихвостень». Но были и другие времена, о которых о. Ливерий вспоминал в лагерном бараке.

«Правда», 30 сентября 1939 г.

Перед отъездом из Москвы министр иностранных дел Германии г. фон Риббентроп сделал сотруднику ТАСС следующее заявление:

1. Германско-советская дружба теперь установлена окончательно.
2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточно-европейские вопросы.
3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.
4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это.

* Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 6.

И встает вопрос: кто чей прихвостень?

Еще один тогдашний сотрудник ОБЦС — настоятель Всехсвятского храма протоиерей Анатолий Казновецкий, живший во время войны в г. Кременец Тернопольской области, делился своими воспоминаниями: «Местные жители встречали немцев с хлебом-солью, звонили праздничным звоном колокола и все говорили друг другу “Христос воскрес!” Немецких солдат встречали как освободителей от советского режима. Войдя в село, немецкое командование немедленно открывало закрытые большевиками церкви». Стоит ли удивляться тому, что убежденный противник «сергианства», некий «архиепископ катакомбной церкви Амвросий Сиверс» объявил Адольфа Гитлера «богоданным вождем»?²²³

После окончания ЛДА о. Ливерий был владыкой Никодимом «замечен, возвышен и обласкан». Святитель по достоинству оценил его богословскую эрудицию и часто поручал ему составлять проекты своих докладов. Это была его официальная и хорошо оплачиваемая работа в качестве члена Отдела. Но владыка не подавлял творческую инициативу талантливого протоиерея, и тот писал на ту же тему содоклады, а затем вместе с митрополитом выезжал на очередную международную конференцию.

Со временем о. Ливерий представил в ученый совет ЛДА серию своих докладов для защиты на степень магистра богословия. Их тематика была разнообразной, и он успешно защитил свою работу, озаглавленную: «Православие. Мир. Экумена».

На тогдашнем богословском небосклоне это была «звезда первой величины» (как, впрочем, и сегодня). В начале 1960-х годов владыка Никодим намеревался ввести о. Ливерия в руководящие органы Всемирного совета Церквей, где для представителей Русской православной Церкви была «зарезервирована квота». О том, что из этого вышло, о. Ливерий поведал автору этих строк незадолго до своей кончины.

На одной из пресс-конференций о. Ливерию был задан вопрос: каково его отношение к так называемым «людям доброй воли», т. е. коммунистам, с которыми верующим приходится жить бок о бок в Советском Союзе? Ему бы ответить дипломатично, но тут себя дал знать «лагерный синдром». И о. Ливерий решительно заявил, что атеисты-коммунисты преследовали и преследуют (начало 1960-х годов) Церковь, и что они — наши враги. Но, по заповеди Христовой, мы должны любить своих врагов и молиться за них.

Хотя дело было за границей, «сигнал» пошел «куда надо», и

владыка Никодим был вынужден снять кандидатуру «старого лагерного волка». В руководящие органы ВСЦ был введен более дипломатичный протопресвитер Виталий Боровой (наставник о. Ливерия во время его учебы в ЛДА). Он умел высказать ту же мысль, но не в такой резкой форме.

И еще об одном эпизоде поведал о. Ливерий незадолго до своей кончины. Будучи в зените своей научно-богословской деятельности, он чуть было не стал жертвой «охотников за черепами». Точнее, охотников за его светлой головой. Один из викарных, но маститых архиереев (ныне покойный) как-то попросил о. Ливерия написать для него (вместо него) магистерскую работу.

Этому архиерею принадлежит удивительный шедевр эпохи «застоя»: «Мы должны создавать видимость конкретности». О тех же годах скажет и социолог: «Все было брошено на то, чтобы заставить общество поверить в достоверность надуманного»²²⁴.

Не желая портить отношения с «соискателем», о. Ливерий вовремя нашелся с ответом: «Охотно напишу, но только с благословения моего правящего архиерея — митрополита Никодима». И любитель ученых степеней не решился посягнуть на чужую «каноническую территорию».

Особенно эта мода расцвела в партийных кругах. При Брежневе считалось хорошим тоном, если ответственный работник заботился о приобретении научной степени. При этом расплачивались с помощниками охотно и быстро — одаривали их квартирами, привилегиями и постами.

Согласно давней академической традиции каждый член профессорско-преподавательской корпорации должен был раз в полугодие произносить проповедь за литургией. Отец Ливерий начинал готовиться к проповеди за месяц-полтора до того как выйти на амвон. Он не только вынашивал идею, но и записывал текст проповеди. После блестяще произнесенного поучения о. Ливерий посылал текст в редакцию «Журнала Московской Патриархии», где ее с благодарностью принимали и публиковали. (В те годы редакция ЖМП размещалась в бывшем Новодевичьем монастыре, в бывших игуменских покоях [над воротами].) После кончины о. Ливерия был издан сборник проповедей заслуженного профессора, — «венок» на его могилу.

Однажды, по недосмотру корректора, в текст проповеди вкралась досадная опечатка. В авторском тексте говорилось о том, что

в древней Церкви бывали отступники от веры, убоявшиеся гонений. Но потом они каялись, их снова принимали в общину, но, в знак покаяния, им обрывали головы. Однако в тексте, опубликованном в «ЖМП», значилось: покаявшимся обрывали головы. Отец Ливерий пытался протестовать, требовал сообщить о замеченной опечатке в следующем номере журнала. Но в редакции на такую «мелочь» не реагировали, что почтенного профессора крайне огорчило.

А вскоре произошла еще одна «накладка», к счастью, не имевшая прямого отношения к о. Ливерию. В разделе «Церковная тролика» была опубликована краткая заметка о том, что в такой-то стране тогда-то была проведена богословская конференция, посвященная толкованию книги пророка Исаии. Подстрочный перевод с английского редакторской правке почему-то не подвергся, и в русском тексте «Журнала» напечатали: «Конференция пророка Исаии».

Отец Ливерий в разговоре с членом редколлегии посетовал на двусмысленность этой строчки. Но это не смутило собеседника.

— Ничего особенного. Вот если бы мы напечатали: «Пресс-конференция...», — тогда другое дело...

О. Ливерий опасался открыто выражать свои взгляды до конца перестройки. Как-то в конце 1980-х годов, в разговоре за обеденным столом, я высказал уже заурядную по тем временам мысль: Ленин был такой же палач, как и Сталин; оба они — «убийцы за письменным столом». Поперхнувшись супом, о. Ливерий подчеркнул четко произнес: «А я уважаю Владимира Ильича как основателя социалистического государства». Я продолжал настаивать на своем, и тогда профессор, отсидевший при Сталине свою «законную десятку» в Норильске, произнес фразу, потрясшую меня своей «многоплановостью»: «Отец Августин! Если меня спросят — был ли у нас с Вами этот разговор, я не смогу сказать, что его не было».

(«Семнадцать мгновений весны». Профессор Плейшнер [актер Евстигнеев] — Штирлицу (Тихонов): «Если меня снова начнут бить палками по ребрам, я ведь могу и не выдержать!»)

Другой старый лагерник — о. Павел Груздев — в таких случаях «прикидывался ветошью», в крайнем случае — «валенком». Некоторые представители органов проявляли настойчивость. Начнут задавать ему каверзные вопросы:

— А как вы относитесь к Ленину?

Отец Павел, крестясь на столб с электропроводами, отвечает:

— Спасибо Ленину, он свет дал.

Так и Христа испытывали фарисеи, чтобы уличить его в каких-либо неблагонамеренных помыслах против существующей Римской власти. Подав допрашивающим его монету с изображением императора, Христос ответил: «Отдавайте Кесарю кесарево, а Богу — Богово»²²⁵.

Выживали самые осторожные. В те годы в Отделе трудился колоритный старичок «из бывших»; ему было крепко за 80. Он тихо шуршал бумагами и часто брал «тайм-аут» на чаепитие. В разговорах с коллегами был осторожен и отделивался бессвязными фразами, лишёнными смысла. Иногда владыка Никодим приглашал его в свой кабинет и мягко намекал на отставку. Но тут у старца сенсорная афазия сменялась прогрессирующей ремиссией, и он четко говорил: «В работе смысл моей жизни. Если Вы меня уволите, я сразу умру. Вы желаете моей смерти?»

От лагерной психологии о. Ливерий начал освобождаться только после августа 1991 г.

«От Японии до Англии...»

Переводчицей с японского в Отделе была Нина Сергеевна Боброва, в годы эмиграции жившая в Японии. Трудно сказать, уважала ли она «Владимира Ильича как основателя первого в мире социалистического государства». Держать язык за зубами Нина Сергеевна научилась еще в Японии. Она скончалась в конце 1990-х годов, так и не узнав, что оказалась в Стране восходящего солнца отчасти благодаря «самому человечному из людей».

В годы русско-японской войны (1904–1905) руководителем разведывательной сети Японии в Европе был японский военный атташе в Вене полковник Акаси. Тот же пост в Петербурге он покинул с началом войны, скрупулезно выплатив по 500 иен своим агентам в России. Исключительно талантливый координатор разведывательной работы, Акаси неутомимо нащупывал уязвимые места Российской империи. Так, в конце июля 1904 г. Акаси и его подопечный революционер Зиллиакус организовали в Швейцарии встречу всех основных революционных сил России.

Через посредничество В. Засулич (чей брат воевал на Дальнем Востоке) Акаси встретился с Г. Плехановым и В. Лениным. Ленин произвел на главу японской разведки в Европе большое впечатление. Тот писал в Токио: «Коллеги-социалисты считают Ленина

способным на все методы борьбы для достижения своих целей. Он пойдет на все ради своей доктрины. Ленин — это личность, способная вызвать революцию»²²⁶. Согласно западным источникам, ссылающимся на японцев, Акаси выделил Ленину 50 тысяч иен.

Японцы вложили деньги и в идейную подготовку революции. Выход первого номера газеты Ленина «Вперед» был оплачен преимущественно из фонда Акаси. Ленин писал: «Военное поражение неизбежно, а с ним неизбежно придет и десятикратное увеличение беспорядков, недовольства и восстание. К этому моменту мы должны готовиться со всей энергией»²²⁷.

После Женевской конференции полковник Акаси отбыл в столь благословенный для японцев Лондон. Здесь он организовывал отправку в Россию необходимого военного и террористического оборудования, амуниции и снаряжения — бомб, пистолетов и пр. Все было рассчитано на предстоящее летом восстание. Как вспоминал Акаси, он и Зиллиакус ежедневно принимали множество русских революционеров: «Мы должны были заставить их делать дело, приободрить их, и, конечно же, мы должны были делать все это в обстановке исключительной секретности»²²⁸.

Почуввав эффективность подрывной деятельности, настоящего международного терроризма, японский генштаб перевел Акаси в секретный фонд *миллион иен*, что было грандиозной суммой. Он израсходовал 750 тысяч иен — в день он тратил сумму, примерно равную 30 миллионам современных долларов.

Когда полковник Акаси 18 ноября 1905 г. отплыл в Японию, он видел результаты своих деяний — русский бунт. Кровь лилась в Москве, в прибалтийских провинциях, в Польше, на Кавказе. Своим агентам и сотрудникам в России Акаси писал из Токио: «Следует надеяться на будущее. Невозможно сместить правительство одним ударом, но мы вторгаемся в его укрепления шаг за шагом. Правительство царя падет»²²⁹.

Как видим, Ильич был «неразборчив в связях» и «пошел по рукам». Правда, он не довольствовался разовой платой за «интимные услуги», а предпочитал быть на постоянном содержании.

Весна 1917 года. Генерал Людендорф, руководитель военных операций на восточном фронте, пишет в своих мемуарах: «*Посылая Ленина в Россию*, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданно, Россию нужно было повалить»²³⁰.

В конце Второй мировой войны американской армией в Гер-

мании были найдены в пяти замках, расположенных в горах Гарца, архивы Министерства иностранных дел. Они были частично разобраны американцами и англичанами, и в них было найдено множество документов, касающихся немецко-большевистского союза в 1915–1918 гг. Некоторая часть этих документов (всего 136 номеров и два приложения) была издана в 1958 г. в Лондоне З. А. Б. Земаном под заглавием: «Германия и революция в России, 1915–1918 гг.»²³¹.

Прибыв 3 апреля 1917 г. в Петроград, Ленин, вместо ареста, которого он опасался, имел торжественную встречу. Это, естественно, придало ему духу, и он немедленно начал яростную кампанию против Временного правительства и против войны. Немудрено, что Штейнвакс (один из руководителей германской разведки) уже 21 апреля (н. ст.) телеграфировал из Стокгольма в Берлинский МИД: «Приезд Ленина в Россию успешен. Он работает совершенно так, как мы этого хотели бы... (документ № 51).

По заключении Брестского мира (1918 г.) между Германией и Советской Россией должны были установиться «нормальные» дипломатические отношения, и в Москву прибыл германский посол граф Мирбах. Опубликованные ныне секретные документы германского МИД обнаружили, что имперское германское правительство систематически снабжало графа Мирбаха миллионами немецких марок для поддержки ленинского «социалистического» правительства (документ № 124).

В мае и июне 1918 г. западные державы пытались, через своих агентов, нащупать почву в Москве для выяснения возможности сближения между советским правительством и державами Антанты. Возможность такого сближения, конечно, очень беспокоила немцев, и для предотвращения этой опасности они посылали в Москву все новые и новые миллионы. 18 мая статс-секретарь Кюльман телеграфировал своему московскому послу: «Пожалуйста, тратьте большие суммы, так как весьма в наших интересах, чтобы большевики удержались у власти» (документ № 129).

3 июня граф Мирбах телеграфировал в германский МИД: «Ввиду сильной конкуренции Антанты необходимы 3 миллиона марок в месяц» (документ № 131).

В 1992 г. стали известны новые факты — об основополагающей роли немецкого кайзеровского правительства в систематическом планировании и финансировании немецким руководством предреволюционной деятельности, революции октября 1917 г., а также по-

слереволюционного ленинского режима. На свет Божий появляются документы, которые ломают все наши прошлые представления об Октябре.

Оригинальные документы немецкого Министерства иностранных дел в Бонне, к которым удалось получить доступ австрийской писательнице Элизабет Хереш, сегодня становятся доступными для всех.

Телеграмма: «Генеральный штаб, 21 апреля 1917 г. ... В Министерство иностранных дел. Штаб главнокомандования передает следующее сообщение из отдела политики генерального штаба Берлина: ... Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917 г.: Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию... Немецкое правительство работой Ленина довольно».

«Берлин, 1/4, 1917. Срочно! Секретно! ... Министерству иностранных дел для политической пропаганды в России надлежит выделить 5 миллионов марок согласно положению, глава 5, абзац 6. Был бы благодарен за возможно более быстрое исполнение. Гос. секретарь».

«Берлин, 9 ноября 1917 г. Сегодня! ... Министерству иностранных дел в соответствии с договоренностью с премьер-министром Шредером для политической пропаганды в России надлежит выделить 10 миллионов марок ... Гос. секретарь».

Телеграмма немецкого посла в Москве графа Мирбаха от 18 мая 1918 г. заверяла, что режим Ленина должно поддерживать: изнутри — кровавым тоталитарным господством, из-за рубежа — умеренными социал-революционными силами. И далее опять указание, что деньги срочно необходимы для поддержания Ленина у власти.

Ответ не заставил себя долго ждать. 12 июня 1918 г. Берлин. Гос. секретарь пишет, что 40 миллионов марок по запросу, касающемуся России, утверждены. После убийства графа Мирбаха его миссия будет продолжена другим послом.

Сегодня известны уже приблизительно 400 документов, и это еще не все, что может быть найдено, о финансировании Германией революции. Общая сумма денег, засвидетельствованная в уже имеющихся документах, составляет около 1 миллиарда марок, потребовавшихся кайзеровскому правительству для того, чтобы хитроумным путем начать уничтожение потенциально богатейшей страны, которой являлась Россия времен Столыпина²³².

Как говорится, «суду все ясно». Непонятно одно: почему имен-

но Владимир Ильич упорно называл «политической проституткой» Льва Давыдовича?

В 1940 г. Сталин «достал» Троцкого в Мексике, и «агент влияния», делавший революцию в России на американские деньги, был ликвидирован. А 7 ноября 1941 г., на Красной площади, Сталин приветствовал войска, отправлявшиеся прямо на фронт, — сражаться против немецко-фашистских захватчиков. Вождь напутствовал их, стоя на трибуне мавзолея с гробницей «вечно живого» немецкого агента...

Так и не стала «нашенской» ни Индия, ни Япония, ни Англия, хотя накануне Второй мировой войны молодой поэт Павел Коган «пророчествовал»:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!

«Сергианство»

В 1970–1980-е годы в Отделе отирался переводчик Сергей Гордеев — стукач, закладывавший по-черному участников заграничных поездок, с которыми он как «подсадной» вел «задушевки». Владыка пытался вышвырнуть «любимца органов» из Отдела, но, при всем его влиянии, не смог этого сделать. Серегу убрал лишь митрополит Смоленский Кирилл, возглавивший Отдел в 1989 г.: времена менялись, надо было выкорчевывать «сергианство». Это было едва ли не самое первое, что он сделал в должности председателя ОВЦС. Лишился своего кресла и «референт, что из органов»...

Один из таких «двойников» во время работы международной конференции сидел на синхронном переводе. И какой-то немецкий богослов «достал» всех переводчиков: он «сглатывал» глагол, звучащий в самом конце предложения. А это — ключ ко всей фразе. Нервы на пределе; толмач не выдержал и, выскочив из будки в наушниках, крикнул «фрицу»: «Глагол давай! Давай глагол!»

Когда-то бытовало сформулированное в недрах Лубянки выражение: «Добровольная явка с повинной в органы». Но наступало время «уклоняться от объятий», и с «покаянкой» выступил переводчик Отдела Александр Шушпанов, который поведал о своей

«деятельности» в телепрограмме «Взгляд», а также на страницах тогдашней прессы. В начале 1992 г. корреспондент газеты «Аргументы и факты» встретился с бывшим сотрудником ОВЦС, переводчиком А. Шушпановым. Вот фрагменты из интервью.

— *Вы действительно были агентом КГБ?*

— *Увы, сия чаша меня не миновала.*

— *Что побудило Вас работать на КГБ? Может быть, Вас просто вынудили?*

— *Я давно мечтал работать в Отделе внешних церковных сношений. Когда я сумел туда устроиться, был просто счастлив. И вот однажды знакомый попросил меня помочь вернувшемуся из мест заключения диссиденту Владимиру Буковскому, которого, естественно, нигде не брали на работу и жить ему было не на что. Я тайком давал Владимиру Константиновичу подработать на переводах, оформляя их как свои, а деньги передавал ему. И как-то нас выследили. А дальше все пошло по сценарию: меня вышибли из ОВЦС, и полтора г. я мыкался без работы. А потом в один прекрасный день меня вызвали в КГБ и предложили: «Мы вернем Вас в ОВЦС, но Вы должны поработать и на нас».*

— *Что входило в ваши функции как агента?*

— *Любой переводчик или референт ОВЦС сопровождает иностранные делегации. КГБ требовал от нас предоставлять отчеты о том, когда и куда заходили иностранцы, будь то магазин или туалет. Отчет подавался в 5 экземплярах, один из которых шел на стол председателю ОВЦС, второй — в Совет по делам религий, который по сути был филиалом КГБ, остальные экземпляры передавались непосредственно в КГБ.*

— *Давали ли Вы какую-то подписку о сотрудничестве с КГБ?*

— *Да. И в конце ее стояло: «Все свои донесения обязуюсь подписывать псевдонимом» — источник такой-то.*

— *Какая кличка была у Вас?*

— *Мой псевдоним — «Арамис».*

— *Кто придумал Вам такое оригинальное имя?*

— *Я сам. Хотя агентам с низким интеллектуальным уровнем, насколько я знаю, имена придумывают в КГБ.*

— *Проходили ли Вы какое-то специальное обучение?*

— *Да, меня учили методике сыска, задержания, ухода от слежки и многому другому.*

— *Оплачивался ли ваш труд?*

— Да, и очень неплохо. Мне постоянно шла вторая зарплата.
— А как Вы ее получали?
— Непосредственно от хозяев — из рук в руки. Указывал полученную сумму и ставил свой псевдоним — «Арамис».

— Как Вы передавали свои отчеты?
— Офицер КГБ, с которым я был на связи, снимал для нашей встречи номер в гостинице «Центральная». Резидентом КГБ в ОВЦС был подполковник Владимиров (настоящее его имя — Погодин Алексей Алексеевич).

— А что еще помимо слежки входило в ваши функции?

— Я работал главным образом против известного религиозного деятеля, в прошлом диссидента, священника Глеба Якунина. Я не только следил за ним, но и разрабатывал операции против него. КГБ стремился подвести Якунина под шпионаж. Была подготовлена операция, в ходе которой отец Глеб должен был якобы «передать» конфиденциальную информацию протестантскому капеллану американского посольства в Москве Майклу Спенглеру. И во время подстроенной КГБ встречи Якунина арестовали бы за шпионаж, а Спенглера объявили персоной нон грата. Слава Богу, операция эта — не без моей помощи — провалилась.

— Знает ли Якунин о том, что Вы шпионили за ним?

— Да, я все ему рассказал, и он простил меня. Может быть, и Господь Бог меня простит?

— А какова дальнейшая судьба агентов после завершения ими службы на КГБ?

— Наиболее верные из агентов становятся содержателями конспиративных квартир КГБ. Людям даже улучшают жилищные условия, чтобы, скажем, одну комнату в квартире КГБ мог использовать для встреч с другими своими агентами²³³.

Впрочем толмачи-двойники — это мелкие шавки, а владыку контролировали «референты», числившиеся в ОВЦС. 1961 год. Всеправославное совещание на о. Родос. Вспоминает архиепископ Брюссельский Василий.

Нужно сказать, что на образ действий архиепископа Никодима оказывал большое влияние и давление член нашей делегации, служащий «иностранного» отдела Патриархии, некто И. В. Варламов, пренебрежительная и натальная личность. Видимо, он был чекист, во всяком случае, присланный органами советских властей, чтобы наблюдать за действиями архиепископа Ни-

кодима и прочими членами делегации. Он все время занимался пропагандой и рекламой советских порядков, а с нашими архиереями говорил почему-то в начальническом тоне. Со мною он был корректен, хотя относился ко мне с трудно скрываемым подозрением²³⁴.

Характерным эпизодом была пресс-конференция архиепископа Никодима. Активным организатором был все тот же Варламов. Его «тактика» была цинично простая. «Мы предложим слушателям, — говорил он нам громко и не стесняясь, — побольше бутербродов с икрой, затем водки, тоже побольше, и когда хорошенько нажмутся и напьются, тогда и начнем говорить. Так они лучше воспримут...»²³⁵

Членом ОВЦС был профессор ЛДА Николай Гундяев (ныне — настоятель Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге). По благословению владыки Никодима он был включен в целый ряд международных богословских комиссий и часто выезжал за границу. (Одно время оформлением выездов за границу в ОВЦС занимался владыка Иов, а зарубежными гостями — владыка Платон. В Отделе ходила шутка: «Платон мне друг, но Иов мне дороже».) Однако в 1977 г. о. Николай поплатился за излишнюю откровенность в общении с отдельными «источниками». Об этом мне стало известно при необычных обстоятельствах.

Неожиданно для себя получаю из ОВЦС письмо с извещением: «Вы назначаетесь членом Комиссии ВСЦ по диалогу с людьми живых вер и идеологий (DFI)». Вполне естественно, интересуюсь: кто работал в этой комиссии до моего назначения? Оказалось — о. Николай Гундяев. Тогда с вопросом к нему: почему такая замена? С первых лет знакомства мы интуитивно почувствовали себя единомышленниками, и о. Николай не стал уклоняться от ответа. Упомянув имя одного из старейших сотрудников ОВЦС, он артистично изобразил «доверительную беседу» этого влиятельного мирянина («агент влияния Кузнецов») в Совете по делам религий.

— Знаете, о. Николай — хороший человек, но такой антисоветчик! Такой антисоветчик! (Оно и понятно: ведь о. Николай рос в семье репрессированного. Его отец — протоиерей Михаил Гундяев — провел годы жизни на Колыме в сталинском ГУЛАГе.)

А через несколько лет после кончины владыки Никодима, при сходных обстоятельствах, Лубянской была заблокирована моя работа в Комиссии DFI и в ряде других межхристианских комиссий. Руками митрополита Антония дожимали и в Союзе. Получаю, бы-

вало, приглашение в Москву на заседание Комиссии по христианскому единству. Прихожу в канцелярию академии за билетом и слышу: «А Вас нет в списке». Но, в отличие от прежних лет, все делалось по-тихому, и указы об освобождении от членства в комиссиях на руки не давались.

Прошли годы, рухнула проржавевшая заслонка. Появилась возможность свободно выезжать за границу. Но на «свои кровные» по Западу особо не поездишь — цены кусаются. Зато в «третьем мире» примут как родного. И перед глазами — не бетонные билдинги и хайвэй, а причудливый экзотический мир. Сикхские гурдвары, буддистские пагоды, индуистские святилища, конфуцианские храмы, зороастрийские «башни молчания». Ночевки бок о бок с паломниками у истоков Ганга; скромный приют при буддийском монастыре близ подножия Эвереста. И на все это смотрю не только глазами туриста и журналиста, но и как член Комиссии ВСЦ по диалогу с людьми живых вер. Ведь справку об освобождении на руки до сих пор не получил. . .

Совет по делам религий

От владыки Никодима мне не приходилось слышать прямой оценки деятельности Совета по делам религий. Но он с сочувствием рассказывал об одном архиерее, приезжавшем в Москву для решения важных вопросов. Ему надо было получить и благословение в Патриархии, и разрешение в Совете. Переделав все дела, архипастырь потирал руки.

— Управился за один день. Посетил и Святейший, и Правительствующий. . .

Провинциальные архиереи умели как-то находить общий язык с чиновниками Совета по делам религий. Сложнее было с заграничными, не «просоветченными» архипастырями. Вспоминает архиепископ Брюссельский Василий. 6 октября 1964 г. Беседа с П. В. Макарьевым, помощником Куроедова в Совете по делам религий.

Я был удивлен неожиданной встречей. Сели ужинать, митрополит Никодим — во главе стола, я — направо от него, Макарьев — налево, напротив меня. Видно было по всему, что он здесь бывает часто и чувствует себя как дома. Говорили, что он с митрополитом Никодимом «на ты», но я этого не заметил. Слышал я и о том, что владыка Никодим спивает его и тогда добивается уступок для

Церкви и разрешения тех или иных вопросов, но насколько это была правда, я не знаю. Впрочем, это было распространенное явление в Советском Союзе, когда архиереи спаивали уполномоченных, чтобы они лучше относились к Церкви. Таким «методом» особенно пользовался, как говорят, рижский римско-католический архиепископ. Сейчас, однако, Макарьев оставался все время трезвым.

Разговор за столом почему-то стал принимать странный оборот, затрагивались «патриотические темы». Макарьев меня спросил: «Вы прибыли, конечно, на советском самолете?» «Нет», — ответил я. «А почему не на нашем?» — «В этот день недели нет самолета Аэрофлота. Если бы дожидаться следующего, я бы опоздал на празднование в Лавре». — «А Вы бываете в Советском посольстве на наших больших национальных праздниках, Октябрьской революции и Первого мая? Вас приглашают?» — «Нет», — ответил я, — не бываю, и не приглашают». — «Хотите, мы напишем, чтобы Вас приглашали?» — оживленно сказал Макарьев. Но тут в разговор вмешался митрополит Никодим и произнес: «Владыка Василий постоянно живет за границей, и ему не нужно бывать на приемах в посольстве. Это могло бы только повредить нашей Церкви там, прихожане стали бы смущаться. И не надо писать, чтобы приглашали»²³⁶.

Вспоминает диакон Андрей Рыбин, бывший сотрудник ОВЦС.

В церковных кругах были хорошо известны полковники КГБ Милованов и Тимошевский. Первый был, ни мало ни много, заместителем председателя Совета по делам религий при бывшем Совмине СССР, второй же — начальником 4-го (церковного) отдела Пятого управления КГБ. Эти славные контрразведчики были озабочены не только выработкой направлений внешней деятельности Русской православной Церкви, получением информации, касающейся международных религиозных организаций, их лидеров и официальных представителей.

Не гнушались они сбором компромата по интересующему их «объекту», поощряя самое обыкновенное мерзкое стукачество одного «агента» на другого. Некоторые мои бывшие коллеги изрядно поднаторели в таком роде деятельности и с большим успехом для своей карьеры. Помню, как и на меня наседали, чтобы получить «чернуху» на митрополита Филарета и людей из его ближайшего окружения. Цели подобной «контрразведовательной» операции позже стали ясны. Владыка в конце 80-х стал предпринимать попытки хоть как-то ослабить опеку спецслужб над внешней де-

ательностью Церкви, что никак не входило в планы церковных контрразведчиков. Готовилось его снятие, и на смену ему уже был подобран кандидат²³⁷.

А весной 1991 г. судьба сыграла злую шутку с самим Миловановым. Ночью 4 апреля в 7-е отделение милиции г. Москвы из служебного помещения Совета по делам религий в нетрезвом состоянии были доставлены заведующий отделом Совета Н. Мухин и заместитель председателя Совета Е. Милованов. Последний оказался сотрудником КГБ СССР²³⁸. Вот как комментировалось это в тогдашней прессе.

История, случившаяся с товарищем Миловановым Евгением Евгеньевичем, побуждает нас к некоторым выводам. Начать с того, что одной тайной в нашей жизни стало меньше. Кроме того, становятся очевидны непростительные изгибы в чисто профессиональной подготовке сотрудников советских спецслужб — не все из них могут пить, не теряя человеческого облика и необходимой для секретного работника бдительности. Евгений Евгеньевич несколько обмяк и растренировался под надежнейшей — как у них говорят — «крышей».

В самом деле: чем не «крыша» — Совет по делам религий. Отменные условия были созданы Евгению Евгеньевичу партией и правительством, чтобы с пользой для Отечества действовать среди архиереев и клира Русской православной Церкви, среди баптистов, католиков, мусульман и прочей публики, от которой он с холодной головой и горячим сердцем, с помощью щита и меча защищал нас с вами, сограждане и налогоплательщики²³⁹.

Кто же сдал чекиста ментам? Простой вахтер, в полночь вызвавший милицейский наряд. После чего работники МВД извлекли сотрудника КГБ из служебного кабинета и на патрульной «раковой шейке» доставили в околотов.

А вредоносный журналист продолжает «очернять органы».

Омерзительная двойственность советской жизни давно стала достоянием литературы — так появилось министерство правды, которое фабрикует ложь, и министерство любви, специализирующееся на пытках. В этом ряду как нельзя более кстати и сотрудник КГБ СССР, занимающий видный пост в ведомстве, призванном обеспечить определенную законом норму отношений государства и Церкви. Секрет службы Евгения Евгеньевича лопнул при самых пошлых обстоятельствах.

В связи с этим хотелось бы спросить у председателя КГБ

СССР В. Крючкова: неужто Милованов действовал на свой страх и риск? Неужто он посмел ослушаться главного своего начальника, не раз публично отрекавшегося от всякого вмешательства служб советской госбезопасности в дела Церкви? И наконец: почему все материалы, документально отразившие похождения Евгения Евгеньевича и его соратника, были изъяты из 7-го отделения милиции и без всякого следа исчезли в недрах КГБ, а сам товарищ Милованов и по сей день как ни в чем не бывало ходит на службу?²⁴⁰

Но так ли уж виноват сей «рыцарь печального образа»? «О бедном гусаре замолвите слово», — ведь у него было «делать жизнь с кого».

В 1955 г. блаженной памяти Никита Хрущев и Николай Булганин побывали с визитом в Индии и обратно летели через Ташкент. Визит этот тогда раздували, как могли, и узбекские власти решили устроить грандиозный митинг, который, по замыслу, должен был транслироваться по радио на весь Советский Союз и за рубеж. На митинге должны были выступить оба советских руководителя.

Была проведена колоссальная подготовительная работа. На центральную площадь и все прилегающие улицы согнали массу народу, по всему Ташкенту были развешаны громкоговорители. Вся страна замерла в ожидании того, что скажут два ее высших руководителя... Но узбекские власти совершили ошибку. Они устроили обед перед митингом, а не после...

Как рассказывали очевидцы, Булганин уснул сразу по прибытии в президиум, а Хрущев вышел на трибуну и стал говорить. Жаль, магнитофонной записи не осталось с тех времен. Короче говоря, прочим руководителям, сохранившим трезвую голову, пришлось принимать непростое решение: сначала вырубili трансляцию на зарубеж, потом, по мере того как, клеймя империализм, Никита Сергеевич все больше расходился, отключили трансляцию на страну, а еще немного погодя, когда матерные слова стали встречаться все чаще, были отключены и репродукторы на площади.

Но Хрущев этого не заметил — к вящей радости тех, кто их отключил. А народ, который согнали по этому случаю чуть ли не со всего Узбекистана, стоя под палящим среднеазиатским солнцем, пугливо недоумевал: что это разматывает руками маленький лысый человек? Вроде кого ругает, а кого — не слышно.

А вы говорите — Милованов, Милованов!...

В ОВЦС поступали различные материалы на иностранных языках, касающиеся церковных проблем. Целый штат «толмачей» переводил их на русский язык, после чего документы ложились на стол председателя отдела. Вторые экземпляры полагалось передавать в Совет по делам религий, где они также ложились на соответствующий стол.

ОВЦС — это учреждение международного масштаба. Оно нуждается в людях, знающих иностранные языки. В людях, знакомых с зарубежной религиозной литературой, поэтому пришлось открыть особую аспирантуру при Московской духовной академии, в которой изучаются общеобразовательные предметы и иностранные языки. Приходится выписывать из-за границы иностранные источники, переводить их. Они лежат в библиотеке Отдела, никому не выдаются, они не должны попадать в руки посторонним лицам²⁴¹.

Перевод — дело дорогостоящее, и Совет, по существу, паразитировал за счет церковной казны. Десятки «идеологических работников» отирались в читальном зале Совета на втором этаже и, сидя под гипсовым бюстом Ленина, делали выписки для своих кандидатских и докторских. . . По иронии судьбы, эта контора размещалась на углу Садового кольца и 2-й *Неопалимовской* улицы.

Именно здесь «религиозники», отправлявшиеся за рубеж, получали заграничные паспорта с выездными визами. В Совете полагалось брать разрешение на вывоз докладов, написанных для прочтения на международных конференциях. Однажды мне пришлось представить «советскому» чиновнику обширный доклад на тему: «Буддизм в России». Из его содержания явствовало, что в царской России, этой «тюрьме народов», буддисты пользовались широчайшими правами, имели несколько десятков монастырей (дацанов), совершали паломничество в Тибет и т. п. А при советской власти — массовое закрытие дацанов, аресты ламаистского духовенства, «депортация из приграничной зоны» (т. е. на лесоповал). И, в качестве камуфляжа, открытие двух дацанов после Великой Отечественной войны, — чтобы убажить заграничных буддистов-мироотворцев, друзей страны Советов.

Негативная тенденция доклада от клерка-цензора не укрылась, и он заявил, что доклад «непроходной». Возражать было бесполезно.

— Но я же составлял его на основании открытых источников!

— Да, но при таком подборе фактов и в такой концентрации открытая информация становится закрытой!

И невольно вспомнилась байка из жизни папанинцев. Радистом станции «Северный полюс» на дрейфующей льдине был беспартийный Эрнст Кренкель. Вся информация из Москвы шла Папанину через него. Но когда полярники собирались в палатке на партийное собрание, чтобы обсудить очередную «эпохалку», то в определенный момент начиналась комедия. Папанин объявлял: «А теперь открытая часть партсобрания объявляется закрытой, а закрытая открытой». И Кренкель бегал вокруг палатки на морозе, приговаривая: «Партийные собрания — как переломы: бывают открытые и закрытые».

В эпоху Интернета запрет на распространение информации кажется диким, но в те годы *материалы визировались*, и была хитрая свобода печати: у кого печать, у того и свобода. Еще в середине 1990-х годов на российской таможне спрашивали: «Печатные материалы? Электронные носители?»

А вот история конца 1990-х годов. 27 октября 1999 г. по обвинению в шпионаже был арестован научный сотрудник Института США и Канады Игорь Сутягин. ФСБ утверждала, что Сутягин передал иностранной разведке секретную военно-техническую информацию. Ученый возражал, что не имел доступа к секретам, а для докладов использовал открытые источники информации. До вынесения решения по делу ученый провел за решеткой 4,5 года. В апреле 2004 г. присяжные Московского городского суда вынесли Сутягину обвинительный вердикт, а суд приговорил его к 15 годам колонии. Верховный суд оставил приговор без изменения. (Есть основания считать, что процесс по делу Сутягина был срежиссирован: впоследствии выяснилось, что среди присяжных были сотрудники российских спецслужб). «Международная амнистия» признала Сутягина политзаключенным.

Одним из аргументов обвинения против Сутягина был тот, что **«собственный анализ информации привел к формированию государственной тайны в его мышлении»**, которую он затем передал иностранцам. . .

А вот как Совет «курировал» редакцию «Журнала Московской Патриархии». Статья, прошедшая через опытные руки А. С. Бувеского, поступала в Совет по делам религий. Там третьестепенный чиновник из работников КГБ, имеющий о литературе и о богословии такое же представление, как «заяц о геометрии», снова марал, снова вычеркивал, снова исправлял. Придирки цензуры были совершенно фантастичны. Так, нельзя было цитировать,

конечно, никакие заграничные источники. Но что более удивительно — нельзя было ссылаться и на советские источники, на книги, изданные в СССР. «Что же, выходит, что мы работаем на вас?» — говорил чиновник²⁴².

Несколько лет назад был снят гриф «Совершенно секретно» с некоторых материалов Национального архива Республики Беларусь. В одном из документов, скромно озаглавленном «Справка», рассказывается о том, как Совет по делам религий совместно с тогдашним архиепископом Минским и Белорусским Антонием (Мельниковым) «дожимали» сосланного в Жировицкий монастырь архиепископа Гермогена (Голубева). (В 1961 г. владыка Гермоген — единственный из отечественных архиереев — выступил против гонений на Русскую православную Церковь, после чего был уволен на покой с Калужской епархии и отправлен в ссылку).

Предназначено только для внутреннего пользования.

Совершенно секретно.

СПРАВКА.

30 июля 1969 г. Заместитель Председателя Совета (по делам религий) т. Фуров В. Г. принял архиепископа Минского и Белорусского Антония по его просьбе и имел с ним беседу.

Архиепископ Антоний сообщил, что находящийся на покое в Жировицком монастыре архиепископ Ермоген (Голубев) отказывается подчиняться ему, Антонию, как правящему архиерею, а наместник монастыря Михей во всем потворствует Ермогену и не обеспечивает выполнения определения Синода о Ермогене.

Предосудительное поведение Ермогена выражается в том, что он без разрешения правящего архиерея служит в церкви, допускает к участию в церковной службе священников со стороны, в том числе и из других епархий, установил на месте широкие связи, находит среди части верующих поддержку и сочувствие, как страдалец за правые церковные дела, принимает приезжих неизвестных лиц, а также получает из многих мест корреспонденцию с помощью своих курьеров. Иногда он отлучается из монастыря в неизвестном направлении и на неопределенное время. Его обслуживают две женщины, сравнительно молодого возраста, которые ранее проживали в Калуге и с его помощью прописались в г. Слониме, что в 12 км от монастыря, они бывают в монастыре ежедневно. Местный сельсовет относится к Ермогену доброжелательно и содействовал ему в оформлении этих женщин в качестве домработниц.

Все эти обстоятельства, продолжал Антоний, привели к мысли о необходимости замены Михея и назначении на его место другого человека, более послушного и способного держать Ермогена в составе братии и не давать ему поблажек.

Несколько дней назад, отметил Антоний, мною был заготовлен указ об освобождении Михея от обязанностей наместника и при посещении монастыря ему об этом было объявлено. Однако Михей в ответ на это сказал, что он не находит возможным подчиниться моему указу, поскольку наместником его назначил патриарх и поэтому снять с себя возложенные на него обязанности он может только по письменному благословению патриарха Алексия. Такой ответ Михея вынудил меня прибыть в Москву и доложить патриарху рапорт о снятии Михея.

Архиепископ Антоний высказал мнение, что он решил написать рапорт коротким, без конкретных фактов, поскольку опасается, что его содержание станет известным Ермогену и Михею и они все будут отрицать, завяжется тяжба и даже возможно материал попадет за границу.

В связи с замечанием о необходимости конкретизировать рапорт, Антоний согласился с этим, но сказал, что может быть целесообразно составить два варианта рапорта: один лаконичный, без фактов, а второй обоснованный, с фактами. Он, Антоний, доложит Патриарху суть дела устно и если последний согласится с предложением об освобождении Михея, даст ему первый вариант. В случае несогласия предоставит развернутый рапорт.

На вопрос о кандидатуре, которая могла бы заменить Михея, архиепископ Антоний сказал, что такая кандидатура подобрана, мыслится назначить наместником иеромонаха Ровинца, с которым беседовал уполномоченный по БССР Г. В. Ковалев и согласен с этой кандидатурой.

На вопрос о деловых качествах кандидата Антоний сказал, что Ровинец неграмотный и безвольный человек, по виду мужик, а по способностям на две головы ниже Михея, до 1960 г. был плотником и вряд ли наведет порядок в монастыре. В тоже время Антоний заметил, что Ровинец послушный иеромонах, братия монастыря может его поддерживать.

Архиепископу Антонию было высказано замечание, что он несет ответственность за положение в епархии и в монастыре и за действия подчиненных ему лиц. Вызывает поэтому удивление, что Ермоген и Михей игнорируют его как правящего архиерея. Выражена надежда, что он примет действенные меры к нормализации положения в монастыре.

В этот же день, после беседы в Совете, архиепископ Антоний посетил Патриарха Алексия и внес предложение об освобождении Михея от обязанностей наместника монастыря. (Так архиепископ Антоний пытался сдать органам голову о. Михея в обмен на белый клобук. — а. А.) Патриарх Алексей заметил, что освобождать и назначать наместника дело управляющего епархией, но в то же время заявил, что было бы неспра-

ведливо освобождать доброго монаха Михея из-за того, что неправильно ведет себя Ермоген. Следует перевести из монастыря Ермогена.

Антоний заявил, что он вполне согласен с мнением патриарха и что такое же мнение о переводе Ермогена из Жировицкого монастыря в другое место высказывал и Г. В. Ковалев.

Инспектор Г. Шкловский.

31 июля 1969 г.

(Материалы взяты из Национального архива Республики Беларусь, Ф. 136. Оп. 1. Д. 66. Л. 166–167. Публикуются с небольшими сокращениями).

Опытные московские батюшки на годы вперед безошибочно предугадывали «продовольственную программу» страны по... фамилии очередного председателя Совета по делам религий. С 1943 г. его возглавлял многолетний сотрудник НКВД Г. Г. Карпов. И московские клирики радовались: на обеденном столе рыбка будет! В начале 1960-х годов Карпова сменил Куроедов, — значит, полагали нежным птичьим мясом. В горбачевскую эпоху Совет возглавил Харчев: разносолов не будет, но как-нибудь прохарчимся. Но в 1989 г. Харчева сняли, и духовенство забило тревогу: не пойти бы с сумой по миру! На Неопалимовский прислали... Христораднова!

Был еще один знак приближения тяжелых времен. 9 мая 1985 г. в газете «Труд» появился жуткий снимок. На трибуне Кремлевского Дворца съездов перед высшим советским руководством лежала... голова Горбачева! Сам генсек стоял поодаль. (И это при том, что в народе его называли «меченым»!) Как выяснилось, при монтаже двух фотографий в суете со второго снимка забыли убрать голову генсека.

...Приближалось 1000-летие Крещения Руси, и «Старая площадь» не могла игнорировать этот факт. О том, как началась подготовка к этому юбилею, вспоминает Святейший Патриарх Алексий II.

— Это была целиком инициатива Русской Православной Церкви, и когда мы осознали, что необходимо образовать комиссию по подготовке празднования 1000-летия крещения Руси, то обратились в Совет по делам религий. Нам в ответ было совершенно определенно сказано, что ни государство, ни деятели науки, ни общественность не будут принимать в этом участия. Что это внутренний цер-

ковный юбилей, который мы должны отмечать в рамках Церкви. Мы, образовав в 1983 г. комиссию, поставили вопрос о том, чтобы Церкви в качестве духовного и административного центра был передан один из московских монастырей. Члены комиссии ездили и в Донской, и в Новоспасский монастыри, но в них исключалась возможность нового строительства. А Данилов монастырь, как говорил потом Куроедов, власти просто постеснялись нам предложить — в таком он был состоянии. Когда мы приехали в Данилов монастырь, в нем еще находился детский приемник МВД. Я был назначен председателем комиссии по приему монастыря, по реставрации и строительству на его территории. Имевшая поначалу удручающий вид обитель за несколько лет обрела былой облик. И только находившийся рядом храм Воскресения Словущего, где еще работала фабрика зонтов, был обезглавлен. Мы пригласили на заседание комиссии ее директора и сообщили ему, что есть постановление правительства о том, что фабрика будет работать до 1987 г., и попросили его позволить нам привести внешний вид храма в надлежащее состояние. Через неделю директор фабрики сказал, что этот вопрос обсуждался на партийном комитете и было принято решение, что по идеологическим мотивам коллектив не может работать под крестами. Я спросил его: «А как же в Кремле в окружении крестов кремлевских соборов проходят съезды партии?». Он не ответил, но через неделю было получено согласие.

В 1986 г. я послал Михаилу Сергеевичу Горбачеву письмо, в котором подчеркнул, что церковно-государственные отношения необходимо пересмотреть. Что у нас есть вопросы, за которые мы совместно отвечаем: нравственное здоровье общества, сохранение памятников и т. д. Но мое письмо не встретило понимания, хотя и было роздано всем членам Политбюро. Может быть, в результате этого письма я оказался на Ленинградской кафедре, потеряв пост управляющего делами Московской Патриархии. Только после встречи в 1987 г. Патриарха Пимена и членов Священного Синода с Горбачевым, когда мы поставили перед ним порядка тридцати вопросов, начали изменяться отношения государства и Церкви и передаваться верующим храмы и монастыри. Празднование 1000-летия крещения Руси стало всеобщим праздником, в нем приняли участие и государство, и научные круги, и общественность. Празднование 1000-летия крещения стало, по сути, вторым крещением Руси. Я возглавлял это празднование и на Ленинградской кафедре, и в Новгороде, и в Петрозаводске, и в Пскове, и в Нижнем

Новгороде и видел, что эти дни стали всеобщим осознанием того, что у нас единая киевская купель и все мы вышли из нее, неся традиции Православия на протяжении тысячелетней истории.*

Казалось бы, — «Торжество Православия», но позиции Совета по делам религий были все еще сильны. Когда в 1986 г. владыка Алексей был освобожден от должности управделами Московской Патриархии, а затем и председателя Учебного комитета, об этом решении ему объявил не тогдашний Патриарх Пимен, а председатель Совета по делам религий Константин Харчев. Впрочем, авторитет митрополита Алексея был настолько высок, что его устранение с поста управделами МП требовало соответствующей компенсации. Поэтому сразу после отставки его переводят на Ленинградскую кафедру, сохранив за ним также управление Таллинской епархией.

Из отчета 4-го отдела Пятого управления КГБ. «... В период подготовки празднования 1000-летия введения христианства на Руси совместно с УКГБ Горьковской области проведена проверка сигнала о намерении группы рабочих стройуправления Даниловского монастыря организовать посещение на территории Горьковской области места, якобы связанного с жизнью Серафима Саровского, и провести там богослужение. В результате принятых мер попытка сорвана»²⁴³.

И действительно, почему бы представителям передового рабочего класса не совершить экскурсию, например, в Ульяновск, — на родину вождя и не поклониться «ленинским святыням»? Вот, например, с 1933 г. дом в Оберзальцберге, где жил Гитлер, стал местом паломничества, кусочки ограды часто забирали как реликвии, а одна женщина собрала землю со следом ноги Гитлера. Свидетельства о религиозном значении фигур вождей, лидеров — Ленина, Сталина и Гитлера — бесчисленны»²⁴⁴.

Казалось бы, рабочие решили совершить паломничество на место молитвенного подвига преподобного Серафима Саровского — какая опасная антигосударственная акция! Но откуда простодушные пилигримы могли узнать, что они посягнули на «святая святых» тогдашнего режима: чуть было не вторглись в ЗАТО (помните, — «ЗАТО мы делаем ракеты...») — Закрытое Административное Территориальное Образование. Это — ныне широко известный «Арзамас-16» (здесь куется ядерный щит родины), образованный

по приказу Лаврентия Берии в 1940-х годах, курировавшего «Атомный проект». А тут под ногами, близ «объекта» путаются какие-то паломники: источничек, водичка, землица, иконочки, лампадки, маслице, поплабочки, фитилечки...

И вот, в результате операции «Перехват», была сорвана попытка тяжкого преступления. («К Серафиму нельзя — он в «зоне»!) А тогдашний первый секретарь Горьковского обкома Христорадных вскоре стал председателем Совета по делам религий при Совмине СССР...

Осенью 2007 года 12-е Главное управление Минобороны (ГУМО) отметило 60-летие, причем в храме Христа Спасителя. 12-е ГУМО проводит ядерные испытания, принимает от промышленности ядерные заряды, отвечает за их сохранность и боеготовность. Церковное благословление потенциального Армагеддона выглядит как-то непривычно. Но так как наше ядерное оружие создавалось в Сарове (Арзамас-16), то теперь оно находится под покровительством преп. Серафима Саровского.*

«Зачистка» Саровской обители началась вскоре после революции. 5 августа 1919 г. Расстрел близ Сарова в канун праздника Преображения почитаемой народом болящей девицы Дуняши, разбитой параличом и 30 лет прикованной к постели, а также четырех других девушек, пожелавших разделить ее участь и оставшихся при ней во время ареста.

Видение одному из очевидцев Духа Святого в виде голубя: когда девушек везли на расстрел, красноармейцы по дороге их секли, и большой белый голубь закрывал девушек своими крыльями, принимая на себя удары. В дополнение к этому свидетельству другие очевидцы сообщали, что один солдат в страхе отказался стрелять, так как увидел «что-то белое», закрывавшее Дуняшу, которую подруги держали под руки»²⁴⁵.

4 декабря 1920 года. Вскрытие мощей преподобного Серафима Саровского. Мощи (якобы) выкрадены при перевозке и сохраняются благочестивыми верующими (народное предание)²⁴⁶.

Впрочем, некоторым «церковникам» удавалось проникнуть «к Серафиму» еще до Великой Отечественной войны. Одним из них был будущий епископ Гермоген (Голубев). Арестованный в 1931 г., архимандрит Гермоген пребывал «на покое» десять лет в лагерях, в бывшей Саровской Пустыни. Клуб лагеря, где часто устраивались

* Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 6.

* Новая газета. 2007. № 69. 10 сентября. С. 6.

лагерные суды, находился в соборе Пустыни, где когда-то покоились мощи преподобного Серафима²⁴⁷.

Облавы на богомольцев проводились в Дивеево регулярно, но особенно сильные «зачистки» бывали накануне церковных праздников. Вот как два молодых москвича чудом ускользнули от щупальцев охраны.

С детства Кирилл Каледа и Юра Минулин любили путешествовать, но не просто как туристы, а со смыслом, по святым местам своей родной Москвы, своей родной страны. 31 августа 1984 г. — день памяти преподобного Серафима Саровского, Кирилл и Юра с друзьями отправляются в Дивеево. Народу понаехало туда чуть ли не со всей России. Все храмы в этом провинциальном знаменитом поселке были разрушены, поэтому ближе к ночи паломники потянулись в лес к тому камню, на котором, по преданию, молился Преподобный. Люди читали акафист за акафистом, как вдруг тишину разрезали грубые голоса, затрещали ветки деревьев. Со всех сторон паломников окружала милиция. Быстро сообразив в чем дело, старушки (им-то терять было нечего, и ясно, что стражи порядка интересовались не ими) взяли в кольцо священника и молодежь. Всю ночь милиция пыталась хоть кого-то выдернуть из-за бабушкиного оцепления, но это им не удалось. Осада длилась довольно долго. Закончилось молитвенное стояние только к утру. Терпение же милиционеров иссякло намного раньше, и они без всякого «улова» покинули дивеевский лес...²⁴⁸

Но не всем удавалось безнаказанно вырваться из подобной переделки. В начале 1980-х годов в стенах Ленинградской духовной академии появился новый преподаватель. Александр Михайлович Копировский, научный сотрудник музея Андрея Рублева, регулярно приезжал из столицы и читал студентам IV-го курса церковную археологию. Так продолжалось несколько лет, но к началу 1984/1985 учебного года блестящий специалист в списке преподавателей уже не числился, и чтение курса церковной археологии было поручено мне. (Через несколько лет «эстафету» принял преподаватель Санкт-Петербургской академии художеств игумен Александр [Федоров].)

Естественно, интересуюсь: в чем причина? Окольными путями, через третьих лиц, дошли слухи: летом Александр Михайлович «с сотоварищи» отправился в паломничество к преподобному Серафиму, в Дивеево. Ну, а где Дивеево, там и «Арзамас-16», — они отдельно не бывают. И на пути «к источнику» нашего богомоль-

ца «взяли» «люди из органов». (Из каких «органов» — объяснять не надо. Это молодая поросль может спутать НКВД с КВЖД.) «Сигнал» пошел «куда надо», и рабу Божию Александру с академией пришлось расстаться. Ведь «Арзамас-16» — гордость ВПК (военно-промышленный комплекс) — числился за *Средмашем* (Министерство среднего машиностроения). А со «*Средней Машей*» не шутят...

Но время госпартконтроля шло к концу. В октябре 1990 г. был принят закон, согласно которому Совет по делам религий лишился властных полномочий по отношению к Церкви и превращался в информационный, консультативный и экспертный центр. А вскоре эту контору вообще упразднили; вместо нее в Верховном Совете была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям...

Но это — в Москве, а в Киеве выживший там, в отличие от России, Совет по делам религий напомнил о своем существовании. В заявлении Совета, оглашенном в июне 1992 г., отмечалось, с одной стороны, что государство не вмешивается во внутренние дела Церкви. Но тут же решительно утверждалось, что Совет поддерживает и признает только митрополита Филарета (Денисенко; агентурная кличка — «Антонов»).

Остальных же 18 украинских епископов (из 20-ти архиереев Украины) за то, что они выступили против киевского владыки, Совет считает отныне самозванными. Причиной непризнания решений Архиерейского собора УПЦ, сместившего Филарета, Совет назвал несоблюдение процедуры: по уставу-де только предстоятель Церкви может созвать собор. Однако Совет «забыл», что УПЦ еще не являлась автокефальной Церковью, а предстоятель единой Русской православной Церкви этот собор благословил. Для властей, видимо, чем скомпрометированнее «партнер», тем удобнее им управлять. И донельзя скомпрометированный Филарет оказался удобнее вновь избранного митрополита Владимира (Сабодана) (Московский патриархат)²⁴⁹.

Таким образом, «советские» действия поставили Церковь на грань раскола, который вскоре выплеснулся из митрополичьих канцелярий на приходы и на улицы. Так напоследок Совет по делам религий спровоцировал на Украине «духовный Чернобыль». В самой Церкви нашлись люди, которые воспользовались государственной поддержкой в своих делах, а затем за это стали расплачиваться. Расплачиваться душами пасомых.

На одном из миротворческих форумов владыка познакомился с Александром Чаковским, тогдашним главным редактором «Литературной газеты». Представляясь собеседнику, владыка отрекомендовался: «Митрополит Никодим, сын рязанского коммуниста». А шеф «Литературки», назвав свое имя, добавил: «Внук одесского раввина». Кстати, у владыки были хорошие личные отношения с раввином ленинградской хоральной синагоги; они тоже вместе должны были время от времени «бороться за мир». Ежегодно, к празднику еврейской Пасхи, в епархиальное управление для владыки Никодима курьер из синагоги привозил мацу, а митрополит Никодим направлял в синагогу пасхальный кулич.

Как-то в Ленинград приехал Святейший Патриарх Пимен. По тем временам это было редкое событие, поскольку власти не одобряли частые разъезды иерархов внутри страны. За границу — без проблем! Но если в Союзе, то сразу вопрос: а нужно ли устраивать пышные богослужения и «активизировать» религиозные настроения простых верующих?

Согласно программе, предложенной владыкой Никодимом, перед отбытием патриарха в Москву оба архипастыря нанесли визит в фотоателье, чтобы сделать официальный снимок. Тамошний фотограф — Золий Яковлевич (выходец из еврейской семьи, Закарпатье) — был профессионалом высокого класса, но понятия о Церкви не имел (как, впрочем, и о синагоге). О том, что было дальше, владыка поведал с долей иронии.

Усадив именитых клиентов в кресла, поправив им панагии на груди, Золий поставил треногу и, накрывшись черным покрывалом, приник к окуляру-видоискателю. И, из-под тряпки, — руководящие указания:

- Товарищ с бородой (к Патриарху)! У Вас зрачки бликуют!
- Так, теперь хорошо!
- А теперь — дайте мысль! У соседа хорошо! А у товарища — плохо! Не вижу мысли! Дайте мысль!

Митрополит Никодим стал приглашать Золия Яковлевича на архиерейские богослужения, и тот постепенно «воцерковлялся». Он уже не бегал с фотокамерой через Царские врата и не ложился на пол у престола, чтобы «поймать ракурс». Как-то он был со своей треногой на миротворческом конгрессе и обслуживал делегацию Русской православной Церкви. В перерыве между заседаниями он

оказался в холле рядом с членами общины московской хоральной синагоги, и был такой обмен репликами.

— Слушай, ты наш?

— Конечно ваш! Но и их тоже!

Владыке нередко доводилось на миротворческом поприще общаться с руководством протестантских общин. Однажды он был в гостях у одного из пресвитеров, теща которого была православной. Среди икон, висевших в красном углу, владыка увидел портрет о. Иоанна Кронштадтского, а также и свою фотографию, по поводу чего выразил недоумение. Пастор «поддержал» владыку, сказав, что нельзя молиться умершим праведникам, и тем более живым людям. Но старушка осадил зятя: «Вася! Ну не твое же фото ставить в иконостас!» Рассказывая об этой истории, владыка смеялся с видимым удовольствием.

Впрочем, с иконопочитанием бывали и не такие истории. Вспоминает киноартист А. Панкратов-Черный.

Когда умер Сталин, мне было уже 4 годика. И вот я запомнил: дедушка мой вбегает — и... к портрету Сталина. В красном углу висел этот портрет, на который дед, набожный человек, все время крестился. А тут дед, не крестясь, взял портрет Сталина — и об колено. Говорит: «Все, ирод!» А за портретом стояла наша родовая икона Николая Угодника. Вот на кого он крестился, оказывается»²⁵⁰.

Однажды владыке довелось возвращаться из-за границы в Москву с очередного миротворческого форума. В салоне 1-го класса рядом с ним сидел пресвитер одной из баптистских общин; он начал разговор об «истинной» Церкви. По его мнению, истинная Церковь существовала лишь в первые три века по Р. Х. После того как в 313 г. император Константин издал Миланский эдикт, она стала государственной. Началось вмешательство государства в церковные дела, и вскоре от Церкви осталась одна видимость. И только в XVI в., когда Мартин Лютер начал Реформацию, истинная Церковь возродилась.

На это последовал мгновенный ответ владыки: а как тогда быть со словами Спасителя: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18)? Получается, что одолели? Пытливому собеседника выручило то, что самолет пошел на снижение и на табло вспыхнула надпись: «Пристегните ремни». И пресвитер предложил: давайте помолимся, чтобы посадка была успешной. К вопросам эклезиологии он больше не возвращался.

У митрополита Никодима были хорошие отношения с местной общиной евангельских христиан-баптистов. По его инициативе в городе на Неве порой проводилась неделя молитв о христианском единстве. В числе прочих гостей на богослужении в храме Ленинградской духовной академии присутствовали евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской (пятидесятники) и др. Ответный визит владыки нанес в молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, что близ Поклонной горы. Старший пресвитер Сергей Петрович Фадюхин, проводивший молитвенное собрание, просил владыку «послужить словом» при завершении богослужения. Митрополит произнес проникновенную проповедь на тему «Да будут все едино» (Ин. 17, 21), после чего гости были приглашены на чаепитие.

Доброжелательную атмосферу пытался нарушить один из «несознательных» членов местной общины. Громко и с явным вызовом он обратился к митрополиту: «А вот что Вы скажете насчет такого-то места из Священного Писания?» У владыки в глазах появился охотничий блеск, и он уже приготовился устроить «сово-проснику» «детский мат в три хода». Но «поборника истины» нейтрализовали свои же: на него зашикали и оттеснили на «задний план». Куда, дескать, сельскому шахматисту тягаться с гроссмейстером! Да и живем ведь в одном «бараке соцлагеря», на всех давят те же самые «глыбы», так что на данном этапе межконфессиональные споры совсем ни к чему.

Всемирный Совет Церквей

Начавшееся с 1958 г. развитие отношений Московского Патриархата со Всемирным Советом Церквей в ноябре 1960 и марте 1961 г. завершилось переговорами о вступлении Русской православной Церкви в ВСЦ. На III Генеральной Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели (1961 г.) архиепископ Никодим возглавил делегацию Московской Патриархии. На этой Ассамблее Русская православная Церковь была принята в члены ВСЦ, а архиепископ Никодим был избран членом его Центрального Комитета. На III, IV и V Ассамблеях ВСЦ он возглавлял делегации Русской православной Церкви; с 1961 по 1975 гг. он состоял членом ЦК и Исполнительного комитета ВСЦ.

Какую цель преследовала Московская Патриархия, участвуя в работе ВСЦ? «Участие в подобной деятельности помогало митрополиту Никодиму убеждать власть в полезности Церкви для

укрепления общественной жизни и тем самым предупреждать, или, по крайней мере, тормозить осуществление намерения истребить Церковь как идеологически чуждую силу, — пишет профессор С.-Петербургской духовной академии протоиерей Владимир Мустафин. — Сейчас по поводу этого участия некоторые не по разуму ревнители чистоты Православия разглагольствуют, что митрополит Никодим и его единомышленники («никодимовцы») хотели соединиться с иноверцами, основать некую новую церковь, тем самым отказаться от Православия, даже «продать» его за деньги, полученные то ли от масонов, то ли от католиков, и несут прочий бред. На самом же деле участие РПЦ в межхристианских контактах, которые вызывали заметный отклик у международной общечерковности, имело целью укрепить авторитет Церкви внутри страны и тем самым хоть в какой-то степени оптимизировать ее фактическое существование»²⁵¹.

Долголетним другом владыки Никодима был митрополит Делийский Григорий (Павел) Вергезе. Он часто летал на международные конференции на самолетах Аэрофлота, за (рублевый, не валютный) счет Московской Патриархии. Однажды ему предстояла длительная стыковка рейсов в Москве, и была достигнута предварительная договоренность о том, что ему, по прилете, сотрудник ОВЦС сделает транзитную визу, с проживанием в столице. А тогда были предпасхальные дни, и про митрополита... забыли!

— Прилетаю, никого нет. Бродил по залу час-другой, пока меня не увели в «камеру» (небольшой номер, без права выхода в зал транзитников). Звоню в ОВЦС — никто не отвечает, все молятся по храмам. Принимать пищу водили в аэропортовский ресторан, с сопровождающим, без права общения с соседями по столу...

... Митрополита хватились на третий день, извлекли из «темницы», и он предстал перед очами владыки Хризостома, зам. председателя ОВЦС. Все претензии «индийского гостя» отскакивали, как от стенки горох. По поводу его эмоциональных восклицаний («Я сидел в тюрьме!») были выражены «недоумение» и «озабоченность». Но это не омрачило дальнейшего сотрудничества делийского миротворца со страной Советов. В те годы влияние Кремля в Индии было весьма велико.

Особая папка. Совершенно секретно.

СССР. Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

28 августа 1969 года. № 2169-А. Город Москва. ЦК КПСС.

Поджог израильтянами мусульманской мечети Аль-Акса в Иерусалиме вызвал острую реакцию индийской общественности. 26 августа с. г. этот вопрос обсуждался в парламенте Индии, и министр иностранных дел Динеш Сингх выступил с заявлением, в котором отметил, что «правительство и народ Индии глубоко потрясены этим событием».

Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969–1971 годах.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ²⁵²

Кто-то спросит: какое право имело кремлевское руководство вмешиваться в дела суверенного государства? Ответим. В юриспруденции есть понятие «естественного права»; Маркс ввел понятие «жизненного пространства» («лебенсraum»), а Гитлер воплощал марксистскую идею в жизнь. И на определенном этапе интересы нацистов и марксистов начали совпадать.

Из беседы Риббентропа с Молотовым 12 ноября 1940 г. Берлин.

Имперский министр иностранных дел интересуется, не повернет ли в будущем на юг и Россия для получения естественного выхода в открытое море, который так важен для России ... Может ли Советская Россия извлечь соответствующие выгоды из нового порядка вещей в Британской империи, т. е. не будет ли для России наиболее выгодным выход к морю через Персидский залив и Аравийское море, и не могут ли быть в то же самое время реализованы и другие устремления России в этой части Азии, в которой Германия абсолютно не заинтересована²⁵³.

На следующий день обсуждение «индийского вопроса» было продолжено. Место беседы: бомбоубежище в доме Имперского министра иностранных дел. Проект соглашения, статья 3: «Центр

тяжести интересов Советского Союза предположительно лежит южнее территории Советского Союза в направлении Индийского океана»²⁵⁴ (Привет Жириновскому!).

... В 1975 г. в Найроби (Кения) проходила V Генеральная ассамблея Всемирного совета церквей (ВСЦ). Владыка Никодим возглавлял делегацию Московского патриархата на этом форуме. На повестке дня были разные вопросы — острые и «так себе». Во время дебатов по «горячим» темам владыка брал ответственность на себя, и все члены делегации должны были голосовать единогласно, глядя на святителя. По второстепенным вопросам — вразнобой, демонстрируя свободу мнений. А как определить «уровень вопроса»? Очень просто. Владыка сидит впереди, и все смотрят на его длани. Если вверх пошла правая рука, значит все — «заединишки». Если левая — полный плюрализм. Домой вернулись, как тогда говорили, «с победой», — на V Ассамблее ВСЦ митрополит Никодим был избран одним из президентов ВСЦ. Но часть здоровья владыка оставил в Найроби.

Как вспоминала Фэри фон Лилиенфельд, владыка прислал ей открытку из Найроби, где проходила V Ассамблея ВСЦ. На открытке были изображены огромные толстокожие слоны. Владыка написал ей: «Вот такую кожу надо иметь, чтобы все это выдерживать»...

... 1995 г. Уже два года как выезд из России безвизовый. При въезде в Кению виза оформляется за пять минут прямо в аэропорту. Иду по Харамби-стрит, поворачиваю на Парламентскую и выхожу на Сити-сквер. Передо мной — Центр конференций им. Джомо Кениаты. Здесь в 1975 г. проходила работа V Генеральной ассамблеи ВСЦ. Центр, с примыкающей к нему круглой высотной башней, — своеобразный конвейер. Одна конференция сменяет другую, и вот уже черные бои меняют растяжки-транспаранты: «Привет участникам такого-то конгресса!».

Но мне не надо суетиться у стойки регистрации делегатов, искать свое имя в списках комиссий, подкомиссий; единиц, подразделений; секций, подсекций; «кластеров», «драфт-групп». А потом биться за каждую строчку в результативном документе: «Выражаем озабоченность...», «Новый аскетизм — экуменический вызов самообеспечивающегося общества всеобщего участия...» и т. д. и т. п. Сегодня, когда у нас в стране все разбежались по «конфессиональным квартирам», этот экуменический жаргон может вызвать только улыбку. «Отшелестела роща золотая...» Но, путешествуя

по кенийской саванне, бороздя воды озера Виктория, поднимаясь на Килиманджаро, осматривая закоулки арабских кварталов на Занзибаре, иногда с грустью вспоминаю владыку Никодима: «За что боролись?»

Прага-68

Делегации Московского патриархата крупно повезло на IV-й Генеральной Ассамблее ВСЦ. Она состоялась в Упсале (Швеция) весной 1968 г., в «мирное время», и у владыки Никодима особых стрессов тогда не было.

Митрополит Никодим был решительным противником столь модного на Западе в «прогрессивных» католических и протестантских кругах синтеза между христианством и марксизмом, всякого «христианского атеизма», богословия «смерти Бога» и т. д. Диалог между марксизмом и христианством он отвергал, считал его нечестным взаимным обманом. Об этом он открыто говорил на IV-й Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Упсале в 1968 г. и во многих других местах на Западе. Нужно сказать, что держаться так твердо такой позиции ему было не трудно. Помогало то обстоятельство, что и советская власть настроена тоже против всякого диалога между марксистами и христианами. Вернее, там, где марксисты еще не у власти, они стоят за диалог с христианами. А там, где они уже захватили власть, они и слышать не хотят ни о каких сравнениях и параллелях²⁵⁵.

А между тем наступала Пражская весна. Чехословакия окончательно порывала со «сталинизмом брежневского розлива». Вплоть до 1960 г. на левом берегу Влтавы возвышался массивный постамент; на нем стояла статуя Сталина. Она поражала воображение своими размерами. За «вождем всех народов» тянулась — в соответствии с классовой табелью о рангах — высеченная из камня цепочка людей. Естественно, рабочий, крестьянин, представитель «прослойки» — интеллигент. В 1960 г. было решено скульптурную группу убрать. С тех пор и сохранился опустевший, прочно вросший в землю постамент.

Надо полагать, убрать статую Сталина особого труда не составляло. Труднее оказалось освободиться от сталинизма. К тому же из года в год ситуация осложнялась еще и тем, что на него — на «местный сталинизм» наслаивались последствия советского застойного периода. А в сторонниках брежневских методов правления здесь недостатка не было.

Вспоминает Владлен Кривошеев, с 1965 по 1968 гг. — собкор «Известий» в Праге.

— Не буду повторять про «социализм с человеческим лицом», порыв к демократизации — это общеизвестно. Напомню то, что случилось. Например, что до 1968 г. Чехословакия была единственной соцстраной, где не стояли советские войска — так повелось со времен Готвальда и, естественно, смущало наших генералов. Одновременно чехи были традиционно очень расположены и к России, и к СССР в целом. Исторические русофилы. С давних пор у них было поверье: освобождение от немцев придет с Востока, когда казацкий конь омочит копыто во Влтаве. Символическим подтверждением этого — бросок войск маршала Конева в мае 1945-го на выручку Пражскому восстанию.

Уважение к СССР доходило до нелепостей: помню надписи в пражских ресторанах: «Советский ресторан — образец для нас!» (это для чехов-то!). Конечно, в 1960-е свободнее стали границы, усилился туризм, чехи ездили к нам, на все уже смотрели трезвее, преклонение сменилось шутками, подковырками — но не более! До 1968-го на моей памяти — единственная неприятная выходка: какие-то юнцы раз сожгли советский флаг (их вывешивали везде и по любому поводу); скорее, дурное ухарство, чем политический акт.

И вот — 1968-й. Восторженная атмосфера — как у нас в начале перестройки. «Антисоветские настроения»? Глупости, пражское руководство как раз рассчитывало, что Москва все одобрит. Реформы? «Известия» публиковали материалы о них под рубрикой «Опыт друзей». В соседней Венгрии Кадар без лишнего шума реформы проводил куда более глубокие. «Атаки против СССР»? Дальше мелких газетных шпилек дело, поверьте, не доходило. Но чехам не повезло еще и в том, что советским послом у них в то время сидел человек ограниченный и трусоватый. И из посольства летели в Москву панические, все преувеличивавшие донесения...²⁵⁶

4-го марта 1968 г. во всех католических храмах Праги было прочитано послание апостолического администратора городской епархии епископа Франсиско Томашека. В этом послании чешское церковноначалие требовало отмены существующего законодательства о религии и принятия новых законоположений, которые обеспечивали бы действительную свободу совести и свободу действия для Церкви.

Во-вторых, требовалось ликвидировать государственные органы, осуществляющие контроль над деятельностью Церкви.

В-третьих, — расширить возможность использования в религиозных целях радио, телевидения, прессы, издательств, обеспечить широкое распространение в стране религиозной информации.

В-четвертых, — предоставить Церкви право беспрепятственно воспитывать в религиозном духе детей, школьную молодежь.

В-пятых, — осуществлять неограниченную подготовку священнослужителей²⁵⁷.

Франтишек Томашек, кардинал и до конца 1991 г. пражский архиепископ, умер 4 августа 1992 г. в возрасте 93 лет. Он родился в 1899 г. в моравском городе Студенка в семье учителя, в 1922 г. стал католическим священником, позже — профессором теологического факультета в Оломоуце. В 1949 г. он был возведен в епископский сан и назначен в Оломоуцскую епархию. Однако даже этот высокий сан не остановил коммунистов: в 1950-е годы Франтишека Томашека арестовали, как и сотни других священников. Три года он провел в концлагере.

Франтишек Томашек не поколебался и в трудные времена после возвращения из концлагеря, когда коммунистическая власть толкала католиков к компромиссу; некоторые епископы и священники, сотрудники организации «*Rasem in terris*», стали тогда ближе к коммунистам, чем к Церкви.

После оккупации Чехословакии в 1968 г. Франтишек Томашек требовал от имени чешских епископов освободить представителей тогдашнего чехословацкого правительства, насильно увезенных в Москву.

В 1977 г. Франтишека Томашека возвели в сан кардинала; в том же году он стал 34-м (с 1344 г.) пражским архиепископом. Во времена коммунизма кардинал Томашек активно защищал священников и прихожан, требовал соблюдения свободы вероисповедания, уважения человеческого достоинства. На Пасху 1987 г. он объявил начало «Десятилетней молитвы о духовном обновлении чешского народа». Позднее он активно протестовал против полицейского насилия над гражданами, почтившими в январе 1989 г. 20-ю годовщину самосожжения Яна Палаха.

Благодаря твердому характеру и силе его личности католики в Чехословакии включились в движение сопротивления коммунистической партии и связанным с ней государственным органам. В течение десятилетий кардинал Томашек оставался символом сопротивления строю, жестоко ненавидевшему Церковь...

...Вернувшись из очередной поездки в Прагу, владыка Нико-

дим рассказывает в Совете по делам религий о ситуации в Чехословакии. После чего Макарец (заместитель Куроедова) заявляет: «Ничего страшного! Там стоят наши войска!». А будешь перечить — пошлют туда, куда Макарец телят не гонял.

В те же дни, во время интервью в своем кремлевском кабинете, Брежнев не удержался и показал корреспондентам «Штерн» телефон с красными кнопками прямой связи с первыми секретарями ЦК партий социалистических стран. Нажмешь кнопку, справишься о здоровье, передашь привет семье — и дашь «совет»²⁵⁸.

Накануне интервенции в Чехословакию советская номенклатура применяла метод, официально именовавшийся «сплочением здоровых сил партии». Эта оптимистически звучащая формула означала, что если руководитель какой-либо зарубежной компартии начинал проводить курс, почему-либо неугодный советской номенклатуре, в этой партии срочно подыскивались более покорные, которые были рады сделать карьеру, отличившись перед московским сюзереном. Со «здоровыми силами» проводились беседы в ЦК КПСС, им оказывалась помощь в свержении проштрафившегося руководства. Как происходили такие беседы, описал Смирковский, которого лично Брежнев убеждал выступить против Дубчека, выразительно намекая, что Смирковский сможет сам занять в этом случае пост Первого секретаря ЦК КПЧ. Смирковский отказался, — но нашлись другие²⁵⁹.

В ночь на 21 августа началась самая большая военная операция в Европе после окончания Второй мировой войны. Армии стран Варшавского Договора — 650 тысяч человек — оккупировали Чехословакию. Успех операции был обусловлен тем, что Дубчек давно уже объявил, что чехословацкая армия сопротивления не окажет.

Чтобы не сбивать заданного темпа движения войск, был отдан жесткий приказ: сбрасывать с проезжей части дорог любую оставившуюся из-за поломок технику, но не создавать пробок и задержек колонн ни на минуту, дабы любой ценой обеспечить ввод дивизий в Прагу в утренние часы 21 августа. В Рузине на бетонных полосах аэродрома шла высадка советских войск из военно-транспортных самолетов.

В полдень, как по команде, во всех районах Праги громко завыли заводские гудки крупнейших промышленных предприятий. На главных улицах разлилось живое море людей. Полностью остановился общественный транспорт. На площадях и перекрестках дорожные указатели и магистральные стрелки были повернуты в

ложном направлении. Появились первые лозунги на стенах домов: «Ленин, вставай, — Брежнев сошел с ума!», «Ваши отцы — освободители, а вы — оккупанты!».

Ввод войск, — шаг грубый и безумный. Боялись НАТО? Ну, перебросьте танки к границе! Зачем же демонстративно ставить их посреди цветущего города, на позор себе и пражанам, вызывая ужас, растерянность и озлобление местного населения?

В давнем романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия», кстати, очень популярном в России, особенно у молодежи, есть такое место: «Все предшествовавшие преступления русской империи совершались под прикрытием тени молчания. Депортация полумиллиона литовцев, убийство сотен тысяч поляков, уничтожение крымских татар — все это сохранилось в памяти без фотодокументов, а, следовательно, как нечто недоказуемое, что рано или поздно будет объявлено мистификацией. В противоположность тому вторжение в Чехословакию в 1968 г. отснято на фото- и киноплёнку и хранится в архивах всего мира...»

Здание ЦК КПЧ в непосредственной близости от набережной Влтавы было со всех сторон окружено боевыми машинами советского танкового батальона. На призыв спокойно расходиться по домам чехи, собравшиеся перед зданием ЦК, отвечали многократным дружным скандированием: «А мы дома! А мы дома!».

Во второй половине дня во двор неожиданно вошла колонна из пяти-шести малых разведбронемашин (БРДМ). Толпы демонстрантов с флагами и портретами Дубчека были оттеснены десантниками с флангов здания ЦК, чтобы они не могли наблюдать за происходящим во дворе. Вскоре гебисты стали выводить по одному членов так называемой «партийно-правительственной делегации ЧССР» во главе с Александром Дубчеком для этапирования в Москву на переговоры. Каждому арестованному охрана помогала взобраться на БРДМ и опуститься в люк, который сразу закрывался. Вся эта операция со стороны выглядела так, словно имели дело с закоренелыми преступниками.

В Праге с каждым днем нарастала лавина уличной агитации и печатной пропаганды. Создавалось впечатление, что все полиграфические мощности столицы были поставлены на службу идеологам Пражской весны, писателям, журналистам, художникам и карикатуристам. К 1 сентября весь город был буквально раскрашен и обклеен плакатами, лозунгами, призывами, листовками и воззваниями... Многие советские офицеры от души потешались,

разворачивая свежие номера газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», в которых помещались материалы о «напряженной обстановке в столице Чехословакии».

А потом было возвращение «партийно-правительственной делегации ЧССР» из Москвы. После приземления самолета первым по трапу спустился А. Дубчек. Он стоял прямо и гордо, а из его глаз неудержимо катились слезы. Весь его облик свидетельствовал о том, что над Дубчеком совершено насилие, что он в Кремле был отчитан, подавлен и унижен, но, будучи теперь уже бессильным что-либо изменить, готов, смирившись, нести свой крест до конца.

А теперь слово Иржи Гаеку, бывшему министру иностранных дел Чехословакии (1968 г.)

После переговоров в Праге с Тито и Чаушеску я отправился в Югославию недельку отдохнуть на берегу Адриатики. Там услышал о вторжении войск. По разным причинам в Белграде тогда оказались члены нашего правительства О. Шик, В. Власак, Ш. Гашпарик. Связаться с занятой войсками Прагой было затруднительно. Посоветовавшись с ними, я вылетел в Нью-Йорк на заседание Совета Безопасности ООН.

Постоянный представитель СССР Яков Малик успел известить мировое сообщество о чехословацком правительственном «приглашении» союзных армий. Я обязан был ознакомить Совет Безопасности с документом Президиума ЦК КПЧ: войска пяти стран введены в ЧССР без ведома президента республики, вышших государственных и партийных органов. Это было нарушение международного права, положений Варшавского договора.

После моей речи Малик, не поднимая головы, снова стал читать заготовленный текст о «братской помощи». На галерке смеялись, мне было жалко умного, опытного дипломата, с которым мы не раз встречались, были дружны, и которому теперь приходилось выполнять не самое лучшее поручение.

Вскоре я вернулся в Чехословакию. Новые власти меня исключили из партии, освободили от работы, лишили звания члена-корреспондента Академии наук. Подобно полумиллиону моих соотечественников, я перебивался случайными заработками, чтобы содержать семью. За моим домом велось круглосуточное наблюдение, по пятам ходили сотрудники госбезопасности. Не выдержав испытаний, ушла из жизни моя жена. Таков был удел многих активистов «пражской весны» в затянувшийся период «нормализации». («Известия». 1991).

Политика запугивания населения, в том числе рядовых активистов компартии, не прекращалась с августа 1968 г., — с момента удушения «пражской весны». В печати сообщалось, что около 500 тысяч коммунистов были исключены из КПЧ, столько же чехов и словаков решили за это время покинуть страну.

Итак, в Прагу вошли советские танки... В это время владыка Никодим находился за границей. Первая реакция святителя на «миротворческую» акцию брежневского Политбюро: «Идиоты! Они не понимают, что сделали!» Но это — «частное богословское мнение», высказанное (без прослушки) одному из членов делегации, находившемуся с митрополитом в доверительных отношениях. А по возвращении в соцлагерь владыка, как «лицо официальное», должен был занять более «взвешенную» позицию.

Вспоминает Фэри фон Лиlienфельд: «Когда советские войска в 1968 г. вступили в Чехословакию, то митрополит Никодим (Ротов), которого впоследствии я научилась уважать и любить, публично оправдывал ввод советских войск в суверенную страну»²⁶⁰.

Как это бывает в уголовной среде, кремлевские «пацаны» «повязали кровью» «смотрящих» в странах соцлагеря. «Интернациональную помощь» Чехословакии вынуждены были оказать воинские части Польши, Венгрии, Болгарии, ГДР (уклонился Чаушеску, Румыния), а Югославия, хоть и была социалистической, но в соцлагерь не входила). Говорят, в составе восточно-немецкой группы «интернационалистов» все еще служили офицеры, которые вторгались в Чехословакию в рядах гитлеровского вермахта...

В Восточной Германии в те годы некоторые земельные епископы также были готовы идти на значительные компромиссы с властями.

Фэри фон Лиlienфельд: «Вот почему я обычно не осуждаю ваших бедных архиереев советского времени, — они-то были в куда худшем положении, чем наши епископы. Даже сравнивать нельзя! Не хочу ни оправдывать, ни осуждать их. Предоставим их дела и особенно намерения суду Божию. Что они делали ради церковной пользы, а что делали ради собственного благополучия и из трусости — Бог знает. Я бы ни за что не хотела очутиться на месте архиерея в Советском Союзе в хрущевское и брежневское время. Может быть, среди церковных людей, внешне проявивших себя как коллаборанты, были и такие архиереи и священники, которых можно назвать исповедниками и даже мучениками.

Разумные люди у нас говорили в таких случаях: эти архиереи взяли на себя наитягчайший вид мученичества — мученичество лжи (das Martyrium der Lüge). Выражение бытовало среди друзей Русской православной Церкви во времена холодной войны. «Советские» архиереи перед лицом внешнего мира безоговорочно отстаивали политику своего правительства, но внутренне с ней согласны не были! Мы, христиане 50-х годов, очутившиеся в ГДР, к этому не привыкли: в нашей Церкви, даже во времена нацистов, а потом и коммунистов, все-таки можно было, соблюдая известную осторожность, говорить свободно»²⁶¹.

Вспоминаю, с какой горечью митрополит Никодим воспринял весть о вторжении советских танков в Чехословакию. Ему пришлось оправдывать такое вторжение, что владыка скрепя сердце и делал, — иначе Церковь в России понесла бы урон. Тем не менее конфликт с совестью не давал ему покоя...²⁶²

Власти понимали слишком хорошо, что социализм с человеческим лицом невозможен. (Вы когда-нибудь слышали о волке-вегетарианце?) Послав танки в Прагу, они фактически посылали танки в Киев и Вильнюс, на Кавказ и в Среднюю Азию. Более того — в Москву.

А по заводам и фабрикам, как водится, шли собрания трудящихся, единодушно одобрявшие ввод войск в Чехословакию. Газеты печатали письма доярков, оленеводов, учителей и сталеваров, писателей и академиков. И все — от президента США и генерального секретаря ООН до последнего надзирателя в лагере — преклонили голову перед грубой силой.

Честь России в августе 1968 г. спасли семеро смельчаков — Лариса Богораз, Виктор Файнберг, Наталья Горбаневская, Константин Бабицкий, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов. 25 августа они вышли на Красную площадь и развернули плакатики с протестом против вторжения в Чехословакию. Им удалось продержаться несколько минут, после чего они были схвачены оперативниками. Расплата была тяжелой: минута свободы — годы неволи, кого в лагерь, кого в ссылку, кого в спецпсихбольницу.

28 августа Наталья Горбаневская передала в редакции газет «Руде право», «Унита», «Морнинг стар» и другие свое письмо, в котором говорилось: «Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прервать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием,

которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнал или узнает народ Чехословакии. И вера в то, что, думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, придает нам силы и мужество»²⁶³.

«За вашу и нашу свободу» пострадали и те, кто в тот день на Красной площади не был. Так, председатель крупного колхоза в Латвии, убежденный коммунист Яхимович в 1968 г. написал открытое письмо в ЦК, с коммунистических позиций осудив оккупацию Чехословакии. Вскоре он был арестован и направлен на психиатрическую экспертизу. Вся описательная часть экспертного заключения состояла из хвалебных эпитетов. Если бы не заглавие — можно подумать, что читаешь характеристику человека, представленного к государственной награде.

«Заявляет, что никогда и ни при каких условиях не изменит идее борьбы за коммунистический строй, за социализм... На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что Яхимович обнаруживает паранойяльное развитие психопатической личности. Состояние больного должно быть приравнено к психическому заболеванию, а поэтому в отношении инкриминируемых ему деяний Яхимовича И. А. следует считать невменяемым. Нуждается в прохождении принудительного лечения в больнице специального типа»²⁶⁴. И таких «швейков» в стране были сотни...

О тех августовских днях, «которые потрясли мир», вспоминает поэт-шестидесятник Евгений Евтушенко.

Придя домой, я бросился к радиоприемнику, и в него попал голос моего старого друга-журналиста Мирека Зикмунда, объехавшего со своим соратником Иржи Ганзелкой на чешской «матре» почти весь мир, включая станцию Зима, где они спали на сеновале моего дяди Андрея.

— Женя Евтушенко, ты слышишь меня? — кричал Мирек. — Помнишь, как мы сидели с тобой у костра в твоей родной Сибири и говорили о социализме с человеческим лицом? Женя, почему же ваши танки на наших улицах?

— Я пошел за письменный стол и написал две телеграммы — одну на имя Брежнева с моим протестом по поводу нашего вторжения в Чехословакию и другую — в чехословацкое посольство в Москве с выражением моей моральной поддержки правительству Дубчека. По пути на коктейбельский телеграф я зашел к Аксенову — показать ему телеграммы. Я еле разбудил его. Он с трудом продрал глаза и, когда прочел, махнул рукой:

— Все это напрасно... — и снова заснул мертвым сном.

Молоденькая телеграфистка, принимая от меня телеграммы, считала слова и боязливо приговаривала:

— Ой, чего делается, чего делается...

Она боялась не зря. Через три дня она прибежала ко мне вся в слезах и сообщила о своем увольнении за то, что приняла мои телеграммы. Я поехал в феодосийское КГБ и пригрозил им, что, если они не отстанут от этой ни в чем не повинной девчушки, я поеду в Москву и созову пресс-конференцию иностранных журналистов.

— Мне, может быть, не сносить головы, — сказал я. — Но и вам тоже.

Им пришлось замять дело. Когда я вернулся в Москву, началась бесконечная промывка мозгов. Запретили выступления. Разбили матрицы выходивших книг. Однажды ночью мы сидели в Переделкине с моей женой Галей и жгли так называемую нелегальную литературу, уверенные, что меня арестуют. Жаль, что сожгли. Потом от меня как бы отстали. Как бы...²⁶⁵

«Органы» не тронули «властителя дум», — виновника «брожения умов». Из материалов «дела Яхимовича».

В своих показаниях в период следствия испытуемый указал, что своими действиями он преследовал одну лишь цель — добиться того, чтобы восторжествовала правда, так как правду «надо сработать собственными мозгами, прощупать собственным сердцем, каждой клеткой своего тела». Свои показания испытуемый закончил стихотворением **Евтушенко**²⁶⁶.

Евгений Евтушенко принадлежал к «непоротому» поколению; сложнее было тем, кто был надломлен в 1930-х годах. Евгений Евтушенко о Дмитрии Шостаковиче.

Он был непримирим в своих личных беседах к конъюнктурщине, трусости, подхалимству так же откровенно, как и был добр и нежен ко всему талантливому. К сожалению, насколько мне нравились эти его суждения в узком кругу, настолько не нравились многие его статьи, доклады. Это были пустые восталения партии, социалистического реализма. Практически это не было написано Шостаковичем, а лишь подписано им. Я однажды упрекнул за это Дмитрия Дмитриевича. Он был человек совестливый, беспощадный к себе и признал, что я прав, но грустно объяснил: «Однажды когда-то я подписался под словами, которых не думал, и с той поры что-то со мной произошло — я стал равно-

душен к подписанным мной словам. Но зато в музыке я ни разу не подписал ни одной ноты, о которой бы я не думал... Может быть, мне хотя бы за это простится...»²⁶⁷

Молодому поколению, подраставшему в годы горбачевской «гласности» и отмены цензуры, трудно представить ту атмосферу психоза, которая нагнеталась в стране в августе 1968 г. В автобиографической книге «Бодался теленок с дубом» А. И. Солженицын так пишет об этом.

Считая наших не окончательными безумцами, я думал, они на оккупацию не пойдут. В ста метрах от моей дачи сутки за сутками лились по шоссе на юг танки, грузовики, спецмашины — я все считал, что наши только пугают, маневры. А они — вступили и успешно раздавили, значит, по понятиям XX века, оказались **правы**.

Эти дни — 21, 22 августа, были для меня ключевые. Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни все-таки выбираем мы сами. Свою судьбу я снова сам выбирал в эти дни.

Сердце хотело одного — написать коротко, видоизменить Герцена: **стыдно быть советским!** В этих трех словах — весь вывод из Чехословакии, да вывод из наших всех пятидесяти лет! Бумага сразу сложилась. Подошвы горели — бежать, ехать. И уже машину я заводил (ручкой).

Я так думал: разные знаменитости, вроде академика Капицы, вроде Шостаковича, ищут со мною встреч, приглашают к себе, ухаживают за мной, но мне даже и не почетна, а тошина эта салонная ласкотня — неглубокая, ни к чему не ведущая, пустой перевод времени. А ну-ка, на машине быстро их обведу — еще Леонтовича, а тот с Сахаровым близок (я с Сахаровым еще не был знаком в те дни), еще Ростроповича (он в прошлом году в Рязани вихрем налетел на меня, знакомясь, а со второго свидания звал к себе жить), да и к Твардовскому же, наконец, — и перед каждым положу свой трехфразовый текст, свой трехсловный вывод: **стыдно быть советским!** И — довольно юлить! — вот выбор вашей жизни — подписываете или нет?

А ну-ка, за семью такими подписями — да двинуть в Самиздат! через два дня по Би-Би-Си! — со всеми танками не хватит лязга у наших на зубах — влолостую пролязгают, осекутся!

Но с надрывом накручивая ручкой свой капризный «москвич», я ощутил физически, что не подниму эту семерку, не вытяну:

не подпишут они, не того воспитания, не того образа мыслей! Пленный гений Шостаковича замечется как раненый, заглопает согнутыми руками — не удержит пера в пальцах. Дialeктичный прагматик Капица вывернет как-нибудь так, что мы этим только Чехо-Словакии повредим, ну, и нашему отечеству, конечно; в крайнем случае и после ста исправлений, через месяц, можно написать на четырех страницах: «при всех успехах нашего социалистического строительства... однако, имеются теневые стороны... признавая истинность стремлений братской компартии к социализму...» — т. е., вообще душить можно, только братьев по социализму не следовало бы. И как-нибудь сходно думают и заглопочут искорежить мой текст остальные четверо. А уж этого — не подпишу я.

Зарычал мотор — а я не поехал.

Если подписывать такое — то одному. Честно и хорошо.

И — прекрасный момент потерять голову: сейчас, под танковый гул, они мне ее и срежут незаметно. От самой публикации «Ивана Денисовича» это — первый настоящий момент слизнуть меня за компанию, в общем шуме.

А у меня на руках — неоконченный «Круг», не говорю уже — **неначатый «Р-17»**.

Нет, такие взлеты отчаяния — я понимаю, я разделяю. В такой момент — я способен крикнуть! Но вот что: главный ли это крик? Крикнуть сейчас и на том сорваться, **такого ужаса я не видел за всю свою жизнь**. А я видел и знаю много хуже, весь «Архипелаг» из этого, о том же я не кричу? **все пятьдесят лет** из этого — а мы молчим? Крикнуть сейчас — это отречься от отечественной истории, помочь приукрасить ее. Надо горло побережь для главного крика. Уже недолго осталось. Вот начнут переводить «Архипелаг» на английский язык...

Оправдание трусости? Или разумные доводы?

Я — **смолчал**. С этого мига — добавочный груз на моих плечах. О Венгрии — я был никто, чтобы крикнуть. О Чехословакии — **смолчал**. Тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них **началось** с писательского съезда, а он — с моего письма, прочтенного Кого-утом.

И только одним сниму я с себя это пятно: если когда-нибудь опять же с меня **начнется** у нас в отечестве²⁶⁸.

И если от прямого противостояния советскому «дубу» укло-

нился матерый «антисоветский теленок», то что уж говорить про «официальных лиц»! Что было, то было; как сказали бы в Париже, «назвался шампиньоном — полезай в ридикюль». Когда руководимый А. Яковлевым журнал «Журналист» открыто поддержал Пражскую весну, в частности, в ее борьбе с цензурой, это ему даром не прошло. В ту пору один из советских литературных мракобесов прославился фразой, что, прежде чем в Прагу, танки надо было ввести в журнал Твардовского «Новый мир». Солженицын вспоминает о том, как повел себя в эти августовские дни редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский.

Верховоды СП (Союза писателей. — а. а.), чтобы шире и надежней перепачкать круг писателей, в эти дни прислали А. Т. подписать два письма: 1) об освобождении какого-то греческого писателя (излюбленный отвлекающий маневр) и 2) письмо чехословацким писателям: как им не стыдно защищать контрреволюцию? Твардовский ответил: первое — неуместно, от второго отказываюсь.

Отлистайте сто страниц назад — разве это прежний Твардовский?

Я ему, в сентябре: — Если это подлое письмо появится за безликой подписью «секретариат СП», можно ли рассказывать другим, что Вы туда не вошли?

Он, хохлясь: — Я не собираюсь делать из этого секрета.

(Три года назад: «нежелательная огласка»!..)

— Я глубоко рад, Александр Трифонович, что вы заняли такую позицию!

Он, с достоинством: — А какую я мог занять другую?

Да какую ж? ту самую... Ту самую, которую в этих же днях совсем некупаво, бессмысленно подписал «Новый мир»: горячо одобряем оккупацию! Гадко-казенные слова в соседних столбиках «Литературки» — одни и те же у «Октября» и «Нового мира»!..

Глазами чехов: значит, русские — все до одного палачи, если передовой журнал тоже одобряет...

Да, конечно, жали: не обычный секретариат СП, к которому уже привыкли, но райком партии (дело партийной важности!) звонил в «Новый мир» каждые два часа и требовал резолюцию. Замечешься! А Твардовского в редакции не было: он формально в отпуске. И Лакиши с Кондратовичем поехали к нему на дачу за согласием.

Твардовский уже распрямлял свою крутую спину, уже готовился — впервые в жизни! по такому важному вопросу! к необъявленному, молчаливому устоянию против верхов. С какой же задачей неслись к нему по шоссе его заместители? Какие доводы везли? Если бы к этому новому Твардовскому они приехали бы с горячим движением: «на миру и смерть красна, а может и выстоим гордо!» (и выстояли бы! — чувствую, вижу!) — решение состоялось бы мгновенно и ясно какое: плюс на плюс дает только плюс. Но если позиция Твардовского была плюс, это мы знаем, а умножение дало минус, то позиция Лакишина открывается нам алгебраически. Ясно, что, приехав, он сказал Твардовскому: «надо спасти журнал!».

Спасать журнал! Дать визу на публичную позорную резолюцию — и сосморкано на зелье собственное одинокое горделивое устояние главного редактора. Развезжались ноги — одна на земле, одна на плотике. Устоять душой — и сдаться публично!²⁶⁹

Но Твардовский вынужден был «прогнуться». Ведь в январе того же 1968 г. скончался давний автор «Нового мира» Валентин Овечкин (1904–1968). Его повесть «Районные будни» («Новый мир», сентябрь 1952 г.) предвещала ряд реформ хрущевского периода. В 1962 г., выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, он выступил перед избирателями с критикой нового культа личности, после чего его кандидатура была снята. Осенью он подал в ЦК записку с требованием колхозной реформы по югославскому образцу, за что и был помещен в психиатрическую лечебницу. Однако вскоре после того, как сообщение о заключении Овечкина в психушку было передано на Запад, власти отступили, и он был освобожден.

Продолжая еще числиться в редакции «Нового мира», Овечкин больше не печатался, особенно после того, как отказался написать очерк об успехах колхозников Калиновки (места рождения Хрущева). По непроверенным слухам, Овечкин вскоре после заключения в психиатрическую лечебницу пытался покончить жизнь самоубийством. Какой-то таинственностью покрыта и его кончина: в официальном некрологе не было даты смерти, а лишь дата похорон²⁷⁰.

...Александр Исаевич промолчал, чтобы не подставить под удар «Архипелаг ГУЛАГ». Александр Трифонович не промолчал, чтобы «спасти журнал». Владыка Никодим — чтобы не подставить под удар Церковь. И умалчивать об этом было бы неверно: ведь

эти заметки — попытка нарисовать портрет владыки, а не икону; жизнь, а не житие.

«Старая площадь» «ломала» не только Высокопреосвященнойшего, но и Святейшего. Из документов.

Д-ру И. ГРОМАДКЕ, ПРЕЗИДЕНТУ ХРИСТИАНСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Дорогой д-р Громадка, мы только что получили пресс-бюллетень Всемирного Совета Церквей № 31 от 29 августа 1968 года, в котором с удивлением прочли, со ссылкой на Немецкую Евангелическую Службу Печати, об остром протесте «против незаконного вторжения советских и других восточноевропейских войск в Чехословакию», который издал будто бы 21 августа «Секретариат Пражской Христианской Мирной Конференции». По имеющимся у нас сведениям, это заявление было сделано в Праге двумя работниками аппарата Христианской Мирной Конференции, не обладающими на это правами и не могущими представлять своими особами ни Христианскую Мирную Конференцию в целом, ни какой-либо орган этой Конференции, правомочный делать публичные заявления.

Это заявление уже 22 августа с.г. было опубликовано в Западной Германии и получило широкое распространение в международных церковных сферах.

Такой поступок сотрудников аппарата ХМК требует, по нашему мнению, осуждения со стороны руководства Конференции, ибо мы знаем, что и многие члены Христианской Мирной Конференции не разделяют точки зрения авторов упомянутого заявления.

В самом деле, неприложимо понятие «оккупация», которое употребляют авторы заявлений, в данном случае, когда армии пяти союзных с ЧССР стран защитили социалистический строй в Чехословакии, находившийся под угрозой, к чему привели разрушающие действия противосоциалистических сил. Мы убеждены, что временное вступление на территорию Чехословакии союзных с ЧССР войск предотвратило большое кровопролитие и, возможно, международный вооруженный конфликт.

Мы молимся о братском народе Социалистической Чехословакии и о всестороннем его развитии.

С неизменной братской к Вам во Христе любовью

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

г. Одесса, Успенский монастырь, 14 сентября 1968 года²⁷¹.

Собкор «Известий» в Праге Владлен Кривошеев после 1968 г. потерял работу: «Антисоветчик!» Отказался писать, что благодар-

ные чехи встречают нашу армию хлебом-солью. Вот его оценка тогдашней ситуации.

Ноябрьский пленум — «пражская осень». Какой она была? Танки к тому времени уже вышли из Праги. Развертывались гарнизоны. На низовом уровне (жизнь есть жизнь!) отношения налаживались: наши солдаты помогали чешским крестьянам, порой крутили романы с местными девушками. Доходило до свадеб... Дубчека и его соратников принудили к покаянию... Была боль, словно кто-то очень близкий, тот, кого всегда любил, уважал, вдруг ударил ножом в спину. Боюсь, это ощущение у чехов живо и ныне²⁷².

В то время митрополит Никодим был председателем Комитета продолжения работы Христианской мирной конференции (Прага), и при всем желании он не мог уклониться от изложения официальной точки зрения: «Московский Патриархат уполномочен заявить...»

Из определений Священного Синода от 28 ноября 1968 года. Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, вице-президента ХМК, о совместном заседании Рабочего комитета и Международного секретариата ХМК в Масси, близ Парижа, с 1 по 4 октября с.г.

Постановили. 1. Доклад принять к сведению. 2. Одобрить позицию представителей Московского Патриархата в ХМК, занятую ими при обсуждении участниками заседания событий в Чехословакии. 3. Указать представителям Московского патриархата в Христианской мирной конференции на необходимость и в будущем столь же принципиально отстаивать реалистическую позицию в вопросах сохранения мира в Европе и во всем мире²⁷³.

Есть присловье: «Глас народа — глас Божий». Вспомним, что говорили в то время «на кухне».

— Приснился танк. К чему бы это?

— К другу.

— Что такое наручники?

— Узы дружбы.

— Что такое танк?

— Карета скорой помощи.

— Какая страна самая нейтральная в мире?

— Чехословакия. Она теперь не вмешивается даже в свои внутренние дела.

После 21-го августа 1968 г. президент Свобода переименовал свою фамилию на Осознанная Необходимость.

Новая реклама Интуриста: «Приезжайте в СССР, пока он не приехал к вам!»

Офицерские жены:

— Ты где отдыхала?

— В Карловых Варах.

— Я тоже собираюсь туда, но наш танк сломался.

— Какая страна самая большая в мире?

— Чехословакия. Вот уже год, как советские войска уходят из нее, а не могут дойти до границы...

На политзанятиях в чехословацкой армии офицер спрашивает рядового, что тому известно об империалистах.

— Империалисты всегда хотели завоевать нашу родину!

— Правильно. Что вы еще можете сказать?

— Но Советский Союз их опередил!

— Откуда чехи знают, что земля круглая?

— В 1945 г. они прогнали оккупантов на запад, а в 1968 г. они вернулись с востока.

Христианская мирная конференция

В те годы в Праге располагалась штаб-квартира Христианской Мирной Конференции (ХМК). Это была хитрая контора, учрежденная вроде бы прогрессивной христианской общественностью, вроде бы независимо от Москвы (так было удобнее). Владыка Никодим принимал участие в работе ХМК с 1960 г.

Общественные организации (по-западному их называют неправительственными — non-government organisation, NGO) бывают разные. Некоторые специально создавались «органами» и «инстанциями», чтобы с их помощью проводить в жизнь «интересы государства». Для таких возникло название «гонго» (GONGO, Government Organised Non-Government Organisation — «организованная правительством неправительственная организация»). Одни из них «боролись за мир во всем мире», другие — на конкретных направлениях: с сионизмом или со злыми измышлениями о психиатрических репрессиях.

Через «братские страны» осуществлялась перекачка денег из Москвы на Запад с помощью международных представительств в Будапеште, Берлине и особенно Праге. В Праге располагалась

еще одна хитрая контора: редакция журнала «Проблемы мира и социализма». Редакция и издательство при нем превратились в настоящий почтовый ящик для операций по финансовому трансферту. Сколько миллионов долларов ушло в чемоданчиках-дипломатах через пражские гостиницы и карловарские санатории на финансирование пропагандистских программ, развертываемых западными коммунистическими партиями!

Любой, кто приезжал в начале восьмидесятых годов в Париж, мог стать свидетелем «запуска» во французских книжных магазинах очередного творения теоретиков «развитого социализма». За сборником статей Брежнева, выпущенным в престижном парижском издательстве, следовал сборник Суслова, за Сусловым — Андропов, Пономарев, Гришин, Черненко. Сколько инвалютных рублей все это обходилось советским налогоплательщикам?²⁷⁴

На IV Всехристианских мирных конгрессах владыка Никодим возглавлял делегации Русской православной Церкви. Митрополит Никодим был последовательно членом Рабочего комитета ХМК, вице-президентом, председателем коллегии вице-президентов, председателем Комитета продолжения работы ХМК и, наконец, на IV Всехристианском мирном конгрессе в октябре 1971 г. был избран президентом ХМК. На V-м ВМК в июне 1978 г. митрополит Никодим был избран почетным президентом ХМК.

Особенно тяжело пришлось миротворцам после 1968 г., когда они должны были оправдываться перед всем миром за ввод советских танков в Чехословакию. Ряд западных церковных деятелей в знак протеста вышел из ХМК, но оставшиеся «еще теснее сплотили свои ряды вокруг ЦК с его закрытым распределителем». Там подвизались колоритные личности: чего только стоят фамилии чешских протестантских «лидеров»: Собокупова, Бардакова...

После ввода «братских танков» в Чехословакию из ХМК вышел ряд «левых западников»; советскую агрессию осудили такие «друзья страны Советов», как певец Ив Монтан, писатель и философ Жан-Поль Сартр (1905–1980) и другие.

Сартр защищал Сталина, Мао, Кастро, Че Гевару, Хрущева, Тито, Пол Пота, террористическую организацию Rote Armee Fraktion в Германии. Он демонстративно приехал в тюрьму для особо опасных преступников, чтобы повидаться с Андреасом Баадером, одним из лидеров рафовцев.

Посещая Советский Союз, Кубу, Китай, Югославию, Сартр, обладатель острого аналитического ума, с удивительной легко-

стью попадался на пропагандистскую удочку. «В СССР можно критиковать кого угодно, — убежденно говорил он в 1954 г. «Если кто-нибудь еще раз дерзнет сказать мне, что в Советском Союзе преследуют верующих или что религия там вообще вне закона, я дам этому человеку по морде».

Он расхваливал пяти- и девятиэтажки, спешно возведенные на окраинах Москвы, и советовал своим соотечественникам брать пример с советской столицы. Увы, пригороды Парижа застраивались именно таким образом, что вело порой к тяжким социальным последствиям, например к возникновению районов, густо населенных преступным элементом.

В Литве один советский журналист спросил Сартра, как он расценивает заявление Вашингтона о том, что прибалты в Советском Союзе угнетаются. «Я не встретил там рабов, — ответил Сартр, — люди производят радостное впечатление». Однако это не помешало КГБ прикрепить к видному идейному попутчику в качестве гида молодую женщину, которая без труда соблазнила его и писала о нем донесения, потрясавшие своей доскональностью. С коммунизмом в советском варианте Сартр, понимаете, все же порвал: окончательно в 1968 г., после удара кнутом по Пражской весне²⁷⁵.

Лубянка и Старая площадь плотно «курировали» работу ХМК. Так, в октябре 1968 г. «для контрразведывательного обеспечения работы Христианской мирной конференции и проведения агентурно-оперативных мероприятий совместно с друзьями (НРБ, ВНР, ГДР, Куба, ЧССР) в ГДР... маршрутировались (жаргон-то какой! — а. а.) 12 агентов органов госбезопасности. В ходе мероприятий не допущены невыгодные кадровые изменения, приняты политически выгодные итоговые документы и поправки к Уставу»²⁷⁶.

Впрочем, агентов госбезопасности (безпеки) хватало и в Праге. В 1969 г. в США перебежали два высоких чина из чехословацкой разведки. Чехословацкие перебежчики были «солидниками». Джозеф Фролик курировал Британию в пражской разведке с 1960 по 1964 г., потом служил резидентом в Лондоне. Франтишек Аугуст тоже трудился в чехословацком посольстве на берегах Темзы — под «крышей» консула. Именно Аугуст, как он сам признался, завербовал члена британского правительства Джона Стоунхауза, подолгу гуляя с ним в чехословацких парках (министра пригласили на отдых в Прагу).

В истории Соединенного Королевства такого еще не было.

Чтобы в «святая святых» — в самом правительстве — зарылся «крот» из КГБ! Во второй половине 1960-х годов Джон Стоунхауз занимал кресло министра — вначале авиации, а затем почты и телекоммуникаций. Тогдашний премьер-министр Гарольд Вильсон считал его крепким профессионалом и вообще своей надеждой и опорой.

Будучи министром авиации, Стоунхауз отвечал помимо самолетов в немалой степени за оружие для них, а также за тогдашнее «небесное чудо» — сверхзвуковой пассажирский лайнер «Конкорд». А в кресле министра телекоммуникаций контролировал департамент, который занимался прослушиванием телефонных разговоров, перлюстрацией почты. И тесно контактировал со сверхсекретным агентством по радиотехнической и радиолокационной разведке, чья штаб-квартира по сей день расположена в местечке Челтенхэм.

Вербовку осуществили по заданию и на деньги КГБ, ведь Чехословакия была сателлитом СССР, находилась под его жестким контролем. Таких шпионов называли «агентами советского блока», и некоторых удалось раскрыть. Стоунхауз был для Москвы гораздо важнее, чем подавляющее большинство других шпионов. Он не только входил в правительство, но и имел доступ к самым сокровенным тайнам Соединенного Королевства, которые, без сомнения, чрезвычайно интересовали СССР.

Министр ушел в отставку лишь после всеобщих выборов в 1970 г. До этого Вильсон ограничивал его только в одном — не пускал в Чехословакию. Отбыв в США, Стоунхауз имитировал там свою гибель — якобы утонул в океане. Однако вскоре «возродился» с новыми документами в Австралии, где в середине семидесятых его арестовали. Но — за финансовые преступления, а не за шпионаж²⁷⁷.

... После 1968 г. над Восточной Европой сгустились тучи сталинизма. Правда, раздавались голоса протеста: «Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, — значит установить нечто новое, установить уважение к доносам, пыткам и казням». Но кто это мог тогда услышать?

Перед ХМК стояла задача создавать в мире имидж Советского Союза как государства миролюбивого, а для кого это было важно, также и «хриstopослушного». Это митрополит Никодим не мог не понимать. Но вместе с тем его участие в этих чисто политических мероприятиях придавало им действительно христианскую

окраску. «В свое время была создана т. н. Христианская мирная конференция (ХМК), учреждение исключительно политизированное, имевшее целью поддержать международную политику СССР и его союзников по социалистическому лагерю, — пишет протоиерей Владимир Мустафин. — Митрополит Никодим активно участвовал в ХМК, был даже одним из ее организаторов и руководителей. Но совершенно ясно, что никакого искреннего интереса к советской политике “установления мира во всем мире” у него не было, как не было этого интереса у всякого мало-мальски серьезного человека (включая и самих руководителей и пропагандистов этой политики)»²⁷⁸.

С годами владыке Никодиму все труднее было осуществлять руководство этим движением, и он остался лишь на посту почетного президента ХМК. А в руководящие структуры ХМК был внедрен тогдашний митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко, он же «Антонов»). Эту агентурную кличку можно обнаружить в отчетах КГБ еще 1967 г., в которых, в частности сказано, что «Антонов» вместе с другими агентами, будучи на заседаниях исполкома и Центрального комитета Всемирного совета Церквей, в пику западным Церквам «требовал обсуждения положения негров в США»²⁷⁹. И теперь этот старый, проверенный и опытный кадр был брошен на фронт борьбы за мир: надувать щеки в президиуме ХМК.

Вот выдержка из отчета, который начальник четвертого отдела полковник В. Тимошевский направил руководству КГБ СССР. Год 1985-й: «В ВНР на заседании рабочего комитета ХМК (Международная религиозная организация “Христианская мирная конференция”) направлены агенты “Антонов”, “Кузнецов”, “Вадим”, “Прохоров” с заданием осуществить подготовку 6-го конгресса ХМК в приемлемом для нас плане. Решением рабочего комитета определен состав ряда руководящих органов, куда будет продвинута наша агентура»²⁸⁰.

Но вся эта мышиная возня продолжалась уже после кончины владыки Никодима. Через 20 лет после Пражской весны в одной лишь Чехословакии стояло больше советских дивизий, чем США имели во всей Европе; в ГДР было размещено больше советских дивизий, чем их было во всей американской армии; на Кольском полуострове против трех норвежских легких пехотных батальонов были выдвинуты три советские дивизии, флот и дивизия морской пехоты²⁸¹.

В недолгий период горбачевского правления начали «сыпаться» восточноевропейские режимы. Предчувствуя это, «пражские миротворцы» разбегались, как крысы с тонущего ХМК-овского корабля, попутно «приватизируя» миротворческие фонды. О том, как разворачивалась собственность ХМК, мог бы поведать Филарет (Денисенко) (на Украине его нынче кличут «Филя-анафема»), но тайну сию он унесет с собой в могилу: закон мафии — омерта (обет молчания).

Мог ли владыка Никодим предположить, что в декабре 1989 г. КПСС и КПЧ дадут тождественную оценку вводу войск пяти государств Варшавского договора на территорию Чехословакии в 1968 г.? («Эта акция явилась вмешательством во внутренние дела ЧССР, несовместимым с нормами отношений между суверенными государствами»). Что в конце 1980-х — начале 1990-х годов в Чехословакии произойдет «бархатная революция» («глазик за глазик, зубик за зубик») и главой государства станет бывший политзаключенный Вацлав Гавел? Что в Прагу из Мюнхена переберется радиостанция «Свобода»?

Милослав Петрусек, декан факультета политических наук Карлова университета, президент Чешского социологического общества, опубликовал интересное исследование самиздата в Чехословакии. В 1969–1989 гг. в самиздате в ЧССР выходило более 80 журналов (средний тираж 132 экземпляра), было напечатано несколько сотен литературных произведений. Изданием и распространением занималось 5% населения страны. С властями существовал негласный уговор. «Тоталитарный режим» требовал лишь соблюдения некоторых условных формальностей. Например, писать на титульном листе: «Для друзей размножил в количестве 7 экземпляров Вацлав Гавел». А за печатание тиража журнала Гавел уже не отвечал.

Самиздат создал его авторам политическую рекламу, что сказалось в «бархатную революцию» 1989 г. — интеллектуалы, вовлеченные в самиздат, сразу заняли важные государственные посты»²⁸².

...15 июля 1992 г. в пражскую резиденцию Вацлава Гавела позвонил Борис Ельцин. Российский президент сообщил, что в архивах КПСС обнаружены документы чрезвычайной важности, проливающие свет на августовские события 1968 г. На следующий же день в Прагу прибыл специальный представитель Ельцина и пе-

редал их Вацлаву Гавелу. Среди них оказалось и так называемое «пригласительное письмо».

Речь идет о письме, существование которого его авторы отрицали с самого августа 1968-го и на которое, в свою очередь, ссылались инициаторы вторжения во главе с Брежневым (но письма не публиковали). Поскольку письмо оставалось неизвестным и не нашлось ни в каких подборках документов, переданных новому руководству Чехословакии сначала Горбачевым и уже потом — Ельциным, очень многие считали этот документ мифическим. Оказалось, однако, что это не так.

На это письмо ссылался Леонид Брежнев на встрече пяти руководителей стран Варшавского Договора в Москве 18 августа 1968 г., не упоминая, правда, имен авторов. Тогда же было предложено использовать письмо в качестве политического обоснования агрессии. Ульбрихт, Гомулка, Живков и Кадар согласились.

— Почему советские войска так долго находятся в Чехословакии?

— Они до сих пор ищут того, кто позвал их на помощь.

«Максимальное засекречивание» было обеспечено хорошо (письмо хранилось в конверте с надписью: «Не вскрывать»). Письмо было передано Брежневу, по-видимому, 3 августа в Братиславе (есть свидетельство Шелеста о том, что Васил Биляк передал ему это письмо для Брежнева тайком, в туалете), затем было прочитано на коммунистической встрече в верхах 18 августа в Москве и стало формальным обоснованием вторжения.

16 июля 1992 г. Вацлав Гавел прочитал на пресс-конференции чешский перевод «письма-приглашения». Вот текст письма, — образец советской «туалетной дипломатии». Оно написано по-русски — приводим его дословно, не исправляя ошибок.

Уважаемый Леонид Ильич, с сознанием полной ответственности за наше решение обращаемся к Вам со следующим нашим заявлением.

Наш по существу здоровый послеянварский процесс, исправление ошибок и недостатков прошлого, и общее политическое руководство обществом постепенно вырывается из рук центрального комитета партии. Печать, радио и телевидение, которые практически находятся в руках правых сил, настолько повлияли на общественное мнение, что в политической жизни страны сейчас без сопротивления общественности начинают принимать участие элементы враждебные партии. Они развивают волну на-

ционализма и шовинизма, вызывают антикоммунистический и антисоветский психоз.

Наш коллектив — руководство партии — совершил ряд ошибок. Мы не смогли правильно защитить и провести в жизнь марксистско-ленинские нормы партийной жизни, и, прежде всего принципы демократического централизма. Руководство партии уже не способно в дальнейшем успешно защищаться перед атаками на социализм, не способно организовать против правых сил ни идеологического, ни политического отпора. Само существо социализма в нашей стране стоит под угрозой.

Политические средства и средства государственной мощи в нашей стране в настоящее время уже в значительной степени парализованы. Правые силы создали благоприятные условия для контрреволюционного переворота.

В такой сложной обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь всеми средствами, которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозной опасности контрреволюции.

Мы сознаем, что для КПСС и СССР этот последний шаг для защиты социализма в ЧССР бы не был легким. Поэтому мы будем изо всех своих сил бороться собственными средствами. Но в случае, если бы наши силы и возможности были исчерпаны или если бы не принесли политических результатов, то считайте это наше заявление за настойчивую просьбу и требование ваших действий и всесторонней помощи.

В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране, просим вас максимальное засекречивание этого нашего заявления, по этой причине пишем его прямо лично для Вас на русском языке²⁸³.

Сегодня имена «подписантов» хорошо известны — Алоис Индра, Драгомир Колдер, Антонин Капек, Олдржих Швестка и Васил Биляк. После того, как Вацлав Гавел передал фотокопию оригинала письма генеральному прокурору ЧСФР, репортеры разыскали Васи́ла Биляка.

Василу Биляку, единственному здравствовавшему автору письма, которое дало в 1968 г. повод для оккупации Чехословакии войсками Варшавского Договора, грозил судебный процесс. «Ничего не подписывал, ничего не знаю, подпись — подделка», — заявил он журналистам. Конверт передавал, но что в нем было, не ведал.

Билияку грозил 10-летний срок тюрьмы за «преступление против мира»: авторы письма могли спровоцировать широкомасштабную войну.

Тогдашний прокурор генеральной прокуратуры ЧСФР Владимир Неханицкий считал, что Билияку не избежать возмездия. Правда, следствию предстояло доказать подлинность подписи. Состояние здоровья 75-летнего Билияка могло стать препятствием для привлечения его к суду²⁸⁴. Такова была расплата за интервенцию...

Всего этого владыка Никодим не знал; он не мог также предположить, что в начале XXI столетия Чехия вступит в НАТО. И что «чехов» (чеченских боевиков) «федералы» будут «мочить» не в Праге, а в Грозном, как до этого «воины-интернационалисты» «гасили» «духов» (душманов) в Афганистане.

А как же с десятками статей и докладов по «текущему моменту», прочитанных владыкой на заседаниях ХМК и разом утративших свою актуальность? Утешает лишь одно: эти тексты готовили сотрудники ОВЦС, и владыка мог сберегать свои силы для более важных дел.

Конец 1970-х годов. Беседуют два пожилых актера.

— Да! Сколько мы с тобой дерьма переиграли!

— Не дерьма, а нужного в свое время драматургического материала!

Как-то, вернувшись из очередной миротворческой поездки, владыка служил всенощную в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Мститые протоиереи, стоявшие в алтаре, о чем-то оживленно переговаривались. Начинается шестопсалмие; раскрываю архиерейский молитвослов, а святитель, подойдя к беседующим, назидательно изрекает: «Отцы! Здесь вам не британский парламент!» А потом, вынув очечник из кармана подрясника, подбрасывает застрявшую в нем чешскую крону: «Все, что осталось от Праги!».

По словам архиепископа Брюссельского Василия, митрополит Никодим никогда не навязывал просоветской линии зарубежным архипастырям Московского патриархата. «Раз только он мне сказал: “Вот Вы все критикуете Пражскую христианскую конференцию (ХМК, или ХМЫК, как он иронически ее сам называл в последние годы своей жизни. Но когда я ее так ему называл, он встревожился: “Откуда Вы это знаете? Кто Вам это сказал?”). Вы бы вошли в нее и действовали в ней, как считаете правильным. А то

Вы критикуете извне”. “Владыко, — ответил я, — боюсь, что если бы я так сделал, это не пошло бы на благо Русской Церкви”. Митрополит Никодим промолчал»²⁸⁵.

Любопытный эпизод содержится в «воспоминаниях семинариста», каким в середине 1970-х годов был Юрий Рубан: «Помнится, мне пришлось сетовать на “неразумное” использование людей, выдающих явные способности к научным занятиям. Часто бывало, что человек, оставленный по окончании Духовной Академии “профессорским стипендиатом” для подготовки к преподавательской деятельности, очень скоро начинал надолго исчезать, а то и исчезал навсегда. Он ездил по всему миру и выступал с докладами на бесконечных тогда конференциях по проблемам “миротворчества”, “разоружения” или чего-то аналогичного, явно не имеющего отношения к церковной науке, или же назначался представителем во Всемирный Совет Церквей. Это означало начало карьеры “церковного политика”, но полный крах так и не начавшейся карьеры преподавателя и ученого богослова.

Выслушав, владыка кивнул головой, как бы в знак согласия, затем немного помолчал и, наклонившись ко мне, доверительно шепнул: “Знаешь, брат Георгий, если бы они там не ездили и не выступали, мы бы с тобой здесь не сидели и не говорили”. Мне стало стыдно, и к этой теме мы больше не возвращались»²⁸⁶.

... Генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии Милош Якеш, сброшенный «бархатной революцией» 1989 г., обосновался на прежнем месте жительства — в квартире престижного пражского района Ханспаулка. Средства на существование Милош черпает из небольшой пенсии и хороших гонораров за публикацию мемуаров. Против него было предпринято два судебных процесса — «о свержении законной власти в 1968 г.» и «попытке подавления народных выступлений в 1989 г.» — на обоих Милош был оправдан, так как действовал «согласно Конституции». Якешу уже за 80; он переписывается по Интернету с друзьями из Чили и регулярно получает приглашения поправить здоровье на кубинском курорте. Жизнью своей он вполне доволен²⁸⁷.

... Летом 2000 г. лондонский аукционный дом Сотби выставил, что называется, тяжеловесов. Самым крупномасштабным — в прямом смысле этого слова — лотом стал Владимир Ленин высотой 3,3 метра. С 1955 г. бронзовый монумент стоял на центральной площади чешского города Горколов. Однако в 1989 г. в результате «бархатной революции» Владимир Ильич «сменил прописку»,

а затем был приобретен американским антикваром²⁸⁸. А в 1968 г. «чеки гибли за металл»...

Миротворческие конгрессы

Одна из немногих сфер деятельности, где Церковь была «полезна» атеистическим властям, было ее участие в Фонде мира и в «борьбе за мир во всем мире». О том, как это было на самом деле, рассказывает митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев): «Большая часть церковных денег переводилась на счет так называемого Фонда мира». Возможно, этот Фонд действительно делал какие-то добрые дела и его материальные ресурсы следовало пополнять (разумеется, на добровольной основе). Но в те времена декларировавшаяся властями необходимость ежемесячных взносов в Фонд мира на поверку оборачивалась изощренным способом ограбления Церкви, тогда как многие храмы стояли с прохудившимися крышами. Бесценные памятники архитектуры медленно умирали, но государство не позволяло Церкви отреставрировать их за ее собственные деньги»²⁸⁹.

Первый инфаркт случился у владыки в 1972 г., а второй последовал незадолго до проведения межрелигиозного миротворческого конгресса в Москве (октябрь 1973 г.). Прикованный недугом к постели, он поручил возглавить форум от Русской православной Церкви своему ближайшему сподвижнику — владыке Ювеналию (Пояркову). Сам он лишь мог смотреть по телевизору фрагменты заседаний, транслировавшиеся в вечерних новостях. С грустью в голосе он говорил: «Ведь я “срежиссировал” этот форум, определял порядок рассадки президиума, порядок чтения докладов...» Многие при подготовке пришлось «замкнуть на себя», и вот случилось «короткое замыкание» на сердце...

В 1972 г. после перенесенного инфаркта митрополит Никодим подал прошение Святейшему Патриарху и Святейшему синоду об освобождении его от должности председателя ОВЦС. Эта просьба владыки была удовлетворена. Однако он продолжал труды на посту председателя Комиссии Святейшего синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений.

Рассказывает архиепископ Брюссельский Василий.

Об отставке владыки Никодима от должности председателя «инострального» Отдела я впервые узнал от него в Брюсселе в июне 1973 г., куда он приезжал на какую-то «общественную

конференцию по безопасности в Европе»; что любопытно: он был в составе делегации не по церковной линии. Я не спрашивал владыку Никодима, что там обсуждалось, все равно ничего не изменишь, только расстроишься. Но и он меня ни к чему не привлекал. Итак, почти первое, что он мне сказал на аэровокзале, где я его встречал, было то, что он больше не во главе «инострального» Отдела. «Но, — начал он объяснять с какой-то даже наивностью, — это не нужно понимать, будто бы меня «понижили», нет, только перераспределили работу, а я все равно буду стоять во главе». «Кому же писать по делам?» — спросил я его. «Митрополиту Ювеналию, а в случае чего важного — мне», — был ответ»²⁹⁰.

И хотя после «первого звонка» владыка должен был снять с себя часть «миротворческой» нагрузки, ХМК все же «достала» его: в октябре 1975 г., во время заседания рабочего комитета ХМК в Бад-Саарове (ГДР), святитель перенес пятый инфаркт. И где теперь те важные резолюции, и где теперь ГДР? И где ее высшее руководство?

...Весна 1989 г. Истекают последние месяцы «эпохи стены». Иду вдоль берега Шпрее. Посреди реки — сторожевая вышка, стоящая на бетонном островке. Гэдээровский пограничник зорко следит за вверенной ему зоной. Автоматная очередь поразит любого, кто попытается пересечь границу. Будет ликвидирован даже «голубь мира», — а вдруг он почтовый? В «Музее стены» у Чек-пойнт-Чарли только что довелось увидеть образцы гэдээровских подводных заграждений. Невидимые взору, они идут вдоль фарватера реки в пределах Большого Берлина. Аквалангист, избравший свободу, сможет доплыть только до середины Шпрее, и его свобода закончится вместе с жизнью. Течение прижмет пловца к решетке, усеянной шипами, и незадачливый «Ив Кусто» наткнется на один из них в кромешной тьме. Сделанные по принципу рыболовных крючков, они неохотно отдают свою добычу.

А вот что рассказал мне местный лютеранский пастор Гердт Веттиг. Подготавливая 4-стороннее соглашение по Берлину, тогдашние союзники не задумывались о мелочах. Так, чья-то пьяная рука провела границу кое-как: не по фарватеру Шпрее, а по береговой линии. И получилось так, что ступив в воду у своего берега, житель Западного Берлина нарушал границу. А у пограничника инструкции. «Зафиксировав объект», он не должен размышлять: то ли это пловец-«осси» все-таки добрался до свободно-

го берега, то ли подгулявший «весси» решил покуражиться. У него приказ: стрелять на поражение. И стреляли. И поражали.

Играет ребенок на берегу, срывается и падает в воду. Мать бросается за ним и получает с вышки «контрольный выстрел в голову» (второй — вверх, предупредительный). После нескольких «инцидентов» такого рода высокие договаривающиеся стороны достигли консенсуса. И вдоль набережной Шпрее через каждые 300–500 метров были установлены тумбы с «мигалками». Отныне, прежде чем спасатель ринется в воду, он должен добежать до стояка, разбить стекло, нажать на красную кнопку. Если завоет сирена и заработает «проблесковый маяк», то только тогда пограничник на вышке не станет досылать патрон в ствол.

«Жертвы стены» и «жертвы реки» тяжким грузом легли на совесть кремлевских старцев, советской марионетки Хонеккера и долголетнего шефа «штази» Мильке. После падения стены «дедушку Хо» по-воровски вывезли в Москву с одного из аэродромов ЗГВ, неподконтрольных властям ФРГ. А Мильке загремел на нары как «убийца за письменным столом». Ведь инструкции «стрелять на поражение» выходили за его подписью. Оказавшись за решеткой, он стал симулировать старческое слабоумие и попросил принести ему в камеру плюшевых медвежат. Sic transit gloria mundi...

Август 1992 г. Бывшему руководителю ГДР предъявлено 800-страничное обвинение и он приступил к его изучению. Ожидать суда Хонеккер будет в белоснежно выкрашенной камере в больничном отделении следственного изолятора. Почти шесть десятилетий назад Хонеккеру уже пришлось отсидеть в тюрьме Моабит полтора года, прежде чем молодого коммуниста отправили с десятилетним сроком в тюрьму Бранденбург-Герден.

Хонеккер будет получать от германских властей небольшую — марок 700–800 — пенсию. Юридическим основанием для ее выплаты являются взносы молодого Эриха в фонд социального страхования в бытность свою кровельщиком и партийным функционером в первые послевоенные годы до образования ГДР. Проверкой установлено: взносы в пенсионную страховку Хонеккер платил регулярно.

По данным телефонного экспресс-опроса, проведенного среди 5000 берлинцев, две трети из них убеждены, что Хонеккер несет личную ответственность за происходившее в ГДР, и посему должен быть осужден. 67,1% опрошенных считают его виновным в том, в чем он официально обвиняется: в убийстве 49 человек и

в 25 покушениях на убийство, совершенных погранвойсками ГДР согласно его приказу стрелять в перебежчиков. 18,6% действия Хонеккера оправдывают. 51,9% уверены, что осуждение Хонеккера поможет справедливой оценке прошлого Восточной Германии²⁹¹.

Февраль 2004 г. Семья свергнутого в 1989 г. бессменного правителя ГДР (с 1971-го) Эриха Хонеккера практически в полном составе переехала в Чили. В 1992-м туда уехала его дочь Соня вместе со своим мужем, чилийским эмигрантом Фердинандом Янесом, чуть позже к ним присоединились жена Хонеккера Маргот и сам Эрих — будучи уже серьезно болен раком печени.

Бывший лидер ГДР умер в 1994 г., и с тех пор его семейство покидало Чили лишь для поездок на Кубу. В кубинских закрытых клиниках дважды лечился от кокаиновой зависимости внук Хонеккера — 27-летний Роберто, а Маргот прошла успешный курс избавления от рака. Отношения с Фиделем Кастро у нее по-прежнему прекрасные, и тот каждый год приглашает семью экс-главы ГДР бесплатно отдыхать на лучшем курорте острова — Варадеро.

75-летняя вдова Хонеккера не дает интервью, хотя германские телевизионщики сутками дежурят напротив ее виллы в пригороде Сантьяго — Ла-Рейна. Иногда они выводят бабушку Маргот из себя, и она обливает журналистов водой: обычно же у входа в домик (примерная цена которого \$300.000) дежурят телохранители. До последнего времени имелось лишь одно фото Маргот в изгнании — год назад она предстала перед фотокамерами в Национальной библиотеке Сантьяго, на презентации совместной с лидером чилийских коммунистов Луисом Корваланом книги «Другая Германия», мгновенно ставшей бестселлером на ее родине.

Экс-министр образования ГДР фрау Хонеккер получает убогую пенсию в 300 евро: от властей Германии она берет лишь деньги, не покупая ничего немецкого в супермаркетах и отказываясь лечиться немецкими лекарствами. Несмотря на многочисленные приглашения, на родину Маргот ехать не хочет, пока ей не будут принесены официальные извинения за «преследование ее семьи» — как она заявила, «ее тошнит от Германии в современном виде». Урна с прахом умершего мужа всегда рядом с ней — пепел Хонеккера хранят в комнате, соседней со спальней Маргот²⁹².

Митрополит Никодим был председателем комиссии по подготовке и проведению празднования 60-летия восстановления Патри-

аршества в Русской православной Церкви (1977 г.). И он же председательствовал на торжественном заседании, посвященном этому знаменательному юбилею. Это было последнее участие владыки в праздновании выдающихся событий Русской православной Церкви.

Долгие годы председателем Ленинградского (Санкт-Петербургского) комитета защиты мира был известный поэт-фронтовик М. А. Дудин. Однажды, в канун Дня Победы, он был приглашен на торжественный акт в Ленинградскую духовную академию. Михаил Александрович оставался в этой должности до конца своих дней. И чувствовалось, что роль «свадебного генерала» его тяготила. Свое слово, обращенное к студентам и преподавателям ЛДА, он произнес «на автопилоте», как делал это сотни раз в разных учреждениях. Запомнилось часто звучавшее клише: «обвалный грохот войны».

Свои симпатии к Церкви в те годы нельзя было демонстрировать даже в стенах Духовной академии. (Это уже после 1991 г. в алтаре академического храма иногда присутствовал за богослужениями народный артист Евгений Лебедев, служивший в БДТ.) Зато неприязнь к мертвящей советской идеологии могла находить выход. Михаил Александрович любил юморной народный фольклор, неподцензурные частушки, которых знал множество, да и сам время от времени сочинял так, что его строки уходили в тот же самый фольклор, теряя законное его, дудинское, авторство. Сохранилось множество его язвительных эпиграмм. Например, написал он о Мариэтте Шагинян, которая много писала о рабочем классе, заводах и электростанциях, в молодые годы была знакома с Лениным и вхожа в семью «вождя мирового пролетариата». Была она маленькая полная старушка, оснащенная слуховым аппаратом, что и отразил поэт в своем шуточном четверостишии:

Железная старуха,
Товарищ Шагинян,
Искусственное ухо
Рабочих и крестьян.

Вот дневниковая запись одного из друзей Дудина: «Январь 1994 г. Рождественский сочельник. Из Питера привезли тело Михаила Александровича Дудина. Тихо и скромно его отпели в Преображенском соборе. А потом так же тихо и скромно, без помпы предали земле в селе Вязовское, рядом с его мамой. Вернулся до-

мой! В родную провинцию». Одну из своих последних книг Михаил Александрович назвал символично — «Дорогой крови по дороге к Богу».

В те годы брежневское Политбюро вело психологическую войну против населения Западной Европы. Смысл этой войны — без всякого риска запугать европейцев своими ядерными ракетами и вызвать в Западной Европе массовую истерию. В этом и состояла в первую очередь цель установки советских ракет «СС-20», нацеленных на Западную Европу. Показательно, что первые «СС-20» были установлены в 1975 г., в апогее разрядки, почти сразу же после торжественного подписания Брежневым заключительного акта конференции в Хельсинки. Целью такой операции было вызвать шок среди задремавших в сладостной разрядке европейцев и свергнуть их в панический страх. Затея удалась. На волне страха в Западной Европе поднялось движение «за мир», а по плану Москвы — за капитуляцию²⁹³.

«Неправда, что я или кто-либо другой в Германии хотел войны в 1939 году, — писал Гитлер в своем политическом завещании. — Я внес слишком много предложений по ограничению вооружений и контролю над ними»²⁹⁴. Очередной Нюрнбергский съезд НСДАП, запланированный на 1939-й год, по иронии судьбы был назван «Съездом мира». Но он не состоялся ввиду нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны»²⁹⁵.

В ответ Запад стал устанавливать «Першинги», и мир стал «заложенным компьютеров». Ведь подлетное время до цели — всего пять минут, и именно компьютер «решает»: то ли это ракеты противника, то ли стая гусей. А если «системный сбой»? Но кремлевские старцы, с их «застреванием акцентуации личности» (в просторечии — «упертость»), не желали давать задний ход. Помню, на лекции в актовом зале ЛДА докладчик из общества «Знание» восклицал: «У советских людей крепкие нервы, товарищи!».

Впрочем, кое у кого нервы сдали... Однажды в студеную зимнюю пору отец одного семейства вдруг понял, что вот-вот начнется война. Единственный способ избежать гибели — забраться под стол и окружить себя водной преградой. Он открыл это своим близким. И вскоре жена, муж, взрослые дети стали проводить большую часть времени под столом, поставив вокруг себя тазики, тарелки, банки с водой. И так неделями. Хорошо, что соседи это заметили. Все семейство попало в больницу. Оказалось, что у его главы психическое расстройство. Домочадцы же

были здоровы, но стали жертвами так называемой «наведенной шизофрении». Случай этот описан в медицинской литературе. И все это из-за милитаризма советского, довел-таки он беднягу. Но глава этой семьи только ближним открыл тайну. Он ни на Шаболовке не работал, ни в Останкино. Не было у него возможности транслировать свои мысли на десятки и сотни тысяч зрителей. А то сколько воды было бы залито! Сколько тазиков, тарелок и банок раскуплено!

«Взявшие от жизни все» члены Политбюро словно повторяли слова бесноватого фюрера: «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что содрогнется весь мир!» (апрель 1945 г.).

«Вельтмахт одер нидерганг» («Мировое господство или крах») — лозунг, которым Гитлер оправдывал собственную агрессивную политику. Если мировое господство недостижимо, говорил он, то он, как Самсон в Газе, предпочитает умереть в катастрофе. «Если мы будем не в состоянии покорить мир, — заявил Гитлер в 1934 году, — мы должны втянуть полмира в уничтожение вместе с собой»²⁹⁶. «Жертвы будут огромны... Нам придется отказаться от многого из того, что было ценным для нас и сегодня кажется невозможным. Города превратятся в руины, замечательные памятники архитектуры исчезнут навсегда. Это время не пощадит нашу священную землю. Но я не боюсь этого»²⁹⁷.

Кто-то скажет: это сравнение кошунственное! Приношу извинения. Тогда обратимся к «первоисточнику». 13 июля 1921 г. московская «Правда», повторяя более раннее обещание Троцкого «перед уходом хлопнуть дверью на весь мир», писала: «...тем, кто нас заменит, придется строить на развалинах, среди мертвой тишины кладбища». И лишь Горбачеву удалось добиться того, чего не сумели сделать Андропов и Черненко — удаления американских ракет «Першинг» из Западной Европы — в обмен на удаление СС-20 из Восточной.

В 1977 г. была проведена очередная Всемирная конференция («Религиозные деятели за прочный мир, безопасность и справедливые отношения между народами». Москва, 6–10 июля 1977 г.). Она проходила уже без участия владыки Никодима. Очередной миротворческий конгресс 1982 г. состоялся уже после кончины митрополита (1978 г.). Уже были введены советские войска в Афганистан (1979 г.), в Польше было объявлено военное положение. Как писал в мемуарах Эдвард Герек, однажды по прямому про-

воду ему позвонил Брежнев и без излишней дипломатии прошамкал:

- У тебя-я-я контра-а-а. Надо взять за морду. Мы поможем.

Легко сказать — «взять»! Кого? Легко сказать — «контра». Это рабочее-то? То, что происходило в Польше, мы называли контрреволюцией. И наводили тень на плетень. Это была типичная, хоть и без моря крови, революция. И случилось то, что рано или поздно должно было случиться. В отличие от российского орла, у польского — одна голова. Повернута она в сторону Запада²⁹⁸.

И снова пошли резолюции.

Из заявления руководителей ХМК о положении в Афганистане.

«... Угрозам свести на нет завоевания Апрельской революции оказали решительное сопротивление прогрессивные силы самого Афганистана. В свете анализа этих событий совершенно очевидны и понятны те причины, которые побудили правительство Афганистана просить о помощи соседнюю державу — Советский Союз и почему Советский Союз оказал эту помощь.

... Мы обращаемся ко всем Церквам и христианам с настоятельным призывом, чтобы они старались составить для себя неискаженное представление об обстановке в Афганистане, избегать поспешных, необдуманных решений, содействовать тому, чтобы у общественного мнения сложилось правильное понимание всех этих проблем»²⁹⁹. И подписи:

Епископ д-р Кароли Тот, президент ХМК (Венгрия);

Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (ныне — Киевский патриархат, в расколе с Московской патриархией).

Д-р Любомир Миржеевский, генеральный секретарь ХМК (Чехословакия).

Прага, 16 января 1980 года.

Люди свои, проверенные: один пережил подавление венгерского восстания в 1956 г., другой — подавление Пражской весны (1968 г.), а третий — просто «агент влияния Антонов».

Но вот беда — Запад решил бойкотировать Олимпиаду-80, проводившуюся в Москве. Успеху Олимпиады помешало новое обострение отношений между СССР и США. После ввода советских войск в Афганистан в конце 1979 г. администрация президента США Картера пыталась организовать массовый бойкот Игр в Москве.

«О, спорт, ты — мир!». И снова миротворческое заявление: «Мы, церковные люди, понимаем и разделяем причины, приведшие к это-

му шагу Советское правительство, и не считаем ни в какой мере оправданным использование событий в Афганистане со стороны США и ряда других стран для бурного нагнетания напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Мы решительно осуждаем использование событий в Афганистане как повод для раздувания недопустимой кампании по срыву проведения в Москве Олимпийских игр 1980 года, Игр, призванных укреплять элементы братства, взаимопонимания и мирного сотрудничества между всеми народами, населяющими нашу землю»³⁰⁰.

Игры, хоть и в усеченном виде, худо-бедно состоялись, но в народе их насмешливо называли «Спартакиада-80».

Московская Олимпиада-80... Вишневы сок с мякотью из запотевшего пакетика серебряной фольги с приложенной запечатанной индивидуальной коротенькой соломинкой — финский. Стограммовые вакуумные упаковочки тонюсенько нарезанной салями различных сортов — финские. А еще сыры разные, джемы — все финское. Финляндия выиграла право снабжать олимпийские буфеты. Поставки все рекламные, халавные.

Халавя сыпалась на Москву как из рога изобилия. Шри-Ланка поила ее настоящим цейлонским чаем. Германия катала на настоящих «мерседесах» (микроавтобусы для участников и индивидуальные авто для членов МОК и НОК). Япония оснастила все пресс-центры телевизионным оборудованием. Концерн «Кока-Кола» успел прислать в Москву до объявленного Штатами бойкота немеренные тонны концентрата с фантастическим названием «Фанта», а аппаратов, которые превращают этот концентрат в напиток, смог прислать лишь считанные десятки. Их поставили в пресс-центрах, что-то напутали с дозировкой, поэтому любой желающий бесплатно получал огромный стакан ярко-оранжевого, почти непрозрачного пенящегося напитка, обжигаящий вкус которого вдохновлял многих на химические опыты, главным из которых было «отмывание денег». За какие-нибудь полчаса пребывания в этой жидкости замусоленные пятаки начинали сверкать, как солнце. Оставленный в стакане полиэтиленовый пакет за рабочий день растворялся без остатка. Поразительные очищающие свойства «Фанты» чиновники нашего Олимпийского комитета тут же применили к делу. Излишками концентрата они до блеска мыли выданные им на время «мерседесы». Химию — в жизнь!

Последний дождик пролился за день до открытия. Аккурат во

время репетиции зажигания огня, отчего лучший баскетболист всех советских времен Сергей Белов не смог добраться с факелом до чаши: щиты, образующие эффектную дорожку прямо через зрительскую трибуну, которые подняли над собой в нужный момент специальные люди, тут же намокли и превратились в каток. К настоящему открытию на них прибили планочки, но дожда не было, и Белов с легкостью и достоинством огонь к чаше доставил»³⁰¹.

В это время родился такой анекдот: с торжественным словом на открытии Олимпиады в Лужниках обращается генеральный секретарь ЦК КПСС, открывает папку, сосредоточивается и произносит: «О!...» Трибуны замирают. Генсека как будто заклинивает, и он многозначительно повторяет: «О... О... О...» К Брежневу подбегает один из спортивных руководителей и говорит: «Леонид Ильич, это кольца — олимпийская символика. Текст — ниже».

А через четыре года Кремль нанес Белому дому ответный удар. На одном из заседаний Политбюро в мае 1984 г., после долгих дебатов, советским спортсменам было предписано отказаться от участия в Олимпийских играх, проводившихся в США. Решение было принято экспромтом, без консультаций со странами Восточной Европы, по рекомендации Романова и Чебрикова, полагавших, что многие члены советской спортивной делегации могут оказаться невозвращенцами³⁰².

Тем не менее на Западе по-прежнему не переводились «друзья страны Советов»; еще Ленин откровенно называл их «полезными идиотами», а социал-демократ Карл Моммер — «троянскими ослами». Прикормленные Москвой, профессионалы-миротворцы охотно приезжали на очередную Ассамблею и единогласно голосовали за любые «политически выгодные резолюции» («Свободу Анджеле Дэвис!»). Одним из таких «леваков» был известный в свое время каноник Кир. Прошли годы, и его сменил каноник Гор. Готовясь встретить влиятельного французского клирика «на уровне», сотрудники ОВЦС сочинили четверостишие:

Из-за леса, из-за гор
Едет к нам каноник Гор.
Ай люли! Ай люли!
C'est jolie, c'est tres jolie!
(Это мило, это очень мило)

... По Европе вот уже несколько лет бродил призрак — пацифизма. Он был вызван к жизни Москвою и призван был служить ее интересам — позволял ей манипулировать общественным мнением. Но неожиданно движение «За мир», предназначенное для того, чтобы направить народы западных стран против американских ракет, повернулось против Советского Союза. Оно захватило государства Восточной Европы, и сотни тысяч людей в этих странах протестовали не только против американского, но и против советского оружия. В Польше, Чехословакии, Венгрии появились и распространялись пацифистские памфлеты, в газеты шел поток писем с просьбой не устанавливать и не размещать в их странах ядерных ракет. Даже в Болгарии, самом конформистском коммунистическом государстве, глава партии Живков выступил с инициативой создания на Балканах безъядерной зоны.

В течение долгого времени кремлевские руководители отмалчивались — были растеряны и не знали, как реагировать. Нельзя же было открыто выступить против собственной идеи и политики «борьбы за мир». Выяснилось, однако, что можно. В апреле 1984 г. Громыко в Будапеште обрушился на тех, кто, выступая за разоружение, «утрачивает классовый подход». Это был первый случай открытого выпада против миролюбивых настроений в Восточной Европе³⁰³.

А на зимней сессии Верховного Совета 27 ноября 1984 г. было объявлено об увеличении военных расходов с 17 миллиардов рублей до 19. Цифры сами по себе не имели существенного значения, так как подлинные размеры советского военного бюджета были скрыты в бесчисленных статьях государственных расходов. Значение, однако, имел сам факт заявления Советского Союза об увеличении расходов на оборону. Он должен был предостеречь западные страны от вывода оружия в космос; им также давалось понять, что силой, экономическим давлением или ограничениями в торговле не удастся склонить Советский Союз к уступкам³⁰⁴.

Теперь все знают, что реальная цифра расходов Советского Союза на оборону была в несколько раз выше тех 17, 19, 20 миллиардов, что оглашались в газетах. Но считалось, что точная величина была неизвестна никому. Сам Михаил Горбачев, представляя впервые полную цифру военного бюджета, сетовал, что сделать это было очень трудно, так как расходы были разбросаны по бюджетам самых разных министерств.

Между тем существовала «точка», в которой все военные фи-

нансы собирались воедино и уже отсюда переправлялись подрядчикам — оборонным заводам. Это было так называемое Парковое отделение Госбанка (Паркбанк). Разведслужбы Запада, ежегодно публиковавшие прикидочные цифры советских военных трат, выводимые по косвенным данным, так и не узнали о его истинной роли. Что неудивительно, ибо о его существовании знали не более полусотни человек. Даже в Центральном финансовом управлении (ЦФУ) Министерства обороны, которому подчинялся Паркбанк, только несколько руководителей были осведомлены о том, чем занимается «2-й отдел управления спецработ» — так назывался Паркбанк в структуре ЦФУ. Секретность дополнялась тем, что находился он в здании, стоящем впритык к «Аквариуму» — Главному разведывательному управлению Министерства обороны³⁰⁵.

Банк был создан в 1978 г., в его штат принимались лучшие военные финансисты. До того оплата производства вооружений шла через Управление кассового исполнения бюджета Московского отделения Госбанка. Но видимо, способность его штатских руководителей держать язык за зубами оценивалась в военных кругах невысоко. И они добились создания своего карманного банка.

Паркбанк с успехом выполнял свою задачу, скрывая военный бюджет так долго, как того хотели политики. С оглашением действительных военных расходов нужда в его сверхсекретной работе отпала. Но сверхсекретность сохранилась. Работники банка категорически отказывались отвечать на любые вопросы, ссылаясь на грозившую им уголовную ответственность за разглашение военной тайны. Да и само местонахождение банка и его телефоны держались в строжайшем секрете.

В Паркбанке по-прежнему было что прятать. Но теперь, скорее, не от чужих, а от своих. Дело в том, что огромная военная машина, ассоциирующаяся только с расходами, имеет и свои доходы. В прежние времена — от военторгов, военных ателье, предприятий Минобороны. В нынешние — от различной коммерческой деятельности. Эти доходы не контролировались со стороны гражданской власти никем и никогда³⁰⁶.

... Когда шла подготовка к очередному миротворческому форуму, то его участников уже насмешливо называли «писники» (англ. peace — мир), а к одному из слов девиза конгресса добавляли приставку, убийственную по смыслу: «Религиозные деятели — за прочный мир, за разоружение и установление госбезопасности в Европе».

В том, что это не просто игра слов, показало начало правления Горбачева. «Минеральный секретарь» устраивает в Кремле мировую встречу с религиозными деятелями. Под бдительными взорами «шестерок» из «девятки» (9-е управление КГБ — правительственная охрана) иерархи шествуют в зал заседаний. Рассадка свободная, но главы Церквей желают быть «в первых рядах». Среди них — армянский католикос Вазген I. Удобное кресло, хороший обзор...

И откуда было знать первоиарху, что он сел «не по чину» и что это место — «служебное»? Молодой наглый комитетчик в штатском, наклонившись к старцу, строго говорит: « Попрошу освободить!». — Возмущенный католикос: «Я — глава Армянской Апостольской Церкви!». — Гебист невозмутимо: «Да хоть папа римский! Я при исполнении! Это кресло — для *сотрудников!*»

Католикос в гневе встает; впереди все занято, надо искать местечко в середине зала. Но и там уже все забито, народ прибывает, и приходится идти все дальше и дальше. И ведь не будешь суетиться, походка должна быть величавой, вид невозмутимый — высокий сан обязывает. Так и проследовал первоверховный католикос на выход и, стоя на ветру, тщетно пытался поймать машину...

Уже при Брежневе никто не хотел мировой коммунистической революции и не верил в нее. (Даже Сталин не хотел мировой коммунистической революции.) Но система жила по своим законам. Потому на очередном съезде принимается компромиссная формула, согласно которой необходимо сочетать разрядку международной напряженности с ростом национально-освободительного движения. Казалось бы, ну и что — пустые слова. Но нет! Именно под эти лозунги различные лоббисты «выбивали» в брежневском кабинете энные суммы на новые порции ракет «СС-18», на строительство танковых и иных заводов по производству конвенционального оружия и т. д. Таким образом и выстраивался консенсус. Но за счет страны. В результате страна согнулась под двойной гонкой вооружений. Ни одно государство мира, даже более богатое, чем СССР, не могло себе позволить такой гонки сразу по конвенциональной и неконвенциональной линиям.

Именно при Брежневе впервые возникла ситуация, когда вся верхушка, упражняясь в официальных клятвах по поводу верности коммунизму, на самом деле чуралась этой идеологии, как черт лаdana. Это не могло не привести к обрушению и привело к нему. На Западе Суслова называли не иначе как «убийцей смысла».

А убийство энергии, убийство смысла, ложный консенсус и негативный отбор — инструменты гибели великой державы. Точнее, то, что лежит у истоков этой будущей гибели... Остается вспомнить предупреждение Священного Писания: «Когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес. 5, 3).

«ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

«Обученная беспомощность»

Для нескольких поколений клириков Ленинградской епархии реальным воплощением зла был уполномоченный по делам религий Григорий Семенович Жаринов. По слухам, во время войны он служил в СМЕРШе, и в кресло уполномоченного он спланировал из органов. В своем кабинете близ станции метро «Чернышевская» он восседал под портретом Маркса, а на столе у него была небольшая фигурка черта в виде Мефистофеля.

Время
 родило
 брата Карла —
старший
 ленинский брат
 Маркс.
Маркс!
 Встает глазам
 седин портретных рама.
Как же
 жизнь его
 от представлений далека!
Люди
 видят
 замурованного в мрамор,
гипсом
 холодеющего старика³⁰⁷.

А между тем в молодые годы борьбу с христианством Маркс считал «в конце концов нашим единственным насущным делом». Выступая в 1847 г. в Обществе рабочего образования в Лондоне, он уверял своих слушателей, что в апостольские времена «христиане

по-настоящему закалывали людей и на своих священных трапезах причащались человеческим мясом и человеческой кровью. . . ».

Для социального эксперимента нужно было выбрать страну, которую не жалко. Не Германию же, в конце концов!

Знаю,
Марксу
 виделось
 видение Кремля
и коммуны
 флаг
 над красною Москвой³⁰⁸.

Маркс ненавидел Россию. Просто диву даешься, за что Маркса с Энгельсом так любили при коммунистической власти. Во время Крымской войны (1853–1855) Маркс советовал английскому и французскому правительствам уничтожить Кронштадт. Его голубой мечтой было увидеть Россию в такой позиции: «С армией противника у дверей столицы (Петербурга. — а. А.), со всеми своими реками и заливами, блокированными союзниками, что будет с Россией? Гигант без рук, без глаз». Институт марксизма-ленинизма изъясал антирусские пассажи из полного собрания сочинений, чтобы скрыть очевидный факт: идею революции подсказал России русофоб.

Откровенная русофобия Маркса смутила даже такого стойкого борца с самодержавием, как Михаил Бакунин. Отец анархизма вызвал Маркса на дуэль, но тот трусил и драться не стал. Убей его Бакунин, многое в истории, в том числе и российской, могло бы пойти совсем по-другому. . .

Фридрих Энгельс не отставал от старшего товарища. В работе «Русская армия» он писал: «Русские солдаты — самые неуклюжие во всем мире. Они не годятся ни для легкой пехоты, ни для легкой кавалерии. Казаки, каковы бы ни были их положительные качества, но . . . пьянство и грабежи делают их весьма ненадежными для их командиров. . . Русский солдат с одинаковой покорностью пойдет, если ему будет приказано, качать воду или сечь своего товарища. . . Что ему нужно, это команда, ясная, отчетливая команда, — и если он ее не получает, тогда он хотя, может быть, и не обратится в бегство, но и не пойдет вперед, не сумеет действовать собственным умом».

Прочие славянские народы тоже не нравились «классикам». Чехов, болгар и хорватов они называли варварами, черногорцев — ворами, а всех славян вместе — «национальностями, о которых трудно сказать, какая из них наиболее неспособна к прогрессу и цивилизации»³⁰⁹.

Кому принадлежат нижеприведенные строки: Энгельсу или Гитлеру?

«Со времен Карла Великого немцы прилагали самые неуклонные, самые настойчивые усилия к тому, чтобы завоевать, колонизировать или, по меньшей мере, цивилизовать Восток Европы. . . Значение немецкого элемента в пограничных славянских областях, неизменно возрастающее с ростом городов, торговли и промышленности, еще больше усилилось, когда выяснилась необходимость ввозить из Германии почти все элементы духовной культуры. Вслед за немецким купцом и ремесленником на славянской земле осели немецкий пастор, немецкий школьный учитель, немецкий ученый.

. . . Мораване и словаки давно утратили всякие следы национального сознания и национальной жизнеспособности, хотя в значительной степени и сохранили свой язык. Богемия с трех сторон была окружена совершенно немецкими областями. Немецкий элемент сделал большие успехи на ее собственной территории; даже в столице, в Праге, обе национальности были почти равны по численности, а капитал, торговля, промышленность и духовная культура повсюду были в руках немцев.

Профессор Палацкий, главный борец за чешскую национальность, — это всего лишь свитнувшийся ученый немец; он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить по-чешски. Но, как это часто бывает, умирающая чешская национальность — умирающая, судя по всем известным из истории последних четырех столетий фактам, — в 1848 г. сделала последнее усилие вернуть себе свою былую жизнеспособность, и крушение этой попытки должно, независимо от всех революционных соображений, доказать, что Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких вв. все еще продолжала говорить не на немецком языке»³¹⁰.

Чьи же это высказывания? Судя по датам, не Гитлера и не Розенберга. Это — сочинение Энгельса. И не какие-нибудь полузабытые черновики, а цикл «Революция и контрреволюция в Герма-

нии», 19 статей, написанных по просьбе Маркса и опубликованных в 1851–1852 гг. в «Нью-Йорк дейли трибун», сотни раз переизданных на десятках языков мира. И то, о чем Энгельс рассуждал теоретически (аншлюс Богемии), Гитлер осуществил на практике.

О неистовом антисемитизме крещеного еврея Маркса писалось много. Его антисемитизм окрашен классово: он склонен отождествлять евреев с финансовым капитализмом, игнорируя их связь с ремеслами, с богословием, с философией и с наукой. В этой связи его инсинуации цитировали нацисты. И встает вопрос: то ли Маркс — нацист, то ли Гитлер — марксист? Но Жаринов об этом не знал, — иначе он повесил бы не портрет Маркса, а его самого. Или: не на стену, а к стенке.

Русофобами были и «пламенные марксисты», члены ленинского Политбюро. Самый близкий к Ленину человек, вождь Октября Григорий Зиновьев, признавался в частных беседах, что «революция большевиков — это, конечно, великое событие, но только для России». Я «разревуся», говорил он, если все это коснется Франции, Парижа. Горбачев обрадовал россиян возвращением в нашу жизнь идей и творческого наследия Н. И. Бухарина. И тут он попал пальцем в небо, ибо не кто иной, как Николай Иванович сказал: «Мне на Россию наплевать!».

В феврале 2006 года, в рамках открывшегося Года Армении, в Третьяковской галерее состоялась торжественная передача Москве статуи Екатерины II работы известного скульптора, автора памятника Пушкину Александру Опекушина. История ее интересна и загадочна. В Ереван статую в 1952 г. тайно отплавил известный скульптор Сергей Меркуров, занимавший в те годы пост директора Государственного музея изящных искусств им. Пушкина. Тем самым он спас величественную скульптуру, изготовленную из каррарского мрамора. Не случилось этого, участь ее была бы незавидной. Изваяние высотой около трех метров и весом около трех тонн предполагалось распилить на куски, чтобы изготовить 40 бюстов Карла Маркса³¹¹.

Основной задачей Жаринова было «держать руку на пульсе», «скачивать информацию» и «гнать туфту» «смежникам». Так что армейский опыт ему весьма пригодился.

О том, как искали и разоблачали шпионов в Советской армии времен Великой Отечественной войны, свидетельствует полковник в отставке А. Лебединцев.

«Во время войны я провел на передовой два с лишним года,

прошел путь от командира взвода пеших разведки до начальника штаба стрелкового полка. Сотрудники особых отделов, а позднее “смершевы” всегда стояли у нас за спиной. О том, как работала армейская контрразведка, мне рассказал один из ее оперативных сотрудников.

В служебной отчетности “органов” самострельщиков-членовредителей было принято именовать аббревиатурой “СС”, дезертиров буквой “Д”, шпионы проходили под индексом “Ш”. Что касается “СС” и “Д”, то по этим показателям мой знакомый план выполнял с легкостью. А вот по части “Ш” ему никак не везло — не хотели немцы к нему агентов засылать! Начальство его ругало и грозило карами, пока более мудрый коллега не преподал урок: “Выбери одного “Д”, который был на оккупированной территории, и разъясни ему толково, что за дезертирство ему дадут 10 лет и отправят в штрафбат. Там шансов выжить еще меньше, чем в стрелковой роте. А если согласишься, что при немцах тебя абвер завербовал, получишь те же 10 лет, но отправят на Колыму. Вот и решай, что тебе выгоднее”.

Тут моему знакомому особисту, что называется, масть пошла. Сколько он шпионов разоблачил — и сам уж не помнит. Вот такая она, настоящая правда о той войне»³¹².

Кто-то из «упертых» может воскликнуть: «Злобные наветы отщепенца!» Подумаешь, какой-то неизвестный полковник!». Обратимся к воспоминаниям более известных. Ныне покойный писатель Федор Абрамов — не «какой-то». В его архиве сохранилось более семисот рукописных страниц, повествующих о работниках контрразведки «Смерш», о сослуживцах, начальниках, подследственных. Будущий писатель в 1943–1945 гг. (а было ему тогда 23 года) работал следователем в отделе контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа, куда пришел не по своей воле, а был приведен буквально под конвоем из военно-пулеметного училища в Цигломени (под Архангельском), курсантом которого он был с февраля по апрель 1943 года. Вот его заметки о встрече контрразведчиков в день Победы, — записи 1976 и 1978 гг.

«Позвали на празднование контрразведчиков... Что общего у меня с ними? Кто они? Преступники? Пенсионеры? Неужели ничего не поняли?... Слезы умиления у старичков, когда заговорили про заслуги. (А он-то знал, что у большинства за заслуги). Костоломы — не на победу работали, а на Гитлера (не приближали победу, а отодвигали). А насчет того, что разгадали расчеты

врага — так и вовсе ерунда. Кретины. С чистой анкетой. Нигде столько дураков не встречал, как в контрразведке» (1976 г.).

«Впервые расхаживали с сознанием исполненного долга. Но я то знал, что они все значили. У каждого руки в крови. Торжествовать ли сегодня надо было? Молебн по убиенным и раскаяние» (16 декабря 1978 г.)³¹³.

А у нас и сегодня не делят людей на порядочных и «контрских». То есть делят, но с противоположным знаком. Любая канцелярская крыса из первого отдела на любой фабрике рогов и копыт горделиво сообщает о себе: *бывший разведчик* — и публика аплодирует.

Владыке часто приходилось встречаться с Жариновым по делам Церкви, и каждая беседа откладывала рубец на сердце. В процессе поступления в академию у меня возникли трудности: отягчающее по тем временам обстоятельство — светское высшее образование. Обсуждая с владыкой эту проблему, я как-то резко отозвался о Жаринове, рассчитывая найти сочувственный отклик у собеседника. Но он, не желая посвящать новичка во все извивы церковной дипломатии, закрыл тему, сказав: «Ты не знаешь моих отношений с уполномоченным».

О том, какая атмосфера была в 1960–1980-х годах при уполномоченном Жаринове, видно из следующего эпизода. Выйдя за штат, бывший настоятель храма на Смоленском кладбище протоиерей Михаил Славницкий посещал церковь св. Николая на Охтинском кладбище и молился в алтаре. Однажды, в день своего Ангела, он стоял у жертвенника и вынимал частицы из просфоры. Новый настоятель обратился к нему: «Отец Михаил! Если желаете, облачайтесь и сослужите!». Приглашение было с благодарностью принято, именинник занял место у престола. Идет литургия, диакон заканчивает очередную ектенью, и настоятель говорит: «Ваш возглас, отец Михаил!» Пауза, замешательство, и вместо возгласа — на весь алтарь: «А с Григорием Семеновичем согласовано?».

Молодой читатель, воспитывавшийся после краха советского режима, может усомниться в правдивости этой истории. Это до чего же надо было довести «служителя культа»! Для того чтобы разобраться в механизмах этого феномена, обратимся к хорошо известной в психологии концепции «обученной беспомощности», предложенной видным американским ученым, профессором психологии Пенсильванского университета М. Селигманом.

Вначале исследования проводились на животных. Их помеща-

ли в клетку с металлической сеткой вместо пола, через которую с разными интервалами времени пропускали электрический ток («красный террор», «чистки»). Поначалу животное пыталось спастись от болезненных ударов тока, металось по клетке в поисках выхода или какого-нибудь способа прекратить экзекуцию. Обнаружив, что никакое поведение не обеспечивает безопасности, животное становилось пассивным и безынициативным, забивалось в угол клетки, однако вегетативные показатели свидетельствовали о выраженной эмоциональной напряженности (повышалось давление крови, учащались и становились неравномерными пульс и дыхание, шерсть становилась дыбом). Одним словом, животные в этой ситуации неустрашимого наказания демонстрировали типичный отказ от поиска. Вскоре у них появились нарушения со стороны внутренних органов: кровоточащие язвы желудка и кишечника, нарушения сердечной деятельности. Животные теряли интерес к пище и к особям другого пола. Их жизненная активность угасала. Если после этого условия опыта менялись («оттепель», перестройка, гласность) и животные оказывались в ситуации, когда они могли найти способ избежать наказания током (либо выскочив в соседнюю клетку, либо разомкнув ток нажатием на рычаг), большинство их обнаружило полную неспособность к такому поиску. Лишь около 20% животных предпринимали активные попытки спастись («белой акации цветы эмиграции»).

Селигман предположил, что животные, длительное время подвергавшиеся неустрашимому наказанию, обучаются беспомощности своих усилий, у них вырабатывается обученная беспомощность. По мнению исследователя, это происходит потому, что животное обнаруживает полную независимость между своим поведением, направленным на спасение, и последствиями этого поведения: что бы ни предпринималось, все оказывается безрезультатным — плетью обуха не перешибешь.

Исследования, проведенные на людях, в значительной степени подтвердили результаты, полученные на животных. Так, на группу испытуемых (студентов университета) воздействовали сильным неприятным звуком, выключить который было невозможно. Однако студенты не знали об этом условии. Доверяя инструкции, они полагали, что могут найти способ избавиться от этого неприятного воздействия и безуспешно пытались прервать звук, нажимая на различные рычаги и кнопки. Через некоторое

время в новых условиях, когда «репрессированные» действительно могли выключить звук, они даже не пытались добиться этого³¹⁴.

Так вот, владыка Никодим входил в число тех самых двадцати процентов и постоянно искал выход из самых безнадежных ситуаций.

В те годы всем совгражданам вдальбивали в сознание марксистско-гулаговскую формулировку: «Свобода — это осознанная необходимость».

Вдоль железнодорожной трассы Котлас — Воркута — десятки лагерных пунктов, а при них — поселки для ВОХР и прочего обслуживающего персонала. Заезжий корреспондент спрашивает у местного первоклассника: «Кем хочешь стать, когда вырастешь?» И в ответ звучит: «Расконвоированной вольняшкой».

На таком уровне понимание свободы было и у Жаринова. Рассказывают, что как-то он встретился с группой западных журналистов, и ему был задан традиционный вопрос: есть ли свобода религии в Советском Союзе?

— Конечно есть, — отвечивал уполномоченный. — Вот, к примеру, обратились ко мне недавно члены исполнительного органа хоральной синагоги. У них просьба: можно ли испечь мацу к еврейской пасхе? И я ответил: пожалуйста, не возражаю!

И тогда одна журналистка, с ограниченным «буржуазным» пониманием свободы, воскликнула: «Раньше я думала, что для приготовления мацы нужны только мука и вода. Но оказывается, это не главное. А главное — это разрешение партийного чиновника!».

О той тяжелой атмосфере, в которой приходилось действовать владыке, рассказывал он сам. Уполномоченный сделал все, чтобы упразднить колокольный звон на приходах, действуя через «своих» старост и слабохарактерных настоятелей. И это не была самостоятельность Жаринова: у него были идейные предшественники. Будущий соратник Дзержинского чекист Рогов в своем дневнике записал: «Одного не пойму: красная столица и церковный звон? Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церкви под клуб — и крышка религии!»³¹⁵

В 1930-е годы были популярны такие строчки Владимира Владимировича (Маяковского! А вы о ком подумали?):

Богомольных прогульщиков
С электрозавода вон.
Не меняй гудок
На колокольный звон³¹⁶.

Вот «установка партии и правительства» по колокольному звону. Хотя в 1920-х годах преобладающая часть населения страны была верующей, православной, тем не менее «оглушительный шум, поднимаемый по традиции колоколами на многочисленных колокольнях России являлся в сущности нарушением так называемой свободы совести, даже просто с точки зрения либеральной (не говоря уже о коммунистической)»³¹⁷.

Нерелигиозное, мол, меньшинство, не принадлежавшее к Церкви, как считал VIII-й отдел НКЮ, «отнодье не обязано терпеть публичное оглушение колоколами бывшей правительственной религии. Принципиально ни с какой точки зрения нельзя возражать, если хотя бы и меньшинство населения какой-либо местности потребует, как это имело кое-где место, совершенного прекращения этих религиозных, даже физически действующих демонстраций». Во всяком случае, публичные звоны, по мнению VIII-го отдела, должны быть введены в минимальные границы³¹⁸. Осенью 1930 г. колокольный звон в Москве был вообще запрещен. После войны он был разрешен в порядке исключения некоторым храмам.

Архимандрит Сергей (Савельев, сконч. в 1977 г.), будучи настоятелем в московском храме Покрова Пресвятой Богородицы, во времена хрущевский гонений ставил в притворе магнитофон с записью малиновых перезвонов и заслужил себе этим репутацию «обновленца».

В Ленинграде тоже оставалось одно исключение: в колокола по-прежнему звонили, когда владыка подъезжал к храму, выходил из машины и следовал к алтарю. Здесь благоговение перед владыкой было сильнее страха перед уполномоченным. И тогда Жаринов решил надавить на самого митрополита. В одной из бесед он сказал: «Вы — современный человек и должны понимать, что это отжившая традиция, зачем же бить в колокола? Да и жители из соседних домов жалуются...».

Вставать в позу, заявлять, что этот нажим незаконен, по тем временам было бесполезно. И владыка ответил: «Открою Вам, Григорий Семенович, секрет. Я человек тщеславный, и мне приятно, когда меня встречают и провожают колокольным звоном. Ничего не могу с собой поделать». И уполномоченный, снизойдя к этой «слабости», махнул рукой, дескать, ладно, пусть звонят. Рассказывая о том, как он обвел вокруг пальца матерого гэбэшника, владыка радовался, как ребенок.

Вспоминает архиепископ Лонгин (Талыпин), викарий Московской епархии, представитель Русской православной Церкви (МП) в Германии (Дюссельдорф). Родившись в семье русских эмигрантов, осевших в Финляндии, Юра познакомился с владыкой Никодимом в начале 1960-х годов в Хельсинки. В 1966 г. он впервые приехал в Ленинград, чтобы поговорить с митрополитом о возможностях обучения в Ленинградской духовной академии. Вскоре его мечта сбылась, а в 1969 г. он принял монашество.

Не могу забыть, как владыка 11 апреля 1969 г. хотел постричь меня в монахи в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, как уполномоченный г. Ленинграда Григорий Семенович Жаринов всячески препятствовал совершению пострига в Лавре, дабы это не стало прецедентом, после которого владыка постоянно совершал бы там постриги. Владыка смирился и совершил постриг в академическом храме, но однако он это помнил и всегда при случае говорил Жаринову, что вот он препятствовал ему в этом и таким образом показал западной общественности, что Церковь несвободна, находится под давлением государства. Дело в том, что на моем постриге присутствовал тогда генеральный консул Финляндии³¹⁹.

Практиковался такой метод: прежде чем зарегистрировать молодого священнослужителя на приход, с ним проводили беседу, при которой присутствовало третье лицо. Большая часть этой беседы заключалась в том, что уполномоченный по делам религий выходил за дверь, а присутствующее третье лицо вступало в разговор, в котором желающему зарегистрироваться священнику предлагалось доносительство на сослуживцев и прихожан. От результатов разговора зависел и вопрос регистрации, при этом причины отказа уполномоченные не обязаны были объяснять.

Известен достоверный случай, когда в одной епархии владыка назначал в кафедральный собор семерых диаконов одного за другим. Всем семерым уполномоченный по делам религий отказал в регистрации после их беседы с упомянутым третьим лицом — молодые люди не хотели торговать совестью...³²⁰

В 1961 г. уполномоченный Жаринов отдал распоряжение закрыть часовню Ксении Блаженной на Смоленском кладбище. Закрытию предшествовал пасквиль в газете, а вскоре появился кинопасквиль под названием «Правда о блаженной Ксении». Спустя некоторое время часовню Ксении Петербургской оградил про странной глухой оградой. Надгробие с могилы блаженной Ксении

было снято, а в часовне устроили монументную мастерскую. Когда в период празднования 1000-летия Крещения Руси встал вопрос о канонизации блаженной Ксении, то Жаринов заявил, что это произойдет только через его труп.

«Конечно, труп уполномоченного никому не понадобился, — рассказывают очевидцы этих событий. — Канонизация произошла, и часовня была открыта вновь. А в кладбищенской церкви Смоленской Божьей Матери, к которой блаженная ночами таскала кирпичи для строительства, был сделан придел в честь святой блаженной Ксении Петербургской».

Когда реставрировали часовню, там оказался огромный монумент Ленина, часовня-то была монументной мастерской. Вынести монумент Ленина через дверь не позволяли его размеры. Тогда один рабочий кладбища взялся монумент расчленить и частями вынести, что и сделал. Это стоило ему пяти лет тюрьмы. Так что даже открытие часовни не обошлось без жертв³²¹.

Вспоминает митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев).

«Приведу лишь один пример, способный многое пояснить для тех, кому минувшая эпоха известна лишь понаслышке. Здание, в котором мы сейчас находимся, принадлежало Духовной Академии лишь наполовину, за этой стеной располагался учебный комбинат, в котором проходили подготовку будущие строители. Академию нередко посещали иностранные гости, она была центром духовной и культурной жизни города, но в ней было тесно и неудобно.

Получив назначение на пост ректора, я вскоре отправился на переговоры с уполномоченным Совета по делам религий Григорием Семеновичем Жариновым и попросил его о содействии в отселении от Академии учебного комбината. Внимательно на меня посмотрев, он сказал буквально следующее: «Вы человек новый, молодой и неопытный. Поэтому рекомендую никогда и нигде больше не поднимать этого вопроса. Вы должны реально осознавать, какое место отведено Церкви в нашем обществе. Помните, что ваша Академия существует в Ленинграде лишь как экзотика для иностранных визитеров. А вообще-то уже давно решено Академию здесь прикрыть и перевести ее в Псково-Печерский монастырь».

Не могу сказать, что покидал кабинет уполномоченного убежденным в его правоте и всесилии, ибо, как вам известно, в

конце концов все здание Духовной Академии отошло к Церкви. И произошло это еще в советское время, при том же Жаринове»³²².

Сталинская идеология если не налагала свою печать, то, по крайней мере, отбрасывала тень на живших под ее прессом. Владыка мог с удовольствием пересказывать эпизоды из фильмов «Волга-Волга», «Свадьба в Малиновке» и других подобных комедий, фальшь которых была очевидна поколению «семидесятников». (Известно, что «Волгу-Волгу» [1938 г.] Григория Александрова Сталин смотрел бесчисленное количество раз и знал все реплики наизусть. Более того, с дипломатической почтой вождь передал его в подарок американскому президенту Рузвельту.)

В «табельные» дни — 1 мая и 7 ноября, если на это время не приходились церковные праздники, владыка смотрел по «ящику» репортажи с Красной площади. И мы, которых тошнило от одного вида обрюзгших «хариусов» вождей, должны были сидеть у экрана, как и вся «Канатчикова дача». Впрочем, и Штирлиц не уклонялся от участия в партайтагах с партайгеноссе.

Владыке, как и Штирлицу, часто приходилось моментально просчитывать ситуацию на нескольких уровнях. Как-то в покоях речь зашла о том, чтобы мне подготовить для митрополита небольшой проект речи («болванку», как говорил он), — минут на десять. Владыка ценил и понимал юмор, и я рассказал ему «в тему» анекдот про Брежнева.

Генсек просил подготовить ему речь на десять минут. Читает ее с трибуны, проходит полчаса, а она все не кончается. Наконец дочитал, сошел с трибуны и в гневе отчитывает референта, — почему такая длинная. «Мы и написали на десять минут», — оправдывается тот. — А зачем Вы взяли с собой все копии?»

Сдерживая смех, владыка показал глазами на потолок и строго произнес: «Злой анекдот!»

А между тем этот сюжет взят из жизни. Однажды во время выступления Брежнева в Баку ему подсунили неверный текст. Одурманенный лекарствами генсек его читает. И прочел бы — никто бы не заметил ошибки — настолько все партийные выступления похожи одно на другое. Но кто-то позаботился вернуть Брежневу другой текст — более приличествующий случаю. И генсек оказывается смешным на виду у миллионов телезрителей. В растерянности он бормочет слова извинения: «Товарищи, я не виноват». И

Секретариату ЦК и Политбюро становится очевидным: Брежнев кончается»³²³.

Владыка «нутром чуял» и другие «точки съема информации». Вспоминает архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Он окончил физфак ЛГУ в 1967 г. (на два года раньше меня), но еще три года учился в аспирантуре, что потом создало большие трудности при поступлении в семинарию. После того как я представил тогдашнего Дмитрия (в миру мы тезки) митрополиту, он пригласил его для беседы в кабинет. Разговор шел по схеме: «Все ни о чем, ничего обо всем». Но это только для «тайного уха». Многозначительно посмотрев на потолок, владыка придвинул собеседнику чистый лист бумаги и карандаш. Далее они обменивались «малявами», как древние новгородцы («я послал тебе бересту...»). К счастью, тогда в покоях не было тайной видеосъемки, — иначе потом им пришлось бы перестукиваться... .

Особенно трудно было «слухачам» в довоенное время, когда техника еще только развивалась. В 1933 г. в Германии был создан Научно-исследовательский институт Германа Геринга — специальная организация для контроля за телефонной и телеграфной сетью и радиосвязью»³²⁴.

Вот что рассказал один из ветеранов спецподразделений КГБ. По его словам, спецслужбы в любом городе должны иметь в гостиницах свои зарезервированные номера с прослушкой или видеоаппаратуру. Это называется оперативно-технические мероприятия. Ими на сегодня охвачены некоторые крупные отели, рестораны и VIP-сауны столицы.

Получить хорошее видеоизображение охотникам за чужими секретами не удавалось долго. В начале 1950-х годов прототип видеокамеры «для подсматривания» выглядел так: две комнаты соединялись трубой, похожей на длинную воронку, со специальной линзой. Старые диссиденты рассказывали: чтобы найти такой скрытый глаз, вечером надо было неожиданно выключить свет и осмотреться — нет ли где-нибудь светящейся точки. Оперативник не всегда успевал закрыть окуляр... .

Рост популярности подслушивающих и подглядывающих «жучков» пришелся у нас в стране на начало 90-х годов. Тогда размеры камер и микрофонов сжеглись до спичечной головки. Сейчас для постоянной закладки применяются так называемые интегрированные системы — специзделия, намертво заделанные, например, в кирпичи. Такого «жучка» никакой строитель не найдет»³²⁵.

Это сейчас, а в эпоху владыки Никодима «прослушка» была гораздо примитивнее. Так, в 1967 г. сотрудники канадского посольства в Москве обнаружили советскую гибкую антенну в шифрокомнате: она вылезла из вентиляционной шахты. И был комический момент: канадцы антенну схватили, тянут к себе, а из чердака соседнего дома тянут ее сотрудники КГБ³²⁶.

В первый год моей учебы в академии, когда любой новичок под особым «колпаком», владыка как-то взял с собой иподиаконов в Москву. На патриаршем богослужении в Елоховском соборе присутствовало несколько архиереев, в том числе и гость из Англии — митрополит Сурожский Антоний (Блюм). Держу архиерейский молитвослов перед владыкой Никодимом; он заканчивает чтение вечерних молитв. Закрываю книгу и слышу тихое: «На всякий случай: не подходи к митрополиту Антонию». По тем временам придурки-комитетчики могли бы это квалифицировать как «несанкционированный речевой контакт с гражданином страны «потенциального противника», члена агрессивного блока НАТО. Да еще с «выходом» на Кестон-колледж. И владыке приходилось играть в их игры...

Осенью 1972 г., по навету уполномоченного, владыка был вынужден на время отстранить меня от участия в богослужениях, но по-прежнему мое место было в алтаре. Сочувствуя опальному, владыка решил поддержать его морально и постричь в иподиаконы. Но тайно, чтобы «не дразнить гусей». (Строго говоря, архиерейские иподиаконы только именовались так по должности, но имели лишь начальную степень церковнослужителя — чтец.)

Но нет ничего тайного, что бы не стало явным, и вскоре этот постриг стал секретом Полишинеля. Коля Тетерятников и Коля Сложеникин (дикий и трикий) так и называли меня — «тайный иподиакон». Но я на дружеские «провокации» не поддавался и держал язык за зубами: «тайну свято сохрани». Прошло полгода; опала была снята, но лишь один Господь ведает, каких усилий это стоило митрополиту.

Откуда у святителя эта тяга к «тайноводству»? Вспомним, что сам он принял монашеский постриг тайно; его монашеское имя — Никодим, это имя тайного ученика Христова (Ин. 3, 1–21). Имена катакомбных мучеников он охотно давал монахам при пострижении: Виктор, Лонгин, Маркелл — все это мученики II–III вв.

Начиная свое пастырское служение в Ярославской епархии, о. Никодим еще застал в живых монахинь, которые вынуждены

были покинуть свои обители, закрытые в 1920–1930-х годах. Чтобы заработать на жизнь, одна из них торговала на рынке, но, несмотря на окружающую ее суету, творила про себя Иисусову молитву. Владыка с сочувствием называл это «схима на базаре». Но он не одобрял напускного благочестия и с улыбкой однажды поведаль, как одна старушка, подойдя к причастию, на весь храм возгласила свое имя: «Тайная схимонахиня Еликонида!».

Вскоре после окончания академии мне, молодому преподавателю, владыка поручил подготовить доклад для собеседования с представителями безобидной католической организации «Рах Christi Internationalis» (Международный мир Христов). За неделю до собеседования доклад был представлен в ОВЦС, откорректирован тамошним идеологом — Алексеем Сергеевичем Бувеским и «высочайше утвержден». И надо же было так случиться, что на заседание я взял по ошибке первый вариант! У каждого на руках чистовой экземпляр, а я озвучиваю «неканонический текст», да еще под магнитофонную запись! Потом краткое обсуждение; объявляется перерыв.

Владыка, проходя мимо, тихо шепчет: «Ты что, с ума сошел?». И тогда до меня дошло, что последствия могли быть «чреватые»: шаг вправо, шаг влево приравнивался сами знаем к чему... Но в тот раз, к счастью, пронесло. А потом я уже не удивлялся, когда другой маститый архиерей, возглавляя делегацию Московского патриархата на международных собеседованиях, постоянно держал на столе включенный магнитофончик: береженого Бог бережет.

В течение нескольких десятилетий Алексей Сергеевич Бувеский в ОВЦС «сидел на идеологии». Без его визы в «Журнале Московской Патриархии» не могла быть опубликована ни одна статья по «внешней тематике». Год 1000-летия Крещения Руси был периодом своеобразного «подведения итогов», и в ЖМП печатались обзоры связей Русской православной Церкви с Церквями Востока и Запада. Решаю внести свою скромную лепту в общую «копилку».

Перелопатив горы книг и журналов, по крохам собрал материалы, легшие в основу большого обзора: «Россия и США: двести лет религиозных и культурных связей» (ЖМП. 1988. № 6. С. 58–63). Разворачиваю свежий номер журнала; текст опубликован без правки, но в конце добавлен политически важный «довесок»: «В годы Второй мировой войны советско-американские отношения упростились, и в настоящее время они успешно развиваются, о чем свидетельствует подписанный в ноябре 1987 г. М. С. Горбачевым и

Р. Рейганом в Вашингтоне Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности». Сразу видно: поработала опытная рука Алексея Сергеевича — без «ракет меньшей дальности» церковно-исторический материал стал бы «непроходным».

«Почерк» Алексея Сергеевича Бувеского особенно был замечен во время проведения международных конференций и торжеств. Если «подсоветские» участники торжеств привыкли к ритуальным закликаниям против Запада и реверансам в адрес советской власти, то зарубежным гостям это было в диковинку. Вспоминает архиепископ Брюссельский Василий.

«В последний раз я виделся и разговаривал с митрополитом Никодимом в Москве в мае-июне 1978 г. на праздниках 60-летия восстановления Патриаршества. Вид у него был болезненный и утомленный, но он мужественно председательствовал на собраниях и служил в церквах с не меньшей торжественностью, чем сам Патриарх (с преднесением креста). Сами по себе празднества, кроме богослужений и панихид по усопшим Патриархам Тихону, Сергию и Алексию (на этот раз Патриарха Тихона, слава Богу, не забывали и не опускали), торжественных и умиротворяющих, были малосодержательными и утомительно скучными. Если исключить доклад Патриарха, в общем удовлетворительный и содержащий кое-какие интересные новые данные, все остальные ораторы говорили не о Русской Церкви и о ее жизни за последние 60 лет, а только исключительно о... нейтронной бомбе и необходимости бороться против ее изготовления! И при этом необычайно долго, повторяя самих себя и других многочисленных ораторов. И никто, кроме представителя Православной Церкви в Америке епископа Димитрия, не вспомнил о сонме мучеников и исповедников, пострадавших за это время в Русской Церкви. Так что, как остроумно заметил в частном разговоре архиепископ Владимир (Котляров): "Я бы предписал, чтобы каждый оратор говорил не больше пяти минут... и только о нейтронной бомбе!"»

Добавлю еще, что сам митрополит Никодим ни с какими докладами на торжествах не выступал и о нейтронной бомбе не говорил»³²⁷.

Зато говорили в народе. Вот одна из тогдашних басен.

Идет политзанятие.

— Американские агрессоры угрожают нам новой бомбой — нейтронной. После ее взрыва население гибнет, а все остальное остается целым.

— А какая бомба взорвалась у нас, что все мы остались целыми, а в магазинах ничего нет?

... В 1978 г. на вдовствующую Ленинградскую кафедру был перемещен митрополит Минский и Белорусский Антоний (Мельников). Безвольный и апатичный, он молчал и бездействовал, когда в его епархии шло массовое закрытие храмов, монастырей, духовных школ.

Из беседы архиепископа Брюссельского Василия с митрополитом Никодимом накануне Поместного собора 1971 г. (Понимая, что единственным «проходным» претендентом на Патриаршую кафедру был митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен, владыка Василий, тем не менее, интересовался «альтернативными» кандидатурами.)

Я сказал: «А чем не подходит владыка Антоний Минский? Хороший, культурный архиерей, управляет большой епархией в 425 приходов, значит имеет опыт». Митрополит Никодим засмеялся в ответ и сказал: «Что Вы, владыко, какой же он Патриарх? Сами знаете». Должен сказать, что, зная робость и слабых характерность архиепископа Антония, я внутренне согласился с митрополитом Никодимом, не стал ему возражать»³²⁸.

И вряд ли владыка Василий мог предполагать, что пройдут годы, и митрополит Антоний станет косвенным виновником его преждевременной кончины.

В сентябре 1985 г. архиепископ Василий в очередной раз приехал на родину. 11 и 12 сентября он участвовал в Ленинграде в торжествах по случаю празднования дня памяти святого благоверного великого князя Александра Невского. И тут бы 85-летнему старцу дать возможность отдохнуть, прийти в себя... Но не тут-то было. Согласно заранее составленной и «завизированной» «программе пребывания», его, по настоянию митрополита Ленинградского и Новгородского Антония, повезли в Новгород, хотя самочувствие владыки ухудшилось.

«Этапирование» оказалось роковым: вернувшись в Ленинград, 15 сентября архиепископ Василий совместно с митрополитом Антонием совершил свою последнюю литургию в Спасо-Преображенском соборе в Ленинграде — в том самом храме, где 85 лет назад над ним было совершено таинство Святого Крещения. После литургии он почувствовал себя плохо; врачи определили инсульт... На рассвете 22 сентября 1985 г. он мирно почил в Господе. Погребен архиепископ Василий на Серафимовском клад-

бище, согласно с его желанием быть похороненным в родной земле³²⁹.

«Malum necessitatis» — «необходимое зло»

... После кончины владыки Никодима мы вскоре почувствовали, как опытные «кукловоды с Литейного» стали сильнее дергать за ниточки. У опального студента ЛДА Юрия Рубана была одна надежда — на заступничество владыки Никодима. Но с его уходом в вечность многое быстро стало меняться — в худшую сторону. «Помню лишь ощущение мореплавателя, внезапно лишившегося своего опытного капитана и теперь вынужденного выйти из гавани в бурное море без надежды преодолеть его, — вспоминал “Георгий-бедоносец”. — Наступила странная тишина, как после шторма, сорвавшего паруса и унесшего рухнувшие мачты. Все хлопоты и надежды остались за спиной. Пришли холодная ясность и спокойствие, — аристократическое спокойствие осужденного, которому более нечего бояться»³³⁰.

А вскоре «брат Георгий» был отчислен со второго курса академии по смехотворному поводу — перепутав дату, не явился вовремя на переэкзаменовку по литургике. Сегодня Юрий Иванович Рубан — доцент филологического факультета Санкт-Петербургского гос. университета, один из ведущих специалистов в области православной литургики. . .

Владыка Никодим был не только «князем Церкви», но и ее чернорабочим, принимавшим на себя тот тяжелый груз, который взваливало на нее советское государство. Воистину, борьба «из-под глыб» — в атмосфере доносов, интриг, слухов, которые провоцировали «органы». Стремясь создать атмосферу постоянной неуверенности, нестабильности, «комитетчики» часто запускали «дезу», после чего в епархии, в академии долго перешептывались: а правда, что такого-то убирают? Но владыка решительно пресекал «хитрые» разговоры типа: «А вот, говорят, что...». Он тут же просил уточнить: кто говорил, кому, когда? Так он отбивал у интриганов охоту ловить рыбку в мутной воде.

Владыка не терпел стукачей, сводящих счеты с недругами с помощью доносов. В начале 1970-х годов что-то не поделили между собой заведующий библиотекой ЛДА Василий Зубков и делопроизводитель академической канцелярии Петр Сенько. Вскоре на стол митрополиту легли две «телеги», и в тот же день оба автора — кан-

дидаты богословия — были переведены на приходы на должность пономарей.

В самых резких выражениях митрополит отзывался об одном настоятеле прихода, расположенном на юге ленинградской епархии. В ответ на мое «почему?» Владыка дал понять: «повязанный органами», этот пастырь не *полагает* душу свою за овец, а *закладывает* их. И с помощью доносов сводит счеты с неугодными ему людьми. Прошли годы, и сын этого священника поступил в ЛДА-иС. В годы «андроповщины» он был отправлен в «долгосрочную командировку» на приход в одну из ближних «капстран». А тогда «просто так» надолго за границу не выпускали.

Продолжая заочное обучение в ЛДА, этот «долгосрочник» представил к защите кандидатскую работу по моей кафедре. Никаких консультаций по написанию курсового сочинения он у меня не брал. Да и свою машинопись в переплетенном виде сдал прямо в канцелярию, — так сказать, «бесконтактным» способом.

Приступив к чтению трактата, убеждаюсь, что он написан на высоком научном уровне. Слишком высоким для этого «практического работника». Значит, он мог нанять «литературного негра» и расплатиться за его труд твердой валютой. Пишу восторженный отзыв на блестящую работу, а в конце — обычная фраза: «При должной защите курсовая работа может быть оценена как кандидатское сочинение, а ее автор удостоен степени кандидата богословия».

От беседы с научным руководителем (хотя бы накануне защиты) «бесконтактник» уклонился. К чему это? Ведь он — протеже самого митрополита Антония (Мельникова); за ним стоят «серьезные структуры», и «трогать его не могли». По заведенному порядку — первые пять минут автор излагает суть работы, затем следуют вопросы научного руководителя и членов ученого совета.

Есть фразы, по которым сразу можно выявить полную некомпетентность «научного работника». Однажды партийная остененная дама, поставленная ЦК на должность ответственного секретаря одного из научных издательств, пролистав рукопись, сказала автору: «В целом Ваша монография по теории относительности мне понравилась. Только почему, упоминая про Альберта Эйнштейна, Вы не указываете его отчества?»... Академик Лысенко отдыхает...

Во время легкой «разминки» прощупываю соискателя.

— Ваша работа написана по истории западных исповеданий. Одну из глав предваряет эпиграф — четверостишие Осипа Мандель-

штама. Почему Вы поместили его строки в свое сочинение, посвященное протестантизму? Он что — был англиканским епископом или лютеранским суперинтендантом?

— Лютеранским.

Мне все ясно, как говорится, «тушите свет».

Примерно в эти же годы никому тогда не известный армейский капитан Виктор Резун (Суворов) держал экзамен в Военно-Дипломатическую академию, где готовили кадры для ГРУ (Главное разведывательное управление). Вот фрагмент его диалога с экзаменаторами.

— Кто такой Чехов?

— Это снайпер из 138-й стрелковой дивизии 62-й армии.

— А Достоевский?

— Странные вопросы. Кто не знает Достоевского? Николай Герасимович Достоевский — генерал-майор, начальник штаба 3-й ударной армии³³¹.

Есть такое понятие — «профессиональный кретинизм». В случае с Мандельштамом он был «непрофессиональным». Еще два-три подобных вопроса, и «клиническая картина» ясна. Члены совета высказываться не торопятся, — кому охота связываться с «темной лошадкой»? Соискателя просят на время удалиться, и я беру слово.

— Однажды одно высокое лицо — я не имею права назвать имени, — но очень высокое лицо, читало доклад в Хельсинкском дворце конгрессов (там, где когда-то были подписаны «Хельсинкские соглашения»). Речь шла о межцерковных отношениях, и в докладе было упомянуто о первом православно-лютеранском собеседовании «Арнольдсхайн-I» (ФРГ, 1959 г.). Дойдя до этого хитрого слова, высокое лицо запнулось, а потом с трудом выговорило: «Арнольд Хаим!», после чего, поведя усами, недовольно посмотрело на своего референта: что это мне подсунули! И всем стало ясно, что высокое лицо только озвучивает доклад, и что писали его другие люди.

В этом нет ничего зазорного — общеизвестно, что людям такого уровня доклады пишут спичрайтеры. Главное — владеть терминологией (кстати, владыка Никодим владел ею блестяще). А мой «подзащитный» не владеет материалом, зато обрел гордыню и возмнил себя «высоким лицом».

С аналогичной проблемой в свое время столкнулся заслуженный профессор ЛДА Н. Д. Успенский. Это была попытка одного из таких «заочников» получить кандидатскую степень за не им на-

писанное сочинение на тему: «Христианское учение о страхе Божиим». В тексте докладной записки Николая Дмитриевича Ученому Совету ЛДА была такая фраза: «Подкупам, обманом Совета, угрозами и шантажом прокладывается путь диссертанту, избравшему своей темой страх Божий».

Решение совета было единодушным, невзирая на неизбежный гнев митрополита Антония: работу признать блестяще написанной, выразить благодарность «неизвестному автору», а «заказчику» в присуждении степени отказать.

Одним из таких «неизвестных авторов» был в свое время околоцерковный писатель А. Э. Краснов-Левитин. По его словам, с 1962 г. он начал писать магистерские и кандидатские диссертации для архиереев и некоторых священников: «За свою жизнь я написал две магистерские и около 30 кандидатских диссертаций. Так что я дважды магистр богословия и 30 раз кандидат»³³².

Казалось бы, позор! Скандал! И был бы жив владыка Никодим, лжеавтора он в 24 часа перебросил бы из-за границы на сельский приход. Но от тогдашнего архиерея никаких «оргвыводов» не последовало; ведь отбор кандидатов на заграничное служение был иным, и митрополит Антоний ничего не решал.

Слово Виктору Суворову. Много позже я узнал, что тех, кто ответил правильно больше чем на 90% вопросов, сюда не принимают. Очень умные не нужны. И все же, главное в экзаменах — это не установить уровень знаний. Совсем нет. Способность усваивать большое количество информации в короткое время при сильном возбуждении и при наличии помех — вот что главное. А кроме того, устанавливается наличие или отсутствие чувства юмора, уровень оптимизма, уравновешенность, способность к интенсивной деятельности, устойчивость настроения и многое другое³³³.

Прошли годы, в августе 1991-го «цирк сгорел», и «клоуны» со Старой площади разбежались. Одним из первых «течь в трюме» учуял поэт Александр Межиров, автор стихотворения «Коммунисты, вперед!». Еще в 1989 г. Александр Петрович, верный своему пламенному кличу, уехал в Америку. (Лучше «сидеть на вэлфэре» в Бостоне, чем стоять в голодных очередях в Москве.) Когда-то, в разгар перестройки, я прочитал в «Новом мире» стихи Межирова: «Что ж ты плачешь, старая развалина, — Где она, священная твоя Вера в революцию и в Сталина, В классовую сущность бытия...». Каково же было мое удивление, когда я узнал, что эти стихи напи-

саны аж... в 1971 г.! (У охотничьих собак это называется «верхнее чутье».)

За рубежом началось массовое бегство советской агентуры. Резидентура западных стран в СССР начала почти открытые попытки вербовки ведущих специалистов разведки и контрразведки. До 20% личного состава советской агентуры за рубежом стали перебежчиками в течение нескольких дней³³⁴. Лубянку трясло от реформ, летели головы, ломались судьбы. А наш «мандельштамовед в рясе» до сих пор (2008 г.) машет кадилом на приходе в столице «одной неназванной страны» Северной Европы. (По крылатому выражению Святейшего Патриарха Алексия II — «требоисправители и кадиломахатели»). В этой стране есть своя Автономная православная Церковь, и клирики обеих юрисдикций часто встречаются на приемах, празднествах, конференциях. Как рассказывали некоторые «автономные», наш «литературовед» давал им понять: «Ребята! Не Москва ль за нами?». Но не в стихах, а в прозе.

— Советую с *нами* дружить. Будут проблемы — *мы* поможем.

Имея в виду его папашу, вспоминаю классическое: «Яблочко от яблоньки...». Но не будем так строго их судить, ведь они — жертвы коммунистического режима. Виноваты «вредные гены»: Геннадий Зюганов и Геннадий Селезнев...

Затрагивая тему отношений к властям, владыка часто цитировал слова апостола Павла: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). А некоторые клирики из его тогдашнего окружения простодушно развивали тему — ведь Сам Христос говорил: «Стяжите друзей от мамоны неправды» (Лк. 16, 9). Впрочем, от самого владыки ссылку на эти слова мне слышать не приходилось.

Не нам судить о тех временах; можно лишь сопоставить сказанное (безоценочно) со словами папы римского Пия XI. Комментируя заключение Латеранского соглашения (1929 г.) с Муссолини, он заметил: «Для блага Церкви я готов заключить договор даже с дьяволом». Как оценивать, к примеру, действия сельской учительницы на оккупированной немцами территории, когда она шла в гебитскомиссариат просить дрова для замерзающей школы? И ей — без разницы, что гебитскомиссариат, что гэбистский комиссариат, — лишь бы спасти детей. Так и владыка неизбежные контакты с КГБ характеризовал как «*malum necessitatis*» (необходимое зло).

В нацистской Германии простые бедные люди воспринимали социальную помощь как личное благодеяние Гитлера. Районный нацистский руководитель приводил рассказ о благодарности одной

*женщины: «Мы были коммунистами. Но когда ты четыре года остаешься безработным, то становишься радикалом. Уже два г. мой муж работает. Посмотрите, теперь фотография Фюрера висит в нашей когда-то коммунистической лачуге, и под этой фотографией я научила свою девочку молитве «Отче наш». Я, которая рассталась с Церковью в 1932 году. Каждый день моя дочка произносит «Отче наш» перед Фюрером, потому что он дает нам насыщенный кусок хлеба»*³³⁵.

Моя первая поездка за границу в составе церковной молодежной группы состоялась в 1977 г. «Страной назначения» была Финляндия — какая-никакая, а все же «капстрана». Времена были что ни на есть «застойные», «маразм крепчал». Зная, что в составе группы обязательно будет «тайное ухо», владыка предупредил: «В Хельсинки есть большой книжный магазин. В русский отдел не заходи! Первая поездка может оказаться последней!».

Вняв дельному совету, русский отдел, с его «антисоветчиной», я посетил с предосторожностью, чтобы не увидели свои. Но «тайное ухо» (игумен из Одесской духовной семинарии) все же сработало, но топорно. Через некоторое время после поездки мы гуляли с владыкой по лаврскому саду, без «прослушки». На всякий случай понизив голос, владыка сказал: «Говорят, что во время поездки ты якобы злоупотреблял спиртным. Там очень смеялись...».

Прошли годы, и до меня дошли слухи о судьбе «игумена-фантаста»: спился... «Жидкая валюта» играла большую роль в оперативно-сыскальной деятельности. Бывший главный чекист страны Николай Ковалев, занимавший главный кабинет на Лубянке с 1996 по 1998 гг., свидетельствовал о катастрофической дисквалификации оперсостава всех спецслужб. Но разложение началось еще в советские времена.

Областная контора КГБ срочно потребовала от новичка отчет по резидентуре, агентуре, доверенным лицам и содержателям явочных квартир. Ничего лучше местного алкоголика Липкина по кличке Санька-Костыль лейтенант госбезопасности найти не смог. В случае «успешной реализации особо ценных донесений» Липкину было обещано разовое денежное вознаграждение, эквивалентное трем бутылкам «Столичной» емкостью 0,5 литра по цене 3 рубля 62 копейки каждая.

Воодушевленный такой перспективой, Санька-Костыль бумагу о добровольном сотрудничестве подмахнул. Своим грозным агентурным псевдонимом «Разящий» возгордился. И принялся на-

стойчиво выпрашивать у местных мужиков про их антисоветские замыслы. Соблазняя «диверсантов»... третьей долей «премии в стеклотаре». Кончилось все трагически: после его нелепых безграмотных «донесений» ему отказали от «должности», которой он, оказывается, очень гордился³³⁶.

Еще одна заграничная поездка в составе православной молодежной делегации. Через день после возвращения в город на Неве один из «заангажированных» коллег подходит с вопросом: «Слушай, Августин! Что бы написать о тебе плохого?».

— Напиши, что я настаивал на строгом выполнении программы визита и ругал тех, кто опаздывал.

— Так-то оно так, но этого мало!

И, отходя, задумчиво чешет затылок.

А с другим «подсадным» подобный разговор состоялся только через двадцать с лишним лет. Пробыв короткое время преподавателем в семинарии, скромный иеромонах был взят в ОВЦС и отправлен на заграничный приход. Прошли годы, клирик был отозван на родину, и вот — неожиданная встреча в лаврском саду. Вспомнили годы застоя, и «долгосрочника» потянуло на откровенность.

— Да, тяжелые были времена! Ведь сколько гадостей мы с тобой должны были писать друг на друга!

И слышит в ответ: «Извини, но я о тебе гадостей не писал!».

В Одессе это называлось «бричка». Допустим, прохожему «припишило» на Дерибасовской. Он пристроился за бричкой, «процесс пошел». Но тут лошадь тронулась, бричка скрылась за углом, и вот уже «с него смеется вся Одесса».

Его бывший однокашник как-то рассказал, что однажды с этим «источником» приключилась забавная история. Шел он как-то на конспиративную квартиру для встречи с «кумом». И, войдя в подъезд, столкнулся там с другим «источником»-однокурсником. (Почти по курсу истмата: «Два источника — две составные части марксизма».) Тот тоже шел «сливать компромат». Немая сцена, как в последнем акте «Ревизора». Оба «композитора» писали оперу, но опера переклинило «после вчерашнего», и опер вызвал «на контакт» сразу обоих...

Эпизод из польской кинокомедии середины 1960-х годов. Война, Варшава под немецкой оккупацией. Подпольщик, переодетый в женскую одежду, поднимается по лестнице, направляясь на явку к связному. Навстречу сосед; приподнимает шляпу: «Добрый день, пан конспиратор!».

Через лаврский садик владыка Никодим «прокачал» десятки людей, ведя с ними доверительные беседы. И ни один из них потом не был подвергнут преследованиям и гонениям за «разговорчики». Наоборот, митрополит часто предупреждал своих собеседников о тех, кого им следует остерегаться. Вспоминает протоиерей Игорь Мазур.

Райотдел КГБ, «курировавший» Ленинградскую духовную академию, помещался по адресу Невский проспект, д. 176, в здании бывшего епархиального училища; там же был кинотеатр «Призыв». Студентов «призывали» повесткой в военкомат, находившийся в том же доме. Там их встречал «референт, что из органов». Студента Игоря Мазура вербовали в осведомители дважды: «У вас учатся иностранцы! Мы должны быть в курсе!...». Игорь отказывался дать подписку, и при встрече с владыкой Никодимом рассказал ему о своих напастях. После этого от «несознательного» отстали...

В начале 1970-х годов о. Игоря перевели со Смоленского кладбища на Волковское. По окончании литургии он сказал прощальное слово и попросил прощения у прихожан и у сослужащих батюшек. Один из них здесь же, при всех, встал на колени и покаялся: «Прости, я подписал бумагу против тебя!».

Студентов ЛДА вербовали не только в военкомате, но и прямо в здании академии. Могли вызвать к паспортистке, а там комитетчик уже поджидает «объекта разработки». Протоиерея Бориса Безменова пытались «вербануть» в конце 1970-х. Но он твердо заявил: «Я от вас ушел сюда. А вы и здесь! Мне от вас ничего не надо! Оставьте меня в покое!». А потом рассказал о «контакте» ректору, в его кабинете. Реакция была сдержанной (прослушка!): «Вас спросили, Вы ответили...».

Но не все могли отбиться от супостатов. Кого-то «прижимали на компромате», кого-то — обещанием «помочь в карьере». В смутные годы «андроповщины — черненковщины» один нахрапистый игумен, отиравшийся в академии, почти не скрывал своих «негласных контактов», и в ходе «доверительных бесед» с «кумом» он «сливал компромат» на своих собратьев. Однажды он должен был возглавить литургию в академическом храме, но прибежал в алтарь в последний момент, как часто с ним бывало, — «с бодуна». Облачаясь, он крикнул диакону: «Евангелие заложили?». (То есть отметили ли страницу с сегодняшним евангельским чтением?) Будучи рядом, я громко посетовал: «Бедное Евангелие! И тебя здесь закладывают!».

Вокруг таких «нахрапистых» постепенно образовывался вакуум, с ними избегали общаться. Как известно, за литургией, во время пения «Символа веры», священники в алтаре у престола лобызаются со словами: «Христос посреде нас! — И есть и будет!». Один резковатый батюшка = «<заложник» так ответил «подсадному»: «Нет и не будет!». И вправду, — что сказать «меченому», если знаешь его подноготную? «Донос посреде нас»? А он в ответ: «И есть и будет»? А «нахрапистого» за обедом я с издевкой похвалил: «Молодец! Твои хозяева довольны, — стал грамотным! Слово “донос” уже пишешь через “о”!»

Как только митрополит Никодим появлялся на Западе, почти вся пресса начинала писать, что он — полковник (или генерал) КГБ. Владыка весьма огорчался, что его повсюду отождествляют с советской властью, с КГБ. Конечно, можно было бы сказать: подождем, пока откроются архивы (лет, этак, через 50) и тогда обретем «момент истины». А пока можно привести слова Фэри фон Лилиенфельд, которая оценивает эту «дезу» с психологической точки зрения.

Иногда на Западе говорили: у части архиереев в России припрятаны партбилеты. Между тем как раз этого-то и не было! Криптокоммунист в церковные иерархи не пошел бы. Только представьте себе, сколько пришлось бы ему для этого затратить усилий! Все время быть на виду, не иметь семьи, вести монашескую жизнь, помнить наизусть массу псалмов и других текстов, соблюдать посты, простаивать в храме на ногах час за часом и т. д. Церковь предъявляла (и предъявляет) к кандидатам в священство и уж тем более в епископы такие высокие барьеры, что без подлинной, глубокой и жертвенной веры преодолеть их невозможно!³³⁷

Но был ли митрополит Никодим «связан с КГБ»? И такая формулировка тоже заведомо неточная. В ту эпоху тайная полиция пронизывала все слои общества, в том числе и церковные. При Андропове было создано «5-е управление КГБ по борьбе с идеологическими диверсиями». Православие было одной из них, поскольку размывало основы режима, воздвигнутого на песке. «Шестерки из пятерки» собирали компромат на духовенство, вербовали в осведомители. Это была рутинная, вялотекущая деятельность; в ОВЦС был кабинет «референта», и все знали, что он «оттуда». Такой же «референт» сидел в академии, его кабинет соседствовал с митрополичьим (удобно для прослушивания). Подобный чекист присут-

ствовал практически в каждом крупном НИИ, а в оборонке он возглавлял «1-й отдел». «Особисты» контролировали армию; в ельцинскую эпоху их оттуда убрали, при Путине снова вернули. Все предельно ясно и открыто.

Как это ни странно, в армии «ЧК сменила ЦК» при «перестроенном Горби».

Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет.

Совершенно секретно. Особая папка. Лично. № П 150/16.

Т. т. Горбачеву, Рыжкову, Чебрикову, Язову, Крючкову, Лизичеву, Павлову А., Смиртюкову.

Выписка из протокола № 150 заседания Политбюро ЦК КПСС от 15 марта 1989 года. Вопрос Министерства обороны СССР и Комитета государственной безопасности СССР. (О введении в политических органах Советской Армии и Военно-Морского флота дополнительных должностей инструкторов по организационно-партийной работе и замещении их офицерами КГБ СССР).

1. Принять предложение Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота и Комитета государственной безопасности СССР о введении в политических органах Советской Армии и Военно-Морского флота за счет штатной численности КГБ СССР 32 должностей инструкторов по организационно-партийной работе.

2. Установить, что должности, вводимые в соответствии с пунктом 1 настоящего постановления, замещаются офицерами органов государственной безопасности с зачислением их в действующий резерв КГБ СССР.

Секретарь ЦК³³⁸

В те годы «референтов» не было, пожалуй, только при баннопрачечных комбинатах; там их функции исполняли парторги.

Такие «референты» назывались офицерами «действующего резерва». Это были кадровые офицеры КГБ, которые либо открыто работали под другими «крышами», либо имели профессию-прикрытие. Скажем, должности заместителей директоров научно-исследовательских институтов «по режиму» и проректоров «по работе с иностранцами» в высших учебных заведениях, трудились переводчиками, швейцарами интуристовских отелей, инженерами автоматических телефонных станций, журналистами. Зарплату они получали в тех же кассах, где и их гражданские коллеги, а КГБ выплачивало им разницу между окладом сотрудника Ко-

митета, надбавкой за звание и выслугу лет и теми деньгами, как правило, меньшими, кои они имели согласно штатному расписанию своей «крыши»³³⁹.

После августовского путча Лубянка произвела «рокировку в длинную сторону». 27 декабря 1991 г. первый заместитель тогдашнего шефа КГБ Анатолий Олейников в своем письме в комиссию Верховного Совета России сообщил, что «в связи с реорганизацией органов госбезопасности действующий резерв КГБ СССР упразднен».

Это правда. Неправда состояла в том, что, где чекисты работали под «крышами», там в большинстве своем и продолжали трудиться, только в официальных комитетских бумажках они стали именоваться по-другому — «прикомандированные»³⁴⁰.

В отчете Совета по делам религий за 1974 г. говорилось прямо и откровенно: «Ни одно рукоположение во епископы, ни одно перемещение не проходит без тщательной проверки кандидатур ответственными сотрудниками Совета в тесной связи с уполномоченными, местными органами и соответствующими заинтересованными организациями»³⁴¹. Что такое «заинтересованные организации» — разьяснять не надо. Как пел Высоцкий, «я знал, что мной интересуются, но, впрочем, я пренебрегал».

В том же отчете Совета по делам религий тогдашние правящие архиереи условно разделены на три группы. «Первая — правящие архиереи, которые и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения. К ним можно отнести: Патриарха Пимена...»; далее следуют имена митрополитов и архиепископов, но среди них имя митрополита Никодима отсутствует³⁴².

Он зачислен во вторую группу, куда вошли «правящие архиереи, которые стоят на лояльных позициях к государству, правильно относятся к законам о культах и соблюдают их, но в своей повседневной административной и идеологической деятельности стремятся к активизации служителей культа и церковного актива, выступают за повышение роли церкви в личной, семейной и общественной жизни с помощью модернизированных или традиционных

концепций, взглядов и действий, подбирают на священнические должности молодежь, ретивых ревнителей православного благочестия. В их числе митрополиты — Ленинградский Никодим...»³⁴³

Давний друг Русской православной Церкви (МП) Фэри фон Лиленфельд (Вера Георгиевна) отвечает на «каверзный» вопрос о митрополите Никодиме: «Он, конечно, хотел добра Церкви, но средства, к которым прибегал, не были безупречными».

«Может быть. Вероятно, он имел свои особые связи с властями и умел их использовать. Тут непросто найти правильную границу. Когда я впоследствии говорила на сию щекотливую тему с молодыми православными иереями, вскоре после смерти митрополита, то не раз слышала примерно следующее: лучше иметь архиерея, который не допускает у себя в епархии массового закрытия храмов, пусть и неприглядными методами, чем такого, который хранит чистоту риз, но остается почти без церквей».

Это то же самое, что с нашим бывшим президентом консистории (Консистория — высший совет Земельной Церкви в Германии. Его можно уподобить синоду РПЦ) Манфредом Штольпе (Stolpe), высшим церковным юристом времен ГДР (он был членом Церкви земли Берлин-Бранденбург). Его постоянно обвиняют в том, что он сотрудничал со Штази. У нас тогда епископ не был обязан вступать в прямой контакт с властями — все переговоры и обращения находились в руках церковных юристов. Соответственно церковным юристам приходилось общаться с представителями властей, даже если последние и были напигованы сексотами. Так вот теперь Штольпе бросают упрек в сотрудничестве со Штази; Штольпе же резонно отвечает: он не сотрудничал, а вступал в переговоры. Вести переговоры и быть коллаборантом — не одно и то же. Ему удавалось освобождать диссидентов из тюрем — разве это коллаборационизм? Если бы он добивался выгод лично для себя или приносил ущерб Церкви, — это был бы настоящий коллаборационизм. Вот он, как бы желая блага, говорит тому или другому государственному чиновнику: «Послушайтесь доброго совета. Отпустите N. N. Что вы держите его в тюрьме? Это только вредит престижу ГДР». Предположим, власти быстро освобождают человека, за которого ходатайствовал Штольпе, — разве это коллаборационизм? Мы всегда питали доверие к Штольпе: у него был свой подход к властям, приводивший к благу. Он умел ловко добиться, предположим, разрешения на проведение определенного «сомнительного» церковного мероприятия.

Точно так же и с митрополитом Никодимом. Во время его пребывания на Ленинградской кафедре не была закрыта ни одна церковь!»³⁴⁴

После 1991 г. покаялся бывший второй заместитель председателя ОВЦС — архиепископ Хризостом (Мартишкин; ныне — Виленский и Литовский) — в том, что в свое время имел контакты с КГБ. Он даже раскрыл свой агентурный псевдоним — «Реставратор». (В молодости, до принятия сана, он действительно работал реставратором.) Но ему это было положено по должности, поскольку он отвечал за приезды в страну иностранных церковных деятелей. Оформление виз, программа пребывания гостей, разрешение на посещение других городов (было и такое!), — все это замыкала на себя Лубянка.

Из документов.

15.03.1989. Совет по делам религий при Совете министров СССР планирует направить в зарубежные страны 66 человек (в 1988 г. направлено 66 человек) и принять в СССР 82 человека (в 1988 г. принято 89 человек).

Представленные планы ориентированы на закрепление и развитие международных связей по линии Совета и религиозных организаций и соответствуют основным направлениям внешней политики Советского государства...

В целях усиления координации международного сотрудничества считали бы возможным в последующем рассматривать международные связи религиозных объединений СССР совместно с планами сотрудничества советских общественных организаций с зарубежными партнерами.

С МИД СССР (т. Петровский В. Ф.) и Комитетом государственной безопасности СССР (т. Бобков Ф. Д.) согласовано.

Просим согласия. Зав. идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто. Зав. международным отделом ЦК КПСС В. Фалин³⁴⁵.

И было бы наивно думать, что вот он какой гадкий, — второй заместитель, а те, кто по рангу выше, — «в белом венчике из роз». Если с этой меркой подходить к должности председателя ОВЦС, то можно дойти до абсурда, как в анекдоте времен «застоя»: Косыгин и Брежнев гуляют по кремлевскому садику, и Брежнев тихо, чтобы не подслушали, говорит: «Леша! Какой ужас! Недавно мне сказали, что Андропов — стукач!»

А это уже не юмор. Согласно неофициальным данным, Горбачев никогда не работал в КГБ. Однако сразу же после окончания

Московского университета он подавал документы на работу в органы госбезопасности. Но его туда не приняли, так как в ходе проверки выяснилось, что его отец проживал на временно оккупированной территории³⁴⁶.

И «недреманным оком», присматривавшим за высокопоставленным «двурушником», был шеф КГБ Владимир Крючков. В этом он признался спустя 10 лет после провала августовского путча ГКЧП.

— Мы в КГБ получали очень много писем, в которых приводились факты и давались оценки действиям Горбачева и Ельцина... Причем письма настораживающие, письма, в которых нас предупреждали, что эти люди могут довести страну до катастрофы. Анализ поступков Ельцина я показывал Горбачеву. Он говорил: «Я все знаю, имей в виду, мы когда-нибудь займемся этим...» Письма, в которых давалась характеристика его собственным действиям, я показывать не мог...

— А о чем писали?

— Люди рассуждали. Многие предвидели развал, гибель страны, считали, что виновником всего является Горбачев, что ему надо обязательно уйти, что он импульсивен, что в силу своего характера ни одно начатое дело он не доводит до конца. Были письма от врачей, которые касались отдельных его странностей...

— Например?

— Ну, в общем, некоторые утверждали, что Горбачев в силу своих личных психических и психологических данных для поста первого человека такой страны просто не подходит.

— Это наблюдения психологов?

— Психологов. Я хочу сказать другое. Горбачев всегда был предателем партии и страны. И он сам это не так давно подтвердил... В конце 2000 г. в российских СМИ было сообщено о том, что первый и последний президент СССР Михаил Горбачев выступил в Турции с обширной лекцией. Там он говорил о том, что еще в ранние свои годы вынашивал теребящую его идею борьбы с коммунизмом и что она, оказывается, была главной целью его жизни. И все его последующие, известные всему миру действия на посту советского руководителя были лишь результатом его внутренних поисков...³⁴⁷

Примечательно, что Совет по делам религий включил тогдашнего епископа Курского Хризостома в третью, самую «вредоносную» группу: «Это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах,

некоторые из них религиозно консервативны, другие — способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих — замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти»³⁴⁸.

Владыка Хризостом — единственный из архиереев Московского патриархата, кто открыто признал свою связь со спецслужбами и сделал это добровольно и публично. Он иерарх, возглавляющий епархию Русской православной Церкви в Литве, и в его ситуации это, вероятно, был самый логичный ход. Архивы КГБ в Литве оказались в руках новой власти и там была проведена люстрация (чистка) всех граждан. В ходе изучения бумаг оказалось, что «законтаченной» была даже сама Прунскене — пламенный борец с «прогнившим оккупационным режимом».

В конце июня 1992 г. Верховный суд Литвы приступил к рассмотрению дела о сотрудничестве экс-премьера республики Казимеры Прунскене с органами госбезопасности СССР. Процесс, которого ждали уже давно, проходил при переполненном зале и пристальном внимании средств массовой информации. Поводом для судебного разбирательства послужили материалы парламентской комиссии, занимавшейся расследованием деятельности КГБ в Литве.

Первый же день слушаний обнаружил, однако, что позиции комиссии уязвимы. Единственный документ, которым она располагала, — это заявление о согласии на сотрудничество с КГБ, на котором стоит подпись Прунскене. Графологическая экспертиза в свое время подтвердила идентичность подписи. Впрочем, сама Казимера Прунскене тоже не отрицала этой возможности. Однако заявление датировано 1980-м годом, а, по ее словам, так расписываться она стала гораздо позже.

Как до суда, так и на суде Казимера Прунскене решительно отвергала предъявленные ей обвинения. Она настаивала на том, что если в деле и могли быть какие-то документы, то разве что отчеты о ее научных загранкомандировках, которые, вполне возможно, передавались и в органы госбезопасности. . .³⁴⁹

Да что там какая-то Прунскене! В 1920–1930-х годах агентами НКВД пребывали президент Литвы Сметона и Эстонии Пятс (в 1928–1934 гг. получал от советских чекистов по 4 тысячи долларов в год). Впрочем это не спасло Пятса от сталинских репрессий. С 1941 по 1956 гг. бывший президент Эстонии находился в Казанской

спецпсихбольнице. В 1956 г. его вывезли в Вильянди и поместили там в дом для престарелых. Однако его местопребывание стало известно эстонскому населению, началось настоящее паломничество, и он вновь был увезен в неизвестном направлении³⁵⁰.

Глава Латвии Карлис Ульманис также был агентом НКВД и даже своей диктатурой был обязан тайной финансовой и политической поддержке СССР. (На сей счет имеются разоблачения эстонского историка Ильмярва, работавшего с архивами КГБ СССР)³⁵¹.

... Через 15 лет после подавления путча ГКЧП, после кровавого штурма вильнюсского телецентра, казалось бы, Литва давно «раскоммуниздилась». Но вот сообщение прессы. 4 июля 2006 г. литовский сейм утвердил 85 голосами «за» при 13 «против» 54-летнего социал-демократа Гядиминаса Киркиласа премьер-министром страны. До этого он занимал пост министра охраны края (обороны). Киркилас — уроженец Вильнюса. В молодости он служил в частях Северного флота в Североморске. Окончил педагогический институт и Высшую партийную школу в Вильнюсе, работал в ЦК Компартии Литвы. В 1989 г. был избран 1-м секретарем ЦК КП Литвы³⁵². Требуются комментарии?

... В 2005 г. Герхард Шредер уступил место бундесканцлера ФРГ лидеру ХДС Ангеле Меркель. Она родилась в 1954 г. в ГДР; после окончания университета занимала пост секретаря по агитации и пропаганде комсомольской организации Академии наук ГДР.

«Семнадцать мгновений весны». Реплика Вольфа (Василий Лановой) Даллесу (Вячеслав Шалевич), касающаяся тех, кто будет руководить страной после падения режима: «... У нас все были в СС. Чем быстрее вы забудете об СС и об иерархии в СС, тем лучше будет для нас. И для вас...», — цитировалась в печати неоднократно. В годы войны заявления о приеме в партию писали как по ту, так и по эту сторону фронта.

... Август 2006 г. в Германии ознаменовался нешуточным скандалом, разразившимся в связи с неожиданным признанием, сделанным знаменитым немецким писателем, лауреатом Нобелевской премии Гюнтером Грассом на страницах книги воспоминаний «Когда чистишь луковицу», появившейся на прилавках немецких книжных магазинов. Все началось с заголовка во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» от 12 августа 2006 г.: «Гюнтер Грасс: я служил в войсках СС».

В опубликованном в том же номере интервью 79-летний Грасс действительно подтвердил, что в 1944 г. в 17-летнем возрасте был

призван в танковую дивизию СС «Фрундсберг». Решение записаться на фронт, по словам писателя, пришло от безысходности — это была попытка убежать из «двухкомнатной дыры», где проходило его детство, вырваться из «капкана своего происхождения».

Он хотел попасть на подводную лодку, написал заявление, но не прошел отбора и был направлен после трудовой повинности в танковую дивизию СС «Фрундсберг». Честно написал и о том, что в юности воспринимал СС «как элитное подразделение, несущее службу в горячих точках», и лишь спустя долгие годы к нему пришло чувство вины, хотя он и не успел сделать ни одного выстрела.

Родившийся в 1927 г. Грасс пережил немецкий вариант «военной юности». До сих пор он говорил о себе: «в 16 — солдат, в 17 — военнопленный», никогда не делая тайны из того, что в юности был убежденным членом гитлерюгенда и до последнего момента верил нацистской пропаганде. Ранение в апреле 1945-го, видимо, спасло ему жизнь — когда его сослуживцев громил под Лаузицем маршал Конев, он уже находился в американском лагере для военнопленных, откуда был выпущен в 1946 г.

Была ли бы возможной Нобелевская премия, если бы Грасс с самого начала указывал во всех своих официальных биографиях, включая биографию, представленную в Комитет по присуждению Нобелевской премии, службу в войсках СС, пусть даже и очень короткую? Нельзя сказать, что Грасс скрывал этот факт своей биографии. В 1992 г. в справочную службу в Берлине, где хранится вся архивная документация времен войны, поступил запрос от государственного управления по социальному страхованию по Гюнтеру Грассу на период 1945–1946 гг., чтобы установить сумму пенсионных начислений за этот период. В найденных документах значилось, что вышеупомянутый стрелок 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг» с 8 мая 1945-го по 24 апреля 1946 г. находился в американском плену. Сохранилась и учетная карточка американского лагеря, заполненная и подписанная самим Грассом³⁵³.

1944 год. Варшавское восстание. Молоденький член гитлерюгенда видит, как из какого-то люка вылезает польский повстанец. Немец вскидывает «шмайсер», но вдруг слышит голос с неба: «Не стреляй! Это будущий папа!» Он прицеливается, но снова тот же голос: «Не стреляй! Ты — следующий папа!».

СС — это у них. А у нас — КПСС. Мало кто знает, что КПСС имела собственную охранку, самый настоящий внутрипартийный

жандармский корпус, который выполнял свои функции независимо и параллельно с госбезопасностью. Об этом рассказывает журналист Ю. Борин; в начале 1970-х годов он был изгнан из редакции «Ленинградской правды» за неугодное тогдашнему обкому КПСС поведение и устроился на работу в «Ленинградский дом журналиста».

«Делать там было практически нечего, и мне предложили проводить политинформации среди трудового коллектива. Утром читаешь газеты, а в обеденный перерыв собираешь публику и излагаешь прочитанное своими словами.

Однажды вызывает меня директор: звонили из райкома и приглашали всех политинформаторов на инструктаж. Как выяснилось позже, директор явно напутал. Вызывали не политинформаторов, а партинформаторов.

В назначенный час явился в помещение Смольнинского РК КПСС, где уже собралось изрядно народа. Когда все расселись, слово взял заведующий не то общим, не то первым отделом райкома и начал объяснять аудитории, как и в какие сроки следует подавать докладные в райком и что в этих докладных указывать: подробнее о настроениях людей, об их взглядах и высказываниях. А особо — о высказываниях негативных — с указанием фамилий и должностей. А также о том, как и кто реагировал на эти высказывания: смеялись, давали отпор, равнодушно молчали, внимательно слушали и т. д.

Я был потрясен, поскольку не подозревал, что среди нас есть стукачи не только гбэшные, но и доносчики, так сказать, по партийной линии. Между тем партстукачи выслушивали инструктаж с большим вниманием, задавали вопросы, кое-что записывали. После чего молча разошлись. Партийное око следило за каждым из нас, в том числе и за «своими», — на том и зиждился тоталитарный режим»³⁵⁴.

А теперь посмотрим, «плясал ли под дудку КГБ» епископ Курский Хризостом? Вот выдержка из отчета Совета по делам религий за 1974 г.:

В сентябре 1974 г. стал правящим архиереем Курской епархии епископ Хризостом, зам. председателя ОВЦС Патриархии, но уже в первые месяцы его правления от уполномоченного Совета по Белгородской области тов. Шаманова П. Ф. поступила информация о ретивых действиях епископа по оживлению религиозной жизни. В связи с этим Совет решил оперативно разо-

браться по ряду вопросов, вытекающих из информации уполномоченного Совета. С этой целью с епископом Хризостомом была проведена индивидуальная беседа, в которой Хризостом подчеркнул: «Уполномоченный по Курской области Коробко Г. Ф. душевно понимающе относится к проблемам архиерея, а уполномоченный по Белгородской области Шаманов Петр Федорович, видимо, не встречался с религиозными людьми, не имеет опыта. В первой беседе со мной он говорил, что в церковь ходят только старики и старики, молодежи нет. А когда я стал говорить, что это неправильно: я вот молодой архиерей, Петр Федорович ответил: — Это еще неизвестно, зачем Вы туда пошли. Я, архиерей, считаю для меня оскорблением такие намеки».

В ходе беседы в Совете Хризостом твердо и настойчиво проводил мысль о том, что как епископ он обязан искать и подбирать кадры духовенства, трижды подчеркнув «с кадрами у нас дело обстоит катастрофически». Он выражал недовольство тем, что духовные школы мало принимают слушателей, отказывают в приеме бывшим комсомольцам, не обеспечивают потребности приходов в служителях культов, а поэтому ему приходится брать кандидатов для рукоположения из Тамбовской, Липецкой и других епархий, представлять большие списки уполномоченному, который не всех из них пропускает. Хризостом сказал: «Мой предшественник епископ Николай не принимал верующих, а я принимаю и стремлюсь внушить им надежду на возобновление работы храма. У меня сейчас в епархии около сорока церквей не действуют из-за отсутствия священников, а я как зам. председателя ОВЦС и как епископ не хочу, чтобы про меня говорили: этот епископ — атеист, епископ — чекист, как про нас говорят. Я хочу быть чистым епископом в глазах верующих и иностранцев. Что же касается обвинения в мой адрес со стороны уполномоченного в активизации религиозной жизни, то я же не езжу по церквям и не предлагаю верующим ходатайствовать об открытии церквей. Они сами приходят ко мне.

Я епископ, мне 40 лет. Из Церкви я уходить не собираюсь. Хотя я слышал от атеистов немало обидного и оскорбительного, но теперь время такое, что сделаешь. Вчера от настоятеля Белгородского собора я узнал, что в сентябре 1973 г. в собор приходила секретарь уполномоченного и запретила крестить детей в обычные дни, а только крестить по воскресеньям. Это делать нельзя и незаконно. Уполномоченного я еще не видел и с ним еще об этом

не говорил. Против Белгородского уполномоченного у меня обиды нет. Нам нужно работать в контакте».

Совет разъяснил епископу Хризостому как начинающему правящему архиерею, каковы должны быть взаимоотношения архиереев с уполномоченными, а также основные положения законодательства о религиозных культах.

В тот же день, сразу после беседы с Хризостомом, в Совете состоялась встреча с уполномоченным по Белгородской области тов. Шамановым П. Ф. Ему рассказали о беседе с Хризостомом. В ответ тов. Шаманов сказал: «Разговор с епископом на атеистические темы, а тем более намеков, почему епископ пошел в Церковь, я не вел. Видимо, у него есть привычка передергивать в разговорах. Я это учту на дальнейшее; что же касается активной деятельности епископа, то он действительно стремится активизировать религиозную жизнь. В области не действуют несколько лет более 20 церквей, в 6 из них Хризостом уже подобрал священников и представил список еще на 16 кандидатур. Хризостом активно выезжает по приходам с архиерейскими службами. Мы усматриваем в этой ретивости стремление укрепить Церковь и желание укрепить авторитет среди местного духовенства и верующих.

Епископ не прав в том, что якобы мой секретарь был в сентябре прошлого года в соборе и давал указания проводить крещение только по воскресеньям. Этого не было. Секретарь уполномоченного — это технический работник и другими вопросами не занимается».

Епископ Хризостом, как было нами установлено, действительно показал свою религиозную ретивость, поставил своей целью возобновить деятельность затухающих приходов, активизировать верующих, не брезгуя на этом пути никакими средствами, вплоть до наговоров на уполномоченного Совета с целью его компрометации.

О неправильном поведении Хризостома сообщил в Совет и уполномоченный по Курской области тов. Коробко. Так, выступая 20 октября 1974 г. в Курском соборе с проповедью, пишет в Совет тов. Коробко, Хризостом говорил:

«Человек в своей земной жизни приобретает право на вечную жизнь с Богом или лишается этой радости. Неверующие люди говорят, мол, Бога нет, а верующие знают и верят в существование Бога. Неверующий человек, поднявшись над землей на несколь-

ко десятков или сотен километров, говорит, что не видел Бога, а потому, мол, Бога нет, а верующий знает, что Бог есть в сердце. Но и неверующий много принимает по вере, например, ученые говорят, что Вселенная не имеет границ, она беспрельдна, и неверующий этому верит».

«Проповедь епископа, — сообщает в этой связи уполномоченный Совета, — вызвала много различных толков, вплоть до того, что он выступал против власти». Хризостом согласился с тем, что эта проповедь была неудачной и обещал впредь тщательнее продумывать содержание своих выступлений перед верующими.

После назначения в Курск к Хризостому стали приезжать, помимо его знакомых по учебе в семинарии, академии и совместной службе, такие лица, которые серьезно скомпрометировали себя в прошлом. Хризостом рукоположил в сан священника и взял на службу в церкви епархии несколько человек своих знакомых»³⁵⁵.

Напомним, что речь шла о ближайшем сотруднике владыки Никодима по работе в ОВЦС. А вот как партийные верхи оценивали деятельность самого митрополита Никодима. То, что в их устах звучит как упрек, для «человека Церкви» — похвала.

Умело, тонко и в то же время открыто и недвусмысленно митрополит Никодим стремится увести молодежь от решения современных и весьма острых политических, социальных задач, убеждая слушателей, что в мире ничего нет лучше Христа и нужно чаще собираться верующим вместе, в тесном союзе поддерживать церковь земную, воинствующую; спасать не только верующих, но и неверующих, и не стремиться угождать людям»³⁵⁶.

Еще один абзац из отчета (1974 г.) — косвенный подкоп под владыку Никодима и его «ставленников», вкусивших на Западе дух свободы: «Определенную озабоченность вызывает деятельность некоторых молодых правящих архиереев, которые в разное время привлекались к зарубежной работе, а внутри страны нередко проявляют религиозную ретивость, не считаясь с рекомендациями уполномоченных Совета и местных органов власти. К их числу относятся архиереи Николай Владимирский, Владимир Иркутский, Гермоген Калининский, Дамаскин Вологодский, Хризостом Курский, Савва Черниговский, Михаил Астраханский и некоторые другие»³⁵⁷.

Как видим, в числе «религиозно ретивых» снова упоминает-

ся епископ Хризостом. Таким же он остается и ныне, будучи уже архиепископом. Рассказывает один из клириков Виленской епархии.

Возглавив нашу епархию, владыка быстро искоренил порочную практику взаимного доноительства, процветавшую здесь с советских времен. Сделал он это очень просто. На очередном епархиальном собрании он затронул проблемы одного, отдельно взятого прихода, — на «конкретном материале».

— Вот, например, протоиерей X в своем рапорте пишет на протоиерея Y то-то и то-то. А протоиерей Y, в свою очередь, в своей докладной записке пишет на протоиерея X то-то и то-то. А теперь перейдем к проблемам следующего прихода. . .

С того времени епархиальные любители «эпистолярного жанра» в Литве повывелись. . .

Напрашивается аналогия с армией. Осмелюсь предположить, что владыка Никодим был в Русской Православной Церкви фигурой такого же масштаба, что и маршал Жуков в армии. (Жуков сражался против внешних врагов, а митрополит — против внутренних.) И если маршал находился под «колпаком» органов, значит ли это, что полководец «спутался с НКВД»? На таком уровне обыденные оценки и понятия смещаются. Жуков стал маршалом благодаря своему полководческому таланту, а не потому, что его, допустим, продвигал наверх Ежов или Берия. Жуков сам ходил под угрозой ареста и летом 1953 г. сполна рассчитался с Лаврентием Павловичем. Сегодня имена «особистов», которые «курировали» Жукова, давно забыты, а статуя маршала стоит на подходе к Красной площади.

Как заметила Фэри фон Лилиенфельд, «Может быть, владыка и сотрудничал с «органами», но провел их! Если буквально перевести на русский немецкую идиому, он «станцевал у них на носу»! Митрополит всегда проявлял удивительную независимость и самостоятельность!»³⁵⁸

Автор этих заметок сознает спорность своих рассуждений и отнюдь не настаивает на правоте. Многие мы еще не знаем; подождем, когда откроются архивы. В любом случае будем помнить о той надписи, которую владыка Никодим завещал высечь на своем надгробии: «Господи, аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр, помилуй мя, видя немощь души моя». Эти слова он заповедал написать на своей могиле еще за несколько лет до своей скоропостижной кончины.

... В 1990 г. на Ленинградскую кафедру из Куйбышева (Самара) был переведен митрополит Иоанн (Снычев). По оценке Совета по делам религий, он числился в третьей, вредоносной группе архиереев, — с антисоветским уклоном. При нем город на Неве был «раскодирован» (1991 г.), и правящий архиерей вновь стал именоваться Санкт-Петербургским.

В мае 1992 г. вступил в действие закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Раздел 4 Закона, озаглавленный «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», гласил, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению мероприятий. При их желании сохраняется конфиденциальность сотрудничества. Работа может осуществляться и по контракту. Помощники обязаны сохранять в тайне полученные сведения и не предоставлять заведомо ложной информации. В свою очередь сведения о таких людях являются государственной тайной.

Подобной деятельностью на контрактной основе не имеют права заниматься народные депутаты, судьи, прокуроры, адвокаты, священнослужители и полномочные представители официально зарегистрированных религиозных объединений³⁵⁹.

Но «комитетчики» продолжали вербовать студентов и воспитанников СПбДАиС в «добровольные помощники». Во-первых, они еще не священнослужители, а во-вторых, будут не на «контракте», а просто на «контакте». Однажды, проводя в актовом зале вечер вопросов и ответов, митрополит огласил поданную ему записку.

— Дорогой владыка! Меня вербуют в осведомители и угрожают в случае моего отказа. Как мне поступить?

В «миру» был хороший способ избежать «капкана». Так, чекисты хотели завербовать «комсомольского поэта» Михаила Светлова для того, чтобы он писал «психологические портреты» писателей. А они знали, с кем имеют дело: это был человек, в 15 лет ушедший в Красную армию, служивший в ЧК, исключенный за троцкистские убеждения из комсомола, певец советского патриотизма, автор знаменитой «Гренады», «Баллады о чекисте Иване Петрове» и всякое такое.

Но вербовка оказалась безуспешной: поэт, чтобы избавиться от опеки органов, совершил беспрецедентный поступок. Будучи вызван на Лубянку, он, никогда не увлекавшийся алкоголем, явился туда изрядно выпившим. На чекистов это произвело впечатление, и бывший коллега Светлов был отпущен подброду-поздоро-

ву³⁶⁰. Но для церковных людей этот способ «сорваться с Крючкова» был неприемлем.

Вспоминает протоиерей Владимир Тимаков. 1950-е годы.

Когда я стал священником, меня позвали к телефону. Вызавший отрекомендовался оперуполномоченным и назначил мне встречу на Якиманке под часами. Понимая опасность ситуации, я прикинулся простачком и, как бы ища совета, пересказал все доверенному лицу митрополита Николая (Ярушевича). Доверенное лицо тут же сообщило об этом митрополиту, тот возмутился и потребовал, чтобы в Совете по делам РПЦ проверили, что за личность вызывает меня на встречу под часами. Это фактически мне и было нужно: встреча еще не состоялась, а факт вызова был уже разглашен. Если бы состоялась встреча, то у меня взяли бы подписку о неразглашении тайны, не встретившись же, естественно, я такой подписки дать не мог. Это помогло мне легко выпутаться из неприятной ситуации.*

... Ответ митрополита Иоанна поразил всех своей откровенностью и простотой.

— В Куйбышеве, бывало, прибегает ко мне приходской батюшка, падает в ноги и причитает в слезах: «Владыка! Меня вербуют! Требуют доносить на собратьев по храму. Помогите!». А я ему: «От встречи-то не отказывайся, приходи. А в разговоре прикинься дурачком: мол, то не понял, это забыл. И так — раз, другой, а на третий они сами от тебя отстанут».

— ... В 1924 г. епископ Мануил (Лемешевский), духовный отец владыки Иоанна, прибыл в Москву для беседы с Тучковым о делах Петроградской епархии. «... С такими архиереями, как вы, не разговаривают, таких архиереев к стенке ставят, — перебил его на первом же слове Тучков.

— Вы это сознательно говорите? — спросил его епископ Мануил.

— Да.

— В таком случае мне с вами не о чем разговаривать, — сказал епископ Мануил и вышел из кабинета.

Перейдя через дорогу, он прошел затем в Наркомат юстиции, который помещался тогда с другой стороны Лубянки, и принес им официальную жалобу на ГПУ. Красиков, работник Наркомата, заведовавший церковными делами, внимательно выслушал владыку,

* Тимаков В., протоиерей. Церковь и атеистическое засилье в 40–80-х годах // Альфа и Омега. № 1 (42). М., 2005. С. 227.

поблагодарил за то, что он обратился в Наркомат, и обещал принять меры. В тот же день епископ Мануил вернулся в Ленинград. А через день-другой арест в Петрограде епископа Мануила и около сотни человек, которым приписали участие в тайной организации. Епископ Мануил получил три года Соловков³⁶¹.

Но «от Тучкова до Крюčkова» прошло 70 лет; настали иные времена, иные нравы...

...В свое время ГДР была занесена в книгу рекордов Гиннеса: там каждый четвертый «сознательный гражданин» работал на «штази». Дело доходило до того, что муж следил за женой, а жена следила за мужем³⁶². А в «закрытой» и «гэбизированной» Куйбышевской области (епархии), возможно, каждый второй батюшка должен был «косить под придурка». Вот уж поистине — «наш дом — дурдом». Но как бы то ни было, наступали другие времена. «Про это» уже можно было говорить...

Ну, а если студент или батюшка «шибко умный» и «прикинуться дурачком» не получается?

— Вы же советский человек, — говорил с напором сотрудник КГБ, — а значит, должны нам помочь.

И что ты ему скажешь? Если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки. Советский же человек обязан сотрудничать с нашими доблестными органами — это ясно как день. Между тем никакой закон не обязывал нас быть «советскими людьми». Гражданами СССР — другое дело. Гражданами СССР все мы являлись в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако никакой закон не обязывал всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому-то мифическому облику. Граждане СССР были обязаны соблюдать писанные законы, а не идеологические установки.

Далее, понятие советской власти. Вы против советской власти или за? Я могу думать что угодно, но если я официально заявлю, что я против, — это уже антисоветская пропаганда. Опять семь плюс пять. Что же мне — лгать? Или сознательно нарушать законы? Однако этого и не требовалось. Согласно Конституции СССР, политическую основу советской власти составляла власть Советов депутатов трудящихся, тот самый бутафорский орган, который на деле имел меньше власти, чем рядовой милиционер. Ни о какой партии в этом разделе Конституции и помина нет.

— Возражаю ли я против власти некоего парламента, который

называется Совет депутатов трудящихся? — Нет, не возражаю. Тем более, что абсолютно нигде не сказано, что он должен быть однопартийным. Название, конечно, можно было бы придумать и лучше.

Это рассуждение было чрезвычайно важным, так как на практике власти автоматически объявляли антисоветским все, что им не нравилось. Рассуждая же строго юридически, никто из нас не совершал преступления, пока не выступал против власти Советов депутатов трудящихся. А кому она мешает?³⁶³

К концу 1980-х годов страх нарушить «омерту» (обет молчания у мафиози) стал ослабевать. Многие студенты не скрывали друг от друга своих «контактов» и, отправляясь на очередную встречу с «кумом», сообщали: «Иду к дяде». И договаривались, кто о чем что будет говорить. Лжеромантика «рыцарей плаща и кинжала» испарялась: от «плаща» остались лишь обноски. А «кумовья» продолжали с серьезным видом играть в детские игры, пока не проиграли державу. И теперь из ближнего забугорья только и слышно: «Не лезьте в нашу песочницу!».

После подавления путча ГКЧП, словно в годы «борьбы с космополитами», началось «раскрытие псевдонимов». В прессе замелькали агентурные клички... Особенно тяжело пришлось митрополиту Юрьевскому Питириму (Нечаеву): он стал героем авторской телепередачи Никиты Михалкова «Перекресток». В мае 1992 г., когда Никита Сергеевич был в Петербурге, он дал интервью на тему, затронутую в «Перекрестке».

— В своей передаче Вы задались вопросом: почему КГБ отдавало на растерзание своих агентов только из иерархов Православной церкви, из интеллигенции и почему в этом списке нет никого из депутатов, из правительства, хотя, безусловно, и там есть люди, связанные с органами. Вы считаете, что это своего рода предупреждение для тех, кто был или сейчас находится у власти: мол, если что — и про вас скажут вслух. Но, наверное, это лишь часть ответа на вопрос: кому же это выгодно?

— Это стало уже достаточно явным: движение к Церкви понадобилось только ради того, чтобы взять власть в свои руки. А теперь ее начнут душить. Потому что несовместимо то, что делают власть имущие, с представлением о том, как должен поступать верующий человек. Это немыслимо, например, чтобы священник орал на трибуне перед огромной толпой, требуя возмездия. И если он этого не понимает, если вокруг — этого не понимают, о каком возрождении

может идти речь? Ведь все заняты гоном. Жаждой гона. Радостью от гона. А Церковь будет мешать этому. Она должна мешать гону только своим существованием. Поэтому провинциальные властолюбцы, которые во многом сейчас вершат судьбу народа без любви к нему, к этой стране, без желания даже задуматься над тем, что будет дальше, станут выступать против возрождения Церкви. . .

— Но Церковь — организация не только земная, но и небесная, мистическая. И многие говорят о том, что ее грехи не могут быть поставлены в один ряд с чьим бы то ни было служением тайной полиции. Здесь иной отсчет, и поэтому необходимо сказать всю правду до конца.

— А меня совершенно не интересует, был Питирим связан с КГБ или нет. Это его проблемы взаимоотношений с Богом, с совестью. Он что — преступник? Расстреливал людей? Сажал их в тюрьмы? Писал доносы? Ну, например, один священник рассказывал мне, что вынужден был писать проповеди в трех экземплярах. Один — себе, другой — в Синод, третий — в КГБ. И переживал это мучительно. . . Я же знаю, что такое «сотрудничество», в котором упрекают Питирима. Значит, тогда я тоже агент КГБ!

— Помилуйте!

— Когда едешь за границу, тебе говорят: «Слушай, Никита Сергеевич, там будет народ. Ты скажи, что так, мол, и так. Съезд у нас был. Решения хорошие принял». Я отвечал: «Есть! Обязательно скажу!». Но никогда этого не делал, конечно. А офицер ставил галочку, что беседовал с таким-то, дал задание. . . На кого может стучать митрополит? Вы только вдумайтесь! Чем он занят? Шифровками? Слежкой? Он служит утром и вечером по несколько часов, издает массу прекрасной религиозной литературы, а между этим еще в поте лица своего работает на КГБ? Тогда это просто гениальные люди.

— Недавно на архиерейском Соборе создана специальная комиссия, которая намерена принимать обвинения в адрес духовенства в сотрудничестве с органами, но только в том случае, если они подтверждены документально и нанесли вред Церкви.

— Я не знаю об этой официальной позиции. Но вижу, что Патриархия в этой ситуации ведет себя достойно. Это как раз и будоражит ее оппонентов. Я абсолютно уверен, что Церковь не должна опускаться до выяснения отношений со светскими структурами. Ведь это и есть цель власть предержащих. Но кесарю — кесарево, а Богу — Богово³⁶⁴.

В своем интервью Никита Сергеевич, в частности, заявил: «Мне омерзительна тональность всего происходящего. Мне глубоко претит небольшевистское желание заглядывать в замочные скважины, подымать дела и выяснять, «а что вы делали до 19 августа»? Но эта фраза «аукнулась» ему через 13 лет на страницах «Независимой газеты»: «Один известный кинорежиссер, настаивающий на своем княжеском происхождении, недавно объявил, что по примеру деда отныне становится помещиком, и купил по случаю гектаров тысячу в Калужской, что ли, губернии. Дело хорошее, правда, из поля зрения интервьюеров режиссера как-то выпал вопрос о том, чем занимался его отец в вынужденном временном промежутке между двумя периодами помещичьего землевладения»³⁶⁵.

В 2000 г. помещик-патриот Никита Михалков процитировал жуткий документ, якобы рожденный в недрах американского правительственного истеблишмента, о плане последовательного уничтожения русской национальной культуры. Оказалось, оскароносец воспроизвел цитату из романа А. Иванова «Вечный зов», вложенную им в уста немца-абверовца. Прав был Белинский, заметив, что у художников ум уходит в талант.

С кинорежиссером Никитой Михалковым заочно полемизирует петербургский кинорежиссер-документалист Андрей Некрасов.

В 1988 году, когда я снимал один из первых своих фильмов, «Тысячелетие» (он был как раз посвящен Церкви, Тысячелетию крещения Руси), мне приходилось близко сталкиваться с Издательским отделом Московской Патриархии. Фильм был совместного англо-советского производства, причем с британской стороны было получено благословение ныне покойного Антония Сурожского, Так вот, как только у нас в Советском Союзе поняли, что в фильме задействованы англичане, сразу проявились все кагэбэшные антенки, навыки, ужимки и прыжки православных священников. Я просто почувствовал себя в Большом доме с рясами.

Извечная тема «Художник и власть» в стране Советов звучала так: «Поэт и органы». В конце 1930-х годов вспоминал В. Ф. Ходасевич.

Весной 1918 г. Алексей Толстой вздумал справлять именины. Созвал всю Москву литературную. . . Пришел и Есенин. Привел бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к

* Дело. 2000. 18 сентября. С. 3.

* Новая газета. 2007. № 1. 11–14 января. С. 14.

беседам... Это был чекист Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбача, немецкого посла. Есенин с ним, видимо, дружил. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать, захотел щегольнуть и простодушно предложил поэтессе: — А хотите посмотреть, как расстреливают? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою³⁶⁶.

Это поэт. А с политиками было еще проще. Вот докладная Ежова Сталину, посланная в августе 1936-го. Он рассказывает о беседе с членом ЦК Пятаковым (тот был скомпрометирован — арестовали его жену):

— Пятакова вызывал. Сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано... Вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати. Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом в ЦК.³⁶⁷

Режим ломал поэтов долгих 70 лет. Окуджава — лирический поэт, интеллигентный человек, автор и исполнитель душевных романсов, которые все слушали и все пели 40 лет. Бард, слава которого, возникшая в начале 1960-х, жива и сейчас.

Впрочем, когда был подготовлен том стихотворений Окуджавы для «Новой библиотеки поэта» (СПб., 2001), возник скандал. Составитель включил все обнаруженное, и тут выяснилось, что в самом первом из его известных стихотворений, «Моем поколении», впервые напечатанном в калужской газете «Знамя» в отмеченный день 21 января 1953 г., упоминались не только Октябрь, Петроград и Ленин, но также Сталин. «Для моего поколения, — писал начинающий поэт, — высшее счастье — быть коммунистами, такими, как Ленин, такими, как Сталин».

Еще более жуткое впечатление произвело стихотворение «Ленин»: «Все, что создано нами прекрасного, создано с Лениным, все, что пройдено было великого, пройдено с ним... Он приходит, простой и любимый...»³⁶⁸ А потом были и «комиссары в пыльных шлемах...»

А теперь небольшое отступление. Не так давно в телепередаче о Константине Симонове писатель Василий Аксенов высказался в том смысле, что поэт был слишком близок к власти и Сталину. Но перечитаем открытое письмо Александру Шелепину, «железному

Шурику», наследнику Лаврентия Берии, человеку, которого тогда боялись все, даже Никита Хрущев. Это письмо было опубликовано в «Литературной газете» 5 декабря 1962 г., в нем писатели — их список открывался фамилией В. Аксенова (Вознесенский, Войнович и др.) — просили КГБ взять их в помощники «по контролю» — использовать их в качестве идеологических надсмотрщиков. И кто же был ближе к власти: К. Симонов или В. Аксенов? После этого «инок честной Питирим» отдыхает...

«Период полураспада»

...Начало 1990-х годов — время, когда приоткрылись архивы, спрятанные за семью печатями. Когда была снята «пятая печать», мир «увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Откр. 6, 9). Студенты на лекциях все смелее стали говорить о новомучениках и о тех, кто подводил их под расстрел. Когда речь заходила об очередном «информаторе», все почему-то смотрели на одного «меченого», а тот, краснея, низко опускал голову. Отираясь при епархиальном филиале ОВЦС, он рассчитывал получить место на заграничном приходе и вовремя «эвакуироваться» из страны, охваченной разрухой. Перешагнув через себя, он добился желаемого и вскоре «загнездилился» с матушкой в сытой и благодатной Европе.

Через несколько лет, будучи на зарубежной конференции, я посетил этот приход и, в числе прочих, задал настоятелю вопрос: сколько лет он предполагает пробыть в «долгосрочной командировке»? Ответ был предельно откровенен.

— Все зависит от бойкости пера. Пишем со «смежниками» друг на друга «телеги», и — кто кого «переиграет».

А в глазах — тоска...

...26 апреля 1933 г. Геринг опубликовал специальный декрет, которым создавалась тайная государственная полиция — гештаймштаатсполицай (сокращ. — гестапо). 22 специальная инструкция предписывала всем чиновникам следить за характером высказываний государственных служащих и сообщать министерству о любой критике. 30 июня аналогичным распоряжением вводилась практика доносительства среди рабочих и служащих.

10 февраля 1936 г. Геринг подписал текст указа, названного впоследствии основным законом гестапо. Статья 1 этого документа гласила: «На гестапо возлагается задача разоблачать все

опасные для государства тенденции и бороться против них, собирать и использовать результаты исследований, информировать о них правительство, держать власти в курсе наиболее важных для них дел и давать им рекомендации к действию»³⁶⁹.

Гестапо было ликвидировано в 1945-м, а «5-е управление КГБ по борьбе с идеологическими диверсиями» — на 45 лет позже. Тогдашний шеф КГБ В. А. Крючков, «нутром чуя» грядущие перемены, прикинулся «казанской сиротой». В интервью, опубликованном осенью 1989 г., он представил «Палату № 5» этакой «тихой заводью».

Бывшее Пятое управление по своим штатам было одним из малочисленных в системе органов госбезопасности и занимало (в Москве. — а. А.) часть одного из административных зданий. Его упразднение в целом органически вписывается в процесс усовершенствования работы аппарата, которое имеет место в КГБ, так же как и в других ведомствах. Часть сотрудников этого управления ушла на пенсию, некоторые направлены для дальнейшего прохождения службы в другие подразделения органов госбезопасности в центре и на местах. Создание Управления по защите советского конституционного строя потребовало определенной перегруппировки сил, которая сейчас осуществляется³⁷⁰.

Но августе 1991-го сам Владимир Александрович уже парился на нарах в Лефортово, а «шестерки из пятерки» разбежались, как тараканы. Кто-то спился, кто-то ушел в охранники, кто-то в бизнес. Один из питерских настоятелей рассказывает: «Как-то в соборе вижу “кума”, который “курировал” меня годами. Где былой гонор и амбиции?! С трудом устроился в турфирму; ходит по храмам, набирает паломников в Святую Землю...»

А другой «куратор», «разрабатывавший» духовенство (контакты, связи, компромат), в начале 1990-х годов принял Православие, и его крестил бывший «объект разработки». Так кто кого «разработал»?

А как устроился последний председатель КГБ СССР? Когда Крючкову отмечали семидесятипятилетний юбилей, Путин был директором ФСБ. Он пригласил его на Лубянку, поздравил...

— В то время, когда он был сотрудником разведки, я не встречался с ним, — говорит Крючков. — Да... Но я говорил с товарищами, которые знали его по прежней работе. Они положительно отзываются о нем.

— Порядочный человек? Хороший офицер?

- Да. Исполнительный такой, работоспособный, думающий...
- Сейчас он звонит, советуется?
- Думаю, что мы не будем вторгаться в дела, которые должны сохранить печать конфиденциальности.
- Я все понимаю...³⁷¹

Кстати, о компромате. В феврале 1991 г. магаданские геологи обнаружили на сопках вблизи областного центра целые комплекты фирменных бланков... КГБ. Бланки с печатным названием ведомства и его угловым штампом. У кого не пробежит холодок по спине от такого, например, запроса, который можно направить на службу любого человека: «Нами проверяется (фамилию вписать). Просим сообщить возможное наличие компрометирующих материалов». И гриф — «Секретно по заполнении».

В куче можно было отыскать и бланки с грифом «Секретно, экз. единственный» и особым примечанием: «Составляется только в перефразированном виде, исключая возможность восстановления дословного текста». Тут же протоколы допроса, осмотра места происшествия, «выемки»...

Геологи вручили свою находку корреспонденту газеты «Магаданский комсомолец» Дмитрию Чехову, он опубликовал об этом заметку. Что же руководители управления КГБ? Провели расследование, выявили виновников утери бланков? И не подумали.

— Для проведения служебного расследования нам показалось недостаточно тех бланков, которые передал корреспондент Чехов, — заявил заместитель начальника Управления КГБ по Магаданской области (В. Власенко). — В незаполненном виде они не являются секретными...

В эпоху гласности народ осмелел; тем более в Магадане — там никого Колымой не запугать. Так бланки оказались на свалке. Но это только в Магадане. А по всей стране точно такие же бумажки хранили за семью печатями. Ведь бланки-то типовые...

Характерно, что в годы перестройки, когда все рушилось, охраняемые структуры «нутром чуяли», что Церковь — это духовный стержень общества, и что она переживет все режимы. Рассказывает кришнаит, вызванный на допрос в КГБ в конце 1980-х.

Следователь молчит, продумывает тактику допроса подследственного. На чем его «прижать», чтобы «сдал подельников»?

— Пригрозить, что выгоним из института? Так он сам отсюда ушел.

— Уволим с работы? Так он из котельной уйдет в дворники.

— Исключим из комсомола? Так он плевать хотел на этот комсомол!

И тогда «следак», наливаясь партийной злобой, задает первый вопрос: «Что же ты, гад, Христа продал!?».

А теперь учтем одно важное обстоятельство. Законно избранным Президентом России, причем с высоким рейтингом популярности, стал высший должностной чин ФСБ. Значит ли это, что церковная иерархия получила «полную индульгенцию» от народа за «сотрудничество с органами»? Притом, что близ здания ФСБ на Лубянке отреставрирован и освящен их «ведомственный» храм — Софии Премудрости Божией. А «мудрость — основа государственной безопасности». А сестра мудрости — интуиция, а «мать интуиции — информация», — в «режиме фиксации»... «Все смешалось в доме Лубянском!»

А всей тайной службе покровительствует святой князь Александр Невский. Есть и соответствующая молитва, в которой прихожане в погонах просят покровителя: «всех видимых и невидимых врагов низложи»...

После подавления Пражской весны (1968 г.) многим стало ясно, что режим изживает себя, и наиболее дальновидные его стражи стали использовать марксистско-ленинские заклинания лишь как «оперативное прикрытие».

Середина 1960-х годов. В один из дней владыка Никодим, побывавший «в сферах», возвращается в резиденцию ОВЦС в Серебряном Бору. И за ужином с сотрапезниками роняет такую фразу: «Подождите, мы еще доживем до того времени, когда заседания Политбюро будут начинать с пения молитвы “Царю Небесный”». Известно, что пророчества не всегда сбываются в деталях. Владыка скончался в 1978 г., Политбюро разогнали в 1991-м. Но в целом ситуация была угадана верно.

В середине 1980-х годов уже начали ощущаться «новые веяния». В конце января 1982 г. печать и радио СССР сообщили о смерти на 80-м году жизни «... после непродолжительной болезни члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического труда Михаила Андреевича Суслова». Через четыре дня после смерти Суслов был похоронен с такими официальными почестями, с какими после марта 1953 г. не хоронили в Москве ни одного из высших руководителей партии и государства. Позднее кончину «советского Геббельса» в народе называли «великим почином». Были и другие «антисоветские форму-

лировочки»: «Пятилетку — в четыре гроба!», «гонка на лафетах» и т. п.

Во время визита Брежнева во Францию «Сюртэ женераль» устроила генсеку ловушку: в его резиденции туалет оборудовали устройством для сбора мочи. Экспресс-анализ показал: Леонид Ильич — «не жилец», и надо делать ставку на преемника. (Тоталитаризм — это когда надежды миллионов на либерализацию, на реформы зависят от уровня белка в моче главы государства.)

Брежневскому истеблишменту были не нужны голод и чистки. Его больше волнуют дачные участки, привилегии, автомобили, зарубежные командировки, дележ казны и контроль за нарождающимися потоками теневого и коррупционного бизнеса. Генсек это прекрасно понимает и не препятствует: материя сильнее идеологии. Только следит: материя — для вершков, идеология — для корешков. Люди понимают правильно: «Народ и партия едины. Раздельны только магазины».

Брежнев не претендовал на роль теоретика, давал наказ составителям его речей: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь... Пишите проще, не делайте из меня теоретика... Ну, кто поверит, что Брежнев читал Маркса?» Его личность обрастала анекдотами, а отечественную историю в шутку стали делить на три периода — допетровский, петровский и днепропетровский. Брежневу приписывали фразу: «С людьми надо мягше, а на вопросы смотреть ширше и глубже». Для теоретических разработок у Брежнева был «серый кардинал» Суслов.

С 1947 и до самой смерти в 1982 г. Суслов занимал пост секретаря ЦК по идеологии. Главная задача — сформировать у советского человека правильное мировоззрение. В этой области у коммунистов и нацистов была единая методика. «Вельтаншаунг» — «Мировоззрение» — популярный в Третьем рейхе термин для обозначения национал-социалистической концепции мира, нацистской философии жизни. Гитлер постоянно обращался к этому понятию в своих работах и выступлениях. В марте 1934 г. на встрече со старыми партийными товарищами он заявил, что его политическая победа была не более чем сменой правительства. Только победа мировоззрения была бы истинно революционной. Национал-социалистическая революция сумеет достигнуть окончательной победы только тогда, когда ее примут все немцы. Вот почему немецкий «вельтаншаунг» должен превратиться во всеобщее германское мировоззрение. Вслед за Гитлером этим понятием постоянно поль-

зовались многие нацистские руководители³⁷². «Вельтаншаунг» органично сочетался с «Гляйхшальтунг» — нацистской политической концепцией подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима³⁷³.

... Перемещение Андропова из КГБ на место Суслова в Секретариате ЦК партии было для советских людей безошибочным знаком. Он передвинулся с шестого на второе место в партийной иерархии.

С чего началось андроповское восхождение во власти? С того, что именно он при Хрущеве помимо официальной должности возглавлял группу «К». То есть был глазами и ушами Никиты Сергеевича.

В советские времена при всех генеральных секретарях под разными названиями, но всегда существовала особая группа людей, которая осуществляла внутрипартийную контрразведку. Чаще всего такая группа шифровалась литерой «К». У Сталина эта группа информировала его честно, без малейшей общепринятой у большевиков трескучей лакировки, — о настроениях в народе, о возможных очагах недовольства, а также присматривала за чекистами в КГБ, чтобы те не зарывались и не ставили себя при их необязательной тайной власти над партией, над самим Сталиным.

Служба «К» (нередко ее расшифровывали как «Консультанты», чаще по главной сфере деятельности — как «Контрпропаганда») никогда не занималась конкретными «врагами народа» и тем более «зачистками». Эта грязная работа оставлялась для карающего «меча революции», т. е. для тогдашней Лубянки. В «К» должны были лишь вовремя подать сигнал о том, что не все спокойно в «Датском королевстве».

Когда Хрущев узнал о подготовке переворота, он вызвал к себе Андропова, а тот доложил, что все нормально, можно не беспокоиться. Именно за это предательство Никиты Сергеевича он и получил от Брежнева пост главы КГБ³⁷⁴.

Но Юрий Владимирович был смертельно болен, и «андроповщина» закончилась довольно быстро. В те месяцы была такая загадка: «Почему Брежнева показывали по «ящику» часто, а Андропова редко?» — «Потому что Брежнев работал на батарейках, а Андропов — от сети».

Вера в безграничное насилие выдохлась, ресурсов для него не осталось. Брежневщина проваливается в пустоту между сталинской концепцией государства и невозможностью применять сталинские методы. Когда чекист Андропов попытался примерить кепку

Вождя, получилась жалкая пародия. Как выражался Салтыков-Щедрин, «от него кровопролитиев ждали, а он — чижики съел».

Один за другим скончались три генеральных секретаря: в ноябре 1982 г. — Брежнев, в феврале 1984 г. — Андропов, в марте 1985 г. — Черненко. Председателем комиссии по организации похорон Андропова был назначен Черненко. Те, кто мыслил в советских понятиях власти, рассудил: ему и быть генсеком. А те, кто воспитывался в христианских традициях, вспоминали евангельские строки: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22).

— Почему Черненко выступает перед тремя микрофонами?

— За один он держится, по другому ему подают кислород, а в третий ему шепчут, что говорить.

Незадолго перед смертью Черненко появился в двух мимолетных сценах. В одной — на избирательном участке, в другой — в своем рабочем кабинете. Неподвижный до такой степени, что казался несуществующим, он сделал неуверенно несколько шагов. И стало ясно, что советская медицина одержала важную победу: генсек был собран и временно возвращен к жизни — он растерянно и невнятно прошептал слово «хорошо» и судорожно бросил в урну избирательный бюллетень.

Потом Черненко еще раз на несколько минут вынули из кислородной палатки и поставили на ноги принимать поздравления в связи с его избранием в Верховный Совет. Декорации в обоих актах с участием Черненко — а между ними прошло несколько дней — оставались неизменными: серо-розовые стены больничной палаты, ковер с ярким персидским рисунком, те же белые шторы, легко рассеивающие свет. И застывшее лицо генсека, покрытое, как маской, тяжелым слоем грима³⁷⁵.

Невозможно придумать более красноречивого свидетельства глубочайшего кризиса, переживавшегося системой. Когда скончался очередной генсек, то в вечернем выпуске новостей одесский телеведущий якобы сказал: «Вы будете смеяться, но Черненко тоже умер!».

Выборы Генеральным секретарем и очень скоро потом Председателем Президиума Верховного Совета СССР немощного, распадавшегося на глазах Черненко — вдруг открыли глаза. Оказалось, что вот уже почти десять лет всесильную КПСС возглавляют больные дряхлые старики. Долгие годы советское телевидение, демонстрируя очередного Вождя, иллюстрировало, не подозревая этого, первую часть ленинской формулы: верхи не могут. В Москве родил-

ся анекдот: «Ты опять был на Красной площади на похоронах? — Да, у меня абонемент».

Звонок в Кремль.

— Вам нужен новый генеральный секретарь?

— Вы что, больной?

— Да, и очень старый!

У Политбюро ЦК, словно Горыныча-перестарка, одна за другой отваливались головы. А когда генсеком стал Горбачев, то многие спрашивали: а на кого он опирается? Кто его поддерживает? — Никто. Он сам ходит.

Потом стало популярным горбачевское выражение «новое мышление». Но это позднее. А пока — новый девиз: Гласность, Перестройка, Ускорение. В народе заметили, что первые буквы триады складываются в еще забытое сокращение — ГПУ, преемника ЧК, предшественника НКВД и КГБ.

Подлог и миф — что перестройка началась в марте 1985 года. Не началась ни по сути, ни по форме — даже слово такое тогда произнесено не было. Напротив, 23 апреля 1985 г. на пленуме Горбачев говорил, что история подтвердила *«великую правду ленинского учения»*. До январского пленума 1987 г. ни о какой широкомасштабной общественной перестройке речь не шла.

Если сдвиги и начались, то лишь в политике; о церковной сфере речи пока еще не было. Трудно было ждать чего-то другого после речи Чебрикова на XXVII съезде КПСС. Глава тогдашнего КГБ, по сути, повторил репрессивную доктрину Брежнева о том, что капитализм, потерпев поражение на всех фронтах, решил-де наверстать упущенное, одержав победу в религии и культуре. В КГБ всерьез считали, что религиозные убеждения забрасываются к нам из-за рубежа. Да чего там 1986-й, когда даже в 1987-м с гордостью транслировали по телевидению, как доблестно охраняет наши границы идеологическая таможня. Огромная овчарка, натасканная на контрабанду, яростно кидалась под вагон, и оттуда вытаскивали... Библию! Чужая ищейка запах вредной литературы!

И вот в 1986 г. один из влиятельнейших членов Священного синода Русской православной Церкви (МП) высказал «несвоевременные мысли». Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей написал письмо, суть которого заключалась в том, чтобы государство наконец-то разрешило Церкви выполнить не только обрядовые функции, но и социальные: благотворительность и все то, что связано с этим направлением. Письмо за своей подписью митрополит

Алексий направил в ЦК. Реакция аппаратчиков была незамедлительной. Вот цитата «Из записки отдела пропаганды ЦК КПСС о письме митрополита Алексея»: «Поскольку в письме прослеживается стремление повысить престиж и фактические права Церкви путем обеспечения ей некоего партнерства в отношении с государством в решении социальных, экономических и культурных задач, руководству Совета по делам религий при Совмине СССР следует в беседе с автором подчеркнуть, что, соблюдая конституционную гарантию свободы совести и в традициях отделения Церкви от государства, Церковь должна заниматься удовлетворением религиозных потребностей без вмешательства в вопросы, относящиеся к политической системе советского общества». После этой отповеди митрополит Алексей был освобожден от должности управляющего делами Московской патриархии³⁷⁶.

А тем временем приближалось знаменательное событие: празднование 1000-летия Крещения Руси (988–1988). *Такую* дату игнорировать и замалчивать было невозможно, — партийцы чувствовали это на уровне спинного мозга. Что такое их жалкие 70 лет диктатуры в сравнении с тысячелетием христианского государства! И, скрипя сердцем, Старая площадь в лице Александра Яковлева дала «добро» на проведение юбилейных торжеств.

Важнейшая особенность «революции» Горбачева в том, что ее совершали партийные деятели, верно служившие предшествующим генеральным секретарям. Пришло новое время, они стали проповедовать новые взгляды. Большую популярность среди них приобрела евангельская история превращения Савла в апостола Павла. Легионы Савлов, бодро маршировавших в коммунизм, сделали поворот «все вдруг» и пошли в нужном направлении колоннами Павлов.

Если сравнить то, что писал Александр Яковлев до чудодейственного преображения с тем, что он утверждал после него, возникает иногда впечатление самокарикатуры. В 1972 г. он заявлял, что «самая демократическая религия» в конечном счете реакционна и представляет собой идеологию духовного рабства³⁷⁷. В апреле 1987 г. Александр Яковлев еще твердо стоит на позициях 1972 г., решительно отвергая любые попытки изобразить христианство как «мать» русской культуры³⁷⁸.

1988 г., разгар перестройки, но Старая площадь все еще продолжает «подковерные игры». В их ряду — Записка отдела пропаганды «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде

в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». Там были такие строки: «С целью нагнетания антисоветизма в ранг святых возведен царь Николай II, члены его семьи и несколько тысяч белогвардейцев, так называемых “убиенных мучеников”». Эту записку и принятое по ней секретное постановление секретариата ЦК КПСС, скрепляет подпись одного из «прорабов перестройки» — Александра Николаевича Яковлева³⁷⁹.

А после 1991 г. бывший перестройщик ни слова не сказал, что бы не вспомнить Библию, прогрессивность религии. В числе «интересных дат», отмеченных в конце 1980-х годов он ставит рядом: 1000-летие крещения Руси (об опасности этого юбилея он предупреждал еще в 1988 г.), 200-летие Французской революции, 100-летие Интернационала.

Александр Яковлев цитирует Ленина в поддержку своей миротворческой платформы. На этот раз он вспоминает указание вождя о том, что революционер никогда не должен терять способность «самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному, и в какой момент действия перейти к действию реформистскому»³⁸⁰. Если бы Александр Яковлев позволил Ленину говорить дальше, мы бы прочли: «Надо уметь пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — на всяческие уловки, хитрости и нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды...».

Вот как сам Александр Яковлев оценивал свои поиски «дороги к храму».

Начал я свою деятельность в высшем эшелоне власти с принципиально ошибочной оценки исторической ситуации. Во мне еще жила какая-то надежда в возможность сделать нечто разумное в рамках социалистического устройства. Лелеял миф, что Его Величество Здравый Смысл возьмет, в конечном счете, верх над немыслием и неразумием, что все зло идет от дурости и корысти номенклатуры.

Отсюда и возникла концепция «обновления» социализма. Мы, реформаторы 1985 года, пытались разрушить большевистскую церковь во имя истинной религии и истинного Иисуса, еще не осознавая, что и религия обновления была ложной, а наш Иисус фальшивым. На поверку оказалось, что никакого социализма в Советском Союзе не существовало, а была власть вульгарной дипломатической диктатуры. А наши попытки «выдать замуж за

*доброго молодца старую поддурманенную шлюху сегодня выглядят просто смешным»*³⁸¹.

О цинизме большевистских властей говорят такие факты. В храмах устраивались всякие склады, конюшни, овчарни, свинарники. За годы, когда Александр Николаевич занимался идеологией, различным конфессиям было передано около четырех тысяч храмов, мечетей, синагог, монастырей, молитвенных домов. За большие заслуги перед Православной Церковью Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II наградил Александра Николаевича Яковлева орденом Сергия Радонежского³⁸².

... В 1992 г. на слушаниях по «делу КПСС» эксперт со стороны коммунистов задал Яковлеву вопрос: «Вы агент ЦРУ?». — «Спасибо за вопрос, — медленно произнес Александр Николаевич. — На мгновение замер, силясь что-то вспомнить, и наконец изрек: — Мои хозяева в ЦРУ сказали мне, что Вы — агент израильской разведки, но я этому не верю».

... Начало третьего тысячелетия. Храм Христа Спасителя, Божественная литургия, тезоименитство Святейшего Патриарха. В алтаре толпятся «охотнорядцы», многие из них «спланировали» в Думу со Старой площади. Под объективами телекамер медленно движется очередь: «красно-коричневые», «демшиза», либералы, консерваторы, политические клоуны. У каждого в руках цветы и подарок для Святейшего. Кто-то «по-товарищески» жмет ему руку, но большинство, неумело складывая руки «лодочкой», подходит под благословение и лобзает первосвященническую десницу. «Град Небесный» выше «града земного»...

«Органы не ошибаются!...»

Осенью 1972 г. автор этих строк, будучи студентом второго курса ЛДА, попал «под колпак Мюллера»: хранение так называемой «антисоветской литературы» (т. е. литературы, рассказывающей правду о «Советах»; в том числе — и о гонениях на Церковь). «Факт наличия распространения» гэбистам доказать не удалось, а владыка прикрыл меня своей широкой спиной. Вот как это было.

Последние числа августа 1972 года. В стенах академии шумно и многолюдно: абитуриенты, сдавшие вступительные экзамены в семинарию, ожидают решения приемной комиссии. А мои экзамены растянулись на целый год. Зачисленный сразу на первый курс академии, я должен был сдать шесть экзаменов за семинарию —

по тем дисциплинам, которые в академии либо уже не изучаются, либо преподаются в другом «разрезе». К концу лета сдано пять экзаменов, и вот готовлюсь к последнему — по догматике.

Из стен академии не выхожу почти неделю, чтобы не терять времени на дорогу до дома. Разве что прогуляешься по лаврскому нарку, и снова за конспекты. В аудитории нашего (теперь уже второго) курса никого — однокашники еще не вернулись с каникул. Полная изоляция от внешнего мира: газет не читаю, «ящик» не смотрю, «голоса» не слушаю. И откуда мне было знать, что тогдашний шеф КГБ Юрий Андропов усилил борьбу с диссидентами, с самиздатом и поклялся изничтожить «Хронику текущих событий», рассказывавшую о произволе властей?

Ведь есть конструктивная критика и самокритика, а есть и «критиканство». «Миссмахер унд критикастер» — «Нытики и критиканы», словосочетание, которым часто пользовался министр народного просвещения и пропаганды д-р Геббельс для обвинений в адрес недовольных нацистским режимом инакомыслящих³⁸³.

«Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой “самиздатовской” литературы показывает, что «самиздат» претерпел за последние годы качественные изменения, — докладывал Андропов в декабре 1970 г. — Если пять лет назад отмечалось тождество по рукам, главным образом, идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 г. появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности...»

На базе изготовления и распространения «самиздатовской» литературы происходит определенная консолидация единомышленников, наглядно прослеживаются попытки создания подобия оппозиции.

Примерно в конце 1968 — начале 1969 г. из оппозиционно настроенных элементов сформировалось политическое ядро, именуемое «демократическим движением», которое, по их оценке, обладает тремя признаками оппозиции: «имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих»; не при-

нимаемая четкой формы организации, ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику; добивается легальности...»

Центрами распространения внецензурных материалов по-прежнему остаются Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков. В этих и других городах выявлено около 300 человек, которые, именуя себя «антисталинистами», «борцами за демократические права», «участниками демократического движения», занимаются выпуском как отдельных документов, так и сборников — «Хроники текущих событий», «Вестника Украины», «Общественных проблем» и т. п. Группой сионистски настроенных элементов в Москве, Ленинграде, Риге с 1970 г. начал выпускаться журнал под названием «Исход»...

Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры по пресечению попыток отдельных лиц использовать «самиздат» для распространения клеветы на советский государственный и общественный строй. На основе действующего законодательства они привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении лиц, подпавших под их влияние, осуществляются профилактические меры.

Вместе с тем, принимая во внимание идейную трансформацию «самиздата» в форму выражения оппозиционных настроений и взглядов и устремление империалистической реакции использовать «самиздатовскую» литературу во враждебных Советскому Союзу целях, полагали бы целесообразным поручить идеологическому аппарату выработать на основе изучения проблемы необходимые идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в «самиздате» антиобщественных течений, а также предложения по учету в политике факторов, способствующих появлению и распространению «самиздатовских материалов»³⁸⁴.

Но, в силу своего одряхления, окостенения режим был уже неспособен к политической гибкости и, когда через полгода ЦК принял наконец постановление «О мероприятиях по противодействию нелегальному распространению антисоветских и других политически вредных материалов», это был на редкость бессмысленный документ, сводивший все к комбинации репрессивных и воспитательных-пропагандистских действий.

А между тем в Москве начались обыски; об этом с черным юмором пишет Владимир Буковский.

«Москва привыкла к арестам, обыскам, судам и допросам — они

стали темой шуток и светских сплетен, как другие говорят о свадьбах, крестинах и новых нарядах. Появилась новая форма общения — ходить друг к другу на обыски.

Постоянно встречаясь со своими знакомыми, легко обнаружить, когда в их квартире происходит что-то подозрительное: к телефону никто не подходит, а свет в окнах горит. Или просто сговорились встретиться, а они пропали, не идут почему-то. И тут же звонки по всей Москве — обыск у таких-то! Скорее в такси, и со всех концов уже летят гости. Точно, обыск. Всех выпускают, а выпускать не положено. Набивается полная квартира, шум, смех. Повернуться негде. Кто-то приехал с бутылкой вина, кто-то с арбузом. Все угощаются, посмеиваясь над чекистами. Попутно пропадают в карманах гостей какие-то бумаги, лишний самиздат, неосторожно сохранные письма и прочие вещественные доказательства — разве уследишь за такой толпой!

Взмокшие чекисты пытаются выгнать собравшихся — куда там! Все ученые — по закону выгнать во время обыска нельзя. Терпите. На столе УПК для всеобщего обозрения.

— Потише, граждане!

— А где сказано, что во время обыска нельзя шуметь? Покажите такую статью!

— Только понятия из домоуправления с ужасом глядят на этих нечестивцев»³⁸⁵.

...»Ловцы человек» прошли по столице «широким бреднем», захватив в свои сети крупный улов и рыбешку помельче. В числе прочих в мелкочейный невод попал один из моих знакомых, и у него была изъята записная книжка с адресами и телефонами. Там были мои координаты; информацию сбросили в Питер, на Литейный, и «Большой дом» взял меня в «оперативную разработку».

В моей комнате был проведен негласный обыск. Ведь это МВД может работать «втемную»: найдут «вещдоки» — хорошо, нет — извинятся. Но «органы не ошибаются», а «кто ищет, тот всегда найдет». Соседка по коммуналке не сболтнет: сама коммунистка, а сын — уголовник, сидит в лагере.

«Досмотр» проведен, кое-что обнаружено, и теперь можно выписывать ордер на обыск. Главное, действовать быстро: вдруг «клиент» что-то заподозрит и начнет «рубить хвосты»? («Тиха украинская ночь, но сало трэба перепрятать».) Но мой случай — особый. Жилец дома не ночует, на улицу не выходит, сидит «в затворе». А сверху требуют результат...

... Дверь в аудиторию открывается; на пороге мелькнуло бледное лицо молоденького инспектора — протоиерея Владимира Сорокина.

Ничего не сказав, инспектор зафиксировал: «объект на месте». Минут через 40 снова заглядывает в аудиторию: «Зайдите ко мне в кабинет!».

Вхожу, а там — «группа захвата» из трех человек. Машут «корочками»: «Комитет госбезопасности». И ордер на обыск: «на предмет изъятия антисоветской литературы». Записную книжку — на стол!

Инспектор смотрит сквозь меня отсутствующим взглядом: «Он думает, что нас похоронил...». Оперативники выводят меня из кабинета, и мы спускаемся вниз по лестнице. На лестничной площадке между вторым и первым этажами останавливаюсь перед иконой Воскресения Христова. Подхожу поближе, чтобы перекреститься. Оперативники в броске готовы повиснуть на руке, у них инструкции: вдруг «задержанный» разобьет стекло и вскрыет вены? А им потом отвечать... Прикладываюсь к образу, испрашивая силы на предстоящие испытания.

В вестибюле толпятся испуганные абитуриенты. Парнишки из провинции, они слышали всякое о кознях, которые чинятся поступающим. Но чтобы «брали» прямо из стен академии, да еще перед началом учебного года! А комитетчик деловито осведомляется: документы (паспорт) при мне? А откуда им у меня быть, если пиджак оставлен в архиерейских покоях, куда у меня, как иподиакона, свободный доступ? Идем по коридору к крестовой церкви, но дверь закрыта. Старший иподиакон Коля Тетерятников ушел по делам и замкнул покои на ключ.

Но это не беда: «Нет таких преград, которые не могли бы преодолеть большевики». Выходим из академии, у подъезда — черная «Волга». Рассадка — согласно инструкции: задержанного сажают на заднее сиденье; с обеих сторон — оперы. Трогаем с места; едем по Дворцовому мосту через Неву. Вспоминаю строчки из Бродского:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

(Незадолго до этого с поэтом уже «решился вопрос» [июнь 1972 г.], и он был выслан из страны.)

Поворачиваем во двор; у подъезда в засаде дежурит еще одна черная «Волга» (хорошо, что не «маруся»). Из нее выходят понятия (ясное дело, — свои, не с улицы), и мы поднимаемся по лестнице. Соседка особого удивления не выказывает («товарищи» заранее ввели ее в курс дела), но рот на замке (закон «омерты»). Лишь полгода назад в ее комнате был обыск (сын арестован за грабеж), а тут снова оперы и понятия. Одно слово: «нехорошая квартира»! Перед обыском — официальное предложение: выдать антисоветскую литературу добровольно.

... 17 января 1974 года. Девять сотрудников КГБ произвели обыск в квартире писателя-фронтовика Виктора Некрасова. Как было сказано в ордере, цель обыска — «обнаружение литературы антисоветского и клеветнического содержания». На основании этого были изъяты книги Зайцева, Шмелева, Цветаевой, Бердяева, «Один день Ивана Денисовича» на итальянском языке (на русском не взяли), «Житие преподобного Серафима Саровского», «Скотный двор» Оруэлла, немецкие и украинские газеты периода Сталинградской битвы.

«Кто может дать точное определение понятию “антисоветский”? — размышлял Виктор Некрасов. — В свое время антисоветскими были такие писатели, как Бабель, Зощенко, Ахматова, Булгаков, Мандельштам, Бунин — сейчас же их издают и переиздают, хотя и не злоупотребляют размерами тиражей. Ну, а речь, допустим, Вячеслава Михайловича Молотова на сессии Верховного Совета в октябре 1939 г. — как надо рассматривать: как про- или антисоветскую? А ведь он в ней, переосмысливая понятие агрессии, говорил, что воевать против гитлеризма нельзя, так как война с идеей (гитлеризм — это идея!) — абсурд и преступление. Если бы нашли, например, у меня газету с этой речью — ее изъяли бы или нет?»

Свои невеселые размышления автор знаменитой повести «В окопах Сталинграда» завершает серией вопросов. «Кому это нужно? Стране? Государству? Народу? Не слишком ли щедро разбрасываемся мы людьми, которыми должны гордиться? Стали достоянием чужих культур художник Шагал, композитор Стравинский, авиаконструктор Сикорский, писатель Набоков. С кем же мы останемся? Ведь следователи из КГБ не напишут нам ни книг, ни картин, ни симфоний.

Я на баррикадах никогда не сражался, но в окопах, и очень мелких, неполного профиля, сидел. И довольно долго. Я сражался за

свою страну, за народ, за неизвестного мне мальчика Витю. Я надеялся, что Витя станет музыкантом, поэтом или просто человеком. Но не за то я сражался, чтобы этот выросший мальчик пришел ко мне с ордером, рылся в архивах, обыскивал приходящих и учил меня патриотизму на свой лад».

... Итак, предложение — выдать антисоветскую литературу.

— А что вы понимаете под «антисоветской литературой»?

— Печатные материалы, которые не поступают в книжные магазины и в киоски «Союзпечати» (были такие).

— Вот у меня на полке комплект «Журнала Московской Патриархии». Он в розничную продажу не поступает.

— Вы прекрасно знаете, что мы имеем в виду. Предлагаем оформить добровольную сдачу.

(Расчет простой: если выдаст сам — значит косвенно признает, что материалы антисоветские, значит чувствует свою вину перед советской властью. И потом уже не сможет утверждать, что литература не его, что кто-то подбросил.)

— Не знаю, о чем идет речь. Ищите.

Профессионалы в своем деле, сыскари мысленно делят комнату на две части и начинают «обрабатывать» книжные стеллажи. Шмональщик перебирает книги на средней полке, где между томами — машинописные листки «Хроники». Вспомнив хрестоматийный рассказ про то, как молоденький Ульянов провел охранку, предлагаю оперативнику табуретку, чтобы он начал шарить «по верхам». Но «бывалый» отвергает услугу: он «нутром чувствует», где «собака зарыта». И вот уже изъятая «Хроника» заносится в протокол под номером 1.

А на другой половине комнаты открывают ящик письменного стола. Там — десяток коробочек с фотопленками, отснятыми во время летних путешествий. Но «литературовед» безошибочно открывает именно ту, где пленка с переснятой книгой «Истоки и смысл русского коммунизма». (Автор — злейший враг советской власти — Бердяев!)

Начальнику Главного управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР товарищу Романову П. К.

При контроле букинистических магазинов было выявлено, что некоторые из них покупали и продавали книги реакционного философа Н. А. Бердяева, контрреволюционера, реакционного экономиста и философа С. Н. Булгакова... Управление просит рассмотреть вопрос о целесообразности внести имена С. Н. Булгакова и

Н. А. Бердяева в «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию».

Начальник Управления Б. А. Марков

12 октября 1977 г.³⁸⁶

А в конце 1980-х — начале 1990-х годов Бердяев стал «другом» и даже «кормильцем». В марте 1991 г. директор парижского издательства «ИМКА-Пресс» Никита Струве жаловался: «Мы совершенно случайно узнали, что издательство «Наука» перефотографировало наше издание книги Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». У нас не только не попросили разрешения, но даже не сочли нужным известить, хотя мы являлись обладателями прав автора. В этой ситуации даже простое любезное письмо было бы достаточной компенсацией»³⁸⁷.

Но в данном случае издательство «Наука» отошло от ленинских принципов. Ведь расходясь с кем-либо теоретически и политически, Ленин обычно порывал с ним всякие личные отношения: «Все, уходящие от марксизма, мои враги, руку им я не подаю и с филистимлянами за один стол не сажусь»³⁸⁸.

...Понятые, по мере сил, тоже участвуют в обыске. Один из них извлекает из-под радиоприемника расписание передач «Голоса Америки» и «Би-Би-Си». И листок со строчками из песни Галича: «А я выбираю свободу Норильска и Воркуты». Взглянув на «вещдок», комитетчик изрекает: «Ну вот, сам и выбрал!». А потом, блеснув эрудицией, цитирует Фамусова: «А чтобы зло пресечь, собрать бы книги все, да сжечь!» и поясняет понятным: «Грибоедов! "Горе от ума". Интеллигенция!».

Ленинское определение интеллигенции («г...о») — общеизвестно. Гениальную мысль воздвиг развил фюрер: он называл немецкую интеллигенцию «отрыжкой природы». Вторя ему, министр народного просвещения и пропаганды д-р Геббельс называл интеллигенцию «сворой болтливых паразитов»³⁸⁹. 10 мая 1933 г. по инициативе Геббельса нацистами была устроена акция сожжения книг. На территории почти всех германских университетов в костры летели произведения выдающихся немецких и зарубежных мыслителей. Во время сожжения книг выступил Геббельс: «Дух германского народа выразит себя с новой силой. Эти костры не только освещают конец старой эпохи, они также озаряют и новую эпоху»³⁹⁰. Добавим: эпоху газовых камер и крематориев... И еще: в советскую эпоху кни-

ги, изымавшиеся при обысках, на площадях не сжигали — их «утилизировали»...

Изъятые складываются в мешок; к «делу» приобщен и листок с расписанием передач «вражеских радиостанций».

«Фейндхерер» («Слушатели врага») — так в Германии называли тех, кто слушал вражеское радио во время Второй мировой войны. Они причислялись к категории «врагов народа» и строго наказывались, вплоть до тюремного заключения. Лишь за первый г. войны свыше 1500 немцев были отправлены в концлагеря, тюрьмы или исправительные работы. В «третьем рейхе» получило широкое распространение доноительство на слушателей Би-би-си и других радиостанций противника³⁹¹.

В советское время Владимир Высоцкий пел: «Есть у нас в палате Рудик, у него приемник "Грундиг", — ловит, контра, ФРГ».

В 1950-е годы Ольгу Ивинскую осудили на пять лет лагерей «за охаивание советского строя» и прослушивание передач «Голоса Америки», отправив в Мордовию, куда потом приходили письма со стихами Бориса Пастернака: «Засыплет снег дороги, // Завалит скаты крыш... // Пойду размять я ноги — // За дверью ты стоишь...»

Спецслужбы в силу своей тогдашней специфики сторожили каждый шаг известного поэта, пытаясь уличить его в антисоветской деятельности, и первый арест Ивинской был предисловием к его так и не состоявшемуся аресту.

А в 1960-м, уже после смерти поэта, Ольгу Ивинскую осудили на восемь лет — за контакты с иностранцами, за причастность к выходу за границу романа «Доктор Живаго». В минуты унижения измученная испытаниями Ольга Ивинская однажды сорвалась, закричав охране о том, что она та самая, ставшая знаменитой на весь мир Лара, про которую написан роман «Доктор Живаго», и обозленные охранники пригрозили ей в ответ: «Вот сейчас мы тебе покажем «Живаго...»³⁹².

...Этот роман можно было сунуть в карман, как пухлую записную книжку, а потом читать в метро со страхом, что арестуют, если сосед по вагону разглядит микроскопические буквы. Впрочем, если и разглядит, не поймет: обложка обернута полупрозрачной скользкой калькой, заметит что-то про революцию, про какого-то доктора, и отвернется... Спрячешь книжечку в карман, выйдешь на своей остановке, оглянешься и вздохнешь: пронесло. Так читали «Доктора Живаго» в 1960-х годах...

... Немного покопавшись для вида, сыскари заканчивают операцию. Пожилой чекист, призыва 1940-х годов, оценивающе прикидывает улов: «Тянет на 70-ю». Незваные гости тянутся на выход; выбрав момент, прячу под рубашку неизъятное Евангелие карманного формата. Соседка, добрая душа, сует в руку бутерброд — небось вспомнила о сыне. Как писал Иосиф Бродский, «ворюги мне милей, чем кровопийцы».

Садимся в машину, и «художественный руководитель» бросает шоферу: «В управление!» Значит, едем в Большой дом. Литейный проспект, д. 4 — «самое высокое здание в городе: даже из его подвалов Колыму видно» (шутка 1930-х годов) В начале 1920-х годов Зиновьев, сидевший «на хозяйстве» в Смольном, сказал: «Чрезвычайная Комиссия — краса и гордость коммунистической партии». А его соратник Ладис добавил: «чрезвычайка — это *лучшее*, что наши советские органы могут дать»³⁹³.

Зиновьев в день пятилетнего кровавого юбилея Чрезвычайной комиссии писал: «Меч, вложенный в руки ЧК, оказался в надежных руках. Буквы ГПУ не менее страшны для врагов, чем буквы ЧК. Это самые популярные буквы в международном масштабе...» В России в народе буквы ВЧК переводились словами: «всякому человеку капут», а ГПУ — «Господи, помилуй усопших»³⁹⁴.

... «Большой дом» был заложен 15 сентября 1931 г. по распоряжению Кирова. На строительстве, завершеном через 13 месяцев, ударно трудились около 400 человек из Соловецкого лагеря военного назначения. Вопреки более поздним легендам — мол, почти все строители БД, знавшие о его секретных застенках, погибли — половина строителей-заключенных была освобождена, а половине сократили сроки³⁹⁵.

Серые стены Большого дома с четырех сторон окружили здание тюрьмы, возведенное еще при Екатерине II как офицерская гауптвахта. Сделавшись внутренней, тюрьма превратилась в скрытую от чужих глаз фабрику смерти. Утверждают, что тогда, в тридцатых, здесь постоянно функционировали три специальные шаровые мельницы: помещенный в такую центрифугу труп мгновенно превращался в кровавую жижу, которая по наклонной трубе, расположенной под землей, стекала в Неву. А катер НКВД постоянно дежурил у Литейного моста и отгонял проходящие мимо «плавсредства» от запретной зоны — чтобы посторонний глаз не увидел огромной стаи корюшки, нагуливавшей здесь свой вес...

Кто-то скажет: *такого* быть не могло! А как бы вы хотели? Ведь

когда ЧК приступила к массовым расстрелам, еще не было *технического обеспечения*, и приходилось идти наощупь, эмпирическим путем. Так, в Москве приговоренных прежде везли на Ходынку. Потом поближе — в дом № 7 по Варсонофьевскому переулку. Там осужденных вводили по 30–12–8–4 человека (как придется) на четвертый этаж. В специальной комнате раздевали до нижнего белья, а потом — вниз по лестницам. Раздетых вели по снежному двору, в задний конец, к штабелям дров и там убивали в затылок из нагана.

Иногда стрельба была неудачной. С одного выстрела человек падал, но не умирал. Тогда в него выпускали ряд пуль; наступая на лежавшего, били в упор в голову или грудь. Снег на дворе весь красный и бурый. Все кругом забрызгано кровью. Устроили снеготаялку, благо — дров много, жгут их на дворе и улице в кострах полсажениями. Снеготаялка дала жуткие кровавые ручьи. Вот тут бы и пригодилась наклонная труба, но у страны не было лишнего металла. И случилось непредвиденное. Ручей крови перелился через двор и пошел на улицу, перетек в соседние места. Спешно стали закрывать следы. Открыли какой-то люк и туда стали спускать этот темный страшный снег — кровь только что живших людей³⁹⁶.

И не случайно В 1918 г. ЦК партии принял специальное решение, запрещавшее критиковать ВЧК, поскольку она работала «в особо тяжелых условиях»³⁹⁷.

Рассказывает Антон Антонов-Авсеенко.

*«В конце 1970-х довелось мне встретить пожилого рабочего-сантехника, который участвовал в переоборудовании бывшего особняка Берии (в Москве). Он видел, как из подвала вытаскивали камнедробилку, и узнал от охранника, что в этом подвале спускали в канализацию размельченные трупы убитых. Да, особняк был настоящей душегубкой, не только местом отдыха и работы хозяина»*³⁹⁸.

А теперь слово Михаилу Восленскому.

Ныне этот дом — посольство Туниса на Садовом кольце около Площади Восстания. В «Лаврентьевскую эпоху» проходить мимо окружающей особняк высокой темносерой каменной стены и замурованных нижних окон не рекомендовалось, да и не хотелось — так много топталось там мрачных типов в штатском. Поэтому было принято или переходить на другую сторону широкого Садового кольца, или уж во всяком случае сходить с тротуара. Конечно и в 1980-е годы рядовому человеку зайти в особняк было невозможно — из-за тех же типов, одетых теперь не в штатское, а

в милицейскую форму. Но если кто-то даже был приглашен на прием, ходить по паркету этой анфилады залов неприятно.

Здесь происходили омерзительные оргии с доставленными охраной запуганными девушками. В подвале дома Берия лично пытал привозимых ему для этой забавы заключенных: после его падения здесь был найден набор изготовленных для него по специальному заказу и содержавшихся с любовной аккуратностью инструментов. В подвале — несколько тесных камер с тяжелыми железными дверьми, снабженными тюремным глазком: тут содержались граждане страны социализма, которых, развлекаясь, собственноручно мучил член Политбюро. Рядом находится ведущий куда-то люк. Он наглухо опечатан: или за ним хранится какая-то еще более омерзительная тайна, или, как утверждают, там подземный ход в Кремль³⁹⁹.

Народная мудрость вещает. «Если ты по воле судьбы попал в ученики к дьяволу, твоей вины в этом нет. Но если ты стал самым лучшим из его учеников — это твоя вина». В 1937 г. начальник АХО-УНКВД Московской области Исай Давидович Берг изобрел *душегубки* — автомашины, приспособленные для массового убийства людей при помощи выхлопных газов. Суть изобретения и технология действия очень просты. Закрытый автофургон изнутри обшивается оцинкованным железом. Поворотом рычага выхлопные газы двигателя по спецпроводу начинают нагнетаться внутрь автофургона. Осужденных раздевают догола, связывают, затыкают им рты и загружают в фургон. Двери плотно закрывают — и в последний путь. Рычаг переключают в рабочее положение, выхлопные газы начинают нагнетаться в фургон. Где-то через час все пассажиры фургона умирают от отравления.

Прибыв на место захоронения, работники ГУЛАГа специальными крючьями вытаскивают умерших и сваливают в братскую могилу. У изобретения советского гения Исая Давидовича Берга есть издержки: после каждого рабочего рейса душегубку приходится отмывать водой из шланга, потому что у убиваемых таким способом людей наблюдается рвота. Сколько товарищ Берг получил за свое «изобретение», неизвестно, да это и не имеет значения. Главное — то, что в данном случае мы видим хорошего ученика, достойного своего учителя — дьявола.

³⁹⁹ Черняев К. Лучшие ученики дьявола // Новый Петербург, №22, 17. 05. 2007, С. 8.

А теперь вспомним слова поэта — «горлана и главаря»:

Плюнем в лицо
той белой слякоти,
Сюсюкающей
о зверствах Чека!⁴⁰⁰

(Маяковский застрелился в 1930-м году, таким образом избежав расстрела в 1937-м).

И действительно, чего там сюсюкать! Еще до прихода к власти Гитлер говорил: «Мы должны быть безжалостными! Я не собираюсь превращать концлагеря в исправительные учреждения. Террор — вот что является наиболее эффективным инструментом. Я не стану изображать из себя благодетеля только ради того, чтобы не оскорбить многочисленных бестолковых буржуазных неженков»⁴⁰¹.

...Вернемся в «город трех революций», где «каждый камень Ленина знает». Черная «Волга» идет мимо центрального входа — он не для задержанных, а для своих. Наши двери — слева, по улице Воинова (ныне — снова Шпалерная). Внутри дежурит охранник: по инструкции нужно предъявить паспорт и повестку-пропуск. Но как быть с беспаспортным? И комитетчики «берут все на себя»: проводят задержанного в «святая святых» под свою личную ответственность.

Поднимаемся на лифте на пятый этаж. В те годы это мрачное здание было поделено между МВД и КГБ. Первые три этажа — милиция, все, что выше — госбезопасность. С отдельными лифтами и лестничными клетками: «Ибо иудеи с самарянами не общаются» (Иоан. 4, 9). (До 2004 г., пока МВД не переехало в отдельное здание, на Большом доме была только одна вывеска: «Управление МВД». А бойцы невидимого фронта прятались в тени: попробуй отыщи!)

До 2004 г. чекисты не имели в Большом доме своего «парадного подъезда». Вход с Литейного был закреплен за ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти, которые в память о бывших объединенных органах госбезопасности и внутренних дел продолжали занимать часть БД. Три этажа, где располагались сотрудники ГУВД, были полностью изолированы от «соседей» — на них даже не останавливались лифты. Сейчас, вселившись в освободившуюся часть здания, чекисты сделали легкий косметический ремонт (должны же все этажи выглядеть в едином стиле), а подни-

мающихся по главной лестнице теперь сразу строго осматривает Ф. Э. Дзержинский. Бюсты Железного Феликса можно встретить и в других местах здания. (Это как если бы в нынешнем берлинском ведомстве по охране Конституции стояли изваяния рейхсфюрера Генриха Гиммлера.)

Коридоры «Большого дома» представляют собой мрачное зрелище. По обеим сторонам плохо освещенных коридоров идет черед плотно закрытых черных дверей — без указания названий подразделений и фамилий сотрудников. Не сделано исключение и для кабинета бывшего сотрудника управления В. В. Путина. Расположенный на шестом этаже, он по-прежнему используется по назначению и там трудятся сотрудники-разведчики⁴⁰².

Идем по длинному коридору, по пути в кабинет — психологическая обработка.

— Мы здесь мелочами не занимаемся. Только недавно закончили «дело самолетчиков». Так что подумайте о своей судьбе. Советуем быть искренними с «органами».

(В 1971 г. группа еврейских «отказников» планировала захватить самолетик в аэропорту «Ржевка» и угнать его в Скандинавию. «Террористов» арестовали при посадке в 10-местную «этажерку». Организаторам — Дымшицу и Кузнецову — дали расстрел. От казни их спасло только то, что в те же дни испанский диктатор Франко заменил «вышку» на тюрьму реальным баскским террористам. И коммунистам стало неудобно перед фашистами.)

Заходим в кабинет. Комитетчик садится за стол и представляется: капитан Зимаков. И с ходу вопросы, пока клиент «тепленький». Вежливо, но настойчиво прошу уточнить: это что, допрос? Тогда в качестве кого я здесь нахожусь? Если меня обвиняют, то по какой статье? Ведь при обыске пожилой, со шрамом, сказал, что «светит 70-я».

Капитан идет на попятную.

— Пока это предварительный разговор. А дальше все будет зависеть от Вашего поведения.

— Извините. Прошу четких разъяснений. Если будете «оформлять на 70-ю», то почему не ведете протокол?

— Ну, зачем же так? Пока это просто беседа. . .

И так — по кругу, до конца рабочего дня. В ходе дискуссии спрашиваю: если вы занимаетесь «самолетчиками» (статья 64-я, расстрельная, измена родине), то зачем тратите время на охоту за

«бумажками»? Что это за власть, которая боится гласности? (Тогда это слово было в новинку).

— Один, такой как Вы, нам не опасен. А если за пишущие машинки сядут тысячи?

(В те годы Кремль, как любой параноик, был склонен переоценивать опасность и любое критическое слово воспринимал как смертельную угрозу.)

Вот так — откровенно и по-деловому. Прошли годы, и уже не тысячи, а десятки тысяч вышли на площади, требуя отмены 6-й статьи брежневской Конституции — о «руководящей и направляющей». И режим рухнул, развалившись как карточный домик: дом, построенный на песке, «упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 27).

Одного диссидента задержали на Красной площади — разбрасывал листовки. Доставили в отделение; смотрят, а бумага чистая.

— Почему ничего не написано?

— А зачем писать, и так все ясно!

Это шутка, в которой есть доля истины. В 1960-е годы на мордовской политзоне сидел человек за распространение поэмы Твардовского «Теркин на том свете». Он приходил к замполиту лагеря, показывал напечатанную к тому времени в газете «Известия» поэму и спрашивал: «Как же так, а я-то сижу?» А у провинциального фотографа на той же зоне в приговоре было написано: «За фотографирование надуманных фактов»⁴⁰³.

... На международных переговорах давно замечено, что английская делегация начинает заметно нервничать, когда время идет к пяти часам вечера. «Файф о'клок» — пятичасовой чай с молоком — дело святое. Тут англичане готовы подписать любую бумагу, чтобы был объявлен перерыв. В моем случае все было с точностью до наоборот — нервничать начал Зимаков: пятница, короткий рабочий день, и пора заканчивать. Выписав повестку на понедельник, капитан заученно произносит: «За эти дни хорошенько подумайте, а в понедельник приходите с утра. Вам все равно придется сказать нам о происхождении изъятых литературы!».

Снова идем по коридору, спускаемся на лифте, но у меня не проходит удивление. Времена меняются, лет пять-десять назад сажали за пастернаковского «Доктора Живаго», а тут на тебе: вежливо, мимо охранника, провожают на выход. Ну что же, доживем до понедельника!

Тогда мне было не до суеты, и это к лучшему. Когда поэта Владимира Уфлянда выпустили из «Крестов», он шел по Литейному проспекту и возле «Большого дома» вдруг начал смеяться. Его милиционер останавливает, мол, чего смеетесь, где ваши документы. Поэт ему показывает справку об освобождении. Мент посмотрел на него сурово и сказал: «Идите и больше никогда не смейтесь»⁴⁰⁴.

А за это время нужно переделать столько всего! В виски стучат чеховские «Сестры»: «В Москву! В Москву!» Но сначала — в академию, за паспортом; без него в «совке» ты — не человек. Старший иподиакон уже вернулся в митрополичьи покои; он с сочувствием смотрит на книгодержца.

— Коля! Если меня не будет вечером в поезде — не беспокойся: до Москвы доберусь своим ходом.

Иду через лаврский парк к площади Александра Невского. Что-то побуждает оглянуться, — и точно: у меня «на хвосте» два «топтуна» — молодой и «продвинутого возраста». Разворачиваюсь и иду им навстречу, глядя в лица: мол, я вас запомнил. Они профессионально отводят глаза в сторону и следуют в прежнем направлении. Снова разворот на 180 градусов, и теперь уже я «пасу» их. Ведь у нас в стране свобода: «каждый ходит за кем он хочет». Такой дерзости «наружники» не ожидали, но им надо делать хорошую мину при плохой игре. «Скованные невидимой цепью», доходим до станции метро; здесь наши пути расходятся: «гороховые пальто» вроде бы отстали.

Бегу вниз по эскалатору, но не я один такой: нынче «час пик», народа много и слежку обнаружить непросто. Еду одну остановку до станции «Маяковская». Есть время поразмышлять. Откуда взялись филеры? Видимо, взяли под наблюдение прямо у выхода из Большого дома и «вели» до академии. Вполне логично: куда побежит, кого кинется предупреждать? Да, нелегкий выдался денек! Еще утром размышлял о соотношении божественной и человеческой природы Спасителя, о нетварных энергиях, о Фаворском свете. А уже вечером приходится «рубить хвосты». Хотите из иподиакона сделать Джеймса Бонда? Ну что же, поиграем!

Перехожу на станцию «Площадь Восстания». В отличие от вестибюлей Невско-Василеостровской линии, здесь широкий перрон, и есть где осмотреться. Пассажиры входят в вагон; перепуская толпу, втискиваюсь последним. Из динамиков слышится обычное: «Осторожно, двери закрываются!» Выскакиваю на платформу, за

мной — еще двое: они тоже «передумали». Значит та «сладкая парочка», что послала меня от академии, передала «объект» «детям подземелья». В слежке задействовано как минимум четыре оперативника из «семерки» (Седьмое [оперативно-техническое] управление КГБ — наружное наблюдение). Тут поневоле себя зауважаешь!

Еще несколько контрольных входов-выходов из вагона «под занавес», и одного зазевавшегося провожаю в «голубую даль». Со мной «в паре» остается самый настырный. Он пасет меня почти в открытую: вламываясь в вагон, раздвигает двери руками и, шумно дыша, стоит рядом, вполборота. Игра затягивается; нужен какой-то нестандартный ход.

Из «комитетского» юмора. Любительская футбольная команда КГБ пригласила на товарищеский матч сборную иностранных разведчиков, работавших в Москве под дипломатической «крышей». Однако к назначенному часу автобус с гостями на стадион не прибыл.

— Ну и где их хваленая пунктуальность? — возмущается один из футболистов.

— Да приедут, приедут, — утешает его тренер. — Сейчас по спецсвязи сообщили, что они третий час по городу колесят. Никак от нашей «наружки» оторваться не могут. . .

...Везу «смежника» на станцию «Московские ворота». Там платформу от центрального зала отделяют массивные колонны. Наш вагон — в «голове» состава; он останавливается близ входа на эскалатор. У меня словно включаются «внутренние часы-секундомер»: по наитию, улучшив момент, выбегаю из вагона и устремляюсь к движущейся ленте. «Пастух» на секунду упускает «ведомого» из поля зрения; резко меняю курс и, обогнув колонну, прячусь за нее. Оперативник заметался: надо держать под наблюдением и эскалатор, и перрон. А тут еще подошел встречный состав. За мной нужен глаз да глаз.

Выскочив из-за колонны в последний момент, бросаюсь в закрывающиеся двери вагона. Пассажиры смотрят на «спринтера» как на ненормального. Но это еще не все. Дежурный по перрону с удивлением наблюдает, как еще один придурак безуспешно пытается ворваться в захлопнувшиеся двери. Но уже поздно: состав пошел; через стекло вижу искаженное злобой лицо: «Вагончик тронется, перрон останется. . .»

Следующая станция — «Электросила». Теперь надо выбраться из подземки: ведь «загонщики» могут поднять на ноги линейную

милицию. И тогда перекроют все выходы из метро. Сажусь в трамвай, идущий по Московскому проспекту: мне надо спешить в аэропорт. Еще два-три проверочных «броска», и вот 39-й автобус везет «неуловимого Джо» в Пулково — в тот небольшой аэропорт, который после войны строили пленные немцы.

Начало 1970-х гг. — пик пассажирских перевозок. Дешевое горючее, дешевые билеты. Самолеты на Москву уходят как маршрутные такси — по мере заполнения. Беру билет, а в душе тревога: сейчас будут «брать». Ведь все мы насмотрелись милицеевских фильмов, где в случае ЧП «большой начальник» дает команду по селекторной связи: «Закрываю город!».

Отхожу в сторонку, ищу, где бы присесть. И вдруг вижу на скамейке... однокурсника по физфаку! Шурик с женой встречает кого-то с рейса из Москвы. Начинается разговор: где ты сейчас? А помнишь? А знаешь?.. Слушаю вполуха и прикидываю: объявят посадку, пойду к трапу, и меня «возьмут» у них на глазах. Этого еще не хватало...

Взлетели. 50 минут полета; Шереметьево. (Шереметьево-2 выстроят только к Олимпиаде 1980 г. Но поток гостей будет небольшой: Запад бойкотировал Игры, протестуя против ввода советских войск в Афганистан, и «усеченную» Олимпиаду называли «Спартакиадой».) Уже дышится как-то легче. Автобус до центра; часть пассажиров выходит у станции метро «Войковская». Одиннадцать вечера. В подземном переходе ни души. На стене — телефоны-автоматы. Кидаю «двушку», набираю номер приятеля.

— Евгений, привет! В Москве проездом. Переночую у тебя. Позвони Юре, посидим, поговорим...

Полночь — не время для гостей. Но в моем голосе слышалось что-то такое, что приятель понял: это не телефонный разговор.

И вот уже идет ночное совещание. Полдела сделано: «дорогие москвичи», еще не взятые в переплет, предупреждены: «ховать игрушки в огороде». Вторая часть задачи: «Откуда это у меня?» В «конце учебника» ответ не найдешь, а в понедельник его надо представить капитану Зимакову. Начинаем «мозговой штурм», и вскоре находим изящное решение. Ведь летом, пока я путешествовал по стране, в моей комнате жил однокурсник по физфаку.

Когда-то мы были в одной демократической «упряжке»: толковали про обновление и реформы в родной стране. Но постепенно пути-дороги стали расходиться: бывший однокашник все больше стал ощущать себя патриотом исторической родины. («Меняю

5-й пункт в анкете на 6-ю статью Конституции».) Почти как у Самуила Яковлевича Маршака:

Вместо станции Разлив
Он уехал в Тель Авив.
Вот какой рассеянный —
С Розой Моисеевной...

(В увещательных беседах с чиновниками ОВИРа, — мол, это не патриотично, «подаванцы» и «отказники» декламировали строки Маяковского: «Отечество славлю, которое есть, и трижды — которое будет!».)

Ну а перед отъездом в Израиль мало ли чего новоявленный эмигрант мог расписать по моим книжным полкам! Они же такие хитрые! («Сразу видно по лицу, кто на Пасху ест мацу».)

В КГБ Рабиновича отговаривают ехать в Израиль:

— Думаете, вам там будет хорошо? Знаете, как говорится: хорошо там, где нас нет.

— Вот-вот, я и еду туда, где вас нет!

Совещание окончено, теперь — спать. Завтра с утра — в Патриархию.

... Чистый переулок, дом 5 — здание бывшей резиденции германского посла, переданное Московской патриархии в 1943 г. Коля Тетерятников с сочувствием встречает книгодержца, «прихваченного за книги»: приехал, не подвел! Но сейчас не до разговоров: надо готовить архиерейское облачение. Появляется владыка Никодим; подхожу под благословение. Он обнимает меня и шепчет на ухо: «Молись! Крепись!». Значит, он «в курсе» и, более того, наверняка благодаря его заступничеству меня выпустили из Большого дома. На время.

Хиротония новопоставленного архиерея проходит, как в тумане. Держу в руках архиерейский чиновник, ношу за владыкой шлейф мантии. Поклоны, повороты, осенение крестом, благословения. Святейший Патриарх Пимен вручает молодому архипастырю (имени не помню, было не до этого) жезл, звучат слова молитв, благопожелания.

Испрашиваю благословение на обратный путь, и слышу напутствие владыки: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Что же, последуем архипастырскому совету, тем более, что начальные слова этой заповеди гласят: «Посылаю вас, как овец среди волков» (стих 16).

В воскресенье утром поезд застывает у перрона. «А с платформы говорят: это город Ленинград». Но мне не до поэзии: надо обойти знакомых и предупредить о своей опале. Уже по привычке перепроверяюсь: «хвостов» нет, у наружников выходной.

Но агентурная работа идет круглосуточно, и в понедельник с утра капитан Зимаков начинает допрос с упрека: «Мы дали Вам время на размышления, а вместо этого Вы бросились предупреждать своих дружков!». (Значит, здесь, в Питере, кого-то крепко прижали, и теперь этот некто — перевербованный двойник-подстава.) Об отрыве от слежки ни слова: официально ее как бы и не было.

Постепенно переходим к главному: откуда изъятая литература? Начиная с «домашней заготовки» и «вешаю лапшу на уши»: знакомый жил летом в моей комнате, и большая часть изъятого — от него. Капитан «делает стойку»: «Где проживает в настоящее время?»

— В Петах Тиква.

— Что за город? Где это?

— Недалеко от Иерусалима.

Пауза. Кротко смотрю на Зимакова: мол, свяжитесь с израильскими спецслужбами, пусть Шин Бет с Моссадом изловят злостного антисоветчика и в наручниках, спецрейсом, этапируют его в Питер — для очной ставки.

«Еврейский вопрос» был единственной проблемой, в которой советские власти были готовы и способны пойти на уступки. Они не желали отказаться от экспансионистских устремлений и были неспособны (пока) осуществить либерализацию режима. А вот предложить выезд евреев в обмен на отказ Соединенных Штатов от программы развертывания в космосе системы стратегической обороны представлялось заманчивым и вполне реальным. И, будучи опытными политиками, советские руководители проявляли, с одной стороны, трогательную заботу о том, чтобы в их стране сионистское движение полностью не погасло, — тогда нечем было бы торговать с Западом, а с другой — внимательно следили, чтобы национальное возрождение евреев не вышло из контролируемых берегов — тогда трудно было бы им управлять. Их устраивало еврейское национальное движение в полужадушенном состоянии»⁴⁰⁵.

— Так, предположим. Вот Вы сказали — «большая часть». А от кого получено остальное?

— От другого сокурсника по университету.

— Что, он тоже в Израиле?

— Нет, он никуда не уезжал.

— Где живет?

— Жил. Скончался во время военных сборов летом 1967 г. Кстати, его отец — сотрудник КГБ.

Зимаков вне себя от гнева.

— Что Вы делаете из нас идиотов! Один умер, другой в Израиле!

— Нет, почему же? Есть еще один человек, он живет в Ленинграде. У него я взял машинописный акафист святителю Николаю Чудотворцу — его тоже изъяли при обыске.

— Адрес! Имя!

— Я не хотел бы называть его: он старый больной человек.

— Нет, Вы его нам назовете!

Поломавшись минут пять для вида, изображаю на лице «муки совести» и «сдаю» дедушку: «Записывайте адрес!».

— Вот так бы сразу. Теперь мы видим, что Вы искренни с органами. И что же, думаете, мы — кровожадные палачи? Что сейчас поедом и возьмем этого дедушку за одно место?

Ну вот, кажется, и все: «конфискат» «разбросал» грамотно, и «следаку» помог «сохранить лицо» — «дал сломать себя на дедушке». Теперь ему будет что написать в «рапорте по начальству». Ситуация тупиковая: допрошенного вроде бы надо сажать, но случай неординарный: Владыка Никодим незримо прикрывает меня своей «широкой спиной». Да и статью вменить трудновато: «факт наличия, изготовления или распространения» не доказать, а «хранение», хотя и «аморально», но неподсудно.

16 сентября 1966 г. Указом президиума Верховного Совета СССР была введена статья 190-1, предусматривавшая три года лагерей за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания».

Формально отличие этой новой статьи от ст. 70 — «агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение, либо изготовление или хранение в тех же

целях литературы такого же содержания» — заключалось в *умысле*. По 70-й обязателен умысел на подрыв или ослабление советской власти; по 190-1 — умысла не требовалось, и круг возможных преследований расширялся. А внешне все было благопристойно: запрещалась не свобода слова или печати, а только клевета — в каком же государстве дозволено клеветать?

Однако статья эта обеспокоила всех настолько, что группа писателей, академиков и старых большевиков обратилась в Верховный Совет с просьбой не принимать эту поправку к Уголовному кодексу. В числе подписавших это письмо были даже такие известные люди, как композитор Шостакович, академики Астауров, Энгельгардт, Тамм, Леонтович, кинорежиссер Ромм, писатели Каверин и Войнович. Тогда же впервые появилась подпись А. Д. Сахарова.

Письмо было составлено в осторожных выражениях и указывало лишь, что эти новые статьи «противоречат ленинским принципам социалистической демократии», «допускают возможность субъективной оценки, произвольного квалифицирования высказываний» и могут быть «препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией». Ответа никто из подписавших не получил, и в конце декабря 1966 г. Указ был утвержден Верховным Советом⁴⁰⁶.

Впрочем, при сильном желании, обходились и без доказательств. Вот отрывок из воспоминаний «диссидента» Георгия Ермакова, который «подрывал Советскую власть».

— В обвинении формула моего преступления звучит так: «Пропаганда и агитация с целью подрыва существующего строя». Скажите, кого я все-таки «пропагандировал и агитировал»?

Прокурор Катуква смешалась:

— Ну, например, секретаршу редакции, которая первой читала вашу писанину, и вообще сотрудников отдела писем. . .

— Но ведь Уголовный кодекс не предусматривает наказание за отправку в определенный адрес писем с рассуждениями, вопросами и прочими мыслями автора. . .

На это замечание ни прокурор, ни следователь не нашлись что ответить. Срочно отправили подследственного в камеру. И потом не вызывали недели две. Судя по всему, готовили достойную отповедь. Наконец вызвали:

— Так вот, Ермаков, Вы сами себя сагитировали против Советской власти, что и подтверждается материалами следствия.

— Ну если я сам себя сагитировал, то готов самого себя и взять на поруки, переагитировать в обратном направлении и представить Советской власти в своем лице полноценного гражданина.

Лепетунов буркнул:

— Суд разберется.

Суд разобрался: четыре года лагерей строгого режима. . .⁴⁰⁷

Впрочем, был и другой вариант: спецпсихбольница — как раз напротив Большого дома, на другом берегу Невы: улица Арсенальная, дом 9.

Ленинградская спецпсихбольница находилась (и находится) в здании бывшей женской тюрьмы, рядом со знаменитыми «Крестами». Здесь, как и в обычных тюрьмах нормальные перекрытия имеются только над камерами. Середина же здания полая. Так что из коридора первого этажа можно видеть стеклянный фонарь крыши над пятым этажом. В этом колодце звуки распространяются очень хорошо и даже усиливаются. Именно на этом была основана одна из психических пыток заключенных этой больницы в сталинское время. Создана она была в 1951 г. И тогда даже не скрывали, что создана она для того, чтобы без суда содержать в ней людей, негодных режиму⁴⁰⁸.

Для КГБ это было удобнее. Ведь что могло бы выявиться на следствии? Например, в отношении А. известно, что он собирает книги. Известно также, что среди его многотомной библиотеки есть две антисоветские книги. После ареста обнаружены некоторые антисоветские записи в дневнике А. Но во время следствия А. категорически отрицает свою вину. Наличие двух якобы антисоветских книг (допустим, «Философии неравенства» Бердяева и «Записок Врангеля» он объясняет не антисоветским умыслом, а тем, что собирает редкие книги. Следствие не может доказать обратного. Следствие не может также доказать, что А. давал кому-либо эти книги для прочтения. А. же, в свою очередь, категорически отрицает это. Свои записи в дневнике А. трактует не как политические, а как эмоциональные, носящие исключительно личный характер. В отношении записей также не доказано, что А. давал их кому-либо читать.

Как же в таком случае поступить следствию? Даже для советского суда доказательства, которыми располагает следствие, слишком неубедительны и шатки. Безусловно, советский суд осудит и на основании подобного рода «доказательств» (то ли еще было в сталинскую эпоху!), но проведение столь формально-юридически

не обоснованного процесса было бы для власти в политическом отношении невыгодно.

Выпустить А. — тоже нельзя. Во-первых, агентурными данными точно установлено, что А. настроен антисоветски и поэтому должен быть наказан, тем более, что А. в своем кругу человек влиятельный и уже поэтому он опасен. Во-вторых, выпустить А. значило бы скомпрометировать органы. Скомпрометировать как практически («не могут доказать вины, не умеют работать»), так и политически («хватают невинных людей, воскрешают сталинские методы»)⁴⁰⁹.

И если бы не владыка Никодим, не исключено, что пришлось бы ехать с Литейного, 4 на Арсенальную, 9...

И мое «дело» решили «спустить на тормозах»: «Чекисты призваны бороться за каждого советского человека, когда он оступился, чтобы помочь ему встать на правильный путь» (Ю. В. Андропов). Но «вставшего на путь исправления» необходимо «профилактировать», и капитан Зимаков произносит дежурную фразу.

— Ведь мы можем сообщить о Вашем проступке по месту учебы, организовать общественный суд, и как Вы будете смотреть в глаза своих товарищей?

Эх, Зимаков, Зимаков! Перепутать Духовную академию с Академией тыла и транспорта! Да как бы вы — «общественные обвинители» — чувствовали себя под ненавидящими взглядами студентов, прошедших перед поступлением все «круги ада»? Нет, капитан, «никогда ты не станешь майором!»...

Вроде бы разыгран «блиц-турнир», но время пронеслось как один миг, и уже конец рабочего дня. Зимаков подписывает пропуск на выход: свободен!.. Покидаю «комитетские» стены; до застенков дело не дошло. А в памяти всплывают строки об их «смежниках», почти шекспировские: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Центральном Комитете!».

Утром отправляюсь в родную академию, но, заглянув в почтовый ящик, выуживаю оттуда... повестку в военкомат. Да. Четко работает карательная машина! Не смогли зацепить по статье УК, но есть и другие «рычаги». Значит, об академии придется забыть года на два как минимум. А в Вооруженных силах свой прессинг: политучеба — самый мягкий способ «промывки мозгов».

Переступаю порог военкомата.

— Вызывали?

— Вызывали. Садитесь.

Военком изучает повестку.

— Значит так. Вы учились на физфаке, прошли курс на военной кафедре и летние сборы. После чего всем выпускникам в 1969 г. было присвоено звание младшего лейтенанта. Правильно?

— Так точно.

— А теперь подошел срок для очередного воинского звания. Надо принести характеристику с места работы.

— Я учусь.

— Значит, с места учебы. Жду. До свиданья.

В растерянности выхожу на улицу. Такой дурдом мог быть только в нашей стране. Прямо как в песне Галича: «Вот иду я, размышляю не спеша: то ли стать мне президентом США, то ли взять, да и окончить ВПШ?».

Но в каждом сумасшествии есть своя система, и надо играть по ее правилам. Еду в академию, откуда меня «взяли» пять дней назад и где я числюсь «без вести пропавшим». Стучу в кабинет инспектора.

— Можно?

— Входите. (А мне слышится — «введите!».)

Есть расхожая фраза: «Ни один мускул не дрогнул на его лице». Здесь как раз тот самый случай.

— По какому вопросу? (Он-то думает, что я отчисляюсь из академии и пришел забрать документы.)

— Мне нужна характеристика.

— Это еще зачем?

— Мне присваивают очередное воинское звание.

Минутное замешательство; в голове протоиерея прокручиваются все мыслимые варианты: такого в его богатой практике еще не было. На лице — непроницаемая маска: «Зайдите завтра». Написать характеристику — дело нехитрое, но многоопытный инспектор берет «тайм-аут» для «согласования в сферах».

На следующий день получаю на руки свой «психологический портрет» — на официальном церковном бланке, с крестами и печатью. Дословно строки этого шедевра не помню, но стиль передаю точно: «Отрок сей зело благочестив и богобоязнен. В учебе прилежен, молитвы знает твердо и осмысленно. Богослужения посещает неопустительно. Заслуживает присвоения очередного воинского звания».

Объективности ради замечу, что в тексте отсутствовала обязательная по тем временам фраза: «Политику партии и правитель-

ства понимает правильно». (Аналог в гитлеровской Германии: «Беспощаден к врагам рейха»).

... Вхожу в кабинет военкома. Не отрываясь от писанины, он берет мою бумагу и, пробежав глазами, хочет положить ее в стопку прочих. Но тут его «переклинивает»; рука водит пером все медленнее. Офицер отодвигает «текучку» в сторону и, нацепив очки, углубляется в чтение моей характеристики. А дальше, как в песне: «Потом начальник папки полистал и, побледнев, воскликнул тихо: точно!..». Правда, тут не до восклицаний: случай-то неординарный.

Ведь я — не 18-летний призывник, и не бросишь ему свысока: «Как ты дошел до жизни такой?». Тыловик-канцелярист видит перед собой «не мальчика, но мужа», и на подобный вопрос он может получить симметричный ответ: «Простите, а как Вы дошли до такой?». Но сказать что-то надо, и вот звучит нейтральное: «А что, в Москве тоже есть.., как это? Академия?» «Твердо и осмысленно» уточняю: «Не в Москве, а в Загорске (ныне — Сергиев Посад)». Говорить больше не о чем: проявишь интерес к «неформалу» — поплачишься погонями.

— Характеристика останется у нас. Когда будет надо — вызовем повесткой. Свободны.

... «С трепетом» жду вызова вот уже больше 30 лет. По возрасту давно положено сниматься с воинского учета. А повестки все нет и нет. Так и бегаю в младших лейтенантиках... Но эти воспоминания, составившие целую книгу, не нужно воспринимать как «синдром лейтенанта, не ставшего генералом». Владыка Никодим вообще был «рядовым запаса, ограниченно годным в мирное время к нестроевой»...

А «вызов» мог последовать не только в военкомат. Ведь 70-ю и 190-ю статьи УК в те годы никто не отменял; их всегда можно было предъявить «оступившемуся» «по вновь открывшимся обстоятельствам». И «комплекс вины» «перед родиной, перед партией и лично перед товарищем Андроповым» не давал спать спокойно аж до конца 1980-х годов.

«Маразм крепчал», но хватка органов слабела. Вспоминает Павел Кузнецов, обозреватель газеты «Хроника».

В октябре 1986 года, уже при Горбачеве, у нас на квартире был обыск. Точнее не обыск, а «добровольная сдача антисоветской литературы». Разница существенна — для обыска даже тогда нужен был ордер. А если они вдруг ничего не найдут? Провал. И для обыскиваемого безопаснее.

Никаких протоколов и поняток. Тогда, в октябре, меня не было в городе. К историческому факультету ЛГУ, где работала моя жена, подвезла черная «Волга» (как в кино) и забрала ее для беседы. Беседа длилась часов пять. Доблестные органы дали возможность выбора: либо как только ваш муж ступит на перрон Московского вокзала, мы берем его «тепленьким», либо «добровольная» сдача и — никаких проблем.

Жена пошла на разумный компромисс. Один из гзбистов был явно простоват. Ему выдали перепечатку джойсовского «Улисса» из довоенной «Иностранки», и он радостно бросился к напарнику: вот смотри! Тот брезгливо поморщился: нет, это можно. Он был почти «интеллектуал», и в степени крамольности литературы разбирался. Первые выданные книжки (точнее, ксерокопии) его несколько разочаровали — Бердяев, «Вестник РХД», «Лолита» (порнография) и что-то еще — для отчета начальству этого явно не хватало. Но затем в случайно открытом ящике стала нашлось то, что нужно: Владимир Буковский «И возвращается ветер» и копия «ардисовского» «Котлована» с предисловием Бродского. Этого было уже достаточно! И меня можно было не брать на Московском вокзале. В декабре вернули из Горького Сахарова, а в январе начали выпускать диссидентов. Страна перевернулась за два месяца. «Котлован» был напечатан в июньском номере журнала «Знамя», но еще раньше, в мае, мне позволили из Большого дома, — мол хотим вернуть вам всю конфискованную литературу... Очень любезно! Когда я забирал книги, разговор зашел о Платонове. Продвинутый гзбист удивился, что это за писатель, читать невозможно, и зачем мы за ним охотились? И, правда, зачем? Великий писатель был законопослушным гражданином, после войны работал дворником при Литинституте. Но, отдавая литературу и видя мой торжествующий вид, «интеллектуал» усмехнулся — он всегда был склонен к черному юмору: «Вы что думаете, — победили? Запомните, Земля, она круглая. Сегодня вы нас к стенке, а завтра — мы вас». Я утонул победителем... Кстати, «Лолиту» мне так и не вернули. Позже, понравилась⁴¹⁰.

«Диагноз был снят» только 27 октября 1989 г.; именно в этот день в «Известиях» было опубликовано интервью члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР В. А. Крючкова. Теперь настал его черед выступить с «покаянкой».

Следует отметить, что пятые подразделения КГБ в своей

работе руководствовались действовавшими законами. В этой работе были и ошибки, и недостатки, и, к сожалению, перегибы. Это обуславливалось отчасти и тем, что существовавшее тогда законодательство, например, ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), ст. 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и некоторые другие, было недостаточно четким, что позволяло трактовать его расширительно и в известном смысле субъективно. Как следствие этого, порой по малозначительным фактам органы КГБ профилировали советских людей, брали на себя в какой-то мере функции других государственных и общественных органов, а в некоторых (! — а. А.) случаях и привлекали к уголовной ответственности.

В условиях демократизации и развития гласности в работе правоохранительных органов многое существенно изменилось. Это нашло свое отражение в новых правовых актах, в **разработке которых участвовали и органы КГБ.** (Это к вопросу о разделении функций судебной и исполнительной власти. — а. А.) Статья 190-1 из УК РСФСР исключена. Принимаются аналогичные решения по уголовным кодексам других союзных республик. Верховный Совет СССР изменил статью 7 Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления», в которой теперь четко говорится, что преступлением признаются публичные призывы к насильственным свержению или изменению советского государственного и общественного строя (привет участникам ГКЧП и товарищу Крючкову лично! — а. А.), а также распространение с этой целью материалов такого содержания. Таким образом, признаки состава преступления сузились и стали конкретнее. Сами по себе мысли и убеждения, какими бы они ни были, если они не реализуются в указанные в законе действия, не образуют состава преступления. Они относятся к области идей мировоззрения конкретных лиц, а это уже сфера деятельности других государственных и общественных организаций (местком, профком, партком. — а. А.), а не органов госбезопасности⁴¹¹.

Шеф КГБ скромно умолчал о том, что Указ от 8 апреля 1989 г. заменил статью 190-1 на статью 11-1. Она предусматривала наказание лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до 2-х тысяч рублей за «оскорбление или дискредитацию государственных органов и общественных организаций».

Формулировка статьи поразила многих советских юристов. Она оказалась жестче предыдущей. Если, как указывали юристы, в правовом государстве можно доказать на суде, что в текстах или выступлениях обвиняемого не было «заведомо ложных измышлений», интерпретация отсутствовавшего в советском праве понятия «дискредитация» оставлена воле судьи. К тому же речь идет о дискредитации «государственных органов и общественных организаций»: под это определение можно подвести любое высказывание. Как это было с пунктом 10 знаменитой 58-й статьи, каравшим за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Замечательным примером применения 10 пункта было осуждение на десять лет пастуха, обозвавшего колхозную корову «проституткой»⁴¹².

Ничего такого в «разъяснениях» Крюčkова не было. А в конце интервью — «проговор» по Фрейду: «Динамичные процессы, происходящие в нашем обществе, а также на международной арене, требуют от чекистов адекватной и быстрой реакции»⁴¹³. Сотрудники КГБ, привычно называя себя *чекистами*, невольно настаивали на своем родстве с организацией преступной и страшной. Трудно себе представить, что в сегодняшней Германии агент спецслужб скажет: «Мы, гестаповцы...».

«Электрический стул»

Как-то, гуляя с владыкой Никодимом по лаврскому саду, мы затронули в разговоре «политику». И я в шутку спросил его: какая разница между демократией и социалистической демократией?

— ?

— Такая же, как между стулом обычным и электрическим.

Святитель юмор оценил; ему самому часто приходилось быть «под напряжением». Мог ли я предположить, что пройдут годы, и меня самого насильно усадят в подобное кресло, где сильно «тряханет»?

Начиная с 1982 г. митрополит Антоний (Мельников) стал усиленно навязывать мне должность инспектора, но несколько раз получал от меня решительный отказ. Но «заходы» продолжались: архиерею нужно было убрать с этой должности честного и принципиального профессора-протоиерея Василия Стойкова. После каждой беседы я предупреждал о. Василия, что над ним «сгущаются тучи» и что я не намерен участвовать в «крысиных гонках».

Однако в сентябре 1983 г. митрополит произвел «рокировку»: убрал о. Василия, а мне всучил указ о назначении на освободившуюся должность. Отказаться — это значило идти на полный разрыв с правящим. А в то время в отношении него у меня были еще какие-то иллюзии. Но с моей стороны было условие: согласен «отбыть срок», но не больше двух-трех лет. И вот вхожу в инспекторский кабинет, в тот самый, откуда 11 лет назад комитетчики уводили меня на обыск под немигающим взглядом протоиерея В. «Ирония судьбы или с легким паром!» «Парилка» началась сразу же после «ноябрьских».

Кто не застал это время, поясню. «День 7-е ноября — красный день календаря» — празднование очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР). После 1991 г. праздничная дата стала отмечаться как «день примирения», но абсурд этого был очевиден. Это все равно, что во Франции «день примирения» между католиками и протестантами отмечался бы под праздник св. Варфоломея («Варфоломеевская ночь»). Или какую-нибудь гипотетическую «Неделю немецко-израильской дружбы» начинать в канун «Хрустальной ночи». (В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. [тоже «ноябрьские»!] по всей Германии прошли еврейские погромы). В последний раз в России «ноябрьские» отметили осенью 2004 г.

Утром захожу в свой «вольер» и снимаю трубку надрывающегося телефона. Дрожащий голос правящего.

— Вчера вечером случилось ЧП. Три студента академии были задержаны милицией; был составлен протокол. Немедленно исключайте их из академии! Через час доложить!

Приглашаю в кабинет дежурного помощника инспектора, и от него узнаю подробности. Действительно, трое наших «студизусов» вернулись в здание академии с опозданием — после вечерней молитвы. Их допоздна продержали в отделении милиции: «устанавливали личности». Как же их угораздило попасть в райотдел? А вот как.

Изучая в академии апологетику, наши «пытливые умы» решили применить свои знания на практике. «Войдя в контакт» с молодыми баптистами, они решили провести богословский диспут на тему: «Чья вера лучше?». И вот, в разгар этого собеседования комитетчики ворвались в помещение и скрутили каждого из начинающих «златоустов»: «Вывели болезного, руки ему за спину и с размаху бросили в черный воронок».

А ведь дискуссия затрагивала такие вопросы, как иконопочита-

ние, оправдание верой, почитание святых угодников Божиих. Где же здесь «антисоветский умысел» и «заведомо ложные измышления, порочащие советский строй»? Но на то «органы» и «компетентные»: важно не то, о чем говорят, важно — кто говорит. Ведь лидер молодежной баптистской «устойчивой группировки» — сам Валерий Баринов! Итак, «кто есть кто».

Эта история началась еще в далеком 1982 г. Уверовавшему тогда эту и музыканту Валерию Баринову удалось собрать тогда единомышленников, образовавших христианскую рок-группу «Трубный зов». Невзирая на запрет религиозной пропаганды, они пишут рок-оперу со вполне прозрачным названием «Второе пришествие». Местные общины помогать «Трубному зову» не рискнули, зато зарубежные баптисты предоставили Баринову высококлассную студию под Таллином, где была осуществлена звукозапись.

Подпольный выпуск магнитоальбома поначалу не вызвал ничего, кроме тотальной злобы. «Независимые» рок-критики обвинили группу в примитивизме, агрессии, сумрачной экзальтации. Братский совет баптистов отлучил Валерия Баринова от общины. Власти устроили травлю с арестами, обысками, психушкой, принудительными инъекциями аминазина. Но, как явствует из действий Баринова и Сергея Тимохина (другого участника группы), они ощущали себя не просто радикальной «тусовкой андеграунда», а проповедниками, зовущими народ к покаянию:

Есть, есть еще время,
Покайтесь!
Есть, есть еще место,
Спасайтесь!

С точки зрения рядового «совка» это были люди, как сказали бы сейчас, «со съехавшей башней». Они обратились к брежневскому руководству с просьбой разрешить группе официальные гастроли, но когда поняли, что из этого ничего не выйдет, передали рок-оперу на радио Би-би-си, а сами стали готовиться к записи второго альбома⁴¹⁴.

То, что сегодня открыто делает энергичный православный миссионер — диакон Андрей Кураев, собирая под сводами московского храма Христа Спасителя толпы молодежи, четверть века назад считалось криминалом. Но это еще «цветочки». «Изюминкой» было то, что Баринов был связан с... Кестон-колледжем!!!

А в те времена это приравнивалось к контактам с НТС («Народно-Трудовой Союз»). Найденный при обыске журнал «Посев» гарантировал владельцу «гарантийку» (минимальную пайку) в лагерной зоне.

В течение ряда месяцев Валерий Баринов был «под колпаком» КГБ и находился в «оперативной разработке»: «наружники» отслеживали все его контакты и пытались отсечь «антисоветчика» от официально зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов. И когда наши «симеоны новые богословы» отправились в молитвенный дом на Поклонной горе, чтобы провести там диспут, то оказались перед закрытыми дверями. Но Баринов, подрабатывавший ночным сторожем на стройке, не растерялся и пригласил «господ диспутантов» в свою времянку-вагончик, стоящий неподалеку на стройплощадке. А через четверть часа сюда-то и подкатил милицейский воронок...

Выловив в лице Баринова крупную «щуку», оперативники извлекли из «невода» и наших «премудрых пескарей». Кое-кто из них попал в «поле зрения органов» впервые, а кто-то уже «числился за Комитетом». «Фигураном №1» с православной стороны был студент, учившийся на третьем курсе ЛДА. Впоследствии, после «хождения по мытарствам», он был рукоположен во иерея. Поскольку литеры от «А» до «В» уже заняты, назовем его «протоиерей Г.».

С владыкой Никодимом Г. познакомился довольно поздно. Его первая (и последняя) встреча с митрополитом состоялась за полгода до кончины святителя. Выпускник престижного вуза, Г. работал в то время в Институте экономики Академии наук и учился в аспирантуре. В Москве он часто бывал в Елоховском соборе на патриарших богослужениях, где Святейшему Патриарху иногда сослужил митрополит Никодим. Бывая в городе на Неве, Г. посещал храм ЛДА; несколько раз он присутствовал там при совершении литургии апостола Иакова, которую возглавлял митрополит Никодим.

В один из майских дней 1978 г., по окончании богослужения, знакомый семинарист представил Г. владыке, но у юноши еще не было намерения ставить крест на светской карьере. Более того, имелась некоторая настороженность в отношении «либеральной» академии и «прогрессивного» митрополита: эта предубежденность возгорелась в московских кругах, близких к «пименовскому окружению».

«Аудиенция» проходила в садике перед зданием академии.

40 минут владыка-«экуменист» прогуливался с молодым «экономистом». Обменявшись с «юношей, обдумывающим жизнь», несколькими фразами, святитель почувствовал, что тот еще не готов к поступлению в семинарию. И деликатно не стал развивать эту тему, оставив вопрос открытым: «Приезжайте к нам в июне посмотреть на белые ночи!».

— Я не помню, о чем мы тогда говорили, — вспоминал о. Г. Но после беседы сразу почувствовал: этому архиерею и этой академии я доверяю полностью.

В качестве студента Г. перешагнул порог академии в сентябре 1980 г.... Осенью 1983 г. в жизни студента третьего курса ЛДА началась «темная полоса». И его «легкий челн» не смог укрыться от шторма в безопасной гавани...

В отличие от Баринова, которому «светил срок», «вредоносный» Г. ходил «на грани фола». Тиснуть статью под псевдонимом в «Вестник РХД» — попробуй, докажи авторство. Пойти в Третьяковку и в зале древнерусской живописи начать демонстративное чтение акафиста перед Владимирской иконой Божией Матери — это еще не криминал. (Кстати, о чудотворной иконе. Ее судьба тоже решалась на Старой площади и у «смежников».)

Из архива ЦК КПСС. 4.09.1989. Вопрос о передаче Московской Патриархии иконы Владимирской Богоматери, находящейся в Государственной Третьяковской галерее, передать для дополнительной проработки Министерству культуры СССР. Зав. идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто»⁴¹⁵.

В общем, на Литейном от «материалов» на Г. ломился сейф. Но «трогать его не могли»: будет много шума; кроме всего прочего, Г. — «отличник учебы» и первый иподиакон викарного архиерея. А тут — удачный расклад: викарий в загранкомандировке, и «антисоветскую триаду» во главе с Г. можно выкурить из академии руками инспектора, а потом «сравнить» его с ректором.

Надо спасти ребят во что бы то ни стало. Что бы сделал в этой ситуации в этом же кабинете недоброй памяти протоиерей В.? Взял бы «под козырек», и было бы как у поэта, в песне: «Ну а наутро он продал всех подряд...». Вспоминаю, как «прикрыл» меня в свое время владыка Никодим, и решаю: моими руками они этого не сделают!

Полчаса ушло на созыв «экстренного воспитательского совещания» в узком кругу помощников инспектора. Ввожу «ограниченный контингент» в курс дела. Что нам известно официально? То,

что три студента пришли в общежитие академии после отбоя, и это, как положено по инструкции, было отмечено в журнале дежурных помощников. А все остальное — неофициально, по звонку. А мы — не из семейства «позвоночных» и дергать себя за ниточки не дадим. А если, предположим, придет официальная бумага из райотдела милиции: «Задержаны при проведении религиозного собрания без предварительного разрешения местными органами власти», — так это всего лишь административное нарушение, и «высшая мера» — штраф 50 рублей. (Перешли вы улицу на красный свет. Заплатили трешку штрафа постовому. Но никому не придет в голову уволнять вас с работы. Это в гитлеровской Германии не разрешалось проводить ни занятий по пению, ни вечеров, посвященных разбору Библии, если об этом за месяц не сообщалось властям)⁴¹⁶.

Подвожу итоги «совещания». Едет мужик зимой из леса в деревню, и догоняют его волки. Мужик сбрасывает тулуп и нахлестывает гнеду. Хищники бросаются на овчину, а крестьянин, «на дровнях торжествуя», уходит от погони. Предлагаю снизить нарушителям балл по поведению за опоздание: главное — выиграть время. Приедет викарий, примет эстафету и прикроет.

Помощники-коллеги согласны, и мы «на колене» составляем «экстренный протокол». А затем «прикладываем руку»: иеромонах Маркелл (Ветров), иеромонах Иннокентий (Павлов), иерей Александр Ранне. Но у четвертого «дрогнула рука», и он сдавленным голосом умоляет: «Можно не упоминать моего имени? Я человек семейный, мне надо кормить детей!». С пониманием даем ему «отпускную грамоту»: если подпишет, то, как потом дети будут без отца?

Вспоминает игумен Иннокентий (Павлов).

«Это был первый год моего преподавания в лининградских духовных школах. Помню, как-то ранним утром о. Августин, зная, что я в стенах академии, позвал меня на “чрезвычайное воспитательское совещание”. Прежде чем ставить перед Ученым советом вопрос об исключении, требовалась такая формальная процедура: без нее никого исключить было нельзя. На том совещании в мою обязанность входило составление протокола, и я никогда не забуду фразу, которую я тогда записал. Она представляла собой не что иное, как *reductio ad absurdum*: “студенты такой-то, такой-то и такой-то глубоко рассказываются в случившемся”. Для той публики, которая потом должна была знакомиться с протоколом, эмоционально это прозвучало бы сильно, а рационально —

это полнейший абсурд». Совещание закончено, и тут же — звонок «сверху».

— Ну, как, исключили?

— Нет, владыка. Решили снизить балл по поведению!

— Трубка срывается на визг: «Вы еще пожалеете!»

Архиерей бросает трубку; моя тоже ложится на рычаг, после чего выдергиваю вилку из штепселя, чтобы отключить телефон: в ваших играх участвовать не намерен!

«Пожалеть» пришлось очень скоро. Потянулись годы «поражения в правах». Г. и К° (компания) после ЧП были все же исключены (но не моими руками) и находились в опале вплоть до разгона ГК-ЧП. Что касается их оппонентов по богословскому диспуту, то из сторожки они попали под стражу. Поскольку записать второй альбом «Трубного зова» в Союзе было уже нельзя, Баринов и Тимохин планировали перейти границу, записать альбом в Финляндии... и вернуться обратно в Ленинград. Их поймали на лыжне в Западной Карелии: Тимохину присудили два года исправительных работ, Баринов же едва не погиб в лагерях и вышел на свободу лишь в 1987-г.

На что же рассчитывали «бременные музыканты»? Система охраны государственной границы СССР преподавалась как специальный курс в школах КГБ и МВД и была возведена таким образом в ранг науки. Учебника по этой «охранной» науке наши беглецы не читали, но об оснащении и устройстве рядового участка советской границы им узнать было бы интересно — и не на нарах, а до побега.

Элементы границы, если двигаться из глубины страны к ее рубежу, таковы.

1. Пограничная полоса. Это — примыкающий к границе район. Населению позволено здесь проживать, но всякий житель должен иметь особое на то разрешение с отметкой в паспорте. Для въезда в пограничную полосу и даже для проезда через нее требуется специальное разрешение органов милиции. Контроль проводится военными нарядами пограничных войск. Всех оказавшихся в пограничной полосе без такого разрешения задерживают и выясняют цель их появления в запретном районе.

2. Укрепленная полоса. Ее ширина — в среднем 100 метров. На полосе размещены различные так называемые «приграничные системы».

а) Забор из колючей проволоки на бетонных столбах с козырьками. В заборе имеется много ворот, которые открываются с погран-заставы при помощи телереле. Для того, чтобы дежурный связист

на заставе включил реле, пограничник должен позвонить ему по телефону и сообщить код-цифру, каждый день новую, даваемую начальником заставы. Вдоль границы на нейтральной полосе расположены столбы с ячейками, к которым пограничник подключает висющую у него на поясе телефонную трубку. Проволока забора находится под малым электрическим напряжением; прикосновение сдвигает провода или козырек на столбе, и тогда на заставу поступает сигнал.

б) Сразу за забором пролегает контрольная следовая полоса (КСП) шириной в пять-шесть метров. (А наши барды считали, что КСП — это Клуб самодетальной песни?! — а. А.) Она регулярно перепахивается, так чтобы на рыхлой земле отпечатывались все следы.

в) Далее идут заграждения из колючей проволоки витками, а также натянутые на низких колышках.

г) В траве и зарослях проложена скрытая «система» — незаметные стальные проволоочки с петлями. «Если человек бежит в зарослях и попадает ногой в стальную петлю, он падает, пытается встать, попадает в другую такую же петлю... рассказывал перешедший на Запад советский солдат-пограничник. — Чем больше он старается высвободиться, тем сильнее затягивают его эти петли. У нас даже проводились опыты — заставляли кого-нибудь залезть в «систему». Никому вылезти ни разу не удалось».

На укрепленной полосе находятся вышки, и пограничники с биноклями просматривают местность.

3. Нейтральная полоса, или, как ее иногда лирически называют, «ничья земля». Хотя она ничья, по ней патрулируют вооруженные автоматами пограничники с собаками, по два человека. Начальники застав обязаны, чтобы еще больше затруднить нелегальный переход границы, часто менять часы смены постов и маршруты патрулирования границы. Жители пограничной полосы, несмотря на отметку в паспорте, допускаются на нейтральную полосу только по дополнительному специальному разрешению и под охраной двух вооруженных солдат.

Приказ открывать огонь по беглецам, ассоциировавшийся на Западе с границей ГДР, давно уже существовал для советских пограничников. За убийство беглеца пограничник получал государственную награду — медаль «За отвагу», хотя в общем нужно не так много отваги, чтобы из автомата застрелить в спину безоружного человека. В назидание пограничникам политработники рассказыва-

ли даже, как убежавшего за границу начальника одной из погранзастав «советские люди нашли и пристрелили». Впрочем, беглеца (официально «нарушителя») стараются взять живым. Выигрывает ли он от этого, трудно сказать.

Ну, а если «нарушителю» все-таки удастся преодолеть все препятствия? Тогда, если только для этого есть какая-либо возможность, за ним устраивалась погоня. Сколько раз поисковые группы советских военнослужащих отправлялись в Западный Берлин ловить беглецов! В годы оккупации Австрии такие же группы высылались по тревоге в занятые западными войсками секторы Вены.

Ловля беглецов вне пределов советской территории не имела ровно никакого правового основания. Расчет при проведении таких операций — на то, что западные власти ступают и молчаливо разрешат ловить на своей территории советских граждан, как беглых рабов. Такой расчет иногда оправдывался. Поддавшись настояниям Москвы, граничащая с Советским Союзом несоциалистическая Финляндия (не говоря уже о социалистических странах) не раз выдавала советским властям беглецов, поверивших словам о праве на политическое убежище.

Надо отдать должное Советскому правительству, что оно и не подумало отплатить эту услужливость той же грязной монетой. Отто Куусинен, возглавлявший после нападения СССР на Финляндию в конце 1939 г. марионеточное «народное правительство Финляндии», не только не был выдан на суд, но сделался членом Президиума и секретарем ЦК КПСС⁴¹⁷.

А Баринов и Тимохин были кандидатами не в ЦК, а в з/к. На суде присутствовал представитель руководства местной общины евангельских христиан-баптистов. Вызванный в качестве свидетеля, он, не моргнув глазом, заявил: подсудимые из общины исключены, от Церкви отлучены. (Прямо по Евангелию: «Пришел к своим и свои Его не приняли» (Иоан. 1, 11). И тогда старший пресвитер по Северо-Западу, честный и принципиальный человек, в сердцах бросил «заангажированному»: «Это тебе не простится и на Страшном суде!».

Когда избитый урками Баринов доходил в лагерном бараке, сотни кассет с записями «Второго пришествия» произвели нечто вроде религиозного шока среди советской молодежи, никогда до того не задумывавшейся о существовании Господа. В песнях «Трубного зова» не было никакой политики. Никакой антисоветчины — только плач о грехах и призыв открыться Христовой любви.

Писатель Юлий Даниэль, отбывавший срок за «несвоевременные мысли», определил зону как край непуганых идиотов. Во всяком случае, наличие в лагере агитационного плаката с цитатой из Горького: «Нет ничего прекраснее, чем свободный труд свободно собравшихся людей!», заставляло серьезно усомниться в умственных способностях местного начальства. Но даже этот не к месту припандоренный лозунг явно проигрывал в идиотизме простому и ясному: «Ленин с нами!» Такого не придумаешь в анекдоте. Один баптист, сидевший в лагере, говорил соседям-социалистам: «Хорошие вы ребята, а вот неверующие, в ад попадете. А в аду никаких сковородок — только газета «Правда» и телевизор, по которому все время Брежнев выступает, — ни кофе, ни чаю»⁴¹⁸.

Согласно эсхатологическому «сценарию», пророческое слово должно непременно воскреснуть. Чудо воскрешения «Трубного зова» произошло на наших глазах. Его земному инициатору, продюсеру Александру Сплошнову, удалось разыскать в Белоруссии мастер-ленту 1983 г. Затем в течение двух лет реставрировали рвущийся вокал Барина. Как признавались сами участники проекта, постоянным источником вдохновения для них служили картины Владислава Провоторова (ныне православного священника), особенно его цикл «Семь трубных гласов» (1991–1992)⁴¹⁹. В начале 1990-х за такие композиции уже не сажали...

...В 1985 г., по истечении двухлетнего срока пребывания в должности инспектора, я подал прошение об отставке. А опала стала ослабевать лишь после кончины митрополита Антония. В 1989 г. владыка Ленинградский и Новгородский Алексей, «прикрывавший гонимого», предложил мне подумать о епископском сане. Признательный за благорасположение, я, тем не менее, деликатно отказался и до сих пор об этом не жалею. Использую свои силы на церковно-научном поприще. Слишком сильно в подсознании закрепился условный рефлекс: надо держаться подальше от высоковольтного щитка с надписью: «Не влезай. Убьет!». Ведь владыка Никодим «сгорел», не дожив до 50-ти...

Держитесь, ребята, держитесь!
С подонками будьте на «ты».
Еще вы стране пригодитесь
На случай кромешной беды.

Держитесь за звуки оркестра,
Что боль причиняли сердцам,

И лишь не держитесь за кресло,
Что будет предложено вам⁴²⁰.

Когда-то Александр Фадеев, возглавлявший Союз писателей, пожаловался Сталину: «Инженеры душ человеческих» — косноязычные пьяницы и подонки, а пишут в основном друг на друга. И Сталин ответил: «У меня нет для Вас других писателей. Работайте с этим «материалом!»».

После смерти «лучшего друга писателей» наступила оттепель; в 1956 г. прошел XX-й съезд, но в творческих «серпентариях» мало что изменилось. Свидетельствует генерал-лейтенант КГБ Е. П. Пивоваров, прослуживший в органах госбезопасности ровно полвека: с 1938 по 1988 гг.

— Евгений Петрович, с 1957 по 1960 г. Вы были начальником Четвертого управления КГБ. Удивительно: такой серьезный профессионал — и вдруг, мягко скажем, не уважаемая всеми идеологическая контрразведка...

— Что касается грязной работы, то кто мог остаться чистым в этих авгиевых конюшнях? Я имею в виду творческие союзы. Постоянные склоки, раздоры, доносы. Особенно в Союзе писателей. Все пишущие! Нам оттуда анонимки мешками доставляли. Я даже у них на собрании выступал. Призывал покончить с этим. Все без толку⁴²¹.

В подобной ситуации был и владыка Никодим, с той лишь разницей, что «органы» целенаправленно старались разлагать церковную среду. Илья Эренбург высказал простую, но мудрую мысль: «Соотношение хороших и плохих людей в любом обществе примерно одинаково. И от государства зависит — какие именно качества будут поощряться в человеке». А тоталитарные режимы, как известно, провоцировали людей на худшее.

Один из питомцев ЛДАиС — Юрий Рубан — очень точно и емко отразил тогдашнюю ситуацию: «Каждый, кто учился в Ленинградских духовных школах в 60-е — 70-е годы нашего (XX-го) фантазмагорического столетия, никогда не забудет особой атмосферы, окружавшей тогда Александрово-Невскую лавру. Это была атмосфера высоких мечтаний и низких поступков, правды и лжи, дружбы и предательства, чести и постыдного человекоугодничества, показной открытости и реальной чудовищной изоляции. Стороннему наблюдателю тайны церковной жизни недоступны»⁴²².

Да что там «стороннему»! В те годы вокруг владыки Кирилла, ректора ЛДА, отирался «рыжий»; у ректора он был на побегушках, в качестве личного секретаря. Прошли годы, в 1985 г. владыка ректор был перемещен на самостоятельную кафедру, но иногда приезжал в родной город и посещал альма матер. Земля слухами полнится, и однажды я спросил владыку: «А Вы знаете, что Ваш секретарь стучал на Вас же своим хозяевам с Литейного?» В ответ слышу: «Да, теперь знаю...».

На встречу с «кумом» «Феофан Исповедник» бегал по средам, перед акафистом. В другие дни после обеда к нему можно было подойти с каким-либо вопросом. Но не в среду: «Только не сегодня! Мне некогда, убегаю!» Память хорошая, и вот на конспиративной квартире идет «слив компромата»: кто о чем говорил, какой «антисоветский» анекдот рассказал.

На службу в храм прибегает запыхавшись, минута в минуту; лицо красное, глазки бегают... Акафист подходит к концу. Кладдем земной поклон перед иконой Божией Матери «Знамение». Рыжий падает ниц, но из-под клобука украдкой поглядывает на образ: «Простила или не простила?». А потом на съемной квартире «снимает напряжение», и дым коромыслом до утра...

О том, как в те годы проходила вербовка осведомителей, рассказал бывший негласный сотрудник КГБ, член Союза писателей Лысов (агентурная кличка «Олег»).

Как официально оформлялись отношения со стукачами? Подпиской. Выглядит она примерно так: «Я, Иванов Иван Иванович, изъявляю добровольное желание сотрудничать с органами госбезопасности (вариант: помогать органам КГБ в их работе). Об ответственности за разглашение факта сотрудничества предупрежден. Даваемые мною материалы буду подписывать псевдонимом Веснин. Число. Подпись». Выбор клички стукача — дело тонкое: нельзя, чтобы она напоминала фамилию или имя кого-то из родственников, друзей, но при этом должна легко запоминаться. Как только человек дает такую подписку, его надо сразу заставить написать агентурное сообщение. На комитетском сленге — «шкурку».

«Шкурка» необходима и в тех случаях, когда человек отказывается дать подписку о сотрудничестве с КГБ. «Бывают трудные случаи, — жаловались комитетчики. — Поговорили, хорошо поговорили, источник дает агентурную информацию. В конце говоришь ему: надо дать подписку. Он отказывается. Разъясняешь: «Подписка необходима, чтобы не было разглашения факта сотрудничества».

Он ни в какую. Тогда просишь: «Коротко запишите мне фамилии, факты, чтобы нам не ошибиться, никого зря не наказать». Это часто срабатывает. Агентурного сообщения вполне достаточно, чтобы завести на агента карточку. Подписка затем последует».

Или не последует. В последние годы она стала необязательной. Обходились и без подписки. Нередко и устных бесед с комитетчиками было достаточно, чтобы в оперативные архивы КГБ легла еще одна карточка агента. Это к тому, что, идя на самые, казалось бы, безобидные отношения с чекистом (дескать, дам им информацию общего свойства), надо отчетливо сознавать, что за этим может последовать⁴²³.

Осенью 1983 г. «органам» не удалось моими руками исключить из академии трех неугодных им студентов. Вскоре мне это «аукнулось», и выезд на зарубежные конференции был перекрыт. На мое имя из-за рубежа по-прежнему приходили приглашения принять участие в богословских конференциях, выступить с докладом и т. п. Но беспокоить руководство ОВЦС уже не было смысла — все равно власти выездную визу не дадут. И как отвечать на письма? Чем мотивировать отказ? Будучи в Москве, зашел в ОВЦС. Тогдашний председатель Отдела — митрополит Минский и Белорусский Филарет (Вахромеев) — по-отечески заключил меня в объятия и воскликнул: «Что они там, в Питере, — с ума посходили?».

... А тем временем «рыжий» «набирал очки», и хозяева продвигали своего фаворита в «номенклатурную обойму». С «кумом», который курировал академию, они были полными тезками. «ФИО» «кума» большим секретом не были: в качестве наблюдателя он участвовал в миротворческих конференциях, и его «закрытые» данные открыто фигурировали в списках участников форумов. Но в академии он был «фигурой умолчания», и те, кто были у него «на контакте», держали язык за зубами.

... «Феофан-исповедник» выбегает из канцелярии, преисполненный важности. Мы беседуем с коллегами, а он, по своему обыкновению бесцеремонно вклинившись в разговор, дает мне «ЦУ»: дескать, срочно сделать то-то и то-то. А я в ответ, со смирением:

— Хорошо, Олег Иванович! Будет сделано, Олег Иванович!

И как хлыстом по лицу! Собеседники на секунду теряют дар речи, их тоже «бьет током». Сдавленные смешки, а «рыжий» в ответ: «Ты еще пожалеешь!».

Вскоре коллеги-преподаватели по-дружески предупредили: «кум» в бешенстве: «Расшифровка агентуры!». «Олега Ивановича»

ча» стали сторониться, и, как информатор, он потерял «оперативную ценность». Над ним открыто смеялись: «Пишите доносы, «источник» Галинский!». А смех, как известно, убивает. И теперь, входя в Академию, «Феофан Исповедник» втягивал голову в плечи...

А ты стучи, стучи,
А тебе Бог простит,
А начальник
Тебе срок скостит...

(Александр Галич)

Комитетский жаргон прямо-таки пер из него. Как сказал бы простой секретарь? — «Напиши (составь) такую-то бумагу!». А *непростой* — многозначительно: «*Набросай...*» Но слышит от меня в ответ: «Я на себя письменных материалов не даю!». Ему уже трудно было *выйти* на других преподавателей. На воспитательском совещании обсуждается характеристика одного из воспитанников. Преподаватели его хвалят: скромный, усерден в учебе. И тут вклинивается Фофик: «А вот *по моим каналам...*».

На *блатном жаргоне* информаторы имеют массу синонимов: *борзописец, вложник, гад, девятка, дятел, засыпало, квочка, козел, масть кумовская, фраер заб за два шнифта, чебурашка, яровая сука и т. д.* Мало, наверное, найдется людей, которые так или иначе не пострадали бы в большей или меньшей степени от доноса *стукачей*⁴²⁴.

... Конец 1985 г. Мною уже давно подано прошение об освобождении от должности инспектора академии и секрета из этого не делаю. Номенклатурная «кость» брошена обратно, но нужно дотянуть до конца полугодия. Правящий архиерей и «кукловоды» озабочены: в истории возрожденной академии такого еще не бывало. Если «второе лицо» добровольно слагает с себя полномочия, то надо менять «всю систему». И вот последовало решение Священного Синода: архиепископ Кирилл (Гундяев) переводится в Смоленск на самостоятельную кафедру, пробыв в должности ректора ЛДА-иС ровно десять лет — день в день. Уже объявлено, что владыка Кирилл в последний раз возглавит совершение литургии в академическом храме.

В воскресенье утром прихожу в академию и сразу слышу: срочно к владыке ректору! Вхожу в покои, испрашиваю благословение.

Суть вопроса: завершая богослужение, владыка обратится с прощальным словом к студентам и прихожанам, а мне, как инспектору, полагается сказать в ответ несколько слов от лица всей академии. С пониманием принимаю пожелание и направляюсь в храм, обдумывая содержание ответной речи.

В алтаре подбегает взволнованный «источник»: о чем шла речь в покоях? Его беспокойство мне понятно: ведь «рыжего» тоже приглашали к ректору — для подстраховки. Но пока его искали, вопрос был решен, и в ректорские покои он не попал. А нервы на пределе: как раз в эти дни в «сферах» решалась его судьба — инспекторское кресло — это трамплин к архиерейскому. Окрыленный, он мчится в покои, и вдруг — от ворот поворот. Едва сдерживая волнение, повторяет с дрожью в голосе: о чем говорили? А мне не то чтобы смешно, но забавно: выскочил из-за угла, схватил «бесхозную кость» и тянет в свою конуру.

— Да не переживай ты так! Все твое будет! Никому эта «кость» не нужна!

И тут «искателя чинов» прорвало: прямо в алтаре, у престола раздалась... матерщина! Это был «момент истины» — маска сброшена. С тех пор для меня этот «персонаж» не существует, какие бы благочестивые личины он на себя ни надевал. И какое бы «право ношения креста на клобуке» не имел...

В одном из интервью зам. Председателя Отдела внешних церковных связей протоиерей Всеволод Чаплин совершенно справедливо заявил: «Можно по-разному относиться к личностям епископов, но нельзя по отношению к ним употреблять хамские выражения, потому что епископ — это человек, символизирующий за богослужением Христа и в этом качестве являющийся частью сакрального пространства».*

Но никто еще не отменял слов Спасителя: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15, 11). И слов апостола Павла: «Гнилое слово да не исходит из уст ваших» (Ефес. 4, 29).

Пробыв короткое время в должности инспектора, «источник знаний» вынужден был оставить академию; его перебросили в ОВЦС. Но и в Москве он быстро «засветился», и тогда «вещего Олега» перебросили в Западную Европу, — в одну из стран с «тяжелым контрразведывательным режимом». Где матеряющаяся «часть

* Аргументы и факты. 2006. №35. С. 9.

сакрального пространства» спивалась при «местной резидентуре», пока врачи не запретили: «Вы себя погубите!».

А времена менялись; в 1989 г. пала Берлинская стена, и «зарубежники» все чаще стали общаться с представителями Московской патриархии. Начались неофициальные переговоры о возможном сближении, которое в наши дни стало реальностью. Но простодушные «карловчане» не знали и «не имели права знать», кто в те годы в «доверительных беседах» представлял интересы Чистого переулка...

Встает законный вопрос: а нужно ли благочестивому читателю знать *про это*? Есть расхожий афоризм: «Народ, который забывает свое прошлое, рискует повторить его в будущем». Но можно и более конкретно. 1939 год, начало Второй мировой войны. Фюрер, в кругу старых партийных товарищей, обсуждает «окончательное решение еврейского вопроса». Все согласны, но все же звучит «конструктивный» вопрос: «А как к этому отнесется мировая общественность?». И «наци №1» ответил: «В 1915 г. турки уничтожили 2 миллиона армян. Кто сегодня помнит об этом?».

... 6 сентября 1990 г. председатель КГБ Владимир Крючков издал секретный приказ под №00111 «О совершенствовании системы учета и хранения документов на агентуру органов безопасности». С типичной для советских официальных документов суесловной мотивировкой — «в целях совершенствования хранения материалов, защиты прав и интересов граждан, сотрудничавших с КГБ, и сосредоточения сил оперативного состава на решение задач по обеспечению государственной безопасности».

«Совершенствование» по Крючкову означало массовое уничтожение всех следов сыска. Подлежали ликвидации личные и рабочие дела агентов и резидентов, содержателей конспиративных квартир, сведения на лиц, исключенных из агентуры за «двурушничество и дезинформацию», а также сами отборочные списки на уничтожение и картотека. О масштабах этой чистки представление может дать цифра 95,7 тысячи гласных и негласных сотрудников, занимавших официальные должности и числившихся в 1982 г. в материалах одного лишь центрального архива. Приказ предписывал завершить эту операцию до конца 1990 г.

Как видно, опасения за судьбу своих осведомителей посетили руководителей КГБ по меньшей мере за год до путча. Пришедший к руководству КГБ СССР 23 августа 1991 г. Вадим Бакатин попытался остановить операцию по истреблению архивов. Об этом были

разосланы строжайшие приказы на места. Но чистка еще какое-то время продолжалась, теперь уже в порядке «низовой инициативы» и в осенние месяцы того года. Во всяком случае, в Ленинграде она была остановлена, лишь когда начальником управления туда прибыл депутат Сергей Степашин⁴²⁵.

В начале 1990-х годов, когда существовала вероятность, что подписанные бумажки вдруг всплывут сами, один довольно знаменитый петербургский интеллигент выпустил книгу, где рассказал, какие бывали смешные случаи. Вызвали его еще перед войной, про что-то расспрашивали, а он задумался о своем — погрузился в лирические какие-то мысли. Ему подали бумажку — он расписался: машинально, не глядя. Следовательно ему: выберите псевдоним для своих сообщений, а лично являться будете по таким-то дням. Только тут, — говорит интеллигент, — я и понял, что завербован. Конечно, возмутился, запротестовал. И хотя являлся по назначенным дням как миленький, но сообщал исключительно вздор и ерунду.

Книжка прошла незамеченной — очень уж была скучна, — образ интеллигента нисколько не потускнел, так что не стоило и врать. Но сколько вокруг таких несчастных — пребывающих в постоянной тревоге: бумаги-то все там, а навлечешь недовольство — найдутся, и общественность, чего доброго, неправильно поймет.*

Так что же, «вещий Олег и Компания» могут не беспокоиться? «Спи спокойно, дорогой товарищ»? Как знать... Все же многое сохранилось. Но время, когда все шире открывались архивы, очень быстро прошло. Дверцы к потаенной их части захлопнулись. А сами потаенные архивы выжившего ведомства ждут встречи с будущими историками в иные времена...

...Предвижу, что какой-нибудь протестантский пастор будет цитировать «избранные места» из этой главы в проповеди во время молитвенного собрания. И внушать членам общины: вот, мол, что представляет из себя Русская православная Церковь! Что можно на это ответить?

Да, были несломленные «инициативники», отколовшиеся от ВСЕХБ, были адвентисты-реформисты, шедшие в лагеря и отбывавшие срок в одних бараках с членами Катакомбной Православной Церкви. Но всех прихожан в подполье не схоронишь, и «видимая» Церковь была обречена отдавать «кесарю кесарево».

Чехов всю жизнь по капле «выдавливал из себя раба», а из нас

* Лурье С. Песня западных славян // Дело. 2007. №11. 2 апреля. С. 3.

десятилетиями выдавливали Чехова: «Советская власть плюс *манкуртизация* всей страны»; «формирование нового человека социалистической формации». В те времена у каждой зарегистрированной христианской общины был свой «скелет в шкафу». И если подобные воспоминания появятся у собратьев во Христе в инославных Церквях, это будет свидетельством совместного очищения от тяжкого груза прошлого.

«Ну, а пока госбезопасность...»

Владыке Никодиму не суждено было дожить до эпохи «ускорения» и «гласности». В годы горбачевской перестройки стрелку политического барометра часто зашкаливало: то «буря», то «великая сушь». А опытные «пушкиноведы» предупреждали:

Товарищ! Верь, — пройдет она,
Так называемая «гласность».
Ну, а пока госбезопасность
Запишет наши имена.

Щупальца КГБ не размыкались на общецерковной «шее» вплоть до распада Советского Союза. Из отчетов 4-го отдела 5-го управления КГБ СССР. Ноябрь 1986 г. «Через ведущую агентуру из числа проповедников АСД (адвентистов седьмого дня. — а. А.) в Туле проведено переизбрание старшего служителя церкви по Центральному региону. В результате на эту должность вновь продвигнут агент «Светлов»⁴²⁶.

Опытные психиатры знают, что даже устойчивый бред больного, одержимого «сверхценной идеей», имеет свою систему, свою параноидальную логику. Известно, например, что родина адвентизма — США; там находятся центры этого движения. А значит, нужно отслеживать «каналы», по которым ЦРУ может влиять на адвентистов, живущих в Советском Союзе.

Но старообрядцы, в отличие от «сектантов-западников», — свои «в доску». Их Церковь — древнее «Никоновской»; они сами себя загнали в «гетто» и замкнулись на проблемах «двуперстия» и «сугубой аллилуйи». Спрашивается: где инструкции ЦРУ, и где прадедовское древлеправославие? Но Лубянке спущен план по «разработке» старцев, и его надо выполнять.

(Из 20 посаженных старообрядческих епископов перед войной

осталось в живых двое. Они вышли на свободу и воссоздали иерархию и полноту Старообрядческой Церкви.*)

Июнь 1986 года. «Проводилась работа по подготовке и проведению собора старообрядческой церкви белокриницкого толка, на котором состоятся выборы главы этой Церкви. В этой связи в 20 органов КГБ-УКГБ направлена ориентировка с просьбой поддерживать через имеющиеся возможности наиболее приемлемую для нас кандидатуру...»⁴²⁷

Глядя на «старшего брата», активизировалась и польская «безпека» (госбезопасность). Тем более, что у Лубянки был богатый опыт. 26 ноября 1924 г. состоялось покушение «неизвестных лиц» на жизнь Святейшего Патриарха Тихона — лишь по ошибке вместо патриарха был убит его келейник. Вот как это было.

Однажды вечером, в 11 часов, Яков Сергеевич (келейник) находился у Патриарха, когда в передней кто-то ключом снаружи отпер дверь и торопливыми шагами прошел в патриаршие комнаты. На пороге показались двое мужчин. Один из них остановился на пороге, другой, держа руку в кармане брюк, устремился к Патриарху. Яков Сергеевич бросился наперерез, успел загородить своим телом обожжаемого им Патриарха. Грянул выстрел. Яков Сергеевич рухнул на пол.

Дальше все было страшно быстро и необъяснимо. После убийства Якова Сергеевича двое ворвавшихся неожиданно (вместо того, чтобы прикончить Патриарха) бросились стремглав в обратном порядке, в переднюю. Один из них схватил с вешалки шубу, и затем оба, толкая друг друга, побежали вниз по лестнице. Но что самое непонятное: Патриарх бросился за ними в погоню, крича: «вернитесь, вернитесь! Вы человека убили!» И возвратился к себе только тогда, когда внизу хлопнула дверь. Тут он склонился к телу своего верного слуги: пуля прошла почти навывлет в предсердье — Яков Сергеевич был убит наповал...

... «Известия» изобразили все дело в юмористическом виде, поместив заметку о краже шубы у патриарха Тихона и не обмолвившись ни словом об убийстве⁴²⁸.

В октябре 1984 г. агенты безпеки ликвидировали католического священника Ежи Попелушко, активного сторонника независимого профсоюза «Солидарность». Тело о. Ежи со связанными руками и с кляпом во рту было найдено в водоеме поблизо-

* НГ-Религии. 1999. № 14 (37). 28 июля.

сти от города Влоцлавека. Клириков, неудобных властям, беззастенчиво уничтожала и раньше — батюшки просто «пропадали». Но в данном случае «беспечные» киллеры оставили много улик, и преступление получило огласку. Дело взял «на контроль» сам папа римский Иоанн Павел II (поляк по национальности). «Начальнику режима» — генералу Ярузельскому ничего не оставалось делать, как дать команду на расследование. Четверо агентов безопасности признали свою вину, покаяться на суде и получили различные сроки заключения. (Как горько шутили тогда поляки: дали, скажем, одному 12 лет — 2 года за убийство и 10 лет за то, что плохо работал).

О. Ежи Попелушко был похоронен в ограде костела св. Станислава в Варшаве, — там, где он служил. С 1984 по 1997 гг. его могилу посетило более 13 миллионов паломников; одним из них был папа Иоанн Павел II. Над могилой — изображение св. Георгия Победоносца, поражающего дракона. И надпись: «Его зовут Ежи (польск. — Георгий)»...

1989 г. был «переходным» в отношении советских властей к религии. После празднования 1000-летия Крещения Руси (988–1988) постепенно начали укрепляться позиции Московского патриархата. Что же касается других конфессий и деноминаций, то этот процесс был более сложным и противоречивым. Наиболее ярко это проявилось в «деле кришнаитов». В Советском Союзе с 1970-х годов их нещадно преследовали, бросали в тюрьмы, в психиатрические лечебницы. Это вызвало массовые протесты на Западе; за «простых советских кришнаитов» заступались не только их зарубежные «собратья по сознанию Кришны», не только правозащитные организации, но даже представители христианской общественности. (Сегодня травят их, а завтра возьмутся за нас.) В конце концов главный «архитектор перестройки» дал команду прекратить процессы против «религиозников», и кришнаиты получили регистрацию в Совете по делам религий.

Комитетчики были вне себя от гнева. Сколько «наработок» и «разработок» пошло прахом! В 1970-х годах Суслов скомандовал: «Фас!», и они, «притравленные», вцепились в кришнаитские глотки. А теперь Горби дает задний ход: «К ногам!». Но челюсти бульдога можно разжать только после смерти, да и то с трудом. И между Лубянкой и Старой площадью началась глухая борьба. Ее жертвой стал тогдашний председатель Совета по делам религий Харчев. По проискам «комитетчиков-антисоветчиков» он был снят с должно-

сти и, как номенклатурщик, отсиживался в подмосковном санатории на «пересидке» — в ожидании нового назначения. Там-то и взял у него интервью корреспондент перестроечного «Огонька».

Вопрос. Регистрация кришнаитов и их паломничество в Индию Вам откликнулось?

Ответ. И еще как... Их регистрация как религиозного общества была сопряжена с очень большими трудностями. За кришнаитами шла форменная охота, их арестовывали, судили, отправляли в лагеря. И все это — не в какие-то сталинские времена, а всего лишь несколько лет назад, в наши дни. Таким образом, признать кришнаитов — значит признать, что процессы против них не имели под собой законного основания. Иными словами, признать, что допущен произвол⁴²⁹. Вот уж поистине «левая рука не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3).

Такой же «двойной стандарт» бытовал и по отношению к другим религиозным общинам, отличавшимся повышенной социальной активностью. В ряду таких движений были евангельские христиане-баптисты. Надеюсь, что когда-нибудь они сами напишут и опубликуют мемуары о том, как шла эта глухая борьба — «за нашу и вашу свободу». А пока — фрагмент из устных воспоминаний активного участника тогдашних сражений на «невидимом фронте».

Из-за личной скромности он просил не упоминать его имя и видную должность, которую он занимает в общине евангельских христиан-баптистов. Но, с другой стороны, не возражал против публикации тех почти детективных историй, в которых ему пришлось играть ведущую роль. В эпоху гитлеровского тоталитаризма многие священнослужители боролись против «коричневой чумы», но в массовом сознании советского телезрителя такой знаковой фигурой стал киношный «пастор Шлаг». А в нашем рассказе речь пойдет о противостоянии «краснокоричневым», в котором участвовал реальный «старший пресвитер (епископ) N». Вот его рассказ об одной «операции», где он был своего рода «режиссером». Детали повествования не претендуют на точность, но в целом ситуация излагается с максимальной достоверностью.

С приходом к власти Горбачева (1985 г.) Русская православная Церковь почувствовала некоторое «послабление», но в отношении протестантских общин продолжался «прессинг по всему полю». «Органы» старались «нейтрализовать» не только пасторов, но и рядовых прихожан, если это были не бабульки-пенсионерки (в лагере их все равно пришлось бы «сактировать»), а социально активная

молодежь (этих — на лесоповал). О том, чтобы идти в учителя — речи быть не могло: идеологический фронт! В медицину — тоже не поощрялось: ведь когда человек на грани жизни и смерти, он поневоле задумается о вечности, а «коварные сектанты» — тут как тут!

Работала себе в больнице тихая скромная медсестра-анестезиолог. Училась в медицинском институте, мечтала стать врачом. Но вызвали в деканат, поставили перед выбором: либо уйти из баптистской общины, либо из вуза. Из института исключили, но с работы так просто не уволить — КЗОТ на защите трудящихся масс, а про «религиозные пережитки» там ничего не прописано. Заявление «по собственному желанию» написать отказалась, на угрозы не реагировала.

... После долгой и трудной операции пожилой врач-хирург обращается к своей помощнице: «Таня! Давайте погуляем по саду!». Медсестра с удивлением смотрит на шефа: с чего это вдруг? Сидина в бороду, бес в ребро?

— Иван Иванович! Я замужем!

— Таня! А я еще раз говорю: *надо* погулять!

И в саду, без прослушки, шепотом:

— Танечка! Завтра у нас плановая операция. Привезут умирающего — неоперабельный рак. В любом случае он умрет под ножом. А труп «повесят» на Вас: мол, передозировка при наркозе. И под суд; статья, срок... Мой совет, если угодно, — приказ: прогуляйте завтрашний день, а послезавтра приходите увольняться — выбора нет. А теперь расходимся, и предупреждаю: я Вам ничего не говорил, Вы ничего не слышали. Если что — все буду отрицать. Помогите Вам Бог!

Через день медсестра проходит с обходным листом мимо кабинета хирурга и слышит крик: «Вы нам все сорвали!...».

После 1988 г. евангельские христиане-баптисты почувствовали «оттепель» и решили: «Куй железо, пока Горбачев». Главная задача — скоординировать деятельность пресвитеров, возглавляющих общины на местах. Речь пошла о совещании, которое по тем временам могло быть проведено только полулегально. «Пастор N» и его помощники объехали общины, обговорили приемлемые сроки и, с учетом всех пожеланий, наметили дату и место «съезда».

Обзвонить потом общины и назвать день «X» несложно, но «органы не дремлют» и держат ухо востро. Поэтому заранее договорились так: если N называет дату и место проведения совещания, то нужно внести несложные поправки. Скажем, не в воскресенье

15-го числа, а на неделю раньше, и не в Пскове, а в Новгороде. Как говорят в Одессе, «шо если да, так нет». Конспирация сработала, съезд прошел гладко: «Цели ясны, задачи определены...».

Через неделю, ради «спортивного интереса», N приезжает на машине во Псков. Что там творится! Вокзал оцеплен, черные «Волги» заполнили привокзальную площадь. Оперативники в штатском сканируют взглядами лица «граждан встречающих». Они-то уверены, что «место встречи изменить нельзя». Но все напрасно: в этот воскресный день их «клиенты» возглавляют молитвенные собрания на местах и «проводят решения съезда в жизнь».

Операция «Перехват» с треском провалилась. А сколько ушло на нее сил и средств! «Задействовали» десятки машин, сожгли сотни литров бензина, пропали выходные дни, и все впустую. Весь «улов» — «пастор N», которого немедленно «установили» филеры. И ведь не устроишь ему начальственный разнос прямо на привокзальной площади: может быть, он приехал встречать с поезда горячо любимую тещу! Но чувства требуют выхода, и вот один из «наружников», проходя мимо машины пастора, цедит сквозь зубы: «Ты у нас еще об этом пожалеешь!».

«Пожалеть» пришлось довольно скоро. Невзирая на угрозы, общины начали устанавливать «неформальные» связи со своими американскими единоверцами; из США по каналам пошла *валюта и литература*. У чекистов нервы на пределе: ведь это — «расстрельная» 64-я статья УК; там «за каждым пунктом вышка», и один из них — «измена родине через намерение».

В квартире пастора N все чаще стали раздаваться телефонные звонки. Голоса «неизвестных» сначала были вкрадчивыми: «Сергей Иванович! (назовем его так). Зачем Вам все это нужно? Ведь если вы будете сидеть тихо, то всем будет хорошо!». Потом — на тон выше: «Мы не советуем Вам...» Потом на два тона: «Как бы Вы не пожалели...» И, «чисто конкретно»: «Ведь у Вас растет сын. А с ним может случиться всякое!».

Но пастор N усиливал миссионерскую активность: «Горе мне, если не благовестую» (1 Кор. 9, 16). Он полагал, что времена *уже не те*. Но там по-брежнему считали, что *еще те*. И вот в один из дней 13-летний сын пастора не вернулся из школы домой. Родители не находили себе места, а телефонная трубка зловеще предупреждала: «Подумайте хорошенько!...». И вот — очередной звонок. Пастор N бросается к телефону и слышит сдавленный голос сына: «Папа! Я жив. Но большего сказать не могу, у меня сейчас

заберут трубку!». И снова зловещий голос: «Ну как? Все еще думаешь?».

В метаниях прошел день второй, а на третий день, в отчаянии, пастор N обратился за помощью к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию. (В течение ряда лет они принимали участие в работе Конференции Европейских Церквей и были хорошо знакомы.) Выслушав взволнованный рассказ пастора, святитель решительно заявил: «Срочно собирайте пресс-конференцию, — с участием иностранных журналистов!».

Началось оповещение журналистов по телефону, и мудрый архиерейский совет сделал свое дело: к вечеру третьего дня сын пастора переступил порог родного дома... На расспросы родителей почти не реагировал.

— Папа! Только не сегодня. Дай мне придти в себя!

Через день «кроха сын к отцу пришел» и вот что «сказала кроха».

«Возвращаясь из школы; у тротуара — черная “Волга”. “Лбы с короткой стрижкой” заталкивают меня в машину, и мы медленно трогаясь с места. Прямо в салоне — вербовка: надо помочь “дядям” в выявлении папиных “нехороших знакомых”. Будешь сообщать нам: кто бывает у отца, о чем говорят, какие материалы передают».

13-летний парнишка отказывается: “Павлика Морозова” из меня не выйдет!» (При Гитлере от детей требовали делать замечания своим родителям, если те забывали поприветствовать друг друга нацистским салютом)⁴³⁰.

Тогда «ставки» игры повышаются. Оперативники переговариваются по радию: «Как слышите? Прием! — Объект вышел из дома». Машина сворачивает за угол и мальчик видит... своего отца, идущего по улице! За ним ведется наружное наблюдение и отслеживается каждый его шаг.

Комитетчик достает пистолет «Макарова»; щелкает обойма, патрон досылается в ствол. На дуле — глушитель. «Ну как? Будешь работать на нас?! Не будешь?! А вот щас грохнем твоего папаньку у тебя на глазах! Считаю до трех! Боковое окно опускается; дуло «макарова» направлено в спину пастора... Раз, два... Нервы у сына не выдерживают, и он теряет сознание...»

А как же пресловутая «слезинка ребенка», о которой так хорошо сказал Достоевский? Дожил бы Федор Михайлович до октября 1917-го, и если бы его не «шлепнули как контру», то архидобрей-

ший Владимир Ильич разъяснил бы архиреакционному писателю, что не бывает абстрактного гуманизма. А бывает мораль буржуазная и пролетарская. И нравственно все то, что служит делу революции. А посему в Москве при ВЧК существовал особый штаб «проститутток». Специально использовались дети 12–14 лет, которые за свою работу получали деньги, подарки, сласти. Сотням девочек предлагали купить свою жизнь, приняв на себя функции тайных агентов ЧК. Сколько трагедий было на этой почве! Вот некая В. под угрозой расстрела отца согласилась на предложение ЧК. Укоры совести привели к самосожжению...⁴³¹

Но это, скорее, исключение из правил. Вообще-то революционеры любили детей. Так, П. Н. Ткачев (1844–1885), русский революционер-социалист, приверженец идей Карла Маркса, предлагал истребить после победы революции всех граждан старше 25 лет⁴³². (Что и осуществил пламенный марксист китайского разлива Пол Пот в Камбодже в 1970-х годах) Человеколюбивый Петр Никитич гарантировал молодому поколению не только счастливое детство, но также отрочество и юность. А дальше — как карта ляжет...

«Всякая революция влечет за собой временное одичание», — писал в свое время Фридрих Шлегель. Певец российской марксистско-ленинской революции Эдуард Багрицкий, обращаясь к своему современнику, писал о голосе революции как о моральном императиве XX века:

Но если он скажет «солги» — солги!
И если он скажет «убей» — убей!⁴³³

Эти слова прозвучали прежде общеизвестной формулы Гитлера, обращенной к немецким национал-социалистам: «Я освобождаю вас от химеры совести!».

Коммунистические императивы «солги» и «убей» диктовались как будто бы не пренебрежением к «химере» совести, а именно совестью: преступления безотносительных заповедей совести (религии) должны были совершаться ради земного спасения и вечно-го земного же благоденствия человечества. *Всего* человечества — не расы, не нации, не только класса. На самом же деле призыв Багрицкого и «отпущение» Гитлера синонимичны: в обоих случаях заведомо насильническая идеология (вождь, век) разрешает переступить через заповеди ради своего торжества⁴³⁴.

Вспоминает Владимир Буковский.

Как-то осенью я возвращался домой и в проходном дворе на Кропоткинской один из «наружников» нагнал меня. Держался он развязно, вызывая, матерился, рассчитывая, видимо, показать, что ему море по колено. Грозился убить ночью, в подъезде, пристрелить, когда я поздно возвращаюсь домой. Напирал на то, что он — не как другие, он не допустит, чтобы у него из-за меня были неприятности.

— Думаешь, мне что-нибудь за это будет? Наоборот, спасибо скажут. Да что ночью! Сейчас вот прикончу, и никто даже не оглянется. Только попробуй еще раз удрать от нас, как вчера.

В доказательство своих слов он вытащил из внутреннего кармана пальто пистолет... Я же лихорадочно искал какой-нибудь способ проучить этого молокососа. Отнять пистолет мне бы сил не хватило — парень он был тренированный, крепкий. От драки я ничего бы не выиграл. И поэтому я выманил его на улицу и медленно двинулся к дому. Расчет был простой — встретить кого-нибудь из знакомых, получить свидетеля. Этот осел шел рядом, все еще надеясь произвести на меня впечатление, а его команда медленно ехала на машине сзади. И ровно в этот момент моя мать вышла из дома в магазин. От неожиданности оба они пожали друг другу руки, когда я их «представил».

— Вот, мама, запомни этого человека, — сказал я. — Если со мной что-нибудь случится, будешь знать, кто виноват. Он грозит меня убить. А это сзади их машина. Запомни номер.

Я сам не ожидал, что мать так разъярится. Даже испугался, как бы она его не побила.

— Что вы себе позволяете! — кричала она на всю улицу. — Вас поставили следить?

— Следить, — уныло ответил чекист.

— Вот и следите. А что с ним делать, решит начальство. Не вашего ума дело. Этого еще не хватало, чтобы всякий подонок решал, кого убить, а кого нет.

— А что же он финты кидает, — вяло оправдывался чекист, — пусть ходит как все люди.

Вокруг стала собираться толпа любопытных. Чекисты в машине сидели злые, как собаки: выговор им был обеспечен. Мать кричала дальше, что пойдет в прокуратуру, будет жаловаться в ЦК, но дела так не оставят. Мое присутствие больше не требовалось, и я пошел своей дорогой, оставил их еще потолковать друг с другом. Больше я эту опергруппу не видел, не назначили их ко мне⁴³⁵.

18 декабря 1976 г. произошел первый в истории политический обмен между СССР и Западом. Советского диссидента Владимира Буковского обменяли на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. В итоге 95-летний Корвалан сбежал из коммунистического рая, стал миллионером (потому что все годы тюрем и изгнаний чилийское правительство исправно перечисляло на его счет зарплату сенатора) и купил милый особнячок в предместье Сантьяго. Владимир Буковский стал профессором английского Кембриджа и, в отличие от большинства своих коллег-диссидентов, возвращаться в свободную Россию не спешит. Тогда же в народе родилась частушка:

*Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где б найти такую б... ,
Чтоб на Брежнева сменять?⁴³⁶*

... Через некоторое время пастор N, будучи в одной из Скандинавских стран, при странных обстоятельствах, попадает в тяжелую автомобильную катастрофу. Пройдя долгий и мучительный курс лечения, он принял решение: «эвакуировать» семью на Запад. В то время он не видел иного выхода: в этой стране не живут, а выживают; а пойдешь «против рожна» — выживут.

... 15 октября 2004 г., в 75-ю годовщину со дня рождения митрополита Никодима, в Свято-Троицком соборе Московского Свято-Данилова монастыря митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл совершил панихиду об упокоении этого выдающегося иерарха Русской Православной Церкви XX в. На богослужении присутствовали православные верующие Первопрестольного града, сотрудники Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.

Приступая к совершению панихиды и призвав собравшихся в храме вознести молитвы об упокоении души приснопамятного митрополита Никодима, владыка Кирилл, в частности, сказал: «Доныне ясно различим и значим след, оставленный им. В те времена, когда по стране бушевали хрущевские гонения на веру Христову, он заложил основу того епископата, который в настоящее время является ядром, сердцевинной иерархии Русской православной Церкви. И потому мы не вправе рассматривать нынешний период новейшей истории нашей Церкви в отрыве от деяний, вклада и самой лично-

сти владыки Никодима. Ибо значительную роль в жизни русского православия наших дней играют те люди, которых владыка Никодим в свое время благословил и поставил на путь иерархического служения. И первым среди таких людей мы должны вспомнить Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II».

«Не нужен мне берег турецкий...»

Будучи начальником Русской духовной миссии в Палестине, неумолимый архимандрит Никодим объездил Святую землю с Библией в руках; прибыв в какое-либо место, упомянутое в Священном Писании, он читал соответствующий отрывок. А с Иорданом у владыки была «кровная» связь. Войдя в реку, он сильно поранил ногу бутылочным осколком и потом долго не мог остановить кровотечение.

В те годы свободно путешествовать по Святой земле могли немногие. Есть устойчивое устное предание о «творческом импульсе», побудившем советского композитора Матвея Блантера написать песню «Летят перелетные птицы». Когда в ООН решался вопрос о создании государства Израиль, молодой Андрейша Громыко, по наводке Хозяина, голосовал «за». (В те годы Сталину нужен был плацдарм для советского внедрения на Ближний Восток.) Вскоре в пропагандистских целях в Землю обетованную было выпущено несколько тысяч «простых советских евреев». На «историческую родину» якобы засобирались и Блантер. Но поскольку он был уже не простой, а номенклатурный, ему было отказано. Надвигалась «борьба с космополитизмом», «дело врачей» и, дабы обезопасить себя от травли, М. Блантер со своим напарником М. Исаковским написал «Перелетных птиц». Вот ключевые строки этой песни:

Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Те, кому это предупреждение было адресовано, намек поняли и затаились до начала 1970-х годов («дело самолетчиков»). А Исаковский — автор «рыбы», не удосужился привести строки своей текстовой в соответствии с нормами правописания:

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона.

Вплоть до падения советского режима выезд за границу по частным делам был чрезвычайно ограничен. Это в «мирное время», «при царе», скажем, учитель гимназии, летом отправлявшийся с семьей за границу, мог сказать дворнику: «Голубчик, вот тебе рубль серебром, сходи в полицейский участок: пусть выправят мне заграничный паспорт». А когда «царя скинули», то из бывшей «тюрьмы народов» стали выпускать с большим трудом. И простой советский человек, мечтавший побродить по *парижским* улочкам, должен был ходить по *ризжским*.

Для тех, кто не жил в ту эпоху, — информация для размышления.

Анжелика Балабанова была назначена Лениным на пост наркома иностранных дел Украины. Из многого, увиденного там, особенно тягостное впечатление произвел на нее действовавший с ведома Дзержинского провокатор из ЧК: он выдавал себя за иностранного посла, продавал паспорта желавшим выехать за границу и немедленно сообщал о своих клиентах в ЧК, где их расстреливали. Возмущенная Балабанова обратилась к Ленину. Ответ Ильича был отечески снисходительным: «Товарищ Балабанова, когда Вы начнете понимать жизнь?»⁴³⁷.

Вывод: желавшим уехать за границу надо было действовать легальным путем, как это сделал, например, все тот же Ильич. В 1900 г. Ленин, побывавший в тюрьме и ссылке, стал опасным революционером, и полиция не могла не догадываться, что, перейдя границу, он поведет подкоп под существующий строй. Несмотря на это, ему беспрепятственно был выдан заграничный паспорт. «Вчера, — сообщал он матери, — получил свидетельство от местного полицмейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) и через два часа получу заграничный паспорт» (письмо от 18 мая 1900 г. из Пскова)⁴³⁸.

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Всеобщую декларацию прав человека». В статье 13 (2) говорилось следующее: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну». Советский Союз, воздержавшийся при голосовании Декларации, затем официально присоединился к ней.

В статье 5(д) Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 г., была повторена цитированная формули-

ровка из Декларации. Советский Союз ратифицировал Конвенцию только в 1969 г.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. в статье 12 (2) констатирует: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную». Советский Союз не только подписал и ратифицировал в 1973 г. этот Пакт, но то же сделали обе советские национальные республики — члены ООН: Украина и Белоруссия. В 1976 г. Пакт вступил в силу.

Таким образом, Советский Союз не только признал провозглашенный в Декларации принцип свободы передвижения, но и принял на себя по Конвенции и Пакту прямое обязательство свободно выпускать своих граждан за пределы СССР.

Чтобы свести к минимуму возможности отговорок, в статье 12 (3) Пакта точно записано, в каких случаях государство может ограничивать зафиксированные в этом документе права человека. Обязательной предпосылкой ограничения является принятие закона о них. Но такого закона в Советском Союзе принято не было. Не было, правда, и закона, подтверждавшего право каждого гражданина свободно по своему усмотрению выезжать из страны. Но и это было предусмотрено в Пакте. Статья 2 (2) гласит:

«Если это уже не предусмотрено существующими законодательствами или другими мерами, каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте».

Значит, и закон должен быть издан, и практика должна быть приведена в соответствие с правом на свободу каждого покидать Советский Союз по своему желанию. Но, может быть, пока Верховный Совет СССР не издал такого закона, Пакт можно и не выполнять, ссылаясь на то, что закона-то нет? Но в Основах гражданского законодательства СССР и в Основах гражданского судопроизводства была записана коллизионная норма: в случае коллизии между действующим в СССР законом и нормой, зафиксированной в международном обязательстве СССР, действует международная норма. Таким образом, каждый гражданин Советского Союза имел право покинуть любую страну, включая СССР⁴³⁹.

Эти нормы действовали в царской России, которую советская пропаганда именovala не иначе как «тюрьмой народов». А после

1917 г. нам разъяснили: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно душат человек». За громкой болтовней о великом счастье быть советским гражданином номенклатура прятала свою твердую уверенность в том, что если разрешить свободный выезд из Советского Союза, то страна опустеет. Почему Советский Союз и подписывал все эти пакты и конвенции, мол, это — в защиту прав негров. А «советские белые негры» по-прежнему гордились тем, что у нас «граница на замке». И сидели «под замком», зато колбаса была по 2.20.

Но в жизни бывает всякое, и постепенно стали выпускать за границу по частным делам (встреча с родственниками, лечение, похороны, приглашение от друзей). Но до 1987 г. — не чаще одного раза в году («противочелночная» защита), причем в паспорте ставился штамп с надписью: «Выезд разрешен до...». Государственному крепостному давали «вольную» на строго определенный срок, после чего — «вертайся обратно». Была такая закрытая формулировка: «90 дней допустимого пребывания за рубежом». (Это не касалось «долгосрочников», но там и отбор шел через «мелкоячеистую сеть».) Для работающих «совслужей» разрешение на выезд санкционировал «треугольник»: партком, местком, профком. («Какие старые слова, а как кружится голова!») При собеседовании устраивали «ловушки».

— С какой целью Вы хотите поехать за границу?

— Посмотреть, как там живут.

— Ну и, как Вы считаете, где живут лучше: у нас или у них?

— Конечно у нас!

— Так для чего Вам к ним ехать?

Был и такой вариант.

— ... Посмотреть, как там живут.

— А что, у нас Вы уже все посмотрели?

Но эти «круги треугольника» — для простых советских людей. А тех, кто ехал «по церковной линии», от этого «дурдома» освобождали.

Вопреки Международному пакту о гражданских и политических правах основанием для оформления выезда не могло быть простое желание гражданина поехать за границу. Основанием признавалось: 1. Ходатайство вашего учреждения о разрешении направить вас в загранкомандировку, 2. ходатайство организации (профсоюза, творческого союза, общественной организации) о разрешении продать вам путевку в заграничную туристическую поездку

или в заграничный дом отдыха, 3. частное приглашение (вариантом такого приглашения был вызов от родственников в Израиле, а также от иностранцев, вступивших в брак с советскими гражданами).

Разрешение на выезд давали номенклатурные органы. В первом случае (командировка) — Отдел заграничных ЦК КПСС или Комиссия по выездам за границу при ЦК КПСС. Во втором (туризм) — Комиссия по выездам за границу в горкоме, обкоме или ЦК компартии союзной республики. В третьем случае (частная поездка) — отдел виз и регистраций (ОВИР), являвшийся органом Министерства внутренних дел СССР, но находившийся практически под контролем КГБ.

Были некоторые исключения из описанного порядка. Так, военнослужащие направлялись в советские войска, дислоцированные в странах Варшавского Договора, по документам, выписывавшимся Министерством обороны СССР. Имелся особый порядок и для выездов за границу нелегальных агентов КГБ и Главного разведывательного управления⁴⁴⁰.

В советские времена Большой симфонический оркестр уехал на гастроли на Запад, а приехал, как отметили остряки, лишь Малый — половина замечательного коллектива осталась за рубежом. По возвращении в Ленинград руководителя коллектива Евгения Мравинского вызвали в высокие партийные кабинеты и поставили вопрос ребром: «Почему от вас бегут музыканты?». На что великий дирижер ответил: «Разве от меня бегут? Это от вас бегут!».

Нельзя сказать, что владыка Никодим путешествовал по миру в неких «процедурных шорах», сидел в международных президиумах исключительно ради принятия резолюций, коммюнике и результативных документов. В свободное время он стремился посещать все то, что на языке ООН именуется «всемирным достоянием человечества». А в более узком кругу называется «церковным туризмом». Он с иронией рассказывал об одном высокопоставленном церковном иерархе, который совершал поездку по Ближнему Востоку. Когда кортеж автомобилей подъехал к известным на весь мир пирамидам, посетить которые — мечта каждого образованного человека, «высокое лицо», не выходя из машины, промолвило: «Каменья — они и есть каменья». После чего кортеж развернулся в обратном направлении.

Глядя на энергичного архипастыря, путешествующего по все-

му миру, мы тоже стремились ухватить кусочек хотя бы советской «заграницы». А по тем временам это были Прибалтика и Кавказ.

1973 год. Почти все лето прошло в архипастырских разъездах по епархиям, Ленинградской и Новгородской, плюс Карелия. И «людие архиерейстии» иподиаконствовали во время митрополичьих богослужений. Но все же образовался «просвет» — владыка дней на 20 уезжал за границу и не имел возможности держать нас «на коротком поводке». При отъезде он посоветовал мне, «как опальному», никуда из города не отлучаться. Однако «охота к перемене мест» была сильнее, и я махнул в Армению.

Арташат — небольшой городок близ турецкой границы. Смотрю на туристскую карту. Отсюда — полчаса езды до древнего монастыря Хор-Вирап. В конце III в. здесь держали в темнице св. Григория, просветителя Армении, а в эпоху средневековья на этом месте была воздвигнута обитель. Оставив вещи в гостинице на попечение дежурной, отправляюсь на поиски автобуса до обители. Дорогу до автостоянки подсказала та же дежурная; она же «стукнула по телефону» про залетного гостя.

Скрип тормозов, рядом останавливается «москвич». Из машины вылезает два армянина в штатском. Мелькают «корочки»: «Комитет госбезопасности». Достаю паспорт; комитетчики «устанавливают личность». Вопросы соответствующие.

- С какой целью искал пути подхода к границе?
- Меня интересует не граница, а монастырь Хор-Вирап.
- Хор-Вирап стоит прямо на границе. Зачем про него знаешь?
- Он отмечен на карте как туристический объект.
- Кто дал карту, какое получил задание?

Чувствую, что время здесь, в Арташате, остановилось; «ребятишки» «выпали из 37-го года». Но мне нельзя их злить; ведь составят протокол о «задержании при попытке перехода турецкой границы». И выдержит ли сердце митрополита этот удар? Поэтому разговариваю с гэбэшниками предельно вежливо.

— Туристическая карта продается в любом книжном магазине, и там Хор-Вирап не засекречен. В Арташат въезд свободный, никто в автобусе документы не проверял.

— Въезд свободный, но город закрытый, и ты должен отсюда уехать.

Решающим аргументом в пользу моей невиновности оказался обратный авиабилет в Ленинград, купленный в Ереване за неделю до возвращения. Сыскари с умным видом долго изучали его,

рассматривая чуть ли не на просвет. Вроде бы полегчало: когти разжимаются, и, кажется, обойдемся без протокола.

Едем в гостиницу, дежурная отводит глаза: «Я не стукачка, но доложить обязана!». Оперативники роются в моем рюкзаке, но «вещдоков», естественно, не находят. На ближайшем автобусе убываю в Ереван. В древней обители побывать не удалось, но и владыку не подвел «под монастырь»...

Бывая за границей по церковным делам, владыка иногда денек-другой предавался отдыху. Но крайне редко, и только после завершения официальной программы. Лишь незадолго до своей кончины он отправился в круиз на теплоходе вокруг Европы — с лечебными целями. В те годы это было доступно в основном партократам, которых называли «Дроздовы» — по фамилии персонажа из романа Дудинцева «Не хлебом единым».

Знаменитый писатель Константин Паустовский — употребляя имя Дроздова как нарицательное обозначение номенклатурщика, вспоминал о своей поездке на теплоходе вокруг Европы. «Дроздовы проявляли враждебность ко всему, кроме своего положения; они поражали своим невежеством. У них и у нас оказались совершенно разные понятия о том, что представляет престиж и достоинство нашей страны. Один из Дроздовых, стоя перед «Страшным Судом», спросил: «Это суд над Муссолини?». Другой, глядя на Акрополь, сказал: «А как пролетариат допустил постройку Акрополя?». Третий, услышав замечание об изумительном цвете воды Средиземного моря, строго спросил: «А наша вода разве хуже? (И вообще, надо присмотреться к этому товарищу.) Что, наши черноморские виды в Крыму разве хуже?»⁴⁴¹

«Беспартийный Паустовский произнес антисоветскую речь», — констатировалось в закрытом письме ЦК.

В портах захода Дроздовы «делали шоппинг», а у владыки Никодима была своя программа: посещение местных храмов, встречи с духовенством, поклонение святыням. Но неизменно — с «референтом», который неотступно сопровождал владыку во время круиза...

Но это не значит, что «око государево» присматривало за владыкой Никодимом при каждой заграничной поездке. Вспоминает священник Роберт Слесинский (США).

После окончания учебы я был паломником в Фатиме (Португалия). Там я узнал от капеллана-американца о. Иоанна Мовата, что в свое время здесь был паломником и митрополит Никодим.

Когда одна служанка вскрикнула, что идет какой-то православный монах, о. Иоанн посмотрел в окно и не сдержал эмоций: «Божже мой, — воскликнул он, — это не простой монах, к нам идет сам митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим!». Да, митрополит приближался пешком и без всякого сопровождения — вот подлинный монах!»⁴⁴². А ведь в то время поездка в Фатиму приравнивалась к антисоветской...

«Держать и не пущать» — этот принцип был общим для нашей тогдашней «солнечной системы». Но владыка Никодим молчаливо поощрял «отклонения» от официальной программы и знакомство с церковными достопамятностями «страны пребывания». После кончины святителя многое изменилось; местные власти стали действовать в этом смысле грубо и примитивно.

1982 год. Накануне поездки в Сербию на молодежную конференцию — «инструктаж» в митрополичьем кабинете. Сбоку — «референт», постукивающий о стол карандашиком. Его предписание — «простое, как мычание»: после конференции сразу же возвращаться на родину, и никаких самостоятельных поездок по Югославии! Ни в Боснию, ни в Словакию (он имел в виду Словению).

Антониевский «наказ» изощреннее — он выше «образованщины», сидящей сбоку.

— Отец архимандрит! Вам, конечно, захочется в первую очередь поехать в Дубровник. Только не говорите — «нет»! я знаю, что это Ваша мечта. Так вот, в Дубровник — ни ногой! Идите!

Надо ли говорить, что по окончании конференции я предложил сопровождавшему меня игумену-«подсадке» переоформить аэрофлотовские билеты, и у нас образовалось целых два дня на поездку по стране. Это наше личное время; все равно в академии срочных дел нет. «Подсадной» возражать не стал, но отправиться в путешествие побоялся. Я же вечерним рейсом вылетел в Дубровник, тогда еще не разрушенный войной. А потом автобусом, через горные перевалы, в Сараево (от того города мало что осталось) и, наконец, ночным поездом — в Белград. С «тайным ухом» встретились в аэропорту; оно из Белграда никуда не отлучалось. Двое суток оно предавалось застолью с возлияниями у настоятеля русского храма: наказ референта выполнен.

По возвращении — диалог с референтом.

— Отец Августин! У меня есть сведения, что Вы задержались в Югославии.

— Это рыжий Иуда доложил?

— Ну, не будем называть имена...

Не будем. Но это не просто «тип», а *типаж* тех лет, о которых сказано: «Серые начинают и выигрывают». Высоцкий пел: «Феофан был злобный, жадный, // наглый, хитрый, плотоядный...». Однажды паренек, родом из Закарпатья, подал прошение об отчислении из первого класса семинарии — не выдержал испытаний.

Днем вызвали в военкомат, пытались «вербануть». Еле отбил. Всю ночь не спал. Утром гуляю по лаврскому парку, смотрю — навстречу «Феофан» — в «косухе», джинсах, с кейсом в руке. С похмелья спешит на лекцию — читать курс *аскетики*...

Вспоминает архимандрит Ианнуарий. Когда «рыжего» и его дружка начали продвигать вверх, они съехали с квартиры, которую снимали в Ленинграде, и перебрались в Москву. Какое-то время о. Ианнуарию пришлось снимать ту же квартиру, и соседи не могли нарадоваться. При встрече на лестнице благодарили: Вы такой тихий, спокойный! Не представляете, что тут творилось до Вас! Шум, пьянки, драки... Прямо по Блоку:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в Божий храм...

В те годы духовником академии был протоиерей Иоанн Кондрашов. Пожилой батюшка был туговат на ухо и говорил очень громко, думая, что все «в норме». Подходит к нему «рыжий» на исповедь и тихо шепчет: «Шу, шу, шу...» А в ответ громовой раскат на весь храм: «Что?! Да ты же монах!».

— Тише, тише! Шу, шу, шу...

— Что?! Да ты же монах!

За границей «рыжий» вел себя осмотрительно, — чтобы свои же не заложили. Зато в «Союзе» позволял себе «оторваться по полной программе». Однажды, не справившись с канцелярской «текучкой», он симулировал сердечный приступ, и ректор, встревожившись не на шутку, дал ему отпуск в самом начале учебного года. Компания, отправившаяся на поезде в Крым, была маленькая, но приличная. В хозобслуге — *малчики*, в купе — ящик коньяка: «Гуляй, рванина, от рубля и выше!».

Загул кончился печально: мертвецки пьяного «аскета» сняли с поезда то ли в Жмеринке, то ли в Бердичеве. В линейном отделе,

как положено, был составлен протокол, но дело замяли его покровители по другой «линии»...

Начало 1980-х; в составе небольшой делегации еду на богословскую конференцию в Англию. После завершения официальной программы — посещение православного кафедрального собора, встреча и «речевой контакт» с «опальным» митрополитом Антонием (Блюмом).

Во время беседы владыка Антоний рассказал забавную историю. Годы «застоя» были не только в Советском Союзе, но и в Югославии. (В былые времена советских туристов, вырвавшихся в Югославию, немало радовали агитационные лозунги, откровенно утверждавшие: «Маршал Тито — наш понос!» Переводчики поясняли, что знакомое русским слово на их языке означает «слава» и доверительно сообщали, что то явление, что обозначаемое им в русской речи, по-сербски именуется совсем иначе — *пролив*.) Культ личности Иосипа Броз Тито достиг такого размаха, что некоторые интеллектуалы не выдерживали «прессинга» и уезжали из страны в эмиграцию, благо, что это можно было сделать легально — под видом временного выезда на заработки в Западную Европу.

Идет семья таких политэмигрантов по Лондону, наслаждается свободой. Впереди православный храм — как не зайти? Совершается литургия; диакон выходит читать Апостол и возглашает: «К Титу послание святого апостола Павла чтение!». Эмигранты в отчаянии: «И здесь Тито!».

А вдове умершего в 1980 г. президента Иосипа Броз Тито — Йованке Будисавлевич — было не до шуток. Она провела под домашним арестом в своей квартире 20 лет (!) и была выпущена на свободу лишь в 2001 г. — власти опасались, что женщина устроит переворот и попытается стать наследницей Тито. Надо ли говорить, что Йованка не задержалась в стране, переехав к родственникам в Германию?⁴⁴³

А потом, допоздна, — беседа за чашкой чая с регентом собора — о. Михаилом Фортунато. В гостиницу возвращаюсь за полночь. В соседнем номере — громкий бессвязный разговор (много выпито), табачный дым. Это отдельский переводчик «снимает напряжение» с «собратом по разуму». Заглянуть в «вертеп» — значит нарушить их «гармонию», и я, сложив вещи в чемодан, засыпаю. Завтра отлет в Москву, и хочется утром побродить по Лондону.

Выскальзываю из отеля в шесть утра. До девяти — Вестмин-

стерское аббатство, Трафальгарская площадь, Даунинг-стрит... Стараюсь держаться подальше от злочного района Сохо. Однажды британский министр обороны Джон Профьюмо был уличен в связи с особой легкого поведения, промышлявшей в Сохо. Нехорошо, конечно. Хуже было то, что еще одним клиентом девицы был советский военный атташе в Лондоне... Стараюсь держаться подальше и от Кенсингтон стрит. На этой улице 12 посольств: румынское, финское, чешское, непальское... Резиденция нашего посла расположена в единственном в Лондоне доме под номером 13 (англичане избегают чертовой дюжины).

В те годы советское посольство в Великобритании, как и в любой другой стране, состояло из трех практически независимых структур: посольство как таковое, возглавляемое послом и подчиняющееся министру иностранных дел, резидентура КГБ и резидентура ГРУ. Резидентуры действовали независимо друг от друга и не подчинялись посольству, хотя работали под его крышей. Не все сотрудники резидентуры были дипломатами, многие из них занимали видные посты в советском торгпредстве в Лондоне, считались представителями газет, Аэрофлота, Интуриста или других миссий. Но где бы они ни работали официально, они были подчинены резиденту, который, в свою очередь, получал приказы из Центра.

Для того чтобы представить мощь двух резидентур, приведу лишь такой факт: в то время у них было больше персонала, чем во всех остальных советских организациях вместе. Гигантские бюджеты тоже не сравнить с расходами посольства или торгпредства, и они могли быть увеличены в любой момент из государственной казны.

Здание №13 нередко сотрясалось от бурных шпионских скандалов. В 1971 г. Лондон поставил мировой рекорд — выслал больше 100 советских шпионов. С особым рвением МИ-5 следило за домом №16, где располагался военный атташат⁴⁴⁴.

Но на лондонской конторе ГРУ — КГБ свет клином не сошелся. Вспоминает известный социолог Владимир Ядов.

В 1963–1964 гг. меня направили по обмену на стажировку в Англию. Естественно, кандидат на стажировку за рубежом подлежал присмотру со стороны Большого дома. Звонит некто, представляется просто как «сотрудник» и предлагает встретиться в Таврическом саду. Спрашивает, очень ли я хочу поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете

выполнить наше задание?» Я интересуюсь, какое именно. Он говорит, что сам этого не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. «Как, — спрашивает, — зовут вашего тестя?» — «Николай Григорьевич». — «Так вот, к Вам обратится Николай Григорьевич».

В Москве «коллега», представившийся Николаем Григорьевичем, звонит мне в гостиницу и назначает randevu возле ресторана «Берлин». Минут пять я топчусь в условленном месте. Подходит молодой дядя с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги, что суть поручения мне изложит очередной Николай Григорьевич из нашего посольства в Лондоне. В посольстве на Хайгет-стрит третий Н. Г., еще более молодой, формулирует задание: следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой. Дело нехитрое, так как проверить мою догадку о будущей карьере студента не смогли бы и десятки николаев григорьевичей.

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук я приятельствовал с парнем по имени Майк лишь потому, что его комната оказалась рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки. Его я и назвал в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой мой Н. Г. из службы атташе по культуре сказал, что я должен представить его Майку как своего друга.

Сел за руль и — ей-богу, не преувеличиваю — петлял по Лондону, прежде чем подъехать к общежитию на Рассел-сквер. Моего приятеля мы нашли в студенческом баре. Я их познакомил за кружкой пива, и на другой день Н. Г. диктует мне текст на почтовую открыточку (дату не ставьте). Текст примерно следующий: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много преподавательской и исследовательской работы. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя». Далее Н. Г. инструктирует, что с этой минуты с адресатом послания я должен прервать всякие связи. Он, видимо, доложил о выполнении своей миссии, а я поступил как велено, в чем дал расписку.*

... В гостинице еще успеваю на завтрак. «Толмач» мрачен; на яичницу с беконом не смотрит: его мутит «после вчерашнего».

* Дело. 2005. №34. 26 сентября. С. 14–15.

Только крепкий чай — и в аэропорт. В Шереметьево-2 прощаемся: мне на поезд и в Питер. А через неделю — выволочка от митрополита Антония (Мельникова). И не за «речевой контакт» с Антонием (Блюмом), а за то, что в Лондоне я... не ночевал в гостинице! Как сказали бы первоклашки в школе с усиленным изучением английского, «брэд оф сив кэйбл!» («бред сивой кобылы»).

Из-за таких вот «проработок» и «вызовов на ковер» основатель и главный режиссер Московского театра на Таганке Юрий Любимов в 1984 году, находясь в Лондоне, попросил политического убежища. В начале 1984 г. Юрий Любимов ставил там пьесу по роману Достоевского «Преступление и наказание». И сделал неосторожное заявление для печати — сказал, что в 65 лет у него нет времени дожидаться, пока советские чиновники начнут понимать культуру, которая достойна его страны. Через несколько дней он повторил эти слов для советских радиослушателей на радиостанции Би-Би-Си. По советским понятиям — преступление. И сразу последовало наказание: он был смещен с должности главного режиссера театра⁴⁴⁵. И это при том, что в 1940–1947 гг. начинающий Юрий Любимов служил конферансье ансамбля песни и пляски НКВД⁴⁴⁶. (Это как если бы Гитлер организовал ансамбль песни и пляски Гестапо.) А уж потом — от Лубянки до Таганки. И когда Любимова упрекали, что его жутко смелый театр существует с разрешения КГБ, при покровительстве Андропова, он в ответ говорил: «Дорогие мои, да у нас все существует с разрешения КГБ; если КГБ не разрешит, то никто не будет существовать».

... Через год-полтора «буря в стакане воды» по поводу моей «неночевки» утихла; Лубянке было не до этого. Примерно тогда же разразился очередной скандал. Тогдашний заместитель резидента КГБ Олег Гордиевский перебежал к англичанам. А незадолго до этого он вышел из посольства с пачкой секретных документов. Гордиевский направлялся на очередную встречу со своим куратором Джоном Скалеттом. Тот, между прочим, потом возглавил МИ-5 (контрразведку). У ворот Гордиевский столкнулся с резидентом — генералом Аркадием Гуком. Экс-полковник, а позже перебежчик вспоминал, что это был один из самых страшных моментов в его жизни. «Конец!» — подумал он. Но Гук настолько торопился, что не взглянул на него⁴⁴⁷. Зато за нами был нужен глаз да глаз...

И вот моя поездка на конференцию в ГДР. И все — по прежнему сценарию. Накануне отлета, с шести утра, прогулка вдоль Шпрее,

Унтер-ден-Линден, Бранденбургские ворота, Берлинская стена... При входе в гостиницу, с сигаретой в зубах, — все тот же «источник». Упреждая разгул его буйной фантазии, рассказываю об увиденном, затем, с особым нажимом: «А в гостинице я ночевал! И в Лондоне тоже ночевал!» И глядя в его блудливо бегающие глазки, добавляю: «Так и передайте!».

В те годы был популярен такой рассказ. Два советских скрипача были направлены за рубеж для участия в международном конкурсе. Настоящий занял второе место и расстроился; «подсадной» — последнее — и как с гуся вода.

— Да что ты переживаешь! Второе место тоже хорошо!

— Так за первое место дают поиграть на скрипке Страдивари!

— Но у тебя прекрасная скрипка!

— Тебе не понять, что такое скрипка Страдивари! Для меня — поиграть на скрипке Страдивари — то же самое, что для тебя — пострелять из маузера Дзержинского!

Но это — скрипач с мировым именем, — попробуй не пусти его на международный конкурс! А с тогдашней «мелочевкой» разговор был короткий. Вспоминает Эдуард Успенский, детский писатель, давший «путевку в жизнь» Чебурашке.

Наши писатели были жутко боязливыми. А мне приходилось защищаться на каждом шагу. Например, организуется поездка кинематографистов за границу, в Швецию. Я подаю заявление. Через некоторое время отвечают: «Ваши документы пришли, Вам отказано». — «Кто отказал?» — «Мы таких вещей не говорим». Я упираюсь: «Как так? Я документы сдал? Сдал. Вы их получили? Получили. Объясните мне, кто и почему отказал». Не отвечают.

Тогда я пишу письмо: «Мне отказали в поездке, прошу ответить почему». Не отвечают. Тогда я пишу письма в «Правду», «Комсомолку», «Известия». Мол, меня не выпустили за рубеж, прошу ответить, на какую разведку я работаю. Набрасываю проект письма, а Толя, мой секретарь, доделывает, чтобы границу закона не перейти. Самое смешное, что «Мурзилка» и «Веселые картинки» тоже получали от меня такие письма.

Так было каждый раз, как собиралась поездка: меня вызывали и говорили, что я не поеду. Не пускают, например, в Финляндию. Я опять начинаю письма писать и звонить. Если мне не отвечают, я пишу письмо в Госконтроль. Это была тактика — кто кого изматает. Я их замучил. За три года скапливаются мои по-

слания, потом вызывают и спрашивают: «Почему Вы все время пишете письма?»

Однажды звонит мне секретарь Союза кинематографистов и сообщает, что мне отказано в поездке за рубеж. Настаиваю: «Дайте мне точный ответ, почему меня не выпускают. Мне все говорят, что Вы связаны с КГБ». Он завизжал: «Да не связан я с КГБ! Да не связан я с КГБ!». И бросил трубку.

Я добрался до КГБ. Там сказали, что с их стороны все чисто: «Ищите среди своих в Союзе». Это просто делается... Кто-то пишет на тебя донос. А доносчиков открывать не обязательно.

Последняя история была с Голландией. Совместно с одной голландской писательницей мы написали книжку, я получил приглашение. Но чтобы наверняка выпустили, голландцы решили пригласить меня в паре с Альбертом Лихановым. А то, говорят, тебя одного не выпускают. Я им говорю: «Вы доиграетесь: Лиханова выпускают, а меня — нет». И точно. В субботу — самолет, а в пятницу мне сообщают, что документы не пришли. Бедный Лиханов поехал один, никому там не нужный.

Обычно, когда я спрашиваю: «Почему меня не пускают?», они мне отвечают: «На такие вопросы мы не отвечаем». — «Минуточку. А кто отвечает? Может, мои документы давно готовы и Вы от меня ждете взятку?». На меня орут: «Вы допрыгаетесь, Вами КГБ займется».

Я брал с собой Толю на прием и в коридоре начинал нарочно дико орать: «Толя, ты слышишь? Меня госбезопасностью пугают. Они думают, что надо мной можно так издеваться и что Комитет на их стороне». Они очень пугались⁴⁴⁸.

1993 год. Прошло около двух лет после краха советского режима, и вот, наконец, «заслонка» была поднята: отменены так называемые «выездные визы». Теперь можно путешествовать по странам «третьего мира», куда бывших «совграждан» впускают без особых формальностей.

С 1 января 1993 г. российская сторона не стала требовать предъявления приглашений из-за границы и объяснения целей предстоящей поездки, МВД отменило проставление в загранпаспорте разрешающей записи «Выезд до...». Каждый гражданин России, имеющий право получить загранпаспорт (все «противопоказания» оговорены в законе), приходит в органы ОВИР по месту жительства один раз в пять лет. На этот срок и получает паспорт, которого уже не коснется ведомственный штамп. Только — визы зарубеж-

ных государств и пограничные отметки. Дело самого гражданина и соответствующих стран посетить их временно или приехать на постоянное жительство. К тому же вместо 21-й страницы паспорта, отводившейся ранее на разрешительные записи и на въездные визы, в новом документе — 33 страницы, предназначенные только для виз.

Были отменены унижительные поборы — госпошлины на право покинуть страну, как это было до 1993 г. при ВКПб (Второе крепостное право большевиков): покидаешь страну временно — внеси 200 рублей. Уезжаешь на постоянное жительство — тысячу.

И сегодня для многих россиян воспоминания о сизой морде секретаря парткома и фальшивой улыбке председателя месткома на заседании комиссии по туристической группе в Болгарию явно тягостнее вида шенгенской визы в паспорте, дающей право ехать, куда заблагорассудится без всякого разрешения обществественности.

... За свой счет, по крохам собрав деньги, еду в Индию. Знакомство с 16-ю уникальными религиозными центрами, масса впечатлений, богатейший материал для чтения лекций в академии.

Возвращаюсь в академию, естественно загорелый, и меня спрашивают: «Откуда Вы приехали?» По душевной простоте отвечаю: «Из Индии». И сразу информация пошла вверх. Подходит ко мне наш один знакомый по академии (ныне покойный) и говорит: «Я ничего не понимаю. Вызывает меня митрополит (ныне покойный) и говорит: “Почему Вы были в Индии без моего благословения?”».

(Наш коллега был человеком очень хорошим, добрым, но в силу жизненных обстоятельств он, как раньше писали, «впал в некую задумчивость, которая привела к винной слабости».)

И дальше он мне рассказывает: «Владыка, не был я ни в какой Индии! Откуда мне — здоровья нет и денег нет. Какая Индия?» А митрополит стучит кулаком по столу: «Нет, я точно знаю, Вы были в Индии! Не ездить в Индию без моего благословения!»

Только он мне это рассказал, ко мне кто-то подбегает: «Вас — срочно к митрополиту!». Вхожу, владыка сидит, строго-строго на меня смотрит и говорит: «До меня дошли сведения, что Вы приходите на лекции в нетрезвом виде!». И я отвечаю: «Владыка! Кажется, я понял, в чем дело. Аналогичная история была с одним протоиереем после войны. Его вербовали в осведомители, а он сказал: «У меня осколок в голове. Я вам все фамилии перепутаю!».

Владыка молчит: произошел «системный сбой». Потом тихо произносит: «Идите!». Это была моя единственная встреча со свя-

тителем — страстным любителем подледного лова. И я храню о нем теплые воспоминания.

До перевода владыки Иоанна на С.-Петербургскую кафедру (1990 г.) он в течение 17 лет возглавлял Куйбышевскую епархию, а Куйбышев (ныне Самара) долгие годы был *режимным* городом. Была такая загадка: почему Волгоград открытый, а Куйбышев — закрытый? Ведь в обоих городах — тракторостроительные заводы.

— Потому, что в Куйбышеве делают трактора с вертикальным взлетом и изменяющейся геометрией крыла. И вполне понятно, что комитетчики были в Куйбышеве полновластными хозяевами. 17 лет страха...

В миллионном городе (новый состав горсовета принял в июне 1990 г. решение о возрождении исконного имени — Самара) из двух сотен исторических названий улиц уцелело лишь пять. Среди утраченных и улица Духовная, ведшая людей к храму. И вот ни храма уже, ни Духовной улицы нет. Вспоминаются строки В. Маяковского: «Улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать».

31 декабря 1956 г. в Куйбышеве произошло загадочное событие. В доме 84 по улице Чкалова жила обычная женщина Клавдия Болонкина, сын которой надумал пригласить в новогоднюю ночь своих друзей. Среди приглашенных была девушка Зоя, с которой Николай незадолго до этого начал встречаться.

... Все подружки — с кавалерами, а Зоя все сидела одна, Коля задерживался. Когда начались танцы, она заявила: «Если нет моего Николая, буду с Николой Угодником танцевать!» И направилась к углу, где висели иконы. Друзья ужаснулись: «Зоя, это грех», но она сказала: «Если есть Бог, пусть он меня накажет!» Взяла икону, прижала к груди. Вошла в круг танцующих и вдруг застыла, словно вросла в пол. Ее невозможно было сдвинуть с места, а икону нельзя было взять из рук — она будто приклеилась намертво. Внешних признаков жизни девушка не подавала. Но в области сердца был слышен едва уловимый стук.

Врач «скорой» Анна пыталась оживить Зою. Она пробовала делать девушке уколы, но это оказалось невозможно. Тело Зои было таким твердым, что иглы шприцев в него не входили, ломались... Она прибежала домой взбудораженная. И хотя милиция взяла с нее подписку о неразглашении, все рассказала.

О происшествии немедленно стало известно правоохранительным органам Самары. Так как это было связано с религией, де-

лу дали статус чрезвычайного, к дому отправили наряд милиции, чтобы не пускать внутрь зевак. Волноваться было о чем. К третьему дню стояния Зои все улицы рядом с домом были запружены тысячами людей. Девушку прозвали «Зоя каменная». В дом к «каменной Зое» все же пришлось приглашать священнослужителей, ибо приблизиться к ней, держащей икону, милиционеры боялись. Но никому из батюшек не удавалось что-то изменить, пока не пришел иеромонах Серафим (Полоз). Он был настолько светел душой и добр, что даже обладал даром предсказания. Он и смог забрать икону из застывших рук Зои, после чего предрек, что ее «стояние» закончится в день Пасхи. Так оно и вышло. Говорят, что Полоза после этого власти просили отказаться от причастности к делу Зои, но он отверг предложение. Тогда ему сфабриковали статью о мужеложестве и отправили отбывать срок. После освобождения в Самару он не вернулся...⁴⁴⁹

В 1993 г. сложилась непривычная ситуация: разрешение на выезд теперь давалось всего лишь один раз и сразу на пять лет (срок действия загранпаспорта). «Девятка» «пробьет по базе данных» (не под следствием ли, не в розыске ли, не «режимный» ли оборонщик с его секретами Полишинеля), и перед тобой открыт весь мир. Раньше ОВИР давал «отказникам» устные разъяснения: вам, мол, выезжать за рубеж нецелесообразно. А теперь если «немотивированный отказ», то в письменном виде, и сразу можно подавать в суд. И «кукловоды» почувствовали, как рвутся последние ниточки: их уже не то, что не боятся, — они уже никому неинтересны.

Но в этом процессе агонии были интересные эпизоды. Осенью 1993 г. тогдашние епархиальные власти заставили старенького архимандрита Кирилла (Начиса) заниматься сбором подписей, и отнюдь не в поддержку очередного «кандидата в депутаты». Духовник академии, отмотавший свой срок в ГУЛАГе, должен был брать у наиболее «динамичных» преподавателей «подписку о невыезде»: запрещалось выезжать за пределы возлюбленного Отечества без «архипастырского благословения». В речи о Кирилле иногда проскальзывало что-то барачно-гулаговское.

— Конечно, каждый раз перед отъездом владыку беспокоить не надо. Вы мне только шепните...

Но это еще цветочки. В 1960-е годы в одной из центральных епархий был священнослужитель, неугодный «органам». Человек безукоризненный, он не давал ни малейшего повода каким-либо образом придираться к нему. И тут на помощь властям пришел

епископ. Однажды этот священнослужитель под вечер зашел к своему другу, священнику соседней епархии, до которого от его дома было 15 минут ходьбы. Но дорога лежала через речку, разделяющую две разные области и, следовательно, две епархии. А по церковным канонам без согласия правящего епископа священник не имел права покидать епархию. Об этом визите узнал владыка и быстро сориентировался в поиске обвинения в каноническом нарушении. И вот посещение друга священника было истолковано как самовольная отлучка из епархии (на целых полчаса!). Так владыка выручил «органы», у которых не хватило фантазии на обвинение. Священник был запрещен в священнослужении, а владыка повышен в очередном церковном сане⁴⁵⁰. А в одной из епархий и сегодня действует указ: «Аще клирик дерзнет отправиться на чужбину без ведома правящего архиерея, он будет лишен христианского погребения» (это к вопросу о декларации ООН 1948 г.).

Прошло время, и вот мы в скорби: Санкт-Петербургская кафедра овдовела. Встречаю о. Кирилла.

— Ну как, бумагу в корзину?

— Нет! Бумага в силе!

В советское время спросили одного: «Вы «Правду» выписываете?». «Конечно! Что же я, в туалет пойду с репродуктором?».

1996 год. Каким-то ветром меня занесло на Петербургскую телестудию: попросили принять участие в программе Кирилла Набутова. Он человек занятой, и в «предбаннике» со мной беседует его ассистентка: в прямом эфире речь пойдет о заграничных путешествиях. Прошу ограничиться только «плановыми» экспедициями и не упоминать про частные поездки. Но телевизионщикам это только и надо: создать нестандартную ситуацию, чтобы была «интрига». Ведь телезрителям неинтересно созерцать унылые «говорящие головы». И вот мы в прямом эфире.

— ... В 1990 году, по благословению священноначалия, я принял участие в паломнической экспедиции в Святую землю...

— Ну, а самостоятельные поездки?

— В 1991 году, по благословению священноначалия...

— Это ладно, а вот как Вы путешествуете в одиночку?

— В 1992 году, по благословению священноначалия...

— Хватит! Скажите: Вы берете благословение на частные поездки за границу?

— Видите ли, Кирилл... Допустим, Вы захотели во время отпуска съездить на неделю в Киев — к родственникам, к друзьям. Вам придет в голову «испрашивать благословение» у вашего шефа?

— Конечно нет!

— А зря. Я бы на Вашем месте так опрометчиво не поступил. Ведь Украина — это враждебное государство, ошетинившееся боеголовками, рвущееся в НАТО. У нас территориальные споры (Севастополь). На Украине три церковных раскола, униаты... Я бы на Вашем месте *воздержался* от поездки в эту недружественную страну! А вот Индия, где я побывал как частное лицо, — это другое дело! Дружеские отношения, тесные связи!

Кирилл не выдерживает, и мы оба смеемся. Ассистентка из-за кадра показывает большой палец: «театр абсудра» удался!

А через неделю на заседании ученого совета академии последовало официальное разъяснение: если какой-либо клирик едет на зарубежную конференцию (и, тем более — с докладом, да еще о современном положении Русской православной Церкви) — архипастырское благословение брать необходимо. А если по частным делам, ну, скажем, в Карловы Вары, «на водичку» (на большее фантазии не хватило) — то необязательно.

И теперь, возвращаясь после летних каникул из морской экспедиции, с ее 9-балльными штормами, бессонными ночными вахтами, я спокоен. Так же, как при возвращении с озера Виктория или с верховьев Амазонки. И на вопрос, где довелось побывать, неизменно отвечаю: «На водичке». А если спросят, почему такой загар, отвечаю: «Потому что не участвую в схватке бульдогов под ковром за место под солнцем».

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Тактика «живого щита»

Как известно, Ленинградская духовная академия и семинария (ЛДИАиС) была возрождена в 1946 г. Однако в конце 1950-х годов большой размах получила кампания по ее закрытию. Ренегат А. А. Осипов, читая лекцию в Кишиневе, похвалялся, что в Ленинградскую духовную академию на 40 вакансий поступило всего 16 человек, а к концу учебы осталось 8»⁴⁵¹.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин) вспоминал: «Ежегодный прием в семинарию ограничивался согласованной с Советом по делам религий квотой, которая в 1960-е годы не превышала в Ленинграде 20, а в Москве 40 воспитанников; был год (кажется, 1964), когда в первый класс Ленинградской семинарии зачислили всего восемь человек!»⁴⁵² Перед назначением митрополита Никодима в Ленинград ходили упорные слухи о том, что духовные школы будут закрыты. За несколько недель до его приезда в Академический храм перестали допускать верующих под тем предлогом, что храм не является приходским. Все говорили, что школа существует последний год. Храмы и духовные семинарии закрывались по надуманной причине так называемого «укрупнения».

На страницах местной прессы коммунисты-атеисты бились в истерике: до каких пор «темное пятно», «рассадник мракобесия» будет позорить наш город — «колыбель трех революций»? Это было идеологическое обеспечение той негласной работы, которая неуклонно приближала «день закрытых дверей». Им надо было управиться к 1967 г. — 50-летию Октября...

Как это делалось? Тихо, исподволь. Прощения к допуску на вступительные экзамены в семинарию нужно было подавать до 1-го августа. Список «заявивших на себя» передавался уполномоченному, который был в «рабочем контакте» с «соседями». И вскоре «на места» по спецсвязи рассылались «ориентировки».

... Парнишка возвращался из Ленинграда к себе домой, и его могли силой доставить в военкомат, чтобы «забрить» в армию. Если он — «белобилетник», то спровоцировать драку и посадить на 15 суток: «Идет охота на волков, идет охота...». Будущим студентам в канцелярии шепотом советовали: отсидеться в «укровище» и в Питер приезжать день в день.

А проскользнувших через «крупную ячейку» ждала «мелкоячеистая сеть». На беседе с митрополитом уполномоченный вычеркивал из списка «шибко умных» и тоном, не терпящим возражения, комментировал: «По нашим данным, такой-то — из семьи бандеровцев». И попробуй проверь, и попробуй возрази! Ты ему — «Дети за родителей не отвечают», а он тебе: «Яблочко от яблоньки...».

Вспоминает выпускник ЛДА о. Игорь Адрианов.

Молодых людей, подававших документы для поступления в духовные семинарии, вызывали для беседы с уполномоченным Совета по делам религий или представителями Пятого (идеологического) управления КГБ. Некоторым угрожали, других пытались пере-

убедить, предлагая поступать вместо семинарии в престижный светский вуз, третьих срочно вызывали на военные сборы и т. д. Такая практика продолжалась, по крайней мере, до 1989 г. Мне об этом известно, так как я сам в том году подал документы для поступления в Ленинградскую духовную семинарию, после чего со мной беседовал офицер Пятого управления КГБ в г. Минске. Правда, уже не было угроз, уже было время горбачевской перестройки, но отлаженный десятилетиями механизм еще по инерции продолжал действовать. Мой собеседник пытался выяснить, насколько я лоялен к советской власти, и нет ли у меня связей с Западом и диссидентами»⁴⁵³.

Всем «нормальным» кандидатам давался отвод; в семинарию позволялось зачислять лишь «девиантов» (лиц с отклонениями в психике) и юношей из семей духовенства (уж если их-то не принимать, то тогда кого же?). Так «обескровливался» класс за классом: «полнокровные» курсы академии (20–30 человек) сменялись малочисленными семинарскими (5–7 человек). И когда через несколько лет стены ЛДАиС опустеют, то, глядишь, и закрыть будет легче (меньше шума!). А повод легко найти — медицинская комиссия засвидетельствует, что большинство студентов — психически больные люди. Вот до чего довели здоровых юношей в «духовном застенке»! Дескать, «Обводный канал, 17» (адрес ЛДАиС) стал филиалом «Обводного, 13» (адрес близлежащей психоневрологической больницы)!

Известен случай, когда абитуриент, признанный «параноиком, подверженным впадению в идиотизм», сумел через два года все же преодолеть барьер, заграждавший поступление в Ленинградскую семинарию, проявил себя потом круглым отличником, обладавшим к тому же блестящим музыкальным дарованием⁴⁵⁴.

Привели как-то раз в общежитие академии бесноватого. Дежурный помощник инспектора отец Б. решил его отчитать самостоятельно. Принес тревник, кропило, святую воду. Бесноватый стал кричать и бегать по общежитию, отец Б. — за ним. Кто-то догадался вызвать наряд из психиатрической больницы. Когда медбратья приехали, они никак не могли понять, кого «брать»: бесноватого или того, кто в рясе бегаёт за ним с кропилом.

В 1970 г., будучи на Пасху в Псково-Печерском монастыре, спрашиваю наместника — архимандрита Алипия — насчет поступления в семинарию. Узнав, что я — не с Западной Украины («бандеровщину» не пришьешь), а из Ленинграда, и что у меня «верхнее

образование», о. Алипий предупредил: «Документы примут, а на медкомиссии (врачи-то «внешние», «проинструктированные»!) могут поставить диагноз — «устойчивый бред на религиозной почве». (Как написал профессор Наджаров одному из «религиозников» в доказательство диагноза «шизофрении»: «Утверждает, что никакого морального кодекса строителей коммунизма нет, а заслуга его создания принадлежит Библии».)⁴⁵⁵

А поставить «нужный диагноз» — пара пустяков. «Спорить с психиатром бесполезно, — вспоминает правозащитник Владимир Буковский. — Они никогда не слушают, ЧТО ты говоришь. Слушают, КАК ты говоришь. Горячиться нельзя — будет запись: «Возбужден, болезненно заострен на эмоционально значимых для него темах». Аминазин обеспечен. Будешь слишком подавлен, угрюм — запишет депрессию. Веселиться тоже нельзя — «неадекватная реакция». Безразличие — совсем скверно, запишет «эмоциональную уплощенность», «вялость» — симптом шизофрении.

Не выглядеть настороженным, подозрительным, скрытным. Не рассуждать слишком уверенно, решительно («переоценка своей личности»). Главное же — не тянуть, отвечать быстро, как можно более естественно. Все, что психиатр сейчас запишет, никакими силами потом не опровергнешь»⁴⁵⁶.

А потом — госпитализация, нейролептики, через год — выписка со 2-й группой инвалидности и пенсия — 20 рублей в месяц. К счастью, в 1971 м все обошлось без «психушки». А в 1960-е могло быть хуже. Ведь отец Алипий знал, о чем говорил...

Вспоминает митрополит Волгоградский и Камышинский Герман (Тимофеев), ректор ЛДАиС в 1968–1970 гг.:

Учащиеся проходили экзамены, собеседование. Потом мы выявляли для себя тех, кто пригоден, составлялись предварительные списки. Списки требовал уполномоченный Совета по Ленинграду и Ленинградской области «приспомятный» Григорий Семенович Жаринов и кромсал их как хотел. Кроме того, к делу поступления в духовные школы подключались и специальные службы. Владыка Никодим обычно брал этот список, выезжал к Г. С. Жаринову и доводил дело «до ума», все-таки отстаивая всех, кого приемная комиссия ЛДАиС считала годными для учебы. У него, конечно же, имелся веский аргумент: мне нужны люди для работы. Источником и воспитателем таких кадров и была ЛДАиС. Вообще, трудностей в деле постановки духовного образования в годы владыки Никодима было много. Стоит вспомнить трудно-

сти 1959–1960 гг. Был тотальный контроль, слежка, отсеивание — еще до того, как молодые люди приезжали на приемные экзамены. А оставляли тех, кто никакого интереса ни для кого не представлял, в том числе и для нас самих, но мы принимали... Впрочем, даже ненужных мы могли принять с трудом, ведь все шло к тому, чтобы закрыть духовные школы. Уполномоченный, утверждая список оставшихся человек десяти (вместо прежних сорока — тридцати абитуриентов), насмехался: «Ну что же вы! Неужели этих идиотов тоже примете?». Лев Николаевич Парийский (долголетний профессор и инспектор ЛДАиС. — а. а.) на это говорил: «Нам нужны не только беленькие, но и серенькие. Посмотрим на них. Может быть, они чему-то научатся, все-таки будут полезны». Такой был подход. Но он, разумеется, был вынужденным. А цинизм уполномоченного, конечно, был горек. И зная все это, владыка Никодим очень часто сам знакомился с поступающими в духовные школы, собирал их, смотрел, задавал вопросы. Он составлял предварительное мнение о том или ином лице [абитуриенте], задумываясь, на что он был способен»⁴⁵⁷.

Однажды в академию подал прошение выпускник семинарии. Его спросили, как он осмелился с тремя «тройками» в семинарском дипломе поступать в академию. На это абитуриент ответил, что эти оценки показывают, что он еще не совершенный, потому и поступает в академию. Профессора от души посмеялись и приняли «середнячка».

То, что владыка Никодим был не только митрополитом Ленинградским, но и председателем ОВЦС, помогло ему спасти академию от разгрома. Идти в лобовую атаку на местных коммуняг было бы самоубийством. Что может сделать пешка против ферзя? И тогда владыка сделал «ход конем»; «конь» к тому же был «троянским».

В те годы Советский Союз развивал активные отношения со странами «третьего мира», причем на «равноправной основе»: мы им — оружие, кредиты, продовольствие; они нам — студентов. Такой обмен всячески приветствовался МИДом и «соседями». Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва) был конторой Лубянки по вербовке будущих активистов (террористов) национально-освободительных движений.

К началу 1960-х гг. Советский Союз создал в Москве центры вербовки террористов как марксистской, так и немарксистской ориентации: для членов компартий — при Институте марксизма-ленинизма, а для немарксистов — при университете Дружбы

народов им. Патриса Лумумбы. Этих студентов отбирали для обучения в специальных лагерях, размещавшихся в Одессе, Баку, Симферополе и Ташкенте; там их учили вести пропаганду, изготавливать бомбы, совершать террористические акты и убийства. Выпускников таких «курсов» часто посылали на Кубу, в Болгарию и Северную Корею.

Наиболее известен среди них террорист Ильич Рамирес Санчес по прозвищу Карлос Шакал. Агенты КГБ завербовали Ильича на его родине в Венесуэле. В 1960-е годы он учился сначала на Кубе, а потом в Университете им. Патриса Лумумбы, после чего начал карьеру террориста. Ильич участвовал в захвате министров стран ОПЕК в Вене в 1975 г. и в кровопролитном нападении на поезд во Франции в 1982 г. После того как стало невозможно проводить подобные террористические операции, Ильич оказался ненужным и укрылся в Сирии. Оттуда в 1994 г. его выслали в Судан, а из Судана он был этапирован во Францию. Очевидно, Сирия и Судан принесли его в жертву, чтобы заслужить благоволение Запада⁴⁵⁸.

(Пройдут годы, десятилетия; остатки разгромленных отрядов [бандформирований] революционеров [боевиков] найдут приют на Кубе [о-в Хувентуд]. И «интернационалисты», бежавшие из Никарагуа, Сальвадора, Гренады, Анголы, Мозамбика, Эфиопии и т. д., общаясь у костра, будут на ломаном русском вопрошать друг друга: «Ты что кончал?» — «Лумумба». — «И я Лумумба!».)

Митрополит Никодим искусно сыграл на тогдашних амбициях «Старой площади» и получил «добро» на приезд в Ленинград студентов из Эфиопии, Уганды, Кении и других «темнокожих» стран. В ЛДАиС был срочно образован «факультет африканской молодежи». Партийные идеологи в Смольном скрипели зубами в бессильной злобе, но ничего не могли поделать против тактики «живого щита». Иностранцы — это компетенция Министерства иностранных дел, интересам которого закрытие ЛДА и, как части ее, «африканского факультета», не соответствовало.

Академическое начальство воспряло духом: «Не Москва ль за нами?». Студентов из-за рубежа становилось все больше. И вскоре «факультет африканской молодежи» был преобразован в «ФИС» — «факультет иностранных студентов».

Профессор-протоиерей Михаил Сперанский

Тогдашний ректор ЛДАиС — профессор-протоиерей Михаил Сперанский — не мог поверить своим глазам. Он закончил Санкт-Петербургскую духовную академию еще в 1913 г., в «расстрельные времена» отбыл свой срок на лесоповале. Освободившись, получил административное предписание — «кроме пяти» (запрет на проживание в Москве, Ленинграде, Киеве и еще двух крупных городах страны). Тем не менее, вопреки всем запретам, он был «востребован» в Ленинград и в 1952 г. утвержден в должности ректора ЛДАиС. Талантливый богослов и проповедник, о. Михаил до конца жизни не мог расстаться с лагерной привычкой: даже во время проповеди в храме невольно подтягивал падающие (как ему казалось) брюки. Ведь в тюремной камере отбирали ремень, шнурки и «колошце-режущее». О. Михаил Сперанский читал нам курс Нового Завета.

Напрашивается параллель с бывшими царскими офицерами, вынужденными служить в Красной армии. Генерал И. Данилов, вспоминая о своей подневольной службе у большевиков, пишет о начале работы красной Академии генерального штаба: «... состав профессоров был почти тот же, который был до революции... Профессора были все люди мобилизованные, взятые из тюрем, которым было предложено: «или читать лекции, или к стенке». Понятно, выбирали первое»⁴⁵⁹.

Заслуженный профессор-протоиерей Михаил Кронидович Сперанский скончался в 1984 г., на 97-м г. жизни. В «Журнале Московской Патриархии» был опубликован пространный некролог, где, тем не менее, были хронологические «дыры». «С 1925 по 1930 гг. о. Михаил — настоятель Успенского собора г. Кирсанова (Тамбовская епархия). В 1930–1937 гг. о. Михаил проживал в городе Мичуринске (бывш. Козлове) Тамбовской области. С большой теплотой о. Михаил любил вспоминать, как в апреле 1944 г. в Москве он встретился со Святейшим Патриархом Сергием, который принял его со свойственным ему участием и вниманием»⁴⁶⁰.

А где же был о. Михаил с 1937 по 1944 гг.? «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя» (Откр. 13. 18). «Богоборческий зверь» отмерил о. Михаилу семь лет ссылки (1930–1937 гг.), затем восемь лет ГУЛАГа...

Незадолго до своей кончины профессор-протоиерей обрел «нечаянную радость». Один из сотрудников ЛДА, работая в го-

родском архиве, обнаружил целый ряд кандидатских работ, написанных выпускниками дореволюционной Санкт-Петербургской духовной академии. И среди них — кандидатское сочинение о. Михаила Сперанского. Убеленный сединами старец был потрясен: гонения, арест, лагеря, лесоповал; блокадный Ленинград с его сотнями тысяч жертв, — все это, казалось, должно было стереть из памяти студенческие воспоминания. И вот, словно из небытия, — осколок разбитого вдребезги. . .

Расстрела избежал и тогдашний инспектор ЛДА Лев Николаевич Парийский; он был под судом вместе с митрополитом Вениамином. Выпускник еще дореволюционной Петербургской академии, брат известного математика, академика, в первые революционные годы он работал в Петроградском епархиальном управлении. Затем в течение десятков лет регентом, одно время — секретарем митрополита Алексия (Симанского), а затем был его секретарем в Патриархии. И, наконец, он попал на должность инспектора ЛДА, которую занимал 20 лет, почти до самой своей кончины. Студенты боялись его за строгость: мелкое нарушение дисциплины — выговор, снижение стипендии. Нарушение «средней тяжести» — вызов в кабинет: вот Бог, а вот порог. Деньги на дорогу, чемодан, вокзал.

Профессор А. И. Макаровский

Не следует думать, что в 1940–1950-е годы Ленинградская духовная академия была «тихой гаванью», где находили пристанище бывшие узники ГУЛАГа. Бывало так, что «брали» прямо из ее стен — в «застенки». Откроем «Журнал Московской Патриархии» за 1958 г., № 7. На странице 28 — портрет профессора ЛДА А. И. Макаровского, в траурной рамке. В некрологе — краткие сведения о его биографии. Александр Иванович родился в 1888 г. в Пскове; в 1913 г., вместе с о. Михаилом Сперанским, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1914 по 1918 гг. преподавал в Псковской духовной семинарии.

Далее — вполне объяснимая перемена: с 1918 по 1947 гг. преподавал историю и географию в светских учебных заведениях — церковных не было. В годы «малого Ренессанса», когда шупальца режима несколько ослабли, вернулся на церковную стезю: с 1949 г. начал учебно-педагогическую деятельность в ЛДА в должности доцента. В 1951 г. А. И. Макаровский защитил магистерскую диссертацию и получил звание профессора. (Уже тогда маститый цер-

ковный историк и молодой отец Никодим могли «пересекаться» в стенах ЛДАиС.)

Следующий абзац некролога: «В мае 1955 года А. И. Макаровский, ввиду тяжелой болезни, прекратил чтение лекций в Академии, но по мере своих сил продолжал трудиться: руководил курсовыми сочинениями студентов IV курса, писал на них рецензии». . . ⁴⁶¹. Казалось бы, естественный ход вещей: послевоенные годы — «вегетарианские», это вам не расстрельные 30-е. Но недаром мы гордились: советская нация — самая читающая в мире. Между строк. . .

Прошли десятилетия, и лишь после 1991 г. у многих «развязались языки». Теперь уже можно было поведать о «фигуре умолчания». Вот что рассказал автору этих строк профессор-протоиерей Иоанн Белевцев — автор того самого некролога.

Вскоре после смерти Сталина (март 1953 г.) А. И. Макаровский как-то внезапно исчез, и лекции вместо него стал читать другой преподаватель («нэзамэных людэй у нас нэт»; «нэт челоуэка — нэт проблем»). Члены профессорской корпорации лишних вопросов не задавали, но прошел слух о том, что Александр Иванович арестован. (Можно предположить, что он недостаточно глубоко выражал скорбь по поводу того, что «Хозяин откинулся».)

После смерти Ленина, 22 января каждого года, в Большом театре в Москве проходило торжественно-траурное заседание, где делался доклад под стереотипным названием: «(Столько-то) лет без Ленина под водительством Сталина по ленинскому пути». Благо-склонно пропускаемый цензурой, в газетах печатался миф, будто перед решением трудных вопросов товарищ Сталин по ночам спускается один в мавзолей «посоветоваться с Ильичом».

В последний год Первой мировой войны, в дни поражения Германии, там выпускались открытки, изображавшие Бисмарка, воскресшего, чтобы защитить Германию. Мавзолей Бисмарка во Фридрихсруэ не только вскоре после его смерти, но и в 1920-х годах был местом паломничества и националистических демонстраций. Перед ним проходили марши и парады молодежной организации Бисмаркюгенд. Гитлер пришел к саркофагу Бисмарка 14 февраля 1939 г., чтобы подчеркнуть преемственность власти.

Но вот в 1953 г. товарищ Сталин спустился в мавзолей на более длительный срок. «Сталин умер беспланово, без указания директивных органов, — писал Василий Гроссман в повести «Все течет». — Сталин умер без личного указания товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамичное, противо-

речащее самой сокровенной сути государства. Смятение охватило умы и сердца. Сталин умер! Одних объяло чувство горя — в некоторых школах педагоги заставляли школьников становиться на колени и, сами стоя на коленях, обливаясь слезами, зачитывали правительственное сообщение о кончине вождя. На траурных собраниях в учреждениях и на заводах многих охватывало истерическое состояние, слышались безумные женские выкрики, рыдания... Других объяло чувство счастья. Деревня, изнывавшая под чугунной тяжестью сталинской руки, вздохнула с облегчением. Ликование охватило многомиллионное население лагерей...»

В одном пролетарском поселке был траурный митинг. Многие трудящиеся плакали, а парторг, желая успокоить людей, сказал: «Не плачьте, мои дорогие, у нас еще остался Лаврентий Павлович Берия!».

Впрочем, это был не самый плохой вариант. Известие о смерти Гитлера 30 апреля 1945 г. вызвало волну самоубийств. Тысячи убитых горем людей обливались слезами. Многие немцы отказывались верить в смерть Гитлера или надеялись, что он воскреснет, как феникс из пепла Берлина⁴⁶².

...Десять месяцев следственного конвейера подорвали здоровье 65-летнего «узника совести». Но осенью 1953 г. Лаврентия Павловича «шлепнули» как англо-турецкого шпиона, и лубянский конвейер сбавил обороты. В Москве ходила смелая по тем временам частушка:

Берия, Берия,
Вышел из доверия.
И решили на суде
Обновить НКВДе.

Был и такой вариант:

... А товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

А на Кавказе, где страх был еще силен, упор сделали на плодово-ягодную тему:

Не поспела алыча
Для Лаврентий Палыча.
А поспела алыча
Для Вячеслав Михалыча,

И поспела алыча
Для Климент Ефремыча.

А в 1957 г. (разгром антипартийной группировки) уже было опасно вспоминать и про Молотова с Ворошиловым...

Неприязнь партии к своему несгибаемому члену дошла до того, что подписчикам Большой Советской Энциклопедии Государственное научное издательство «БСЭ» впоследствии порекомендовало изъять из пятого тома 21–24 страницы, а также портрет Л. П. Берии, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых были высланы страницы с новым текстом. Был предусмотрен даже совет, как сделать эту замену. «Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы». Законопослушные подписчики выполнили рекомендацию, правда по-прежнему «уши торчат»: в самом конце пятого тома, в списке иллюстраций, значится расстрелянный враг народа. А коварные иезуиты, обитающие в «Руссикуме», не послушались и не заменили статью о Берии на статью «Берингово море». И в их «гнезде» в Риме, в библиотеке, со страницы пятого тома удивленно взирает Лаврентий Павлович: «За что?».

... Александр Иванович, со справкой об освобождении, вернулся в альма-матер, но «в мае 1955 г., ввиду тяжелой болезни прекратил чтение лекций», и далее — по тексту некролога: «составлял лекции-доклады для учащихся Академии и семинарии, принимал экзамены у студентов-заочников». В числе таких заочников был и будущий владыка Никодим...

Жил Александр Иванович в небольшом доме, что находится во дворе академии, и студенты часто навещали его. Тогдашнее руководство Академии сделало все возможное, чтобы поддержать своего профессора: ему выплачивался полный оклад, а чтение лекций по истории Русской православной Церкви было поручено недавнему выпускнику ЛДА — священнику Иоанну Белевцеву.

Скончался Александр Иванович 3 мая 1958 г. на 70-м году жизни. Его вдова работала в читальном зале ЛДА еще в начале 1970-х годов, и мы, молодые студенты, не подозревали о тех испытаниях, которые довелось ей вынести...

Похожий случай имел место в Московской духовной академии, о чем рассказал в своей книге протоиерей Владимир Русак.

Отец Петр Бахтин служит на краю Московской области, под Талдомом. Во время Второй мировой войны был лейтенантом, командовал батареей дальнобойных орудий... За мужество, проявленное в боях получил орден Красного Знамени. Был бы коммунистом — дали бы Героя. Война продолжалась. После длительной политобработки Бахтина все-таки втянули в партию. По возвращении с фронта он решил поступить в духовную школу. А тут — партбилет. Он несет его в партком, кладет на стол.

— Я решил поступить в семинарию, из партии прошу меня исключить.

— ... ?

Разговор закончился тем, что парторг вдогонку Бахтину выпалил:

— Мы вас еще найдем. Даже в семинарии.

И он (они) сдержал свое слово. Бахтина нашли. В семинарии. Донос. Следствие. Приговор.

Именем Союза... подсудимый Бахтин П. С., согласно..., приговаривается к высшей мере наказания — расстрелу.

Долгая убийственная пауза.

Учитывая... — судья в осознании своего великодушия к «преступнику» важно смотрит в зал, — заменить двадцатью пятью годами тюремного заключения.

— И поехал этот неблагодарный Бахтин, которому предлагали в свое время прекрасное место в бюрократической машине партийной работы и от которого он отказался, отбывать наказание в не столь далекие места.

Ни под какую амнистию 58-я статья не подпадала. Что же за преступление он совершил? Убил? Ограбил? Изнасиловал? — Хуже! Расслабился и в кругу своих одноклассников по семинарии рассказал «сомнительную» историю! А донос написал преподаватель Духовной академии Анатолий Петрович Горбачев, довольно близкий родственник личного секретаря патриарха Пимена. Этот донос с подписью Горбачева Бахтин видел своими глазами на следствии. Достоверно известно, что на совести Горбачева восемь (!) доносов, благодаря чему восемь человек в течение многих лет хлебали тюремную баланду, в то время как сам Анатолий Петрович питался с профессорского академического стола. В числе этих восьми и покойный протоиерей Николай Никольский.

Как здоровье, Иуда Горбачев? Не застревают в глотке кусок колбасы?

Совесть, во всяком случае, у него железная. Она позволяет ему теперь здороваться с отцом Петром Бахтиным, лишь слегка опустив глаза⁴⁶³.

В «горбачевскую эпоху» в Московской академии и семинарии была введена формулировка: «Уволен как не соответствующий духу учебного заведения». Эта фраза достаточно расплывчатая, и под нее можно было подвести все что угодно. Не так взглянул на Горбачева, сказал ему дерзость, ответил недостаточно почтительно, — и все, через несколько дней студент вылетает с этой формулировкой⁴⁶⁴.

Господь прибрал Горбачева (не Михаила!) в 1981 г.; по этому случаю в «Журнале Московской Патриархии» был опубликован некролог. Там есть такие строки: «Доцент А. П. Горбачев проявил себя энергичным, принципиальным, требовательным администратором. Любое порученное ему дело он умел быстро организовать и выполнить»⁴⁶⁵.

... С наступлением горбачевской «перестройки» «лед тронулся», но на его пути то и дело возникали заторы. Так, на «уровне ЦК» был разрешен к показу жутко смелый по тем временам фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». И вот для студентов ЛДАиС готовится коллективный поход в ближайший кинотеатр «Призыв», как это бывало неоднократно и прежде. (Этот кинотеатр помещался в бывшем Александро-Невском доме призрения бедных духовного звания; Невский пр., д. 176). Состоялся же до этого коллективный просмотр фильма «Мать Мария», а теперь вот тоже название вроде бы церковное — «Покаяние», и речь там идет о дороге к храму. (В ответ на вопрос неизвестной странницы героиня фильма отвечала: «Эта улица не ведет к храму». И слышала в ответ: «Зачем нужна улица, которая не ведет к храму?»). Но «кукловоды» с Литейного всполошились: как бы не началось «брожение умов»! Последовал звонок от уполномоченного, и культпоход был отменен.

Владыка Михаил (Мудьюгин) — соратник митрополита Никодима

Петербург — Ленинград

Ректорскую эстафету из слабеющих рук прот. Михаила Сперанского принял доцент-протоиерей Михаил Мудьюгин (впоследствии — архиепископ Михаил). Интересно, хотя бы кратко, просле-

дить жизненный путь владыки Михаила, ведь на протяжении долгих лет он общался с митрополитом Никодимом как его помощник и соработник. Его жизненный путь интересен и сложен; владыка стал свидетелем почти всех трагических событий XX века. Он целиком «уложился» в XX столетие, со всеми его драмами и трагедиями. Ведь это был «век-волкодав»...

Михаил Николаевич Мудьюгин родился в Петербурге в благочестивой семье служащего 12 мая 1912 г. Семья была верующая, и поэтому он с ранних лет приобщился к Церкви: пел и читал на клиросе, прислуживал в алтаре. Воцерковление будущего архипастыря началось уже в раннем детстве, когда его мать Вера Николаевна посещала вместе с ним Александро-Невскую лавру. Оно продолжилось при храме святителя и чудотворца Николая на Песках (Барградское подворье в Петербурге). (Название «Пески» это место получило потому, что туда не доходило ни одно наводнение.) Это был район Рождественских улиц (ныне — все еще «Советских»).

Потом Михаил принимал активное участие в жизни Свято-Андреевского Старо-Афонского подворья в Петербурге. В течение ряда лет он вел на подворье фактически жизнь послушника, правда ночевал он дома. Потом, будучи уже взрослым, мечтал о том, чтобы служить Богу в Церкви. Основы веры будущий архиепископ постигал в воскресной школе при Александро-Невской лавре. Он был посвящен в стихарь еще митрополитом Вениамином (Казанским), впоследствии расстрелянным большевиками (1922 г.). В детстве он впитал семейный уклад жизни дореволюционной России и до последних дней сохранял яркие впечатления, под воздействием которых формировалась его верующая душа.

Очень рано у будущего архиерея обнаружились пастырские и проповеднические способности. Ему еще не было и 18 лет, когда он стал вести уроки закона Божия для детей пяти-шести лет. В 1929 г. он окончил среднюю школу, а в 1930 г. на бирже труда был распределен на завод «Красный путиловец», работал чернорабочим, затем шлифовщиком, продолжая свое служение Церкви.

Несмотря на достаточно интенсивную трудовую деятельность (это давало право продолжать образование), будущий архиепископ не оставлял Церковь. Он всегда был глубоко верующим человеком, и даже в самые суровые годы испытаний оставался верен Христу и Его Церкви. В юности он был свидетелем обновленческого раскола и вполне осознанно сохранил верность патриарху Тихону. В 1930 г. будущий владыка был арестован за участие в религиозном круж-

ке. Его приговорили к трем годам заключения, но потом приговор был смягчен, и все же несколько месяцев он провел в камере. Когда будущий архипастырь был в заключении, в соседней тюремной камере находился католический священник. Оба узника совести тайком переписывались, и однажды католик сообщил православному собрату по несчастью, что ежедневно по полтора часа размышляет о крестных страданиях Спасителя (Евангелие у него почему-то не отобрали).

Стало ясно: с мечтами о церковном поприще нужно распрощаться. В советской России оставался только один путь — светского образования, а покидать родину он не хотел, да и «железный занавес» уже опустился. И Михаил решил приложить все усилия, чтобы получить хорошее образование. В 1933 г. он закончил вечернее отделение Института иностранных языков — любовь и способность к языкам у него была всю жизнь. До последнего дня владыка читал и свободно разговаривал на нескольких европейских языках, а на немецком даже писал стихи.

В 1932 г. он женился на русской немке, проходившей с ним по одному делу; ее он очень любил. Через некоторое время, не получив в Ленинграде паспорт, он был вынужден уехать с женой на Урал, где преподавал в школе химию и немецкий язык. Через некоторое время поднадзорный самовольно вернулся в Ленинград, и снова был выслан в административном порядке за «сотый километр», как тогда говорили. Он поселился со своей женой в Новгороде и работал теплотехником на Чудовском заводе «Красный фарфорист». Но, тем не менее, он все время добивался снятия запрета на проживание в Ленинграде — вплоть до августа 1941 г., когда поселился в г. Пушкине (Царское Село). Бывая в Ленинграде, опальный теплотехник посещал как православные, так и инославные храмы и хорошо знал их приходскую жизнь. (Владыка был свидетелем закрытия лютеранской Петрикирхе, что на Невском проспекте, а также целого ряда других инославных и православных церквей. Думал ли он, что пройдут годы, десятилетия, и он произнесет блестящую проповедь на немецком языке во время первого богослужения в восстановленной Петрикирхе?!)

На рассвете 22 июня 1941 г. немецкие самолеты, заправленные советским бензином, начали на широком фронте бомбить советские города. За ними двинулись немецкие танки, заправленные тем же советским бензином. Под прикрытием этих танков двинулась и немецкая пехота, которая ела советский хлеб.

В это время Михаил Николаевич работал в конструкторском бюро при станкостроительном заводе; в начале войны был эвакуирован на Урал. В 1940-х годах работал в Свердловске, Новосибирске. Работая на заводе, он, как человек неординарных способностей, заинтересовался теплотехникой и стал сначала лаборантом, потом техником, конструктором и инженером. К 1946 г. Михаил Николаевич заочно окончил энергетический факультет института металлопромышленности, потому что техническая специальность давала больше возможностей для трудоустройства. Будущий владыка всегда исповедовался и причащался, посещал храм при любых обстоятельствах: и когда занимался научной деятельностью, и когда работал на производстве. Самые длительные перерывы случались в эвакуации — тогда уж совсем не было возможности ходить в церковь так часто, как хотел и как привык. Все эти трудные годы мирской жизни для глубоко верующего человека сопровождалось постоянными размышлениями о судьбах родной для него Русской православной Церкви.

В 1947 г. — возвращение в Ленинград и аспирантура Котлотурбинного института, в котором Михаил Николаевич проработал несколько лет. В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию и, получив звание доцента, преподавал теплотехнику в Ленинградском горном институте (с 1953 по 1957 гг.). И все же мечта о священстве не оставляла его. Она смогла исполниться только во второй половине 50-х годов. Как известно, во время войны Сталин дал Церкви некоторую свободу: позволил восстановить Патриаршество, открыть храмы и некоторые духовные учебные заведения. И маститый доцент — будущий владыка — неожиданно для всех уехал Вологду, подальше от «колыбели трех революций». Он снова учится — теперь уже в Ленинградской духовной семинарии, заочно. (В эти годы оба студента — о. Никодим и чтец Михаил — могли «пересечься» в коридорах академии, где во время сессии толпились студенты-заочники.)

По окончании семинарии (менее чем за два года) в 1958 г., в возрасте 46 лет, Михаил был рукоположен во священника и начал пастырскую деятельность в Вологодской епархии. Служить Церкви Христовой в священном сане владыка Михаил мечтал с детских лет, но только в 1955 г. он получил от митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) благословение стать священником. Под руководством протоиерея Михаила Гундяева, известного и уважаемого в то время петербургского священ-

ника, он стал проходить заочно семинарский курс, готовясь к рукоположению. Но вскоре митрополит Григорий скончался, а новый митрополит, Елевферий (Воронцов), не мог осмелиться рукоположить доцента Горного института, автора многих научных трудов, в священный сан. Тогда средства массовой информации тиражировали отречения от веры, а отречения от мирской науки в пользу веры были, мягко говоря, не в моде. Хотя владыка Михаил от настоящей науки никогда и не отрекался, видя в ней опору для своей веры.

Однако Богу было угодно, чтобы состоялось знакомство Михаила Мудьюгина с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), который рекомендовал его епископу Вологодскому Гавриилу (Огородникову). Тот в течение года воздерживался от посвящения, однако в 1958 г. рукоположил Михаила во диакона, а затем — во священника.

В 1958 г. будущий епископ принял священнический сан и был определен на служение сначала в кафедральный собор в Вологде, а затем, через полтора года, в связи с тяжелой болезнью своей жены, получил назначение в Казанскую церковь в городе Устюжна.

Ректор Ленинградской духовной академии

В 1963 г. о. Михаилу было суждено пережить потерю своей верной супруги и спутницы, которая многие годы была его другом и помощником. О. Михаил перенес смерть своей жены, как и подобает настоящему христианину, с верой и надеждой на милость Божию. В 1964 г. он заочно окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и защитил курсовую работу, за которую был удостоен ученой степени кандидата богословия. Тема работы: «Состояние римско-католической экклезиологии к началу работы Второго Ватиканского собора». «Идея написания работы на такую тему возникла в связи с тем, что я всю жизнь очень люблю Западную Церковь, ее историю, — вспоминал владыка Михаил. — Я с юных лет много занимался тем, что связывает нашу Церковь с Западной».

К этому времени о. Михаил был в поле зрения митрополита Никодима, который решил обратить его таланты на пользу богословской науки. В том же 1964 г. о. Михаил был оставлен при академии преподавателем латинского языка, истории и разбора западных исповеданий. В начале 1966 г. протоиерею Михаилу Мудьюгину было присвоено звание доцента и, кроме того, он был назначен дека-

ном вновь организованного при академии африканского факультета христианской молодежи.

Указом Святейшего патриарха Алексия I от 13 октября 1966 г. доцент протоиерей Михаил Мудьюгин был назначен на должность ректора Санкт-Петербургских духовных школ. 31 октября того же года он принял иноческий постриг с сохранением прежнего имени Михаил, а за Божественной литургией в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, 4 ноября, в Князь-Владимирском соборе Петербурга митрополит Никодим возвел его в сан архимандрита. Хиротония архимандрита Михаила во епископа была совершена 6 ноября, в воскресенье, за Божественной литургией в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, куда когда-то, еще ребенком, он был впервые приведен своей благочестивой матерью.

Однако ректорство новопосвященного епископа продлилось недолго. Ведь вплоть до конца 1980-х годов атеистические власти действовали довольно изощренно. Студент среднего уровня, окончивший всего лишь семинарию, но «друживший с кесарем», мог получить место священника, а то и настоятеля в городском кафедральном соборе. Дескать, пусть такой середнячок проповедует, а местный интеллигент, зайдя случайно в собор, услышит в проповеди, что «мы спасемся, если чаще *ложить* поклоны». И сделает вывод: вот их уровень! Если уж в центре держат такого, то что представляют собой деревенские! А вот в село-то как раз и загоняли «высоколобых», которые не шли «на контакт с органами». Вспомним: о. Александр Мень, автор многотомных трудов, не допускался до Москвы, служил за «чертой оседлости», и был ликвидирован в 1990 г. за несколько десятков километров от Первопрестольной...

Вот один эпизод, характеризующий ту атмосферу. В академической кухне был установлен новый котел, и владыка, будучи в душе теплотехником, досконально исследовал его. Тогдашняя заведующая столовой — продукт советской эпохи, — пыталась воспротивиться появлению «постороннего лица на территории вверенного ей пищеблока». Но когда владыка объявил, что он намерен освятить котел, завшу-атеистку чуть не хватил удар. Посыпались доносы уполномоченному, но, несмотря на это, владыка совершил чинопоследование. А вскоре ему пришлось готовиться к отъезду в Астрахань.

Астрахань

Это было время, когда Церковь пыталась обновить постепенно стареющий епископат. Поэтому уже 30 июля 1968 г. решением Святейшего патриарха и Священного синода преосвященный ректор Михаил, епископ Тихвинский, был назначен на кафедру — он стал епископом Астраханским и Енотаевским. Это выглядело как повышение: с должности викария — правящим архиереем. Но для такого высокообразованного архиерея перевод из богословского центра в глубинку был ударом по научному самолюбию.

Битый-перебитый советскими властями, он должен был ограничиваться в своей деятельности чисто церковными рамками. Ведь некоторые его предшественники по кафедре стали жертвами коммунистического террора.

8 февраля 1919 г. был издан указ патриарха Тихона и Синода архиепископу Астраханскому Митрофану (Краснопольскому) о прославлении святых мощей убиенного святителя Иосифа в день его памяти 11/24 мая — в ответ на ходатайство епархии⁴⁶⁶. А в марте того же 1919 г. в Астрахани происходит забастовка рабочих. Очевидцы свидетельствовали, что эта забастовка была затоплена в крови рабочих. Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками, матросами и «гранатчиками». После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.

Митинг дрогнул и затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стонов раненых, ни предсмертных криков умиравших. Город обезлюдел; кто бежал, кто спрятался. Из рабочих рядов было выхвачено не менее двух тысяч жертв. Этим была закончена первая часть астраханской трагедии.

Вторая, еще более ужасная, началась 12-го марта. Часть рабочих была взята «победителями» в плен и размещена по шести комендатурам, по баркам и пароходам. Среди судов своими ужасами «прославился» пароход «Гоголь». В центр полетели телеграммы о «восстании». Председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий дал в ответ краткую телеграмму: «Расправиться беспощадно». И участь несчастных пленных рабочих была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде.

В подвалах чрезвычайных комендатур и просто на дворах рас-

стреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым несчастным привязывали камни на шею. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с борта. Один из рабочих, оставшийся незамеченным в трюме, где-то около машины и оставшийся в живых, рассказывал, что в одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около ста восьмидесяти человек. А в городе в чрезвычайных комендатурах было так много расстрелянных, что их едва успевали свозить ночами на кладбище, где они горами сваливались под видом «тифозных».

Чрезвычайный комендант Чугунов издал распоряжение, которым под угрозой расстрела запрещалось «растеривание» трупов по дороге к кладбищу. Почти каждое утро вставшие астраханцы находили на улицах полураздетых, залитых кровью застреленных рабочих. И от трупа к трупу, при свете утра живые разыскивали своих мертвецов.

13-го и 14-го марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих. Но потом власти, должно быть, спохватились. Ведь нельзя было даже свалить вину за расстрелы на восставшую «буржуазию». И власти решили, что «лучше поздно, чем никогда». Чтобы хоть чем-нибудь замаскировать наготу расправы с астраханскими рабочими, решили взять первых попавших под руку «буржуев» и расправиться с ними по очень простой схеме: брать каждого домовладельца, рыбопромышленника, владельца мелкой торговли и расстреливать...

К 15 марта едва ли было можно найти хоть один дом, где бы не оплакивали отца, брата, мужа. В некоторых домах исчезло по несколько человек.

Точную цифру расстрелянных можно было бы восстановить опросом жителей Астрахани. Сначала называли цифру две тысячи. Потом три... Потом власти стали публиковать сотнями списки расстрелянных «буржуев». К началу апреля называли четыре тысячи жертв. А репрессии все не стихали. Власть решила, очевидно, отомстить рабочим Астрахани за все забастовки — и за тульские, и за брянские, и за петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 г. Только к концу апреля расстрелы начали стихать.

Жуткую картину представляла собой Астрахань в то время. На улицах — полное безлюдье. В домах потоки слез. Заборы, витрины и окна правительственных учреждений были заклеены приказами, приказами и приказами...⁴⁶⁷

Но владыке Михаилу в его проповедях нельзя было даже заи-

каться об этой трагедии. Считалось, что он об этом не знает. «Брали» тех, кто не мог не знать. Так, в 1929 г. был арестован епископ Астраханский Филипп (Ставицкий), член Собора 1917–1918 гг.

Однако владыка Михаил проявлял себя как талантливый проповедник-апологет, что в те годы раздражало разных «григориев семеновичей». Вот слова владыки на вопрос о том, что является главным в работе пастыря:

«Проповедь Слова Божьего. Исторически в России это не всегда исполнялось хорошо. В дореволюционное время, чтобы произнести проповедь, священник должен был испросить разрешения благочинного и прислать ему текст проповеди. Начальство могло глянуть на такую инициативу косо — ну, словом, хлопот столько, что священник махнет рукой и промолчит. Проповедовали только епископы, иногда, и в гораздо меньшей степени — благочинные. Из простых священников — только особенно горящие верой, а таких было не так много. В советское время тоже никто не запрещал проповедовать. Прямого запрета не существовало. Но бывали случаи, когда священник проповедовал, а в сторонке стоял человек и все его слова записывал. Посещая по необходимости Совет по делам религий, я видел у уполномоченного подобные записи моих проповедей. Меня спрашивали: говорил ли я то-то и то-то? Но этих государственных чиновников интересовали только те места, где, по их мнению, я выходил за рамки церковной проповеди и говорил что-то злободневное».

По оценке Совета по делам религий владыка Михаил числился в самой «плохой», с точки зрения властей, третьей группе. Вот что говорилось о нем в отчете Совета за 1974 г.

Некоторые служители культа проявляют недовольство положением Церкви в СССР и высказываются за расширение участия церковников в общественно-политической жизни страны. Так, уполномоченный по Астраханской области тов. Мукорин сообщает: «Епископ Михаил поддерживает мнение экстремистских церковных элементов в том, что наступило время изменить статьи Конституции СССР в плане расширения прав религиозных организаций, которые следовало бы в избирательных правах приравнять к другим общественным организациям страны — дать право выдвигать своих кандидатов в депутаты Советов всех звеньев. По мнению епископа, представители церквей в Советах могли бы успешно осуществлять потребности нашего государства».

Епископ болезненно воспринял постановление Поместного собора о предоставлении религиозным обществам права самостоятельно решать организационные и финансово-хозяйственные вопросы».

Астраханский епископ Михаил не только высказывается за расширение прав церкви, духовенства, но и действует. За последнее время Совету стали известны неблагоприятные поступки епископа по отношению к бывшему уполномоченному по Астраханской области тов. Комиссарову В. А., должностным лицам местных органов власти, неудобным ему членам исполкомов религиозных объединений. Так, в конце 1974 г. епископ Михаил представил в Совет «рапорт», в котором стремился всячески принизить нового уполномоченного по Астраханской области тов. Мукорина, скомпрометировать его в глазах руководства Совета. В связи с этим тов. Мукорину В. М. было предложено дать объяснение по существу письма епископа. В своем ответе уполномоченный нам писал:

«Епископ Михаил, видимо по своему складу характера и манере величия, допускает грубые и огульные обвинения государственных органов в их якобы нарушениях законодательства о культах и Советской Конституции, тон его письменных обращений, как впрочем и тон настоящей жалобы высокомерный, что может привести, о чем меня уведомил облисполком, к постановке вопроса о нежелательности пребывания епископа в Астраханской области».

В указанном письме и информационном отчете за 1974 г. уполномоченный Совета тов. Мукорин В. М. дал аргументированный отпор неправомерным притязаниям епископа и его вольного толкования законодательства о культах⁴⁶⁸.

Лучшей характеристики не придумаешь...

Будучи маститым архиереем, владыка сохранил детское восприятие мира. Рассказывают, что в Астрахани он как-то осознал, что никогда в жизни не ездил верхом на лошади. Отправляться куда-то в деревню, частным образом, у него не было времени. А если владыка не идет к лошади... И вот в один прекрасный день те прихожане, что задержались в храме после богослужения, могли созерцать необычную картину. Дюжий конюх поддерживает лошадь под уздцы, чтобы она с испуга не понесла, а на ней, держась за поводья, восседает правящий архиерей. Объехав вокруг храма по

церковному двору, довольный владыка слезает с каурой: сбылась мечта детства!

С 1968 г. владыка Михаил — епископ Астраханский и Енотаевский. Приходов в епархии было немного, и архипастырь мог заниматься в часы досуга научной работой. Он продолжал преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии, приезжая читать лекции из Астрахани, напечатал ряд статей в «Журнале Московской Патриархии» и других очень немногих существовавших тогда религиозных печатных изданиях. Решением ученого совета Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии от 27 августа 1970 г. Преосвященному епископу Михаилу была утверждена тема магистерской диссертации: «Учение о личном спасении по Священному Писанию и Преданию Православной Церкви». А 13 июня 1972 г. епископу Михаилу (Мудьюгину) после защиты диссертации была присвоена ученая степень магистра богословия.

С мая 1972 г. владыка Михаил был членом Комиссии Священного синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений, позднее Синодальной богословской комиссии. Автор этих строк в течение ряда лет имел счастье встречаться с владыкой Михаилом на заседаниях Комиссии Священного синода по вопросам христианского единства. Однако в 1978 г. скончался ее председатель — митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, после чего бразды правления были переданы известному церковному иерарху, «харизматическому лидеру» — митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету (Денисенко; ныне — небезызвестный «схизматический лидер» — монах Филарет).

Многие члены комиссии почувствовали, как резко снизился уровень дискуссий, ведущихся при участии нового председателя. Вот типичный ход одного из заседаний. Обсуждается вопрос о богословских беседах с римокатоликами. Членами комиссии сказано много дельного, не без критики, но замечания и предложения конструктивны. Подводя итог, председатель изрекает: «А вообще, что с ними обсуждать? Вот, возьмите у меня на Украине: кто служил в дивизии СС «Галичина»? Униаты! Кто такие бандеровцы и каратели? Униаты! А вы говорите, — беседы!» И так почти на каждом заседании, как заезженная пластинка. И неважно, что этих «полицаяв» давно нет в живых, а сыновья и внуки за предков не отвечают...

Кстати, нынешняя УНА — УНСО на Львовщине — это пер-

воначально не Гитлер и не дивизия СС «Галичина». Первые кадры «лесных партизан» готовились в КУНМЗ — Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского в Москве (филиал — в Ленинграде). Там с 1921 г. ковались кадры для подрывной борьбы с «панской Польшей», к которой с 18 марта 1921 г. по Рижскому миру с Советской Россией отошла Галиция⁴⁶⁹.

То, что экзарх всея Украины — «агент влияния Антонов», тогда было известно лишь в узком кругу. Но кто именно его «зомбирует», можно было догадаться. Среди молодых участников заседаний ходила шутка: «Что за комиссия, Создатель, когда повязан председатель!». Во время одного из перерывов я как-то сказал владыке Михаилу, что называю «денисенковскую говорильню» «комиссией по противодействию христианскому единству». И владыка воскликнул: «Да что Вы говорите! И я ее точно так же называю!». И крепко сжал мне руку...

Одно из заседаний комиссии, работавшей в Новодевичьем монастыре, было особенно драматичным. Конец 1980-х — начало 1990-х годов... На Западной Украине явочным порядком возобновили свою деятельность униаты. Митрополит Филарет в официальных заявлениях, по наводке «киевской лубянки», упрямо повторял, что на Украине нет униатской проблемы. Полное выпадение из реальности... Заседание прерывает секретарь епархии: митрополита Филарета просят срочно пройти к телефону — Львов на связи. Проходит полчаса; председатель возвращается с изменившимся лицом и сообщает: «Униаты захватывают кафедральный собор!». И, желая разрядить эмоции, с раздражением бросает протоиерею Василию Стойкову, профессору ЛДА: «Это вы их у себя так воспитываете!» На что о. Василий спокойно отвечает: «Простите, владыка, а кто их к нам направляет?» Владыка Михаил при этом хранил молчание, но было ясно, на чьей стороне его симпатии...

Справка. На протяжении послевоенных десятилетий большинство абитуриентов, желавших поступить в Ленинградскую духовную семинарию, приезжало из Волыни (Ровно) и Галиции (Львов). Оно и понятно: эти земли были включены в состав СССР только после Великой Отечественной войны, и там не было массового закрытия храмов, как в советской России в 1920–1930-х годов. Во время экзаменов члены приемной комиссии составляли список по двум «разрядам»: в одной колонке — «западенцы», в другой — все остальные. И при конкурсном отборе преиму-

щество давалось «восточной» графе. Так, проечник, скажем, из Ярославской или Псковской областей, имел больше шансов при зачислении, нежели отличник из Ивано-Франковска или Тернополя. И, тем не менее, процент «потенциальных униатов» в семинарии все равно был велик.

В 1995 г. была издана книга архиепископа Михаила «Русская православная Церковность». В ней он изложил свой взгляд на «униатский вопрос».

«Львовский Собор Русской Церкви 1946 г., под давлением советской власти принял поистине чудовищное решение о внезапной ликвидации униатства, т. е. об уничтожении Церкви, уже в течение многих веков не имевшей даже канонического общения с Русской Православной Церковью и вдруг оказавшейся в нее насильственно включенной! Последствия такого силового «решения» конфессиональной проблемы хорошо известны: команда из Москвы не превратила униатов в православных — наоборот, пятьдесят лет насильственного «воссоединения» были годами резкого усиления в Западной Украине, а отчасти и в Белоруссии прокатолических настроений. Униаты же, до Львовский “унии наоборот” считавшие себя по характеру богослужения и по укладу церковной жизни близкими к Православию, круто развернулись в сторону Римско-Католической Церкви. Перемена эта проявилась в усилении конфессиональной розни, которая, в свою очередь, вызвала множество насильственных действий, недопустимых для людей, считающих себя христианами»⁴⁷⁰.

В то же время владыка Михаил с благословения священноначалия Русской православной Церкви активнейшим образом включился практически во все межхристианские инициативы Церкви. Владыка несколькими языками (особенно его отличало блестящее знание немецкого языка и латыни, изучением которой он занимался самостоятельно с одиннадцатилетнего возраста), владыка Михаил легко вел любую богословскую дискуссию. На протяжении многих лет он вносил исключительный по ценности вклад в официальные двусторонние богословские собеседования Русской православной Церкви с евангелическими Церквями в Германии (ФРГ), Союзом евангелических церквей в ГДР, с Евангелическо-Лютеранской церковью Финляндии и с Церквями реформатского исповедания.

Владыка Михаил принял участие и во второй встрече «Дебрецен-II» представителей православных и реформатских Церквей (октябрь 1976 г., Ленинградская духовная академия) На этом бого-

словском собеседовании он сделал доклад на тему: «Евхаристия по учению Православной церкви»⁴⁷¹.

Автору этих строк довелось присутствовать на этом собеседовании. Сейчас уже трудно восстановить в памяти содержание хода заседаний. Однако вспоминается колоритная картина: в актовом зале академии, за П-образным столом восседают члены русской делегации. Самые маститые из них — убеленные сединами владыка Михаил и профессор-протоиерей Ливерий Воронов (митрополит Никодим, незадолго до этого перенесший очередной инфаркт, лежал на одре в своих покаях и следил за ходом собеседования по трансляции). Каждый из них — блестящий специалист в области догматического богословия и церковной истории. По возрасту — почти ровесники (1912 и 1914 гг. рожд.) Оба в прошлом — «технари»: один теплотехник, другой химик. Оба — «старые лагерные волки»: сидели при Сталине, о. Ливерий провел десять лет в Норильске. Оба чувствуют себя лидерами, авторитетами. И малейшее разногласие по вероучительному вопросу ведет к пикировке и эмоциональному взрыву. А голландские и швейцарские кальвинисты, как «сытые вольняшки», с изумлением взирают на «разборку» русских богословов, не подозревая, что у обоих изломанные судьбы, искалеченная психика и перекрученные нервы... А потом, надувшись, как дети, они сидят, отвернувшись друг от друга и подперев рукой щеку. И все это — на фоне боковой стены актового зала с ритуальным по тем временам портретом Ленина...

В деятельности целого ряда архиереев того времени имел место некий «дуализм». Активно участвуя в международной церковной жизни, отстаивая честь русского богословия на многочисленных собеседованиях, симпозиумах, они вносили определенный вклад в укрепление связей между тогдашним Советским Союзом и странами Запада. С этой точки зрения «Старая площадь» была ими довольна (есть, мол, у нас и такие). Но у себя в епархии они были вынуждены терпеть мелочные придирки и ограничения со стороны местных уполномоченных. А в руках уполномоченных были такие сильные рычаги власти, как прописка и регистрация.

В июле 1923 г. патриарх Тихон категорически отказался от принципа регистрации священнослужителей и церковных общин, от согласования (уже в то время государство пыталось навязать Церкви такие отношения) с властью назначения епископов и от каких бы то ни было мероприятий, которые допускали бы вмешательство государства во внутренние дела Церкви.

Активный и решительный протест Церкви в 1923 г. показал ничтожность всяких «регистрационных удостоверений» и прочих канцелярских бумаг, которые гипнотизируют трусов и слабых. Регистрационная государственная политика в результате дружного отпора кончилась полным провалом: народные массы, объединившиеся вокруг патриарха Тихона, не обращали внимания на все официальные циркуляры, разъяснения и инструкции, и с этой мощной народной волной протеста власти не могли ничего сделать. Но это — в 1920-х. А в 1960-е Церковь должна была считаться с «госконтролем».

В 1932 г. в Советском Союзе вводятся паспорта. В томе Советской Энциклопедии, вышедшем в 1930 г., еще можно было прочесть: «Паспортная система была важным орудием полицейского воздействия и налоговой политики в так называемом полицейском государстве. Паспортная система действовала в дореволюционной России. Советское право не знает паспортной системы». Два года спустя оно ее узнало. При чем паспорта выдавались только жителям городов, крестьяне были их лишены, а тем самым закреплены в колхозах.

Приходилось убажывать «государево око» из архиерейских «фондов». О тех «временах и нравах» вспоминает один из клириков костромской епархии.

У меня был приятель — священник. Когда он ходил в Совет по делам религий (читай: филиал КГБ), то брал с собой саквояж с самыми изысканными спиртными напитками. Так вот, после него в тех отделах Совета делать было нечего — все были в стельку пьяные.

Допустим, возникла необходимость принять монаха в Свято-Духов монастырь, что в Вильнюсе. А для этого нужна прописка. Милиция прописки не дает. Тогда в епархиальном управлении устраивалась грандиозная пьянка, на которую приглашался соответствующий «чин». Потом под белы руки его выводили, сажали в монастырский «ЗиМ», в багажник грузили осетрину, балык, несколько килограммов кофе. А через несколько дней мы получали прописку. То же самое происходило при рукоположении, когда кто-то должен был стать священником⁴⁷².

В те годы бытовала такая шутка: что такое высшая степень опьянения?

— Уполномоченный.

— ?

— Упал намоченный...

Владыка Михаил был выше этих игр с «жариновыми», что обрекало его на провинциальное житие — «далеко от Москвы»...

Вот одна история, случившаяся в те годы. Полночь. Врата храма открыты настежь, начинается торжественный пастырьный крестный ход. Бородатые мужички-хоругвеносцы идут впереди, за ними хор и духовенство во главе с настоятелем собора. Один из певчих — могучий бас, ревностно следит, чтобы все вокруг было «благообразно и по чину». Заметив мужчину в кепке, стоящего в сторонке, бас подходит к нему и назидательно рочочет: «А кепочку, уважаемый, надо снять! Ведь несут крест, иконы, Евангелие!»

Но в ответ — никакой реакции. Тогда певчий снимает «кепарь» с головы ослушника и всучивает ему в руки. Но это еще не все. Критически осмотрев бедолагу, «Шалапин» продолжает: «А если мимо несут святыню, то надо перекреститься. Не умеешь — научим, не хочешь — заставим!». И, схватив упряма за правую кисть, силой осеняет его крестным знамением. После чего, довольный, догоняет хор и подхватывает: «Христос воскрес из мертвых...».

Процессия возвращается в храм. Певчие занимают места на клиросе. Из алтаря выходит бледный настоятель и обращается к басу дрожащим тенором: «Ты знаешь, кого перекрестил? Уполномоченного!! Держи деньги на дорогу, с первым поездом уезжай из города и ближе, чем за две епархии устроиться в храм и не пытайся!».

Вологда

Конфликт с астраханским уполномоченным привел к тому, что владыка Михаил «впал в немилость», и опальному архиерею предстояло отправиться с теплого юга на холодный север. Правда, горькую «пилюлю» подсластили: 2 сентября 1977 г. распоряжением Святейшего патриарха Пимена и постановлением Священного синода владыка Михаил был возведен в сан архиепископа. Но в декабре 1979 г. он был перемещен в Вологду и стал архиепископом Вологодским и Великоустюжским. Причем повод для перемещения был избран «климатический».

Определение Священного синода от 27 декабря 1979 года.

Слушали: прошение Преосвященного архиепископа Вологодского и Великоустюжского Феодосия о перемещении его, по состоянию

здоровья и согласно рекомендации врачей, на кафедру с более теплым климатом.

Постановили: 1. Принимая во внимание болезненное состояние Преосвященного архиепископа Вологодского и Великоустюжского Феодосия и в связи с этим противопоказанность проживания в холодном климате, назначить его архиепископом Астраханским и Енотаевским.

2. Архиепископом Вологодским и Великоустюжским назначить Преосвященного архиепископа Астраханского и Енотаевского Михаила, о чем и послать соответствующие указы⁴⁷³.

В те годы Вологодская кафедра была самой бедной: она насчитывала всего 17 приходов. В 1930-е годы некоторые вологодские архиереи, предшественники владыки Михаила, были репрессированы. В 1931 г. был арестован архиепископ Вологодский Амвросий (Смирнов), в 1936 г. — архиепископ Вологодский Стефан (Знамировский).

До революции только в одной Вологде на 18 тысяч жителей было 2 монастыря и 51 храм. Великий Устюг в свое время называли «городом храмов», «городом церквей». Владыка Михаил застал в обоих городах по одной действующей церкви.

С этого времени его кафедральным храмом был тот самый храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в котором он стал священником и впервые самостоятельно совершил Божественную литургию. Может быть, еще и поэтому ему всегда была так по-особенному дорога эта северная русская земля, связи с которой он никогда не терял. Вспоминая его епископское служение на разных кафедрах, важно отметить, что при нем в эти сложные годы не был закрыт ни один храм.

Владыке часто приходилось бывать в Череповце. Он ездил туда на поезде как раз тем путем, по которому в 1919 г. еженедельно курсировал «Карательный поезд». До Москвы доходили устрашающие сведения о карательных экспедициях Особого Отдела ВЧК во главе с Кедровым в Вологде и других местах. Карательные экспедиции — это были еще новые формы как бы выездных сессий Особого отдела ВЧК. Кедров, попавший потом в сумасшедший дом, прославился своей исключительной жестокостью.

Карательный отряд поезда «Вологда — Череповец» состоял преимущественно из латышей и матросов. «Поезд» останавливался на какой-нибудь станции и по своему усмотрению или доносу начинал производить обыски, реквизиции, аресты и расстрелы⁴⁷⁴.

«Революционную сознательность» проявляла и «боевая подруга» Кедрова — Ревекка Майзель, расстрелявшая собственноручно свыше 100 человек. В Вологде чета Кедровых жила в вагоне около станции. В вагонах происходили допросы, а около них расстрелы. При допросах Ревекка била по щекам обвиняемых, орала, стучала кулаками, истопленно и кратко отдавала приказы: «к расстрелу, к расстрелу, к стенке!»⁴⁷⁵.

То, что вологодская епархия была одним из самых «глухих углов», отнюдь не гарантировало безмятежную жизнь. Первый секретарь райкома партии в Вологодской области вспоминал о собрании, на котором высокий партийный функционер обещал: «Товарищи! К 2000 г. коммунизм победит во всем мире! Вы должны быть готовы занять руководящие посты в Европе, Азии, Африке и Америке!»⁴⁷⁶.

Шупальца КГБ «доставали» владыку не только в Астрахани, но и на этой кафедре. В 1991 г. член Священного синода Русской православной Церкви митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл заявил, что в Церкви было немало лиц, сотрудничавших с КГБ. Это заявление и послужило основой разговора корреспондента еженедельника «Аргументы и факты» со священником костромской епархии о. Георгием Эдельштейном, в свое время служившим в вологодской епархии. Вот выдержки из этого интервью.

Когда я служил в г. Кадникове Вологодской области, ко мне регулярно приходил сотрудник местного УКГБ. На первой встрече он сразу спросил: «Вы мне подписку о сотрудничестве дадите? Я говорю: «Нет». — «Ну хорошо, мы будем встречаться только для беседы». И Вологодский архиепископ Михаил несколько раз говорил мне, что имеет контакты с органами госбезопасности, что к нему регулярно приходит начальник местного отдела КГБ.

— Что еще интересовало сотрудников КГБ?

— Все, что связано с жизнью церковного прихода. Например, мои доходы. Они так и говорили: «Расскажи честно, как на духу, сколько ты зарабатываешь и сколько кладешь в карман». Доходов у каждого священника всегда много. Более того, если ты послушный, охотно сотрудничаешь, то тебя «наградят»: переведут в богатую церковь, где будешь зарабатывать не 150–200 рублей, а раз в 5–10 больше.

— Сегодня Вы берете на себя смелость откровенно рассказывать о тех безобразиях, которые творились и творятся в Церкви. Но почему Вы молчали раньше?

— Говорят, что диссидентами не рождаются. Их делала наша

система. Не буду рассказывать о всех своих мытарствах. Расскажу только о двух фактах. 20 лет мне не давали возможности стать священником. Когда же я им наконец стал, то спустя некоторое время за мое «воспитание» взялся вологодский областной уполномоченный Совета по делам религий: «Не было такого случая, чтобы я с мятежным попом не справился. Будешь вот здесь на коврике рядом с моим креслом стоять на коленях и просить у меня ручку целовать».

— Что же касается моего «молчания», то о безобразиях в Церкви я стал открыто говорить еще в 1980 году, а первые мои публикации в печати (поначалу, увы, только в зарубежной) появились в 1987 году»⁴⁷⁷.

Конец 1987-го перестроечного года. В Москве проводится международный общественный семинар, посвященный правам человека. Вскоре после семинара на частной квартире собрались человек 20, чтобы обсудить вопросы о публикации материалов семинара. Отец Георгий Эдельштейн ненадолго вышел на улицу. Вернувшись, он рассказал, что у дома стояла машина, заглянув в которую, он увидел монитор и на экране — лица участников встречи»⁴⁷⁸.

И владыка Михаил должен был вести себя «на епархии» предельно осторожно, ведь «вологодский конвой шутить не любит». Вот яркое описание политической ссылки Г.М. Юдович, отправленной осенью 1921 г. из Москвы в г. Усть-Сысольск.

«Поздно ночью прибыли мы в Вологодскую пересыльную тюрьму...

Начальство встретило нас с первой же минуты самой отборной трехэтажной руганью...

— Стань сюда!..

— Не смей! Не ходи! Молчать!..

Стали отбирать многие вещи. В нашем и без того крайне тяжелом, беспомощном положении каждая вещь — какая-нибудь лишняя ложка или чашка — имела важное значение.

Затем стали загонять по камерам.

Подошла я к двери предназначенной мне общей женской камеры и ахнула. Нет слов, чтобы передать этот невероятный ужас: в почти полной темноте, среди отвратительной клейкой грязи копошились 35–40 каких-то полуживых существ. Даже стены камеры были загажены калом и другой грязью...

Днем — новый ужас: питание. Кормят исключительно полу-сгнившей таранью. Крупы не выдают — берут себе. Благодаря тому, что Вологодская тюрьма является «центральной» и через нее беспрерывной волной идут пересылаемые во все концы, — толчея происходит невероятная, и кухней никто толком не занимается. Посуда не моется. Готовится все пополам с грязью. В котлах, где варится жидкая грязная бурда, именуемая «супом», черви кишат в ужасающем количестве. . . »⁴⁷⁹

«Зачистки», проведенные «каинами» на Вологодчине, наложили неизгладимую печать на эту землю. Справка: 2005 год. Жители Вологодской области выпивают за год почти 17 литров спирта — в два раза больше, чем среднестатистический россиянин. За пять последних лет количество алкогольных психозов выросло более чем вдвое. Под действием алкоголя очень часто совершаются и самоубийства»⁴⁸⁰.

...От Вологды до Ленинграда — ночь езды на поезде. Когда владыка приезжал в Ленинград из Вологодской епархии читать лекции, бывало так, что он служил в академическом храме. Ему выделяли студентов-иподиаконов, которые не знали «мелочей архиерейской жизни», и это иногда приводило к забавным ситуациям. Известно, что когда архиерей во время богослужения выходит из алтаря с дикирием и трикирием в руках и следует на середину храма, его с обеих сторон иподиаконы поддерживают под руки. И не потому, что архиерей такой немощный, что не в состоянии сам спуститься с солеи. Ведь достаточно ему случайно наступить на край своего же подризника, как он непроизвольно сделает еще шаг вперед, чтобы сохранить равновесие, и последствия могут быть самыми плачевными. . . Так что иподиаконы просто подстраховывают архиерея от неосторожного шага и возможного падения.

Но владыка Михаил чувствовал себя в хорошей форме, и у себя в епархии он запретил иподиаконам поддерживать его под руки. Всего этого не знали и не могли знать временные иподиаконы, и, как полагается, они брали архиерея под локотки. И тогда на глазах у молящихся начиналась перепалка. Владыка пытался отбиться от «удерживающих» и с возмущением бросал им: «Что вы меня держите? Что я, сам не дойду? Немедленно отпустите!».

Перед службой владыка просил иподиаконов, чтобы они побольше наливали воды в кувшин для омовения. Во время службы владыка долго плескался и фыркал, умывая не только руки, лицо,

но еще и шею. Забрызганным иподиаконам он потом пояснял: «Я люблю не просто ритуальное, а настоящее омовение!».

А если студенты Духовной академии видели владыку в библиотеке, значит, скоро очередные богословские собеседования. . . Он был одним из тех немногих архиереев, кто *сам* писал свои доклады и не порекомендовал это епархиальному «спичрайтеру», ссылаясь на «загруженность».

Как правило, епископская хиротония — это конец научной деятельности. Епархиальная жизнь — это не только долгие богослужения, но и прием посетителей с их жалобами, кляузными и доносами. А еще — звонки «нужным людям», «хитрые обеды», фуршеты, застолья. Это надувание щек в различных президиумах и озвучивание «прочувствованного слова», написанного пресс-секретарем епархии и выдаваемого за свое собственное. Одним словом — номенклатура.

Известному спичрайтеру Александру Бовину принадлежит написанный для Брежнева лозунг «Экономика должна быть экономной». Как-то раз в ответ на вопрос: читал ли он такой-то доклад, возжидая на таком-то заседании, Александр Евгеньевич заметил: «Что значит — читал? Я его писал». А глядя на подборку томиков Леонида Ильича, он с гордостью замечал: «Это не его собрание сочинений. Это мое собрание сочинений».

Владыка Михаил участвовал во многих богословских собеседованиях, в основном с протестантскими Церквями Финляндии и Германии, читал лекции в Вюрцбурге и Финляндии. 3 мая 1984 г. университет в городе Турку (Финляндия) присвоил архиепископу Михаилу (Мудьюгину) ученую степень доктора богословия *honoris causa*. Много сделал архиепископ Михаил для развития межхристианского диалога, в частности православно-лютеранского. Для него православие не было сопряжено с неприязнью к другим исповеданиям, напротив, оно подразумевало открытый и честный диалог со всеми людьми доброй воли. Посещая Финляндию, владыка использовал любые возможности для того, чтобы выучить язык этой страны. А ведь еще в XIX — начале XX в. даже у русской интеллигенции было пренебрежительное отношение к «чухонскому диалекту». Считалось, что он нужен только «до первого маяка»: как только пароход, идущий из Гельсингфорса в Петербург, выйдет в открытое море, его можно забыть. Владыка выучил финский язык настолько хорошо, что мог объясняться с его «носителями» в быту. Правда, однажды его подвели нюансы, имеющиеся в языках фин-

но-угорской группы. Будучи на одном приеме в честь делегации РПЦ, владыка провозгласил на финском языке тост за умножение любви между нашими Церквами. Из своего «эстонского запаса» он позаимствовал слово «армастан» (любовь), не подозревая, что в финском языке оно носит несколько приземленный характер...

Еще один эпизод такого рода приключился с владыкой в Эчмиадзине, где он, в числе прочих иерархов, был гостем Католикоса Вазгена I. Во время богослужения архиепископ Михаил находился рядом с митрополитом Гельсингфорским Иоанном (впоследствии — глава Финской православной Церкви). Когда служба закончилась, владыка Михаил, по профессорской рассеянности, взял посох митрополита Иоанна и проследовал в свою келью, после чего его повезли в аэропорт. И только после возвращения домой, увидев в прихожей свой посох, он понял, что он уезжал в Армению налегке... Прошло несколько месяцев, и во время очередного богословского собеседования обоим иерархам снова довелось встретиться. Владыка принес свои извинения финскому собрату и заверил его в том, что при первой же оказии он вернет посох. Но митрополит Иоанн показал широту характера и сказал, что посох можно не возвращать — он дарит его владыке. При этом он неосмотрительно процитировал русскую пословицу: дескать, «что упало, то пропало». И владыка Михаил вскипел: «Вы что, хотите сказать, что я его у Вас украл?». И долго еще финский архиерей успокаивал расстроенного «однопалчанина»...

Надо сказать, что «финская сторона» еще легко отделалась, как, впрочем, и «советская». Ведь на памяти владыки Михаила — советско-финляндская война 1939–1940 гг. и исключение Советского Союза из Лиги Наций.

16 декабря 1939 года. Сообщение ТАСС.

Совет Лиги Наций принял 14 декабря резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций с осуждением «действий СССР, направленных против Финляндского государства»...

Следует прежде всего подчеркнуть, что правящие круги Англии и Франции, под диктовку которых принята резолюция Совета Лиги Наций, не имеют ни морального, ни формального права говорить об «агрессии» СССР и об осуждении этой «агрессии»... Они совсем недавно решительно отклонили мирные предложения Германии, клонившиеся к быстрому окончанию войны. Они строят свою политику на продолжении войны «до победного конца»...

... Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе.

При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки»⁴⁸¹.

Время подтвердило правоту советского руководства. 13 ноября 1940 г.а, в беседе Гитлера с Молотовым в Берлине, фюрер заявил Вячеславу Михайловичу: «У Германии нет в Финляндии политических интересов. Русское правительство знает это. Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета»⁴⁸².

А немецкий министр иностранных дел Риббентроп добавил, что «Германия зашла настолько далеко, что отказала президенту Финляндии в пользовании германской кабельной линией связи для обращения по радио к Америке»⁴⁸³.

А теперь — эпизод из истории русско-финских церковных связей в изложении самого владыки Михаила. Летом 1975 г. гостем Русской православной Церкви был тогдашний глава Евангелическо-Лютеранской церкви архиепископ Финляндский Мартти Симойоки. Когда он в сопровождении русских и финских церковных деятелей выходил из храма Киевского Покровского женского монастыря, его внимание пыталась привлечь одетая во все черное средних лет женщина. Стоя в монастырском дворе, она с горящими от возбуждения глазами, указывая на выходящего высокого представителя одной из классически протестантских Церквей, восклицала: «Не слушайте его, он католик и приехал сюда, чтобы поработить нас Римскому папе!»

Как выяснилось позднее, финский гость, не знающий русского языка, принял фанатический демарш «усердной не по разуму» прихожанки за восторженное приветствие. Когда же ему разъяснили истинный смысл «приветственных» слов, он смеялся до слез, узнав, что его, «ортодоксального лютеранина», приняли за паписта, за «агента» той Церкви, в антагонизме к которой возникла и развивалась та Церковь, к которой он в действительности принадлежал и которую даже возглавлял. Описанное происшествие не заслужи-

вало бы внимания (как комический эпизод), если бы оно не было ярким показателем того извращенного представления, какое имеет большинство наших соотечественников о Церкви, к которой сами они принадлежат, а также о Церкви, в лоне которой чтут Единого Бога во Святой Троице около восьмидесяти процентов крещеных христиан, считал владыка.

Такое невежество не представлялось бы сколько-нибудь вредным, если бы не было сопряжено с устойчиво отрицательным отношением, тем более опасным, что оно своим источником имеет дезинформацию, и как следствие — предубеждения, национальную отчужденность и даже враждебность.

Автору этих строк довелось побывать в гостях у владыки в Вологде. Это было в начале 1980-х годов, когда, согласно культурно-образовательной программе, студенты ЛДАиС на Светлой Седмнице посещали разные епархии с сопровождавшими их воспитателями. Для местных архиереев это было порой хлопотно, но программа была утверждена учебным комитетом, одобрена Священным синодом, и приходилось мириться.

Одна такая группа наших воспитанников приехала на пасхальных каникулах в Новосибирск. Местный благочинный сопровождает гостей при осмотре кафедрального собора и отвечает на вопросы студентов.

— *Этот небольшой храм — кафедральный собор? А где же старый?*

— *Взорвали!*

— *Кто взорвал?*

— *Кто, кто! Фашисты, при отступлении!*

При посещении тогдашнего Вологодского епархиального управления нас поразила крайняя скромность обстановки покоев владыки, возглавлявшего одну из самых бедных епархий. Владыка в старенькой рясе встречает гостей: «Приветствую вас на священной Вологодской земле, куда не ступала нога немецкого оккупанта! Да, кстати, разрешите вам представить моих ближайших сотрудниц: Августа Карловна! Барбара Фридриховна!».

За обедом я позволил себе рассказать шутливую историю, как бы «в параллель» нашему приезду. Итак, архиерей приезжает на сельский приход, и после праздничного богослужения его потчуют в домике настоятеля. Обращаясь к матушке священника, владыка спрашивает: «Ну, как вы тут живете?» Простодушная матушка отвечает: «Ой, владыка, и не спрашивайте! Одно несчастье за дру-

гим! На прошлой неделе банька сгорела, вчера поросенок сдох, а сегодня Вы приехали!»

Надо было видеть реакцию владыки Михаила! Он смеялся долго и до слез. Другой архиерей мог бы принять это и на свой счет, но владыка был выше «корпоративной солидарности». Успокоившись, он сказал: «Замечательно! Это надо запомнить! Так как там говорится? Поросенок сдох, а потом банька сгорела? Хотя нет, сначала банька, а потом поросенок...» Прошли годы, мы встречались в других городах, на конференциях, собеседованиях, а он все не мог забыть про поросенка...

С 1981 по 1988 гг. архиепископ Михаил был членом Синодальной комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси.

Санкт-Петербург

Владыка Михаил занимал Вологодскую кафедру около 14 лет, вплоть до своего 80-летия. В 1987 г. ему исполнилось 75 лет. По Уставу Русской православной Церкви в этом возрасте епископ должен подать прошение об уходе на покой. Многие архиереи этого не делают, но владыка, как человек абсолютно подчинивший себя правилам Православной Церкви, исполнил все в соответствии с буквой закона, причем дважды.

В 1987 г. по исполнению 75 лет владыка подал два прошения об уходе на покой (по Уставу РПЦ). В первом прошении в 1989 г. ему было отказано, второе «положили под сукно», но позже дали ему ход. По его собственному ощущению, уход на покой был преждевременным, так как владыка был вполне работоспособен.

На заседании Священного синода 22 февраля 1993 г. было вынесено окончательное решение: выразить Преосвященному архиепископу Вологодскому и Великоустюжскому Михаилу глубокую благодарность за понесенные им архипастырские труды, которые он нес несмотря на возраст и болезни; освободить его от управления Вологодской епархией с увольнением на покой; просить владыку продолжать свою научно-богословскую и педагогическую деятельность в Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии.

За свои многолетние архипастырские труды владыка Михаил был награжден орденами Преподобного Сергия Радонежского I и II степени.

Своей открытостью, широтой взглядов, отсутствием чиновничества и доступностью он выделялся среди сонма своих маститых собратьев по архиерейству. Он был человеком радостным и светлым. Говорил вдохновенно, проповедовал умно, изящно. С ним можно было вести разговор на темы не только богословского характера. Он прекрасно знал европейскую культуру, и не только религиозную. Глубоко ценил живопись, музыку.

Умеренный реформатор, знаток западной и русской литературы, любитель изящных искусств и музыки, он великолепно играл на фортепиано и иногда музицировал в профессорской Санкт-Петербургской духовной академии. Причем он делал это не «на зрителя», не на потребу восхищенным коллегам, а для души, выбирая время, когда профессорская опустеет. Как носитель старой, дореволюционной культуры, владыка не мог терпеть употребления иностранных слов без особой необходимости. Он чувствовал фальшь там, где ее уже не замечает наше «просоветенное» ухо. Особенно раздражало его, когда на вопрос: «Как дела, как здоровье?» — кто-либо отвечал: «Нормально!» И вообще, на вопрос «как Ваше здоровье?» Владыка реагировал довольно своеобразно: «А почему Вас, собственно, интересует мое здоровье?» Ему страшно понравился шутливый вариант ответа: «Все равно не дождетесь!».

... Конец 1980-х годов, вовсю идет перестройка, усиливается активность общества «Мемориал». В актовом зале ЛДА — вечер памяти жертв политических репрессий. Владыка Михаил из-за болезни не смог быть на этом собрании, но текст его обращения прозвучал в магнитофонной записи. А затем — в исполнении воспитанницы регентского отделения ЛДА прозвучал «Реквием» Ахматовой.

По тем временам это было довольно смело. Хотя Анна Андреевна считалась «признанным советским поэтом», ее «Реквием» изымался в ходе обысков. Так, в декабре 1969 г. следователь московской прокуратуры Шилов производил обыск на квартире поэтессы Натальи Горбаневской и, наряду с прочими «материалами», изъясил «Реквием». Защищая Горбаневскую на суде, адвокат заявил о незаконности этого «следственного действия».

Следователь Шилов изымал рукописный экземпляр произведения А. Ахматовой «Реквием» с нарушением закона, по которому изъятие должно быть строго ограничено предметами и документами, имеющими отношение к делу. Ссылка Шилова на то, что он изымал рукопись, чтобы выяснить мировоззрение, склонности и привычки Горбаневской, явно неосновательна, поскольку миро-

*воззрение, склонности и привычки не являются объектом уголовного и уголовно-процессуального права*⁴⁸⁴.

Тем не менее суд вынес определение, что Горбаневская Н. Е. в состоянии невменяемости совершила действия, подпадающие под статью 190-3 и статью 191 УК РСФСР, и подлежит помещению в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения⁴⁸⁵.

... А потом был «приемный покой».

*Еще пока я была в приемной, там передавали «ценности», которые находились на хранении: часы, деньги и — главное для меня, образок и крестик. Образок Черниговской Божьей Матери и мой крестильный крест. И вот это попало в лапы санитаря, в толстую лапу с толстыми и, как мне казалось, салными пальцами. Я все дни тосковала без образка и креста, чувствовала свою без них незащищенность и до сих пор считаю, что, будь они при мне, они бы меня уберегли. Я резко протянула через стол руку схватить их, но он отодвинул свою лапу, а когда я крикнула что-то вроде: «Как вы смеете это брать своими руками!», он, увидев, насколько мне это больно, с довольной усмешечкой стал перекачивать и мять образок и крест в своих пальцах, приговаривая: «А нам это все равно, мы неверующие...»*⁴⁸⁶.

В последние годы владыка Михаил активно сотрудничал с петербургской радиостанцией «Теос» и с московским Церковно-общественным каналом (радио «София»). Слово пастыря, произнесенное с амвона, у радиомикрофона или написанное в книге, всегда обладало мощной силой и убедительностью. Запоминавшимся в его образе было то, что, к сожалению, почти утрачено нашими современниками, — его умение говорить на правильном русском языке, ясно и красиво. В последние годы своей жизни он почти ничего уже не видел и не мог самостоятельно читать и писать, но, обладая прекрасной памятью, которую всегда тренировал изучением языков, продолжал оставаться прекрасным лектором, в классическом смысле этого слова проповедником и собеседником. До сегодняшнего дня почитатели владыки Михаила, православные и инославные, хранят кассеты с записью его лекций.

В церкви св. пророка Илии владыка служил на пределе своих возможностей, пока не исчерпал остаток физических сил. И он удалился на покой лишь после того, как его ослабевшие руки уже не могли уверенно держать Чашу со Святыми Дарами. Но преподавание в академии он не прекращал, читая лекции по памяти. А когда

занемог настолько, что был помещен в больницу при академии, то студенты ходили к нему в палату сдавать экзамены и зачеты.

Сам облик его, не желающего мириться с возрастом, недугами, превратностями судьбы, внушал уважение и даже восхищение. Не случайно к владыке Михаилу вплоть до последнего дня тянулись молодые люди, напрашиваясь в духовные чада. Его жизненная энергия заражала желанием творчества. Вот почему он болезненно воспринял свою отставку по возрасту из Санкт-Петербургской духовной академии, в которой он преподавал более 30 лет. Правда, за ним оставили звание почетного профессора, но это никак не было заменой живого общения со студентами. На заседании ученого совета Санкт-Петербургских духовных академий и семинарий 30 августа 1999 г. владыка Михаил как действующий профессор был в последний раз, выразив признательность профессорско-преподавательской корпорации академии за высокую оценку его деятельности.

Владыка тяжело переживал отстранение от преподавательской деятельности («отработанный материал»!), что, возможно, и приблизило его кончину. В тогдашней профессорско-преподавательской корпорации (2000 г.) он был последним *настоящим* профессором, защитившим магистерскую диссертацию. Своей эрудицией он заметно выделялся среди профессоров-указников, получивших это звание без защиты, по указу Святейшего патриарха. (Большинство из них — это действительно заслуженные профессора, опытные педагоги с 30–40-летним стажем. Меньшая часть получила это звание либо за кипучую административно-хозяйственную деятельность, либо по представлению правящего архиерея, за которого они писали речи, доклады и статьи. Про одного такого «профессора» — обер-священника армии и флота Василия Кутневича (1787–1865) в свое время писали: «Кутневич, слывший и сам себя считавший философом, не оставил решительно никаких печатных проявлений своих философствований».) С приближающейся смертью владыка мириться не хотел, хотя и относился к этому вполне спокойно и по-христиански. В последний день земной жизни он сказал своим близким, что его ждут большие изменения. Через некоторое время владыка Михаил тихо отошел ко Господу. Он скончался 28 февраля 2000 г., на 88 г. жизни.

Гроб с телом владыки был доставлен в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры, где 1 марта после Божественной литургии состоялось отпевание почившего. Затем при пении ирмосов

«Помощник и покровитель...» гроб с телом покойного владыки был перенесен на Никольское кладбище Александро-Невской лавры, где после заупокойной литии он и был похоронен неподалеку от могил Санкт-Петербургских митрополитов...

С изломанными судьбами, с искаленной психикой...

«Бес в виде эфиопа»

Зачисленный на первый курс ЛДА в 1971 г., я оказался в «чернобелой» студенческой среде. Больше половины моих однокашников составляли студенты из Эфиопии; чуть позднее нам подбросили парочку православных японцев и «девианта» из США — им был Юджин (Евгений) Фетчина (впоследствии перешел в Русскую зарубежную Церковь). Если к японцам и западникам наши студенты быстро привыкли, то к эфиопам притирались с трудом. Во время обеда в трапезной «чередной» студент читает житие одного из подвижников-анахоретов; звучит рассказ о том, как в келье его одолевали различные искушения. Дойдя до слов: «...и явился ему бес в виде эфиопа», чтец осеняет себя крестом и кланяется темнокожим студентам. А они в ответ скалятся белозубыми улыбками...

После того как в 1974 г. в Эфиопии к власти пришел «пламенный марксист» Менгисту Хайле Мариам, жителям страны пришлось «затянуть пояса». Чистки по сталинскому образцу, насильственная коллективизация и нескончаемая гражданская война. За кампанией «красного террора» 1977 г., в ходе которой подверглись уничтожению до 10 тысяч представителей интеллигенции, последовало насильственное переселение народности тигре и эритрейцев на юг. Итог этой акции — 20 тысяч жизней. В 1990 г. Менгисту санкционировал казнь 12 военачальников, якобы за организацию заговора с целью совершения переворота.

Эфиопия сползала к хаосу. Голод, засухи, мор. Два миллиона человек покончили счеты с жизнью просто потому, что им нечего было есть. А тем временем Менгисту переправлял сотни миллионов долларов на счета швейцарских банков (привет «Семье»!), открытых там его сводным братом, послом Эфиопии в Женеве.

Напряжение от бремени власти «верный ленинец» снимал «домашними средствами». Он мог уединиться в своих покоях на несколько дней, там шли безудержные кутежи, после которых

ближайшие приспешники старались не попадаться на глаза повелителю: однажды с похмелья он повелел перебить свою свиту.

...Окончив ЛДА, эфиопские выпускники возвратились на родину. Но там их ждали трудные испытания: кто был арестован и посажен, кто расстрелян, кому удалось эмигрировать. Но, к нашему удивлению, в академии появилась очередная «волна» студентов из Эфиопии. Оказалось, что по возвращении на родину они станут... уполномоченными! Отбыв в стенах академии положенный срок, они защитили «свои» курсовые работы, написанные за них «белыми неграми». С тех пор в стенах академии посланцы из Черной Африки замечены не были.

Труднее пришлось тем эфиопам, кто пережил в России август 1991-го. Летом 1992 г. в Москве, в знак протеста против жалких условий существования, эфиопские студенты объявили голодовку. Эфиопское посольство в тихом Орлово-Давыдовском переулке находилось в осаде: свыше 200 эфиопских студентов и аспирантов, приехавших сюда из разных городов СНГ, разбили на территории посольства временный лагерь. Они вели сидячую забастовку в самом здании посольства, пикетировали посольскую территорию с плакатами: «Спасите нас от голодной смерти». Гайдаровский «отпуск цен» поставил их на грань физического выживания. Аддис-Абеба, ссылаясь на экономические трудности, ответила отказом на просьбу повысить стипендии⁴⁸⁷.

В конце 1980-х годов Менгисту отошел от политики в духе марксизма-ленинизма — после решения обнищавшей Москвы перекрыть поток 10-миллиардной помощи Эфиопии. Однако до последних минут пребывания у власти Менгисту все еще требовал называть его «товарищ».

Ничего удивительного поэтому, что бывший «друг страны Советов» счел за благо подвести черту под 14 годами своего правления, превратившего страну в сущий ад, и улизнуть самым постыдным образом. Человек, некогда клявшийся биться «до последнего патрона», улетел в момент, когда повстанческие подразделения осадили Аддис-Абебу, его последний оплот. Направившись в Сидамо, на юго-западе страны, в инспекционную поездку, он приказал экипажу лететь в Найроби (Кения). Там его ждал зимбабвийский самолет, направившийся в Хараре, куда ранее прибыли супруга Менгисту и четверо его детей...

...Духовниками в возрожденной академии нередко назначались батюшки, побывавшие в застенках НКВД. («Тюрьма делает человека психологом».) К их числу относился протоиерей Василий Каменский (1897– 1969), внук известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского (по материнской линии). В 1914 г. Василий Андреевич поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета; слушал лекции Н. Лосского, Б. Тураева, Л. Карсавина. С 1928 г. Василий Каменский трудился в Русском музее, с 1930 г. — в Институте истории науки и техники. Так написано в некрологе, опубликованном после его кончины. А дальше — провал.

По тем временам нельзя было «огорчать» неподготовленного читателя, поведав о том, что накануне Великой Отечественной войны «гражданин Каменский» был арестован и брошен в пасть ГУЛАГа, где пробыл 15 лет. А можно было лишь намекнуть: «Оказавшись в Красноярском крае, он записывал народные песни»⁴⁸⁸.

Надо сказать, что батюшка арестовывался дважды. После первого освобождения он работал завхозом, но был арестован снова и отправлен в лагерь. На столь тяжкое испытание батюшка никогда не роптал, он даже называл лагерь приобретением, духовной академией.*

Освободившись, Василий Каменский вернулся в город на Неве. В 1956 г. он был рукоположен во иерея митрополитом Григорием (Чуковым), после чего служил на приходах Всеволожска, пос. Динамо, в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Последним местом его служения была Димитриевская церковь в Коломягах.

Отцу Владимиру Каменскому немало пришлось претерпеть не только от местных уполномоченных, но также, увы, и от своих собратьев. В архиве Санкт-Петербургской епархии хранятся «служебные записки» — доносы на отца Владимира настоятелей некоторых храмов, где ему пришлось служить. Везде присутствует формулировка: «оппозиционно относится к власти». Да, это была оппозиция, но не такая, которая мерещилась «служителям советского

*Прекрасен лик страданиями очищенной души. Протоиерей Владимир Каменский — весть через года / Авторы-сост. Л. И. Ильюнина, М. Б. Данилушкина. СПб., 2007. С. 48.

стройка». Это была оппозиция духовная, оппозиция человека, ведущего битву с духовным же врагом*.

Настоятель Свято-Троицкого Всеволожского храма протоиерей Николай в донесении митрополиту Питириму (май 1960 г.) требовал, что все проповеди отца Владимира цензурировались, но батюшка, часто вдохновленный во время богослужения, экспромтом начинал проповедовать. Настоятель строго выговаривал ему за это, обвиняя в «отсутствии духовной скромности». О. Владимира много раз вызывали для объяснений в епархиальное управление, преследовали, запрещали принимать народ. В конце концов, митрополит Питирим в мае 1960 г. сделал ему предписание: «Вам запрещается исполнение треб в домах верующих, особенно на периферии». Также предписывалось «реже служить литургии и ни в коем случае не произносить проповеди, которые требуют большого нервного напряжения»**.

В сентябре 1966 г. митрополит Никодим назначил о. Владимира духовником Ленинградской епархии и Духовной академии. Владыка, познакомившись поближе с батюшкой, понял, что именно он может оказать благотворное влияние на подрастающее поколение студентов академии: «Мы преподаем теорию, а Вы будете воспитывать духовность», — сказал ему митрополит. Он просил о. Владимира переехать жить в академию: «Что Ваши старушки — оставьте их, они на коленках приползут в Царство Небесное. Здесь должна быть Ваша келья, куда будут приходить будущие священники, чтобы получать от Вас духовные наставления. От того, как мы воспитаем завтрашних пастырей зависит спасение России». Но батюшка не смог оставить свою многочисленную паству и, начав служение в академии, продолжал служение и на приходе***.

Духовником Академии о. Василий пробыл около двух лет; последние два года своей жизни он тяжело болел. Вплоть до самой его кончины за болящим самоотверженно ухаживала его прихожанка — Анна Ивановна Трусова, несколько лет сама проводшая в ГУЛАГе...

Митрополит Никодим пытался причастить о. Владимира в больнице, но не был допущен медсестрой в палату: «Молбны служить здесь не будете!». А в последний день жизни батюшки митрополит благословил архимандрита Иринарха ехать в больницу со

* Там же. С. 90–91.

** Там же. С. 113.

*** Там же. С. 117.

Святыми Дарами, но за 20 минут до его прихода батюшка скончался.

Уже о кончине о. Владимира, владыка Никодим позвонил из Москвы: «Не отпевайте! Я вылетаю на самолете, сам буду отпевать!» И, несмотря на то, что у него был сердечный приступ, митрополит все же прилетел на отпевание. Дрожащим голосом он совершил чин отпевания, очевидно было, что уход о. Владимира он воспринимал как личную потерю.

Духовным чадам, принесшим деньги с просьбой отправить поминовение об отце Владимире на Афоне, владыка сказал: «Деньги подайте в церковь. О батюшке будет молиться и на Афоне, и в Иерусалиме. Я об этом позабочусь».

В начале 1970-х годов духовником ЛДАиС был протоиерей Константин Быстриевский, бывший клирик кладбищенского храма Смоленской иконы Божией Матери. Как и о. Василий Каменский, прот. Константин Быстриевский отбыл срок в ГУЛАГе. С 1967 г. о. Константин руководил богослужебной практикой учащихся, а с 1973 г., по благословению митрополита Никодима, был духовником Ленинградской митрополии и ЛДАиС. Несмотря на годы, проведенные в заключении, о. Константин дожил до преклонного возраста и скончался в 1979 г., на 91-м г. жизни.

После кончины о. Константина должность духовника академии занимали «вольнонаемные» и, казалось, скорбная страница с именами репрессированных исповедников окончательно перевернута. А в 1991 г. была перевернута последняя страница «советского периода» в истории России. Но опухоль ГУЛАГа была слишком велика, и ее метастазы давали себя знать еще долгие годы. В 1990-е годы духовником академии был архимандрит Кирилл (Начис), отсидевший десять лет в лагерях за участие в деятельности Псковской миссии на оккупированной территории. Он ушел за штат лишь в 2004 г., после чего пребывал на покое в Ново-Девичьем монастыре (Московский пр., д. 100).

Расконвоированный профессор

Священником Псковской миссии был и профессор-протоиерей Ливерий Воронов, священник «Псковской миссии» (десять лет ла-

Там же. С. 167.

Там же. С. 169.

герей в Норильске). До войны он успел закончить химфак Технологического института; в лагере работал по специальности: химическая очистка питьевой воды для лагерного «контингента».

В ожидании этапа о. Ливерий сидел в ленинградской пересыльной тюрьме. Она располагалась близ берега реки Монастырки в мрачном здании из темно-красного кирпича. Ее зарешеченные окна смотрели на лаврский парк и на полуразрушенное здание бывшей Санкт-Петербургской духовной семинарии. В годы Великой Отечественной войны там размещался госпиталь, во время вражеского налета в правое крыло попала авиабомба. В 1946 г., когда о. Ливерий «мотал срок», в правом крыле бывшей семинарии началось возрождение двух духовных школ: и семинарии, и академии.

Вернувшись из лагеря, о. Ливерий поступил в ЛДА. Блестяще закончил ее и приступил к чтению лекций. Многие изменилось к тому времени. Неподалеку от транзитной тюрьмы разместилось объединение ЦКТИ им. Ползунова — «ракетная шарага», числящаяся за «средней Машей» (Министерство среднего машиностроения). Между ЛДАиС и зданием бывшей СПбДА возвели большое здание психиатрической лечебницы. И более 30 лет «расконвоированный» профессор-протоиерей ходил пешочком через лаврский парк в академию; он читал нам курс догматики.

В 1946 г. епархии вернули только половину здания дореволюционной семинарии — ту, что пострадала от взрыва авиабомбы: «На тебе, убоже, что нам негоже». Что же касается академической библиотеки, то она была реквизирована в 1920-х годов, и книги были переданы в фонд Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека). В 1946 г. возрожденной академии были возвращены из фондов ГПБ только дубли, а рукописное собрание так и осталось в фондах Публички. И о. Ливерий часто работал там с книгами, на которых стояли дореволюционные штампы СПбДА.

... После мостика через Монастырку от людского потока налево отделяются родственники с передачами для больных, «сидящих на голосах». А преподаватели и студенты ЛДАиС, спешащие на лекции, движутся по парку в потоке технарей-ракетчиков. Вот и развилка, где стая бездомных собак умильно взирает на «кормильцев» в ожидании подачки. Нам налево, в академию. Оборонщикам — направо, еще раз через мостик, — к своим «изделиям». А вечером, когда о. Ливерий возвращался домой через парк, все так же злове-

ще светились зарешеченные оконца «транзитки»... Позднее здесь устроили тюремную «больничку».

А в начале 1990-х годов «награда нашла героя». Отца Ливерия пригласили на заседание ученого совета Технологического института, который он окончил еще до войны. И узнику ГУЛАГа вручили диплом почетного профессора «Техноложки».

Вспоминает протоиерей Борис Безменов. В 1977 г., будучи студентом академии, он должен был написать сочинение по догматическому богословию. Одна из тем, предложенных о. Ливерием, была посвящена таинству брака. Борис взялся за раскрытие темы, но вышел за рамки «умозрительного богословия». Изложив чинопоследование венчания, он привел, в параллель, обряд бракосочетания, практиковавшийся в ЗАГСе. (Для этого он специально побывал на церемонии во дворце бракосочетания, а затем изложил все как очевидец.)

Получилась интересная параллель: в храме новобрачных сочетается Сам Господь, а священник — лишь посредник. В ЗАГСе — теткообразная дама, с широкой лентой через плечо («орарь») — «именем Российский Федерации». И т. д., и т. д. Подводя итог, молодой богослов привел рискованную по тем временам (канун 60-летия Октября!) цитату: «Диавол — обезьяна Бога». (Свящ. Павел Флоренский в своей книге «Столп и утверждение истины» говорит о сатане как об «обезьяне Бога». И получалось, что советское государство есть «обезьяна истинной Церкви».)

Бесчисленные официальные и частные документы свидетельствуют об употреблении религиозных терминов в отношении Ленина. Уже в 1919 г. близкий соратник Ленина — Г. Е. Зиновьев называл его «апостолом социалистической революции», а его книгу «Что делать?» (1902 г.) сравнивал с Евангелием. Г. В. Плеханов еще в 1903 г. считал эту книгу «катехизисом для наших практиков». В 1923 г. Л. Д. Троцкий писал: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов»⁴⁸⁹.

В те годы идеологи Кремля пытались и крестины заменить «звездами». При этом практиковался «чин наречения имени». Причем в новый ритуал был включен древний церковный обычай выбирать при крещении для новорожденного почетных родителей: «Иногда их называют восприемниками»⁴⁹⁰.

Этот обряд был обязателен для детей, рожденных в семье родителей — членов КПСС. В гитлеровской Германии аналогичная церемония была обязательной для членов СС. В возрасте от 25 до

30 лет член СС должен был создать семью; церковный брак заменяла разработанная церемония с участием командира местной организации СС. Обряд крещения новорожденного в семье эсэсовца представлял собой церемонию наречения имени младенца перед портретом Гитлера, его книгой «Майн кампф» и знаком свастики⁴⁹¹.

... На очередную лекцию о. Ливерий пришел с пачкой проверенных сочинений. Но, вопреки традиции, не стал раздавать тетради в классе с соответствующими комментариями. А после лекции молча сдал сочинения в канцелярию, откуда староста курса получил их для раздачи. А с «шибко умным» Борисом была проведена «профилактическая беседа». Отозвав его в сторону, о. Ливерий тихо сказал: «Я поставил Вам балл “4”, и Вы знаете за что. Советую впредь быть осторожнее. Вы можете повредить и себе, и всему курсу».

... Нынче требования к дипломным и кандидатским работам «продвинутые» — в ногу со временем. Выпускники должны в срок подать свои сочинения не только в аккуратно переплетенном виде, но и на дискете — в электронном виде. И это разумно: если трактат написан на высоком научном уровне, то его легко будет напечатать в виде книги и пустить «в массы». В 1970-е годы правила были другие. Еще не было ни компьютеров, ни принтеров, и курсовые работы печатались на пишущей машинке. А вот семестровые сочинения — только от руки! Машинкой пользоваться было запрещено. В чем тут дело?

Было полуофициальное объяснение. Скажем, какой-нибудь приходский священник, обремененный требами, уже не в состоянии сосредоточиться на теме и засесть за работу. И он может нанять бедного, но «головастого» однокурсника в «литературные негры». Тот уже написал свое сочинение, проработав литературу и «владеет темой». И ему нетрудно на одном дыхании сделать еще один «шедевр» и даже отпечатать текст на машинке. Для приходского батюшки с Западной Украины это идеальный вариант! «Зробыл парастас на сментэре» (отслужил заупокойную на кладбище) и расплатился. А «умный, но бедный» купит себе новые ботинки, и оба довольны. И вот, для того чтобы пресечь «наемничество» якобы и был введен запрет на машинопись.

А теперь поразмыслим. Ведь 90% труда при написании сочинения — это изучение литературы, выписки, размышления, сопоставления; черновики, клей, ножницы, правка. А перебеливать черновик — одно удовольствие. Но ведь точно так же, «левой ногой»,

это может сделать и «заказчик», купив чистовик-заготовку. Значит, смысл запрета был в другом. В чем же?

Тем, кто не жил в то время, догадаться будет трудно. А кто помнит тогдашнюю атмосферу, сообразит сразу же. Ну конечно! Ведь если кто-то печатает сочинение, то может сделать несколько закладок под копирку — для знакомых, для друзей. А это уже — «распространение литературы», самиздат. 70-е годы, 70-я статья... Вот так и жили мы в догутенберговскую эпоху...

Владыку Никодима постоянно тяготила текучка, и у него было «пошаговое решение проблем»: по мере их поступления. Однажды мне довелось в этом убедиться. Прежде чем приступить к написанию кандидатской работы, я посоветовался со святителем; из перечня была выбрана тема: «Православное учение о примирении между Богом и человеком». По-видимому, архипастырь считал, что в будущем эти «наработки» могут пригодиться на миротворческом поприще. Однако вскоре мой научный руководитель — профессор-протоиерей Ливерий Воронов — предложил другую тему: что-то из области христологии, да еще по армянским рукописям. Владыка решительно пресек наши «шатания по темам»: мол, сначала защитись, а потом хоть всю жизнь пиши статьи для ежегодника «Богословские труды». «Напуганные», мы не осмелились перечить, и работа была написана по «примирению». Греческие и древнееврейские термины пришлось вставлять в текст машинописи от руки.

Отдав трактат для первой читки маститому профессору, с трепетом ожидаю разнosa. Однако текст был принят без поправок; возвращая машинопись, о. Ливерий сделал единственное замечание: в одном из древнееврейских слов пропущен «патах под алефом». Впоследствии работа была опубликована (в сокращении) в сборнике «Богословские труды». А позже там стали появляться и другие мои «штудии». Наказ святителя был выполнен.

Будапешт-56

Один из моих однокашников — Иван Потапов — по возрасту был заметно старше остальных «студизусов». В 1956 г. он учился на третьем курсе филфака ЛГУ; «органы» взяли его с «подельниками» за протест против подавления советскими танками венгерского восстания. В коридоре университета они расклеивали листовки: «Руки прочь от свободной Венгрии!»

Иван был тогда «невоцерковленным», «Журнал Московской

Патриархии» не читал, иначе он осудил бы свой поступок. «Темные силы не дремлют и по сей день, — сообщалось на страницах “ЖМП”, — они развязали кровопролитие в Венгрии, дружественной нам стране. Они и сейчас засылают в неудобные им страны своих агентов, шпионов и убийц»⁴⁹².

Что могло смутить Ивана, возьми он в руки тот журнал? В словах патриаршего послания проскальзывала некоторая сдержанность, переходящая в двусмысленность. «В Венгрии возникла попытка *враждебных народу сил* нарушить мирный строй жизни, угрожая огромными международными осложнениями»⁴⁹³. Нигде нет и намек на конкретное название всякого рода «темных сил», о которых говорит патриарх. Собственно говоря под обвинениями во всех этих событиях сил, «жаждущих господства над миром», подпишется любой человек. Что же касается Венгрии, то, несмотря на тон и смысл, поддерживающие советскую версию этих событий, слова о «попытке враждебных народу сил» могут быть поняты в двух совершенно диаметрально противоположных направлениях.

Поскольку в таком виде все же текст послания не мог быть обнародован, дальше идет абзац, в котором констатируется факт, что «к сожалению, некоторые зарубежные высокие духовные лица, будучи, видимо, неправильно осведомлены о событиях в Венгрии, обратились к нам с призывом повлиять на наше Правительство в смысле отказа его от помощи венгерскому народу в его борьбе против сеявших смуту и стремившихся превратить Венгрию в неизбежный очаг новой мировой войны»⁴⁹⁴. Сложную ситуацию не смогли *правильно* оценить даже «высокие духовные лица». А вы говорите — Иван! И, как сказал поэт, «А нас сознанию учили в лагерях...».

... В начале 1950-х Венгрия в союзе с СССР и под руководством ставленника Берии — еврея Ракоши (национальность тут имеет значение) готовится к совместной обороне против Югославии Тито, разногласия которого с СССР перешли все грани. В ходе этой подготовки Ракоши силами спецслужб чистит армию и партию от сочувствующих Тито, попутно решая собственные проблемы. Репрессиям, в частности, подвергается давний друг Тито и не менее давний агент Москвы Янош Кадар. Так как Ракоши был некогда арестован властями фашистской Венгрии именно как еврей, у венгров возникло убеждение, что «это евреи расправляются с мадьярами», тем более что тогда в руководстве АВХ (венгерское КГБ) было

много евреев, въехавших на эти посты на штыках Советской армии, освободившей Венгрию от фашизма.

Одновременно подавляется венгерский национализм, венгров постоянно оскорбляют, ставят им на вид другие, «более социалистические» нации, идет шельмование культуры и истории Венгрии, льются рекой призывы к «историческому покаянию», «отказу от мадьярства». На что венгерская нация, естественно, отвечает вспышкой национализма.

В июне 1955 г. из соседней Австрии выводятся советские войска. Весной 1956 г. по приказу высшего руководства АВХ венгры снимают минные поля в пограничной зоне и инженерные заграждения, отменяют существовавшие ограничения на въезд в страну⁴⁹⁵.

Важное обстоятельство, спровоцировавшее трагические события 1956 г. в Венгрии, — выступление Хрущева на XX съезде КПСС. Делегация венгров, приехавших с этого съезда на родину, вела себя тихо, не собрала свой коммунистический актив, не рассказывала о том, что в действительности происходило в СССР. Летом того года могилы расстрелянных в начале 1950-х венгерских коммунистов перенесли из всяких темных мест, расположенных поблизости от тюрем, в центральные районы, на главные кладбища.

Радиостанция «Либерти» («Свобода»), вещавшая на Венгрию, громко и однозначно обещала помощь Запада в том случае, если венгры проявят «исконную любовь к свободе» и восстанут против коммунистического ига. Это обещание было совершенно безответственным, оно крайне негативно воздействовало на массы, и, когда количество погибших стало исчисляться сотнями, когда ревели моторами на улицах Будапешта советские танки, венгры ожидали одного — натовского продвижения через границы их страны. Они верили, что американские и прочие западные войска выступят на стороне повстанцев, иначе не стали бы действовать столь «оприметливо» — вешать венгерских сотрудников госбезопасности на деревьях и трамвайных проводах⁴⁹⁶. За ставшие притчей во языцех подаренные из запасов лендлиза «желтые ботинки», бывшие такой же отличительной чертой АВХ, как кожанка ЧК в 1918 г., линчевали на месте.

В каких же условиях действовали в октябре — ноябре 1956 г. солдаты и офицеры Особого корпуса Советской Армии? (Тогда еще не было изобретено понятие «ограниченный контингент»; фактически же речь шла о целых армиях).

В первый раз советские танки по приказу министра обороны Георгия Жукова появились на площадях Будапешта поздним вечером 23 октября 1956 г. Во второй половине этого исторического дня стало ясно, что власти теряют контроль над ситуацией. На митингах перестали слушать страстные речи о придании социализму национального облика, о равноправной дружбе с Советским Союзом и даже вольнолюбивые стихи Петефи.

Улица требовала действий, и они начались — низвержение памятника Сталину, захват редакции центральной партийной газеты «Сабаднеп», осада радио с применением оружия и многочисленными жертвами с обеих сторон. Полиция, армия дрогнули. Кто должен был затыкать зияющую дыру? — Советские танки. Они колесили по незнакомому городу, не имея приказа первыми открывать огонь, и, естественно, придали начинавшемуся восстанию национально-освободительный, антисоветский характер. Главным лозунгом стало: «Русские, домой!». И вот уже запылали первые подожженные машины, раздались ответные залпы, пролилась первая кровь...

Через сутки в официальном сообщении ТАСС, опубликованном в «Известиях» 25 октября, об этом было сказано так: «Вчера поздно вечером подпольные реакционные организации предприняли попытку вызвать в Будапеште контрреволюционный мятеж против народной власти... Отряды бунтовщиков, которым удалось захватить оружие, вызвали в ряде мест кровопролитие. Силы революционного порядка стали давать отпор мятежникам. По распоряжению вновь назначенного председателя Совета министров Имре Надя город был объявлен на осадном положении. Правительство ВНР обратилось к правительству СССР с просьбой о помощи. В соответствии с этой просьбой советские воинские части, находящиеся в Венгрии согласно Варшавскому Договору, оказали помощь войскам Венгерской Республики в восстановлении порядка в Будапеште... Сегодня к концу дня вражеская авантюра была ликвидирована. В Будапеште восстановлен порядок».

Примерно так же выглядела и официальная венгерская пропаганда. Ярлыки «контрреволюционеры», «фашисты» глубоко задевали патриотические, демократические чувства людей, не причастных к эксцессам.

Во время кризиса в Венгрии американский посол Болен довел до сведения Хрущева, Жукова и Булганина суть послания госсекретаря Даллеса: Соединенные Штаты не рассматривают Венгрию,

как и любого советского сателлита, в качестве потенциального военного союзника. Послание было направлено в надежде на то, что СССР разрешит Венгрии выйти из Варшавского Договора, выведет свои войска из Венгрии и позволит венграм идти своей дорогой вне советского блока.

Жуков дал ответ, который, мягко говоря, удивил посла Соединенных Штатов. Болен считал, что в ответе Жукова неправда и полуправда были перемешаны с реальными фактами. Посол считал, что Жуков, *обычно честный*, в описанном случае несколько раз явно говорил неправду: отрицал отправку советских подкреплений в Венгрию, сказал, что последние 48 часов советские войска не открывали огонь, что советские войска в Будапеште не находились под его командованием, а командовал ими министр обороны Венгрии. Жуков также упомянул об «иностранном влиянии», указав, что было захвачено много американского стрелкового оружия и немецкой артиллерии.

В беседах с Боленом Жуков, вне всякого сомнения, вел себя как политик. Он помогал возводить стену обмана, которой СССР пытался скрыть свое решение силой сокрушить венгерскую оппозицию. Как русский патриот и человек, веривший в догмы партии, он, вероятно, считал, что лгать капиталистическому послу — дело похвальное и едва ли греховное. Кроме того, Жуков как советский гражданин считал, что поляки и венгры совершили страшное предательство, очевидно, забыв о громадной цене, заплаченной Советским Союзом за их освобождение⁴⁹⁷.

... До восстановления же порядка было еще далеко. Правда, 25 октября наметилась возможность разумного компромисса: ненавистный сталинист Гере был заменен у власти популярными коммунистами-реформаторами Имре Надем и Яношем Кадаром. С участием срочно посланных Хрущевым в Будапешт Анастаса Микояна и Михаила Суслова шел интенсивный поиск путей стабилизации положения и вывода советских войск из конфликта.

Стало изменяться и отношение Будапешта к советским солдатам. Студенты, хоть как-то владевшие русским языком, объясняли им смысл происходящего, распространяли листовки такого содержания: «Русские друзья! Вас обманули! Вы стреляете не в фашистов, а в рабочих, крестьян и студентов!». На площади перед парламентом, которую охраняли советские танки, во время митинга 25 октября началось братание с танкистами. И в этот момент с крыш домов ударили пулеметы... Десятки людей остались лежать

на асфальте. Были жертвы и среди танкистов, которые открыли огонь на подавление.

Кто стоял за этой провокацией? Версии есть разные, но наиболее правдоподобная — люди из АВХ (венгерский КГБ), пытавшиеся сорвать демократические перемены, мирный выход из кризиса по польскому образцу. Правда, американские дипломаты, находившиеся поблизости, передавали тогда в Вашингтон, что «инсургенты» тоже стреляли...

Как бы там ни было, стабилизацию сорвали, наши солдаты вновь оказались на острие конфликта. Их бросили, например, в квартал «Корвин-кез», где был самый серьезный очаг сопротивления. У повстанцев оказались даже советские пленные.

Вывод советских войск из Будапешта начался только 30 октября, когда они уже были сильно деморализованы и понесли серьезные потери. На узких улочках, застроенных многоэтажными домами, танки и БТР становились легкой добычей. Будапештские «гавроши» забрасывали их бутылками с горючей смесью, так, как видели это в советских фильмах о войне.

Советские войска в соответствии с заявлением Кремля от 30 октября стали выводиться, но одновременно концентрировались и вводились на территорию страны свежие части. При первых же сообщениях премьер теперь уже коалиционного правительства Имре Надь заявил о выходе Венгрии из Варшавского Договора 1 ноября⁴⁹⁸.

Об этом Имре Надь сообщил ранее, в первой половине дня, советскому послу в Венгрии Юрию Андропову и одновременно потребовал, чтобы СССР незамедлительно начал вывод своих войск. В заключение своего заявления по радио об этом шаге он провозгласил: «Да здравствует свободная, независимая, демократическая и нейтральная Венгрия!». Это разрывало антинаатовский стратегический фронт в одном из самых чувствительных мест и, естественно, ускорило развязку. Кроме того Советский Союз стремился удерживать контроль над средневропейскими месторождениями урана.

4 ноября советским войскам, окружившим Будапешт, зачитали приказ — атаковать. Началась операция, названная в документах ЦРУ «Чардаш», а в документах МО СССР — «Вихрь». Всех участвовавших в восстании гусеницы советских танков замесили в кровавый паприкаш.

В 5.20 утра 4 ноября Имре Надь заявил по радио из здания парламента: «Сегодня на рассвете советские войска начали наступ-

ление на столицу с очевидной целью свергнуть законное венгерское демократическое правительство. Наши войска вступили в бой! Правительство на месте!». После этого глава правительства бежал в югославское посольство.

Вторичный ввод войск был гораздо лучше подготовлен в военном и политическом отношении. По сведениям участника событий, военного историка В. Фомина, приказ на проведение операции командующий генерал П. Лащенко получил в Сольноке (90 км от Будапешта) от маршала И. Конева — главнокомандующего войсками Варшавского договора. Там же, в Сольноке, было создано временное правительство во главе с Яношем Кадаром. Накануне операции во время переговоров в расположении советских войск под Будапештом опергруппа КГБ СССР во главе с его председателем генералом Серовым арестовала членов венгерской делегации, в том числе военного министра П. Малетера. После этого лишь отдельные части венгерской армии оказали сопротивление (например, в городе Дунаувароше, бывшем Сталинвароше). Однако сопротивление повстанцев в некоторых точках Будапешта было просто отчаянным, его удалось подавить лишь 10 ноября, хотя отдельные очаги мятежа тлели до 23-го. Повстанцев продолжали расстреливать вплоть до 1957 г... До сих пор нет точных данных о потерях советских войск. Исследователи оценивают число убитых в 1–2 тысячи человек, некоторые считают, что эти цифры занижены⁴⁹⁹.

Тогдашним советским послом в Венгрии был Ю. В. Андропов. В той непростой ситуации он нашел единственно правильную (для себя) линию. Она состояла в том, чтобы неустанно заверять венгров, будто никакой интервенции быть не может и Москва занята тем, как вывести советские войска из Венгрии. Линия была беспроектная: если бы Москва не решилась на интервенцию, посол оказался бы прав, а в случае интервенции действовало бы старое правило: «победителей не судят».

Нельзя не отметить проявленные Андроповым при этом актерские способности и самообладание. Как можно иначе назвать то, как он вел себя в последнюю ночь венгерской революции, — так называемую «ночь предательства» — с третьего на четвертое ноября 1956 г.? В 2.30 утра опергруппа КГБ, ворвавшись на заседание советско-венгерской комиссии по выработке условий вывода советских войск из Венгрии, арестовала все венгерское военное руководство во главе с министром обороны Палом Малетером. Но еще че-

рез полтора часа после этого, в 4 часа утра, когда советские войска, войдя в Будапешт, наступали в центре города и подходили к парламенту, Андропов сидел у премьер-министра Имре Надя и заверял его, «что здесь какая-то ошибка, так как советское правительство не отдавало приказа о наступлении в Венгрии». И поверивший ему Надь запретил отвечать на огонь со стороны советских войск. «Мы с послом попытаемся связаться по телефону с Москвой», — пояснил он просившим о приказе открыть огонь.

5 ноября 1956 г. начальник будапештской полиции Шандор Копачи с женой были арестованы при попытке укрыться в югославском посольстве, их доставили к Андропову. Посол и тут встретил их «довольно сердечно и дружески». Когда их посадили в машину и отправили дальше в тюрьму, Андропов махал им на прощанье и улыбался. Знаменитая «Андроповская улыбка»... Копачи провел несколько лет в тюрьме, Малетер и Надь были повешены⁵⁰⁰. Революция подавлена. Промосковский режим восстановлен. Новый венгерский лидер — Янош Кадар — никогда не осмеливался возражать Кремлю по принципиальным внешнеполитическим вопросам. Венгрия на 30 лет стала скромным винтиком в сложном механизме мировой социалистической системы. А в августе 1968 г., в составе войск Варшавского Договора, венгерские танки вошли в Чехословакию...

... Одним из единомышленников Ивана Потапова был Борис Пустынцев. Родился он в 1935 г.; детство прошло во Владивостоке. В 16 лет вместе с родителями переехал в Ленинград. Отец — знаменитый конструктор подводных лодок, начальник ЦКБ-18 (сейчас ЦКБ «Рубин»), герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии. А сын, по собственному признанию, к 15 годам уже был убежденным диссидентом. Причиной тому стали занятия английским языком (будущий правозащитник с детства слушал «вражеские» радиостанции) и общение с политзаключенными. Как и Иван Потапов, Борис получил пять лет лагерей.

«Будапешт-56» загнал в Мордовию «протестантов» из разных уголков Советского Союза. В том числе — молодого молдавского поэта Бориса Мариана (ныне — главный редактор популярного журнала «Молдова»). Впоследствии он вспоминал свои стихи, написанные в Мордовии, в Дубровлаге, где (после ареста в 1957 г. — эхо «венгерских событий») отбывал пять лет по статье «за антисоветскую агитацию и пропаганду».

И вот, потомок гордых даков
И римлян, грозных на века,
Я жгу костер перед бараком,
Пеку картошку для з/к.
Одно лишь утешенье кстати:
Со мною тянут срок, не миг,
И гордый внук славян и бушлате,
И финн, и друг степей калмык...

(«Моя родословная», 1957 г., Дубровлаг, пос. Явас).

Отсидев свой срок и дождавшись погашения судимости, Иван поступил в Московскую духовную семинарию, но был вынужден уйти оттуда, поскольку не шел «на контакт с органами». В ЛДА он был принят благодаря заступничеству владыки Никодима. (Венгрия занимала в жизни владыки Никодима особое место. Став председателем ОВЦС, он вступил в управление приходами Московской Патриархии в Венгрии, Финляндии и Японии).

...Декабрь 1991 г.; последние дни существования Советского Союза. Как политическая ошибка, как открытое вмешательство во внутренние дела соседнего государства был расценен кремлевским руководством ввод советских войск в Венгрию для подавления восстания 1956 г. Такая оценка была дана во время визита венгерского премьера Анталла в Москву 6 декабря 1991 г. Что же касается венгерского премьера, то в интервью корреспонденту «Известий» по случаю визита он заявил следующее: «Мы считаем эти события национально-освободительной борьбой венгерского народа против сталинистского режима, а советских солдат, которых послали тогда в Будапешт, такими же жертвами тогдашнего режима, как и участвовавших в борьбе венгров». Эти мудрые слова о советских солдатах можно было только приветствовать.

... В 1993 г. Иван Потапов и его соратники (сокамерники) получили приглашение в венгерское посольство, где им были вручены высокие награды — за заслуги перед венгерским народом. Президент Венгрии наградил Потапова и его подельников офицерским крестом Венгерской Республики.

Позднее их заслуги признала и родина-мать: бывшие з/к получили статус незаконно репрессированных, с причитающимися им льготами. Самой важной для Вани было право бесплатного проезда в пригородных поездах. Он жил в Луге, и часто мотаться в Питер ему было накладно. Но годы лишений взяли свое, и, сломленный

морально и физически, Иван скончался, прожив всего несколько лет после наступления нового «миллениума».

Непросто складывалась послелазерная жизнь и у Бориса Пустынцева. После отсидки он поступил в Институт им. Герцена. По окончании работал библиографом, литературным редактором, затем — автором синхронного текста для дубляжа. В 1982 г., по удивительному совпадению, начальником отдела кадров «Ленфильма» был назначен сотрудник КГБ, «разрабатывавший» Пустынцева в 1956-м. Пришлось поменять место работы и отправиться на «Таллинфильм». В конце 1980-х стал сопредседателем питерского отделения «Мемориал». В 1992 г. подвергся нападению: Пустынцева сильно избили, однако ничего не похитили; преступников так и не нашли. В том же году вместе с правозащитником Юрием Вдовиным основал общественную правозащитную организацию «Гражданский контроль».

...Как-то раз Юрий Владимирович написал стишок, который, несмотря на игривую форму, лучше всех его речей и статей, вместе взятых, отражал политическую позицию этого советского лидера:

Известно: многим Ка Гэ Бе,
Как говорят, «не по губе».
И я работать в этот дом
Пошел, наверное б, с трудом,
Когда бы не случился впрок
Венгерский горестный урок.
Когда я начал понимать,
Что Правду должно защищать
Не только словом и пером,
Но если надо, — топором.

Искренность Андропова не вызывает сомнений. Но вывод насчет топора с высоты наших сегодняшних знаний об истории коммунистического эксперимента представляется крайне наивным. «Топором» можно было зарубить Имре Надя, но в борьбе идей и экономических механизмов этот инструмент оказался бессилён.

В конце 1980-х годов, когда соцлагерь распался на «зоны», в Венгрии произошла «бархатная революция»; началась переоценка «событий 1956 г.». Были посмертно реабилитированы лидеры восстания во главе с Имре Надем и кардиналом Миндсенти.

23 октября 1956 г. на улицы Будапешта вышли студенты столичных вузов, к которым присоединились десятки тысяч людей. Студенты требовали расследовать преступления сталинистского режима Ракоши, реабилитировать незаконно осужденных и интернированных, обеспечить свободу слова и печати, провести выборы на многопартийной основе, вывести с территории страны советские войска. Вечером того же дня у здания радио произошли первые вооруженные столкновения с охранявшими здание военнослужащими сил госбезопасности. Пролилась первая кровь. События, начавшиеся мирной демонстрацией, приняли совершенно другой оборот. . .

А через тридцать три года в Венгрии началась «бархатная революция». 15 июня 1989 г. венгерское правительство внесло в Государственное собрание ВНР предложение об упразднении смертного приговора за политические преступления. В инициативном акте указывалось, в частности, что один из руководителей венгерских событий 1956 года. Имре Надь, был выдающимся государственным деятелем, и его демократические национальные устремления вошли в нынешнюю политику Венгрии.

Правительство отмежевалось от ошибочных, нередко преступных политических решений, принимавшихся в прошлом. От репрессивных мер, осуществленных после 1956 г., и выразило твердую решимость закрыть эпоху, которая принесла множество испытаний. Правительство призвало нацию к сплоченности. Необходимо сосредоточить усилия и созидательную энергию венгерского общества на построении новой, демократической Венгрии, подчеркивалось в заявлении.

А еще через несколько дней в Будапеште состоялось перезахоронение останков Имре Нады. Около девяти часов продолжалась по венгерскому телевидению и радио прямая трансляция похорон Имре Нады и четырех его сподвижников, казненных в 1958 г. В первой части церемонии, проходившей на центральной площади Героев, приняли участие руководители правительства, председатель Государственного собрания ВНР. Хотя еще не было вынесено окончательное решение Верховного суда о юридической реабилитации Имре Нады (оно ожидалось в начале июля), правительство ВНР обнародовало накануне похорон заявление, в котором характеризовало Имре Нады, дважды занимавшего пост главы правительства ВНР, как выдающего государственного деятеля, «осознавшего

необходимость изменения чуждой нашим традициям и нежизнеспособной политики, необходимость воплощения в жизнь национальных особенностей и неизменных человеческих ценностей». События 1956 г. охарактеризованы в этом документе как «народное восстание и национальная трагедия».

Некоторые ораторы — участники событий 1956 г. — призывали не только к продолжению «революции», которая была задавлена советским военным вмешательством. Выдвигалось требование немедленно вывести советские войска из Венгрии, пригвоздить к позорному столбу коммунистический режим, «москвитов», «кадаристов».

Трактовка событий 1956 г. глубоко разделила венгерское общество, препятствуя его консолидации. Однако процесс национального согласия, начатый в 1989 г. переговорами за общенациональным «круглым столом», затронул и эту область. Сначала ВСРП, а затем ее преемница ВСП предложили оппозиции отметить 23 октября как День национального примирения, напоминающий, что «использование насилия в любой его форме в качестве политического средства непременно ведет к национальной трагедии».

Со своей стороны оппозиция предложила объявить 23 октября национальным праздником и нерабочим днем. Госсобрание, куда был передан этот вопрос, остановилось на первом варианте, назначив на день 23 октября официальную церемонию провозглашения — согласно измененной конституции страны — Венгерской Республики. В полдень 23 октября председатель парламента М. Сюреш под звон колоколов провозгласил Венгерскую Республику.

Во многих местах Будапешта, связанных с событиями 1956 г., провел свои мероприятия «Комитет 23 октября», в состав которого вошли представители более 20 оппозиционных партий и организаций. Там, где проходили наиболее серьезные бои, в частности у здания радио, были открыты памятные доски. Вечером, как и тридцать три года назад, десятки тысяч людей собрались на митинг перед зданием парламента.

Однако в следующем, 1990 г., годовщина казни бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя и его ближайших соратников отмечалась без шумных демонстраций, какие происходили год назад. Венгерской прессой, которая год назад возвеличивала Имре Надя, также было уделено незначительное место годовщине. На этом фоне большое внимание привлекла публикация газеты «Сабадшаг», в которой был обнародован ранее не публиковавшийся

доклад тогдашнего генерального секретаря ВСРП К. Гросса на сентябрьском пленуме ЦК ВСРП 1989 г.

Как явствовало из доклада, основанного, по сообщению Гросса, на подлинных документах, представленных в его распоряжение советской стороной, начиная с сентября 1930 года, вскоре после приезда в эмиграцию в Советский Союз, Имре Надь становится агентом ОГПУ—НКВД, о чем свидетельствует его письменное обязательство. По словам К. Гросса, с 1930 по 1941 г. до начала войны Имре Надь (агент под № С-122) особенно активно сотрудничал с ОГПУ—НКВД. На основании его показаний и донесений, в которых фигурировали в общей сложности около 200 человек, десятки людей, в том числе и венгерские, немецкие, польские эмигранты, были арестованы и осуждены. Позднее многие из них были реабилитированы.

Невольно возникает вопрос: неужели эти документы — чекистская фальшивка? Но, как заявил в своем выступлении К. Гросс, имевшиеся в его распоряжении документы не оставляют сомнения в их подлинности. Хотелось бы надеяться, что эти документы попадут к историкам двух стран и подвергнутся тщательной экспертизе.

Впрочем, если «компромат» и подлинный, то удивляться особенно нечему. Значит, Имре Надь был «верным ленинцем», — так и видится ласковый прищур вождя: «Верной дорогой идете, товарищи!». В 2005 г. в Японии были открыты архивы столетней давности, и выяснилось: Ильич брал у японцев деньги на 1-ю революцию 1903–1905 гг. А то, что *ВОСР* была сделана на деньги германского Генштаба, «об этом каждый камень про Ленина знает». А в Венгрии еще раньше были сделаны соответствующие «оргвыводы»: в 1990 г. с площади перед Чепельским комбинатом в Будапеште силами оппозиционных партий был демонтирован памятник Ленину, который появился здесь в 1958 г. Это было продолжением «великого почина»: венгерская революция 1956 г. началась с демонтажа гигантской статуи Сталина, угрюмо нависавшей над Будапештом...

Подведем предварительные итоги. Ленин — японо-немецкий шпион, Сталин — агент царской охранки, Надь — агент ОГПУ—НКВД... А как теперь быть бедным венграм: «делать жизнь с кого? С товарища Дзержинского?».

Духовным символом нынешней Венгрии является кардинал Йозеф (Йожеф) Миндсенти, мужественно противостоявший тоталитарным режимам, какими бы благозвучными названиями они ни прикрывались. Иосиф Миндсенти родился 29 марта 1892 г. в

Миндсенте, в крестьянской семье. Получив свидетельство бакалавра по окончании лицея, юноша продолжил свое обучение в семинарии и в 1915 г. был рукоположен во священника.

В октябре 1918 г. король Карл IV отрекся от престола, и власть перешла в руки правительства Кароли, а затем коммунистов. После переворота 1919 г. страну возглавил Хорти и оставался на этом посту до 1944 г. В течение этого периода Миндсенти, назначенный настоятелем большого прихода, вел успешную деятельность в приходе и епархии: строил школы, церкви, писал книги. 4 марта 1944 г. он был назначен епископом Веспремским и рукоположен 25 марта того же года, — через несколько дней после вступления гитлеровских войск в Венгрию. Несмотря на военное положение, ему удалось создать 34 новых прихода и 11 школ. В июне 1944 г. венгерские епископы выступили с протестом против преследования евреев, которое правительство вынуждено было проводить под давлением нацистов. В 1944 г. Миндсенти был единственным из священнослужителей, кто открыто выступал против власти ставленников Гитлера — нилашистов. В октябре 1944 г., когда советские войска уже приближались к Будапешту, Миндсенти был арестован комиссаром пронацистского правительства и находился в заключении до весны 1945 г., когда тюремщики бежали, спасаясь от советских войск.

29 марта 1945 г. скончался примас Венгрии, архиепископ Шереди. 15 октября папа Пий XII назначил Миндсенти архиепископом Эстергомским, по традиции становящимся главой венгерской Католической Церкви. Его деятельность протекала в исключительно трудных условиях. Венгерские коммунисты, захватившие власть в стране с помощью оккупационных войск, поставили своей целью в кратчайший срок ликвидировать религию в стране и уничтожить венгерскую Католическую Церковь. Кардинал неустанно защищал права Церкви и своей паствы, обличал незаконные методы воинствующего атеизма, укреплял дух священников и прихожан. Его мужество, жертвенность и любовь к родине способствовали возрастанию его популярности в стране в такой степени, что враги Церкви сочли необходимым его изолировать.

По личному приказу Ракоши он был арестован 26 декабря 1948 г. От него потребовали подписать признание в том, что он находился в связи с разведками враждебных Венгрии стран и совершал незаконные финансовые операции. Ни угрозы, ни истязания не смогли сломить его духа, и его процесс был проведен в 1949 г. на основании

фальшивых документов. Миндсенти был приговорен к пожизненному тюремному заключению, которое с 1954 г. он отбывал в одном из замков.

Ключевой этап биографии Миндсенти — 1956 год. В конце октября восставшие освободили примаса, и 3 ноября вечером, накануне ввода советских войск в Будапешт, последовало его известное выступление по радио, на которое потом так часто ссылались. Обращаясь к нации, кардинал Миндсенти призвал всех воздерживаться от актов мести, от раздоров, не допустить полного краха экономики. Кардинал сформулировал тогда некоторые программные положения, актуальные и для сегодняшней Венгрии: правовое государство, демократическое общество на основе частной собственности, «по справедливости ограниченной социальными интересами».

В то же время Миндсенти категорически заявил, что «стране нужно как можно меньше партий и партийных вождей». Нельзя не вспомнить горькие слова примаса: «Мы нейтральны, мы не даем русской империи повода для кровопролития. Разве руководителям русской империи не приходит в голову, что мы будем гораздо больше уважать русский народ, если он не поработит нас?».

Когда началось кровавое подавление венгерского восстания и стало известно, что за кардиналом Миндсенти идет охота и его намереваются убить, он был вынужден попросить убежища в американском посольстве, где оставался безвыходно до 1971 г. В посольстве США, на площади *Свободы*, он провел 15 лет, отказываясь принять помилование от режима Кадара и мешая американской дипломатии, не говоря уже о Ватикане, «наводить мосты» в Будапеште.

В 1971 г. папа Павел VI, убежденный, что это необходимо для блага Церкви, обратился к нему с просьбой покинуть любимую им родину. После длительных переговоров кардинал согласился на это испытание, которое явилось, по его свидетельству, «самым тяжелым крестом его жизни» и написал папе: «Я смиренно приношу эту жертву к ногам Вашего Святейшества, убежденный в том, что даже самая великая жертва превращается в незначительную, когда речь идет о служении Богу и о благе Церкви».

После долгих переговоров была найдена компромиссная, приемлемая и для этого непреклонного кардинала формула. Ватикану удалось добиться от венгерского правительства разрешения на его выезд из Венгрии. В 1971 г. престарелый примас был переправлен в Рим. Папа принял его в Ватикане, где в то время шло совеща-

ние епископов — Синод 1971 г. — «как брата и исповедника веры». Последние годы кардинал провел в стенах венгерской семинарии «Размалеум» (в Вене), в непосредственной близости от границы своей родины. Там он закончил свои мемуары, которые были переведены на многие языки. Значительная часть текста в русском переводе была опубликована в 1–4 номерах журнала «Континент» (1974 г.)⁵⁰¹.

В 1973 г. папа Павел VI попросил Миндсенти отречься от церковного венгерского престола, но последний, верный своей натуре, не согласился. Папа был вынужден объявить престол вакантным. Скончался кардинал Миндсенти 6 мая 1975 г., в возрасте 83 лет, и был, согласно своему желанию, погребен в Мариацеле, куда веками стекаются многочисленные паломники, чтобы воздать хвалу Пресвятой Богородице. В его завещании было указано, что он готов вернуться в родную страну, «как только красная звезда исчезнет с венгерского горизонта».

Для большинства католиков Миндсенти олицетворял образ свободной, противостоящей коммунизму Церкви. Кардинал Миндсенти был представителем того крыла Католической Церкви, которое никогда не шло ни на какие компромиссы с коммунистической властью. Надо сказать, что положение в Венгрии в этом смысле было далеко не однозначным; высшая иерархия после подавления восстания пошла по пути абсолютной нейтральности во всех политических и социальных вопросах, стараясь взамен за это добиваться хотя бы небольших послаблений, которые облегчили бы ее существование и позволили ограниченную и скромную церковную жизнь — хотя бы литургическую.

Такая позиция вызывала немало критики и недовольства со стороны верующих и части рядового духовенства. Спор о том, как Церковь должна вести себя по отношению к коммунистической власти, в какой мере допустим компромисс с ней, если он — «во благо» самой Церкви и верующих, — это привычное явление почти во всех странах, где коммунисты захватили власть. Венгерская Церковь после шока, испытанного в 1956 г., избрала политику, которую она сама назвала «политикой малых шагов». Ее иерархия и поныне платит за это потерей престижа и доверия немалой части верующих.

В 1990 г. дело Миндсенти, осужденного в конце 1940-х годов, как выяснилось, по личному указанию «лучшего венгерского ученика Сталина» Ракоши, было пересмотрено. Йозеф Миндсенти юридически полностью был реабилитирован, что позволило взглянуть на

биографию репрессированного кардинала несколько шире. Примечательно, что решение о пересмотре дела Миндсенти было принято почти одновременно с установлением дипломатических отношений Венгрии с Ватиканом.

А вскоре был поднят вопрос и о перезахоронении кардинала Миндсенти на родине. Однако в ходе переговоров возникли непредвиденные проблемы. Личный секретарь примаса — Тибор Мецарош до последнего момента возражал против переноса праха кардинала в Венгрию до тех пор, пока последний советский солдат не покинет венгерскую территорию.

Бывший секретарь Миндсенти и еще два человека, приковав себя цепями к его могиле, пытались было воспрепятствовать отправке праха на родину под тем предлогом, что в завещании примаса якобы было указано условие его возвращения — когда последний советский солдат покинет территорию Венгрии. В конце концов представителям Церкви удалось уговорить поклонников примаса... не срывать заранее расписанную во всех деталях церемонию и не чинить препятствий к отправке праха в древний Эстергом, откуда, кстати, к тому времени уже ушла советская воинская часть.

3 мая 1991 г. останки кардинала Йозефа Миндсенти были перенесены из австрийского собора Мариацель в Эстергом, резиденцию примаса Венгрии. На торжественной мессе в соборе Мариацель, где был установлен катафалк с прахом кардинала, присутствовали гражданские власти и иерархи Католической церкви Австрии и Венгрии, в том числе примас Венгрии Ласло Пашкаи. Было отмечено присутствие сына последнего австро-венгерского императора, Отто Габсбурга; в свою очередь его сын Рудольф возглавляет фонд имени кардинала Миндсенти.

Хотя церемония носила церковный характер, на ней выступил премьер-министр Йозеф Анталл. Он говорил о том, что Венгрия возрождается «после полувекового чужеземного гнета и диктатуры», а в заслугу покойному кардиналу поставил то, что Миндсенти своей самоотверженной деятельностью обратил внимание на опасность, угрожавшую всей Центральной и Восточной Европе.

Несмотря на проливной дождь, тысячи венгров сопровождали похоронный кортеж, продвигавшийся под звон церковных колоколов по венгерской земле до Эстергома. Спустя 16 лет прах опального кардинала наконец был предан земле в церковной столице Венгрии — Эстергоме. Церемония собрала несколько десятков тысяч человек. Возвращение на родину кардинала Миндсенти было

воспринято символически как провозглашение правоты тех, кто, как он, никогда на компромиссы не соглашался. Перезахоронение на родине останков кардинала Миндсенти — большая радость и утешение для верующих страны, всегда видевших в нем героя и мученика за правду.

Торжественная церемония перезахоронения состоялась незадолго до предстоявшего официального визита в Венгрию папы римского Иоанна Павла II. И когда летом 1991 г. Иоанн Павел II посетил Венгрию, он, находясь в Эстергоме, молился у могилы кардинала Миндсенти. Место упокоения примаса стало местом паломничества для сотен тысяч венгерских католиков.

Осенью 1996 года, во время очередного визита Иоанна Павла II в Венгрию, римский понтифик снова и снова вспоминал о духовном подвиге кардинала Миндсенти. Кульминацией торжеств, в связи с 1000-летием бенедиктинского аббатства Паннонхальма, стала торжественная вечерня, совершенная папой Иоанном Павлом II в монастырской базилике. В своем слове к братии папа особо подчеркнул, что, празднуя 1000-летний юбилей старейшей венгерской обители, нельзя не вспомнить те времена, когда христиане Востока и Запада были едины. Римский первосвященник призвал братию хранить заветы св. Бенедикта и нести венгерскому народу истинно христианское просвещение.

Утром 7 сентября Иоанн Павел II выехал из Паннонхальмы в город Дьер, где совершил мессу в городском парке. На богослужении присутствовало около 150 000 верующих. Папа напомнил собравшимся о подвигах венгерских новомучеников и исповедников — таких как епископ Вилмош Апор, погибший в Дьере от рук советских солдат, и мужественный борец против коммунистической диктатуры кардинал Йозеф Миндсенти, последние годы жизни которого были самым настоящим крестным путем.

...Сегодня «побежденная» Венгрия обгоняет Россию по уровню жизни. Сегодня венгры — жители Евросоюза — свободно путешествуют по Европе, не испытывая ограничений и унижений, накладываемых на россиян визовым режимом. Сегодня маленькая слабая Венгрия уже забыла о том, что ее граждане могут гибнуть в мирное время, тогда как Россия регулярно собирает трупы своих детей на Северном Кавказе. Следов семьи «бархатного диктатора» Венгрии Яноша Кадара, возглавлявшего республику в 1956–1988 гг., теперь не найти ни в Москве, ни в Будапеште. Его дети покинули страну — дочь (преуспевающая бизнесвумен, живет

в США, а зять работает в представительстве одной иностранной авиакомпании в Канаде⁵⁰².

Возможно, и сегодня кто-то из россиян считает имперскую мощь важнейшей духовной ценностью, а Венгрию, «закабаленную иностранным капиталом», представляет несчастной запутавшейся страной. Однако большинству венгров до этих российских неврозов дела нет. Они не считают себя проигравшими.

Казнимый сумасшествием

На два курса старше нашего в ЛДА учился Лев Конин, родом из Свердловской области. Будучи идейным противником советского режима, он демонстративно подал в соответствующие органы заявление о выходе из советского гражданства и с просьбой о выезде за пределы «соцлагеря». Текст примерно такого содержания:

Я хочу уехать из этой страны, так как я не приемлю официальной советской идеологии, я не верю в коммунизм — он представляется мне нереальной абстракцией — и потому в стране, где провозглашен обязательный принцип коммунистической партийности, я обречен на духовное уничтожение. Без возможности высказывать свои убеждения мне остается только рабское, чисто животное существование.

И это — в закрытом оборонном заповеднике! И, конечно же, Льва посадили в сумасшедший дом. На первых порах ему даже разрешали читать литературу, изданную в Советском Союзе, но запретили ее комментировать больным. (В лагерях для «политических» начальство запрещало выписывать юмористический журнал «Крокодил»: «заклученные смеются антисоветским смехом».)

Аналогичная история произошла в тогдашнем Ленинграде. Вспоминает художник Михаил Шемякин, создавший в середине 1960-х годов крошечную группу «Петербург».

Мы первые имели наглость заявить о себе в 1967 г., положив на стол первого секретаря обкома КПСС Толстикова Манифест о создании нашей группы с совершенно безумными требованиями, что, если нам не дадут мастерскую, мы будем требовать выезда за границу, поскольку «мы — дети мира»... На второй день мы уже были арестованы и сидели у следователя, который орал на нас, глядя на эти бумаги, которые мы имели наглость отнести в Смольный: «Вы воображаете, куда вы пошли и что вы написали?!»⁵⁰³.

Ленинград хоть и наштапигован «оборонкой», но все же город открытый. Тут и консульства, и иностранные туристы. Так что ограничили высылкой, а не «психушкой».

Михаил Шемякин: «Помню, как меня арестовали в аэропорту (хотя меня вроде бы изгоняли из страны — я еще до этого был арестован). Стоя в окружении шесть сотрудников КГБ, я подумал, что, наверное, пал жертвой провокации — т. е. никто меня не собирался изгонять из России, просто разыграли и сейчас мне припишут «попытку выезда» за границу, отберут иностранный паспорт, и я поеду в воронке совершенно в другую сторону. Вы думаете, у меня были страх и разочарование? Нет. Ты вступил с ними в игру и проиграл, но зато сейчас точно поедешь туда, где твой дом — на нарты, к параше — спокойно ознакомиться с новой жизнью, в которой, наверное, будут новые интересные знакомые. Вот такая у нас была психология, потому что терять-то было нечего»⁵⁰⁴.

При Андропове КГБ ввел в повседневную практику злоупотребления психиатрией как метод подавления инакомыслия. Советское правительство еще во времена Хрущева изобрело новый способ обезвреживания своих политических противников, до которого не додумались ни корифеи инквизиции, ни каннибалы гитлеровского и сталинского террора. А с 1967 г. были организованы вновь либо расширены многочисленные психиатрические лечебницы. Без какого бы то ни было суда, не затрудняя себя поисками «доказательства вины» и как будто бы не переступая рамок «законности», психиатры-гебисты получили возможность отправлять людей в заключение на любой срок. В 1977 г. в речи, посвященной памяти первого главы советской тайной полиции, Андропов заявил: «Мы стараемся помочь тем, кто запутался, дать им возможность пересмотреть свои взгляды и избавиться от заблуждений».

Такие красивые слова звучали «наверху». На «среднем уровне» некоторых профессоров увольняли с такой формулировкой: за поиски истины. Одного такого профессора *прорабатывали* на собрании философского факультета ЛГУ: дескать, и не стыдно вам? Разве абстрактная истина бывает? А «низовые» грозили «профилактируемым»: «Прекрати мыслить, а то упрячем в тюрьму».

В психиатрии остаются теоретические посылки, позволившие в свое время использовать ее в немедицинских целях. Главная — концепция так называемой «вялотекущей шизофрении», предложенная А. Снежневским. Болезнь без каких-либо клинических про-

явлений, описанных в психиатрии. «Ничего такого» нет, а диагноз, который тянет за собой шлейф социальных, правовых и иных ограничений, моральную ущемленность, — диагноз есть. Он позволял госпитализировать человека (если это кому-то понадобится), назначить без его согласия лечение и продолжать его сколько угодно.

Так называемая школа Снежневского прежде всего свидетельствовала о глубоком загнивании советского режима и советской коммунистической идеологии. Как известно, основой этой школы является «адаптация» того или иного человека к обществу. Адаптируется — значит нормальный. Не адаптируется — значит ненормальный. Эталон нормального человека объявлялся обыватель, покорный «духу времени», думающий исключительно о своем благополучии.

По этой теории сумасшедшими должны быть объявлены прежде всего сын банкира некто Карл Маркс, сын миллионера Энгельс, сыновья симбирского действительного статского советника Александр и Владимир Ульяновы. О других — о декабристах, князьях и графах, о дочери министра Перовского, о яснополянском графе — мы уже не говорим. Ведь все они не адаптировались к среде. Да еще как не адаптировались!⁵⁰⁵

Теория Снежневского позволяла любое человеческое поведение трактовать в удобном варианте. Ах, тебе не нравится Указ о борьбе с пьянством? В «психушку»! Что, вы думаете, война в Афганистане бессмысленна? Пожалте на учет в психоневрологический диспансер. Так, значит, экономика тяжело больна? Да вы сами душевнобольной. Норма в советском обществе долго подразумевала одобрение *всех* политических и социальных решений.

Такой метод еще в 1920-е годы был описан Е. Замятинным в его пророческой утопии «Мы»: всякий, голосовавший против вождя «Благодетеля», объявлялся сумасшедшим, а голоса сумасшедших не могут идти в счет.

Идет очередной партийный съезд. Фабрики, заводы, совхозы, воинские части в горячем бреду шлют поздравительные телеграммы в адрес исторического, эпохального форума. (Нормальный директор такую телеграмму не пошлет, а умный пошлет.) Пришла такая телеграмма и из психиатрической клиники: «Мы, душевнобольные, как и весь советский народ, одобряем и поддерживаем решения съезда, какими бы странными они нам не казались».

Часть несогласных (читай — опасных для власти) признавалась ненормальной, а особо активных устранили из общественной жизни. «Это была смертельная угроза для правозащитного движения, — пишет Владимир Буковский. — В короткий срок десятки людей были объявлены невменяемыми — как правило, самые упорные и последовательные. То, что не могли сделать войска Варшавского пакта, тюрьмы и лагеря, допросы, обыски, лишение работы, шантаж и запугивания, — стало реальным благодаря психиатрии. Не каждый был готов лишиться рассудка, пожизненно сидеть в сумасшедшем доме, подвергаясь варварскому лечению. В то же время властям удавалось таким путем избежать разоблачительных судов — невменяемых судят заочно, при закрытых дверях, и существо дела фактически не рассматривается. И бороться за освобождение невменяемых становилось почти невозможно. Даже у самого объективного, но не знакомого с таким «больным» человека всегда остается сомнение в его психической полноценности. Кто знает? Сойти с ума может всякий. Власти же на все вопросы и ходатайства с прискорбием разводили руками:

— Больной человек. При чем тут мы? Обращайтесь к врачам. — И подразумевается — все они больные, эти «инакомыслящие».

А следователи в КГБ откровенно грозили тем, кто не давал показаний, не хотел каяться:

— В психушку захотел?

Иногда одной только угрозы послать на экспертизу оказывалось достаточно, чтобы добиться от заключенного компромиссного поведения»⁵⁰⁶.

Показателен случай с одним «инакомыслящим», которому доктор сказал после ареста: «Послушайте, Вы же нормальный парень, неужели Вам в сумасшедшем доме хочется быть? Смените свои политические убеждения!». Уже после перевода в больницу врач сказал жене «пациента», что ее муж «нуждается в лечении, потому что ведет себя не так, как полагается нормальному человеку» (например, «много читает, делает выписки»). Когда же жена несчастного возразила, что «это — не проявление болезни, а система взглядов», доктор ответил: «Может быть, но ему не повезло: он состоит на учете. Поэтому то, что для нормального человека — система взглядов, для вашего мужа — проявление заболевания»⁵⁰⁷.

Фронтовик, философ П. Егидес в 1968 г. написал книгу «Едиственный выход» — его он видел в демократизации общества. В частности, он предлагал, чтобы КГБ занимался своей непосред-

ственной функцией — борьбой со шпионажем, а не идеологической слежкой за мыслями людей.

Сначала ему инкриминировали «клевету на советский строй» (до трех лет), но потом следователь посчитал, что нормальный советский человек не мог выдвигать подобных требований, и посему философа решили отправить на психиатрическую экспертизу, где «установили», что ему требуется принудительное лечение в психбольнице. Слово самому «пациенту».

— Меня, например, спросили, почему я ношу бороду. «Лояльные советские люди этого не делают». Я растерялся и... назвал Маркса, Ленина, Кастро... «Да у него мания величия, паранойя!»

В палате меня предупредили, что всем задают провокационный вопрос о самочувствии. И если человек говорит, что он здоров, то следует заключение — все больные считают себя здоровыми. Если же сказать, что болен, то, естественно, требуется лечение.

Когда профессором Лунцем мне был задан этот традиционный вопрос, я спросил его: «А как себя чувствуете Вы?» — «Что за вздор, я здоров!» — «А говорят, что все больные считают себя здоровыми...» Таким образом я оказался в «психушке»...

Из-за Маркса в «психушке» оказался и другой ученый — преподаватель Ленинградского военно-морского училища. Бедный человек, он обнаружил ошибку в «Капитале». Оказывается, Маркс, не знакомый с теорией множеств (она появилась лишь после его смерти), неверно рассчитал закон прибавочной стоимости. И — уж совсем ненормальный! — этот преподаватель написал научную работу об ошибке Маркса.

Из партии его исключили, с работы сняли. В довершение ко всему поставили психиатрический диагноз. Долгие годы он добивался справедливости; только в конце 1980-х все преследования прекратились, и он был полностью реабилитирован. «Снятие диагноза» проходило со скрипом. Вот отрывок из беседы журналиста с военным врачом-психиатром Г. И. Мишиным, принимавшим участие в описываемых событиях.

— Так Вы считаете, что товарищ Н. психически нездоров?

— Конечно, он не согласен с Марксом!

— Но ведь во всем мире миллионы людей не согласны с Марксом. Они тоже сумасшедшие?

И психиатр задумался над своим диагнозом⁵⁰⁸.

При постановке диагноза психиатры применяли «марксизм-ленинизм» гибко, диалектически. Во время суда над извест-

ным правозащитником свидетель показал: «Григоренко, на мой взгляд, — здоровый человек. Грамотно цитировал Ленина по каждому факту»⁵⁰⁹. Любопытно медицинское заключение о невменяемости другого инакомыслящего: «Мания марксизма и правдоискательства»⁵¹⁰. А один склонный к афоризмам врач-психиатр заявил «больному»: «Мы будем держать тебя до второго коммунизма!»⁵¹¹

... Итак, «диагноз» поставлен, после чего «девианта» помещают не в обычное лечебное заведение, а в спецпсихбольницу. «Спец» — это значит, что она числится не за Минздравом, а за МВД. А где МВД, там и «кураторы» из КГБ. Для тамошних врачей, прикрывавших погоны белым халатом, звонок с Лубянки значил больше, чем клятва Гиппократ. Надо — набросятся и на своего, из своей «стай». В 1988 г. Борис Ельцин рассказывал слушателям высшей комсомольской школы: «Я был прикован к постели, приказали через полтора часа быть на пленуме, врачи накачали меня лекарствами. Что в меня вливали?.. Говорю врачам: “Вы нарушили клятву Гиппократ”, а они мне: “У нас свой Гиппократ”. Я многое не помню»⁵¹².

О том, как в 1970-х годах «лечили» в Казанской спецпсихбольнице, вспоминает правозащитник Петр Петрович Старчик.

В самом начале врачи предлагали мне замечательный вариант. Мне говорили: «На Вас пришли документы, и мы обязаны Вас пролечить. Но если Вы признаете себя душевнобольным и дадите нам гарантии, что больше не будете заниматься листовками, то лечение будет формальным. Вы даже не будете замечать лекарств, а при выходе поблагодарите нас». Это была формула выхода, от которой я отказался. Я не мог признать свои убеждения бредом. Меня уговаривали недели две. Потом терпение лопнуло: «Ах, Вы здоровый человек? Тогда Вы узнаете, что для Вас приготовлено!» Меня скрутили санитары, вошла медсестра со шприцем, и лечение началось.

Это было страшно. Большие дозы «лекарств» действовали мучительно, мне даже трудно описать, что я чувствовал. Мое «я» уходило от меня. Мучительное раздвоение души. Требовалось колоссальное внутреннее усилие, чтобы удержать сознание. От других «лекарств» мышцы сводило страшной судорогой, и все тело перекашивало. На обходе я говорил о своем состоянии, но слышал неизменное: «Нет-нет, Вы еще больны, мы Вас будем лечить». Соседи по палате, больше похожей на камеру, убеждали

меня смириться. Они говорили, что я ничего не добьюсь, что меня «залечат» до такой степени, что я действительно сойду с ума.

И я в конце концов уступил. На очередном обходе я сказал в ответ на вопрос о моем самочувствии: «Спасибо, доктор, мне хорошо!» Это был условный сигнал, что ты просишь пощады. После этого дозы лекарств снижаются, а через некоторое время их снимают совсем. Потом ты в этой клетке ждешь выписки. Но и на выписке еще окончательно проверяется, как ты перевоспитался. Выписывала меня московская комиссия, куда входили все те же светила: Луц, Ландау и другие. Вот уже заканчивается комиссия. И Ландау задает вопрос: «Как Вы думаете, Старчик, Вы все-таки в тюрьме или в больнице?». А мы сидели рядышком, со стороны могло показаться, что мы дружески беседуем. И я ему молча на решетку показываю: видите? И он оставил меня еще на полгода»⁵¹³.

Палачи в белых халатах подходили к своему делу творчески, с огоньком. Владимир Буковский вспоминал об одном таком враче-садисте — Позднякове: «У того было два излюбленных приема: «три на пять» и «галифе». «Три на пять» — это три укола сульфазина по 5 кубиков каждый, два в ягодичы и один под лопатку. После такой процедуры наказанный чувствовал себя словно на кресте распятым — ни рукой, ни ногой пошевелить нельзя от боли. И температура 41. «Галифе» называлась процедура накачивания физраствора в ляжки, от чего они раздувались действительно, как галифе. Боль адская, и ходить невозможно. Какой уж это имело психиатрический смысл — не знаю»⁵¹⁴.

С 9 декабря 1946 по 20 августа 1947 г. в Нюрнберге проходил судебный процесс над 23 эсэсовскими врачами и учеными-медиками, которые обвинялись в осуществлении медицинских экспериментов над заключенными концлагерей. 16 подсудимых были признаны виновными и семь оправдано. Семеро были приговорены к смертной казни через повешение, пятеро — к пожизненному заключению и четверо — к различным срокам заключения⁵¹⁵. А на «восточном фронте — без перемен»...

Не нужно думать, что до эпохи психиатрического террора карательные органы чурались пыток. Вот рассказ старого лагерника; московская тюрьма, 1940-е годы.

...Зверские пытки, знаменитая «ласточка». Неприятная процедура. Кладут на живот, руки связывают с ногами. Вербками под-

тягивают к потолку. Раз-два, раз-два. Пока не лишишься чувств. Потом обливают водой. Каждый раз, когда приходишь в себя, первое, что видишь — пожилого врача в белом халате, с интеллигентным лицом, в пенсне; ощупав пульс, врач говорил: «Можно продолжить»⁵¹⁶.

Как сказал поэт, «бывают странные сближенья». В том же Свердловске, где жил Лев Конин, власти «загнали в клетку» другого Льва — Аркадия Сингха (сингх — в переводе — лев). Он был индус по происхождению, но с детства жил в СССР, в Свердловске. Работал инженером. Лет двадцать не мог он получить квартиру и ютился с женой где-то в подвале. Наконец, совершенно потеряв терпение и надежду, он сделал плакат «антисоветского содержания» и с ним пошел к обкому партии. О том, что с ним было дальше, рассказывает Владимир Буковский.

Вокруг Сингха собралась большая толпа: кто сочувствовал, кто просто любопытствовал узнать, что выйдет. Толпа росла, и получилось уже что-то вроде демонстрации. Власти заволновались, вежливо пригласили Аркадия войти в обком, дружески побеседовали, обещали дать квартиру, а затем вывели через черный ход, посадили в машину — якобы чтобы не возбуждать толпу — и отвезли прямо в тюрьму КГБ.

И этот вот Сингх, когда узнал, что его признали сумасшедшим, чуть действительно с ума не сошел. «Как же так? — рассуждал он. — Меня же смотрели врачи-специалисты. Они лучше знают. И если они установили, что я сумасшедший, значит, так оно и есть. Я просто сам этого заметить не могу». Он постоянно спрашивал других «сумасшедших», не замечают ли они за ним каких-нибудь странностей, надоедливо рассказывал, какие он обнаружил у себя симптомы, и так нервничал, что по всему телу у него пошла экзема»⁵¹⁷.

Льву Конину повезло в том отношении, что он не боролся с режимом, а лишь хотел освободиться от его мертвящей хватки. Ему не ставили диагноз типа: «Констатируются идеи реформаторства, в частности переустройство государственного аппарата, в сочетании с идеями переоценки собственной личности, идеи мессианства, элементы параноидного толкования отдельных фактов». И Лев не подвергался «интенсивной терапии», после чего «исчез элемент жертвенности и мессианства»⁵¹⁸.

Тем не менее после курса «лечения» и у Льва появилось «правильное критическое отношение к своим противоправным действи-

ям; он соглашался с мыслью о необходимости терпеливо и настойчиво работать по их преодолению». Иначе Льва просто бы не выпустили из «клетки»...

...Пройдя принудительный курс лечения в спецпсихбольнице, Лев Конин приехал в Ленинград и поступил в ЛДС. Несмотря на разрушительное действие нейролептиков, он не утратил ясности ума, успешно закончил ЛДА и защитил кандидатскую работу на тему: «Богословские воззрения пастора Дитриха Бонхеффера (опыт православной оценки)» (Л., 1973). Жертва карательной психиатрии, он написал трактат о жертве гитлеровского режима...

В середине 1970-х годов о. Лев снова «впал в немилость» к «органам». «На Литейном» уже «сейф ломился» от компромата на священника-вольнодумца. Ведь он давал читать своим знакомым «Вехи» и (о, ужас!) Бердяева! А еще он был «связан» с художниками-неформалами, которые, в свою очередь, сами были «под колпаком». Тогдашняя богема почувствовала, как железная хватка «Комитета» чуть ослабла.

Гитлер, имевший симпатии к реалистическим направлениям искусства, полностью отвергал любые современные формы и течения от экспрессионизма до кубизма, расценивая их как Vertallskunst — «вырождающееся искусство». В 1936 г. он поручил президенту Имперской палаты изобразительных искусств профессору Адольфу Циглеру возглавить специальную комиссию, которая должна была провести чистку более чем 100 музеев Германии с целью реквизировать все образцы декадентского искусства. Комиссия собрала 12 890 произведений изобразительного искусства, из которых 700 было продано в Люцерне, принеся солидные валютные дивиденды для начавшей военное перевооружение Германии. Сюда попали полотна величайших европейских мастеров — Пикассо, Гогена, Матисса, Сезанна, Ван Гога и др.»⁵¹⁹

Гонения на абстракционистов усилились при Хрущеве. «Абстракцисты! Пидарасы!» — кричал Никита Сергеевич в 1962 г. на встрече с художественной интеллигенцией. После скандальной «бульдозерной» выставки в Москве (сентябрь 1974 г.) «искусствоведы в штатском» решили «не возражать» против открытия вернисажа неформалов в доме культуры «Невский». В доме Льва Конина хранились картины, которые привезли в Питер иногородние «низкопоклонники Запада».

Но некоторые из «абстракционистов» не оценили то доверие, которое им оказала партия, Комитет и лично товарищ Андропов. В один

из дней 1976 г. двое из них — Юлий Рыбаков и Олег Волков — ночью прокрались на Заячий остров и на стене Петропавловской крепости метровыми буквами намалевали антисоветский лозунг, что-то вроде: «КГБ — душитель свободы». Тысячи сотрудников были брошены на поиски «врагов народа»; пересерстили всю агентурную сеть, но без результата. А через неделю «народовольцев» взяли по наводке: накануне они в компании спьяну сами проболтались о своей художественной «акции».

«Большой дом» не хотел «поднимать шум», и на следствии «пачкунам» был предложен выбор: сесть придется все равно, но можно пойти по «тяжелой» 70-й статье (политика), а можно по бытовой (хулиганство — «порча памятников архитектуры»). «Петрашевы» быстро сломались, пошли на сотрудничество со следствием и «разоружились перед партией». И на суде все сводили к пьяному куражу.

Правда, со свидетелями были «накладки». Вызывают такого, и он начинает: «Еду я, значит, по набережной. Посмотрел на Петропавловку, а там на стене, мать честная! написано...»

Судья: Не называйте!!! Достаточно!! Следующий!

Льва Кониная тоже тягали в качестве «свидетеля по делу». И следователь-чекист нутром почуял: не наш человек! В доме близ железнодорожной станции «Удельная», где жил тогда Лев, был сделан обыск — изъяли «литературу». На «статью» это не тянуло, но по церковной линии Льву «прижали хвост»: уполномоченный снял его с регистрации, и опальный клирик уже не мог служить на приходе в Коломягах.

Владыка Никодим не мог идти «против рожна», но он поддерживал о. Льва не только морально, но и материально. В течение года загнанный Лев получал от митрополита ежемесячный «оклад» — 200 рублей. (Тогдашних, не теперешних. В те годы — это две зарплаты младшего научного сотрудника.) Владыка «не замечал», когда о. Лев отправлялся к знакомому священнику на дальний приход послужить на Родительскую субботу и на двенадцатые праздники. (А там день — месяц кормит.)

Приходя к владыке на прием, о. Лев подолгу ожидал своей очереди в коридоре академии. Многие знали о его нелегкой судьбе и на всякий случай держались подальше. А тех, кто отваживался с ним заговорить, опальный Лев спрашивал: «А Вы не боитесь?».

Но долго так продолжаться не могло, и «органы» начали выдавливать его в эмиграцию. Во время очередного «профилактирова-

ния» комитетчик недвусмысленно намекнул об этом «гражданину Кониному».

— Все мы ходим под Богом. И всякое может случиться. Например, сбить машина из-за угла. Или кирпич на голову упасть. И не надо испытывать судьбу! — Отец Лев пытался протестовать, он не хотел уезжать. Евреи едут в Израиль, немцы — в Германию. Это их право. Как и право каждого человека — ехать, куда ему нравится. Но куда же бежать русскому человеку? Ведь другой России нет. И почему должны уезжать мы? Пусть Брежнев с компанией катится на Кубу или в Северную Корею!

Но о. Льву пришлось покинуть страну и перебраться во Францию, после чего он подвизался на одном из приходов Западноевропейского экзархата.

Такие вот трагические судьбы: больные люди с расшатанными нервами, с изломанными судьбами и с искаленной психикой... Надо ли говорить о том, что все они могли подвизаться в стенах академии благодаря заступничеству митрополита Никодима, который «взял все на себя»?

Впрочем, очаги этой «психопатологии» тлеют кое-где и сегодня. Ведь недаром психиатры шутят в своем кругу: «Нормальных людей нет, а есть недообследованные». С таким вот «недообследованным» мне пришлось столкнуться при написании этой книги.

Маститый протоиерей, настоятель одного из соборов в Санкт-Петербурге, он в 1960–1970-х годах «колыхался на местном материале» и часто общался с владыкой Никодимом. При встрече прошу его поведать о каком-либо интересном эпизоде из жизни святителя. Наморщив лоб, он сумел вспомнить только лишь один эпизод.

— Летим с владыкой за границу; дело было Великим постом. Стюардесса подает ему рыбу, а мне — цыпленка. Смотрю на митрополита, а он мне: «Ешь, в дороге — «разрешение на вся»!

... Екатерина Ивановна всю жизнь проработала в доме отдыха, где бывали многие известные люди, в том числе и писатели, и хотела продиктовать «уникальные» воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой. Они сводились к следующему: «Бывала у нас Ахматова. В столовую ходила как все. Первое кушала и второе, и компот пила». «Ну а еще что-нибудь Вы о ней помните?» — «Обед никогда не пропускала, первое кушала и второе...» — «Ну, хотя бы выглядела как?» — «Да как все люди!» — с раздражением отмахнулась Екатерина Ивановна. «А вот раз была на завтрак запеканка...»⁵²⁰

Через неделю при встрече сообщаю: цыпленок вставлен в текст, так что он «войдет в историю». В глазах «источника» испуг и смятение сменяется гневом.

— Отец архимандрит! Я запрещаю Вам писать про цыпленка. Слышите!

(Видимо, лихорадочно просчитал в уме, как настоятель-конкурент прот. В. из соседнего собора будет бегать с книгой и кричать: «Вот! Отец Н в посту ест цыплят!».)

На мое предложение: имя о. настоятеля убрать, а цыпленка оставить — немотивированная вспышка злобы и визг на весь алтарь:

— Нечего тут разводить КеГеБе!

Типичный *проговор* «по Фрейду»: так карманник, схваченный за руку, кричит: «Держите вора!» Как сказали бы психиатры, «это клиника, это лечат, но если есть желание»...

Писатель Юрий Нагибин занес в свой дневник такие строки (запись от 7 апреля 1982 г.): «Выработался новый тип человека... Это сплав душейшего мещанства, лицемерия, ханжества, ненависти к равным, презрения к низшим и раболепства перед властью и силу имущими; густое и смрадное тесто обильно приправлено непросвещенностью, алчностью, трусостью, страстью к доносам, хамством и злобой... Порода эта идеально служит задачам власти. Нужна чудовищная встряска, катаклизм, нечто апокалипсическое, чтобы нарушились могучие сцены и луч стыда и сознания проник в темную глубину»⁵²¹.

Целых 17 лет владыка Никодим не рукополагал «недообследованного» в священный сан (он знает, почему). Лишь при митрополите Антонии его начали продвигать по ступеням церковно-административной лестницы; после долгих лет ожидания он «взял свое». И теперь при его появлении в храме по алтарю идет испуганный шепот: «Сегодня отец настоятель не в духе!».

Раз в неделю «девиант» приезжает в академию «на требы» — читать лекции, водя пальцем по странице чужого пособия. Ко входу в здание его привозят на соборной иномарке; за рулем — персональный шофер. По коридору, набычившись, шествует вальяжно — как архиерей.

Но надо видеть нашего «хамелеона» при архиерейском богослужении! На лице — глуповатая улыбка, а в глазах — смесь настороженности и страха. Прямо по предписанию Петра I: «Когда идешь к начальству, надобно делать вид лихой и придурковатый». Одна-

жды во время богослужения протоиерей Алексей Довбуш закрыл царские врата чуть раньше, чем следовало. Иподиаконы кинулись к нему со всех ног.

— Отец Алексей! Там же протоиерей N остался!

— Ничего! Этот в любую щель пролезет!

— Так калечила людей наша «солнечная система»...

«Летучий голландец»

В 1977 г. в стенах академии произошло «ЧП районного масштаба». В тот год свою преподавательскую деятельность мне, по благословению владыки, приходилось совмещать с дежурствами в должности помощника инспектора. На третьем курсе академии, в числе прочих студентов-иностранцев, учился православный голландец Теодор ван дер Фоорт (в обиходе — Федор). Судьба этого человека — сюжет для особого рассказа. Римокатолик по крещению и воспитанию, химик по светскому образованию, в итоге своих углубленных богословских штудий он расстался с католичеством, перешел в Православие и отправился в Ленинград, где поступил в духовную академию. И вот почти три года учебы позади; приближается весенняя сессия, а там, глядишь, ему пора думать и о теме кандидатского сочинения...

Слышу стук в дверь каморки, где ютились тогда дежурные помощники. На пороге стоит Федя с обходным листком в руке.

— Что такое, в чем дело?

— Я должен вернуться в Голландию.

— В разгар учебного года?! Почему?

И, немного помявшись (все равно терять нечего!), Федор поведал детективную историю. Оказывается, у себя на родине он подвизался в одной из правозащитных организаций. Тамашние борцы защищали права негров в Южной Африке, жертв Пиночета, опальных диссидентов в Советском Союзе и т. п. По-видимому, это стало известно «органам», и они взяли Федю в «оперативную разработку». Оказалось, что Ван дер Фоорт не только сидел на лекциях, но и «вступил в преступные отношения» с бывшим уголовником, который помог ему осуществлять «нелегальную деятельность». «Подпольщики» засняли на пленку стену с вышками, обнесенную колючей проволокой. Это была зона общего режима в ближнем пригороде Ленинграда; политикой здесь и не пахло. Да и блатной «пра-

возащитник» был, по-видимому, «подставой», а Федор, как сельский шахматист, купился на чекистскую «трехходовку». Иначе как объяснить, что обоих «подельников» «взяли с поличным» на частной квартире именно в тот момент, когда они сушили проявленную пленку на бельевых веревках?

Комитетчики порой устраивали «объектам разработки» проверку «на вшивость». Помню, как удивился перед первой поездкой за границу. Подходит ко мне один диакон (ныне — известный протоиерей) и вдруг, ни с того ни с сего, начинает вкрадчивую беседу:

— Читал Ваши статьи в «Журнале Московской Патриархии». Пишете хорошо. А не хотели бы тиснуть статейку в «Вестник РХД»? Можно под литературным псевдонимом. Так сказать, проба пера...

...Вызволять Теодора из чекистских застенков выпало на долю Николая Тетерятникова — старшего иподиакона владыки Никодима. «Большой дом» соглашался закрыть дело, если Ван дер Фоорт напишет «покаянку» и согласится сотрудничать с КГБ. А если нет, то — в 24 часа из Союза. «Шестерки из пятерки» (Четвертый отдел 5-го Главного управления) долго уговаривали голландца («надо, Федя, надо!») облегчить свою участь чистосердечным признанием вины «перед советским народом, перед органами и лично перед товарищем Андроповым». (Прямо как Ленин в Горках: «Я, кажется, крепко виноват перед рабочим классом и перед трудовым крестьянством...») Но Федор сказал: «Не хочу» и был вынужден расстаться с академией, городом на Неве и страной. Постепенно приходить в себя «летучий голландец» стал только в самолете, взявшем курс на Амстердам...

Каких сил и нервов эта история стоила владыке, можно только догадываться. А вскоре в софронском «Огоньке» появилась статья о блестящей операции КГБ по разоблачению «идеологической диверсии» на Обводном, 17 — за полтора года до скоропостижной кончины святителя...

А в ленинградской печати это было подано так: «В мае 1977 г. из СССР был выдворен стажер Ленинградской духовной академии, подданный Голландии Теодор Ван дер Фоорт, уличенный в выполнении заданий НТС и религиозно-пропагандистской организации «Славянская миссия»⁵²².

Эти строки содержались в статье, опубликованной в «Ленинградской правде» 20 декабря 1977 г., «к 60-летию советских органов государственной безопасности». Автор, скрывшийся под псев-

донимом «В. Михайлов», опубликовал свою статью под «вредительским» заголовком: «Имя им — чекисты». Откроем Евангелие от Марка, 5-я глава. «Когда вышел Иисус из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом... Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мрк., гл. 5. ст. 2, 8–9).

Понятно, что «В. Михайлов» «семинариев не кончал», но при наркоме Ежове это не спасло бы его от «высшей меры» — за «клевету на органы».

Шли годы, в стенах академии сменялись поколения студентов. Теодор перешел в юрисдикцию Парижского экзархата Константинопольской Патриархии, принял сан священника и кроме того стал секретарем Европейской протестантской и старокатолической комиссии по оказанию помощи Церквам и верующим Восточной Европы. И вот, в середине 1990-х годов, о. Федор приехал в Россию и посетил родную alma mater. Но не как «блудный сын», а на «белом коне»: в качестве благодетеля, сопровождавшего груз с «гуманитаркой». Восседаая за обедом на почетном месте в академической трапезной, он выслушивал от администрации слова благодарности за «матпомощь». И мало кто уже помнил о том, что о. Федор когда-то «числился за Комитетом» и чуть было не дал слабину: «Я шел на 190-ю, на 70-ю я не шел»...

Кто-то из читателей может воскликнуть: ну зачем же обрисовывать все в темных тонах и нагнетать атмосферу ужаса? Ведь было и в те годы много светлого и радостного! Согласен, займусь самокритикой и выдвину против себя самого «обвинительное заключение»: «Автор все время вязнет в мелочах, в нанизывании одной бирюльки на другую, отчего создается впечатление, что он не видит общей картины движения и не хочет видеть ее. Это тяжелый, монологичный, одномерный человек, говорящий без умолку, не дающий собеседнику вставить слово. Автор создает атмосферу обвинения и комиссии по расследованию, а стиль его напоминает протокол следователя, замусоренный придуманными мертвыми словами, создающими завалы, какой-то бурелом, через который невозможно пробиться к смыслу»⁵²³.

И сразу же покаюсь: эти слова позаимствованы. Они принадлежат одному литературному критику, который тявкнул на «Зубра» — Александра Исаевича Солженицына, после того, как тот опубликовал двухтомник «Двести лет вместе». И если этот же «ди-

агноз» окажется верным в отношении моих скромных заметок — почти за честь.

«Кесарю — кесарево»

В трудные 1960-е годы владыка Никодим защищал право Церкви совершать богослужения. Невероятное раздражение власти вызывали богослужения, привлекавшие большое количество верующих. Власть как бы говорила: «Пожалуйста, служите себе в отдаленном храме, когда пожилые люди поют на клиросе, и верующие того же возраста присутствуют в храме. Не служите так, чтобы все видели красоту и силу Церкви».

Два раза в год — 1 мая и 7 ноября — приходилось «платить по счетам». В актовом зале — торжественное собрание; в президиуме — митрополит Никодим, викарный епископ, ректор, уполномоченный Жаринов. Справа от президиума, на стене — портрет Ленина. После лекции о международном положении (лектор приглашался из Общества «Знание») хор учащихся исполняет «завизированные» песнопения. В 1960-е годы пели и такое:

Вихри враждебные реют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

И все при этом многозначительно поглядывали на Ленина и Жаринова, бывшего «особиста».

«Владыка Никодим на богослужение собирал множество иподьяконов, студенческие хоры, молодое духовенство, — пишет митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). — В этой связи владыку обвиняли в популизме, в тщеславии, в том, что он тешил свое самолюбие, когда устраивал пышные богослужения. На самом деле внешняя сторона богослужения никогда не являлась для митрополита Никодима самоцелью. Владыка говорил: “Триумфальная пышность и величавая торжественность только тогда оправданы и необходимы, когда являются средством, чтобы через внешнее благолепие послужить внутреннему устройству душ, верных Богу, но вместе с тем даже и тогда, когда они необходимы, епископ должен иметь апостольскую простоту и внутреннее смирение”. Богослужения митрополита Никодима собирали до 10–12 тысяч человек, что являлось необычным зрелищем для Ленинграда,

колыбели большевистской революции. Те, кто посещал эти богослужения, никогда не были потом безразличны к Церкви»⁵²⁴.

Однако и здесь надо было платить «дань кесарю». В Пасхальную ночь кафедральный Николо-Богоявленский собор переполнен молящимися. Милицейские кордоны отсекали молодежь еще на подходе к ограде храма; за богослужением теснятся старушки и старички. На клиросах, где попросторнее, — «епархиальная элита» — делопроизводители, матушки (жены священников) и прочая церковная общественность. Допуск на клиросы — по пригласительным билетам, их число строго ограничено. А уж пробиться в алтарь — об этом лучше и не заикаться. Там молятся «особы, приближенные к митрополиту»: лечащий врач, шофер, староста, члены «двадцатки».

Отдельно стоит группа «невоцерковленных» и со снисходительным любопытством наблюдает за действиями «церковников». Это — лекторы-атеисты из общества «Знание», мордастые инструкторы райкомов, «сидящие на идеологии», гэбисты, «курирующие» епархию. А они-то как проникли в «святая святых»? А очень просто — по пригласительным билетам. Накануне Пасхи десяток-другой «контрамарок» полагалось отвозить уполномоченному, а уж он распределял их среди «спецконтингента». Так бывшие «особисты» действовали и в других епархиях, омрачая светлый праздник.

«Особисты» начали свою кровавую работу еще при Ленине. Сохранились яркие страницы, описывающие переживания заключенного, попавшего в камеру смертников.

В страшную камеру под сильным конвоем нас привели часов в 7 вечера. Не успели мы оглядеться, как лязгнула засов, зашкрякала железная дверь, вошло тюремное начальство, в сопровождении тюремных надзирателей.

— Сколько вас здесь? — окидывая взором камеру — обратился к старосте начальство.

— Шестьдесят семь человек.

— Как шестьдесят семь? Могилу вырыли на девяносто человек, — недоумевающе, но совершенно спокойно, эпически, даже как бы нехотя, протянуло начальство.

Камера замерла, ощущая дыхание смерти. Все как бы оцепенели.

— Ах, да, — спохватилось начальство, — я забыл, тридцать человек будут расстреливать из Особого отдела.

Потянулись кошмарные, бесконечные, длинные часы ожидания

смерти. Бывший в камере священник каким-то чудом сохранил нагрудный крест, надел его, упал на колени и начал молиться. Многие, в том числе один коммунист, последовали его примеру. В камеру доносились звуки расстроенного рояля, слышны были избитые вальсы, временами сменявшиеся разухабисто веселыми русскими песнями, раздирая и без того больную душу смертников — это репетировали культпросветчики в помещении бывшей тюремной церкви, находящейся рядом с нашей камерой...⁵²⁵

Но на этом «отступное» завершалось — до следующего «табельного дня». Владыка Никодим знал меру и не давал «темным силам» переступить условную черту. Хотя сам он порой бывал заложником советского дипломатического протокола. Так, однажды владыка должен был вылететь в Афины для участия в работе Третьего Всеправославного совещания на острове Родос (с 1 по 15 ноября 1964 г.). Вспоминает архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин).

Помню, что на эти дни пришлось празднование Октябрьской революции. Так как эти дни попадали на субботу и воскресенье (заседаний в эти дни не было), то митрополит Никодим решил поехать на эти дни в Афины, на прием в посольство СССР. Он заявил нам о своем намерении во время обеда. «Владыко, не делайте этого, — сказал я ему, — Вас все будут осуждать. Скажут, православный митрополит предпочел официальный прием общению со своими братьями. В воскресенье, кроме литургии, предполагается поездка на пароходике в монастырь на остров Сими, Вам будет интересно и даже полезно для общего дела. Вы сможете пообщаться с участниками Совещания». Владыка Никодим ничего не ответил, но в Афины не поехал, а послал вместо себя одного из переводчиков⁵²⁶.

Раз в десять лет все «социально чуждые» должны были отдавать «кесарю» долги в особо крупных размерах. Осенью 1927 г. в Советской России праздновалось «10-летие Октября», и большевики, чувствуя свою «нелегитимность», нуждались в моральной опоре. Именно в том году у митрополита Сергия (Страгородского) «вырвали» текст декларации о лояльности советскому режиму.

Возникает вопрос: был ли удавшийся октябрьский переворот революцией? Это зависит от того, что понимать под словом революция. Если понимать революцию, как некое прогрессивное, народное и освободительное движение, то, конечно, ленинский переворот 1917 г., как и гитлеровский переворот 1933 г., были не

революциями, а контрреволюциями. Как гитлеровский переворот опрокинул демократическую Веймарскую республику, так ленинский переворот опрокинул самое демократическое, но, увы, слабое Временное правительство. С точки зрения политических понятий, октябрьский переворот надлежит характеризовать как захват власти кучкой хорошо организованных заговорщиков, пользовавшихся исключительно трудным положением страны и правительства.

... В декабре 1926 г. митрополита Сергия перевели в Москву, во внутреннюю тюрьму ГПУ, где он был до марта 1927 г. Лето 1927 г. Репрессии нарастали. В это время в заключении одновременно было 117 епископов. Но митрополита Сергия освобождают. Затем он получил право жить в Москве, хотя до ареста таким правом не пользовался. В конце 1927 г. митрополит Сергий издал указ № 549 об обязательном поминовении за богослужением советской власти и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Накануне 10-й годовщины революции сергиевский Синод разослал всем епархиальным управлениям специальную молитву за советскую власть⁵²⁷.

Московская патриархия была «задекларирована» 60 с лишним лет. И лишь в 1990 г. Архиерейский собор Русской православной Церкви заявил: «Мы... вовсе не считаем себя связанными... Декларацией 1927 г., сохраняющей для нас значение памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи... Мы вовсе не намерены идеализировать этот документ, сознавая и его вынужденный характер». А в интервью газете «Известия» в 1991 г. Святейший Патриарх Алексий II сказал: «Заявление митрополита Сергия, конечно, нельзя назвать добровольным, ибо ему, находившемуся под страшным давлением, пришлось заявить вещи, далекие от истины, ради спасения людей. Сегодня же мы можем сказать, что неправда замешана в его Декларации... Декларация не ставит Церковь в правильное отношение к государству, а, напротив, уничтожает ту дистанцию, которая даже в демократическом обществе должна быть между государством и Церковью».

А вот как, например, дожимали адвентистов седьмого дня. В 1927 г. на страницах ноябрьского номера адвентистского журнала «Голос истины» была опубликована программная статья под названием «Десять лет назад и теперь», с реверансами богоборческому режиму. Далее следовало стихотворение (на мелодию «Псалмы

Сиона», № 2), предназначенное для хорового пения в молитвенных домах. Там были такие строки:

Вот десять лет уже минуло,
России люд свободен стал,
Народы рабства цепь свергнули,
И Церкви гнет со всех упал.
Нас провиденье посетило
И чрез соввласть освободило.

Соввласть путь правый указала
Всем людям в эти десять лет
И всем на деле указала:
Над совестью уж гнета нет.

Так «опустили» несчастных «сектантов», а еще через три года они стали «отработанным материалом». «В настоящий момент уже ни одна типография Советского Союза не печатает, ни один наборщик не набирает ханжеских текстов адвентистских заправил. Рабочие-печатники единодушно отказались содействовать дальше одурачиванию трудящихся масс. Перед сомкнутым фронтом печатников адвентистские вожаки оказались беспомощными», — отмечалось в советской прессе в 1930 г.

Тяготы Великой Отечественной войны заставили советских вождей пересмотреть свое отношение к религии. И рабочие-печатники снова стали набирать церковные тексты. Сегодня любопытно перелистать пожелтевшие страницы 11-го номера «Журнала Московской Патриархии» за 1947, 1957, 1967, 1977 и 1987 гг. И прочитать тексты патриарших поздравлений, адресованные «глубокопочтимому Иосифу Виссарионовичу» (1947 г.), «глубокоуважаемому Николаю Александровичу» (Булганину), «дорогому Георгию Григорьевичу» (Карпову; 1957 г.)...

В параллель. Из отчета Совета по делам религии за 1974 г.:

«В целях патриотического воспитания будущих пастырей используются и другие возможности. Уполномоченные Совета с помощью местных органов власти проводят систематическую политическую работу среди преподавателей и учащихся духовных школ, используя для этого индивидуальные и *доверительные* беседы, оказывая содействие руководству школ в подборе лекторов, кинофильмов, проведении других массовых культурно-просветительных мероприятий.

Так, например, в Одесской семинарии проведены следующие лекции:

- «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за осуществление программы мира, выработанной XXIV съездом партии»,
- «В. И. Ленин и культурная революция»,
- «Коммунистическая мораль об отношении к труду и социалистической собственности»,
- «Воспитание нового человека — важнейшая задача коммунистического строительства»,
- «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания»,
- «Единство партии и народа — ключ всех побед коммунистического строительства»,
- «Внутренняя и внешняя политика КПСС — выражение насущных интересов народа» и др.»⁵²⁸.

А мы все причитаем: Штрих-код! Число зверя!.. И все это было на «канонической территории» тогдашнего экзарха Украины — митрополита Филарета (Денисенко; в расколе — монах Филарет, агентурная кличка — Антонов). В те годы в актовом зале Одесской семинарии висели друг против друга портреты Щербицкого и митрополита Филарета (Денисенко). Коммунистический вождь Украины и ее православный архипастырь смотрели один на другого с полным пониманием.

Правда, жизнь потом посмеялась над одесскими партайгеноссе. В конце 1980-х годов их начали, как волков, обкладывать красными флажками. Многие стало можно, но осторожно. В потоке разоблачений органов советской власти стала попадаться информация о коррупции в госбезопасности. Но всегда — в извинительной форме: «... не удалось узнать, на какие деньги бывший работник Одесского областного КГБ Бобовский... уволенный из органов госбезопасности, устраивал пышные застолья с коньяком и икрой прямо в тюремной камере»⁵²⁹. Автор настаивает: «бывший сотрудник», «уволненный из органов»...

Но после 1991 г. «волков», обложили уже не «красными флажками», а «желто-блакитными». Вот что сообщалось об этом в «перестроечной» прессе.

Одесса — второй город на Украине после Львова, где местные власти повели самую решительную борьбу с советским монументальным искусством, в частности, с памятниками В. И. Ленину.

Сколько памятников Ленину — так и хочется почему-то сказать: действующих памятников — находится в небольшой Одессе? Как оказалось, ни много ни мало, а ровно 104! Об этом в интервью киевской газете «Час-Тайм» сообщил одесский мэр Эдуард Гурвиц.

Еще в середине февраля 1996 г. господин Гурвиц направил официальное письмо премьер-министру Украины Евгению Марчуку, в котором испросил разрешения убрать стоящий в центре Одессы, на нынешнем Куликовом Поле — бывшей площади Октябрьской революции, возле здания бывшего обкома компартии Украины гигантский памятник вождю мирового пролетариата.

При этом мэр Одессы напомнил главе украинского правительства, что еще в 1992 г. тогдашний президент Украины Л. Кравчук распорядился демонтировать в республике всю символику бывшего СССР. И вот теперь городские власти твердо решили выполнить никем не отмененное распоряжение. В связи с чем они планируют перенести скульптуру Ленина на территорию бывшего парка Ленинского комсомола, а ныне Савицкого парка. Здесь будет создан своеобразный музей под открытым небом, экспонатами которого станут одесские монументы, бюсты, мемориальные доски эпохи развитого социализма.

В вышеупомянутом интервью киевской газете «Час-Тайм» мэр Одессы Э. Гурвиц также отметил, что в городе продолжается изгнание с улиц советских названий. Им возвращаются прежние исторические имена. В частности, господин Гурвиц рассказал, что улица Бебеля, где находится здание бывшего областного управления Комитета государственной безопасности УССР, а ныне — Службы безопасности Украины, была переименована в улицу Еврейскую. Однако новое название вызвало у начальника Одесской СБУ генерал-лейтенанта Кожемякина столь сильное раздражение, что он приказал запереть главный вход в здание и открыть боковой, расположенный в переулке Грибоедова, и на бланках Одесской СБУ появился новый адрес: переулок Грибоедова.

Однако, по словам Э. Гурвица, в ближайшее время улица Боттева станет улицей Грибоедова, а переулок Грибоедова решено переименовать в переулок Романа Шухевича, близкого соратника Степана Бандеры, числившегося в советские времена нашим заклятым врагом. Таким образом, Одесская СБУ, на здании которой, кстати, городские власти намерены установить мемориальную доску в память жертв репрессий КГБ, окажется перед

серьезным выбором: то ли находится ему официально на улице Еврейской, то ли — в переулке Шухевича⁵³⁰.

Расположенный на уютной Греческой улице, Одесский русский драматический театр долгое время носил имя Иванова. Одесситы шутили в том смысле, что таким образом подразумевался зашифрованный Рабинович. Но на самом деле речь шла о вполне конкретном Андрее Иванове, революционере, особо отличившемся в ходе «окаянных дней». Эту именную прибавку никто, собственно, не отменял, но «символическая» фамилия постепенно просто-напросто стыдливо улетучилась с афиш и программ.

...Экзарху всея Украины оставалось ждать благоприятного часа, чтобы архиерейский жезл сменить на патриарший — и в 1990 г. Его Блаженство оказался как никогда близок к исполнению заветного помысла. Когда скончался патриарх Пимен, митрополит Филарет был избран Местоблюстителем престола Патриарха Московского и всея Руси, что по принятому в Русской православной Церкви в советскую эпоху обыкновению истолковывалось как окончательное подтверждение неоспоримого права на патриаршее достоинство. Случилась, однако, осечка: Поместный собор выбрал другого, и Его Блаженству пришлось оставить намеченный переезд из Киева в Москву, с Пушкинской улицы — в Чистый переулок.

Свою верность советскому режиму «блаженнейший» сохранял до самой его агонии. В день путча 19 августа 1991 г. в проповеди «агент влияния Антонов» сказал, что в стране «началась нормализация жизни». И это в то время, как шел распад партийно-гегемонского монстра, который поразила гангрена — «Антонов огонь».

Но порой и в Ленинграде счет складывался в пользу системы. Вторая половина 1960-х годов. На должность инспектора Ленинградской духовной академии владыка назначил доцента-протоиерея Иоанна Белевцева — честного и порядочного человека. Будучи человеком прямолинейным и резковатым, о. Иоанн не желал идти на «доверительный контакт» с уполномоченным и общался с ним с явной неохотой. «Гриша» начал давить на владыку, требуя заменить непокладистого инспектора на «позвоночного» — выполняющего его команды по телефонному звонку. «Позиционное преимущество» было на стороне Жаринова, и митрополит был вынужден сделать «рокировку». Накануне летних каникул о. Иоанн подал владыке прошение об отпуске. Резолюция была такова: «Прошение удовлетворить, с освобождением от должности инспектора ЛДА». С точки зрения формальной логики — абсурд. Но есть еще и нефор-

мальная. Блестящий специалист в области истории Русской православной Церкви был сохранен для науки, вскоре получил звание профессора. А на должность инспектора («мальчика для битья») был поставлен более контактный, начинающий молоденький о. Владимир Сорокин. . .

Вскоре семинаристов начали «прокачивать» через крейсер «Аврора» и в плановом порядке учить патриотизму. А кто уклонялся от «корабельной повинности», тот попадал в черный список. Навивные экскурсанты с крестиками на шее робко спрашивали: как корабельные орудия могли помочь восставшим в ходе боев, ведшихся в уличных лабиринтах? Разве что бабахнуть по Зимнему? (Рекорд, достойный книги Гиннеса: один выстрел — и 70 лет разрухи.) И только в эпоху гласности был получен ответ: «Аврора» стояла под парами на случай подавления большевистского переворота. Взяв на борт Ульянова, Троцкого, Зиновьева и К°, крейсер должен был свалить в Швецию, к тамошним социал-демократам. . .

«Шум — шир» («снят — назначен»)

В начале 1970-х годов ректором ЛДАиС был епископ Тихвинский Мелитон (Соловьев). Участник Великой Отечественной войны, он к тому времени уже достиг преклонного возраста, и руководить сложным академическим хозяйством ему становилось все труднее и труднее. Реальную административную власть сосредоточил в своих руках инспектор-протоиерей Владимир Сорокин, и владыка Никодим должен был мириться с этим. Но всему есть предел, и осенью 1974 г. последовал «шум — шир». (Так наши студенты-эфиопы говорили об очередном перевороте: «снят — назначен».)

Мне довелось быть невольным свидетелем этого события. В то время митрополит Никодим находился в своей подмосковной резиденции на излечении от очередного инфаркта. Но и из Серебряного Бора он руководил «кадровыми перестановками».

... Слышу звон колокольчика и поднимаюсь на второй этаж. Владыка просит набрать ленинградский номер и соединить его с викарным епископом Мелитоном. Передаю трубку архиерею и деликатно направляюсь к выходу. Но святитель делает знак рукой: можно остаться, особых секретов нет.

Начинается диалог: мягко, но настойчиво владыка дает понять епископу Мелитону, что «ресурс исчерпан», и ради пользы дела нужно подать в отставку. По всему чувствуется, что на другом

конце провода — некоторое смятение: вроде бы и пора отдать часть нагрузки, но, как-никак — это если и не удар, то щелчок по самолюбию. Минут десять ушло на уговоры, прежде чем владыка Мелитон «сломался». (Еще несколько лет, вплоть до своей кончины, он по-прежнему был викарным архиепископом, и оставил у всех знавших его добрую о себе память.)

Половина дела сделана, и теперь на проводе «Руссикум» — Русский колледж, расположенный вблизи Папского Восточного Института (Рим). У телефонной трубки архимандрит Кирилл (Гундяев), представитель Русской православной Церкви при Всемирном совете церквей (штаб-квартира в Женеве). Тон разговора несколько иной: просительные, увещательные нотки сменяются приказом: сворачивать работу в Женеве и возвращаться в Ленинград: как говорится, «Вас ждут великие дела!».

Не дерзну домысливать содержание беседы по репликам митрополита Никодима, и тем более приводить ее «на строке». Хочется надеяться, что когда-нибудь Высокопреосвященный Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский, выкроит время из своего плотного расписания и напишет неформальные, личные воспоминания о своем авве. Без сомнения, его мемуары представят колоссальный интерес как для современников, так и для будущих церковных историков. А тогда, осенью 1974 г., о. Кириллу пришлось покинуть добрую старушку Европу и вернуться на родину, где тоскливо тянулись годы брежневского правления: «маразм крепчал».

Время показало, что решение митрополита Никодима было верным и своевременным. Энергично приступив к новым обязанностям, о. Кирилл, образно выражаясь, широко «распахнул окно», и в здание академии ворвался свежий очистительный ветер. Он вывел протоиерея Владимира Сорокина из кресла инспектора на Волково кладбище. (Для нескольких поколений студентов и воспитанников ЛДАиС о. Владимир был зловещей фигурой.) Желая подсластить горькую пилюлю новоиспеченному настоятелю кладбищенской церкви св. Иова *многоглаголюющего*, владыка Никодим дал ему как «довесок» звание профессора (без защиты магистерской диссертации) и провел через Синод соответствующий указ.

При митрополите Антонии опальный протоиерей снова пошел в гору и дорос до настоятеля Николо-Богоявленского кафедрального собора. (Но он не удовлетворился «частичной реабилитацией», и в 1987 г. занял должность ректора ЛДАиС, — снова въехал в Академию на «белом коне».)

Приняв на себя ректорские обязанности, архимандрит Кирилл провел своего рода инспекционную проверку. Присутствуя на экзаменах, он выявлял уровень знаний не только студентов, но, косвенно, и преподавателей. Однажды он пришел на экзамен по сравнительному богословию, которое в те годы преподавал прот. Н. И вот о. ректор слышит, как семинаристы, один за другим, в своих ответах несут несуразицу, переходящую в околесицу, а потом и в ахинею.

— Полный бред! Откуда вы это взяли?

— А так в конспекте написано!

Автор конспекта сидит рядом и смущенно хлопает глазками. «Нехороший» конспект был изъят из обращения, а прот. Н освобожден от сложного для него предмета. (Как-то студентам в переводном тексте-подстрочнике встретился термин: «Патриарх экуменикос» (греч. — вселенский). Спрашивают отца-наставника: что это значит? А тот, ничтоже сумняшеся: «Да у них там, во Всемирном совете Церквей, экуменических патриархов — как собак нерезанных!»)

За прот. Н оставили преподавание литургики в семинарии, где все попроще: знай себе зубри: «В кафизме три славы... В кафизме три славы...». Но семинаристы и здесь его «достали». Читает, например, прот. Н строго по конспекту: «В византийскую эпоху патриарх, как и император, носил горностаевую мантию». И тут вопрос: «А что такое «горностай»?

— А это такие маленькие птички. Они живут в *горах*, летают *стаями*...

Вот несколько «перлов» из его «застольных бесед»:

— Саша, стойте так, чтобы я вас всегда мог послать!

Поварихе: Мать, поставь хрен настоятелю!

В этот вечерний день я хочу приподнять этот тост...

Нынче прот. Н. — наша гордость; он был сделан профессором. Профессор Н. — звучит примерно так же как «кошерная свинья отбивная».

На должность инспектора ЛДА был назначен протоиерей Василий Стойков (ныне — заслуженный профессор). Ровесник митрополита Никодима, о. Василий — один из самых уважаемых членов профессорско-преподавательской корпорации. Во время своего пребывания в городе на Неве владыка держал «на контроле» не только епархию, но и академию. Как-то ему срочно понадобился о. Василий, но поиски инспектора затянулись. Кто мог предполагать, что

последует внезапный вызов? Наконец «отыскался след его», а владыка уже «на взводе».

Первый вопрос: «Где так долго пропадали?». Долго и нудно объяснять — это еще больше накалять атмосферу. Ответ был предельно краток: «Пропадал и нашелся» (Лк. 15, 24; слова из евангельской притчи о блудном сыне). Владыка рассмеялся и «закрыл тему».

Кабинет «референта» находился в те годы рядом с кабинетом митрополита. Все знали, что это офицер КГБ «действующего резерва» — такие были во всех крупных предприятиях, за исключением, быть может, банно-прачечного комбината. Митрополит должен был согласовывать с ним целый ряд вопросов, таких как визиты иностранных церковных делегаций (прием, размещение, транспорт) и т. п. Но владыка всегда «держал дистанцию» и не допускал в глубину души «Контору Глубокого Бурения».

После кончины святителя многое изменилось. Если владыка Никодим по-гроссмейстерски играл с «органами» в «шахматы», то его преемник — в «шашки», причем еще и в «поддавки», как сельский любитель. Референт теперь присутствовал на каждом малозначительном совещании. Идет, например, речь о визите иностранных гостей в кафедральный Николо-Богоявленский собор. Референт, делая пометку в блокноте, озвучивает написанное: «Визит в КНБС». Митрополиту Антония передергивает, но он лишь жалобно просит: «Не надо так! Святитель Николай обидится!».

Товарищ Сталин учил: по мере продвижения к социализму классовая борьба в стране будет обостряться. А 1970-е годы — это эпоха *развитого* социализма, т. е. — кругом одни враги. Значит, нужно усилить бдительность и не смыкать глаз ни днем, ни ночью. Вспоминает один из сторожей, работавших при академии.

В три часа ночи раздается гудок. Сторож-богослов спрашивает: как выглядит из будки: в машине за рулем референт, а рядом в шляпке под вуалью — «незнакомка». Дело сторожа — открыть ворота и впустить машину во двор. И держать язык за зубами. Может, незнакомка — это «радистка Кэт» и она знает шифры? Конспиративная встреча в кабинетике референта затянулась (пароли, инструкции из Центра, адреса, явки, клички). В общем, «антигитлеровская коалиция». (В 1934 г. Гитлер издал особый приказ, в котором членам СА запрещалось употребление спиртных напитков, противозастенные половые связи, автомобильные прогулки, распутство и вечеринки)⁵³¹. (Говорят, что

в юбилейном 1970 г. красные следопыты обнаружили в Ленинграде конспиративную квартиру Ленина, о которой не знала даже Крупская). Властный гудок раздался у будки сторожа только в 5 утра...

Но бессонные ночные вахты не помогли удержать страну от распада, и через десять лет самым коротким определением состояния советского аппарата в период «перестройки» стало сравнение с пожаром в публичном доме во время наводнения...

... Пасхальная заутреня закончилась, и «допущенные к столу» приглашаются в архиерейские покои. Двери открываются, и перед гостями предстает митрополит Антоний. После продолжительного богослужения у него побаливают ноги, и требуется поддержка. Рядом с болящим — референт, тут же и келейник, но архиерей «опирается на органы»: он нуждается в «сильной руке».

В те годы в академических кругах ходила такая байка. Митрополит Антоний звонит по телефону референту.

— Христос воскрес, Игорь Анатольевич!

— Так, понял! Когда? Записываю...

— В Великую субботу, Игорь Анатольевич!

— Хорошо, разберемся. Перезвоните через полчаса.

А вскоре референт «пошел на повышение» и занял должность декана ФИСа (факультет иностранных студентов). Такое «искушение святого Антония» владыке Никодиму не могло привидеться даже в самом страшном сне... Студенты-иностранцы прекрасно знали: «референт» — это «оперативное прикрытие». У них была своя шутка: самое безопасное место для разговоров — у кабинета референта. Сам себя он ведь не прослушивает...

Впрочем, это была замена «шила на мыло»: его предшественник был не намного лучше. Сын репрессированного священника, протоиерей N хорошо усвоил нехитрую премудрость: «Люби органы, помогай органам, и органы помогут тебе». В начале своей карьеры, еще в сане *просто* диакона, о. N был «внедрен» в один из городских соборов. И тогда кто-то из «внешних» по-дружески предупредил настоятеля: «Будьте осторожны с о. N».

Вспоминает протоиерей Игорь Мазур.

Едем по епархиальным делам в Москву. В купе — еще двое из епархии: протоиерей N и «референт». Референт кивнул N, и тот («понимаю!») вышел в коридор: «что-то в купе душно». «Дышал» он целый час, а в это время референт вел «задушевку» с о. Игорем, — сулил ему «все царства мира и славу их» (Мф. 4, 8). Но

все было напрасно — искушаемый стоял на своем: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (ст. 10). Тогда оставляет его референт, и тут деликатный стук в дверь купе: «Я не помешаю?».

Простоватый протоиерей N был притчей во языцех в профессорско-преподавательских кругах. При упоминании его имени в ходе каких-либо богословских дискуссий все многозначительно переглядывались и прятали улыбки. Однажды рассказываю в профессорской какую-то забавную историю с подтекстом. Все смеются, один N растерянно хлопает глазками. Комментирую «неполиткорректно» (каюсь): «Все поняли юмор. Только один о. N не понял». А он в ответ: «Нет, я юмор понял, только я не понял, в чем юмор». И снова взрыв смеха...

Впрочем, протоиерей N сам любил пошутить. Вот образчик его юмора. После праздничного богослужения в соборе — трапеза, за которой присутствуют почетные гости из штаба Балтийского флота. Разговор заходит об «ударе возмездия». Не ручаясь за детали, но они в данном случае не важны. Вице-адмирал «доверительно» сообщает: если наша АПЛ (атомная подводная лодка) произведет пуск ракеты, находясь на боевом дежурстве в Атлантике, то ядерная боеголовка «накроет» Нью-Йорк. Но если, к примеру, ракета стартует с акватории Баренцева моря, то не долетит. Протоиерей N: «А если мы с причтом соборно помолимся, то, по молитвам святителя и угодника Божия Николая Чудотворца, — долетит!»

И такой вот служака в течение ряда лет был деканом ФИСа — «курировал» иностранных студентов.

По прошествии нескольких лет, когда многие иностранцы «остепенились» и разъехались по приходам, мне доводилось при встрече с ними вспоминать наше житье-бытье в стенах ЛДА. Прямолинейный и резковатый о. Никон (Якимов) (Гаага): «Отец N? Чекист в рясе!». Далекий от дел ФИСа, я сначала удивился. Ну, думаю, здесь что-то личное, наверное «не сошлись характерами».

В конце 1990-х годов, когда «заслонка» уже открылась, еду как частное лицо в Эфиопию. В Аддис-Абебе захожу в Патриархию — ведь когда-то учился вместе с эфиопскими студентами — интересно встретиться, поговорить. В канцелярии, за столом, знакомое лицо, но не одноклассник, а уже мой бывший студент, чудом выживший в годы «красного террора» при Менгисту Хайле Мариаме. Русский язык еще не забыл, но на вопросы отвечает сдержанно.

— А кто у вас был деканом ФИСА? Протоиерей N?

— Не надо про него! Слышать о нем не хочу! Чекист в рясе!

Вот так они, в паре с референтом, учили иностранцев «родину любить»: от Гааги до Аддис-Абебы...

А в Московском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы все было без «камуфляжа». В те годы там был проректор, фактически политкомиссар, ответственный за работу со студентами-иностранцами. Это был наглый тип, на котором потрепанный костюм сидел, как на корове хомут. Но были влиятельные люди, которым этот стиль тридцатых годов нравился как воспоминание молодости. Этот проходимец, едва окончив самый обычный пединститут, пристроился в партаппарат и тут же вошел в контакт с органами. Они-то и рекомендовали его на пост секретаря парткома Университета дружбы. Посекретарствовал пару лет и вышел в проректоры, а весь его студотдел — филиал органов. Так он и олицетворял там, в университете, и партаппарат, и «соседей»⁵³².

Однако вернемся к нашему референту. «Недолго музыка играла...», и вскоре декан-референт пал жертвой подковерной борьбы «рыцарей плаща и кинжала». Беднягу сожрали свои же, и в его кабинете-пенале угнездился другой «засланный казачок». Но наступали новые времена; из актового зала академии потихому убрали портрет Ильича. А новенькому референту предложили освободить кабинет — «для нужд епархии», но утешили: зарплата по-прежнему будет «капать». А месяца два спустя в бухгалтерии ему сказали: «А Вас нет в списке»...

... Прошло несколько лет; разворачиваем газету и не верим своим глазам: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Пс. 117, 22). В официальном сообщении — имя того самого «референта», вычеркнутого из епархиального списка: он утвержден в должности шефа УКГБ — ФСБ (или как оно тогда называлось?) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области! Правда, в то смутное время в высоких креслах подолгу не засиживались, и наш «питомец» вскоре сошел с круга. А потом дошли сведения о том, что он принял крещение от того самого «чекиста в рясе»...

... Владыка Никодим всячески помогал новоназначенному ректору, и вскоре о. Кирилл был возведен во епископа, а через некоторое время — во архиепископа. За десять лет его ректорства (1974–1984) число студентов и воспитанников удвоилось; была достиг-

нута договоренность о возврате второй половины здания академии, долгие годы занятая посторонней организацией. Условие: построить для соседей, учебного комбината, новый дом (в Купчино). При ЛДАиС было открыто регентское отделение. (Теперь студенты уже в стенах академии могли знакомиться со своими будущими избранниками и, по окончании духовной школы отправляться на приход: батюшка — пастырь, матушка — регент хора). «Процесс пошел» уже после кончины владыки Никодима. Но начало ему было положено в Серебряном Бору, на второй просеке...

«Архиерей наш Никодим...»

Несмотря на свою загруженность, владыка иногда находил «просвет» в своем рабочем календаре и порой присутствовал на экзаменах в качестве ассистента.

... Среди студентов третьего курса прошел слух: на экзамене по истории Русской православной Церкви будет сам митрополит. Наутро слух подтвердился: нас просили из аудитории пройти на первый этаж, к кабинету митрополита. Наш профессор-протоиерей Иоанн Белевцев — «суров, но справедлив», и студенты к нему привыкли. А как отвечать в присутствии самого митрополита? Особенно волновались «люди архиерейстии», — они знали: с митрополитических иподиаконов спрос еще строже! Но все обошлось: пятерки, четверки и редко — тройки.

В параллель. Прошли годы, и вот уже мы с коллегой-ассистентом принимаем экзамен у студентов нового поколения. Внезапно дверь открывается, и в аудиторию входит митрополит Антоний (Мельников). Протянув руку для лобызания, он приказывает пропустить вне очереди двух своих иподиаконов. В аудитории им как-то непривычно: вечно занятые «на послушании в покоях», они забегают сюда только в дни сессии.

Два иподиакона митрополита играли после отбоя в шахматы в профессорской. Проходя мимо профессорской, дежурный помощник инспектора заинтересовался пробывающим оттуда светом и зашел «на огонек». Увидев такую неподобающую картину, он спросил у братьев их фамилии. Один ответил: «Карпов», другой сказал: «Каспаров». На этом и разошлись. «Арбитр» понял, что его разыграли, только на воспитательском совещании.

Итак, экзамен. Первый из антониевских иподиаконов начинает что-то бормотать, читая текст по чужой шпаргалке и переверивая

даты, названия, имена. Пытаюсь вклинить, но звучит властное: «Достаточно! Второй вопрос!» Экзаменационная ведомость в руках архиерея; не вслушиваясь в галиматью своего протеже, он ставит напротив его фамилии «пятерку».

Для второго — тот же «режим продавливания» и тот же вышедший балл. Спектакль окончен; внизу листа появляется архиерейская подпись, после чего «действующие лица» удаляются. И мы с ассистентом начинаем настоящий экзамен, с настоящим опросом и оценками, вносимыми в настоящую ведомость. А та, с двумя фамилиями и одной подписью, и сегодня хранится где-то в архиве академической канцелярии. . .

Этот комплекс — «наших бьют!» — сложился у митрополита Антония к началу 1980-х годов. Принимая экзамен у митрополичьих иподиаконов, честный и принципиальный профессор-протоиерей Василий Стойков поставил каждому из них «неуд»; впоследствии они с трудом пересдали экзамен на «тройку». «Легкоранимый» архиерей воспринял это как «камень в свой огород» и самовольно, без санкции Учебного комитета (Москва), освободил о. Василия от должности инспектора ЛДАиС. «Черную дыру» надо было заткнуть, и его выбор пал почему-то на меня, хотя я трижды отказывался и каждый раз предупреждал о. Василия, что над его головой сгущаются тучи. Но в 1982 г. мне все же была всучена бумага о назначении на эту «собачью» должность, по-прежнему без санкции Учебного комитета.

После кончины «дорогого Леонида Ильича» (1982 г.) к власти в стране пришел шеф КГБ Юрий Андропов, и чекисты почуяли, что их время снова настало. Вмешательство в церковные дела усилилось; «референт, что из органов», играя на амбициях и эмоциях правящего и викарного, стравливал их, как бешеных собак. Не желая участвовать в «схватке бульдогов под ковром», ровно через два года, отбыв оговоренный срок, я отпасовал обратно «протухшую кость» и ушел с должности инспектора ЛДАиС.

Митрополит не мог осознать: как это можно добровольно выпасть из «номенклатурной обоймы» и расстаться с креслом, которое мечтают занять многие из начинающих? Его обвинительно-оправдательные упреки наталкивались на мой ответ:

— Я же понимаю, от Вас ничего не зависит. . . Я же понимаю, Вы ничего не решаете. . .

И ведь не возразишь! Все так!

Наконец прошение об отставке подписано, аудиенция законче-

на. На прощание цитирую слова, начертанные на могиле негритянского пастора Мартина Лютера Кинга, убитого в американском Мемфисе: «Свободен! Наконец-то свободен!». То ли правящий не расслышал «про Кинга», то ли «не владел материалом», но его реакция была неадекватной: «А при чем здесь немецкая Реформация XVI-го века?»

Отношения с правящим архиереем были разорваны; с подачи «Большого дома» (питерский филиал «Лубянки») он писал донос за доносом в Учебный комитет, требуя вообще убрать меня из академии и перевести на самый дальний приход — в Сегежу (Карелия). Но тогдашний председатель Учебного комитета — митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (ныне — Святейший Патриарх) — складывал «телеги» в «долгий ящик» с резолюцией: «Нельзя разбрасываться кадрами».

Для «комитетчиков» Учебный комитет был как кость в горле. Власти крайне болезненно воспринимали любые попытки Церкви вести духовное просвещение и рассматривали православные учебные заведения только в качестве «кузницы кадров» для Русской православной Церкви. Один из поступков, совершенных будущим Патриархом на должности главы Учебного комитета, с точки зрения властей мог выглядеть как скрытый вызов атеистическому режиму. Архиерей осмелился «переманить» на работу в свой комитет дипломатического служащего, сотрудника советского посольства в Греции, ныне известного церковного деятеля, председателя Отдела религиозного образования и катехизации Московского патриархата игумена Иоанна (экономцева).

. . . И вот экзамен, митрополит Антоний «прикрывает своих парней»: «Ну как не порадовать родному человечку!». Смех сквозь слезы. . . Но юмор еще и в том, что только на экзамене мне стало понятно, что это его иподиаконы. . . Надо ли говорить о том, что при митрополите Никодиме и быть не могло таких вот «епархальных придурков»? И лесковская прибаутка: «Архиерей наш Никодим — архилютый крокодил», — это явно не про владыку Никодима. Других имен называть не буду, чтобы каждый читатель сам смог проявить свои аналитические способности.

Отойдя от части дел, связанных с ОВЦС, владыка Никодим смог уделять больше внимания академии. В своих речах с академической кафедры он говорил о цели богословского образования,

о задачах семинарии и академии, об обязанностях наставников и учащихся. Неоднократно он подчеркивал необходимость связи богословия с жизнью, «которая удерживает умозрение от удаления в бесполезную для дела спасения область отвлеченных рассуждений». Пример истинного богословия он видел в святоотеческом богословии, величайшее достоинство которого в том, что оно «развивалось не отрываясь от Апостольского Предания, основываясь на Божественном Откровении и соответствовало запросам жизни».

В те годы в перечне церковных дисциплин были такие «классово чуждые» предметы, как «Конституция СССР» и «История СССР» («кесарю — кесарево»). Долгие годы эти предметы вел отставной офицер Щелоков (другок уполномоченного Жаринова). Речь его была бедна, но очень колоритна. Он постоянно употреблял солдатские словечки «ядрена вошь» и «палена мышь». Так, на занятиях он хорошо поставленным зычным командирским голосом возглашал: «И тогда коммунистическая партия, ядрена вошь, взяла власть в свои руки, палена мышь!». Студенты так и прозвали Щелокова — «палена мышь», а преподаватели именовали его «Ас-модей». Вот несколько лекционных перлов Щелокова.

— Как известно, Карловацкий раскол образовался в Карловых Варах, потому так и называется...

— Почему у нас учатся эфиопские студенты? Эфиопская Церковь — молодая, она недавно образовалась, и мы должны ей помогать...

Кажется, еще чуть-чуть, и: «Партия учит, что в начале было Слово...».

И вот, на этом фоне, владыка Никодим приступил к чтению лекций по истории Русской православной Церкви в ее новейший период (после 1917 г.) Это сегодня сонм исповедников, «умученных от большевиков», причислен к лику святых РПЦ. А в те годы эту тему нельзя было даже затрагивать, и читать этот курс приходилось «сбалансированно». И тем не менее владыка, в рамках допустимого, смог поведать студентам правду о тех «расстрельных» годах.

Но вот звенит звонок на перемену. Преподаватели собираются в профессорской на полдник; сюда входит и владыка, — как рядовой педагог, с журналом в руках. Официантки подают чай и сдобу. За столом благоговейное молчание; всех несколько сковывает присутствие архиерея: ведь не каждый день видишь его вблизи. Да и владыке неудобно начинать разговор ни о чем. Понимая всю деликатность ситуации, беру на себя роль посредника: в недавнем

прошлом — митрополичий иподиакон, ныне — молодой преподаватель. Завожу разговор на какую-либо тему, «представляющую взаимный интерес». Завязывается живая беседа, и напряжение быстро спадает.

С ЛДА владыку Никодима связывали особые отношения. В 1950 г. он поступил на заочный сектор Ленинградской духовной семинарии, затем, по окончании семинарии, учился на заочном секторе академии, которую окончил в 1955 г. В 1959 г. за курсовое сочинение на тему «история Русской духовной миссии в Иерусалиме» ученым советом ЛДА архимандриту Никодиму была присуждена ученая степень кандидата богословия.

Будущий Патриарх всея Руси Алексий II поступил в Ленинградскую духовную семинарию в 1947 г.; окончил Ленинградскую духовную академию в 1953 г. — на два года раньше архимандрита Никодима. Это — по «богословской части». А по церковной «счет» был сначала в пользу владыки Никодима. В 1961 г., будучи уже архиепископом, владыка Никодим постриг в монашество о. Алексия, настоятеля Успенского собора г. Тарту. В дальнейшем их пути к вершинам церковной власти шли параллельным курсом, но в 1978 г. митрополит Никодим «сошел с дистанции»...

Профессор Н. Д. Успенский — наставник владыки Никодима

Ко времени вступления владыки на Ленинградскую кафедру еще были живы те преподаватели, которым молодой студент из рязанско-ярославской глубинки когда-то сдавал экзамены. А к началу 1970-х годов из них уже почти никого не осталось в живых. «Последним из могикан» был Николай Дмитриевич Успенский, доктор церковной истории, заслуженный профессор Ленинградской духовной академии.

...1917 г. изменил многое в жизни Николая — сына сельского священника. В годы гражданской войны Николай Дмитриевич служил в Красной армии. После демобилизации в 1922 г. поступил в Петроградский богословский институт, где обучался до 1925 г. После окончания Богословского института Н. Д. Успенский представил в Совет Высших богословских курсов кандидатское сочинение «Происхождение чина агриппии, или всенощного бдения, и его составные части», за которое был удостоен ученой степени кандидата богословия. На основании представления профессора А. А. Дмитриевского Советом Высших богословских курсов Нико-

лай Успенский был оставлен при кафедре литургики профессорским стипендиатом. С сентября 1927 г. по сентябрь 1928 г. Николай Дмитриевич был секретарем Совета Высших богословских курсов.

1 сентября 1928 г., после закрытия Высших богословских курсов, Николай Дмитриевич поступил учиться в Государственную академическую капеллу, которую окончил в июне 1931 г. с квалификацией дирижера хора и учителя пения. В 1932 г. поступил в Ленинградскую государственную консерваторию, которую окончил в 1937 г. В 1938 г. Н. Д. Успенский был приглашен на должность преподавателя полифонии в консерваторию, а с 1 сентября 1939 г. назначен директором Музыкального педагогического училища, которым руководил до его закрытия в августе 1942 г. Работу в училище он совмещал с преподаванием в консерватории. В годы Великой Отечественной войны Н. Д. Успенский принимал участие в защите осажденного Ленинграда. В 1941 г. он был тяжело контужен.

Выпало на долю Николая Дмитриевича и немало других испытаний. Арестовали его отца, и это вызвало умственное помешательство у матери, которая убегала из дома к Финляндскому вокзалу и там обращала на себя внимание криками: «Увели моего батюшку!».

В 1945 г. Н. Д. Успенский начал преподавать на Ленинградских богословско-пастырских курсах Церковный Устав, с 1946 г. он — доцент Ленинградской духовной академии по кафедре литургики. В 1947 г. Николай Дмитриевич был удостоен звания профессора Духовной академии по кафедре литургики, а в 1949 г. он защитил диссертацию на тему «Чин всеобщего бдения в Греческой и Русской Церквях» и Советом ЛДА был удостоен степени магистра богословия. В 1957 г. Советом Московской духовной академии за труд «История богослужебного пения Русской Церкви (до середины XVII века)» Н. Д. Успенский удостоен степени доктора церковной истории.

Н. Д. Успенский совмещал преподавательскую деятельность в Духовных школах и Ленинградской консерватории. Это не понравилось тогдашнему руководству консерватории, и в 1954 г. профессору предложили оставить Академию, пообещав повысить зарплату. Николай Дмитриевич ответил на это предложение в характерной для него манере: «Если бы я хотел разбогатеть, то не стал бы профессором, а пошел бы торговать в пивной ларек». Из консерватории он ушел и ограничился исполнением должности профессора и заведующего кафедрой литургики в Ленинградской духовной академии.

Прошло еще несколько лет, и владыка Никодим стал активно привлекать своего учителя к участию в международной церковной деятельности. Будучи членом Комиссии Священного синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений, Н. Д. Успенский принимал активное участие в диалоге христиан разных вероисповеданий. Николай Дмитриевич многократно был участником международных конференций и встреч, выступал с докладами на богословских собеседованиях с представителями других исповеданий, принимал участие в дискуссиях по вопросам, подвергавшимся межконфессиональному обсуждению. В 1963–1968 гг. Николай Дмитриевич был членом Комиссии при Священном синоде по разработке каталога тем, предложенных Первым Всеправославным совещанием на о. Родос в 1961 г. для будущего Всеправославного Собора.

Признанием заслуг профессора Н. Д. Успенского явились церковные ордена святого равноапостольного князя Владимира II и III степени и Преподобного Сергия Радонежского II и III степени, которых он был удостоен священноначалием Русской православной Церкви, а также многочисленные награды Антиохийской, Иерусалимской и других поместных православных Церквей.

Авторитет Н. Д. Успенского как крупнейшего ученого литургиста был признан не только в нашей Церкви, но и в других православных и инославных Церквях. 25 февраля 1967 г. Фессалоникским университетом им. Аристотеля за научную богословскую деятельность профессор Николай Дмитриевич Успенский был удостоен степени почетного доктора. 18 октября 1968 г. Свято-Владимирской Духовной семинарией в Нью-Йорке за научные труды в области истории русского церковного пения удостоен почетной степени доктора богословия. 20 мая 1982 г. был он избран почетным доктором богословского факультета Сербской православной Церкви. Московская духовная академия за большие заслуги профессора Н. Д. Успенского избрала его своим почетным членом⁵³³.

С Николаем Дмитриевичем Успенским наш курс (выпуск 1975 г.) встретился на лекциях на третьем году обучения в академии. Уже тогда мы воспринимали маститого профессора как живое предание. Ходили легенды о его строгости, о том, как почтенные протоиереи дрожали у него на экзаменах и, как нашкодившие школяры, прятали шпаргалки в рукава ряс.

Конец 1960-х — начало 1970-х годов — это время нехватки духо-

венства на приходах, даже притом, что число действующих храмов было невелико. А если студент академии избирал иноческий путь, имел деловую хватку и «живость ума», то перед ним открывался путь в архиереи. Так что долго в преподавателях способные клирики не задерживались: год-другой на академической кафедре, после чего ее сменяла кафедра епископская. По этому поводу Николай Дмитриевич, с долей горечи, шутил: «У нас церковную науку двигают троеженцы и заики». То есть те преподаватели, у которых имелись препятствия к принятию сана. (К троеженцам Николай Дмитриевич, в первую очередь, причислял самого себя: его первые две супруги скончались одна за другой, и он был женат третьим браком.)

В свое время владыка Никодим пытался склонить Николая Дмитриевича к принятию монашества. И тот, по благословению митрополита, одно время даже подвизался в Псково-Печерском монастыре на правах послушника. Но «профессорство» уже было «в крови» «раба Божия Николая», и, выстаивая длинные монастырские службы, он невольно анализировал их с позиций литургиста. Да и тогдашний уровень развития монашеской братии был невысокий. Так, одного послушника заподозрили в том, что он — тайный баптист: слишком хорошо знает Библию! И почему, рассуждая о божественном, не ссылается на святых отцов и старцев, на видения и откровения в «тонком сне»? Вернувшись из Печор, Николай Дмитриевич просил владыку оставить его «в миру»: «Это не мое».

Свою «светскость» Николай Дмитриевич проявлял в том, что студенты-миряне должны были посещать его лекции в костюмах и при галстуках, а не в подрясниках. Зная об этом «пунктике» старца, студенты-чтецы не отваживались приходить к нему на экзамен в подрясниках, а представляли перед его строгими очами в пиджаках. Известно было и то, что на экзамене или зачете многое зависит от настроения Николая Дмитриевича. Нашему курсу довелось убедиться в этом в полной мере.

Первое полугодие учебного года подходило к концу, близилась зимняя сессия. Многие предметы мы сдавали как обычно, в рабочем порядке, но предстоявшая встреча с Николаем Дмитриевичем приводила всех в трепет. Будучи иподиаконом у митрополита Никодима, я не всегда мог присутствовать на лекциях по литургике, а в записях сокурсников не все было понятно. Да и времени на подготовку именно к этому зачету не хватило: как раз накануне пришлось ехать в Москву к митрополиту, везти какие-то важные

бумаги. Тем не менее урывками что-то удалось читать, но все-таки это был не тот уровень подготовки. Как сейчас помню: самолет идет на посадку в Пулково, пассажиры пристегивают ремни, а у меня перед глазами записи лекций. Впереди ночь — последняя возможность ухватить еще что-то из начитанных лекций. По скромной самооценке — дочитался до балла «хорошо».

Утром, накануне зачета, тревожная весть: «Ус» не в духе. А через полчаса слух подтвердился: посыпались первые «неуды». Простав конспект в последний раз, захожу в аудиторию, тяну билет, готовлюсь к ответу. А моих однокурсников «Ус» щелкает как семечки: одна двойка за другой. Настает мой черед. По-видимому, на фоне предыдущих ответов Николай Дмитриевич почувствовал «проблеск мысли», но оценил его «тройкой», — первой и единственной за этот день. На робкий вопрос о пересдаче последовал отказ: ведь балл «три» — это не «два» и пересдаче не подлежит. Нужно ли говорить о том, что через неделю, когда «критические дни» миновали, почти весь наш курс благополучно пересдал литургику на «четыре»?

Второе полугодие выдалось спокойным, и все лекции Николая Дмитриевича были записаны мною слово в слово. Были учтены все ссылки на публикации в различных журналах и в машинописных сборниках. В то время как мои однокурсники-«хорошисты» расслабились, мое внимание было предельно собрано. Нужно было войти в образ мыслей заслуженного профессора, понять нить рассуждений изнутри. Важно было знать, что думает Николай Дмитриевич по данному вопросу.

Похотная ситуация сложилась в застойные годы на одном из гуманитарных факультетов Ленинградского государственного университета. Одна профессорша-марксистка спрашивала у студентов на экзамене: «А что я думаю по данному вопросу?» И студент вполне серьезно отвечал: «По данному вопросу Вы думаете то-то и то-то». Запредельный бред состоял в том, что истеричная дамочка поясняла: «Нет! Так я думала раньше, еще полгода назад. Теперь я так уже не думаю».

К счастью, Николай Дмитриевич обладал устоявшимися взглядами на предмет своих исследований, и нам, студентам, было в этом смысле полечче.

И вот весенняя сессия. Владыка Никодим, сочувствуя нашим студенческим проблемам, старался не занимать иподиаконов на послушаниях во время сессии. Мне было ясно: литургика — это пред-

мет, который требует постоянной зубрежки, как иностранный язык. Язык не выучишь за три дня до экзамена — нужна постоянная практика. Так и записи по литургике не отложишь «на потом» — их надо постоянно обновлять в памяти.

Экзамен по литургике близился, и все силы были брошены на подготовку к нему. Как обычно поступают студенты после сдачи очередного экзамена? Правильно, в этот день они отдыхают, а на следующий начинают готовиться к очередному испытанию. Но с Николаем Дмитриевичем такие вещи не прошли бы. Сдав очередной экзамен и полчаса погуляв по лаврскому саду, я склонился над записями лекций по литургике.

Особенность этого предмета в том, что здесь нет какой-то исторической последовательности (даты, имена, события); здесь нельзя вывести какую-то логическую схему, удобную для запоминания.

В качестве курьеза: учитель русского языка в грузинской школе ведет урок. «Русский язык, дети, очень трудный, в нем много исключений из правил. Умом это не понять, это можно только запомнить. Так, слова “вилка” и “тарелка” пишутся без мягкого знака, а “сол” и “фасол” — с мягким».

Перечитав записи в пятый-шестой раз, я почувствовал, что «сажусь в материал»: тема начинает входить в голову на уровне подсознания. Оставшееся время было посвящено изучению печатных работ Николая Дмитриевича. А потом снова и снова — штудирование записей. Те три дня, что отводились для подготовки, были использованы до предела. Для студентов-ленинградцев в академии в те годы имелась специальная комната, где они могли ночевать при необходимости. Эти дни и ночи прошли именно здесь, дабы не приходилось тратить время на дорогу до дома.

Накануне экзамена, вечером, захожу в аудиторию нашего курса. Один за другим сюда стягиваются озабоченные однокашники. Проблема одна: предмет «что-то не идет». А как он «пойдет», если его не «брать по-страшному» (наше тогдашнее студенческое выражение)? Кто-то задает мне вопрос по программе, и я начинаю объяснять. Но у совопросников такое чувство, что я говорю на китайском языке. Стать его «носителем» уже поздно, впереди всего одна ночь.

Многие сокурсники расслабились после зимней «четверки» и теперь с трепетом ждут расплаты, как крыловская попрыгунья-стрекоза. Приходские батюшки-студенты чувствуют себя не лучше: их богослужебный опыт в данном случае не поможет, ведь речь идет

о временах Древней Церкви. Нервы у всех на пределе, и на моих глазах вспыхивает потасовка: один из внимающих моим недостойным объяснениям чуть ли не с кулаками набрасывается на соседа, который мешает слушать. Раздается звонок, и мы идем в храм на вечернюю молитву. Ночью мне снятся чинопоследования и богослужебные схемы.

С шести утра — закрепление пройденного материала. В нашей аудитории появляются городские студенты. На лицах отчаяние и проблеск надежды — вдруг Николай Дмитриевич утром встанет «с той ноги»? Вот и первая жертва «Уса»: это наш сокурсник Иван Кондрашов. У него на нервной почве началась «волчанка»: на теле появились пятна, напоминающие укусы серого хищника. Жертва №2 — Николай Сложеникин, первый иподиакон митрополита Никодима. У него (тоже нервы!) — воспаление десны, и теперь верхняя губа не сходится с нижней. Жертва №3 — ваш покорный слуга: впервые в жизни в глазах сильная резь, зуд. Уже потом врачи объяснили — это приступ конъюнктивита.

В академическом храме началась утренняя молитва, но мы в аудитории как на осадном положении — лихорадочно листаем конспекты. Помощник инспектора, заглянув к нам, требует объяснений, но, услышав, в чем дело, сочувственно кивает: «Ус» — это святое.

Начало экзамена. Насчет «левой ноги» пока неясно, результаты покажут. Очередной испытуемый осеняет себя крестным знаменем, за неимением иконы лобызает дверной косяк, и, войдя в аудиторию, тянет билет. Сдававшие передо мной — не в лучшей форме: две тройки, один «неуд». Николай Дмитриевич уже устал от «чернухи», которую несут отвечающие. На его лице — легкий оттенок безразличия.

Начинаю отвечать, словами профессора, слово в слово, с использованием его оборотов и фразеологии. «Ус» оживился и всматривается в «альтер эго»: кто это его словами разговаривает? В листок с записями, сделанными при подготовке, не смотрю; все «беру из головы» (выражение студентов нашего курса). При этом то и дело ссылаюсь на давние публикации Николая Дмитриевича, о которых сам он, быть может, уже и не помнит. Слышу дрожащий голос: «Достаточно. Второй вопрос».

Выкладываюсь до предела; мы оба измотаны, и я жду дополнительных вопросов. Но их нет. Смотрю на профессора и не верю своим глазам. «Железный» Николай Дмитриевич... плачет! Всклипы-

вая, он делает знак рукой: можно идти. Выхожу с тревогой: как эти слезы мне сейчас отольются?

... Опрос окончен, и Николай Дмитриевич приглашает всех студентов в аудиторию. Начинается оглашение результатов экзамена. Нам объясняют, что оценка, выставляемая в диплом, выводится с учетом двух баллов — зимнего зачета и нынешнего экзамена, но что экзаменационный балл — решающий. Прикидываю в уме: даже если экзамен — «5», то, с учетом зачетной «тройки», в диплом пойдет «4». А Николай Дмитриевич монотонно повторяет одну и ту же фразу: «Зачет — “четыре”, экзамен — “три”, в диплом — “три”».

Звучит моя фамилия. «Зачет — “три”, экзамен — “пять”, в диплом — “пять”». И далее следует неожиданное пояснение: «Экзамен сдан так, что если бы была 10-балльная система, то в диплом тоже пошла бы “десятка», *понимаете*» (любимое словечко маститого профессора). При этом мне почему-то вспомнилась фраза, которую судья произносит на боксерском ринге: «По очкам победил такой-то!». Но победа далась дорогой ценой: вскоре пришлось заказывать первые в жизни очки — зрение ухудшилось...

Правда, через год, по окончании четвертого курса, мне невольно довелось взять небольшой реванш. Николай Дмитриевич был назначен вторым рецензентом (оппонентом) моего курсового сочинения, представленного в ученый совет ЛДА для защиты на степень кандидата богословия. Незадолго до защиты маститый профессор встретил меня в коридоре и высказал ряд замечаний по содержанию трактата. Многое было с благодарностью учтено, скорректировано, но один тезис из области догматического богословия был, на мой взгляд, спорным. Можно было предполагать, что этот вопрос будет поднят при защите, и мне пришлось заняться «домашними заготовками».

«Вооружившись» цитатами из Библии, из творений святых отцов Церкви, излагаю перед членами Совета суть своей работы. Защита идет в обычном порядке: вопрос — ответ, вопрос — ответ. И вот, из уст Николая Дмитриевича звучит «тот самый» вопрос. Не меняя спокойного, будничного тона, обрушиваю на оппонента шквал аргументов и вижу, как бедный «Ус» хватается ртом воздух. «Артподготовка» закончена, и теперь в атаку переходит мой научный руководитель — профессор-протоиерей Ливерий Воронов. А это вам не какой-то студиозус, а блестящий специалист в области догматики. И куда там литургисту против догматиста: «На саблю

с голой пяткой!». Теперь уже схватились два профессора, и мне остается лишь «попросить чашечку кофе».

Архимандрит Кирилл, ректор ЛДА (ныне — митрополит Смоленский и Калининградский) просит меня на время удалиться, и спор продолжается при закрытых дверях. А потом выслушиваю решение Совета ЛДА о присуждении кандидатской степени; затем ректорский комментарий: защита прошла успешно и даже вызвала богословскую дискуссию.

Рассказываю владыке Никодиму о «богословской дуэли» и пытаюсь оправдаться: «Он первый начал!». Святитель только улыбнулся, а в глазах — хитринка. Наверное, вспомнил, как сам когда-то дрожал на экзамене у сурового профессора...

... Будучи доцентом с более чем 30-летним преподавательским стажем, требую от студентов на экзамене «твердого и осмысленного» знания сути предмета, но лишь в пределах лекционных записей. Утром, отправляясь на экзамен, обязательно встаю «с правой ноги». Со скепсисом смотрю на иных преподавателей-*энтузиастов*, рекомендующих список дополнительной литературы, — для проработки перед экзаменом. Да еще с обязательным рефератом в придачу. Не было Николая Дмитриевича на этих теперешних «харизматиков», *понимаете*...

... Николай Дмитриевич пережил владыку Никодима на девять лет. В течение почти 40 лет преподавал заслуженный профессор в родной ему академии литургику. Незадолго до смерти он по состоянию здоровья вынужден был оставить храм науки...

7 июля 1987 г. у Николая Дмитриевича, находившегося на своей даче под Ленинградом, случился сердечный приступ. На другой день он был перевезен на городскую квартиру, где причастился Святых Христовых Тайн. Вечером 22 июля Н. Д. Успенский вновь причастился и через несколько часов мирно отошел ко Господу.

23 июля в Иоанно-Богословском храме академии первую панихиду по новопреставленному Николае совершил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (ныне — Святейший Патриарх). Как и владыка Никодим, он когда-то был питомцем маститого профессора. В субботу 25 июля в Никольском кафедральном соборе, где когда-то Н. Д. Успенский был регентом хора и церковным старостой, чин погребения совершил архиепископ Берлинский и Среднеевропейский Герман, Патриарший экзарх Средней Европы (в конце 1960-х годов — ректор ЛДАиС), которому сослужили секретарь Ленинградского епархиального управления протоиерей

Борис Глебов, профессор-протоиерей Ливерий Воронов, профессор-протоиерей Василий Стойков и другие священнослужители — ученики покойного...

Литургист, магистр богословия

Несмотря на свою перегруженность, владыка Никодим всегда находил время для храма. Совершаемое им богослужение носило особый, присущий ему характер и отпечаток. Он любил повторять: «Я все могу быстро делать, кроме службы». И действительно, когда он появлялся в храме, он как бы преображался и делал все медленно, величественно, глубоко любя церковное благолепие. Так совершал он богослужение и в соборах, и в сельских храмах. Особое отношение у митрополита Никодима было к Божественной литургии как главнейшему христианскому служению.

Будучи правящим архиереем, владыка Никодим практиковал литургическое творчество. Так, в храме ЛДА в праздник трех святителей: св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и св. Григория Богослова — литургия совершалась на греческом языке. Если сам митрополит был в отъезде, то богослужение возглавлял ректор академии — викарный епископ Мелитон. Владыка Никодим мог свободно служить по-гречески, но пожилому епископу Мелитону это было трудновато. Особенно сложным был момент, когда архиерей, держа в руках дикирий и трикирий, выходит из алтаря на амвон и, осеняя народ, возглашает: «Господи! Призри с небесе и виждь...» Эту довольно длинную фразу владыке Мелитону изображали на картонке по-гречески и прикрепляли к трехсвечнику (трикирию), чтобы она была перед глазами. Начав возглас по-гречески: «Кирие!..», владыка Мелитон стал осенять народ, картонка упала на пол, и ему пришлось продолжить по-церковнославянски, на память. Как тогда шутили: «Кирие! А остальное в трикирии...».

А если литургию возглавлял сам митрополит, то он служил по греческому чину, со всеми его отличиями от русского. Так, после пения Символа веры, когда воздух следует убирать с престола, владыка делал им несколько кругов над чашей и диском, как это бывает у греков. По инициативе владыки Никодима в храме ЛДА стала практиковаться литургия апостола Иакова; ее совершали в день памяти апостола. Иногда в небольшой домово́й церкви, находившейся в митрополичьих покоях в здании академии, совершали литургию студенты-священники и диаконы из Эфиопии, обучавши-

еся в ЛДА. Владыка с интересом наблюдал за их необычным богослужением — босиком, с приплясыванием (священный танец «тим-кат»).

Иногда, сетуя на загруженность административными делами, владыка жалел о том, что он не может заняться серьезной научной деятельностью. При этом он добавлял: «В душе я — литургист». Обладая великолепной памятью, владыка знал наизусть церковный календарь и мог безошибочно назвать имена тех святых, память которых празднуется в данный день, цитировать на память фрагменты из Минеи и Типикона.

Вспоминает митрополит Минский и Слуцкий Филарет.

Владыка Никодим любил службу Божию, жил ею и прекрасно, почти наизусть знал церковный календарь и месяцеслов. С владыкой Мелхиседеком они соревновались, кто больше знает, и я был свидетелем, как в Серебряном Бору на заседаниях нашей комиссии по христианскому единству, в перерывах или при ином удобном случае владыки начинали соревнование в пении стихир и в знании дней памяти святых⁵³⁴.

Церковным гимнотворчеством владыка мог заниматься в самых разных ситуациях: сидя в президиуме миротворческой конференции, в самолете и просто «в обиходе». Однажды в Серебряном Бору он буквально разрывался между бумагами и телефонными звонками. Потом, отложив все дела, быстро прошел в трапезную с блокнотом — на святителя «накатило». Присев у края стола, он быстро набросал несколько строк, а затем вырвал листки, но неудачно — часть текста осталась в блокноте на обрывках. Со словами «приведи все в порядок, мне некогда» он передал мне это «хозяйство», а сам снова занялся «текучкой». Осторожно извлеки обрывки из блокнота, я соединил их с основным текстом, написанным размашистым почерком, а затем склеил скотчем. Это были кондак, тропарь и величание одному из святых. Именно этот текст вскоре и был утвержден на заседании Священного синода.

Вспоминает Фэри фон Лиленфельд.

Со временем я познакомилась с поэтическим творчеством владыки Никодима: он иногда давал мне написанные им самим службы — прекрасные литургические тексты на славянском языке. Владыка очень любил православное богослужение и в свободное время занимался составлением тропарей, стихир и канонов различным святым.

О митрополите Никодиме я много слышала и от владыки Мел-

хиседека, который одно время был экзархом в Германии. Владыка Мелхиседек рассказывал о своих путешествиях вместе с митрополитом Никодимом по закрытым монастырям и храмам России. У митрополита Никодима всегда был с собой малый омофор и все необходимое для служения Литургии. И владыка Мелхиседек, который не уступал митрополиту Никодиму в знании богослужения, читал и пел во время Литургии, которую митрополит совершал где-то в потаенном месте, так чтобы никто его не заметил⁵³⁵.

Митрополит Никодим был хорошим знатоком литургии; он считал, что значение литургии не только в мистическом освящении присутствующих в церкви, но также, и в значительной степени, через осознание богослужения. Поэтому у него не вызывало никакого сомнения — тексты должны быть понятными для простого народа. Ценил всю многогранность церковнославянского языка, он все же осознавал, что для большинства людей он не доносит полного значения литургических текстов. Почему нельзя, например, прочесть церковнославянское «живот» по-русски — «жизнь», а «выну» — «всегда»?

Поэтому в годы своего пребывания на Ленинградской кафедре владыка предпринимал меры к тому, чтобы богослужение для прихожан было понятным. В некоторых приходах Ленинградской и Новгородской епархий Евангелие стали читать по-русски; по-русски зазвучало и Шестопсалмие. Владыка сам занимался литургическими текстами, поощрял переводческую деятельность специалистов-текстологов.

По словам Фэри фон Лиленфельд, митрополит Никодим отнюдь не был противником церковнославянского языка, как сейчас некоторые его представляют. Напротив, он даже сам сочинял по-церковнославянски богослужебные последования (новопрославленным святым). Тем не менее владыка стоял за то, чтобы русский язык играл за богослужением большую роль. От синодального перевода Священного Писания на русский язык он, конечно, не был в восторге, но поскольку другого не было, он поручал из него читать Апостол, а также и Евангелие. После смерти митрополита Никодима сменивший его на Ленинградской кафедре митрополит Антоний все чтения по-русски немедленно отменил⁵³⁶.

Тонкий знаток фарфора, свою образованность митрополит Антоний на публике предпочитал не афишировать. В данном случае напрашивается аналогия с историей, которую поведал владыка

Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. Он вспоминал о своем опыте, когда он еще был правящим епархиальным архиереем (Тульским и Белевским). Митрополит Ювеналий (Поярков) — ученик и последователь митрополита Никодима, и в Туле, подражая учителю, он ввел в своем соборе чтение Апостола по-русски. Это было еще в глухие советские времена. Реакция пожилых и малообразованных женщин, составлявших в ту пору большинство паствы, была весьма сдержанной: «Понятнее-то стало, но все-таки давайте-ка вернемся к церковнославянскому. Ведь это язык самого Господа нашего!»⁵³⁷.

Завершив огромный труд по составлению биографии Папы Иоанна XXIII, владыка представил машинопись на соискание степени магистра богословия. (Поставщиком материала был сотрудник ОБЦС Александр Львович Казем-Бек; литературу с иностранных языков переводили отдельные толмачи. Но, тем не менее, работа была дополнена, проштудирована и проредактирована самим митрополитом⁵³⁸. Наиболее важные «источники и пособия» были напечатаны на пишущей машинке в пяти экземплярах и затем распределены по библиотекам академий и семинарий.

Будучи правящим архиереем Ленинградской епархии, владыка мог бы защитить работу в стенах ЛДА, где он имел неограниченное влияние и где можно было бы организовать «режим продавливания». Но, будучи щепетильным в такого рода делах, владыка представил работу на рассмотрение ученого совета Московской духовной академии. Консервативная профессорско-преподавательская корпорация МДА могла бы «зарубить» работу, написанную с явной симпатией к главе Римско-Католической Церкви, а при тайном голосовании соискателю могли бы набросать «черных шаров». Но владыка сознательно шел на риск и с честью выдержал испытание, став магистром богословия (15 апреля 1970 г.). (В 1984 г. эта работа была издана в Вене на русском языке: «Иоанн XXIII, Папа Римский», с предисловием кардинала Франца Кенига.)

В те годы ученый совет МДА был «зубастым». Владыка рассказывал об одном влиятельном протоиерее, который представил свою работу в Совет МДА на соискание степени магистра богословия. После диспута было проведено тайное голосование; подсчет дал печальный результат: один голос «за», все остальные — «против». Вечером в квартиру неудачного соискателя нанес визит один из преподавателей МДА и доверительно сообщил, что «за» голосовал именно он. Через полчаса с той же вестью пришел

второй, потом третий... Четвертого протоиерей спустил с лестницы.

Как отмечала Фэри фон Лилиенфельд, митрополит Никодим придавал большое значение тому, чтобы русские библеисты познакомились, например, с новейшими воззрениями на перевод Библии — скажем, с концепцией профессора-миссионера Юджина Найдды. Ведь богословское развитие в Русской православной Церкви практически остановилось в 1917 г. Митрополит Никодим заказывал для рабочего пользования переводы таких великих богословов современности, как католик Карл Ранер, лютеранин Эдмунд Шлинк и другие. Так, знаю, что митрополит Никодим организовал перевод работы Э. Шлинка о крещении.

Он старался вывести Русскую православную Церковь из изоляции от прочего христианства. Ему было важно, чтобы молодые и современные православные богословы знали, над чем и как размышляют богословы других конфессий, прежде всего католические и лютеранские. Только так можно было подготовить и православный ответ на вызовы современности⁵³⁹.

6 февраля 1975 г. Советом Ленинградской духовной академии владыке Никодиму была присуждена степень доктора богословия за совокупность его богословских работ. Отмечалось, что «все произведения автора отличаются широтой диапазона в раскрытии исследуемых вопросов, а его богословские концепции и суждения свидетельствуют об огромной эрудиции и высоком уровне его богословского потенциала».

Научные заслуги митрополита Никодима были признаны не только в нашей стране, но и за рубежом. Почетной докторской степени он был удостоен Софийской духовной академией св. Климента Охридского. Он был почетным членом Ленинградской и Московской духовных академий, а также ряда зарубежных Духовных академий и богословских факультетов.

Как и многие церковные администраторы, владыка был в постоянном «замоте», повседневная текучка порой мешала перевести дух и, неторопливо оглянувшись окрест, обозреть горизонт. В первые годы преподавания церковной истории у меня стал складываться профессиональный подход к датам, именам, событиям. Скажем, приближается 100-летие со дня кончины какого-либо видного церковного деятеля — значит, смело можно писать статью, и в редакции «Журнала Московской Патриархии» ее с благодарностью примут и напечатают. Таким же наметанным взглядом как-

то скользнул по дате Крещения Киевской Руси: 988 год. Значит, не за горами — тысячелетие! И при ближайшей встрече упомянул об этом в разговоре с владыкой.

Ловлю на себе его внимательный взгляд и слышу задумчивое: «А ведь и правда!» И вскоре на заседании Священного синода был поставлен вопрос об учреждении комиссии по подготовке к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Мог ли предполагать святитель, что его жизнь оборвется за десять лет до этого эпохального торжества?

Уже после кончины митрополита я имел смелость напомнить одному из уважаемых мною членов Священного синода о другой знаменательной дате: в 1989 г. исполнялось 400 лет со времени установления патриаршества на Руси (1589 г.). Дескать, нельзя бросать все средства из праздничного фонда на 1000-летие (1988 г.); надо оставить «малую толику» и на 400-летие (конференция, прием гостей и т. д.). И снова внимательный взгляд, и те же конкретные «оргвыводы».

400-летие установления патриаршества на Руси... Преданье старины глубокой... Казалось бы, чисто церковный юбилей, и причем здесь ЦК и ЧК? А при том, что некогда Сталин назвал партию «орденом меченосцев» внутри советского государства. А на самом деле орденом меченосцев стал вооруженный отряд партии — *органы*. Инструкция ЧК — ГПУ предписывала: «Нужно всегда помнить приемы иезуитов, которые не шумели на всю площадь о своей работе и не выставляли ее напоказ, а были скрытными людьми, которые обо всем знали и умели только действовать...»⁵⁴⁰.

В 1921 г. Сталин видел «компартию как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Сталин впервые опубликовал текст, в котором сравнил компартию с орденом псоврыцарей, в 1946 г. (т. 5, с. 71), ибо считал свою формулу по-прежнему актуальной. Потом это положение переключало в брежневскую конституцию, хотя, естественно, о меченосцах статья 6-я (о «руководящей и направляющей») так прямо не говорила.

И Священный синод Русской православной Церкви, через Совет по делам религий, был вынужден «бить челом» «меченосцам» и «иезуитам» — «дать добро» на проведение юбилейных торжеств.

4.09.1989. О мероприятиях в связи с 400-летием учреждения патриаршества в Русской православной Церкви.

Совет по делам религий при Совете министров СССР (т. Хри-

стораднов) просит разрешить дать согласие Московской патриархии на проведение в сентябре-октябре с. г. мероприятий в связи с 400-летием учреждения патриаршества в Русской Православной Церкви (РПЦ).

Московская Патриархия просит разрешить провести:

— церковно-историческую конференцию с приглашением богословов и светских ученых в количестве 120 человек, в том числе 20 человек иностранных участников;

— Архиерейский собор в Даниловом монастыре с докладом о деятельности РПЦ и канонизации религиозных деятелей;

— торжественный акт, посвященный 400-летию учреждения патриаршества, благотворительный концерт.

Имеется в виду использовать указанные мероприятия не только как память об исторических событиях, но и с целью углубления вклада РПЦ в укрепление мира, консолидацию советского общества в условиях перестройки⁵⁴¹.

... Предчувствуя свою близкую кончину, владыка «выталкивал на орбиту» своих воспитанников, чтобы их не «затоптали» после его смерти. Кто-то в ускоренном порядке получал очередной сан, кто-то — ученую степень. Мне, начинающему преподавателю и приходскому священнику, владыка внушал: составляй конспект лекций на соискание магистерской степени. Если нет времени — наговаривай на магнитофон. После кончины владыки наступили другие времена.

Защита магистерских работ стала единичным явлением, а после 1984 г. их вообще не было — в течение вот уже более 20 лет (если не считать присвоения почетных степеней маститым архиереям из других епархий). (В советских научных кругах была такая шутка: соискатели-диссертанты делятся на «проходимцев» и «шансонеток». У первых — мощная административная поддержка для прохождения работы; у вторых — шансов нет.)

Подавали прошения в Совет академии на защиту магистерских диссертаций и преподаватели ЛДАиС — прот. Стефан Дымша, Н. Д. Медведев, а также выпускник ЛДА Петр Сенько. Но долго они после этого не жили и отходили в мир иной неостепененными. (Правда, еще древние говорили: «После этого — не значит вследствие этого»).

В те годы была еще одна заявка на защиту магистерской диссертации. Прошение в Совет поступило от протоиерея Н., который считал себя выдающимся специалистом в области литургики. Про-

шли годы, текучка заела, и о написании магистерской работы давно уже нет речи: «отшелестела роща золотая».

... В 1990 г. мне довелось принять участие в морской паломнической экспедиции в Святую землю. После этого мы иногда сталкивались с протоиереем Н в академии. И каждый раз обмен фразами по одной схеме.

— А Вы все плаваете?

— Отец Н! Это — во время летних каникул; для меня это не главное. У меня уже опубликовано около 200 статей и 4 книги!

Еще через два года.

— А Вы все плаваете?

— Отец Н! У меня уже опубликовано около 300 статей и шесть книг!

И, наконец, недавно.

— А Вы все плаваете?

— Отец Н! У меня уже опубликовано более 400 статей и восемь книг!

У несостоявшегося магистра — немотивированная вспышка злобы: «Вся ваша писанина — это макулатура!»

Другая наша «гордость» — протоиерей В. В 1987 г., когда его сделали ректором, мне довелось редактировать репринтный бюллетень Ленинградского филиала ОВЦС. В одном из выпусков должна была появиться статья с биографией новоиспеченного академического деятеля. А к ней был приложен список печатных публикаций «маститого» богослова; их насчитывалось около десятка. И в те годы все знали, что за оборотистого протоиерея их писал внештатный научный консультант ЛДА — Константин Иванович Логачев. Как тогда у нас шутили, «ранний протоиерей В. — это поздний Логачев». Отдавая статью в печать, я вычеркнул убогий перечень статей, чтобы не позорить академию...

Написание статей тогда считалось делом ответственным. Взяться за перо «просто так», по своей инициативе, казалось странным. Как-то в разговоре с пожилым архимандритом, прошедшим через лагеря, я упомянул о том, что отослал в журнал очередную статью. И он, пожевав губами, спросил: «А у Вас есть благословение на это послушание?».

Но за всем не уследишь. Включаю телевизор, а на экране — все тот же о. ректор: интервью в прямом эфире. Ведущий спрашивает: какую задачу Вы на сегодня считаете главной?

— Главное — это повышать культурный уровень наших студентов. И на это я все свои силы *ложу*.

... В 2000 г. скончался последний «полноценный» профессор СПбДА — магистр богословия архиепископ Михаил (Мудьюгин), защитивший свою работу еще при владыке Никодиме...

... Приняв дела от митрополита Николая (Ярушевича), отправленного в отставку с поста председателя ОВЦС и вскоре скончавшегося, владыка Никодим узнал о том, что еще в 1958–1959 гг. Московской патриархии было разрешено издавать ежегодник «Богословские труды». О том, каких трудов стоило добиться этого, видно из содержания следующего текста.

№ 920, 30 марта 1956 года.

В Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей, с которыми Русская православная Церковь вступает в оживленные отношения.

Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же. Когда они спрашивают о наших печатных трудах, то нам нечего сказать в виду отсутствия самой возможности печатать эти труды.

Такое положение становится тем более нетерпимым, что оно подает повод зарубежным Церквям обвинять Русскую православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу нашего государства. Ссылаться же на наш единственный печатный орган, «Журнал Московской Патриархии», не приходится, так как он имеет официальный характер, ограниченный объем и богословские труды помещать не может. Поэтому...»⁵⁴²

Далее следует просьба разрешить издавать сборник «Богословские труды» в объеме 20 печатных листов тиражом в 3 тысячи экземпляров.

Разрешение было наконец получено, но реально ничего не делалось, поскольку митрополиту Николаю было достаточно «Журнала Московской Патриархии», где ежемесячно печатались его (и в основном только его) проповеди.

19 сентября 1960 г. Святейший синод определил епископу Никодиму быть председателем Издательского отдела Московского Патриархата; этот пост он занимал до 14 мая 1963 г. Вскоре, 6 октября 1960 г., он был назначен председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды» и находился на этом посту до 7 октября 1967 г. Владыка Никодим сделал все возможное, чтобы в 1960 г. увидел свет первый номер этого ежегодника. А 20-й сборник «Богословских трудов» был полностью посвящен его памяти...

Владыка Никодим курировал и другой церковный журнал — «Вестник Западно-Европейского Экзархата», о чем рассказывает архиепископ Василий (Кривошеин).

Особых затруднений с митрополитом Никодимом по изданию нашего «Вестника Западно-Европейского Экзархата» мы не имели, никакой предварительной цензуры или предварительного одобрения его содержания он не требовал. Впрочем, формально ему было бы даже трудно предъявлять такие требования, поскольку он не был Экзархом, им был митрополит Антоний Сурожский, а «Вестник» издавался Экзархом. Разногласия с митрополитом Никодимом по поводу содержания были, он хотел, чтобы «Вестник» был исключительно богословского содержания, а мне хотелось, чтобы сверх этого в нем уделялось место современным церковным вопросам, положению Церкви в современной России и, конечно, не в советском духе. Так, помню, мы поместили в 1963 г. вывезенное из России «Открытое письмо священнику Дарманскому» священника Желудкова. Мы его напечатали анонимно, так как не знали, кому оно принадлежит. На следующий год я встретился с митрополитом Никодимом в Голландии, и он начал меня упрекать за помещение этого письма. «Вы не знаете, кто такой Желудков, потом будете сильно жалеть, что напечатали». Я ответил, что письмо ярко изобличает атеизм в России и живо изображает борьбу безбожников с верою. «Вот Вы печатаете, а мне по шее попадает», — ответил митрополит Никодим и сделал соответствующий энергичный жест.

Против такой аргументации было трудно возражать. После назначения митрополита Никодима на должность Экзарха издание «Вестника» затруднилось, он настаивал, чтобы каждый номер посылался ему предварительно на просмотр. «Это мое право как Экзарха, митрополит Антоний этого не делал, так как он не интересовался «Вестником», а я интересуюсь». В результате я прекратил его редактировать, и он приостановился. В один из

своих приездов в Париж митрополит Никодим спросил меня, почему я больше не занимаюсь изданием. Я объяснил ему, что посылать предварительно «Вестник» на просмотр технически невозможно, а главное, что я готов заниматься изданием при одном условии, что в нем не будет никакой «советчины». «Хорошо, ее не будет, но и мое условие ответил он, — никакой «антисоветчины»!» В другой раз, в связи с моей рецензией на книгу Росслера о Русской Церкви, он мне сказал: «Чего Вы печатаете такие статьи, да еще под своим именем, ведь это официоз? Печатали бы в другом месте». Я последовал его предложению и стал печатать у Никиты Струве, под собственным именем. А когда меня начали спрашивать, почему, отвечал, что в нашем «Вестнике» нельзя, вот поэтому и печатаюсь в «Вестнике РСХД»⁵⁴³.

Владыка живо интересовался историей, особенно историей Церкви. Жаль, что постоянная занятость практическими делами помешала ему написать объемистую работу по истории Церкви. Он был эрудитом в этой области, мог с ходу дать подробную справку о любом русском архиерее, жившем за последние 300 лет.

Владыка был выдающимся богословом; его перу принадлежит более двухсот статей. Но порой ему приходилось творить в узких рамках определенного жанра. Например, составлять речи при вручении посоха новопоставленным епископам. Таких «крестников» у него был не один десяток, и будь он даже семи пядей во лбу, повороты неизбежны. А если еще учесть его загруженность...

И тогда на помощь приходили другие перья — «оперившиеся» птенцы его гнезда. Мы считали за честь составлять «заготовки» для владыки. Получив машинописную «болванку», митрополит начинал правку текста, что-то вычеркивал, что-то добавлял — «мои мысли — не ваши мысли». И так постепенно из соавтора он превращался в автора...

Но однажды святитель, вечный «заложник протокола», оказался в жесточайшем цейтноте. В 1976 г. исполнялось 30 лет со времени возрождения Ленинградской духовной академии. Такая круглая дата обязывала владыку не только возглавить юбилейные торжества, но и огласить слово на торжественном акте 9 октября, в день памяти св. Иоанна Богослова. И не простое приветствие, а программную речь — о задачах современного богословия. А времени в обрез — митрополит приедет из Москвы только утром, к литургии, а после богослужения — торжественное заседание.

За три дня до праздника меня приглашают в кабинет ректора.

Архимандрит Кирилл (ныне — митрополит Смоленский и Калинин-градский) вводит молодого преподавателя в курс дела: нужно срочно написать доклад для митрополита. И не просто «заготовку», а на достойном уровне: чтобы святитель «вошел в тему» — в машине за 20 минут, от вокзала до академии. Времени на правку у него не будет.

Отложив все дела, берусь за работу. С чего начинать? Выхожу из здания академии и иду в лаврский парк. И тут вспоминаю долгие прогулки с владыкой по этим самым дорожкам и его размышления на предложенную тему. К счастью, бумага и карандаш были с собой: успевай только записывать! Владельцы собак, прогуливавшие своих лохматых питомцев, вероятно, дивились на встречного: с виду вроде бы нормальный, а идет не глядя, натывается на деревья и, что-то бормоча, строчит... Несколько кругов по парку, и доклад готов: осталось лишь его написать. На это ушло еще два дня. Ректорский наказ был выполнен: прочтя написанное, святитель добавил несколько строк, оставив текст нетронутым: зачем спорить со своими же мыслями?

Напечатанный в 3-м номере «Журнала Московской Патриархии» за 1977 г., текст доклада «забронзовел» и стал «каноническим». Вскоре профессиональные атеисты-пропагандисты, как голодные шакалы, стали растаскивать его на цитаты и мусолить в брошюрах типа «Тупики православного модернизма» (М., 1979, автор М. П. Новиков). Впрочем, такая же судьба постигла речь владыки Никодима на годичном акте в ЛДА (ЖМП. 1970. № 12) и многие другие его тексты. Долгие годы разные шамары, гордиенки и прочие шахновичи кормились его церковно-публицистическим наследием. Иных уж нет, а те уже... перестроились. Кто-то стал «религиоведом», а пламенный борец с «религиозными пережитками» — Н. С. Гордиенко — нынче заделался «независимым» экспертом и на многочисленных судебных процессах защищает интересы свидетелей Иеговы...

И еще одна забавная подробность. В дискуссиях, возникавших порой в те годы в преподавательской среде, ссылка на авторитет владыки Никодима была решающим аргументом. И когда оппонент, стремясь опровергнуть какое-то мое высказывание, процитировал абзац из юбилейного доклада 1976 г., мне ничего не оставалось сделать, как только с ним согласиться...

Преемник митрополита Никодима по кафедре — митрополит Антоний — был загружен текучкой не так сильно, и вполне мог бы

творить «нетленку» от себя. Но на каком-то уровне закрепляется привычка «опираться на кадры»...

... Секретарь епархии доверительно сообщает: митрополит Антоний просил подготовить проект доклада «Миссия и евангелизация в Восточной Европе». Он будет опубликован на самом верху — во Всемирном совете Церквей! Какая могла быть в те годы евангелизация в Советском Союзе? Я решил составить проект доклада «с подковыркой». Простудировал труды тогдашних «классиков» и выудил цитаты из ранних «творений» Маркса, Ленина и даже Фиделя («три бороды — три составные источника»). Общий смысл цитат: верующие — тоже люди и имеют право на свободу вероисповедания. Подковырка в том, что нынешние вожди отошли от принципов своих же предшественников и подавляют эти права.

Мой коллега по перу — профессор-протоиерей Николай Гундяев — тоже был задействован на этом послушании; он написал проект доклада в более сдержанном, академическом стиле. Обе заготовки в назначенный день легли на стол митрополита. Казалось бы, автор как скульптор, должен от вырубленной глыбы отсечь все лишнее и добавить свое — выстраданное, выношенное. Бери в руки молоток, зубило (ножницы, клей) — и за работу. Но куда там! Зачем разной писаниной мозги изнашивать!

Пробежав глазами тексты за тонкой работы фарфоровой чашечкой чая, архиерей попросил секретаря: «Женечка! Скажи машинистке, чтобы соединила обе части и перепечатала набело!» После чего доклад ушел «наверх» и вскоре был опубликован в Женеве за подписью правящего. Сначала идут ссылки на святых отцов Церкви и вдруг резкий «левый уклон»: сплошные Маркс — Энгельс — Ленин — Кастро...

Но это еще не предел. Как-то из ОВЦС поступила «разнарядка»: выделить «единицу» для поездки за границу на очередную миротворческую тусовку. По тем временам это была большая привилегия, и митрополит Антоний «кинул кость» своему келейнику. А доклад для зачитания заставил написать доцента-архимандрита Ианнуария (Ивлиева), блестящего специалиста в области исследования Нового Завета. И человек из архиерейской хозобслуги проартикулировал чужой текст от своего имени. Вот это уже было дно...

Когда начались разговоры о том, чтобы меня привлечь к написанию антониевских «речевок» на постоянной основе, я с испугом отказался.

— Не могу нарушить указ!

— Какой еще указ?

Повеление Петра I: «Вельможам в Ассамблее говорить не по писаному, дабы дурь каждого ясно видна была». Ведь этого указа никто еще не отменял!

О ТИТУЛАХ

Кандидат в патриархи

После кончины Святейшего Патриарха Алексия I (1970 г.) в Совете по делам религий и у «смежников» настали горячие денечки: нужно было «подработать кандидатурку». По коридорам Лубянки с папками бегали чекисты не ниже полковника, а на «Старой площади» — не ниже *заворотделом* ЦК. Кто-то спросит: при чем здесь в то время был ЦК? Послушаем мнение специалиста. «Номенклатура в СССР, как и в других социалистических странах, это номенклатура не формально назначающих государственных или общественных органов, а фактически назначающих бюро и секретариатов руководящих партийных комитетов, — пишет М. Восленский. — Таково абсолютное правило. Его надо твердо осознать для того, чтобы не делать ошибки и понимать: избираемый Собором Русской православной Церкви Патриарх Московский и всея Руси состоит в номенклатуре Политбюро ЦК КПСС»⁵⁴⁴.

В то время были две реальные кандидатуры на Патриарший престол: митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен и митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Один из иподиаконов, имевший с владыкой особо доверительные отношения, спросил в те дни у святителя: каковы его шансы «выйти в финал»? И тот, понизив голос, промолвил: «Они меня в патриархи не пропустят». И похлопал рукой по плечу, намекая на погоны тех, кто «на самом деле все и решает». Впрочем, это и неудивительно: ведь владыка до «первой группы» не дотягивал... Вот как высказался на этот счет митрополит Волгоградский и Камышинский Герман (Тимофеев):

Патриарх Пимен... он, конечно, приличный был человек, он любим был московскими верующими, на всех он производил адекватное своему положению впечатление. Но он был не так изобретателен и не так опасен [власти]. А владыка Никодим возьмет, да и придумает что-нибудь, а тут ломай себе голову, как эту задумку или осуществить, или похоронить. А владыка Пимен не

придумывал ничего. Он просто шел по течению. При всех его положительных качествах. У владыки Пимена не было высшего духовного образования, но зато была большая практика церковной жизни — он был иноком еще тогдашнего, 1920-х годов скита Параклита Троице-Сергиевой Лавры... Он был очень традиционный архиерей, но из рамок обычных своих дел не выходил. Стратегом не был. Осмыслить планы на будущие десятилетия был не способен, несмотря на все другие положительные свои качества. А с другой стороны, Патриарх — это предстоятель. Сам ведь он не будет «черновую» работу исполнять. Все равно нужны были председатели Отдела внешних церковных сношений. Вот владыка Никодим на этой должности [председателя ОВЦС] и остался. Патриарх Пимен его наградил правом совершать богослужения с преднесением креста. Как Патриарх служил владыка Никодим! Но в 1972 г., после инфаркта, владыка Никодим подал прошение об увольнении от должности председателя Отдела внешних церковных сношений, оставшись председателем Комиссии по вопросам христианского единства и межцерковных сношений⁵⁴⁵.

Помимо удара «слева» был и удар «справа». В «Обращении к Поместному собору 1971 года» священника Н. Гайнова и миряна Ф. Карелина, Л. Регельсона и В. Капитанчука утверждалось, что митрополит Никодим с группой богословов на протяжении многих лет развивал и насаждал в Русской православной Церкви новое, соборно не обсуждавшееся учение в духе «апокалиптического религиозного коммунизма», в котором давалась новая догматическая формулировка тех основ христианской веры, которые не были сформулированы в догматах вселенских соборов⁵⁴⁶.

Более подробно об этом пишет архиепископ Василий (Кривошеин).

Говоря о современности, владыка Никодим пользовался осторожным выражением: «Церковь имеет свободу в пределах конституции или ту, которую ей предоставляет конституция страны». Но и это, увы, неточно, конституция сама по себе безбожна и постоянно нарушается во вред Церкви. Несравненно более печальны и опасны были попытки как-то с христианской точки зрения идеологически оправдать атеизм и революцию. В этом смысле у митрополита Никодима были в прошлом перегибы. Так, в ЖМП была напечатана статья за его подписью, что нужно различать между дурным «буржуазным» атеизмом и добрым революционным и что только первый нужно отвергать. Говорят,

что эта статья была написана по заказу митрополита Никодима протоиереем Петром Гнедичем. Он был известный богослов и так скорбел и каялся, что вскоре умер. Сюда же относилось и пресловутое «октябрьское богословие», о котором я уже говорил, т. е. стремление рассматривать октябрьский путч как величайшее событие в истории христианства, какое-то новое откровение Божие, подобное Воплощению (такого рода статья была напечатана митрополитом Никодимом в ЖМП). Я как-то спрашиваю его: «Владыко, Вы написали, что Воплощение Сына Божия было, конечно, громадным событием, но только с момента «октябрьской революции» оно стало осуществляться в жизни, имело последствия и стало действительностью». Митрополит Никодим чуть не вскочил. «Не может быть! Я не такой дурак, чтобы написать это!» Потом помолчал и добавил: «Да, я, конечно, дурак, но все же не до такой степени!» Как это нужно было понимать? Забыл ли он то, что писал? Или под его именем напечатали вещи, ему не принадлежащие?⁵⁴⁷

Но, как бы то ни было, власти продвигали в патриархи митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена (Извекова). «Власти боялись влияния митрополита Никодима, вынуждены были считаться с его авторитетом. Об этом почему-то умалчивают те, кто ставят в вину покойному владыке его ориентацию не на противостояние, но на диалог с «царством кесаря», — пишет митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). — Однако мы-то помним, что епархиальным архиереям давались прямые указания и инструкции: ни в коем случае не голосовать за митрополита Никодима во время избрания Патриарха. Это можно назвать доказательством от противного: если кандидатура митрополита Никодима была неприемлема для гонителей веры, значит, его труды были угодны Богу и хороши для Церкви»⁵⁴⁸.

«Нэ жалэй!»

Однажды владыка рассказал о том, как, будучи еще в сане архимандрита, он был направлен в Грузию — присутствовать на праздновании тезоименитства грузинского патриарха Ефрема IV. Обращаясь с речью к виновнику торжества, гость из России произнес: «Ваше Святейшество!» — и далее по тексту, не учтя того, что у грузинского патриарха есть второй титул: «... и Блаженство». И тогда патриарх Ефрем, вклинившись, воскликнул: «Нэ жалэй! Нэ жалэй!»

Историк Рой Медведев приводит следующий эпизод, который говорит о многом. Разговаривая с католиком Грузинской православной Церкви в середине 1940-х годов, Сталин спросил его: «И кого же Вы больше боитесь — меня или Бога?» Служитель Церкви был в замешательстве и не смог ответить. Тогда Сталин высказал следующую мысль: «Я знаю, что Вы боитесь больше меня, иначе Вы не пришли бы на встречу со мной в обычной гражданской одежде» (духовенству тогда было «не рекомендовано» появляться вне храмов в церковном облачении). В этом контексте отождествление Сталина себя с Господом Богом полностью подтвердилось. Католикос действительно боялся Сталина больше, чем Бога⁵⁴⁹.

Еще одним *Блаженнейшим* был владыка Елевферий (Воронцов). Родился он в Москве в 1892 г., в архиереи рукоположен в 1943-м; стал епископом Ростовским и Таганрогским. После освобождения Чехословакии ему было предложено стать Патриаршим экзархом, архиепископом Пражским и Чешским.

Приехав в Прагу, осмотрелся: масса проблем, неустроенность. Вернулся в Москву, и сразу — на прием к патриарху Алексию I. Состоялась беседа.

— Ваше Святейшество! Освободите от послушания! Верните на родину!

— Владыко! Это ведь будет понижение! Здесь Вы и Высокопреосвященнейший и Блаженнейший!

— Да Бог с ним, с «Блаженнейшим»! верните на русскую кафедру!

Тем не менее Блаженнейшему пришлось пребывать на «братской чужбине» с 1946 по 1955 гг. А потом он, «желая служить на родине, а также по состоянию здоровья, устраняется от первосвященства и возвращается в Россию, где назначается на вдовствующую Ленинградскую митрополию»⁵⁵⁰.

Будучи еще архимандритом, о. Никодим был однажды приглашен на престольный праздник в собор, куда прибыло духовенство из разных епархий. У престола все должны вставать «по старшинству» — архимандриты, протоиереи, священники. У «младших» наперсные кресты посеребренные («беленькие»), у «средних» — позолоченные, а у «старших» — с украшениями. Здесь все просто, без вопросов. В своей «подгруппе» тоже можно определиться: пожилые, маститые протоиереи занимают почетные места, за ними следуют менее «продвинутые в возрасте».

о. Никодим оказался в паре с незнакомым архимандритом, при-

близительно одного с ним возраста. Казалось бы, становись к престолу и молись. Но занять место «одесную» (справа от престола) — более почетно, чем «ошуюю» (слева). И вот «конкурент» подходит к о. Никодиму и, сладко улынувшись, спрашивает: «Как Ваше святое имячко?»

— Никодим.

— А с какого Вы года?

— С 1929-го.

— И я с 29-го.

Отошел в раздумье. А через пять минут — новый заход.

— А в каком году Вас рукополагали?

— В таком-то.

— Надо же! И меня в том же!

Снова «впал в задумчивость», и по третьему кругу.

— А в каком месяце?

И тут о. Никодим не выдержал и рассмеялся.

— Батюшка! Становитесь справа! (И, дескать, не морочьте мне голову!)

«Ревнитель протокола» с радостью встал одесную; он, видимо, забыл евангельские слова: «Последние станут первыми...». А когда о. Никодим стал вторым лицом после патриарха, подобные «искатели чинов» подходили в рязанском соборе к матери владыки и пытались «приложиться к ручке»: Владычица! Но митрополит такие попытки безжалостно пресекал.

В 1970-х годах викарным архиереем Ленинградской митрополии был епископ (впоследствии — архиепископ) Тихвинский Мелитон (Соловьев). Бывший фронтовик, он до преклонного возраста сохранял врожденную мягкость и деликатность. Митрополит Никодим называл его «владыка-воин». Главным бухгалтером в епархии в те годы была горластая наглая теткообразная дама, не боявшаяся никого, кроме митрополита. Ежемесячное жалование почтительно, в конверте, доставлялось ему прямо в покои. А викарию она могла позвонить по местному телефону и изречь властным тоном: «Зайдите ко мне в кабинет!». И маститый архиерей смиренно заглядывал в «серпентарий»: «Вызывали?» Узнав об этом, митрополит немедленно уволил зарвавшуюся «владычицу»: «если хамство в крови — надо делать переливание крови». В резолюции на увольнение было начертано: «Для пользы Церкви».

Один из молоденьких иподиаконов владыки был призван на военно-морскую службу. Митрополит посылал ему телеграммы, иносказательно поздравляя с Рождеством, Пасхой и днем ангела. «Архипастырское благословение» он заменял простым «благопожеланием». А про ангелов — «сил бесплотных», в Вооруженных силах тогда лучше было не заикаться. И чтобы не «дразнить гусей» — особистов, владыка подписывал «шифровку» предельно кратко — «Ленинградский», что, вероятно, и давало чекистам пищу для размышлений, анализа, сопоставлений...

Этим иподиаконом был Герман Ветров, старший матрос, служивший тогда на военно-морской базе в Северодвинске. Когда приходила очередная поздравительная телеграмма, сослуживцы Германа кричали ему с КПП: «Ветров, тебе опять шифровка из Центра!».

Наконец чекистские нервы не выдержали, и однажды на «объект» в Северодвинске прибыл особист из вышестоящего Североморска. Майор в черной форме ВМФ с красными просветами на погонах: береговая охрана, военная прокуратура... Матроса Ветрова вызывают в кабинет к *замполиту* на *задушевку*.

— Как жизнь, как служба?

— Не жалуюсь. (А попробовал бы пожаловаться!)

Еще ряд отвлекающих вопросов, а потом внезапно:

— У тебя день рождения такого-то числа. А почему поздравления приходят в другое время? И кто такой «Ленинградский»?

Прижатый к стенке, старший матрос Ветров пытался что-то переспросить, но прозвучало резко: «Здесь вопросы задаем мы!». А потом был следственный конвейер, и в конце концов из Ветрова удалось выбить признание: он связан с «религиозниками». А это уже новый поворот темы.

— Значит, откажешься брать в руки оружие?

— Нет, почему? Я же не иеговист, а православный и давал присягу. А православные христиане всегда защищали Отечество: Александр Невский, Дмитрий Донской...

Особист чешет маковку, у него «ломка сознания»: их так не учили. А потом — долгая беседа, и соседи матроса Ветрова по казарме удивляются: «Уж полночь близится, а Германа все нет».

Идеологическое влияние ГлавПУРа на флоте всегда было слабее, чем в армии. Недаром моряки говорят: «Кто в море не ха-

живал, Богу не маливался». А особенно, если ты — в *подплавсе*. И вскоре Герман пошел на повышение: ему присвоили очередное звание — старшина 2-й статьи, повысили «классность». А потом и во все (по тем временам) фантастика: старшина 2-й статьи Ветров дважды в год убывал из расположения части на несколько дней в командировку — «с деликатной миссией». Автобусом до Архангельска, оттуда самолетом — либо в Москву, либо в Питер — к месту «дислокации» «Ленинградского». И эти «командировки» почему-то случались под праздник Рождества Христова и на Пасху.

Из аэропорта — в комендатуру за штампом в «предписании»: «Прибыл». Потом в собор — на архиерейское богослужение. И снова дежурный офицер в комендатуре дышит на печать: «Убыл».

А теперь приготовим носовые платки. Как-то по пьянке командир проболтался иподиакону-подводнику о том, что особист, который вел дело матроса Ветрова, вскоре сам чуть было не попал под трибунал. Возвращаясь из Северодвинска в Североморск, он в дороге «утратил» портфель с «материалами» на «разрабатываемого»... «Холодный ум» и «горячее сердце» с бодуна остались с «чистыми руками»... Смех сквозь слезы...

Ангел-хранитель оберегал Германа и при возвращении на «гражданку». Грузовик, на котором уволенные в запас возвращались из Северодвинска, перевернулся; в живых остался лишь один Герман. Продолжив учебу в семинарии, он принял монашеский постриг, закончил академию. Долгие годы архимандрит Маркелл был настоятелем Феодоровского собора в Царском Селе (г. Пушкин); в 2006 г. рукоположен во епископа Петергофского.

Но не всем «срочникам» везло так, как Герману Ветрову, особенно, когда речь шла о протестантах. В те годы в Петрозаводске зверь-уполномоченный захотел посадить местного баптистского пресвитера — уж больно активный миссионер-проповедник! И «на контакт» не идет. Предлог был найден: по воскресным дням в молитвенный дом тайно приходили верующие солдаты, отпущенные в увольнение из близлежащей воинской части. В «подсобрке» они переодевались в гражданскую одежду, чтобы не «светиться» во время богослужения.

И вот — милицейская облава: солдат бросили в воронку. А потом — под трибунал: за «покушение на дезертирство». Пастора — под следствие: пособник дезертиров, помогал доставать гражданскую одежду. А еще маячила статья за шпионаж: ведь та воинская часть была особо секретной.

Тогдашний старший пресвитер по Северо-Западу срочно прибыл в Петрозаводск — вызволять собрата из темницы. А хам уполномоченный на него — матом! Пришлось осадить самодура: есть свидетели, вечером вылетаю в Москву, а с утра — в Совет по делам религий, с жалобой на самоуправство.

... В аэропорте идет посадка на вечерний рейс, пассажиры проходят через «катушку» — контроль «на металл». Если даже у пассажира «все чисто», всегда можно устроить так, что раздастся тревожный звонок. А это — предлог для личного досмотра.

— Что у вас в кейсе? Откройте!

— Так, Библия! И еще одна? Значит — *распространение*! А как озаглавлен рукописный сборник-конспект? «Царство света и царство тьмы»? А это уже *антисоветчина*. Будем составлять протокол.

— Опоздаете на самолет? А Вам теперь торопиться некуда! Пройдемте!

Посадка на самолет закончена. А для старшего пресвитера она только начинается, но уже не на самолет. А просто — *посадка*. Что же спасло его в тот вечер от темницы? Как это ни странно — местное УКГБ, состоявшее в грызне с МВД. (Смертельная схватка спецслужб (Андропов — Щелоков) шла в Москве, но трясло и провинцию.)

В дежурку стремительно входит незнакомый человек в штатском.

— Сергей Иванович! Так ведь, кажется? Извините и забудьте!

(Рвет протокол, а «менту»: «Вон отсюда!!»)

— Простить-то прощаю, но на самолет я опоздал!

— Не волнуйтесь, отправим на вечернем поезде, за наш счет.

Утром поезд подходит к столичному Ленинградскому вокзалу, на перроне — руководство московской общины ЕХБ, уже «сориентированное»:

«Может, не надо жаловаться? Дело-то утряслось...»

И действительно, зачем жаловаться? В Петрозаводске и не таких обламывали. В 1944 г. вторым секретарем горкома партии стал «приснопамятный» Юрий Андропов. А через три года — вторым секретарем ЦК КП Карело-Финской ССР. Андропову было тогда тридцать три года. Как и для всех при Сталине, это было для Андропова беспокойное время. Первого секретаря арестовали. Андропов рассказывал, что и он «тоже ждал ареста со дня на день...

но пронесло»⁵⁵¹. Уже тогда он был искусным пловцом в кровавом море чисток.

... Как-то владыке Никодиму пришлось выступить в роли «капеллана». Одна из его поездок была в соседнюю Польшу, и он направился туда поездом. В Бресте — двухчасовая стоянка: пограничный контроль, таможенный досмотр, смена колесных пар под узкую колею. Офицер-пограничник обратился к нему с необычной просьбой: нельзя ли за это время съездить в воинскую часть и поговорить по душам с призывником-отказником? И вот архиерей на армейском «козлике» едет в пункт дислокации, оставив свое купе на попечение келейника.

«Увещательная беседа» оказалась бесплодной.

— Я ему: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин., 15, 13). А он мне: «Вложи меч в ножны» (Ин., 18, 11). Я ему: «Продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22, 36). А он мне: «Меч Господень! Возвратись в ножны свои!» (Иерем. 47, 6).

Так и ходили по кругу...

Визит архиерея в воинскую часть по тем временам был большим ЧП. А сегодня мы воспринимаем как нечто обыденное такие строки: «В настоящее время российских военнослужащих окормляют около 2000 епархиальных священников, из них около 950 — на постоянной основе... В соответствии с Соглашениями о сотрудничестве, военнослужащие срочной службы имеют возможность в воскресные и некоторые праздничные дни участвовать в богослужениях в 156 воинских храмах и часовнях, а также более чем в 400 монастырских и приходских храмах, находящихся недалеко от мест дислокации воинских частей. Продолжается строительство новых гарнизонных храмов. В частности, в 2003 г. завершено строительство храмов во всех военных гарнизонах Ядерно-технического комплекса Вооруженных сил»⁵⁵².

И мы начинаем привыкать к тому, что на территории штаба Ракетных войск стратегического назначения действует храм преп. Ильи Муромца.

«Турецкая Пасха»

У владыки был реальный взгляд на современное положение Константинопольского патриархата. Где-то в душе он, по-видимому, считал, что Москва по-прежнему остается Третьим Римом.

В официальной церковной печати Патриарх Константинопольский никогда не именовался «Вселенским».

У Московского патриархата были старые счеты с Константинопольским. Угрожаемое положение «Вселенского» престола, подвергнутого жесточайшим репрессиям со стороны правительства Кемаля Ататюрка, вынуждало Константинопольских патриархов и тесно связанных с ними глав других Восточных Церквей искать поддержки сначала у царского правительства, а затем и у советского. Такую поддержку обещали выхлопотать обновленцы; они всячески укрепляли авторитет восточных патриархов, признавших обновленческий Синод единственным законным возглавлением Русской православной Церкви, патриарха Тихона — виновником церковного нестроения, а сам институт патриаршества, как родившийся в ненормальных условиях революционной эпохи, — неуместным и вредным для Русской Церкви.

Лишь после того как митрополит Сергей (Страгородский) сумел добиться такого же «доверия» советской власти, как и обновленцы, восточные патриархи признали также и его Синод и стали призывать к объединению двух частей Русской Церкви (обновленческой и сергианской)⁵⁵³.

23 апреля 1924 г. Постановление Вселенского Патриарха Григория VII об «отстранении» патриарха Тихона от управления Русской Церковью, о признании обновленческого Синода и о направлении делегации в Москву для расследования⁵⁵⁴.

Июнь 1924 года. Ответное послание патриарха Тихона Вселенскому патриарху о внутрицерковных делах в России с возражениями против его позиции.

«...Прочитав указанные протоколы, Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви...»⁵⁵⁵.

10 июня 1924 года. Открытие обновленческого «Предсоборного совещания» (перед «Вселенским собором», назначенным на 1925 г., после Пасхи в Иерусалиме).

Участие представителей Константинопольского и Александрийского патриархатов. Избрание Константинопольского патриарха Григория VII почетным председателем Совещания. Из приветствия Совещания Советскому правительству: «...Великое Россий-

ское Предсоборное совещание отмечает перед церковно-общественным русским и зарубежным миром, что всем этим оно обязано принципам советской государственности, предоставившей впервые за всю русскую историю действительную свободу совести...»⁵⁵⁶

1 января 1931 г. Приветственная рождественская грамота Вселенского Патриарха Фотия II обновленческому Синоду с выражением скорби об отсутствии «умиротворения» в Русской церкви.

Приветственная рождественская грамота патриарха Иерусалимского Дамиана обновленческому Синоду⁵⁵⁷.

Будучи представителем Третьего Рима (Москва), митрополит Никодим постоянно отстаивал позиции Русской православной Церкви на переговорах с представителями Второго Рима (Константинополь). Так, митрополит Никодим резко прокомментировал подписанные 7-го декабря 1965 г. папой Павлом VI и Константинопольским патриархом Афинагором документы по поводу отмены взаимных отлучений между Римом и Константинополем. «Декларация Константинополя — это поспешный и неосторожный шаг Афинагора, она поставила другие Церкви перед свершившимся фактом, — вскоре заявил владыка Никодим в одном из интервью. — Такие важные решения не должны приниматься в спешке. Афинагору легко делать впечатляющие жесты. За ним никого нет. Но мы имеем миллионы верующих. Мы должны учитывать их реакцию и иметь в виду мнения верующих, клира и епископата. Афинагор вынужден вести себя так из-за своих трудностей с турками»⁵⁵⁸.

Владыка Никодим рассказал об одном из Всеправославных совещаний на о. Родос, когда патриарх Афинагор все подготовил заранее: был назначен председатель, были установлены распорядок дня и процедура. Тогда митрополит Никодим поднялся и отказался продолжать дискуссию до тех пор, пока собрание свободно не изберет председателя и не утвердит регламент дня: «Я готов воздать должное уважение Вселенскому Патриарху, но я не приму какого-либо приказа с его стороны. У меня есть мой Патриарх и мой Синод. Я ясно сказал журналистам, что не может быть одновременно двух Пап. Тот факт, что одна из Православных Церквей приблизилась к Риму, не сможет облегчить процесс сближения Православных Церквей между собой»⁵⁵⁹.

Тем не менее, «на людях» противостояние Второго и Третьего Рима не афишировалось. Так, на одной из пресс-конференций один западногерманский журналист спросил владыку Никодима: правда ли, что между Московской и Константинопольской патриархи-

ями натянутые отношения? И митрополит резко ответил: «Вы это спрашиваете, потому что желаете, чтобы эти отношения продолжали быть натянутыми и стали еще хуже. Должен вас разочаровать, Вы этого никогда не дождетесь. Если между нашими Патриархатами и возникают иногда разногласия, то мы их братски улаживаем, путем взаимных переговоров, а в будущем надеемся достигнуть полного единомыслия». Такого рода ответы очень нравились грекам, и они начали провозглашать архиепископа Никодима «великим дипломатом»⁵⁶⁰.

В 1970 г. владыка пошел на заведомый конфликт с Константинополем, подготовив решение Синода РПЦ о даровании автокефалии Американской православной Церкви и автономии — Японской. Вот что пишет об этом архиепископ Брюссельский Василий.

«Митрополит Никодим потрудился больше всех в деле дарования Московской Патриархией автокефалии американской «митрополии», наследнице дореволюционной Североамериканской епархии Русской Церкви, плоду трудов русских миссионеров XVIII-XIX вв. с преподобным Германом Аляскинским и святителем Иннокентием Московским во главе, включая и Патриарха Тихона, и в деле преобразования ее в Православную Церковь в Америке. Именно ему принадлежит мысль об автокефалии. Ему пришлось много бороться за нее, прежде чем, с греками. Они оказались неспособными противопоставить что-либо положительное, творческое и подлинно церковное смелому замыслу владыки Никодима. Ему пришлось бороться также с людьми, неспособными возвыситься над узконациональными или местными интересами на высоту вселенской канонической правды. Милостью Божией он нашел в Соединенных Штатах активных сотрудников и компетентных советников в лице достойных священнослужителей, протоиереев (впоследствии протопресвитеров), профессоров Владимирской Духовной Академии»⁵⁶¹.

Митрополит Никодим любил рассказывать историю о том, как один из титулярных архиереев (т. е. не имеющий реальной епархии) Константинопольской патриархии с подковыркой спросил митрополита Московской патриархии: «Какого числа в этом году будет советская Пасха?» — «В тот же день, что и турецкая», — последовал ответ.

Пути митрополита Никодима и Солженицына никогда видимым образом не пересекались. (Разве что Александр Исаевич несколько лет прожил на Рязанщине). И «Великопостное послание» в 1972 г. Солженицын адресовал не владыке Никодиму, а тогдашнему главе Русской православной Церкви (МП) — патриарху Пимену. «Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище, не виданное за два тысячелетия!» — написал он, вызвав переполох в ЦК КПСС, где принялись срочно мобилизовывать религиозных деятелей под знамена борьбы с «клеветническими наветами на Русскую православную Церковь». (Будущий «перестройщик № 2» — А. Н. Яковлев в ту пору был первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС)⁵⁶².

Парадоксально, но факт: в «деле Солженицына» единственным «голубем» оказался Андропов, да и тот предпочитал выслать Солженицына не по доброте душевной. Хорошо было Политбюро решать, что должны делать другие, не неся при этом никакой ответственности за исполнение решений. Андропов же знал, что все негативные последствия ареста и суда над Солженицыным повесят ему на шею. И он, разумеется, нашел выход, как повернуть решение Политбюро на 180 градусов, а точнее говоря, нашел страну, которая согласилась принять Солженицына вопреки воле писателя.

Для Андропова и отчасти для Громыко решение Политбюро об уголовном преследовании Солженицына было крайне неприятно. Мало того, что Политбюро с ними не согласилось и отвергло их рекомендации — а такое поражение уже само по себе ничего хорошего не означало, — но все их хитрые игры в «детант» (разрядку международной напряженности) оказывались под ударом. Что же им еще и оставалось делать, как не обратиться к «партнерам» по этой игре — немецким социал-демократам? И те не подвели. В течение месяца ответ был найден: канцлер ФРГ Вилли Брандт 2 февраля вдруг заявил, что Солженицын может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ.

«Такое заявление Брандта дает все основания для выдворения Солженицына в ФРГ, приняв соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его гражданства. Это решение будет правомерно и с учетом наличия в отношении Солженицына материалов о его преступной деятельности»⁵⁶³, — тотчас доложил Андропов в ЦК.

Для сравнения. Во время войны, в одно почти время с Солженицыным, такое же «преступление» совершил немецкий писатель Борхерт, нелегально отозвавшийся в частном письме с фронта о фюрере. Борхерт получил по суду восемь месяцев заточения, а Солженицын — 180. Почувствуйте разницу.

Мало того, чтобы уж наверняка добиться своего, Андропов делает еще две вещи: во-первых, инспирирует доклад своих подчиненных — Чебрикова и Бобкова — о настроениях в стране в связи с делом Солженицына, где дается понять, что у того довольно много последователей даже среди рабочих, считающих, что писатель выступает за снижение цен и «против вывоза из страны необходимых народу товаров под видом помощи арабским государствам».

Во-вторых, он обращается с письмом лично к Брежневу, где пишет, что вопрос о Солженицыне «в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, имеющую определенный политический характер».

«Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына»⁵⁶⁴.

Словом, Андропов добился-таки своего и, конечно же, был прав: издержек при выдворении было гораздо меньше. Оттого-то этот вид политической расправы и стал таким распространенным к концу 1970-х годов.

Когда началась травля будущего нобелевского лауреата, многие «номенклатурщики» должны были «отработать должок»: в «Правде» и «Известиях» появились гневные письма выдающихся деятелей науки, культуры и искусства — с осуждением «литературного власовца». Многие подписывали «телегу» недрогнувшей рукой, не терзая себя муками совести. (Какие могут быть муки того, чего давно нет?) А совестливых «удушали в объятиях». О том, как это было с Василием Быковым, рассказывает лауреат премии Солженицына Игорь Золотусский.

Те, кто мечтал его согнуть, не забывали о нем. И в один прекрасный вечер (или уже была ночь) ему, находящемуся в команди-

ровке в каком-то городе и проживавшему в гостинице, позвонили из Москвы. Незнакомый голос, отрекомендовавшись сотрудником газеты «Правда», сообщил Быкову, что завтра в номере будет напечатано письмо писателей, сурово осуждающих Солженицына, и что под этим письмом, подписанным видными деятелями культуры, стоит и его, Быкова, подпись. Василь в трубку закричал: «Нет!», что-то хотел добавить, но Москва дала отбой — она не желала его слушать.

На следующий день вышел злополучный номер «Правды», где среди авторов напечатанного в ней письма (по-моему, называвшего Солженицына чуть ли не «власовцем») рядом с другими именами стояло и имя Быкова. Это был удар прямо в сердце. С Быковым случилось то, что случалось в его же повестях с его героями.. Авторы этой подлой акции решили «ликвидировать» писателя Быкова, потому что с таким клеймом он был уже не Быков. Теперь любой гражданин, показав ему эту газету, мог сказать: «А ты кто? И чем ты отличаешься от изображенного тобой Рыбака? Или от труса Голубина из повести «Пойти и не вернуться»?

Как было доказать свою правоту, как рассказать о том, как все произошло? В печати тебе никто не даст этого сделать, а ходить по домам и объясняться с теми, кто до сей минуты верил в тебя — да разве это возможно? Василь замкнулся. Представляю, на сколько звонков ему пришлось отвечать, на сколько вопросов на улице, в доме, где он жил. Завистники и ненавистники, тут же повывлезшие из нор, потирали руки и высоко задирали носы: «Вот вам и Быков!».

Быков после этого много писал, нигде, как всегда, не отступая от правды, но то ли кончилось его время, то ли оно кончилось и для нас. Власть, похоже, считала «дело Быкова» закрытым. На него посыпались премии и награды: Государственная премия (1974), Ленинская премия (1986), звание Героя социалистического труда (1984)⁵⁶⁵.

Честь российской литературы спасла Лидия Корнеевна Чуковская. В сентябре 1973 г., в разгар газетной травли Сахарова и Солженицына, в самиздате и по «голосам...», прозвучала ее статья «Гнев народа».

Она назвала «актерами народного гнева» авторов бездумных, угрожающих и лживых обвинений, которыми запестрели страницы советских газет.

Чуть позже в статье «Прорыв немоты» Чуковская приветствовала выход первого тома «Архипелаг ГУЛАГ». Она написала: «В наших газетах Солженицына объявили предателем. Он и в самом деле предал — не родину, разумеется, за которую честно сражался, и не народ, которому приносит честь своим творчеством, а Государственное Управление Лагерьей — ГУЛАГ, — предал гласности историю гибели миллионов, которую обязан знать наизусть каждый, но которую власть из всех сил пытается *предать забвению*. . . Солженицын — человек-предание, человек-легенда — снова прорвал блокаду немоты. . . вернул событиям их истинный вес и поучительный смысл».

А в 1974 г. Лидия Чуковская была исключена из Союза писателей за свою гражданскую позицию, выражающую непримиримость со злом и сопротивление ему.

Кто-то из деятелей искусства по тактическим соображениям «не возражал» против подписи под текстом, осуждавшим Солженицына. Так, главный режиссер Ленинградского БДТ Георгий Товстоногов долго бился с обкомом за разрешение на постановку жутко смелого спектакля «Три мешка сорной пшеницы» (Премьера 27 декабря 1974 г.; кто сейчас помнит об этой пьесе?) А в качестве «предоплаты» — подпись под письмом в «Правде» (24 января 1974 г.): «Пропагандистская сенсационная шумиха, поднятая на Западе вокруг антисоветской книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», призвана помешать благотворным переменам в мире. Нетрудно заметить, с каким злорадством воспринято это сочинение теми, кто радуется любому поводу, мешающему духу сотрудничества и сближения народов в борьбе за мир». Товстоногов Г.

О том, как при советской системе всячески поощрявшейся властями могла проявиться и расцвести пышным цветом вся мразь, таящаяся в глубинах человеческой души, поведала Галина Вишневская.

Группа певцов: Милашкина, Атлантов, Мазурок, придя на вечернюю запись своей «Тоски», узнали, что утром началась запись той же оперы с другим составом. Казалось бы, ну и делай свое дело, пой как можно лучше, их же не лишили их работы. Но куда деваться от зависти? Нужно было любыми средствами избавиться от опасных конкурентов. Ухватившись, как за якорь спасения, за высланного уже Солженицына и его «Архипелаг ГУЛАГ», пошли они в ЦК партии к Демичеву. К их благородной миссии, почуяв

хорошую поживу, присоединились Нестеренко и моя бывшая ученица Образцова.

Увидев у себя в приемной рано утром караулящих его приход «трех мушкетеров» и двух «леди», Демичев был несказанно удивлен.

— Чем я обязан столь раннему визиту артистов Большого театра?

Первым выступил тенор — Атлантов, — хватив сразу с высокой фальшивой ноты:

— Петр Нилыч, мы пришли к Вам по чрезвычайно важному делу, и не как артисты, а как коммунисты. Мы просим отстранить Ростроповича (Мстислав Ростропович — муж Галины Вишневской — прим. ред.) от оркестра театра.

— А разве он плохой дирижер? Вы имеете что-нибудь против него как музыканта?

И он в отдельности каждому задал этот вопрос, на что каждый ответил, что музыкант Ростропович великий и дирижер то же самое.

— Так чем же он вас не устраивает?

Тенор, баритон, бас, сопрано и меццо-сопрано, не считаясь со слаженностью ансамбля, заголосили, каждый желая выделиться, кто как может.

Он поддержал Солженицына своим письмом и тем самым выступил против линии нашей партии. . . И теперь, когда по иностранному радио передают «Архипелаг ГУЛАГ», мы от имени коллектива и коммунистов Большого театра требуем не допускать Ростроповича к оркестру театра. (Ай, как не повезло им, что был уже не 37-й год!).

Тут уж даже выдавший виды секретарь ЦК по идеологии разинул рот от столь блестящего и хитрого хода и долго пребывал в таком состоянии. Когда же опомнился, то понял, что оставить сей великолепный донос без внимания нельзя: бравая пятерка, имея на руках «козырный туз» — не допустить к оркестру Большого театра врага народа, — побежит в другой кабинет по соседству, уже с доносом на него, что у него отсутствует чувство бдительности. . .

Всю эту историю рассказал нам на другой день, зайдя к нам вечером, министр внутренних дел Н. А. Щелоков, закончив ее вопросом:

— А что же ваша протеежа Образцова? Ей-то что было нужно?⁵⁶⁶

В Московской патриархии таких «инициативников», к счастью, не было, но кто-то должен был подписать бумагу в стиле: «Мы, как и весь советский народ...». Однако «Старая площадь» решила не тревожить ни Святейшего, ни Высокопреосвященнейшего. Подобное письмо от Московской патриархии было опубликовано в тогдашней прессе за подписью престарелого митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима. Того самого Серафима, который, будучи ранее архиепископом Курским, предписал исключить из месецеслова празднование иконы Божией Матерью Курской Коренной. Вот текст этого «исторического документа».

Александр Солженицын, очевидно, склонен считать себя христианским писателем, выражающим чувства, мысли и настроения Русской православной Церкви. Однако своими действиями он раскрыл, что в душе он не является христианином, а является человеком, который с неудержимой ненавистью, как кажется, наслаждается нагромождением клеветы на страну, в которой он родился. Как мы, верующие нашей страны, рассматриваем поведение этого человека, который исповедует то, что он христианин?... человек, не имеющий ничего святого...

Солженицын, как блудный сын, пользуется всеми благами нашего мирного труда, однако он отверг христианскую веру в помощь своим ближним и опустился до того, что оскорбляет наш народ и нашу страну, присоединившись к тем, кто хочет подорвать мирную жизнь людей. После всего, что он сделал против нашей страны, может ли Солженицын действительно считаться ее сыном? В глазах верующих Русской Православной Церкви он давно уже утратил право называться христианином.

Искренне, Серафим, митрополит Крутицкий и Коломенский, Москва⁵⁶⁷.

В те дни честь Русской православной Церкви спас архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). Вот что он пишет в своих «Воспоминаниях».

Как известно, Солженицын был выслан из России в феврале 1974 г. Как ни возмутителен был этот факт сам по себе, мне и в голову бы не пришло против него протестовать, так как не архиерейское дело заступаться за писателей. А у Солженицына и без меня много защитников, не говоря уже о том, что всякие протесты против советской власти совершенно бесполезны. Но я воз-

мущался до глубины души, что в это дело вмешался митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим и «как митрополит Русской Православной Церкви» одобрил высылку Солженицына. Поэтому я тоже «как архиепископ Русской Православной Церкви» в телеграмме Патриарху Пимену от 17 февраля выразил свое «глубокое огорчение» поступком митрополита Серафима⁵⁶⁸.

А в Совете по делам религий на это смотрели иначе. В самом деле, кто такой «гражданин Кривошеин»? — Эмигрант-невозвращенец, 1925 по 1947 гг. жил на Афоне, «где оторвался от действительности». Другой дело — владыка Серафим (Никитин). В 1928 г. окончил государственный архитектурный институт; в течение ряда лет — на гражданской службе. С 1941 по 1945 гг. — в рядах Советской Армии. С 1945 по 1951 гг. — снова «на гражданке». В 1951 г. рукоположен во диакона, в 1962 г. принял монашество, в 1962–1971 гг. — епископ Курский и Белгородский, с 1971 по 1977 гг. — митрополит Крутицкий и Коломенский⁵⁶⁹. Человек наш, проверенный.

Но, как сказал поэт, «бывают странные сближенья». В 1974 г. КГБ бросило нобелевского лауреата на нары в Лефортово (перед высылкой за границу).

Впрочем, нам не привыкать. Прочитируем краткое, но выразительное сообщение о присуждении Нобелевской премии Ивану Бунину, появившееся на родине писателя в ноябре 1933 г. Изворотливый автор в лучших советских традициях объяснял тогда, на кого и почему пал выбор Шведской академии: «... белогвардейский Олимп выдвинул и всячески отстаивал кандидатуру матерого волка контрреволюции Бунина, чье творчество, особенно последнего времени, насыщено молитвами смерти, распада, обреченности в обстановке катастрофического мирового кризиса, пришлось, очевидно, ко двору шведских академических старцев».

Несколько лет спустя фюрер бесновался по поводу присуждения «нобелевки» Карлу фон Осецкому (1889–1938). (Немецкий публицист польского происхождения был обвинен в государственной измене за критику фашизма и помещен в концлагерь Зонненбург. Присуждение Осецкому Нобелевской премии мира [1936 г.] вынудило нацистов перевезти тяжело больного писателя в больницу, где он и умер.) А кремлевские вожди бились в истерике всякий раз, когда узнавали о присуждении Нобелевской премии Пастернаку, Солженицыну, Сатарову, Бродскому... 25 октября 1958 г.

газета «Правда» статьей «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» начала травлю Бориса Пастернака, удостоенного Нобелевской премии по литературе за изданный за границей роман «Доктор Живаго». Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Семичастный не преминул выразить «отношение молодежи» к этому событию: «Свинья не сделает того, что он сделал...».

Солженицын сидел в Лефортово, когда экзарх Западной Европы митрополит Антоний (Блюм) демонстративно отслужил в Лондоне молебен «за здоровье раба Божия Александра». Снять владыку Антония с Лондонской кафедры органы не смогли (руки коротки), но должность экзарха он оставил. И тогда это бремя взял на себя митрополит Никодим; должность экзарха стала еще одной — наряду с прочими его многочисленными титулами.

Патриарший Экзарх

Первая «атака» на владыку Антония (Блюма) была предпринята в 1964 г. О том, как это было, рассказывает архиепископ Василий (Кривошеин).

В конце сентября 1964 г. Патриарх Алексий совершал, по приглашению Англиканской Церкви, поездку в Англию в сопровождении целого ряда лиц. В состав делегации входил и митрополит Никодим. Чтобы встретиться с Патриархом, я тоже поехал в Лондон. Здесь я был принят Патриархом, несколько раз говорил и с митрополитом Никодимом.

В Лондоне, на Темзе, в день Богоявления Господня был совершен православными крестный ход и крещенское водосвятие, имевшее характер своего рода протеста и демонстрации против гонений на Церковь в Советском Союзе. Наш Экзарх, архиепископ, впоследствии митрополит, Антоний возглавлял богослужение.

Протоирей Сербской церкви Владимир Родзянко произнес пламенную речь о преследовании Церкви (сам владыка Антоний ничего не говорил). Об этом богослужении было заранее написано в газетах, посему собралось множество народу, и вообще все дело сильно на шумело. Понятно, что вся эта демонстрация очень не понравилась большевикам, которые стали давить на Московскую Патриархию, чтобы Экзарха Антония сместили с его поста. Патриархия долго не хотела вмешиваться, но, наконец, уступила — с решением все обставить «приличным образом».

Дело облегчалось для них тем, что у владыки Антония, при всех его выдающихся личных качествах пастыря и проповедника, умеющего привлекать людей к Церкви, были крупные административные недостатки (он не отвечал на письма, не ездил в Париж и запустил там все дела Экзархата, так что целый поток жалоб шел из Парижа в Московскую Патриархию). Однако в самой Англии дела у владыки Антония шли хорошо. Причина, по которой Куроедов требовал его удаления, крылась совсем в другом. Как бы то ни было, патриаршая делегация, со Святейшим во главе, отправилась в Лондон — с намерением предложить архиепископу Антонию добровольно подать в отставку с должности Экзарха (оставаясь правящим архиереем в Англии).

Об этой поездке узнал в Женеве наш представитель при Всемирном Совете Церквей отец Виталий Боровой и страшно обеспокоился! Он подсел на самолет Патриарха в Женеве и, как мне рассказывал сам о. В. Боровой, всю дорогу вел разговор с владыкой Никодимом. Он убеждал митрополита Никодима не настаивать на увольнении архиепископа Антония, так как тот пользуется огромной популярностью на Западе, в инославных и экуменических кругах, не говоря уже о православных. Отец Виталий говорил, что эта отставка нанесет огромный вред Московской Патриархии и будет воспринята как (именно!) гонение на Церковь. «Мне удалось убедить владыку Никодима. Он обещал не вмешиваться в это дело, во всяком случае, не настаивать на увольнении архиепископа Антония», — рассказывал мне о. Виталий.

По-видимому, митрополит Никодим исполнил свое обещание и не вмешался. Накануне отъезда из Англии Патриарх принимал вечером, в присутствии митрополита Никодима, архиереев нашего Экзархата по отдельности. Когда он принял меня, я вручил ему письмо от нашего парижского архимандрита Дени Шамбо. Не читая его, Патриарх спросил: «Скажите, что произошло между о. Дени и вашим бывшим Экзархом митрополитом Николаем? Почему они разошлись и не могут работать вместе?» Я сказал, что «с владыкой Николаем не только о. Дени, но и никто не мог работать. Он был крайне подозрительный и нервный человек, а поэтому мы все облегченно вздохнули и были рады, когда на его место был назначен владыка Антоний». Это было чистой правдой, но, зная о ситуации, мне хотелось подчеркнуть качества владыки Антония и поддержать его. «Почему, ведь он не справляется со своим делом как Экзарх?» — удивился Патриарх.

Я ответил, что у него могли быть некоторые административные промахи, не отвечал на письма, не ездил в Париж и т. д., но все это мы готовы терпеть. Важно, что он — хороший пастырь и духовный руководитель, его любят и ценят не только в Англии.

«Да, — он хороший приходский батюшка», — ответил Патриарх. Хочу заметить, что при этом разговоре присутствовал и митрополит Никодим, он сидел молча и ни во что не вмешивался. Выйдя от Патриарха, я понял, что положение архиепископа Антония сильно пошатнулось, и решил рассказать ему о разговоре с Патриархом.

Мы встретились с ним только на следующее утро, когда пили чай в его доме, где я остановился вместе с епископом Алексием (Ван дер Менсбрюгге). Неожиданно владыка Антоний произнес: «Вчера Патриарх предложил мне подать в отставку и просил подготовить мое прошение и подать его». Мы были поражены, хотя после моего вчерашнего разговора с Патриархом можно было этого ожидать. И вот как владыка Антоний рассказал подробности встречи: «Вчера Патриарх принял меня поздно вечером. Пока я ожидал приема, ко мне подошел Даниил Андреевич Остапов. Он начал подробно расспрашивать, как мое здоровье, не переутомляюсь ли я от дел, справляюсь ли с ними, не тяжела ли для меня обязанность Экзарха и все в таком духе». Архиепископ Антоний, по скромности, естественно, ответил, что, конечно, ему трудно, что он плохо справляется, что здоровье у него слабое... (но это не означало отказа от экзаршества). После этого расспроса Остапов вошел к Патриарху и сказал ему, что архиепископ Антоний сам признает, что не справляется со своими обязанностями и даже ими тяготится! Через несколько минут владыку вызвал Патриарх, который сразу сказал ему: «Я слышал, что Вы не справляетесь со своими обязанностями как Экзарх и тяготеете ими... Предлагаю Вам подать прошение об освобождении Вас от обязанностей Экзарха по состоянию здоровья. Прошу приготовить это прошение к завтрашнему утру и вручить его мне до отъезда из Англии».

«Я так и сделал. Написал прошение и сейчас иду подавать его Патриарху», — закончил свой рассказ архиепископ Антоний. (Добавлю ко всему, что в последние дни он был награжден орденом Святого Владимира первой степени, официально — за организацию приема делегации в Англии, но, скорее, чтобы «позолотить пилюлю» отставки.)

А протоиерей Виталий Боровой, комментируя роль Д. А. Остапова в этом деле, резонно сказал мне: «Роль Остапова, как агента Куроедова и КГБ, в организации и проведении отставки владыки Антония выявилась с полной ясностью и в полный рост. То, чего не затеял сделать митрополит Никодим, успешно проделал Остапов»⁵⁷⁰.

«Дело Блюма» было закрыто (до поры до времени). 6 октября 1964 г. в Серебряном Бору за «хитрым ужином» собрались владыка Никодим, архиепископ Брюссельский Василий и П. В. Макарец — помощник Куроедова в Совете по делам религий.

«Я был удивлен неожиданной встречей, пишет владыка Василий. — Сели ужинать, митрополит Никодим — во главе стола, я — направо от него, Макарец — налево, напротив меня. Видно было по всему, что он здесь бывает часто и чувствует себя как дома. Говорили, что он с митрополитом Никодимом «на ты», но я этого не заметил. Слышал я и о том, что владыка Никодим спаивает его и тогда добивается уступок для Церкви и разрешения тех или иных вопросов, но насколько это была правда, я не знаю. Впрочем, это было распространенное явление в Советском Союзе, когда архиереи спаивали уполномоченных, чтобы они лучше относились к Церкви. Таким «методом» особенно пользовался, как говорят, рижский римско-католический архиепископ. Сейчас, однако, Макарец оставался все время трезвым».

Сначала разговор шел по принципу: «Все ни о чем, ничего обо всем», и владыка Василий начал недоумевать, почему его пригласили «на Макареца». Но вот наступил «момент истины», о чем и рассказывает архиепископ Брюссельский.

Вдруг митрополит Никодим как-то сосредоточился, задумался, переглянулся с Макарецевым и, помолчав минуту и каким-то серьезным голосом проговорил (я сразу почувствовал, что начинается «настоящее» дело): «Удивил нас владыка Антоний своим прошением об отставке. Вот уж не ожидали. Чего это ему вздумалось? Он нас огорчил!». Сердце мое так и забилося. Ведь как мы знаем, это все было не так. Но, в свою очередь, я удивился: неужто владыка Никодим так наивен, чтобы полагать, что архиепископ Антоний не рассказал мне о подлинных обстоятельствах его отставки, от кого исходила инициатива, и как все было «хорошо» обставлено. Нет, митрополит Никодим не был так наивен, с его стороны это был сознательный маневр, чтобы я усвоил и подтвердил официальную версию: добровольную,

по собственной инициативе и по состоянию здоровья, отставку владыки Антония. «Насколько мне известно, — ответил я, — сам Патриарх предложил архиепископу Антонию подать прошение об освобождении от должности Экзарха. И мы все очень огорчены таким оборотом дела и его уходом». Тут в разговор вмешался Макарецев, и они вместе с митрополитом Никодимом начали критиковать владыку Антония как Экзарха (запустил все дела, не отвечает на письма, идут на него жалобы и т. д.). На что я ответил: «Как мне известно, в Англии все им довольны, да и в Париже не так все плохо. Мы очень ценим его как человека и Экзарха, гораздо больше, чем его предшественника, митрополита Николая. А владыку Антония мы ценим за его пастырские способности и личные качества. Кроме того, он пользуется широкой известностью и популярностью в инославных кругах западного мира. Его увольнение произведет большой шум на Западе и будет понято как гонение на Церковь».

Последний аргумент, видимо, произвел впечатление на Макарецева, он задумался и сказал: «Так что же, по-Вашему, нужно делать?». На что я ответил: «Очень просто, не принять прошения архиепископа Антония и оставить его на должности Экзарха».

На этом разговор прекратился, и на лицах моих собеседников я увидел явное разочарование от моего предложения. Они обманулись в своих ожиданиях, ведь они, конечно, полагали, что я присоединюсь к критике архиепископа Антония и одобрю его увольнение. Моя защита владыки Антония их разочаровала, а следовательно, и моя готовность сотрудничать с ними оказалась из вымыслом. Словом, моя кандидатура отпала сразу, и «смотрины» провалились, чему я был только рад!

Как ни странно, последствия нашего ужина оказались для архиепископа Антония совсем благополучными. А именно, заседание Синода, на котором, как я слышал от сопровождавшего меня по Москве священника, должно было рассматриваться прошение владыки Антония и назначение нового Экзарха, было в последнюю минуту отменено. Через некоторое время он был вызван в Москву, виделся с Куроедовым и Макарецевым и не только не был уволен, но был подтвержден в должности Экзарха и возведен в сан митрополита⁵⁷¹.

Но ровно через десять лет, в 1974 г., владыка Антоний (Блюм) был освобожден от должности Экзарха. О нюансах этой «причин-

но-следственной связи» вспоминает архиепископ Брюссельский Василий.

21 февраля 1974 г. наш Экзарх, митрополит Антоний Сурожский, подал прошение об освобождении его по состоянию здоровья от должности Экзарха. Так как это прошение было подано всего через три дня после того, как он служил в своем лондонском трамве «молебен протеста» о диссидентах в связи с высылкой Солженицына, то в западном общественном мнении отставка его была понята, как будто бы Московская Патриархия уволила его за этот «протест».

На самом деле это было не так: в отличие от 1964 года, когда владыка Антоний вынужден был подать в отставку, сейчас его отставка была для Патриархии неожиданной и даже нежелательной, так как создавала впечатление, будто митрополит Антоний стал жертвой репрессий с ее стороны. Митрополит Никодим, любивший подчеркивать, что митрополит Антоний был его кандидатом в Экзархи, хотя он впоследствии в нем разочаровался в деловом отношении, ценил его в качестве Экзарха как человека, пользовавшегося большой популярностью на Западе. В связи с этим прошение митрополита Антония было принято Синодом только 5 апреля, а назначение нового Экзарха задержалось до 3 сентября. Помню, я получил тогда в Брюсселе телеграмму о назначении Экзархом митрополита Никодима. Для всех это было полной неожиданностью...

Но самое главное: человеку, пережившему несколько инфарктов и нуждающемуся в отдыхе, было бы безумием нагружать себя еще новой работой. К сожалению, митрополит Никодим не хотел этого понять, и чем дальше шло время и чем сильнее ухудшалось его здоровье, тем он больше стремился расширяться и торопился⁵⁷².

В границах Советского Союза Русская православная Церковь была «Церковью молчащей». Но на «зарубежный роток не накинешь платок». И на защиту ее доброго имени открылись уста сразу двух заграничных архиереев, причем они действовали независимо один от другого. Об этом писал архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) митрополиту Сурожскому Антонию (Блюму).

Я рад, что мы в один день, 17 февраля, не сговорившись между собою, каждый по велению своей архиерейской совести, выступили: Вы — молебном о «людях доброй воли», я — телеграммой Патриарху. Для меня очень отрадно и духовно, и практически, в

смысле взаимной поддержки, хотя между нашими выступлениями большая разница. Вы, вероятно, будете не согласны, но скажу прямо, как думаю: Ваше выступление политическое, в широком смысле этого слова и в хорошем его смысле, мое церковное. Поводом Вашего молебна была высылка Солженицына, целью — молитвенная поддержка его и всех «инакомыслящих» и политический заключенных в России (Буковский и т. д.). Поводом моей телеграммы было не изгнание Солженицына как таковое, а выступление митрополита Серафима против него. Если бы митрополит Серафим не выступил, и я, вероятно, не считал бы полезным и возможным вмешаться, при всем моем сочувствии Солженицыну. Правда, это сочувствие, ярко выраженное в моей телеграмме, придаст и ей «политический» характер, но это не на первом месте. Главная моя цель — забота о добром имени Московской Патриархии⁵⁷³.

Однако вскоре архиепископ Василий был вызван «на ковер».

Я прибыл в Москву 14 мая 1974 г. Был принят митрополитом Ювением и Патриархом. Объяснялся с ними по поводу телеграммы о Солженицыне, в общем, все обошлось благополучно. Но самое длинное объяснение было у меня с митрополитом Никодимом, к которому я поехал, по его же приглашению, на праздник святителя Николая (9/22 мая). Начался разговор не сразу, скорее, я сам его подвел к обсуждению телеграммы. Но потом разговорился и стали кричать друг на друга. В общем, он старался мне доказать, что не следовало вмешиваться в дело Солженицына, на что я отвечал, что первым начал писать митрополит Серафим. «К тому же мое выступление не носило политического характера!» «Нет, — возразил митрополит Никодим, — это был определенный политический антисоветский акт». «А разве это плохо?» — спросил я его. «Я не говорю, что плохо, — ответил владыка, — но не следовало этого делать!»⁵⁷⁴

Владыка Антоний (Блум) расстался с титулом Экзарха довольно спокойно. Он с юмором рассказывал об осленке, на которого воссел Христос при входе в Иерусалим. «Многие постилали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: Осанна!» (Мрк. 11, 8–9). А осленок думал с гордостью: «Надо же, как меня любят, как встречают!».

Прошли годы, пал режим, речь зашла о возвращении нобелевского лауреата в посткоммунистическую Россию. И тогда, «в связи

с изменившимися обстоятельствами», на Лубянке стали замечать следы.

Акт об уничтожении 105 томов оперативного дела на Солженицына: «Я, ст. оперуполномоченный (...), рассмотрев материалы оперативной проработки на «Паука» № 14271 — Солженицын Александр Исаевич, нашел: в настоящее время находящиеся в оперативной подборке материалы, а также приобщенные к ней материалы для оперативной разработки на «Паука» (арх. № 33518) и дело формуляра ПФ, архивный № 11375, утратили свою актуальность, оперативной и исторической ценности не представляют.

Постановил: тома дела уничтожить путем сожжения. «Паука» с оперативного учета КГБ СССР снять»⁵⁷⁵.

Точно так же «был решен вопрос» с «материалами» на другого нобелевского лауреата. Справка Пятого управления КГБ СССР о соединении дел оперативной разработки Елены Боннэр («Лиса») и Андрея Сахарова («Аскольд», он же «Аскет»): постановление от 6 сентября 1989 г. о прекращении этого дела оперативной разработки производством в связи с тем, что материалы утратили актуальность. Акт об уничтожении дела № 10740 от того же числа. Комитетчики Шевчук, Соловьев и Степахин вместе со своими не указанными в акте предшественниками сожгли 583 тома дела. По утверждению сотрудников КГБ, в этих томах были и рукописи Андрея Дмитриевича⁵⁷⁶. Вот так безвестный Степахин палил историю русской мысли и русского духа.

Гоголь, со вторым томом «Мертвых душ», отдыхает...

После отмены статей УК, каравших за «антисоветскую агитацию», шеф ГКБ Крючков издал приказ, призванный замести следы текущей преступной деятельности его ведомства, № 00150 от 24 ноября 1990 г. Уничтожению подлежали дела оперативного наблюдения и разработки с «антисоветской окраской». Ведь преданные гласности — и то далеко не целиком — бесчинства власти в отношении Сахарова, Солженицына, дела подвергавшихся преследованиям диссидентов, то, что скрывать дальше уже не было никакой возможности, — лишь верхушка айсберга всестороннего контроля государства над своими гражданами. Это был обширный список лиц, в том числе известных ученых и литераторов, которых советское государство подвергло «оперативной разработке».

Были уничтожены дела на следующих лиц: Георгий Владимов (48 томов), Владимир Войнович (10 т.), Юлий Даниэль (7 т.), Александр Зиновьев (35 т.), Лев Копелев (21 т.), Борис Можжев (1 т.),

Александр Некрич (3 т.), Валентин Турчин (18 т.) и многих других.

Видимо, работа по заметанию следов производилась выборочно, до некоторых дел к концу 1991 г. руки не дошли. Их героями были Леонид Баткин (1 т.), Лариса Богораз (8 т.), Владимир Дудинцев (1 т.), Наум Коржавин (1 т.), Феликс Светов (17 т.) и другие⁵⁷⁷.

... Став Патриаршим экзархом Западной Европы (3 сентября 1974 г.), владыка Никодим вскоре дал мне послушание: заведовать перепиской с Экзархатом. Поначалу писем было немного, и весь архив умещался в нескольких папках, хранившихся в тумбе стола в митрополичьем кабинете. Порой владыка уезжал за границу на месяц, на полтора, и за это время скапливалось много писем, требующих ответа. А когда святитель возвращался в епархию, на него обрушивалась лавина неотложных дел.

... Очередной посетитель выходит из кабинета; робко заглядываю в дверь — в руках папка с проектами ответов на письма. Владыка машет рукой: потом, некогда! И принимает следующего клирика. Целый день провожу в «засаде», но безрезультатно. Удастся «перехватить» правящего в коридоре ближе к полуночи, когда он уже спешит на поезд. И снова слышу: не сейчас!

— Как благословите! «Наше дело телячье: привязали — стой, хвостом маши!»

В следующий архиерейский приезд действую более решительно и кладу на стол в кабинете ворох «своих» бумаг поверх груды «чужих». Владыка вчитывается в текст, смотрит на дату и ахает: прошло три месяца! И задумчиво произносит: «Нет! Так работать нельзя!».

Дальше идет лихорадочная сортировка корреспонденции: поздравления с праздниками — в одну стопку; деловые бумаги — в другую; «проблемные» — в третью. В «третьей группе» — два письма от итальянского клирика, бывшего католика. В первом — описание мучительных раздумий, в результате которых тот решил «конвертироваться» (обратиться) в православие вместе со своими прихожанами. И лишь вскользь — о конфликте с местным католическим епископом. И просьба — принять его приход под святительский омофор.

Во втором послании — снова мучительные раздумья: теперь «проблемщик» решил переметнуться к зарубежникам и выскользнуть из-под омофора Московского патриархата. У митрополита всего минута на то, чтобы вникнуть в клиническую картину полусу-

масшедшего маргинала. Он еще раз смотрит на листы, где моей рукой уже проставлен штамп «входящий — исходящий» за номером таким-то. А потом решительно рвет письма «конверта», и они летят в корзину вместе с конвертами. . .

Многочисленные титулы, должности, ученые степени и звания были перечислены в некрологе, после того как непосильное бремя погубило владыку Никодима. Но на его надгробии, помимо титула «митрополит Ленинградский и Новгородский», высечено только то, что досталось ему по стечению обстоятельств: «Патриарший Экзарх Западной Европы».

У владыки была большая записная книжка, куда он заносил адреса, телефоны и памятные даты (день Ангела, день рождения, день хиротонии) своих «контактеров»: от деревенской бабульки из села Давыдово ярославской епархии до тогдашнего генерального секретаря Всемирного совета церквей д-ра Филиппа Поттера. Иногда он извлекал этот «гроссбух» из необъятного кармана подрясника, чтобы уточнить какую-либо дату и послать адресату поздравительную телеграмму. Глядя на эту карманную «энциклопедию», я невольно вспоминал девиз Джона Уэсли (основатель методизма, XVIII в.): «Весь мир — мой приход».

«МЕЛОЧИ АРХИЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ»

Приняв в 1947 г. монашеский постриг от «аввы Димитрия», архиепископа Ярославского и Ростовского, и получив новое имя — Никодим, — будущий владыка обратился в милицеские органы с просьбой изменить ему имя в паспорте. Борис «умер» для мира; лишь только отец владыки не мог к этому привыкнуть и по-прежнему называл его мирским именем.

У владыки не было личной жизни; такой праздник, как Новый год он мог проводить в ночной «Красной стреле», следуя с иподиаконами из Ленинграда в Москву и далее — в Рязань, чтобы посетить могилу матери.

Как и у любого архиерея, у владыки были прихожанки-почитательницы. Одна из них особенно ему досаждала. Где бы ни служил митрополит, она неизменно занимала место в непосредственной близости от владыки. Особенно это бросалось в глаза за всеобщим бдением, когда во время богослужения он восседал в стасидии, вне алтаря. «Сомолитвенница» всегда стояла по левую руку от

кресла, и ее постоянное присутствие за всеми службами невольно создавало атмосферу двусмысленности. Она моталась за митрополитом в Москву (торчала в Елоховском соборе), в Троице-Сергиеву лавру.

Однажды владыка поехал навестить отца в Рязань и заодно послужить в кафедральном соборе. «Ну вот, наконец-то отдохну, — рассказывал владыка. — Занял место в стасидии, огляделся по сторонам, смотрю — и здесь стоит!». В полной безопасности он чувствовал себя только за границей. В утешение я рассказал владыке приходскую байку, и она помогала ему впоследствии с кротостью переносить «Мариино стояние».

Одна вредоносная старушка знала службу назубок и постоянно «подсказывала» батюшке. Начинает он, допустим, литургию, но бабулька его опережает и негромко, но внятно произносит: «Благословенно царство...». А священник вынужден повторять возглас за ней. Старушка «ведет» службу дальше: «Миром Господу помолимся!» И батюшка вторит ей, скрежеща зубами. А смышленная бабка накануне справилась о том, какие отрывки будут прочитаны из Апостола и Евангелия. Прочитали они «в паре» послание св. апостола Павла и дошли до Евангелия.

«От Матфея святого Евангелия чтение», — привычно подсказывает начетчица, а священник ей вторит, предвкушая: ну, погоди у меня! «Во время оно», — звучит старушечий голосок. И тут ликующий пастырь, сложив комбинацию из трех пальцев, тычет в подсказницу и кричит ей: «Вот тебе “во время оно”! Вот тебе “во время оно”!» А затем торжественно возглашает: «Рече Господь Своим учеником...».

Владыка был весьма требователен к своему архиерейскому «гардеробу». В его покоях висело несколько десятков роскошных облачений: на каждый праздник — разных цветов. То же можно сказать о митрах, клобуках, панагиях. На это владыка средств не жалел: что-то покупалось у наследников почивших священнослужителей, что-то приобреталось за границей. Владыка не раз говорил: «После моей смерти все, что принадлежит мне как архиерею, — передать Церкви. И лишь остальное — родственникам».

Архиерейские покои и епархиальное управление располагались тогда в здании ЛДА на первом этаже. И было всего два места для пеших прогулок: лаврский парк и набережная Обводного канала. Бывшее здание СПбДА (как и в настоящее время — 2008 г.) занимал спортивный техникум, и в конце 1960-х годов тамошняя молодежь

была настроена в отношении Церкви довольно агрессивно. Сказывалась атеистическая пропаганда, заложенная в сознание подростков в годы хрущевских гонений. Спортсмены-«хунвейбины» иногда нападали на студентов академии, если те шли по набережной в подрясниках. Однажды их жертвой стал иеромонах Лев (Церпицкий), келейник владыки Никодима. Нападавшие нанесли ему, выражаясь корявым протокольным языком, «менее тяжкие телесные повреждения». Спортсменов-хулиганов удалось задержать; был суд, и о. Лев, как пострадавший, присутствовал на этом процессе. Получив слово, он заявил: как христианин я прощаю обидчиков и не держу на них зла. А что касается закона, то их судьбу должен решать суд.

Правда, через несколько лет последовал «ответный удар» от другого питомца семинарии, о чем красноречиво свидетельствуют строки протокола воспитательского совещания.

Имели суждение: О воспитаннике (фамилия, класс), который (число, месяц) шел по парку возле СПбДА и С, где был остановлен ДНД (народные дружинники). В результате произошедшей драки у одного дружинника сломан нос, у другого ребро, у третьего челюсть. Постановили: снизить (фамилия, класс) оценку до «5».

Выходя на прогулку, владыка всегда брал с собой сопровождающего: иподиакона, студента, преподавателя. И не как охранника, а как «сдерживающий фактор» — на одного, без свидетелей, напасть проще и безнаказанней. Однажды во время прогулки по лаврскому парку мы дошли до Некрополя, и владыка Никодим захотел посетить Музей городской скульптуры. Вход в музей был платный, но у владыки при себе не было ни копейки. Немного смущаясь, он попросил меня купить билеты, что я с радостью и сделал. Но ему было неудобно перед бедным студентом, и он пошутил: «С меня 20 копеек. Буду должен».

А потом, выйдя из музея, мы пошли мимо Троицкого собора. Показав на орден (герб) Александра Невского, укрепленный над входом в храм, владыка похвалился: герб был извлечен из подвала, отреставрирован и помещен на свое законное место его стараниями. Так же как и герб над входом в Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне.

И здесь же, у Свято-Троицкого собора, владыка, на всякий случай понизив голос, рассказал об аресте митрополита Петроградского Вениамина (1922 г.) и о той роли, которую сыграл при этом обновленческий протоиерей Александр Введенский.

Завидев митрополита, Введенский подошел к нему под благословение. «Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», — спокойно и вежливо сказал владыка Вениамин, не давая своему бывшему любимцу благословения, а затем с тем же спокойствием выслушал объявление о своем аресте⁵⁷⁸.

Этот рассказ я услышал от владыки Никодима в начале 1970-х годов. К тому времени на Западе уже было опубликовано ленинское «Секретное письмо членам Политбюро по поводу изъятия церковных ценностей». Его опубликовал Н. А. Струве в «Вестнике РСХД» (№ 97. 1970 г.), и владыка, бывая за границей, наверняка прочел этот текст. Но по тем временам это было настолько страшной правдой, что святитель не решился поведать ее молодому студенту. (Ведь официальный портрет Ленина висел в те годы в актовом зале ЛДА.) А тут перед нами предстает подлинная личина вождя.

Нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
Надо писать
И описывать заново⁵⁷⁹.

Вот выдержки из этого страшного документа.

Товарищу Молотову для членов Политбюро. Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

«... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления.

... Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей.

... Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы долж-

ны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Главное — ограбить Церковь, а уж «история нас оправдает» (Гитлер, Кастро).

Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре⁵⁸⁰.

Что часто подтверждал и сам Ильич: «Я сделал все возможное для мирного исхода. Не хотите — так я вам набью морду и ошельмую вас, как дурачков, перед всем светом. Так и только так надо действовать»⁵⁸¹. По Ленину, «битие определяет сознание». А если «церковники» несознательные? Тут помочь могут только расстрелы.

«... Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин — никогда и ни в каком случае не

должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Нерусскость Троцкого проявилась в его враждебном, агрессивном отношении к иерархам РПЦ и к Русской православной Церкви. Именно Троцкий предложил на Политбюро расстрелять 11 близких к патриарху Тихону священников. Но предложение не прошло. Против был и вятский мещанин Вячеслав Молотов. Именно Троцкому принадлежит приведшая к волнениям, сотням восстаний идея реквизировать все церковные ценности и продать их за границу. И эта идея так бы и не прошла (ей сопротивлялся первый секретарь Оргбюро Вячеслав Молотов), если бы Ленин не стал на сторону Троцкого. И остается только недоумевать: как могло случиться, что благообразные мальчишки из богобоязненных семей, в детстве — певчие церковного хора, и Молотов, и Сталин, и Ворошилов, связали свою жизнь с партией бесконечного русского террора, довели его до всех мыслимых и немыслимых высот...

Даже сегодня накануне Дня Победы мы видим на улице среди других военачальников огромный портрет Ворошилова, «героя Великой Отечественной войны». Ну, какой он герой Отечественной войны? Зато точно известно, что в свое время он обратился к Сталину с предложением распространить репрессии на несовершеннолетних детей, и предложение было принято, — был издан указ, что расстреливать можно с 12-ти лет. Или его активное участие в уничтожении верхушки Красной Армии в 37–38-м годах. Мы же ничего не помним или умышленно искажаем историю.

... «Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

В сочинениях М. Е. Салтыкова-Щедрина есть «Устав», или руководство для администраторов, одна из статей которого гласит: «Если ты чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя, и тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действиях облегчит. Ленин

исполнил наставление щедринского «Устава» в самом буквальном смысле: он «снял со стола и положил под себя» все законы религиозные, моральные и юридические, и это, конечно, «много в его действиях облегчило».

«Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин»⁵⁸².

И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски»⁵⁸³.

Масштабам голода, спровоцированного коммунистами, поражаюсь даже «людоед» Гитлер: «Дьявольское влияние марксизма особенно сильно проявилось в России, где тридцати миллионам позволили умереть в страшных мучениях» («Майн кампф»)⁵⁸⁴.

... У владыки не было особой страсти к произведениям искусства, если это была светская тематика. Так, о картинах, висевших в его загородной резиденции в Комарово, он с иронией говорил: «Это — не Айвазовский, а это — не Шишкин». Альбом с почтовыми марками Ватикана, подаренный владыке при визите в Вечный город, лежал у него в Серебряном Бору без движения. Почтовые открытки с видами зарубежных городов также пребывали в хаотичном виде, пока не были сделаны коробки — для каждой страны своя. У владыки просто не было времени на хобби,

и он вполне мог бы сказать, как один американский конгрессмен: «Мое хобби — лобби», т. е., в данном случае, — защита интересов Церкви.

Владыка Никодим хорошо разбирался в иконописи, и его домовые церкви украшали старинные образа.

В параллель. «Я, знаете, в искусстве не силен, — сказал Ленин Ю. П. Анненкову, рисовавшему его портрет. Искусство для меня — это что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! Вырежем, за ненужностью»⁵⁸⁵. Это — искусство. А уж тем более — религию!

Владыка Никодим отличался хлебосольством. После праздничного богослужения в его покоях собирались викарный архиерей, соборные клирики, протодиаконы, иподиаконы. Трапезу украшали песнопения. Протодиакон Андрей Мазур заводил: «Жили двенадцать разбойников...» А потом застольный хор подхватывал: «Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим...». И воспоминания, воспоминания...

С 1978 г., при новом архиерее, настали иные времена. Исполняя должность инспектора, я иногда должен был присутствовать за «протокольными обедами», — в той же трапезной, за тем же столом. Протертый супчик, кашка и чашечка чая. Келейник идет вокруг стола с подносом, на котором, размером с ноготь, игрушечные пирожные. Каждый с трудом ухватывает крошечную фитюльку; архиерей исподволь наблюдает за гостями.

Вспоминаю праздничный прием в лютеранской консистории по случаю 500-летия со дня рождения Мартина Лютера (1483–1983). Эстонский пастор подводит гостя к вазе с крошечными печенюшками (с тот же ноготь) и, демонстрируя широту души, говорит: «Перитте песенъе, перитте много, перитте... тва!».

Беру с подноса две крохотульки и слышу ехидный голос Антония: «Гена! Обнеси всех еще раз — пусть возьмут еще по одному пирожному, как о. Августин!».

Однако на людях митрополит Антоний старался проявлять «широту натуры». Ноябрь 1978 г. Только что из Минска прибыл огромный трейлер с личным имуществом новоназначенного архиерея. Митрополит Антоний «обходит владенья свои», и во дворике сталкивается с колоритной личностью. «Старейший сотрудник академии» — Коля Соколовский — следовал двум библейским заповедям: «будьте как дети» и «вино веселит сердце человека». Это

было написано у него на лице, и архиерей решил снискать расположение старшего дворника.

Кивнув келейнику, он ласково промолвил: «Поднеси Коле!» Через две минуты из покоев во двор был вынесен расписной поднос, а на нем — хрустальный бокал с марочным вином. Но Колян брезгливо поморщился: «Такую гадость не пью!». Следующий заход, и перед дворником на подносе — рюмка марочного армянского коньяка, «продвинутого в возрасте». Тут уж Коля не побрезговал — опрокинул «наперсток»: «За Ваше здоровье!». А потом тут же осушил и хрустальную «стаканюгу», — чтобы было «не так противно».

Комарово

После своего первого инфаркта владыка Никодим стал чаще бывать на даче в Комарово. Появилось и больше свободного времени. Владыке купили велосипед — исполнилась его давняя мечта. (Он был необычайно рад этому; по его словам, в детстве у него не было такой возможности: семья жила бедно.) Старший иподиакон Николай Тетерятников добродушно ворчал: «Святитель как ребенок! В Ленинграде у него ЗИМ, в Москве — «чайка», а он радуется железяке!». Коля считал себя более опытным человеком: ведь он отслужил в армии, а это — школа жизни.

Летом владыка иногда отправлялся на Щучье озеро. По дороге старомодный ЗИМ, набитый иподиаконами, останавливался у ограды «литераторского» кладбища. Владыка шел к могиле Ахматовой и молча стоял несколько минут, размышляя о нелегкой судьбе Анны Андреевны.

Ее муж — Николай Гумилев, был арестован 3 августа 1921 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности и 24 августа того же года, вместе с еще 60-ю обвиняемыми — расстрелян. Петроградский орган «Революционное дело» (март 1922) сообщал такие подробности об этой казни. «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской железной дороги. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. Начались крики, вопли о помощи. Часть обреченных была насильно толкнута в яму и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненные, была засыпана землей»⁵⁸⁶.

Неужели чекистам было не жалко убивать поэта? А чего жалеть эту «контру»? У них были свои поэты, пролетарского происхождения. Вот, например, строки из поэтического сборника «Улыбка Чека»:

Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинается буйно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»⁵⁸⁷.

Имя и творчество расстрелянного поэта в нашей стране долгое время были под запретом, а если и доводилось упоминать о Николае Степановиче Гумилеве, то в основном как о враге Отечества, контрреволюционере, «певце буржуазии» (Сергей Городецкий) и даже... «фашиствующем головорезе» (Карл Радек). Понадобилось не одно десятилетие, чтобы у нас появились серьезные исследования его жизни и творческого наследия.

А ведь родословное древо прямых известных предков и потомков Н. С. Гумилева было весьма богатым. Один из прапрадедов поэта был священником, а другой — помещиком; его дед, дьячок церкви села Желудево Яков Панов, принял фамилию жены Матрены Гумилевой.

Наверное, трудно найти человека, который бы не слышал о старшем сыне Николая Степановича — историке и этнографе Льве Николаевиче Гумилеве. Но далеко не всем известно, что у поэта был еще один, младший сын — от актрисы театра Мейерхольда Ольги Высотской. Оресту Николаевичу (1913–1992) в конце 1930-х годов довелось пережить тюремное заключение⁵⁸⁸.

Сын Гумилева и Ахматовой — Лев Николаевич Гумилев — долгие годы провел в лагерях. Чтобы выволить сына из ГУЛАГа, Анна Андреевна наступила на горло собственной музее, и из-под ее пера — «для опера» — вышли такие строки:

От благодарного народа
К стенам кремлевским мы пришли
Сказать: «Где Сталин — там свобода,
Мир и величие земли!»

Вымученные вирши были напечатаны в «Огоньке», но Лев по-прежнему сидел за решеткой. Он был выпущен в 1956 г., и Ахматова дожила до этого времени. По словам Анны Андреевны, «две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили».

В Комарово теплая поэтесса жила с 1955 по 1965 гг. в одной из дач Литфонда, которую она называла «будкой». После кончины Ахматовой сперва поговаривали, что организуется музей, но власти запретили, и дача пошла в расход: ее стали сдавать в аренду. Когда к даче подвозжали экскурсионные автобусы, сидящие в них туристы, видя развешенное белье, играющих в карты дачников, спрашивали:

- А кто сейчас здесь живет?
- Экскурсовод суховаго отвечал:
- Сейчас здесь живут другие члены Литфонда.

Отпевали Ахматову в Никольском соборе. И ее губы словно шептали:

Так молюсь за Твоей литургией,
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Надгробный памятник был заказан молодому скульптору из Пскова. Чтобы создать такой памятник, надо было очень любить поэтессу. Суровая каменная стена грубой кладки. И в ней маленькое окошко, наглухо заложенное камнем — символ ее плененной жизни. Потом до властей «дошло», и окошко закрыли барельефом. Ушел подтекст, и надгробье стало простым надгробьем.

Со временем кладбище разрослось, стало почти мемориальным, и посещать его стало не особенно приятно: палачи погребены вперемешку с жертвами. Неподалеку от Ахматовой лежит Наумов. А недалеко от Наумова — Лев Абрамович Плоткин. На травле Анны Андреевны они сделали себе карьеру и добились чести быть похороненными на ее кладбище⁵⁸⁹.

За 40 лет, прошедших после кончины Анны Ахматовой, ее «будка», как и другие писательские дачи, пришла в плачевное состояние. Сгнившие деревянные ступени, обшарпанные стены, перекошенные оконные рамы... Но нашелся человек, предприниматель, ученый, любитель поэзии — Александр Жуков, который приехал,

увидел, ужаснулся и на свои средства отремонтировал домик, который должен в будущем стать музеем.

В 1988 г., когда Русская православная Церковь праздновала 1000-летие Крещения Руси, в актовом зале ЛДА была проведена церковно-историческая конференция, посвященная этому юбилею. И после торжественного ее открытия первый доклад сделал Л. Н. Гумилев. Многие из присутствовавших с интересом вглядывались в старого лагерного волка, прошедшего следствие, пересылки, этапы... Это был пик его популярности в «большой расконвойке». Уже была напечатана монография ученого «Этногенез и биосфера земли»; телевизионщики считали за честь взять у него интервью.

Прямой эфир. На экране Лев Николаевич рассуждает о «высоких материях»: о пассионарности, о фазах надлома, инерции, обскурации... Собеседник слегка морщится: для «ящика» это — «не формат». Надо бы что-то попроще, позанятней. И звучит вопрос: каким девизом Вы руководствовались в своей нелегкой жизни? И Гумилев отвечает так, чтобы «было понятно даже академику».

— На зоне, в бараке у меня был сосед по нарам. Каждое утро он, вместо молитвы, произносил фразу, которую я повторяю до сих пор: «Дайте жить, гады!» И, помолчав, добавляет: «Из гомо-советикус мораль вынули, как хребет из воблы».

Льву Гумилеву оставалось жить всего несколько лет; скончался он в июле 1992 г. Гумилев был верующим — православным христианином. На его отпевание приезжал игумен Валаамского монастыря отец Андроник, и были оба его духовника — отец Димитрий и отец Николай. Вскоре после кончины Льва Николаевича в местной прессе было опубликовано краткое интервью тогдашнего настоятеля Благовещенской церкви в Шлиссельбурге протоиерея Димитрия Амбарцумова.

— Мы познакомились с Гумилевым лет двадцать назад. Лев Николаевич видел всяких священников, но не всем он доверял. Господу было угодно, чтобы он доверился мне. Лев Николаевич хранил у меня, на всякий случай, экземпляры всех своих работ, считая, что держать их у меня, скромного священника, надежно. Он приезжал в храм во Всеволожск, где я служил, а я много раз бывал у него дома.

Гумилев охотно разговаривал с духовными лицами, и познания его в богословии были велики. Иногда он даже журил меня, если я чего-то не знал, говорил: «Если ты священник, на все вопросы

должен уметь ответить». Его всегда интересовало мнение Церкви о его работах. Мне приходилось связывать его с митрополитом Никодимом и митрополитом Антонием. Владыка Никодим дал благословение на его книгу «Этногенез и биосфера Земли».

Человек он был очень цельный, и вера его была чистая, детская. Если бы не эта вера, он не выдержал бы всего, что выпало на его долю. Он слишком много претерпел. Думаю, что пассионарность — промысел Божий, хотя сам Гумилев об этом не говорил⁵⁹⁰.

... В канун празднования 1000-летия Казани в столице Татарстана был установлен памятник Льву Николаевичу Гумилеву — крупнейшему теоретику неразрывного, веками скрепленного русско-татарского союза. Памятник Гумилеву воздвигнут и в Алма-Ате, а местному университету присвоили его имя. Несколько лет назад в 30 км от Караганды, в поселке Долинка был открыт небольшой музей ГУЛАГа, а точнее КАРЛАГа. На одном из стендов — фотографии знаменитых «сидельцев»: ученых, писателей, артистов. С одной фотографии на посетителей смотрит Лидия Русланова, с другой изможденный доходяга — з/к Гумилев...

... Серебряный век русской поэзии закончился со смертью Анны Ахматовой в 1965 г., и владыка Никодим мог размышлять об этом у ее могилы. А в декабре того же 1965 г., в Москве, он дал интервью корреспонденту французского ежедневника «France-Soir». Этим корреспондентом был Дмитрий Вячеславович Иванов — сын поэта-символиста Вячеслава Иванова...

О фарфоре

Пребывание в Комарово для владыки Никодима было вынужденным и тяготило его кипучую натуру. Его преемник по кафедре, наоборот, всякий раз старался уединиться на казенной даче в окружении фарфоровых безделушек. Популярную тогда песню: «На недельку, до второго, я уеду в Комарово» — в академии старались не вспоминать. Это могло быть «неправильно истолковано».

Кстати, о фарфоре. Эта тема затронута в воспоминаниях Фэри фон Лилиенфельд, которой доводилось встречаться не только с владыкой Никодимом, но и с его преемником на Ленинградской кафедре.

Некоторые архиереи — особенно в советское время — много думали о деньгах. Мне довелось взглянуть на собрания панагий,

принадлежавших некоторым «советским» архиереям, на собрания произведений искусства, в том числе из презренного желтого металла, а также серебра, фарфора, — это были невообразимые богатства. Имена не будут названы. И мне показывали такие собрания с гордостью, желая продемонстрировать высокие культурные запросы и осведомленность в искусстве»⁵⁹¹.

К владыке Никодиму Коля Тетерятников относился с почтением. Как-то поздней осенью владыка выходил из храма после службы и в сопровождении первой пары иподиаконов направлялся к машине. Сильный порыв ветра закружил наметку митрополичьего клобука, и Коля с трудом сумел ее поймать. «Стихия!» — со значением сказал он митрополиту, открывая дверцу автомобиля. Владыка часто любил рассказывать об этом эпизоде.

Владыке часто поступали книги, переданные в епархию по заветанию. Книги шли в академическую библиотеку; после кончины митрополита туда же поступило и его личное собрание. Однажды владыка привез из Австралии оригинальный сувенир: кобра обвивает мангусту в смертельной схватке. У митрополита Антония это был бы экспонат № 1, и за чашкой чая (китайский фарфор) он объяснял бы, что это — «прижизненный подлинник». А митрополит Никодим, насытившись экзотикой, попросил меня составить текст дарственной бумаги, и вскоре «сладкая парочка» была отправлена в музей антропологии и этнографии Академии наук.

Кстати, та поездка в Австралию не обошлась без приключений. В середине 1970-х годов в этой стране все еще была сильна «вторая волна» российской эмиграции: «перемещенные лица», «остовцы», власовцы, бандеровцы. Духовно эмиграция окормлялась на приходах Русской зарубежной Церкви и других юрисдикций, враждебных Московской патриархии. И тут — «визит доброй воли» митрополита Никодима и сопровождавшего его архимандрита Кирилла (Гундяева)!

Эмигрантские круги переполошились: и сюда дотянулась «рука Москвы!» В аэропорту стояли пикетчики («Тикайтэ с ридной Австралийщины!»), и даже была попытка нападения на святителя. Один из «недобитков» подбежал к владыке и пытался ударить его плакатом по клобуку. О. Кириллу удалось «поставить блок», и удар был отведен. Вечером по Би-Би-Си сообщили об этом инциденте, добавив, что один из членов делегации (о. Кирилл) получил серьезные увечья. Мама о. Кирилла не находила себе места от волнения, но «пострадавший» не знал о сложившейся ситуации. И толь-

ко через два дня, позвонив в Ленинград, помог ей обрести спокойствие.

В Белоруссии в годы правления архиепископа Антония (Мельникова) было закрыто множество храмов, упразднена семинария в Жировицах. «Зомбированный ЧЕКОЙ», он боялся даже давать рекомендации молодым людям для поступления в Ленинградскую и Московскую духовные школы. Абитуриентам-белорусам приходилось добывать нужные бумаги в других епархиях. Вот типичный пример, — свидетельствует владыка Лев, архиепископ Новгородский и Старорусский: «После завершения воинской службы при подготовке к поступлению в семинарию возникли сложности: из Белоруссии, где жили мои родители, поступить было невозможно. Минский митрополит Антоний посоветовал мне уехать в другую епархию»⁵⁹².

А в Ленинграде все было иначе. Вспоминает протоиерей Игорь Мазур, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии. Его призвали в армию из первого класса семинарии, сразу после отказа сотрудничать с «органами». При увольнении в запас замполит запугивал его: «Забудь о семинарии, не позорь Вооруженные силы!». В Ленинграде такая же «накачка» шла от уполномоченного. Последняя надежда на личную встречу с владыкой Никодимом. Выслушав «воплъ души», митрополит сказал: «Хочешь учиться? Будешь учиться!». Все остальное он «взял на себя». А сколько было таких отказников? И за каждого владыка «ложился на амбразуру»...

А в это время в Минске бережно сдувалась пыль с подлинного «гарднера»; гостям демонстрировался севрский и мейсенский фарфор. Словно в Евангелии не сказано: «Собирайте себе сокровища на небе... Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21).

В 1978 г. художественное собрание было бережно перевезено в город на Неве и расставлено в архиерейских покоях. И вот уже в этих стенах звучат вопросы, которые были бы немыслимы в устах владыки Никодима.

— Отец архимандрит! Почему Вы не купите крестик с украшением? Предлагают недорого, всего за 15 тысяч. (Справка для тех, кто не жил в эпоху застоя—стабильности: 15 тысяч рублей по тем временам — это стоимость двух автомобилей «Волга» по госяцене.)

В следующий раз — о машинах.

— Отец архимандрит! Почему Вы не купите машину?

— Я в «железки» не играю.

А на память приходит афоризм: «Если у тебя есть хотя бы одна фарфоровая чашка, то ты уже несвободен». Но озвучить это — значит бросить открытый вызов: такое не забудется.

Незадолго до кончины митрополит Антоний сделал опись своих чашек и статуэток, чтобы потом они перешли «на баланс» епархии и стали ядром церковно-археологического кабинета. Но надо ли говорить, что сразу же после его смерти все это было «приватизировано» архиерейской хозобслужбой? «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут...» (Мф. 6, 19).

Выигрывая качество

Владыка Никодим любил цитировать слова Бисмарка (передаю смысл по памяти): «Мы делаем историю, а дело историков — оправдывать наши действия». Сам митрополит называл это — «проломить стену». Так, в начале 1970-х годов он добился зачисления в академию автора этих строк, уже имевшего высшее светское образование. По тем временам это был вызов режиму: если выпускник престижного физфака говорит идеологам из Смольного — «нате!», «я возвращаю ваш портрет» — значит, «неладно что-то в датском королевстве». Брешь в стене была пробита, и вскоре в пролом хлынули математики, физики, филологи, биологи, экономисты, не желавшие служить прогнившему режиму.

Но все же щупальца режима доставали нас и за церковной оградой. Приближается праздник Рождества Христова, впереди черед архиерейских богослужений. А в моем почтовом ящике — не рождественская открытка, а повестка в военкомат. После окончания вуза прошло три года, и, будьте добры, — на двухнедельные сборы на военной кафедре в ЛГУ. Игнорировать нельзя — заберут на двухмесячные, и мало не покажется. Показываю святителю предписание: архиерейский иподиакон должен освежить в памяти устройство безнадежно устаревшей радиолокационной станции и поупражняться в стрельбе из пистолета. Со стороны владыки — полное понимание: «Сполный долг!» (он любил иногда употреблять простонародные словечки).

И вот начинается запредельный бред: днем — на стрельбище бьем по мишеням из «макарова», а в навечерие Рождества Хри-

стова выхожу с рипидой в свите архиерея. В канун Богоявления — лекция «О роли партийных органов в Вооруженных силах». Правда, здесь удалось отбиться, — выручил однокашник по физфаку: отметил мое имя в списке присутствовавших на «промывке мозгов».

Идеологическая «накачка» проводилась в большой аудитории истфака. За несколько лет до этого мы, — третьекурсники физфака, должны были прослушать в той же аудитории курс «научного атеизма». (В результате «Мероприятий по усилению атеистического воспитания населения [1964 г.] в вузах страны в качестве обязательного или факультативного курса ввели «основы научного атеизма», а в академии общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма». В состав ученого совета института вошли представители идеологического отдела ЦК.)

На первую лекцию прихожу с Евангелием в руках (с нами крестная сила!). Молодой преподаватель вещает что-то о первичности материи. Открываю наугад Священное Писание и в глаза бросаются строки: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите, и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23, 13). Выписываю цитату и посылаю записку лектору.

Не прерывая нить рассуждений, оратор кладет листок в карман («тут нам подбрасывают!»). Текст озвучивается по окончании лекции, и по рядам идет шум: «попал в десятку!» Не моргнув глазом, «начетчик» выдает встречную цитату: «Сказал разбойнику Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43). Диалектика...

Рассказываю обо всем этом владыке, а святитель хитро посмеивается: «Ну, ну!».

Рукоположив меня во иеромонаха, владыка назначил новоиспеченного пастыря на приход «Кулич и Пасха». Но и после этого мне часто доводилось видаться со святителем, исполнять его поручения. Однажды я поведал ему об истории, которая приключилась со мной на приходе.

По окончании литургии подходит старушка и просит причастить на дому тяжелобольную родственницу. Едем вместе с ней к болящей: исповедь, причастие — пастырский долг исполнен. И тут еще одна просьба: не освятите ли заодно и квартиру?

Информация для размышления. В те годы любые требы на дому

(кроме причащения и соборования умирающих) были запрещены. Только в храме, а крещение — с записью паспортных данных в приходской книге, которую регулярно изучал уполномоченный. Освятить квартиру — по согласованию со «смотрящим». Но не будешь же объяснять это простодушной бабулечке?

Требник при мне, совершаю чин водосвятия. Беру у старушки на скорую руку «сооруженное» кропило и, с пением тропаря, начинаю обход жилища. Освятив две комнатки, возвращаюсь на кухню. Но оказывается это еще не все, — бабушка ведет меня в гостиную. Открываю дверь и на секунду застываю в удивлении. В гостиной — праздничное застолье: батареи бутылок с дорогим коньяком, на тарелках и блюдах — лакомый «дефицит». Судя по лицам — «хариусам», гуляет партхозноменклатура. («Мы сетевое не едим!».) Они тоже удивлены, и, как в последнем акте «Ревизора», — немая сцена. Впрочем, не совсем немая. В красном углу светится экран: по телевидению транслируется очередной «исторический» доклад «дорогого Леонида Ильича».

Не прерывая пения, иду по гостиной, окропляя стены, столы, лица. Подхожу к «ящичку» и, с пением «Да воскреснет Бог, да расточатся враги Его!», щедро, от души, окропляю экран. Внезапно изображение пропадает, исчезает и звук... В прихожей только и могу вымолвить: «Бабуля! Предупреждать надо!».

Выслушав мой рассказ, владыка, указав глазами на потолок, строго выговаривает: «Это нарушение законодательства о культурах. В следующий раз так делать нельзя». А сам, улыбаясь, хитро подмигивает...

Вспоминаю один «бисмарковский» жест владыки. Во время пасхального богослужения в Николо-Богоявленском кафедральном соборе владыка рукополагал во иеромонаха автора этих строк. Один из моментов этого чинопоследования — когда от стихаря отстегивается орарь и звучит возглас «аксиос!» (греч. — «достоин!»). Как назло петелька ораря перекрутилась, и, чтобы отстегнуть орарь, надо было распутать этот узелок.

Как поступил бы в этой ситуации митрополит Антоний? Он сказал бы жалобным голосом своему иподиакону: «Женечка, посмотри, что там не ладится?» Потом началась бы суета, беготня алтарников, и все это — на глазах у сотен прихожан...

Что делает владыка Никодим? Резкий рывок, пуговица обрывается, орарь свободен. Потеря невелика, потом пришьют заново. Сам по себе эпизод мелкий, но говорящий о многом. Ведь глав-

ное — жертвуя второстепенным, выигрывать качество — таков был принцип митрополита Никодима.

«Союз нерушимый...»

Будучи человеком Церкви, владыка не мог ни на минуту забывать о том, что он — «подсоветский» человек и должен соблюдать «правила игры».

...Идет трансляция «чего-то эпохального». Шамкающий генсек вещает по всем телевизионным каналам. Наконец звучит гимн. В домашней обстановке обычному человеку не придет в голову встать навтыжку в халате и шлепанцах. Обычному не придет. А умному придет. Владыка понимает, что кто-то из сотрапезников уже сегодня вечером может «отразить» этот момент на бумаге. А завтра днем бумага ляжет на стол уполномоченного или оперуполномоченного. И все мы, вслед за владыкой, встаем из-за обеденного стола и слушаем бессловесную мелодию...

А вот что бывало с теми, кто «правила игры» не соблюдал. Приведем выдержки из документа, прямо связанного с поисками пути преодоления тяжелого наследия недавней истории. Протоиерей Павел Адельгейм (Псковская епархия), исповедник веры, пишет человеку, по доносу которого в свое время оказался в лагере — пишет со стремлением примириться перед лицом близко стоящей смерти.

Его Высокопреосвященству Макарию, митрополиту Винницкому и Могилев-Подольскому

Ваше Высокопреосвященство, мы вместе приближаемся к своему пределу. Пора подводить итоги, чтобы нежданная Гостья застала нас готовыми дать Богу отчет за подаренную жизнь. Не знаю как Вас, а меня беспокоит: может быть, я в чем-то виноват перед Вами и не осознал своей вины? Подскажите, чтобы я мог покаяться и попросить прощения у Вас и у Бога. В 1961 г. наша дружба иссякла без всякого повода. Наши пути разошлись, и общение прекратилось. Или в этом есть моя вина?

Последняя весточка от Вас была роковой. В 1969 г. меня арестовали. При ознакомлении с делом я прочел Ваш донос, сообщивший знакомым почерком: «В духовной семинарии, где я учился вместе с Адельгеймом, он высказывался против исполнения гимна Советского Союза и хвалебных песен в адрес Советского государства.

Лиц, которые исполняли гимн и хвалебные песни, Адельгейм называл хамелеонами, преклоняющимися перед властями» (лист дела 178, т. 2).

Эту выдержку из доноса я цитирую по тексту Приговора, поскольку донос хранится в уголовном деле. Ваш почерк и Ваша подпись исключают сомнения в авторстве, смысл которого я не мог себе объяснить. Надо ли уточнять, что в 1956 г. на 20-м съезде КПСС текст гимна был запрещен, и его нигде не пели.

После освобождения я встретился с нашим другом, прот. Милием Рудневым, и он объяснил, что в безвыходное положение Вас поставил Филарет Денисенко, «Блаженнейший Патриарх Киевский и всея Украины». Он предложил написать донос в качестве шанса сделать карьеру: «Напишешь, и будешь епископом. Это твой шанс». Комментировать эту информацию не берусь. Некоторое подтверждение дает сопоставление дат и событий.

7 июня 1970 г. совершилась Ваша хиротония во епископа. 17 июля 1970 г. я был осужден на три года лагерей и поехал отбывать свой срок в пустыню Кызыл-Кум, на рудниках золотопромышленного комбината «Бессопан». А дома осталась жена, трое детей, голодали. Суд выселял их из дома.

Лагерный срок не был для меня безоблачным. В связи с беспорядками, произошедшими в лагере Кизил-Тепе Уя 64/44, я лишился правой ноги, и в декабре 1972 г. освобожден из заключения инвалидом. Вот уже сорок лет я совершаю богослужение на протезах. 28.04.2006 г. Президиум Верховного суда признал меня невиновным и отменил Приговор Ташкентского и Определение Верховного судов. Теперь я оправдан и реабилитирован.

Пока мы живы, есть возможность в живом общении разрешить сомнения и примириться. Может быть, этот шаг стоит того, чтобы его сделать?

Храни Вас Бог в мире, здравии и благополучии,
свящ. Павел Адельгейм⁵⁹³

... В ночь на 1 января 1944 г. советский народ впервые услышал новый гимн СССР. Вместо «Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни царь, и ни герой...» грянуло: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь! ... Ленин великий нам путь озарил ... Нас вырастил Сталин...».

В 1920 г. идеолог национал-большевизма Николай Устрялов пи-

сал: «Над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически национальную святыню, древние куранты поют «Интернационал»... В глубине души невольно рождается вопрос: «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»?

В ночь на 1 января 1944 г. гимн международного пролетариата перестал осквернять Спасские ворота. Это не было полной неожиданностью. Не только потому, что в 1943 г. III-й Интернационал был распущен, чтобы продемонстрировать союзникам отсутствие коммунистической опасности. Но прежде всего потому, что многие изменения — большие, малые, средние — сложившись вместе, обозначили новое направление сталинской политики. Русский патриотизм, который в критический момент битвы под Москвой был привлечен для спасения советского государства, стал важнейшим элементом сталинской имперской идеологии⁵⁹⁴.

Великая Отечественная война отрезвила кремлевских идеологов, а ведь еще в расстрельном 1937 г. выдающийся русский композитор Сергей Прокофьев был вынужден написать кантату «К 20-летию Октября». Однако композитор, желавший реабилитировать себя после возвращения из эмиграции, поступил мудро: многие композиторы и критики, познакопившись с партитурой, нашли эту музыку надуманной, нарочито усложненной, громоздкой. С их легкой руки за произведением на долгие годы и закрепилась такая оценка; поэтому кантата не исполнялась и оставалась неизданной.

Но с приближением 50-й годовщины Октября кантата была извлечена из архива, и в 1966 г. этотopus впервые прозвучал в Москве. А через год состоялось исполнение кантаты в «колыбели трех революций». В город на Неве «красную кантату» привезли московские гости — Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения и Академическая Русская республиканская капелла под управлением А. Юрлова. Дирижировал Г. Рождественский.

В те же дни на страницах «Ленинградской правды» (орган обкома) появилась статья Виталия Фомина под названием «Посвященная Октябрю». Читая ее сегодня, любой психиатр легко мог бы поставить автору диагноз: «индуцированный реактивный психоз, осложненный срывом динамического стереотипа». Для полноты клинической картины приведем отрывки из этой статьи.

Замысел кантаты, возникший у Прокофьева еще в начале 30-х годов, был поразительно смелым и даже дерзновенным. Композитор решил использовать в этом произведении подлинные тексты классиков марксизма. Изучая труды В. И. Ленина, Прокофьев пришел к твердому убеждению о правомерности и жизненности подобного замысла. «Ленин писал таким образным, ярким и убедительным языком, — утверждал композитор, — что мне не хотелось прибегать к стихотворному изложению его мыслей. Я хотел подойти прямо к первоисточникам и взять подлинные слова вождя».

Постепенно отшлифовывался и план кантаты — от оркестрового вступления (где эпиграфом служат начальные слова «Коммунистического манифеста» — «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма») до грандиозной картины революционных событий 1917 г. и торжественного апофеоза — гимна победившей Революции.

Но главное и неоспоримое достоинство произведения в том, что Прокофьев сумел распеть тексты из философских трудов и статей великих глашатаев социализма. Такова, например, вторая часть, где использованы знаменитые слова Маркса из его «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Таковы и те части, в которые включены ленинские строки из книги «Что делать?» («Мы идем тесной кучкой...») и статьи «Кризис назрел» («Мы победим безусловно и несомненно»). При музыкальном воплощении этих текстов Прокофьев приближает эти фрагменты к развернутым оперным сценам с их многоплановостью и речитативной остротой — и добивается огромной эмоциональной выразительности и глубины.⁵⁹⁵

...Вернувшись из поездки в советскую Россию в середине 30-х годов, крупнейший западный философ и социолог Эрих Фромм высказался об увиденном так: «Лечить нужно всю страну». За что был обруган и вычеркнут из числа «друзей СССР».

К 800-летию Москвы (1147–1947) в столице был воздвигнут памятник Юрию Долгорукому, сооруженный на том самом месте, где Ленин когда-то открыл монумент в честь первой советской конституции. Конь князя и сегодня повернут задом к бывшему Центральному партийному архиву, где хранятся «бессмертные» творения Маркса, Энгельса, Ленина, а рядом приткнулся памятник самому Ильичу.

После разоблачения культа Сталина «наш дорогой Никита Сергеевич» приказал убрать из гимна слова, а «главный гимнюк» Сергей Михалков, понял, что «надо сидеть тихо, и тогда всем будет хорошо».

Бывший дворянин, он вступил в КПСС в 1950 году. («Марцегаллене» — «Присоединившиеся в марте» — популярное в довоенной Германии насмешливое выражение в адрес тех немцев, которые поспешили вступить в нацистскую партию в марте 1933 г., вскоре после прихода Гитлера к власти («гитлеровский призыв»)⁵⁹⁶.

После снятия Хрущева (1964 г.) «Дядя Степа» пошел в гору, в 1965 г. он был сделан первым секретарем правления Московской организации СП (до 1970 г.), а потом начал насаждать милицейский режим в СП СССР (секретарь правления). Однако засвечиваться с гимном было рано, и в третьем издании Большой советской энциклопедии, в томе на «М» (1974 г.) Михалков представлен лишь баснописцем и автором пьес для детей. Про гимн ни слова.

«Маразм крепчал», и в конце 1980-х, в период развала советской империи, родилась идея: петь гимн с вопросительной интонацией:

Союз? нерушимых ? республик? свободных?...

А в начале третьего миллениума из компьютерной сети можно было выудить строки нового «гимнографа» — Дмитрия Грейса:

Сквозь годы растоптана воля народа,
И Ленин безумный тот путь осветил.
Нас вырастил Сталин, убивший свободу,
На страх и на подлости нас вдохновил.

Плачь же Отечество наше голодное,
Своры гебистской надежный оплот!
Партия Брежнева — пьянство народное
Нас к торжеству обнищанья ведет!

Но в конце 1980-х годов таких смельчаков было мало, и при проведении съездов все послушно вставали под музыку Александра. (Представим себе, что в нынешней Германии при открытии заседания бундестага звучит мелодия «Хорста Весселя», но без слов, а «старые партайгеноссе» с улыбкой понимающе переглядываются...)

В советское время от нас скрывали, что у «изнего» «Хорста Весселя» и у нашего «Авиационного марша» (композитор Хайт) одна и та же мелодия — немецкая песня моряков. А про «музыку Александрова» поведал бывший телеведущий Константин Ковалев. В конце 1980-х годов ему позвонил родственник одного только что скончавшегося капельмейстера Ансамбля песни и пляски под управлением Александрова. Тогда ансамблем руководил Борис Александров — сын автора мелодии Гимна СССР. «Я пришел к нему в гости, — вспоминает автор. — Тогда-то в домашнем архиве семьи музыканта я и увидел ноты прекрасной офицерской песни Первой мировой и Гражданской войн, называемой «Странник». Она оказалась... точной мелодией Гимна Советского Союза»⁵⁹⁷. Впрочем, это не кажется особо удивительным, когда узнаешь, что начинал будущий генерал-майор и герой соцтруда исполатчиком в храме, при том что родитель его был регентом Синодального хора храма Христа Спасителя.

Так же резво вставало «агрессивно-послушное большинство» при «захлопывании» Сахарова на первом съезде нардепов. Но в то время уже начали формироваться политические меньшинства. Вот отрывок из книги Анатолия Собчака «Хождение во власть». «В этот миг я ощутил, что некая мощная сила поднимает меня, выталкивает из депутатского кресла и заставляет встать вместе с залом. Я буквально вцепился в подлокотники и лишь успел бросить взгляд на своих соседей: слева академик Игорь Спасский, справа митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. Втроем мы сумели усидеть, сумели не поддаться стадному инстинкту ярости и агрессии. Я знал это чувство по своей армейской службе: когда ты под оркестр идешь в строю, возникает что-то похожее. Но то — парад, а тут нечто уже похожее на бой... Допускаю, что и усидели-то мы на своих местах благодаря молитве будущего нашего патриарха»⁵⁹⁸.

Однако на том же съезде бесстрастная кинокамера зафиксировала эпизод с участием другого архиерея. В едином порыве митрополит Юрьевский Питирим поднимается с места вместе с генералитетом. Попробуй не встать при таких смежниках! Да еще если работаешь в одном «Фонде культуры» вместе с Раисой Максимовной...

Но вскоре для песенников, долгие годы кормившихся патристической темой, наступили «тощие годы», и выяснилось, что некоторые из них были патриотами другой страны. Вместе с читателями зададим вопрос бывшему советскому композитору Тухманову.

— Давид Федорович, у вас столько патриотических песен — «День Победы», «Мой адрес — Советский Союз», «Я люблю тебя, Россия», «Родина моя» и т. д. А в 1990 г. вы повели себя непатриотично — уехали на долгие годы в Германию. Как это понимать?

А Сергей Михалков по праву может быть занесен в книгу рекордов Гиннеса. Он автор всех трех вариантов текста гимна. В целом народ отреагировал на это вяло. Просто Михалкова-старшего называли «гимночистом».

За живое задело только известного барда Юлия Кима. Вот что поет Ким при звуках гимна:

Россия родная, страна дорогая,
Ну что ж ты, Россия, стоишь и поешь
Все снова и снова стихи Михалкова,
Где каждое слово — дешевая ложь?

Под музыку эту ковали победу
И сами себе возводили тюрьму,
Нас вырастил Сталин на страх всему свету,
А также и на смех — спасибо ему!

И воды и недра богаты несметно,
И все есть для счастья, но мы день за днем
На общем параде все тащимся сзади
И эту бодягу поем да поем.

Припев:

Пой моя Родина, пой горемычная,
Пой дорогая родная земля,
Вечно послушная, вечно привычная
Петь, что велят господа из Кремля.

А как насчет самих «господ из Кремля»? О степени знания государственных символов «новой России» можно судить по такому факту. На оглашении Президентского Послания в Кремле в 2006 г. только восемь человек могли спеть российский гимн. Всего восемь из тысячи приглашенных чиновников самого высшего эшелона! Хотя для этих профессиональных политиков знание государственной символики должно быть таким же обязательным, как и безукоризненное владение государственным русским языком. Можно ли после этого события продолжать твердить о формировании новой политической общности в лице «дорогих росси-

ян»?! Сами «верхи» вынесли неудавшемуся проекту суровый приговор⁵⁹⁹.

Но по-прежнему исполняют старый сталинский гимн, лишь слегка подновленный. Это же трагифарс, когда Ельцина, отменившего этот гимн, хоронили под его звуки.

В парадоксальной форме и не без юмора эту ситуацию озвучил в одном из интервью известный телеведущий Николай Сванидзе.

— *И что, теперь Вы не встаете, когда слышите этот гимн?*

— Я к этому отношусь прагматично. Если страна, в которой я живу и гражданином которой остаюсь, приняла этот гимн, то я встаю под него. Если страна примет «Мурку» в качестве Государственного гимна — я и под «Мурку» встану⁶⁰⁰.

Патриаршество Святейшего Патриарха Алексия II пришлось на пору тяжелейших социальных, политических и экономических кризисов, которые затронули и жизнь Церкви. Одним из наиболее серьезных испытаний для нового Патриарха стала организованная советской номенклатурой попытка государственного переворота в августе 1991 г. Впервые с 1918 г. Русская православная Церковь столкнулась с необходимостью выработки собственной позиции по отношению к внутривластному конфликту в стране.

Август 1991 г. В Москве проходит Конгресс соотечественников — сюда съехались из-за рубежа влиятельные политики, предприниматели, деятели искусств с русскими корнями. Они обсуждают судьбу России, как помочь ей исцелиться от 70-летнего большевистского гнета. А в это время по Москве идут танки...

Все участники Конгресса в знак протеста против «красной хунты» встали со своих мест: минута молчания. Им-то терять нечего: они граждане могущественных держав, обратный билет в кармане, — попробуй тронь! Встали все, кроме трех архиереев: они *совграждане*, им потом «колыхаться на местном материале», и еще неизвестно, кто возьмет верх. Среди них — владыка Питирим. И снова невпадал: на съезде нардепов надо было тихо сидеть, а на Конгрессе — «встать с колен».

А в эти же «дни, которые потрясли мир», Святейший Патриарх Алексий II вполне недвусмысленно выразил сомнения в законности создания ГКЧП, претендовавшего на верховную власть в стране. В своем заявлении по этому поводу Патриарх Алексий II занял умеренную позицию, призвав население «проявить выдержку и не допустить пролития крови». Но в праздник Преображения Господня 19 августа 1991 г., в кульминационный момент для ГКЧП, во время

Божественной литургии, он опустил молитву о властях предрекающих (что мистически предопределило ход последующих событий).

Праздничные «колядки»

Выздоровливая после первого инфаркта, в Серебряном Бору, владыка вызвал из Ленинграда нескольких своих иподиаконов, и они составили небольшой хор, певший за богослужениями Страстной и Светлой седмицы в домовых церквях. Времени между службами было достаточно, и каждый «заполнял вакуум» по-своему. Старший иподиакон Николай Тетерятников (ныне — протоиерей, настоятель церкви в поселке Девяткино под Санкт-Петербургом) — стал упражняться в стихотворчестве. Свое двестишье он посвятил автору этих строк, тоже иподiakону, не обладавшему вокальными данными. Вот этот шедевр:

Из потухшего кадила не дождешься дыма, —
Это соло в нашем хоре исполняет Дима.

Владыка долго смеялся вместе со всеми и дал понять, что за мной — ответный ход. Коля был награжден встречной «колядкой»; к процессу подключились и другие иподиаконы, — так началась поэтическая лихорадка. Что-то было написано и «на выздоровление владыки».

Таким образом зародилась традиция; начало ей положил сам владыка, сказавший: «Следующий цикл — к Рождеству!» При этом он «со значением» посмотрел на меня. Так состоялось мое назначение на должность «датского» поэта.

В течение нескольких лет на Пасху и на Рождество владыка собирал после службы иподиаконов на чашку чая, предвкушая новые вирши. Сначала шел «разбор полетов» — подводилась черта под напряженной чередой предпраздничных богослужений, с сопутствующими им неизбежными промахами и накладками. Потом в какой-то момент владыка «менял пластинку» и, с хитрецей во взоре, поворачивался ко мне: «Та-ак! Ну, что у тебя? Послушаем!».

После чтения «нетленки» первый машинописный экземпляр вручался митрополиту, и вскоре через «секретариат» расходились «верные списки», широко известные в узком кругу. У кого-то из собратьев сохранился полный комплект обоих циклов; я же приведу по памяти несколько отрывков.

Начнем с самого митрополита. Иногда возникали довольно острые темы, и читать при народе, сердечнику, прямо «в лоб» что-то хлесткое было бы бесполезно для его здоровья. За день-два до «поэтического вечера» я испрашивал у владыки минуту для консультации и излагал концепцию будущего стиха. Например: целый год митрополит дерет три шкуры с «приближенных», уже рукоположенных им же в священный сан. Огромные нагрузки, строгий спрос. А в Великий четверг, на чине «умовения ног» он смиренно склоняется перед ними же, восседающими на амвоне...

Получив «добро» на разработку темы, в Светлый понедельник читаю четверостишие, из которого запомнились последние строки:

... Он целый год им мылил шею,
А моет почему-то ноги...

Владыка, довольный, заразительно хохочет вместе со всеми «взмысленными»...

Темы подсказывала сама жизнь. Своих иподиаконов владыка подбирал, руководствуясь, наряду с прочими, и их внешними данными: чтобы хорошо смотрелись во время архиерейского богослужения, чтобы «парные» были примерно одинакового роста и т. п. Это были студенты академии и семинарии, намеревавшиеся пополнить ряды белого (женатого) и черного (монашествующего) духовенства. Владыка порой беседовал с каждым из них и мягко, ненавязчиво, старался склонить к принятию пострига. Но если таковая предрасположенность не выявлялась, то он давал благословение на брак и сам же венчал жениха и невесту.

Один из иподиаконов, Коля Коньков, долго колебался в выборе пути и, наконец, склонился к «белому» варианту. На Пасху ему были прочитаны стихи, в последних строках которых были «забиты все гвозди» (выражение владыки):

Жизнь ударит обухом,
Ты поймешь потом:
Лучше жить под клобуком,
Чем под каблуком.

Нужно было видеть владыку в эти секунды: давясь от смеха, он переспрашивал: Как, как? Еще раз! Как там? «Под каблуком, под клобуком?» Затем, успокоившись, надел очки, взял лист и архиерейским басом, с наизиданием, перечел их будущему «подкаб-

лучнику». И тут же, вздохнув, промолвил: «Тяжела ты, шапка на монахе!». (Имея широкий круг общения, владыка приближал к себе тех студентов обеих Академий, в которых он видел потенциальных архиереев. Вполне естественно, что не все прошли «естественный отбор» — кто-то женился, кого-то отчислили и т. п. Для оставшихся у владыки была своя оценка. О том, кто подходил по всем статьям, он отзывался так: «Это — персона». Тому, кто еще не «дотягивал», владыка внушал: «Ты должен стать персоной».)

Иногда тема стихотворения возникала на сугубо «профессиональной» почве. Во время архиерейского богослужения некоторые юные прихожанки невольно засматривались на молоденьких иподиаконов и иногда не могли преодолеть в себе искушения «положить на них глаз». Такие «очарованные странницы» узнавали, где будет служить владыка, и кочевали из храма в храм, стараясь попасть на глаза ничего не подозревающему избраннику. Одна из них назначила себя в «со-молитвенницы» иподиакону, стоявшему «на посохе», — Володе Ишунину. Несмотря на то, что он недавно принял постриг с именем Симон, «дева неразумная» продолжала во время богослужений «есть его глазами». По этому случаю он получил к празднику стихи, в последних строках которых к нему был обращен страстный призыв:

Ты скажи мне прямо, душу не томя:
Симоне Ишунин! Любиши ли мя?

Надеюсь, нынешний владыка Симон, архиепископ Брюссельский и Бельгийский, не будет на меня в обиде «за разглашение»: ведь уже истек 25-летний срок давности... И думали ли мы с ним, что через два года после кончины владыки иеромонах Симон, по окончании ЛДА, защитит кандидатскую работу на тему: «Высокопреосвященный митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (очерк жизни и деятельности)» (Л., 1980), а мне доведется быть ее рецензентом?

Круг лиц, которым посвящались эпиграммы, порой расширялся. Одно время при владыке в Ленинграде гостевал его давний приятель — архимандрит Авель (Македонов). Они знали друг друга еще по Рязани, и их связывало много общего (вот кому бы написать воспоминания!).

Помню их поездку на Валаам, организованную для студентов и преподавателей ЛДАиС. Впервые я увидел владыку в мирском

костюме, — на теплоходе бывает большая «утесненность», и помимо нашей церковной группы на борту было много посторонних туристов. На валаамский берег владыка Никодим и о. Авель сошли в подрясниках и пешком проделали долгий путь от пристани до монастыря.

В те годы владыка Никодим приглашал своего соседа по епархии — митрополита Таллинского и Эстонского Алексия — посетить Валаам и предлагал ему свое содействие. Однако эстонский архиепископ, с благодарностью принимая приглашения, ими в те годы не воспользовался. Еще до Второй мировой войны он, будучи юношей, посетил с родителями Старый Валаам и навсегда сохранил о нем светлые воспоминания. И он не хотел их разрушать, взирая на царившее там послевоенное запустение. Могли ли в те годы оба архиепископа предполагать, что пройдут годы, и обитель возродится из руин? И что Валаамский монастырь станет ставропигиальным (т. е. находящимся в прямом подчинении Патриарха Московского и всея Руси), а Святейший Патриарх Алексий II станет его священноархимандритом?

В начале 1970-х годов о. Авель загорелся желанием поехать на Афон, что в те годы было весьма непросто. Однако владыка как председатель Отдела внешних церковных сношений, употребил все свое влияние, чтобы мечта его друга осуществилась. Для этого подвижнику пришлось принять греческое гражданство и дать обязательство пожизненного пребывания на Святой Горе.

Прибыв в Свято-Пантелеимоновский монастырь, о. Авель вскоре понял, что обстановка здесь, мягко говоря, далека от нормальной. Несколько монахов, присланных сюда из разных обителей тогдашней «страны Советов», прошли «естественный отбор». Получив предписание подобрать кандидатов для отправки на Афон, наместники монастырей поступили по принципу: «На тебе, убоже, что нам негоже». Выражаясь в терминах психиатрии, в Грецию спихнули «девиантов», т. е. людей с отклонениями. Как рассказывал о. Авель, однажды ночью он был разбужен странными звуками: как будто в ризнице пилят решетку. Пойдя «на звук», посланец из Рязани вошел в келью к собрату и увидел, что тот водит одним напильником по другому: вжик, вжик!

— Что ты делаешь, брат?

— Отгоняю радиацию!

И снова: вжик, вжик!

В пожизненном окружении «специфического контингента»

о. Авель пребывать не захотел. Но для монаха из Советского Союза «вход на Афон — рубль, выход — два». И о. Авель воспользовался единственной возможностью вернуться на родину — для прохождения лечебного курса. Для митрополита снова начались хлопоты: как «вытащить» афонского насельника из греческого гражданства, не испортив отношений с греческим МИД? В ожидании решения по своему «делу» о. Авель жил при академии, столовался при митрополичьих покоях и любил попариться в академической бане. Все это происходило на виду у иподиаконов, тема носилась в воздухе и просилась в строку. И вот что получилось:

Смиренный инок после бани
Заснул и видит страшный сон:
Билет он в кассе просит до Рязани,
Ему дают плацкарту на Афон.

Когда эти стихи были прочитаны, покои взорвались от смеха. Владыка лег грудью на стол, его плечи содрогались от хохота. Не удержался от смущенной улыбки и виновник веселия. К его счастью, проблема вскоре была решена, и он получил «плацкарту» в кафедральный собор Рязани. . .

Владыка ценил юмор и хранил в своей памяти множество забавных историй. Во время одного из «пасхальных чтений» он рассказывал про финна, занимавшегося извозом в дореволюционном Петербурге. «Вейка» перевозил пассажиров на лодке по определенному маршруту: с Крестовского острова на Васильевский и обратно. Однажды паромщик зашел в православный храм во время пасхального богослужения, но вскоре его оттуда выбросили. Вот как он поведал об этом своим землякам.

— Стою в храме; паррi (священник) выходит из алтаря и кричит: «Крестовский остров!». Прихожане в ответ: «Васильевский остров!». А я — громче всех: «Фонтанка!».

«Митрополит Никодим был прекрасным рассказчиком, — пишет Фэри фон Лиленфельд. — Отлично зная историю Петербургской епархии, он иногда припоминал к слову что-нибудь забавное о своих предшественниках. Его память казалась неисчерпаемой. У меня такой памяти нет: к сожалению, ничего не запомнила»⁶⁰¹.

ПЕРВЫЙ И ТРЕТИЙ РИМ

Владыка Никодим ездил за границу с размахом, благо средства на ОВЦС тогда отпускались щедро. В один из его первых визитов в Италию и Ватикан при владыке находился его тогдашний секретарь, отвечавший за багаж из 20-ти «представительских» чемоданов. Каждый день секретарь сверялся со списком — кому что подготовить в качестве подарка. Порожние чемоданы заполнялись «ответными» сувенирами, — это была в основном богословская литература, пополнившая потом библиотеки духовных академий. Секретарь блестяще справился со своими обязанностями, но с небольшой «накладкой». Только в самолете он вспомнил, что в Риме остался его плащ. Впрочем, вскоре плащ прислали по почте, но таможенная служба пыталась взыскать с владельца пошлину...

Ватикан-2

В своих «Воспоминаниях» архиепископ Брюссельский Василий рассказывает о забавной истории. Уезжая в Рим на последнее заседание II-го Ватиканского собора (1965 г.), куда он был приглашен, митрополит Никодим обратился после богослужения в Ленинграде к верующим с просьбой о молитве о нем, так как «он едет на закрытие Ватиканского собора». «Как! — закричали верующие, не поняв смысла сказанного, — еще один собор закрывают, и ты едешь в этом участвовать. Не пустим! Не выпустим отсюда!»⁶⁰²

...А начиналось все в 1958 г., когда главой Римско-Католической Церкви был избран папа Иоанн XXIII. Вскоре после этого римский понтифик провозгласил своей ближайшей задачей созыв Поместного собора. Стало известно, что папа считает одной из главных целей собора широкие контакты с христианами разных исповеданий и в том числе с Православной Церковью.

Папа долгие годы своей жизни и своего архипастырского служения посвятил контактам с Православной Церковью: и в Болгарии, и на посту нунция в Турции. А во время войны он имел многочисленные контакты и с греческим духовенством. Момент для установления самого широкого общения между Церквями-сестрами был особенно благоприятен, так как в это время Константинопольский патриарший престол занимал патриарх Афинагор. Как и другие восточные патриархи, он отнесся с сочувствием к стремлениям папы Иоанна XXIII-го. Однако было ясно, что Русская пра-

вославная Церковь, подконтрольная советскому правительству, питавшему неприязнь к Ватикану (поджигатели войны!), займет негативную позицию по отношению к инициативе Ватикана⁶⁰³. Еще в 1961 г. владыка Никодим на конференции в Праге осуждал «агрессивную политику Ватикана».

В декабре 1960 г. патриарх Алексей I в сопровождении свиты, в которой был и новый председатель ОВЦС митрополит Никодим, нанес визит Константинопольскому патриарху Афинагору, а затем посетил Иерусалим. Митрополит Николай (Ярушевич), живший на покое, кратко резюмировал цель поездки: «Поехал срывать Вселенский собор». Потом на протяжении двух лет велась вдохновляемая Кремлем кампания против Второго Ватиканского собора. Своего апогея эта политика достигла осенью 1962 г. перед самым открытием собора.

Два журнала в Москве выступали против собора: антирелигиозный журнал «Наука и религия» и... «Журнал Московской Патриархии». Декабрьский номер журнала «Наука и религия» вышел с особым приложением — маленькой книжечкой бывшего чекиста Андреева-Бартошевича. Эта брошюра вышла под названием «Тайны Ватикана». И одновременно в «Журнале Московской Патриархии» появляется редакционная статья без подписи под названием «Non possumus».

В этой очень резкой статье автор обрушивался на Ватикан и заявлял, что участие Православной Церкви в каком бы то ни было соборе, созываемом Ватиканом, немыслимо и невозможно. Статья заканчивалась весьма красноречиво: «Католическому “Non possumus” мы противопоставляем наше православное “Non possumus”». («Non possumus» — не можем)⁶⁰⁴.

Между тем в 1962 г. что-то произошло. С начала 1962 г. владыка Никодим прекратил острые выступления в адрес Римско-католической Церкви и обратился (через Совет по делам религий) в правительство со специальным докладом «Мысли в отношении Католической Церкви», где убедительно аргументировал необходимость участия наблюдателей от Русской Церкви во Втором Ватиканском соборе⁶⁰⁵.

И вот сенсация: было объявлено, что Русская православная Церковь пошлет своих наблюдателей на Ватиканский собор. О том, как все было «на самом деле», рассказывает архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин):

«... Следующая моя встреча с владыкой Никодимом произошла

летом 1962 года, в Париже, куда он приехал на сессию Комитета Всемирного Совета Церквей. Находившийся в то время в Париже С. Н. Большаков, человек с большими связями, с которым я был хорошо знаком по Оксфорду (мы были соседями), предложил мне устроить встречу между архиепископом Никодимом и кардиналом Тиссераном, с которым сам Большаков был в хороших отношениях. Тиссеран отдыхал в то время во Франции, в Лотарингии, недалеко от города Мец, откуда был сам родом.

Я тоже с ним был знаком и поэтому ответил Большакову, что в это дело не хочу вмешиваться, не знаю, согласится ли архиепископ Никодим на подобную встречу, так как вопрос мог быть для него довольно деликатный. Я предложил Большакову, если он хочет устроить встречу, самому поговорить с архиепископом Никодимом. Большаков так и сделал, и... владыка Никодим охотно согласился на знакомство и встречу с кардиналом Тиссераном. И действительно, после окончания сессии Комитета, 18 августа 1962 года, архиепископ Никодим и я, никем не сопровождаемые и никому ничего не говоря, выехали поездом в Мец.

На вокзале в Меце нас встретил шеветоньский иеромонах о. Федор Штротман, и мы с ним отправились на квартиру друзей Большакова, где нашли кардинала Тиссерана, самого Большакова и еще нескольких католических духовных лиц. Нас ждали с обедом, но мы, архиепископ Никодим, кардинал Тиссеран и я, пошли сначала в соседнюю комнату поговорить... Мы как-то не сговариваясь, сразу перешли к делу, к вопросу о посылке наблюдателей на Ватиканский собор, который должен был открыться через два месяца.

Архиепископ Никодим сказал, что этот вопрос еще не решен Русской Православной Церковью, но что прежде чем принять то или иное решение, Патриарх и Синод должны знать, чем будет заниматься предстоящий Ватиканский собор, какова будет его программа и каковы задачи. Не будут ли на нем приняты решения политического характера в духе холодной войны, которые сделают присутствие на нем наблюдателей от Русской Церкви невозможным, и они будут вынуждены уйти? И лучше совсем не посылать никого, чем послать, а потом уйти, и это меньше нарушит отношения между нашими Церквями.

Кардинал Тиссеран ответил: «Никакого политического характера собор не будет иметь, и никакой политической борьбы против советской власти Собор вести не намерен. Правда, я не могу ручаться, что среди многочисленных епископов и участников Собора

не найдется несколько человек, которые попытаются это сделать. Мы не можем им это запретить, каждый свободен говорить, что хочет. Попробуем их отговорить от этого, и Собор, так какой-то, по этой линии не пойдет. Скажу для примера, что в своих проповедях я вообще никогда не говорю о советской власти, о коммунизме, или о марксизме, зато постоянно выступаю против атеизма. Так и на Соборе будут говорить об атеизме, а не о советской власти».

«Это ваше полное право, — ответил архиепископ Никодим, — против этого мы совсем не возражаем, наоборот. Нам только важно, чтобы Собор не провозгласил крестового похода против коммунизма и советской власти. Ваши заверения нас, скорее, успокаивают».

...В тот же день мы с архиепископом Никодимом вернулись поездом в Париж и попали к началу всенощной на Преображение. И действительно, вследствие этой встречи архиепископа Никодима с кардиналом Тиссераном наблюдатели Русской Православной Церкви два месяца спустя прибыли на Ватиканский собор»⁶⁰⁶.

Вот что пишет об этой встрече священник Винченцо Поджи (Рим): «Когда в 1962 г. епископ Никодим стал Председателем Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, ему была устроена в городе Мец (Франция) встреча с кардиналом Евгением Тиссераном (Eugene Tisserant), известным ученым-востоковедом и книголюбом, возглавляющим Конгрегацию Восточных церквей Римско-Католической Церкви. На вопрос одного крупного советского функционера о впечатлениях от встречи кардинал ответил: «Митрополит Никодим чрезвычайно способный человек. Он моментально схватывает суть проблем и находит способ их решения. Наш диалог был кратким, но позитивным, каким и должен быть диалог»»⁶⁰⁷.

Если сравнить тогдашнюю позицию владыки Никодима с тем, что он отстаивал осенью 1961 г. на Всеправославном совещании (о. Родос), то налицо заметный прогресс. Ведь там тоже речь зашла о проблеме атеизма.

Острый вопрос возник в связи с обсуждением программы будущего Всеправославного Собора, — вспоминал архиепископ Василий (Кривошеин). — Там был пункт: Атеизм и борьба с ним. Вопрос об атеизме и особенно о борьбе с ним обеспокоил архиепископа Никодима и еще более — официального представителя «иностранного отдела» Варламова, так как он придавал ему политический характер — как подспудному предлогу для борьбы с СССР и с советской властью. Поэтому архиепископ Никодим вдруг стал энергич-

но хлопотать, но не на общих заседаниях Совещания, а в комиссиях, чтобы этот вопрос был снят с программы Собора и даже вообще не обсуждался на пленарных заседаниях.

Неожиданно он встретил решительного противника в лице митрополита Алеппского Или, в будущем Патриарха Антиохийского. Последний горячо заявлял — я сам был тому свидетель — что борьба с атеизмом есть одна из главных задач нашего времени и что архиерейская совесть не позволяет ему, чтобы этот вопрос был вычеркнут из программы будущего Собора. И тем не менее, архиепископу Никодиму удалось (не знаю, каким способом) переубедить митрополита Илию, и тот замолчал. Вероятно, архиепископ Никодим говорил ему, что обсуждение вопроса о борьбе с атеизмом может вызвать репрессии против Русской Православной Церкви и сделает невозможным ее участие на предстоящем Соборе. Вероятно, эти же «веские» аргументы подействовали и на других участников Совещания, и вопрос об атеизме был просто вычеркнут из программы, без всякого обсуждения на пленарных заседаниях⁶⁰⁸.

В августе 1962 г. на сессии ЦК ВСЦ в Париже произошла встреча владыки Никодима и Виллебрандса, который заверил, что вопрос об атеизме и коммунизме на Ватиканском соборе будет рассматриваться в основном богословски, в контексте проблем, которые должна решать Церковь, чтобы возвещать Евангелие в современном мире. Подход к обсуждениям и решениям по этим вопросам будет пастырский, а не идеологический. Собор не станет антисоветским форумом⁶⁰⁹.

О дальнейшем развитии событий рассказывает протопресвитер Виталий Боровой.

В конце сентября — начале октября состоялась вторая встреча владыки Никодима с Виллебрандсом, специально приехавшим в Москву для бесед с представителями Патриархии о Соборе. Беседы происходили в Отделе внешних церковных сношений с владыкой Никодимом и членами Отдела (в их числе был заместитель митрополита Никодима епископ Алексий [Ридигер], нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси). Беседы были очень успешными. Кроме пастырских и богословских вопросов обсуждались и политические вопросы: о мире, о примирении, о проблемах отношения Церкви и государства, о материализме и атеизме.

Виллебрандс очень спокойно и уверенно объяснил, что все эти вопросы будут на Соборе рассмотрены в общем плане, не будут

нарушаться интересы никакого государства, не будет упоминания ни о каких политических системах, ни в положительном, ни в отрицательном ключе. Было ясно выражено убеждение, что никто не сможет обвинить Собор в политической тенденциозности или пристрастии. Как ясно следовало из дискуссий на встрече и из документов встречи, никакого определенного формального соглашения, обязующего Собор не занимать антикоммунистическую позицию, чтобы добиться присутствия русских наблюдателей, не было. А владыка Никодим и не ставил вопросы в такой плоскости.

После отъезда Виллебрандса Совету по делам религий была представлена итоговая записка с очень положительной оценкой всех даваемых Виллебрандсом объяснений о характере Собора и основном его направлении. В записке подчеркивалось, что приглашение наблюдателей от Русской Церкви было сделано после долгой борьбы с реакционерами. И это есть победа реформаторских сил внутри Католической Церкви. Неудача миссии Виллебрандса в Москве и отрицательная позиция Русской Церкви по вопросу о направлении наблюдателей на Собор были бы только на руку реакционным силам в Ватикане и поражением сил, добивающихся реформ, обновления и ослабления напряженности в отношениях с Востоком.

Заключение записки призывало (конечно, «с точки зрения улучшения современного напряженного положения во всем мире») приветствовать присутствие наших наблюдателей на Соборе, ибо оно могло бы в какой-то мере ослабить реакционные течения на Соборе, затормозить и сковать проявления вражды и борьбы со всем прогрессивным. Весь анализ записки показывал, что все это было возможным.

Аргументация владыки Никодима убедила Совет, который, в свою очередь, обратился в ЦК КПСС с предложением дать согласие на присутствие наблюдателей на Соборе, имея в виду, что на Соборе будут обсуждаться различные социальные и догматические вопросы с целью укрепления позиций Католической Церкви и приспособления к новым условиям, сложившимся в мире. Опасность образования единого антикоммунистического фронта устранена, а Ватикан и итальянские правительственные круги придают большое значение присутствию на Соборе наблюдателей от Русской Церкви.

Записка Совета особенно подчеркивала важность обращения

по вопросу о наблюдателях мэра Флоренции Ля Пира, доверенного лица папы Иоанна XXIII, и премьер-министра Италии Фанфани, который заявил в разговоре с послом СССР в Италии Козыревым, тоже выступавшим за направление наблюдателей, что «поездка на Собор наблюдателей от Русской Православной Церкви имела бы важное значение для разрядки между Востоком и Западом, а также для дальнейшего развития советско-итальянских отношений». Ля Пира подчеркивал, что с Собором связаны политические круги католического мира, благоприятствующие разрядке в отношениях с советским лагерем и открытости левым силам итальянской политической панорамы.

Его стремление «разбить лед» было со вниманием воспринято советскими дипломатами, поддерживавшими «хрущевскую оттепель». Уверения Ля Пира, что на Соборе не будет каких-либо враждебных демонстраций против Советского Союза и других социалистических стран, были в Москве восприняты как заслуживающие доверия.

Записка в ЦК КПСС заверяла, что участие наблюдателей будет содействовать установлению полезных контактов с Ватиканом и свяжет Ватикан в проведении враждебной деятельности против СССР. Это официальное обращение Совета в ЦК КПСС завершило собой процесс изменений в отношении к Католической Церкви и к вопросу присутствия наблюдателей на Соборе — от первоначального отрицательного к положительному, к признанию пользы для советского правительства от участия на Соборе наблюдателей от Русской Православной Церкви в связи с предполагаемым улучшением отношений с Ватиканом. И разрешение на такое участие было принято постановлением на высшем уровне советской власти — Президиумом ЦК от 10 октября 1962 г. (за № 58/30)⁶¹⁰.

... По возвращении из Парижа владыка Никодим должен был «согласовать вопрос» в «кругах и сферах», а это требовало много времени. Именно в этой связи 27 сентября 1962 г. в Москву прибыл представитель секретариата по содействию христианскому единству Римско-католической Церкви монсеньер Иоганн Виллебрандс (с 1969 г. — кардинал). Он информировал членов Священного синода РПЦ о задачах и целях II-го Ватиканского собора, а впоследствии, в октябре того же года, патриарху Алексию I было направлено официальное приглашение из Ватикана. В результате этого 10 октября Синод принял решение направить на Собор в каче-

стве наблюдателей протоиерея Виталия Борового и архимандрита Владимира (Котлярова) (с 1995 г. — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский)⁶¹¹.

Происходили странные вещи: кардинал Августин Беа, ведавший подготовкой к Собору, получил от патриарха Афинагора письмо, в котором Константинопольский Патриарх с сожалением заявлял, что он хотел бы послать своих представителей на Собор, но лишен возможности это сделать ввиду крайне отрицательного отношения к Собору со стороны Московской патриархии и Болгарского Синода, которые грозят расколом, а через 15 минут на столе у Беа лежала телеграмма за подписью патриарха Алексия I с просьбой принять его делегацию на Собор. После этого начались трения между Константинопольской и Московской патриархиями. И митрополиту Никодиму пришлось приложить все свои дипломатические способности, чтобы этот конфликт уладить.

Между тем в Москве начались «оргвыводы». Прежде всего с позором был изгнан из журнала «Наука и религия» Бартошевич-Андреев. Своим падением он увлек за собой также главного редактора Колоницкого, секретаря редакции Завелева-Воскресенского; состав редакции переменился полностью. Редакция была вызвана к Ильичеву, зав. Отделом агитации и пропаганды при ЦК КПСС, который выступил с разгромной речью. Брошюрка Андреева была спешно изъята из продажи, а подписчикам журнала, которые ее получили в качестве приложения к журналу, было предложено немедленно ее вернуть.

Нечто подобное, хотя и не в столь резкой форме, происходило и в церковных кругах. Иностранные журналисты пожелали получить интервью у митрополита Никодима, который сделал ряд комплиментов в адрес Ватикана. В ответ на недоуменные вопросы по поводу редакционной статьи «Non possumus» владыка ответил, что это лишь частное мнение... Ведерникова. После этого последовала отставка Анатолия Васильевича, многолетнего сотрудника и фактического редактора «Журнала Московской Патриархии». Митрополит Никодим, таким образом, сразу «убил двух зайцев»: вышел из затруднительного положения и избавился от Ведерникова, человека, близкого покойному уже тогда митрополиту Николаю: он вряд ли мог считать Ведерникова «своим человеком»⁶¹².

Для того, чтобы получить «добро» на поездку на Собор, владыка Никодим умело использовал «зацикленность» кремлевских идеологов на страхе перед «антикоммунистическим фронтом», со-

знание которого они сами же и провоцировали. Вот что пишет об этом профессор Адриано Роккуччи (Рим): «Владыка Никодим стремился избежать опасности изоляции русского Православия в области межхристианских отношений. Вхождение во Всемирный Совет Церквей и решение послать наблюдателей от Русской Церкви на Второй Ватиканский собор отвечали этому замыслу. Созыв Собора и контакты Католической Церкви с православным миром могли сблизить Константинополь и Рим. Тогда Вселенский Патриархат стал бы представителем всего Православия в диалоге с Римом, значительно усилив свои позиции в ущерб Москве. Опасение того, что союз между этими двумя центрами христианства приведет к изоляции Москвы, лежало в основе стратегии митрополита Никодима и сочеталось с озабоченностью советского правительства, что вокруг Ватикана может создаться антикоммунистический и антисоветский фронт религиозных сил. Появление Московского Патриархата в качестве одного из главных действующих лиц в отношениях между христианскими Церквями с вхождением во Всемирный Совет Церквей и направлением наблюдателей на Собор могло бы разорвать изоляцию и поставить Русскую Церковь в центр отношений между христианскими Церквями. Как известно, владыке Никодиму удалось осуществить свои замыслы, и его стратегия увенчалась успехом»⁶¹³.

«Интеркоммунион»

Желая похвалить кого-либо, владыка говорил: «Умник!». Более умеренная похвала звучала так: «А ты не дурак!». А если надо было отругать провинившегося, последняя фраза могла прозвучать и утвердительно; при этом — легонько кулаком по лбу. Но это — только по отношению к своему ближайшему окружению, к тем, кто поймет и не обидится. Конкретный случай. Члены делегации РПЦ (МП) во главе с владыкой отправились в середине 1960-х годов в Западную Германию. В Кельнском соборе один из клириков наивно спросил у местного священника: «А этот храм действующий?» И владыка тихонько пробасил: «Молчи, дурак!».

Еще один эпизод. Делегацию РПЦ пригласили на площадь св. ап. Петра в Риме присутствовать на мессе в многотысячной толпе. Когда местные священники пошли причащать прихожан, один из наших клириков затесался среди причастников. Патер, не глядя на лица, вложил и ему в уста гостию (облатку) со словами: «Корпус

Кристи!» («Тело Христово!»), и пошел дальше со Святыми Дарами. Наш батюшка, держа облатку в зубах, вопросительно смотрит на владыку. Прихожане-католики смотрят на обоих. И митрополит в сердцах восклицает: «Ешь, дурак, а в следующий раз рот не разевай!» (Это к вопросу об интеркоммунионе.)

Что же касается пастырской деятельности внутри страны, то по инициативе владыки Никодима Священный синод Русской православной Церкви на заседании от 16 декабря 1969 г. принял решение о допущении католиков к православному причастию там, где у них нет храмов или священников. Это не было каким-то «келейным» решением. В 1971 г., на Поместном соборе Русской православной Церкви (30 мая — 2 июня) владыка Никодим в своем докладе еще раз упомянул об этом.

Считаю необходимым отметить решение Святейшего Патриарха Алексия и Священного синода от 16 декабря 1969 года, продиктованное душепопечительной заботой нашей Церкви о своих братьях во Христе, согласно которому священнослужители Московского Патриархата получили разрешение преподавать благодать святых таинств католикам и старообрядцам в случаях крайней в сем духовной необходимости для последних и при отсутствии на местах их священников, поскольку мы имеем общую с ними веру в отношении таинств. Подобное решение имело место в 1878 г., когда Константинопольский синод вменил в обязанность греческим православным священникам совершать таинства для армян там, где у них не имеется церквей и священников»⁶¹⁴.

А в Решениях Поместного собора от 1 июня 1971 г. в 6-м параграфе было сказано следующее: «Одобрить деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви во взаимоотношениях с неправославными христианскими Церквями и исповеданиями, как преследующую священную задачу постепенного созидания условий приближения вероисповедного единства разделенных ныне христиан и содействующую усилению их миротворчества и служения справедливости на Земле и всестороннему прогрессу населяющих ее народов. Считать важной задачей Святейшего Патриарха Московского и Священного Синода Русской Православной Церкви дальнейшее развитие этой деятельности, которое должно быть неизменно обусловлено строгим соблюдением чистоты православной веры, учения древней единой неразделенной Церкви»⁶¹⁵.

Вот что пишет по этому поводу протопресвитер Виталий Боровой.

В каноническом и экклесиологическом смысле это «постановление» не является чем-то новым в истории наших отношений к католикам. Это не «нововведение» митрополита Никодима, а повторение того, что уже было в решениях Святейшего Правительствующего Синода Русской Церкви в середине XIX в. Тогда конкордат, заключенный императором Николаем I в 1847 г. с папой Григорием XVI, предусматривал, что Русская православная Церковь будет совершать все таинства и требы над обращающимися к ней с такими просьбами католиками, посланными за участие в польских восстаниях против России, если они живут в местах, где нет католических храмов и католического духовенства. В связи с заключением этого конкордата по указанию императора Синод издал тогда распоряжение, обязательное для православного русского духовенства, — удовлетворять просьбы ссыльных католиков, если таковые просьбы будут от них поступать.

В моей пастырской практике был такой случай. В первый г. после рукоположения я был священником в Гомеле. Во время исповеди одной женщины выяснилось, что она католичка. Я оставил исповедь, но женщина мне сказала, что они — гомельские католики — не имеют католического храма и католического священника, и уже более двадцати лет все Таинства и требы совершаются для них православными священниками (в том числе исповедь и причастие). Я пошел к благочинному, старому, опытному священнику, уже много лет служившему в Гомеле. Он мне сказал, что смущаться этим не надо. Он и другой еще гомельский священник спокойно и с чистой совестью совершают все Таинства и требы для католиков, не требуя от них отречения от католичества, а только лишь признания правильности православного священства, православного учения и православных таинств. И рассказал мне, что делается это на основании распоряжения еще дореволюционного Синода нашей Церкви после конкордата 1847 г. Другое дело, что это распоряжение имеет в виду не «евхаристическое общение» с Католической Церковью, а лишь случаи пастырской икономии по специальным причинам и ради специальных условий»⁶¹⁶.

Тем не менее решение Поместного собора 1971 г. вызвало критику Русской Православной Церкви среди греков (в основном — «старостильников») и на Афоне. Однако представители Русской

православной Церкви отстаивали правомерность этого решения; одним из них был архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин, сконч. в 1985 г.). В своей книге «Воспоминания» он пишет: «Мне удавалось на Всеправославных совещаниях (таких, как Всеправославная комиссия по диалогу с англиканами) защищать доброе имя и Православие Русской Церкви следующей аргументацией: “Это постановление Синода вызвано совсем особым положением верующих, и в частности католиков, в Советском Союзе, где часто на протяжении тысяч километров нет ни одной католической церкви или священника. В таких случаях по икономии разрешается давать им причастие. Такое же постановление вынес Константинопольский Синод и Патриарх Иоаким II в 1878 г. относительно армян. Богословски мне трудно оправдать такую икономию, но не могу судить русских иерархов, живущих в России в трудных условиях. Они лучше нас знают, что делают”»⁶¹⁷.

Примечательно, что и другой влиятельный член Синода — митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (с 1971 г. — Патриарх) разделял позицию владыки Никодима в отношении католиков, правда, в более осторожной форме. Как сказал он в беседе с архиепископом Василием (Кривошеиным), «не надо было это решение принимать, и до него там, где была необходимость, католиков допускали к причастию. Так и нужно было оставить, а не узаконивать то, что делалось по пастырским соображениям, официальным Синодальным решением»⁶¹⁸.

Став главой Русской православной Церкви, Святейший Патриарх Пимен не стал отменять решение Свящ. синода 1969 г. о причащении католиков. Лишь в 1986 г. оно было приостановлено, вплоть до решения этого вопроса на Всеправославном соборе.

«Имели суждение о Разъяснении Священного Синода от 16 декабря 1969 г. о допуске в порядке икономии к Святым Тайнам римско-католиков.

Постановили: Ввиду поступающих запросов по поводу данного Разъяснения Свящ. Синод сообщает, что практика эта не получила развития, и определяет отложить применение Синодального Разъяснения от 16 декабря 1969 г. до решения этого вопроса Православной Полнотой»⁶¹⁹.

Владыка Никодим благожелательно относился к католической общине в Ленинграде. По великим праздникам — на Рождество Христово и на Пасху — в католический храм, что в Ковенском переулке, по благословению митрополита направлялся в качестве го-

стя представитель Ленинградской митрополии. Местный ксендз — о. Иосиф Павилонис — по приглашению владыки ежегодно присутствовал за пасхальным богослужением в алтаре Николо-Богоявленского кафедрального собора и приглашался к Причастию Святых Христовых Таин. (Решение о доступе католикам к таинствам Православной Церкви, а православным — к католическим, было принято на Втором Ватиканском соборе).

Отец Иосиф был «человеком трудной судьбы». Отсидев в ГУЛАГе, он был предельно осторожен в своем приходском служении. Ведь его предшественника — настоятеля костела Лурдской Богоматери (в Ковенском переулке) «органы» посадили «за валюту». В течение нескольких десятилетий этот католический храм был единственным действующим в Ленинграде, и его посещали западные дипломаты, работавшие в консульствах. В кружку для пожертвований они опускали не только *дензнаки* (рубли), но и *деньги* (валюту). А настоятель, по простоте душевной, хранил их в приходском доме, не оприходуя и не меняя в банке, что было тогда обязательно. В результате — обыск, изъятие «зелени», статья за «незаконные валютные операции» и срок...

В общении с уполномоченным о. Иосиф избрал верную тактику: мол, плохо понимаю по-русски и плохо слышу. Задумает, к примеру, Жаринов, «копнуть» под кого-то из католической общины, и уламывает настоятеля: дескать надо сделать то-то и то-то. А о. Иосиф в ответ: мы соберем церковный совет и обсудим.

Жаринов: Вы что, с ума сошли? Ни в коем случае!

Отец Иосиф: а Вы напишите, что надо сделать, а я в костеле вывешу на доске объявлений!

«С ним нельзя работать, — сокрушался уполномоченный. — Все время придушивается!»

...В первой половине 1980-х гг. произошло очередное гонение на католиков в Советском Союзе. Было арестовано два католических священника: о. Владимир Никифоров из Москвы (выслан в эмиграцию) и о. Иосиф Свидницкий (осужден на три года). Примечательно, что приговор последнему за клевету на советский строй (утверждал в проповедях, что атеизм привел в СССР к разгулу пьянства) был оглашен за три недели до начала горбачевской антиалкогольной кампании. И встает вопрос: так кто же все-таки сошел с ума?

«Жертвой Ватикана» стал товарищ Владимира Буковского по сумасшедшему дому (середина 1960-х годов) Это был француз-

ский коммунист, по происхождению румын, который прожил более десяти лет в Марселе, а потом приехал в Советский Союз, чтобы посмотреть, что представляет собой коммунизм на практике. Он поступил в Молдавию на обувную фабрику и там долго работал. Ему не понравилось, что рабочие обувной фабрики, да и всей обувной промышленности, получают так мало денег.

Он предложил своим коллегам по работе бороться за лучшую зарплату. Они объявили забастовку, и он был арестован и признан невменяемым. В больнице он долго не мог понять, что с ним произошло. Что означают такие действия коммунистов? Для него коммунизм и борьба рабочих за лучшую жизнь — это примерно одно и то же. Ему это было непонятно. Под конец его пребывания он стал сходиться с ума по-настоящему, потому что уверял всех, что в советском правительстве действует рука Ватикана⁶²⁰.

...При монашеском постриге в Крестовой церкви митрополичьей резиденции в Серебряном Бору владыка нарек меня Августин (в честь блаженного Августина, епископа Иппонского (353–430)). К своему удивлению, я не нашел его имени в православном церковном календаре и сказал об этом святителю. Владыка проверил, и точно!

Видимо, в Издательском отделе перестарались «ревнители благочестия»: убрали западного святого из православных святцев. Ведь не случайно он у нас всего лишь «блаженный» — до святого «не дотягивает». А между тем это имя носили такие выдающиеся деятели Русской православной Церкви, как Августин (Виноградский; 1766–1819), архиепископ Московский; Августин (Сахаров; 1768–1841), епископ Оренбургский; Августин (Гуляницкий; сконч. 1892), епископ Екатеринославский и другие.

— Так значит, нет? Будет!

Митрополичий звонок в Издательский отдел, и в очередном календаре блаженный Августин был «реабилитирован».

Издательский отдел и сегодня стоит «на страже». 2005 г., 625-летие Куликовской битвы. И вот, председатель Издательского совета Московского патриархата протоиерей Владимир Силовьев заявляет, что «погубить православную веру» в 1380 г. хотели... генуэзские наемники Мамай, выходцы из католической Западной Европы. А Пересвет, как выясняется, сражался на Куликовом поле с буддийским монахом Челубеем, владевшим восточными боевыми искусствами...⁶²¹

В середине 1970-х годов в Ленинградской духовной академии литургику читал «приглашенный профессор» — о. Михаил Арранц (Рим, Руссикум, Общество Иисуса). И владыка Никодим смело пошел на это, несмотря на возможные упреки: православную литургику преподает католик! Ведь о. Михаил был блестящим специалистом в области истории византийского богослужения; позднее его конспект был издан в виде книги под названием «Как молились Богу древние византийцы» (ЛДА, 1979). Его перу принадлежат такие пособия, как «Историческое развитие Божественной литургии» (ЛДА, 1978), «История Типикона» (ЛДА, 1978) и «Исторические заметки о чинопоследованиях таинств» (ЛДА, 1979). Эти книги и сегодня не утратили своей научной ценности; они до сих пор служат одним из пособий для нынешних студентов. Литургика — «нейтральная территория»: ведь здесь нет места спорам о примате папы римского, об опресноках и о Филиокве.

Отец Михаил поведал владыке об истории, которая приключилась с ним на Афоне. Будучи католиком восточного обряда, он носил бороду и посещал тамошние монастыри в греческой рясе. Простой, общительный, владеющий греческим языком, о. Михаил легко расположил к себе афонских насельников. Однажды в одном из монастырей он даже удостоился похвалы.

— Сидим на кухне, чистим картошку. У иноков — все затрапезное: носят, пока рубище не обветшает. Потом лохмотья сжигают, и настоятель выдает новый подрясник. На мне тоже подрясник; из-под рукавов чуть видны белые манжеты рубашки. Орудя ножами, «кухарки» о чем-то мирно беседуют, и вдруг один из насельников вклинивается в разговор: «Хороший ты человек, отец Михаил. И богослужение знаешь лучше, чем мы. И вид у тебя православный: ряса, борода. Но, как ни прикидывайся, все равно католичество рясой не скроешь. (Указывает на манжеты.) Вон, “филиоква”-то выглядывает!»

Раз уж речь зашла об одежде, приведем отрывок из воспоминаний протоиерея Владимира Рожкова (1934–1997), настоятеля Николо-Кузнецкого храма в Москве. По благословению митрополита Никодима он учился в Риме в Папском Восточном институте и получил там степень доктора канонического права, а с 1979 по 1982 гг. преподавал в Московской Духовной академии Историю Римско-католической Церкви.

Митрополит Никодим был человеком незаурядным. В его деятельности намечались как бы три основных направления. Сначала он являл себя как православный архиерей, носил длинные волосы, сапоги и показывал истовое архиерейское служение, весь его вид говорил о том, что он — православный архиерей. Затем, по вступлении Русской Церкви во Всемирный совет Церквей, он проявил себя немножко как протестант — постриженные волосы, не сапоги, а туфли. Это было время знакомства с протестантским миром, отчасти заигрывания с протестантами, время активного участия в ВСЦ. И третий период, о котором говорят как о периоде «католическом», когда митрополит Никодим побывал в Риме, обрел новых друзей. Это было временем его особых симпатий к Святому престолу. Я говорю о большом человеке, который сделал очень много для того, чтобы наши наблюдатели поехали на II Ватиканский собор⁶²².

О том, что широкий подход к инославию проявлялся у владыки Никодима не только во внешнем виде, свидетельствовал он сам. «Каждый раз, возвращаясь из очередной поездки, — вспоминал митрополит Никодим, — я делюсь своими впечатлениями в проповедях, обращенных к верующим, а также во время встреч со студентами. Поначалу они, как правило, задавали простые вопросы, сейчас понемногу начинают разбираться. Для большинства православных римский католицизм представляется виновником возникновения одиозной политической среды, созданной поляками и иезуитами. Должен признаться, что, будучи молодым священником, и я не избежал этого и был грозным и абсолютно непримиримым ригористом. Но в Иерусалиме я постепенно начал знакомиться и с другой стороной, расширять свои горизонты»⁶²³.

В своих воспоминаниях прот. Владимир Рожков упоминает про одного из ведущих сотрудников Отдела внешних церковных сношений — Александра Львовича Казем-Бека. Еще в 1920-е годы тот писал очерки о Римско-католической Церкви. О. Владимир работал вместе с ним в ОВЦС под руководством митрополита Никодима.

«Я помню Александра Львовича как замечательного знатока истории Католической Церкви. Его историко-церковные очерки, охватывающие период от папы Пия XII и до Иоанна XXIII, перепечатывались, ходили по рукам, а затем, как говорится, попадали «куда следует». Таким образом создавалось позитивное впечатление о Католической Церкви, о необходимости сближения с ней.

Поэтому эти очерки имели громадное значение. Сейчас мало кто об этом знает, мало кто их читал и видел.

Я считаю А. Л. Казем-Бека своим учителем и всегда его молитвенно вспоминаю как замечательного человека, который много сделал для того, чтобы заинтересовать те круги, от которых зависело, будут ли наблюдатели от Русской Церкви на II-м Ватиканском соборе. Сам митрополит Никодим не мог решить этот вопрос, и во многом подготовить заинтересованное, и в результате благоприятное отношение властей помогли очерки А. Л. Казем-Бека⁶²⁴.

Как-то о. Михаил Арранц провел «идеологическую диверсию» — привез из Рима «пособия» — несколько чемоданов русского издания чина Мессы — «Божественной литургии римского обряда». Книги сложили в библиотеке, где они заняли много места в и без того перегруженных фондах. Было решено «разгрузить» помещение, и миссалы, в числе прочих книг, стали вручаться выпускникам академии — «на молитвенную память». Тем более что прецеденты такого рода уже были.

В начале 1830-х годов выпускникам Московской Духовной академии дарили русское издание книги лютеранского богослова Иоганна Арндта «Об истинном христианстве». (Еще в творениях св. Тихона Задонского был совет: после Библии «прочитывать Арндта, а в прочие книги, как в гости, прогуливаться».) Эту книгу любил выпускник СПбДА Макарий Глухарев (1792–1847), основатель Алтайской миссии. Книга Арндта неоднократно переиздавалась, и в 1875 г. она была одобрена Ученым комитетом Министерства народного просвещения для средних учебных заведений и начальных средних школ. А книгу католического автора — Фомы Кемпийского «О подражании Христу» перевел на русский язык сам обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев (1891 г.).

В прежние времена проблемы не возникло бы. Но в «глухие 70-е» чуть было не возникло «дело о миссалах». После кончины владыки Никодима наступили другие времена, и уполномоченный Жаринов бился в истерике: «Униатство разводите!».

«Униатский вопрос»

В те годы это был болезненный вопрос: ведь в ЛДА поступало много абитуриентов с Волыни и Галиции (Ровно, Львов). И хотя негласное преимущество при конкурсном отборе давалось вы-

ходцам из «восточных земель», «западенцы» составляли в ЛДА-иС значительный процент. Рукоположат такого во диакона, и вот он уже важно шествует по коридору академии с окладистой бородой. Но когда наступают каникулы, питомец-диакон садится в поезд «Ленинград—Львов». Проводница не может поверить своим глазам: в туалет (с бритвой и помазком) заходит «мохнорылый» пассажир, а выходит — «скоблено рыло»... А перед возвращением с каникул снова отращивает бороду, прямо как «Ленин в Октябре».

Владыка Никодим любил устраивать в актовом зале ЛДА вечера вопросов и ответов. Вопросы задавались с места, и это «дисциплинировало» студентов — особо острые темы не поднимались. Иногда возникали паузы: кто-то не решался задать вопрос, у кого-то он еще не созрел. Однажды, желая «заполнить вакуум», задаю, на мой взгляд, невинный вопрос: каково положение униатов в странах Восточной Европы? И владыке пришлось «выдать тайну»: оказывается, при всем засилье коммунистов, деятельность униатских общин там разрешена. По залу прошел легкий шумок: у нас-то Брестская уния была ликвидирована по приказу Сталина в 1946 г., и униаты — вне закона!

Вечер подошел к концу; владыка направляется в покои. И в коридоре, на ходу (без прослушки), делает мне легкий выговор: тема острая, и в следующий раз, «на людях», ее затрагивать не надо. И уж тем более нельзя было заикаться о том, кто принял меры по расширению национальных свобод жителей Западной Украины, в частности свободы вероисповедания. А ведь этим «реформатором» был не кто иной, как... «кровавый палач» Берия!

«Наш Гиммлер» — так ласково именовал Сталин грозного шефа тайной полиции Лаврентия Берия. Сегодня, когда рассекречены документы из архивов КГБ и ЦРУ, мы узнаем много новых фактов о борьбе, развернувшейся между Берией и Хрущевым в 1953 г. после смерти диктатора. Именно Берия распорядился вернуть в Москву главу Греко-католической (униатской) Церкви Иосифа Слипого, который восемь лет провел в концлагере в Мордовии. Эмиссары Берии вступили в тайные переговоры с Иосифом Слипом о нормализации отношений СССР с Ватиканом и о легализации Греко-католической (униатской) Церкви на территории Западной Украины. Все это вступало в полнейшее противоречие с политикой, которую проводил Никита Хрущев в годы своей работы на Украине — в 1946 г. он (с подачи Сталина) принудил часть духовенства Греко-католической Церкви объединиться

с Русской православной Церковью. После ареста Берии переговоры были немедленно прекращены, а Слипый отправился в ссылку⁶²⁵.

Павел Судоплатов, «мокрых дел мастер», вспоминал: «В 1946 г. на меня была возложена миссия организовать и возглавить Спец. Службу МГБ СССР... Внутри страны в период второй половины 1946 г. и в 1947 г. было проведено 4 операции, в том числе:

По указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева, по плану, разработанному МГБ УССР и одобренному Хрущевым, в гор. Мукачево был уничтожен Ромжа — глава Греко-католической Церкви, активно сопротивлявшийся присоединению греко-католиков к православию»⁶²⁶.

Протопресвитер Виталий Боровой так комментирует «дело Слипого».

«Следует отметить особую помощь владыки Никодима в деле освобождения митрополита Иосифа Слипого и содействие Виллебрандсу, когда он приехал в Москву, чтобы взять с собою в Рим уже освобожденного советским правительством Слипого, получившего разрешение выехать из СССР и жить в Риме под покровительством папы.

Сам Слипой, когда уже спокойно жил в Ватикане в сане кардинала Католической Церкви, признавал и высоко ценил роль Русской Церкви в процессе его освобождения, хотя любил при этом подчеркивать и роль американского «тайного миссионера» Казенса, встретившегося с Хрущевым и тоже повлиявшего на освобождение Слипого⁶²⁷.

А теперь — смелое предположение. Как знать, дожил бы владыка Никодим до 1990-х, и, быть может, православные и униаты на Западной Украине смогли бы оформить «конфессиональный развод» цивилизованно? Без самозахватов храмов, без кулачных боев «стенка на стенку», без разрыва отношений с Ватиканом? Ведь в те годы, когда в Галичине за одно лишь общение с греко-католическим священником на религиозную тему сажали в «холодную», митрополит Никодим позволял себе писать приветственные письма освобожденному уже на то время главе Украинской Греко-католической церкви Иосифу Слипому. Известно, что за день до своей кончины владыка посетил Иосифа Слипого в Гротафератском монастыре⁶²⁸.

Дуче, фюрер, вожди

Проводя время в неустанных трудах, владыка порой спохватывался в последний момент, вспоминая, что не успел поздравить папу римского Павла VI с Пасхой или Рождеством Христовым. Бывало так, что мне приходилось ехать на Центральный телеграф к полуночи и писать от имени митрополита поздравление латинскими литерами. Через день-другой владыка с удовлетворением сообщал: пришла ответная телеграмма.

Быть может, святитель этим тешил свое честолюбие? Его поздравляет сам папа римский!

Отнюдь нет. Владыка Никодим хорошо знал о тех усилиях, которые в прошлом предпринимала Римская курия, чтобы защитить от преследований верующих в Советской России.

12 марта 1919 г. статс-секретарь Римско-католической курии кардинал Гаспари обратился от имени папы Бенедикта XV с телеграммой к Ленину: «Из серьезного источника сообщают, что ваши партийцы преследуют слуг Божиих, прежде всего тех, которые принадлежат к русской религии, называемой Православной. Святейший отец Бенедикт XV закликает Вас издать строгие приказы, чтобы уважались священники любой религии. Человечество и религия будут Вам благодарны».

«Я могу Вам гарантировать, — отвечал на телеграмму нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, — что ни один служитель религии не пострадал за свои религиозные убеждения».

5-го мая 1922 г. папа вручил тогдашнему заместителю статс-секретаря Пиццардо (направить державам-участницам Генуэзской конференции) специальный меморандум, в котором он выступал как поборник свободы совести для различных вероисповеданий в Советском Союзе и предлагал принять Россию в европейскую семью цивилизованных народов, после принятия ею условий из трех пунктов.

«В исторический час, — гласил меморандум. — когда ведутся переговоры о возвращении России в содружество цивилизованных наций, Святейший Престол желает, чтобы в России защищались религиозные интересы, лежащие в основе всякой истинной культуры. Поэтому Святейший Престол требует, чтобы в соглашение, которое будет заключено державами, представленными в Генуе, в какой-либо форме, однако совершенно ясно, были включены следующие три пункта:

1) в России гарантируется полная свобода совести русских и иностранных граждан;

2) гарантируется также частное и общественное исповедание религии и культа (этот 2-й пункт согласуется с заявлениями, сделанными в Женеве российским делегатом Чичериным);

3) недвижимое имущество, принадлежащее или принадлежавшее религиозной общине, возвращается назад и уважается».

А в октябре 1922 г. к власти в Италии пришли фашисты во главе с Бенито Муссолини. Дуче (вождь) одним из первых признал советскую Россию, считая коммунистов «идейно близкими». «Диктатура означает неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть». «Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура». «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Угадываете, кому принадлежат эти чеканные формулировки? Дуче? Нет, вождю (*Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. С. 436, 439, 441*).

В отношении определения признаков фашизма кажется наиболее удачным данное в Юридической энциклопедии, написанной коллективом авторов под редакцией профессора А. Я. Сухарева (до 1991 г. — Генерального прокурора СССР). К числу таких признаков относятся: тоталитарная и единственная политическая партия, огосударствленные профсоюзы, «вождь», идеологический и физический террор. По размаху террора красные фашисты — Ленин и Сталин, опередили и Муссолини, и Гитлера.

Бенито в области социализма, да и шахмат был любимым учеником «Лукича». Существует «трогательная» фотография «Муссика», играющего на горьковской вилле на Капри в шахматы с Лениным. Как утверждают злые языки, Муссолини тогда поддался Владимиру Ильичу, а тот подобного не забывал, поэтому до конца жизни он не простил русского социалиста А. Богданова, стабильно «уделявшего» его в этой игре. «А где же Муссолини? Почему вы его потеряли? Вот кто привел бы вас к победе», — сетовал Ленин на встрече с итальянскими коммунистами, делегатов II конгресса Коминтерна в 1919 г.⁶²⁹

Итальянский фюрер Бенито Муссолини в юности испытывал глубокую привязанность к нигилистке Анжелике Балабановой, женщине старше и образованней его. Она способствовала его увле-

чению философией и поступлению в Лозаннский университет. Как писал один из биографов Муссолини, «они жили вместе и расходились, снова соединялись, обожали друг друга и ненавидели, ссорились и мирились. Прямо-таки классическая русская история».

Фашизм в Италии в силу национальных особенностей этой страны был довольно беззубой доктриной. Посудите сами, с 1923 по 1942 гг. по политическим приговорам в этой стране было казнено лишь 38 человек. Муссолини, конечно, желал воссоздать Римскую империю. Но силенок у него для этого явно не было. Единственное, что он мог — завоевать в 1935–1936 гг. раннесредневековую Эфиопию, отомстив доблестному народу этой страны за поражение итальянской армии в итало-эфиопской войне 1895–1896 гг. Недаром в стенах Николаевской академии генерального штаба в Санкт-Петербурге в конце XIX в. ходил анекдот: «Господь Бог создал армию австрийскую, потом задумался, кого же она будет бить? И тогда создал армию итальянскую!» Словом, в отличие от Ленина, Сталина и Гитлера, фашистский режим Муссолини вполне оправдывал известную русскую поговорку о бодливой корове⁶³⁰.

Муссолини говорил, что все мы вышли из шинели старика, имея в виду Ленина. То есть Россия стояла тогда в авангарде мировой истории. То, что сделали после февральских событий большевики, иногда называют прорывом. Да, это был прорыв. Но куда? Россия указала путь Франко, Муссолини, Гитлеру, Хорти, Антонеску...

Известно шекспировское высказывание: «Мир — подмостки, люди — актеры». Эти слова в полной степени применимы к театру Луиджи Пиранделло, который немало способствовал приходу к власти фашистов в Италии. Сам Пиранделло тоже понимал эту роль театра. Он писал, что Муссолини — «истинный человек театра, который выступает, как драматург и актер на главной роли, в Театре Веков»⁶³¹. В те годы к фашистскому движению примкнул известный итальянский писатель и поэт Филиппо Томмазо Маринетти, основоположник футуризма.

Название «фашизм» происходит от итальянского слова *fascio* (фашио — пучок). Муссолини назвал организованные им в 1919 г. группы бывших участников войны *fasci di combattimento*, т. е. группами борьбы. Смысл: если пруттик один — его легко переломить, пучок — гораздо труднее. И началось воспевание фашизма не только в прозе, но и в стихах:

Плохо человеку,
 когда он один.
 Горе одному,
 один не воин —
 каждый дюжий
 ему господин,
 и даже слабые,
 если двое.
 А если
 в партию
 сгрудились малые —
 сдайся, враг,
 замри и ляг!
 Партия —
 рука миллионопалая,
 сжатая
 в один
 громящий кулак.
 Единица — вздор,
 единица — ноль,
 один —
 даже если очень важный —
 не подымет
 простое
 пятивершковое бревно,
 тем более
 дом пятиэтажный⁶³².

Под каждой из этих строчек подписался бы каждый итальянский фашист во главе с самим дуче. Фюрер, создавший в 1920 г. Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП), тоже был бы в восторге от этих строчек поэта («наш человек!»). Так и видятся штурмовики, чеканящие шаг под звуки марша:

Партия —
 это
 миллионов плечи,
 друг к другу
 прижатые туго.
 Партией
 стройки
 в небо взмечем,
 держа

и вздымая друг друга.
 Партия —
 спинной хребет рабочего класса.
 Партия —
 бессмертие нашего дела.
 Партия — единственное,
 что мне не изменит⁶³³.

Мелкие лавочники, вступавшие в НСДАП, мечтали о захватах, о переделе мира:

Сегодня приказчик,
 а завтра
 царства стираю в карте я.
 Мозг класса,
 дело класса,
 сила класса,
 слава класса —
 вот что такое партия⁶³⁴.

Читатель может воскликнуть: хватит! Зачем пропагандировать идеи фашизма?! Ведь даже в УК есть соответствующая статья...

Отвечаю: «чернорубашечники» и «коричневые» тут ни при чем. Ведь эти строки принадлежат не фашисту-футуристу Маринетти, а бывшему футуристу В. В. Маяковскому: поэма «Владимир Ильич Ленин» (1924 г.) И, чтобы закрыть тему, приведем резолюцию Сталина, начертанную на рапорте председателя ОГПУ: «Товарищ Ягода! Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (1935 г.). Ягоду расстреляли в 1938-м, а чеканная формулировка в силе до сих пор — Владимир Владимирович против нее не выступал...

25-м января 1924 г. датируется нота итальянского премьера Муссолини, оспаривавшего свой приоритет в признании де-юре советского правительства. (Муссолини поставил этот вопрос еще в ноябре 1923 г.). 29 января того же года была послана ответная нота советского правительства, подтверждающая приоритет Муссолини в признании де-юре советской власти.⁶³⁵

Фашисты исходили из фрейдистского сексуального образа: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу, которой импонирует грубая и нежная сила. Это — идея-фикс фашизма, она обыгрывается непрерывно. Вся механика пропаганды пред-

ставляется как соблазнение и доведение до исступления («фантазия») женщины. Здесь — опора на первый главный в учении Зигмунда Фрейда сексуальный инстинкт, Эрос (в психоанализе слово «инстинкт» имеет иной, нежели в физиологии, смысл; это не безусловный рефлекс, а влечение).

Кстати, сам Фрейд был, видимо, восхищен новаторством фашистской пропаганды и в 1933 г. подарил Муссолини свою книгу, назвав его в посвящении «Героем Культуры»⁶³⁶. А вскоре на Фрейда посыпались удары краснокоричневых.

Красные: «Реакционное и метафизическое учение Фрейда о человеческой психике встретило энергичный отпор в СССР со стороны психологов-марксистов»⁶³⁷.

Коричневые: фрейдизм — еврейская, глубоко реакционная теория. (Нам не нужен безродный космополит Зигмунд, нам арийского Зигфрида подавай!)

Прошли годы, и история все рассудила по-своему. В Вене одна из площадей до Первой мировой войны называлась в честь Франца Иосифа; после аншлюса 1938 г. была переименована в честь Германа Геринга; ныне она носит имя Зигмунда Фрейда...

... «Красные фашисты» в советской России боролись не только против Православной Церкви, но «лягали» и Римско-католическую. Шло массовое закрытие не только православных храмов, но и костелов. В июне 1922 г. было произведено вскрытие мощей католического святого Андрея Боболи в Полоцке⁶³⁸. Хотя умер он в 1657 г., его останки были практически в первозданном виде — до 1917 г. — выставлены для поклонения верующим. Изъятые мощи были перевезены в Москву и находились на выставке как «мумифицированный экспонат». Позже его тело вернули, и теперь мощи покоятся в варшавском костеле.

На протяжении всего 1923 г. папа Пий XI неоднократно выступал в защиту священнослужителей в России, осужденных большевистским судом. Как подчеркивал Н. И. Бухарин в газете «Правда», «спасайте Тихона», сделалось лозунгом международной политики. Под давлением мирового общественного мнения, прежде всего благодаря настойчивым усилиям предстоятелей инославных Церквей, — Католической и Англиканской, гражданская власть отказалась от замысла повторить с патриархом Тихоном то же, что было сделано с митрополитом Вениамином. Весной 1923 г. Патриарх, которому грозил расстрел, был неожиданно освобожден из-под стражи. Условием этого освобождения было заявление патриарха

об изменении отношения к советской власти с «враждебного» на лояльное.

В апреле 1923 г. в «Правде» появилась статья по поводу процесса над католическим духовенством — о необходимости вынести приговор папе римскому. «... Мы твердо убеждены и знаем, что наш приговор будет приведен в исполнение, потому что рано или поздно, а буржуазная Италия станет советской, и тогда Святейший Папа может очутиться в таком же приблизительно положении, как и его коллега, патриарх Тихон, и он, Папа, будет, понятно, действовать так же контрреволюционно». В те месяцы проводились инсценировки суда над папой римским на комсомольских «красных пасхах» с вынесением смертного приговора. Было решено устраивать такие процессы во всех пролетарских клубах и рабочих собраниях⁶³⁹.

23 февраля 1925 г. была опубликована заметка обновленческого митрополита Александра Введенского по поводу объявления папой Пием XI «Святого года» (1925 г.) с утверждением о «капиталистическом характере современного католицизма и его лжесвященства»⁶⁴⁰.

В 1930 г. папа упрекнул западно-европейские правительства в том, что они еще на Генуэзской конференции в 1922 г. не поставили «предварительным условием всякого признания советского правительства уважение к свободе совести личности, свободу религиозного исповедания и сохранность церковного имущества», как он предлагал в то время. 20-го января 1930 г. папа Пий XI обратился к верующим всего мира с призывом к молитве за гонимую Русскую Церковь.

«... Мы испытываем глубочайшее волнение при мысли об ужасных и святотатственных преступлениях, которые умножаются и усиливаются с каждым днем и которые направлены как против Господа Бога, так и против душ многочисленного населения России, дорогого нашему сердцу, хотя бы уже из-за величия его страданий... Рост такого зверства и безбожия, поощряемого государственной властью, требует всеобщего и торжественного возмещения и ответа...»

... Ввиду этого, Мы, стремясь сами возможно лучшим образом совершать искупительный акт за все эти надругательства и кощунства, а также для того, чтобы призвать к этому всех верующих всего мира, постановили отправиться в день св. Иосифа, 19 марта сего года, в нашу базилику св. Петра и совершить на гробе Первоверховного апостола св. литургию, для умиловления и искупления

стольких преступных оскорблений, нанесенных Сердцу Христову, для моления о спасении стольких душ, подвергнутых тяжелому испытанию, и об облегчении участи любимого нами русского народа, дабы кончилась наконец эта великая мука, и народы и отдельные люди вернулись возможно скорее во единое стадо Единого Спасителя и Освободителя Господа нашего Иисуса Христа. . . ⁶⁴¹

Но этот призыв был заблокирован лубянскими «кукловодами», предпочитавшими оставаться в тени. 2 февраля 1930 г. в «Известиях» было опубликовано интервью представителей советской печати с митрополитом Сергием (Страгородским), подписанное также митрополитом Серафимом Тверским, архиепископом Алексием (Симанским), архиепископом Филиппом (Гумилевским) и епископом Питиримом (Крыловым). Вот что говорилось по поводу обращения папы римского в защиту гонимой Русской Церкви:

«... Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, Православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу православную Церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу Церковь, которая, будучи всегда твердой в своих отношениях к католицизму, как к ложному учению, никогда не сможет связать себя с ним какими бы то ни было отношениями» ⁶⁴².

5 февраля того же года в «Известиях» появилось интервью иностранных корреспондентов с митрополитом Сергием (Страгородским), подписанное им одним. Содержание аналогичное.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) (Париж) так высказался по поводу этого «интервью»: «... Оказывается, что текст большевики дали митрополиту Сергию за неделю до интервью, а потом держали его в изоляции. Перед ним встала дилемма: сказать журналистам, что гонение на Церковь есть, — это значит, что ВСЕ тихоновские епископы будут арестованы, т. е. вся церковная организация погибнет; сказать “гонения нет” — себя обречь на позор лжеца... Митрополит Сергей избрал второе. Его упрекали в недостатке веры в несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но что было бы, если бы Русская Церковь осталась без епископов, священников, без таинств, — этого и не представить... Во всяком случае, не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия. . . » ⁶⁴³

2-го февраля 1930 г. папа Пий XI обратился с посланием к генеральному викарию Рима кардиналу Базилио Помпали, в котором призывал верующих всего мира организовывать молебны и акты

протеста против преследований верующих в Советском Союзе, призывал, как принято было тогда выражаться, к молитвенному крестовому походу против большевиков.

День всеобщей молитвы был назначен на 19 марта. Таким образом предлагалось искупить перед небом «кошунственные нападки, которые планомерно устраиваются на колоссальных просторах СССР советами, причем они выходят за пределы враждебного религии текста революционной конституции, даже противореча ему». В Ватикане, по благословению папы, в храме святой Терезы непрерывно совершались моления о прекращении в Советской России жестоких преследований религии.

В ответ на это в Советском Союзе начался антипапский психоз. Демонстрации «протеста», оскорбительные статьи, карикатуры, плакаты следовали одна за другой. «Возмущенные» заявления делали философы, литераторы и даже московские астрономы. Танки, самолеты и подводные лодки называли «Ответ папе римскому».

Разверните советские газеты 1930 года, и вы увидите, что военные приготовления СССР мотивировались отнюдь не угрозой со стороны Германии (с Германией у Советского Союза было тогда военное сотрудничество), а «крестовым походом против СССР», объявленным римским папой. Это впоследствии Сталин насмешливо спрашивал своих западных собеседников: «А сколько дивизий у папы римского?» — а в 1930 г. номенклатура делала вид, будто она серьезно принимает за военное нападение на СССР упомянутый папой моральный крестовый поход против атеистического коммунизма ⁶⁴⁴.

Тем не менее осенью 1933 г. большевики распространили слух о готовности к переговорам о религиозных гарантиях и о ведущихся будто бы переговорах на эту тему с Ватиканом. Но лаконичная заметка в 4 строки в «Осерваторе Романо» 1-го октября 1933 г. опровергла это.

В своем отношении к Римско-католической Церкви кремлевский фюрер и берлинский партайгеноссе шли в одной упряжке. С марта 1935 г. по Германии прокатились судебные процессы, имевшие целью дискредитировать Католическую Церковь. Свастика, связанная с культом солнца и огня, противопоставлялась христианскому кресту как символу унижения, достойного лишь «недочеловеков». (В Советском Союзе «реакционным крестинам» противопоставлялись прогрессивные «звездины».)

В конце 1936 г. антихристианские акции, стихнувшие в Герма-

нии на некоторое время, продолжились с новой силой. В этой ситуации 14 марта 1937 г. папа Пий XI опубликовал обращенную к немцам-католикам энциклику «Mit brennender Sorge» («С горячей тревогой»). В условиях глубокой конспирации она была доставлена в Германию и 21 марта в Вербное воскресенье зачитана с кафедр всех католических храмов страны. В ней говорилось о нехристианской сущности национал-социализма и несоответствии основам веры возникших среди немецких христиан пронацистских движений.

Для Гитлера опубликование энциклики стало полной неожиданностью. Гестапо конфисковывало все захваченные экземпляры, но помешать их распространению не смогло. В ответ последовало усиление репрессий. Записи в дневнике Геббельса свидетельствуют, что Гитлер в мае 1937 г. говорил о «большом походе» против Католической Церкви. В 1937 г. Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) официально объявила о массовом выходе своих членов и сторонников из Церкви. Если раньше священнослужителей лишь в исключительных случаях отправляли в концлагерь, то теперь в Дахау под Мюнхеном находилось уже 304 священника⁶⁴⁵.

*В одной только Бреславльской епархии (ныне — Вроцлав, Польша) в 1941 г. было закрыто 60 монастырей и церковных домов, в Баварии без крова осталось 1600 монахинь. На 15 марта 1945 г. в лагерях находилось 1943 представителя католического духовенства Германии и других стран, в том числе один архиепископ, два епископа, два аббата, четыре прелата, 824 приходских священника*⁶⁴⁶.

Вам, читатель, это ничего не напоминает?

Папе Пию XI напоминало. Поэтому в том же 1937 г. он выпустил энциклику «Divini Redemptoris», с подзаголовком «Об атеистическом коммунизме». Папа напоминал в ней, что коммунизм уже был осужден Пием IX и Львом XIII. Далее Пий XI перечислял свои собственные выступления против коммунизма и излагал доктрину марксизма. В энциклике подчеркивалось, что коллективизм подавляет личность, отвергает всякий авторитет, в том числе и родительский. (Бедный Павлик Морозов!) Энциклика не скупилась на резкие эпитеты и выражения. В заключение акция борьбы с коммунизмом ставилась под эгиду св. Иосифа Обручника, который сам «принадлежал к рабочему классу».

Поэтому вполне понятно, что папа стал персоной нон грата как

для Сталина, так и для Муссолини с Гитлером. И в меморандуме МИД Германии (от 27 июля 1939 г.) подчеркивалось, что «несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий»⁶⁴⁷.

Кремлевский вождь и итальянский дуче были «социально близкими». С 1924 г. между обеими странами действовал договор о торговле и таможенная конвенция о наибольшем благоприятствовании в отношении определенных групп товаров; в 1933 г. новая таможенная конвенция распространила режим наибольшего благоприятствования на все товары. (Мы им — лес, они нам — новейшие корабли, ставшие ядром Черноморского флота.) В 1933 г. между Италией и СССР был подписан пакт о дружбе.

В докладе Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. отмечалось: «Наши отношения с Италией улучшились за последний период. Обмен мнений с Италией показал, что в области внешней политики у наших стран есть полная возможность обеспечить взаимное понимание. Вполне обоснованы также расчеты на усиление торговых отношений...» («Правда», 2 августа, 1940 г.)

А с союзником фашистской Италии — гитлеровской Германией, дружба была — не разлей вода. Из доклада председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г.

В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны.

Действительно, в свое время религиозные войны против ере-

Малая советская энциклопедия. Т. 3. 2-й полутом. М., 1937. С. 72.

тиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тяжчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции? Во всяком случае, под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию...⁶⁴⁸

Это — слова Молотова. А вот текст ответных телеграмм Сталина в дни празднования 60-летия вождя («Правда», 25 декабря 1939 г.).

Главе Германского государства господину Адольфу Гитлеру. Берлин.

Прошу Вас принять мою признательность за поздравления и благодарность за Ваши добрые пожелания в отношении народов Советского Союза.

И. Сталин.

Министру иностранных дел Германии господину Иоахиму фон Риббентропу. Берлин.

Благодарю Вас, господин министр, за поздравления. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью (раздел Польши. — а. А.), имеет все основания быть длительной и прочной.

И. Сталин.

И, в развитие советско-немецких отношений, 28 марта 1940 г. Риббентроп пишет в Москву послу Шуленбургу: «Если в Берлин приедет сам Сталин, это еще лучше послужит нашим собственным целям, а также нашим действительно близким отношениям с Россией. Фюрер, в частности, не только будет рад приветствовать Сталина в Берлине, но и проследит, чтобы Сталин был принят в соот-

ветствии с его положением и значением, и Гитлер окажет ему все почести, которые требует данный случай»⁶⁴⁹.

Как известно, после начала Великой Отечественной войны Сталин дал команду прекратить атеистическую пропаганду. По-тихому был прикрыт журнал «Безбожник»; обновленцы окончательно утратили «режим наибольшего благоприятствования». То же самое произошло и в Германии. Борьба Гитлера с Церковью неожиданно прекратилась с началом Второй мировой войны. Фюрер считал, что ему выгоднее ослабить давление на Церковь, чтобы не подорвать моральный дух своих солдат. Но от своей конечной цели — истребление как католического, так и протестантского вероисповедания — он не отказался. Однако считал более благоразумным впредь не поддерживать открыто немецкого «обновленчества» — Германского движения за веру⁶⁵⁰.

...Первый Рим заступался за Третий и после Второй мировой войны. В разговоре с Пождаевым, представителем советского посла в Риме Богомоллова, папский нунций для Рима Фьетта 21 августа 1956 г. указал на «серьезное положение с религией в Советском Союзе», а также на «необходимость обеспечения религиозной свободы» Пождаев вежливо слушал... и молчал...⁶⁵¹

В некоторых случаях советские дипломаты переходили в наступление и даже вторгались в область догматики. Вспоминает владыка Василий, архиепископ Брюссельский.

1955 год. На одном из приемов, устроенных в честь прибывшей в Англию делегации во главе с митрополитом Питиримом, я встретился случайно с одним человеком. Это был некто Тихвинский, советник советского посольства в Лондоне. Узнав, что я русский, он сам подошел ко мне и завел разговор. Это был довольно развязный господин, совершенно невежественный во всем, что касается Церкви и религии. (Более того, впоследствии я прочитал в газетах, что он был выслан из Америки и его перевели на «работу» в Лондон — за действия, не совместимые со званием дипломата.) Я, воспользовавшись случаем, стал рассказывать о предстоящем съезде патрологов.

Мне долго пришлось ему объяснять, что такое патрология и прочие тонкости, которые он с трудом понимал. Потом он вдруг спросил: «А какое все это имеет отношение к новому догмату об обожествлении Девы Марии?». (Видимо, он имел в виду римско-католический догмат об Успении, в 1950-м году провозглашенный папой).

— Никакого, — ответил я, — то — римско-католический догмат, а это — ученый съезд богословов разных вероисповеданий.

Тихвинский после этого явно успокоился. Дело в том, что отношение советской власти к Ватикану в то время было крайне враждебным⁶⁵².

А теперь послушаем, что говорит митрополит Герман (Тимофеев), с 1970 по 1978 гг. — епископ Венский и Австрийский.

«В то время я был в Вене, и один из тамошних активных прихожан — Николай Иванович Раевский, неглупый человек, так рассуждал о преемниках Святейшего Патриарха Алексия I. «Кто-нибудь будет, — говорил он, — но только не Никодим, потому что хитрый». Хитрый, не хитрый, но у владыки была своя линия. Он старался непосредственно, «в лоб», не конфликтовать с советским руководством, убеждая партийных и государственных чиновников пойти в тех или иных вопросах навстречу Православной Церкви. Но уговорам советские руководители «поддавались» очень трудно. И здесь свою лепту внесли наши друзья — представители Западных Церквей, которые, используя свои возможности, через своих дипломатов, через свои правительства постепенно влияли на улучшение церковной жизни в Советском Союзе. Заслуга митрополита Никодима и состояла в том, что он овладел политической ситуацией: Русская Церковь состояла во Всемирном Совете Церквей, осуществлялись контакты с руководством Католической Церкви (а Католическая Церковь связана со всем дипломатическим миром. Кстати, сейчас в России есть Папский нунций, и в Ватикане — Полномочный Представитель России). Святейший Престол, везде присутствуя, всегда мог сказать свое слово в защиту положения верующих в Советском Союзе, что и делалось»⁶⁵³.

И все это — в условиях, когда щупальца органов все сильнее сжимались на теле Церкви. К 1970-м гг. вмешательство КГБ в международную деятельность религиозных объединений достигло апогея. «Органы государственной безопасности держат под контролем контакты Ватикана с Русской Православной Церковью...»⁶⁵⁴, — докладывал в ЦК КПСС председатель КГБ Андропов.

Да что там Ватикан! Какие-то 44 гектара! КГБ стремился «взять под контроль» весь Аппенинский полуостров. Италия может служить наглядным примером того, как действовала советская террористическая сеть на Западе. Italianские марксисты проходили обучение в Чехословакии и Югославии, государствах-сателлитах

Советского Союза, сразу же после Второй мировой войны. В конце 1940-х годов члены террористической группы «Воланте Роса» совершали убийства и нападения на правительственные объекты в Италии, скрываясь в Чехословакии всякий раз, когда чувствовали опасность ареста.

Еще одной подрывной организацией была коммунистическая военизированная группа Пьетро Секкии, которая в 1948 г., будучи уже достаточно сильной и профессиональной, сумела утвердить свою власть в некоторых районах Северной Италии и даже захватила контроль над национальной телефонной сетью. Когда в 1953 г. группа Секкии распалась, сам Секкии и многие его сторонники бежали в Прагу⁶⁵⁵.

В конце 1960-х годов советская военная разведка (ГРУ) организовала курсы подготовки иностранных террористов в Чехословакии; выпускниками этих курсов стали многие первые руководители итальянских «Красных бригад». Основателем «Красных бригад» был некий Карло Курчо, который также неоднократно ездил в Прагу, где совещался с ветеранами группы Секкии. Аналогичным образом итальянский издатель-террорист Джанджакомо Фельтринелли, тоже закончивший курсы ГРУ, в период с 1969 по 1971 г. двадцать два раза ездил в Чехословакию и в конце концов перебежал туда с помощью чехословацких органов безопасности.

Еще одна итальянская экстремистская группировка, «наци-маоисты», также, видимо, была сколочена при содействии органов чехословацкой разведки. Позднее разведорганы Болгарии предоставили «Красным бригадам» дополнительную помощь в виде инструктажа и финансирования, а террористы из Сардинии и Сицилии, так же как и итальянские неонацистские организации, например «Ордине Неро», инструктировались, финансировались и снабжались оружием через нового ливийского союзника Советского Союза Муамара Каддафи⁶⁵⁶.

КПСС. Центральный Комитет. Совершенно секретно. Особая папка. № II 136/53 Тт. Андропову, Пономареву — все Павлову Г. — п. 2.

Выписка из протокола № 136 заседания Политбюро ЦК от 5 мая 1974 г.

Об оказании спецпомощи Итальянской компартии.

1. Удовлетворить просьбу руководства Итальянской компартии и принять в СССР для прохождения курса спецподготовки 19 итальянских коммунистов, в том числе 6 человек для обучения радиосвязи, ра-

боте на радиостанциях БР-3У и шифроделу (сроком до трех месяцев), 2 инструкторов по подготовке радиотелеграфистов и шифровальщиков (сроком до трех месяцев), 9 человек по вопросам парттехники (сроком до двух месяцев) и 2 человек по вопросам техники изменения внешности (сроком до двух недель), а также принять 1 специалиста для консультаций по организации специальных видов внутреннего вещания (сроком до одной недели).

2. Прием и обслуживание обучающихся возложить на Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, подготовку по вопросам радиосвязи и шифродела, подбор переводчиков по всем видам спецподготовки — на Комитет госбезопасности при Совмине СССР, а обучение парттехнике и средствам изменения внешности — на Международный отдел ЦК КПСС и Комитет госбезопасности при Совмине СССР. Расходы, связанные с пребыванием в СССР и проездом из Италии в Москву и обратно, отнести за счет сметы по приему зарубежных партработников.

3. Поручить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР разработать программы связи и шифродокументы для односторонних радиопередач циркулярных шифротелеграмм 13–16 региональным центрам ИКП, а также шифродокументов для перешифровки в сети двусторонней радиосвязи.

4. Удовлетворить просьбу руководства ИКП и изготовить 500 чистых и 50 именных (для руководящих работников ИКП) бланков итальянских заграничных и внутренних документов, 50 резервных комплектов тех же документов швейцарского и французского образца, а также парики и средства изменения внешности. Изготовление бланков и средств изменения внешности поручить Международному отделу ЦК КПСС и Комитету госбезопасности при Совмине СССР.

5. Утвердить текст телеграммы резиденту КГБ в Италии.

Секретарь ЦК⁶⁵⁷

Зарубежные компартии получали регулярные субсидии или от КПСС, или от других партий стран «реального социализма». Деньги предпочитали передавать наличными через курьеров, чтобы не оставлять следов банковских переводов. По мере расширения международных операций советских банков и открытия их филиалов в разных странах метод осуществлявшегося весьма извилистыми путями перевода денег из социалистических стран зарубежным компартиям стал все более распространенным. Пути финансирования хранились в строгой тайне, но самый его факт уже в те годы был секретом Полишинеля.

Роль зарубежных компартий как опорных пунктов Советского Союза в различных странах не исчерпывалась информацией и кон-

сультацией. Компенсировавшие слабую осведомленность советских посольств, компартии существенно помогали советской разведке. Для того, чтобы провалы разведок государств Варшавского договора не нанесли политического ущерба местным компартиям, эти партии, как правило, не осуществляли непосредственно разведывательной деятельности. Но они нередко играли важную роль в подыскивании потенциальных агентов для вербовки и в «погружении» засылаемой агентуры⁶⁵⁸.

«Друг Фальконе, выполняя данное тебе обещание и пью 100 грамм за упокой твоей души», — так «отметил» сообщение об убийстве итальянского борца с мафией № 1 его соратник в России Гельман Гдлян. Он сделал это согласно договору, данному ими друг другу во время римской встречи, происшедшей летом 1990 г. в условиях строжайшей конспирации.

Согласно уже сложившейся на сегодня версии, разделяемой Гдляном, лишь сравнительно небольшая часть средств, перекаченных ЦК КПСС в Италию, шла на поддержку местной компартии и левацких группировок. Львиная же доля денег поступала от сбыта в Италии наркотического сырья, доставляемого из советской Средней Азии. Эти деньги, в свою очередь, вкладывались в прибыльные предприятия, контролируемые итальянской мафией. Фальконе, как известно, должен был прибыть летом 1992 г. в Россию отнюдь не с туристическими целями, и похоже, что обем мафиям его приезд был крайне нежелателен...»⁶⁵⁹

Владыка Никодим не мог обо всем этом знать, но он хорошо представлял себе «правила игры». Поэтому не вполне обоснованным представляется высказывание, опубликованное на страницах журнала «Москва» в 2004 г. В сентябрьском номере, в разделе «Домашняя церковь», Николай Каверин пишет: «Митрополит Никодим, при всех его несомненных симпатиях к католицизму, руководствовался при этом в своей церковной политике, по-видимому, прагматической и одновременно фантастической идеей спасти Русскую Церковь в условиях, как тогда казалось, на века установившейся в нашей стране диктатуры Коммунистической партии, с ее жесткой атеистической идеологией и подавлением церковной жизни.

По мысли митрополита Никодима, Русская Церковь в СССР сможет добиться несколько большей свободы, если церковное руководство будет находиться вне досягаемости КГБ и ЦК КПСС: не в Москве, а... в Риме. Конечно, это была утопия, рожденная

безвыходностью ввиду непрекращающихся притеснений верующих и гонений на Церковь в СССР»⁶⁶⁰.

Эта спорная мысль находит неожиданную параллель с «пророчеством» «кремлевского мечтателя». Как-то, осенью 1923 г., в беседе с доктором Виктором Беде Ленин самоуверенно сказал: «Человечество пойдет по советскому пути, через 100 лет никакой другой формы правительства не будет. Я все же думаю, что под развалинами современных институтов еще будет продолжать жить католическая иерархия... В будущем столетии останется только одна государственная форма — советская, и одна религия — католическая. Жаль, что мы до этого не доживем»⁶⁶¹. Теперь-то уже ясно: Ленин — не пророк Илия, а прозаический Ильич...

ВСЕГО «СЕМЬ СЕДМИН»...

Обладая железной волей, владыка в шутку называл себя слабохарактерным человеком. «Не могу себя переломить и просто отдышать от дел», — подтрунивал он над собой. Ему очень нравилась история про деревенскую старушку. Соседки ей говорят: «Степановна, что ты все крутишься по хозяйству, — присела бы и передохнула!». А она в ответ: «Если не работать, как же делать?».

Однажды вечером митрополит Минский и Слуцкий Филарет позвонил владыке Никодиму по телефону, спросил о здоровье.

— Все хорошо, — говорит, — слава Богу! Сегодня день памяти Псковского Христа ради юродивого Николая; он зимой босиком ходил, вот и я походил немножко по снежку...⁶⁶²

Даже зимой владыка обливался в душе ледяной водой, так что даже кожа не выдерживала и трескалась. В конце концов не выдержало и сердце...

Несмотря на сердечный недуг, владыка развивал такую деятельность, что его ближайшие сотрудники порой не выдерживали нагрузки. Однажды он так загонял в ОВЦС своего личного секретаря, что тот потерял сознание. Но все это — в «горизонтальной плоскости». Серьезным испытанием для владыки была служба в тех храмах, куда надо было подниматься по лестнице (Николо-Богоявленский кафедральный собор, верхний храм). Здесь помогал совет лечащего врача — Николая Николаевича: вдох — одна ступенька, выдох — вторая...

Святитель играл со смертью в кошки-мышки. Однажды, об-

следовав владыку, добрейший Николай Николаевич предупредил: «Сегодня Вам лучше не служить в соборе, — помолитесь в домашней церкви». Но архипастырь поехал в Князь-Владимирский собор: престольный праздник! И вот за литургией — острая сердечная недостаточность. К «счастью», — в тот момент, когда можно было отойти от престола и посидеть в кресле. Страдальческий взгляд, виноватая улыбка...

Чуть отпустило, и снова к престолу. А в конце литургии «сбежал» к прихожанам: проповедь минут на двадцать. Врач мечется по алтарю, а «пациент» вдохновенно вещает с амвона. Святитель возвращается в алтарь, лицо красное, состояние предынфарктное. Но все упреки доктора — мимо ушей: победителей не судят! Про владыку говорили, что он «сгорает», исполняя свое служение. Когда ему заявляли об этом откровенно, он всегда с улыбкой отвечал: «Лучше гореть, чем тлеть».

Тем не менее к проблеме жизни и смерти владыка относился весьма серьезно. Когда он бывал болен и готовился к смерти, он горячо, искренне молился, с благоговением причащался Святых Таин. Смерти не боялся, оставался перед ее лицом твердым и готов был ее принять, как подобает верующему человеку.

Как-то за обедом, в неформальной обстановке, звучали занимательные истории, шутки, — владыка понимал и ценил юмор. Но вот кто-то из «особо приближенных» пересказал содержание одного из тургеневских рассказов. Благочестивая помещица отложила деньги на свое отпевание, чтобы отблагодарить батюшку, который будет читать «отходную». Эпизод был «подан» с иронией, но реакция митрополита была суровой. Стукнув кулаком по столу, он сердито отчитал «юмориста»:

— Ты что смеешься? Нужно всегда думать о своих последних днях!

И тот вышел из архиерейских покоев «изменившимся лицом».

Будучи в Выборге, владыка после богослужения отправился осматривать город в сопровождении иподиаконов. Машина подъехала к крепостной башне. Митрополит с грустью посмотрел на туристов, запросто взбежавших наверх и любовавшихся городом с обзорной площадки. Для владыки это уже было недоступно. Он расплатился здоровьем за свой «путь наверх», и рядом с доктором богословия с двумя панагиями постоянно находился доктор с медикаментами.

Часто бывая за границей, владыка мог приобретать любое ле-

карство, недоступное «простому советскому больному». Но и западная медицина была не всесильна. Лишь в 1988 г., через десять лет после кончины святителя, в Москве открылась «международная аптека»: иностранные граждане могли приобретать там на свободно конвертируемую валюту лекарства, которых не было в других аптеках (кроме «кремлевской»).

Журналист спросил председателя новой кооперативной аптеки: «Представьте себе, что советскому человеку срочно понадобится редкое лекарство, которое есть только в вашей аптеке». Председатель, советский человек, и поэтому хорошо знавший, что вопрос не абстрактный, ответил: «К сожалению, в этой ситуации ему нельзя помочь»⁶⁶³.

Впрочем, владыка доверял и отечественным врачам, и отечественным лекарствам, что в те годы выглядело несколько странно. Ведь «люди его ранга» из партноменклатуры лечились, следуя ленинским заветам. Свой взгляд на лечение и на докторов Ильич сформулировал в письме к Горькому, узнав, что того лечит от туберкулеза по новому методу русский врач Манухин: «Дорогой Алексей Максимыч! ... Известие о том, что Вас лечит новым способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне рассказывал один хороший врач. Уверяю Вас, что лечить-ся (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Попробовать на себе изобретение большевика — это ужасно!!» (Ленин, т. XXIX, с. 44).

30 декабря 1917 г. из «ошваченной революционным пожаром» России Владимир Ильич пишет «интимной подруге» Инессе Арманд в Цюрих: «Дорогой друг! А на лыжах катаешься? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть, и Россией пахнет».

Кремлевские вожди постоянно заботились о своем здоровье. Они начали свою жизнь в качестве властителей России с переезда в самую лучшую гостиницу Петрограда, в «Асторию». Правая рука Ленина, вечно бледный и худой Григорий Зиновьев в голодающей столице на Неве за несколько месяцев отъезжает в лоснящегося от жира борова. Коллонтай разгуливает в саду реквизированного дворца балерины Кшесинской в ее шубах. Троцкий сразу же после переезда правительства в Москву оккупирует один из самых роскошных подмосковных дворцов в Архангельском и предается лю-

бимым забавам русских дворян — охоте. Ленину почему-то приглянулась генеральская усадьба по каширскому направлению, которая и стала легендарными Горками. И так далее.

...Особенно трудно владыке, как сердечнику, приходилось летом, в жару. В городских храмах знали, что во время архиерейского богослужения надо держать все двери и окна нараспашку. А где-нибудь в глубинке, где владыка служил редко, окна в храме могли быть заделаны наглухо еще с зимы. И вот владыке становится плохо во время литургисания. От престола не отойти, свежий воздух не вдохнуть. Озабоченный староста мечется по алтарю, пытается открыть окна, но безуспешно. Не будешь же во время службы высаживать тяжеленные рамы! А владыке совсем худо. И староста, вооружившись кочергой, начинает бить стекла под пение «Херувимской»...

7 августа 1978 г., в связи с кончиной папы Павла VI (6 августа), от Московской патриархии на его погребение была направлена делегация, главой которой был митрополит Никодим. В субботу 12 августа он вместе с представителями других поместных Церквей присутствовал на отпевании папы Павла VI.

Согласно определению Священного синода от 29 августа 1978 г., делегация Русской православной Церкви должна была присутствовать на интронизации нового Предстоятеля Римско-католической Церкви — папы Иоанна Павла I. Митрополит Никодим предполагал дожидаться итога выборов нового папы, чтобы приветствовать его до возвращения на родину. Приезжая в Рим, митрополит Никодим предпочитал гостинице или Дому для клириков (Casa del Clero) Руссикум (Russicum), или иначе — Русский Колледж, расположенный вблизи Папского Восточного института. Он говорил, что Руссикум действительно русский, что там есть иконы и царит семейная атмосфера. «Я не называл этот дом, — пишет владыка Никодим, — латинским наименованием «Russicum», ибо это русский дом».

Митрополит Никодим направлял сюда для обучения по различным специальностям в римских университетах российских священников Петра Раину, Владимира Рожкова, Льва Церпицкого (ныне — архиепископ Новгородский и Старорусский), протоиерея Стефана Дымшу, Николая Медведева, Илиана Вострякова, протоиерея Александра Ранне.

На период работы конклава генерал Ордена иезуитов Педро Аррупе направил владыку Никодима на Виллу Кавалетти в горах около Рима с тем, чтобы спасти от невыносимой августовской жары.

Накануне избрания папы Иоанна Павла I владыка Никодим вернулся с Виллы Кавалетти в Рим. В это время обычно воспитанники Руссикума находятся на каникулах, и кухня там не работает. Поэтому митрополит Никодим совершал трапезу в Папском Восточном институте. Обычно, приходя на завтрак, он приносил с собой маленький транзисторный радиоприемник и слушал последние новости с конклава⁶⁶⁴.

В Руссикуме владыка Никодим готовился к папской аудиенции, которая была назначена на 5 сентября 1978 г. Накануне в Риме прошла гроза, что обычно ухудшает самочувствие у сердечников. Но самый сильный удар постиг владыку утром, перед отбытием в Ватикан. Машина, взятая накануне в прокате, была угнана от «Руссикума», где накануне заночевали митрополит и его секретарь — о. Лев (Церпицкий). Поймать такси в Риме в час пик — дело сложное, и к Ватикану владыка прибыл чудом — минута в минуту. Быстрый подъем по лестнице, и сразу, не переводя дыхания, в зал Ватиканской библиотеки, где чинно прохаживаются почетные гости — представители разных Церквей. Тут не походишь взад-вперед, чтобы отдышаться. А через минуту — начало аудиенции и речь, обращенная к новоизбранному папе. Тут и у здорового человека сердце начнет пошаливать... Вот как описаны обстоятельства кончины митрополита Никодима в статье, опубликованной в газете «Радонеж».

Смерть наступила очень быстро и неожиданно. Из всех лекарств оставалась только молитва. В это мгновение она сошла с уст несколько шокированного такими обстоятельствами папы Иоанна Павла I. Смерть стала будто последним штрихом к разговору митрополита с папой.

Сначала, поприветствовав друг друга, они беседовали просто стоя. Никодим присел на лавку и вскоре начал буквально оседать на пол папской библиотеки. Врачу пришлось лишь констатировать факт смерти. Со временем в своем воспоминании об этом случае Папа Иоанн Павел I скажет следующее: «Он умер в моих объятиях в то время, когда я отвечал на его приветствие. Уверяю вас, что никогда в жизни я не слышал таких прекрасных слов о Церкви, как тогда от него. Сегодня я не могу их повторить. Пусть они остаются в секрете... Он был православным, но как он любил Церковь!»

Понятно, что смерть первого дипломата Русской православной Церкви в Риме не могла обойтись без различных версий, де-

тективных историй. В Москве ходили слухи, что митрополита отравили римские клирики, противники единства с Православной Церковью... В Риме, наоборот, бытовала версия о том, что митрополит погиб от рук КГБ. Что ему, якобы, была вмонтирована капсула с ядом в зуб и, когда где-то кому-то каким-то образом стало известно, что он говорит Папе «неподобающие» гражданину атеистического государства вещи, этот яд определенным образом был выпущен. Словом, версии, версии и еще раз версии, в которых лишь одна правда — митрополит Никодим в межцерковной политике был личностью «номер один»⁶⁶⁵.

А еще бытовала журналистская версия о том, что недруги папы Иоанна Павла I задумали устранить его от власти и всыпали яд в папскую чашечку кофе. И что эту чашечку якобы случайно взял митрополит Никодим... Нужно ли говорить о том, что, согласно ватиканскому протоколу, на подобного рода аудиенциях никаких «чашечек» не положено?

Все приведенные версии о кончине владыки — опосредствованные; никто из «бытописателей» при этом не был. И для того, чтобы снять все слухи и домыслы, дадим слово архиепископу Новгородскому и Старорусскому Льву (Церпицкому), сопровождавшему владыку Никодима в последние дни его жизни.

«В первый числах августа 1978 г. митрополит Никодим возвратился в Ленинград из Чехословакии, где в Праге проходил Всехристианский Мирный Конгресс, после которого ему было предложено отдохнуть и подлечиться на одном из курортов — в Сремски-Лазнях. После своего возвращения владыка занимался епархиальными делами; 5 августа он совершил в праздник иконы Божией Матери “Всех скорбящих радость с грошиками” свою, как оказалось, последнюю архиерейскую Литургию в трамее “Кулич и Пасха”, где находился чудотворный образ; 6 числа вечером приехал в свою загородную резиденцию Комарово, где я его ожидал после завершения моей римской командировки.

Было видно, что владыка выглядит очень уставшим, хотя и приехал с отдыха. Около полуночи митрополиту позвонили и сообщили, что пришло известие из Рима о смерти Папы Павла VI. Весь день 7 августа прошел в телефонных переговорах, а вечером я с ним выехал в Москву, для последующей поездки в Рим на похороны. В Рим вылетели 9-го утром.

Первый день после прилета и размещения в Casa del Clero, где остановились официальные церковные делегации, прошел во встре-

чах и обсуждении случившегося. Поздним вечером митрополит почувствовал нагрузку прошедшего дня, усугубленную той жарой, которая характерна для Рима в июле–августе. Поэтому после положенных в таком случае медицинских процедур я остался у владыки на ночь, на всякий случай приготовив все необходимое для оказания помощи. Хотя первая ночь и прошла спокойно, утренние медицинские показатели владыки вызывали опасения. На предложение организаторов программы поселиться в предместье Рима, в предгорье Аппенин, где в это время года была освежающая прохлада, владыка дал свое согласие. Для проживания ему были предоставлены покои в загородном доме для духовенства.

Значительное ухудшение самочувствия побудило владыку после похорон Папы Павла VI (12 августа) остаться в Италии до интронизации нового Папы — Иоанна-Павла I (3 сентября). Митрополит надеялся облегченную программу деловых встреч сочетать со столь необходимым отдыхом.

Правда, выезды в Рим на эти встречи давали себя знать: к концу дня поочередно в локтевых суставах рук и в суставах стоп появлялись как бы гематомы, сопровождавшиеся сильными болями в этих местах. Потом московский лечащий врач объяснит подобные явления как признаки затруднения работы сердца... Не раз владыка и мне, и другим сетовал, что июльский отдых с курсом лечения в Чехословакии на пользу ему не пошел.

31 августа митрополит Никодим съездил в Турин, где в том г. была выставлена для поклонения Туринская плащаница, перед которой владыка совершил молебен Спасителю. В силу консервативности местного архиепископа были препятствия к совершению православного молебна. Правда, эти проблемы разрешились, но неприятный осадок остался.

В дни, когда владыка митрополит находился у себя, к нему иногда приезжали посетители, но большей частью он читал и внимательно следил за прессой, которая с момента смерти Папы Павла VI и до избрания нового Папы много писала по поводу преемника умершего и пыталась прогнозировать будущее Католической Церкви. Конечно, владыке Никодиму как ответственному за внешнюю деятельность нашей Церкви все это было не безразлично, тем более что ходили упорные слухи о будущем Папе-консерваторе, а избрание кардинала Лучиани, Венецианского Патриарха, как бы подтвердило это. Среди православных делегаций,

прибывших на интронизацию, по поводу нового Папы также не было оптимизма.

Приближалось 3 сентября, день интронизации. Самочувствие митрополита было неважным. Как я заметил, после Турина состояние владыки постоянно ухудшалось. 1 сентября, по возвращении из Турина, он попросил сразу отвезти его в загородную резиденцию, 2 числа выехал в Рим, но провел одну встречу и сразу же вернулся назад.

На следующий день, 3 сентября вечером на площади Св. Петра состоялась интронизация нового Папы Иоанна-Павла I. Вечер был душный, и было видно, что владыке тяжело. Сразу после церемонии я отвез его за город. Перед сном митрополит пожаловался, что у него заболел левый локтевой сустав. Я помог ему раздеться, сделал все необходимое. Ночь прошла спокойно.

4 числа утром владыка встал бодрым, и мы отправились в Рим, где он провел целый день, принимая посетителей. Это был тяжелый день с точки зрения погоды: духота, низкая облачность, легкий ветер дул из Африки. Закончив поздно вечером прием, митрополит решил остаться ночевать в Риме, так как утром нужно было быть на аудиенции с новым Папой. Руководство коллегии «Руссикум» любезно предоставило митрополиту ночлег.

Перед сном я сделал все необходимое, связанное с медициной. Внешний вид владыки и показатели давления с прослушиванием сердца свидетельствовали о сильном утомлении. В его апартаментах было душно, а открыть окна нельзя — сильный шум с оживленной улицы. Благословив, митрополит отправил меня отдыхать.

5 сентября в 7 утра, зайдя к митрополиту, я заметил, что ночь была беспокойной. Если после утреннего душа давление несколько упало, то сердечные тоны и пульс не улучшались. Погода тоже не утешала: ночью легкий дождь и душно; утром — низкая облачность, душно и раскаты грома, свидетельствующие о приближении грозы. Уже с утра владыка принимает нитроглицерин.

8.20 — очень медленно спускаемся к машине с помощью нитроглицерина, и так до последнего момента. Сильный ливень с грозой. Направляемся в Casa del Clero, место сбора церковных делегаций.

8.30 — приезжаем в Casa del Clero. Медленно и с трудом влады-

ка выходит из машины; его состояние вызывает некоторую тревогу, и на вопрос сотрудника Секретариата: «Не нужна ли какая помощь?» — он просит не спешить и не суетиться. Входим в зал, где уже находятся многие делегации. Здесь, стоя, владыка митрополит еще общается с присутствующими и затем, уже сидя, беседует с митрополитом Николаем Банатским.

8.45 — начинается отъезд делегаций в Ватикан. Ливневый дождь нарушает предусмотренный протокол, в суете все садятся в первые попавшиеся автомашины. владыка с трудом выходит из здания, и оказавшаяся рядом болгарская делегация приглашает митрополита в свою автомашину. Не имея сил дойти до своей машины и по причине сильного дождя, митрополит отъезжает в Ватикан вместе с болгарями, а я сажусь в его автомашину. К тому же оказалось, что водитель машины, в которой ехал владыка, не знал точного расположения ватиканских дворцов и запутался. Так оказалось, что митрополит с болгарями прибыл позже, за 10 минут до папской аудиенции. Все эти накладки явно не способствовали улучшению его состояния.

В 9.30 начинается аудиенция нового Папы в Папской библиотеке. Первой по списку идет делегация Русской Церкви. Сначала, в соответствии с принятым в Ватикане протоколом, для разговора с Папой приглашается митрополит Никодим, а через десять минут приглашают и меня как члена делегации. Представив меня Папе, владыка сел в кресло, и рядом с ним встал папский переводчик, у которого также был с собой нитроглицерин на всякий случай.

После краткого разговора с Папой я встал по правую руку от митрополита. Папа, стоя, хотел что-то сказать, но в это время голова владыки падает на грудь, тело начинает крениться, и раздается легкий хрип. Переводчик тут же подхватывает под локоть митрополита, я также подхватываю его под правую руку, и он, поддерживаемый нами, сползает с кресла на пол. Мы его положили, и хрип прекратился. Срочно вызывают врача. Папа в растерянности и дрожащим голосом спрашивает, что случилось, на что переводчик, хорошо знавший митрополита, отвечает, что владыка Никодим был тяжело болен, многократно переносил инфаркт. Папа в испуге шепчет: «Он же может умереть». И, опустившись на колени, начинает молиться. По завершении молитвы, митрополит, издав легкий хрип, умирает. Пришедшие врачи

смогли только констатировать факт смерти. Это было в 9.45 по местному времени»⁶⁶⁶.

Владыка Никодим положил много сил для улучшения взаимоотношений с Римско-католической Церковью. Его смерть была весьма символической: он скончался после очередного сердечного приступа, на аудиенции у новоизбранного Папы Римского Иоанна Павла I. Как сказал кто-то из хорошо знавших митрополита, будь во власти владыки самому «срежиссировать» свою кончину, он не смог бы написать лучшего сценария. Вспоминает одна из сотрудниц СПбДА:

Лето 1978 г. на исходе. Выхожу из здания Академии и неожиданно для себя встречаю митрополита Никодима. Подхожу: «Владыка, благословите!» Он кладет руку мне на голову: «Господь благословит!». А глаза добрые-добрые... А потом был Рим, Ватикан и скоростная кончина. Вот уж, поистине, «... в гроб сходя, благословил»...

5 сентября прихожу в академию и вижу в вестибюле портрет владыки Никодима с траурной черной каймой. Так узнало о кончине святителя большинство студентов и преподавателей. Но некоторые могли догадываться об этом чуть ранее. Вспоминает Юрий Рубан.

Хорошо запомнился тот прозрачный солнечный день 5 сентября 1978 г., — один из тех грустных и прощальных, скользящих в бездонную пропасть петербургской осени дней, — когда с какой-то безотчетной тревогой я сидел в приемной перед кабинетом ректора нашей Духовной Академии и семинарии архиепископа Кирилла (Гундяева). «Испытав удары судьбы», хорошо понимал, что помочь мне может только митрополит Никодим, скорого возвращения которого из Рима ждали многие.

Внезапно в приемной появился нервный в движениях иеромонах Маркелл и скрылся в кабинете. Вскоре дверь вновь отворилась, и озабоченное и одновременно отсутствующее лицо ректора, почти на бегу заглянувшего в канцелярию и проследовавшего в свои покои, обозначило окончание приема. Ждать более не имело смысла, и я поехал домой. Прошло не более получаса.

Дома меня встретил брат (мы жили тогда вместе) и, растерянно и недоуменно, как бы сомневаясь в правдивости собственных слов, сказал: «Только что звонили из Духовной Академии. В Риме скончался митрополит Никодим, а сейчас в Свято-Троицком соборе служитя по нему панихида»⁶⁶⁷.

Тело владыки было положено в гроб, который незадолго до этого послужил временным ложем для усопшего Павла VI, — перед тем как Папу похоронили в крипте собора св. Петра. И именно в этом гробу тело митрополита было отправлено из Рима в Ленинград. Согласно международным правилам, в таких случаях гроб должен быть запаян. Поэтому было решено не вскрывать его во время отпевания владыки в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

Вспоминает архиепископ Василий (Кривошеин).

«Мы совершили по нем в день погребения торжественную панихиду в нашем брюссельском соборе святителя Николая, за которой молилось множество народа. Молились все искренне и с умилением о упокоении души новопреставленного. Во время панихиды, когда я стоял посреди церкви, а протоиерей произносил ектенью, я почувствовал, что кто-то меня тронул сзади за левое плечо. Я быстро обернулся, но никого не было... у меня было ясное ощущение, что это — митрополит Никодим! Прикосновение было дружественное⁶⁶⁸.

7 сентября папа Иоанн Павел I читал на собрании римского клира обращение, посвященное церковной дисциплине. В какой-то момент он прервал чтение и сказал: «Два дня назад на наших руках умер митрополит Ленинградский Никодим. Заверяю, что никогда в своей жизни я не слышал таких прекрасных слов о Церкви, как те, которые он произнес»⁶⁶⁹.

Не прошло и месяца после кончины владыки, как последовала скоропостижная смерть папы Иоанна Павла I. Со временем, когда горечь утрат была смягчена, в Ватикане появилась такая версия: якобы беседа с митрополитом Никодимом была настолько интересна папе, что ему не терпелось продолжить разговор...

1978 г. стал «годом трех пап», и кончина владыки Никодима при необычных обстоятельствах дала пищу для размышлений не только журналистам, но и писателям. Одним из них был известный французский прозаик В. Н. Волков. В 2003 г. председатель общества «Радонеж» Е. К. Никифоров, участвуя в работе Мирового форума «Диалог цивилизаций», встретился с ним и провел беседу. Вот отрывок из пространного интервью, опубликованного в православной прессе.

Е. Никифоров: Сейчас Вы закончили новое сочинение — это большой роман, посвященный церковной жизни современной России, совершенно недавнему ее прошлому. И, насколько я знаю,

эта книга будет издана в ближайшее время на французском языке.

В. Волков: Этот роман я закончил только что, он будет напечатан в январе. Что в его начале? То, что Вы знаете лучше меня. Где-то в 1978 году один русский (а, правильнее сказать, советский) митрополит, (называть его сейчас не буду, потому что это все же вымышленная личность) митрополит, который имел какую-то связь с советской властью, почему-то отправился к новоизбранному папе. Папа его почему-то принял на шестой день своего понтификата, и митрополит умер в его объятиях. Папа после этого сказал, что у них был таинственный разговор: что «ему никто никогда так красиво о Церкви не говорил, как этот схизматик», но что это — тайна, что он не может рассказать того, что ему говорил этот русский митрополит.

И через двадцать дней после этого сам папа тоже умер! Конечно, говорили, что его убили (что мне кажется довольно вероятным, потому что он, как говорят, собирался «почистить конюшни» Ватикана). Но, если пишешь роман, то нужно писать роман! Мой герой — не митрополит, а архиепископ, он старше, бывший военный, с совершенно особой биографией, пошел он в священники по особой причине...

Роман по-французски называется «Гость папы». Для меня главное — это биография русского человека, который замешан в разные — чистые и нечистые — дела, миссия которого была всю его жизнь: как-то «обмануть черта». Знаете такие русские сказки: солдат возвращается с войны и как-то обманывает черта? Так вот, миссия моего архиепископа та же: как-то обмануть черта. Но чтобы обмануть его, надо с ним поиграть. И тут вопрос — как далеко можно в этом идти? Это одна сторона. Другая сторона — это размышление о Церкви, о том, что такое распря между так называемым католичеством и так называемым православием, что это значит, какая возможность помолиться вместе...

Не пришло ли время, когда, с одной стороны, мусульмане, а с другой — атеисты, как-то объединиться? Я не хочу сказать: войти в какую-то единую Церковь, может быть, это даже утопия, может, это даже не нужно, но в конце концов, понять, что мы — единственные люди на свете, которые верят, что Бог стал человеком! Это так абсурдно, что должно быть правдой! И католики, и мы в это верим. Может быть, надо подумать об этом!..

Е. Никифоров: Но вернемся к роману. Вы говорили, что ездили в Ватикан, смотрели эти места и даже были хорошо приняты?

В. Волков: Я был принят в Ватикане так, как никакой католик там принят не был, да и не будет, по-моему! Да, конечно, нужно знакомиться с местами, просто чтобы вздора не писать. Я ездил в Португалию, чтобы посмотреть то место, где, по-видимому, Богородица являлась пастухам, потому что это — важная пружина в моем романе. И, между прочим, настоящий русский митрополит — митрополит Никодим, который встречался с папой, тоже ездил в Португалию и осматривал эти места⁶⁷⁰.

Кончина владыки в Ватикане дала пищу для критиков его «про-западного» курса. Одним из них был митрополит Иоанн (Снычев), занявший Санкт-Петербургскую кафедру в 1990 г. Его кончина была в чем-то сходна со смертью митрополита Никодима. Он тоже умер во время официального приема (состоявшегося по случаю 5-летия деятельности одного из петербургских банков). Участники банкета ожидали тогдашнего мэра Анатолия Собчака с супругой, но чета опоздала почти на час. Когда высокие гости прибыли, жена мэра, Людмила Нарусова, подошла к владыке Иоанну под благословение. Благословив супругу Собчака, митрополит начал медленно оседать на пол. . .

Пройдет еще несколько лет, и один из сподвижников владыки Никодима скажет примерно следующее: «Вот! Митрополит Иоанн все говорил, что владыка Никодим умер у ног Папы Римского. А сам?!»

Чувствуя приближение кончины, владыка сам себе в утешение назначал условия «игры в прятки» со смертью: «Если не умру до 50-ти лет, то потом проживу еще долго-долго!». К большому сожалению, не дожил. Судьбой ему было отпущено всего семь седмин. . . И сегодня, спустя не одно десятилетие после кончины митрополита Никодима, на его могиле постоянно лежат живые цветы.

И хотя служение владыки Никодима проходило в «Церкви плененной», он оставался внутренне свободным и духовно сильным человеком благодаря всемерной и глубочайшей вере в Господа. Он говорил: «Сочетание с Богом, освящение свыше от Бога, благодатное пребывание в Боге — это живая реальность, полная духовного утешения и внутренней радости, которая наполняет всю жизнь человека и движет ею».

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА

Первые печатные работы митрополита Никодима (№ 1–3 по списку трудов) относятся ко времени пребывания его в Русской духовной миссии в Иерусалиме с 1956 по 1959 гг. На основе рукописных материалов архива Миссии написано его кандидатское сочинение (4). Несмотря на напряженную работу, за время пребывания в Святой Земле он хорошо овладел древними языками. Краткие периоды отдыха неутомимый отец архимандрит использовал для посещения мест христианского паломничества. По возвращении на Родину он поделился своими воспоминаниями об этом периоде своей жизни (12).

Совершенное знание древних монашеских традиций Православного Востока помогло владыке Никодиму в его паломничестве на Афоне, где он был первым представителем Русской православной Церкви после долгих лет отсутствия живого непосредственного контакта со святогорской братией. Впоследствии он не раз бывал на Афоне, возглавляя паломнические группы Московского патриархата, делился своими впечатлениями об этих поездках (28), и если в настоящее время на Афоне могут подвизаться насельники, прибывшие туда из различных наших монастырей, то в этом немалая заслуга владыки. С 1961 г. число печатных работ владыки Никодима увеличивается. Это связано с тем, что он становится председателем Отдела внешних церковных сношений и активно включается в межправославную межхристианскую и миротворческую деятельность. Новые послушания на церковно-общественном поприще оставляли мало времени для занятия богословием, требовали составления докладов, речей, выступлений. Но и эти труды, регулярно появлявшиеся в церковной печати вплоть до самой кончины владыки, всегда были насыщены глубоким богословским содержанием.

Первые проповеди владыки Никодима, произнесенные им за богослужениями, появились на страницах «Журнала Московской Патриархии» в 1962 г. (16, 17), и за 15 лет, прошедших с того времени, их было опубликовано около трех десятков. Следует отметить, что это лишь очень малая часть того гомилетического наследия, которое оставил владыка. С уверенностью можно сказать, что не было ни одного совершенного им богослужения, за которым он не обратился бы к пастве со словом назидания. Но лишь в самое последнее время, предшествовавшее тому скорбному дню, когда навсегда умолкли его уста, стала осуществляться запись его проповедей.

Во время своей речи при наречении во епископа Подольского (8), а затем при вручении ему архиерейского жезла, владыка Никодим вряд ли предполагал, что ему самому придется свыше двадцати раз обращаться со словом назидания к новохиротонисанным епископам. На одну и ту же тему бывает подчас трудно говорить дважды, но если вчитаться в его речи к новопоставленным епископам, то можно убедиться, что владыка мог находить для каждого из них что-то особое, глубоко личное, каждый раз по-новому освещающая различные аспекты архипастырского служения.

Митрополит Никодим постоянно проявлял большой интерес к литургике, а частое совершение им богослужений с представителями различных Православных Церквей сделало его подлинным знатоком и ценителем в этой области, литургистом в настоящем смысле этого слова. И, несмотря на свою большую постоянную занятость, он неизменно продолжал свои литургические исследования и изучения, плодом которых явился, в частности, труд «Христианские храмы и богослужения во времена св. Иоанна Златоуста (по его творениям)» (31). При непосредственном участии владыки в храме Ленинградской духовной академии стала ежегодно совершаться литургия апостола Иакова. Обладая феноменальной памятью и превосходным знанием Устава церковного, владыка знал наизусть огромное количество тропарей, кондаков и других церковных песнопений, даже отдельные службы и последования в честь и память праздников и святых. Язык церковной гимнографии был для него таким же простым и естественным, как будничная повседневная речь. Он и сам обладал даром гимнотворчества, им составлены службы праведной Тавифе (25), праведному Иоанну Русскому, Исповеднику (86), Собору Ростовских и Ярославских святых (87–89, 127) тропарь равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому (137), и служба ему (207) и др. (140). Причем, по свидетельству очевидцев, отдельные строфы песнопений могли рождаться в его душе во время перерывов между напряженными заседаниями на какой-либо международной конференции; он подчас записывал их в самолете, возвращаясь с очередного конгресса, так как самолет был тем местом, где никто не мог отвлечь его от любимого занятия внезапным телефонным звонком, срочной телеграммой или неотложным делом.

С огромным вниманием владыка относился к постановке духовного образования и развитию отечественного богословия. Будучи правящим архиереем Ленинградской митрополии, он прояв-

лял неослабную заботу о находившихся в его ведении Ленинградских духовных школах и часто в своих речах на торжественном академическом акте в день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова говорил о задачах, стоящих перед православными богословами в современном мире (67, 91, 109, 136, 199, 205).

В годы, предшествовавшие защите владыкой Никодимом его магистерской диссертации, число его работ, казалось, должно было бы уменьшиться. Но перечень его трудов показывает, что именно в эти годы было напечатано наибольшее их число. Это лишь может свидетельствовать о том, что он не мыслил себя вне непрерывной и напряженной работы на благо Церкви Христовой.

К сожалению, кипучая деятельность владыки Никодима, не знаящая пределов, постепенно подтачивала его здоровье, и после 1972 г., когда он в первый раз перенес тяжелый сердечный инфаркт, число опубликованных им работ начинает сокращаться. Быть может, уже тогда он начал проявлять заботу о наиболее полном сохранении своего литературного наследия: был составлен «Сборник сочинений» (178), за который владыка был удостоен ученой степени доктора богословия. В этом труде, насчитывающем в общей сложности 1700 машинописных страниц, содержатся материалы как ранее появившиеся в печати, так и взятые владыкой из личного архива и не предназначавшиеся для публикации.

Невзирая на то, что приступы болезни сердца следовали один за другим, владыка продолжал активно участвовать в церковно-общественной жизни, а также приступил в Духовной академии к чтению лекций по истории Русской Церкви (Синодальный период). Будучи уже тяжело больным, он составил конспект (203) и соби-рался приступить к его редактированию...

Являясь почетным президентом Христианской мирной конференции, он не мог не поехать на V Всехристианский мирный конгресс в Прагу, несмотря на угрожающее состояние здоровья. Речь, которую владыка произнес при открытии Конгресса (210), явилась его последним трудом, опубликованным в нескольких печатных органах уже после его безвременной кончины.

Публикуемый ниже список трудов митрополита Никодима не претендует на исчерпывающую полноту. Церковный деятель и публицист международного масштаба, владыка пользовался заслуженным авторитетом во многих странах, и его многочисленные проповеди, речи, интервью, доклады, статьи публиковались в различных зарубежных изданиях, в каких именно — об этом подчас не знал и

он сам. Так, например, по просьбе одного из миланских издательств владыка написал несколько статей о русском монашестве. Им была написана глава в юбилейный сборник, посвященный Патриарху Чехословацкой Гуситской Церкви д-ру Мирославу Новаку (Прага, 1977: «К юбилею Патриарха Чехословацкой Церкви Гуситской»). В ФРГ и Швейцарии печаталась его магистерская диссертация и т. д.

В 1984 г. в венском издательстве «Pro Oriente» вышла в свет книга «Иоанн XXIII, папа Римский», написанная митрополитом Никодимом. К тому времени автора уже не было в живых. Вряд ли в годы «застоя» митрополит Никодим предполагал, что когда-нибудь будет выступать в качестве автора книги, да еще вышедшей на Западе...

Написанное им исследование жизни и деятельности Иоанна XXIII (1881–1963) было текстом его магистерской работы, которую он защитил в Московской духовной академии в 1970 г. Каким образом его сочинение попало на Запад, до сих пор остается загадкой, но благодаря австрийскому католическому фонду «Pro Oriente» сегодня мы имеем возможность познакомиться с единственным на русском языке жизнеописанием папы Иоанна XXIII.

Священник Римско-католической Церкви Тадеуш Калужный (Краков) представил подробный анализ жизни и деятельности митрополита Никодима в написанной на итальянском языке докторской диссертации «*Nikodim. Una ecclesiologia vissuta*». Диссертация была написана под руководством проф. свящ. Михаила Арранца SJ и защищена в 1995 г. в Папском Восточном институте в Риме. В 1999 г. эта работа с некоторыми сокращениями была издана на польском языке под названием: «*Секрет Никодима. Неизвестный облик Русской Православной Церкви*». К этой работе могут обращаться все, кто хотел бы ближе познакомиться с жизнью и деятельностью православного святителя.

Обозревая труды митрополита Никодима, мы, по слову апостола Павла, с благодарностью вспоминаем о личности приснопамятного архипастыря, о его жизни, столь краткой, но без остатка отданной Церкви Христовой: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Список трудов митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима

1957

1. Троицын день в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1957. № 7.
2. Праздник в Горнем граде Иудове // ЖМП. 1957. № 9.

1958

3. Поездка Патриарха Иерусалимского Венедикта по Палестине // ЖМП. 1958. № 11.

1959

4. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Курсовое сочинение. Л., 1959. Машинопись; «Богословские труды», сб. 20. М., 1979. С. 15–82.
5. Несколько дней в Греции и на Святой Горе // ЖМП. 1959. № 7.

1960

6. Святейший Католикос-Патриарх всея Грузии Мелхиседек III (некролог) // ЖМП. 1960. № 2.
7. Праздник Грузинской Церкви // ЖМП. 1960. № 4.
8. Речь при наречении во епископа Подольского // ЖМП. 1960. № 8.

1961

9. Мир — последование Христу (со докладом делегации Русской Православной Церкви на Всемирном общехристианском Конгрессе в Праге) // ЖМП. 1961. № 6.
10. Русская Православная Церковь и Всемирный Совет Церквей. Доклад на Соборе епископов Русской Православной Церкви 18 июля 1961 г. // ЖМП. 1961. № 8.
11. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Таллинскому и Эстонскому Алексию // ЖМП. 1961, № 10.
12. Палестинские воспоминания // ЖМП. 1961. № 10.
13. Приветствие участникам Всеправославного Сопослания на о. Родос // ЖМП. 1961. № 11; Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата (далее — Вестник). 1961. № 40.
14. Заявление на Сопослании на о. Родос // ЖМП. 1961. № 11.

15. Заключительное выступление на пленарном заседании Соединения на о. Родос // ЖМП. 1961. № 11.

1962

16. Слово в день Рождества Христова // ЖМП. 1962. № 2.

17. Слово в день Святой Пасхи // ЖМП. 1962. № 5.

18. Время дается нам для примирения // ЖМП. 1962. № 5; Christian Peace Conference, Prague (далее — СРС). 1962. № 1; Stimme der Orthodoxie (далее — Stimme).

19. Православное богословие и его отношение к проблематике Пражского христианского мирного движения // ЖМП. 1962. № 6; Stimme. 1962. № 7.

20. Международное положение и задачи христианского движения в защиту мира // ЖМП. 1962. № 10.

21. Das Gleichnis von den Weinbauern (Притча о виноградарях) // Stimme. 1962. № 10.

22. Rede auf dem Empfang für die Delegation des Nationalrates der Kirchen in USA (Речь на приеме в честь делегации Национального Совета Церквей в США) // Stimme. 1962. № 11/12.

1963

23. Рождественское обращение к братьям-христианам в ФРГ // ЖМП. 1963, № 1.

24. Мир и свобода. (Доклад на региональной конференции в Голландии) // ЖМП. 1963. № 1, и Stimme. 1963, № 2.

25. Служба святой праведной Тавифе // ЖМП. 1963. № 2.

26. Rede vor der Ständigen Kommission «Frieden und Ökumene» (речь в постоянной Комиссии «Мир и экумена») // Stimme. 1963. № 6.

27. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Угличскому Варфоломею // ЖМП. 1963. № 7.

28. К 1000-летию монашеского устройства Святой Горы Афон // ЖМП. 1963. № 10.

29. Жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Алексия. Доклад на торжественном акте // Юбилейный выпуск ЖМП, посвященный 50-летию архиерейского служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. 1963; Stimme. 1963. № 10.

1964

30. Мирное служение Церквей в мире, который вступил на путь сосуществования // ЖМП. 1964. № 1.

31. Христианские храмы и богослужения во времена св. Иоанна Златоуста (по его творениям) // ЖМП. 1964. № 11; 1965. № 2—6.

32. Речь на приеме участников сессии Исполкома Всемирного Совета Церквей в Москве // ЖМП. 1964. № 4; Stimme. 1964. № 4.

33. Речь на приеме участников сессии Исполкома ВСЦ в Ленинграде // ЖМП. 1964. № 4.

34. Слово в Николо-Богоявленском соборе в Ленинграде 4 мая 1964 г. // ЖМП. 1964. № 7.

35. Речь при открытии II Всехристианского Мирного Конгресса // ЖМП. 1964, № 8; в сборнике «All-Christian Peace Assembly». Prague. 1964.

36. Слово в День Святой Троицы // ЖМП. 1964. № 9.

37. Речь на XI Съезде Христианско-Демократического Союза Германии // ЖМП. 1964. № 11.

1965

38. Проповедь в Неделю 22-ю по Пятидесятнице // ЖМП. 1965. № 1.

39. Речь на открытии III Всеправославного Соединения на о. Родос // ЖМП. 1965. № 2.

40. Выступление на III Всеправославном Соединении на о. Родос. Там же.

41. Доклад на торжественном собрании в честь 20-летия пребывания на первосвятительском посту Святейшего Патриарха Алексия // ЖМП. 1965. № 3.

42. Проповедь на праздник Сретения Господня // ЖМП. 1965. № 3.

43. Речь на заседании Рабочего комитета ХМК в Софии // ЖМП. 1965. № 4.

44. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Рязанскому и Касимовскому Борису // ЖМП. 1965. № 4.

45. Речь на обеде в честь участников Богословской комиссии ХМК 7 апреля 1965 г. // ЖМП. 1965. № 5.

46. Речь при открытии заседания Богословской комиссии ХМК 8 апреля 1965 г. // Там же.

47. День Победы и защиты мира // ЖМП. 1965. № 6.

48. Речь на приеме в честь участников Богословской комиссии ХМК 11 апреля 1965 г. // ЖМП. 1965. № 7.

49. Памяти магистра Пражского Яна Гуса // ЖМП. 1965. № 8.

50. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Вологодскому и Великоустюжскому Мелхиседеку // ЖМП. 1965. № 8.
51. Размышления над книгами Премудрого // ЖМП. 1965. № 9.
52. Слово на Преображение Господне // ЖМП. 1965. № 10.
53. Речь на пленарном заседании Совещательного комитета продолжения работ ХМК в Будапеште // ЖМП. 1965. № 11; Stimme. 1965. № 2.

54. О путях к общехристианскому единству. Доклад на богословском факультете Хельсинкского университета // ЖМП. 1965. № 11.

55. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Филарету.

56. Проповедь в Успенском храме в Будапеште // ЖМП. 1965, № 12; Stimme. 1966. № 1.

1966

57. Св. Киприан Карфагенский о Церкви // ЖМП. 1966. № 1.

58. Речь при вручении жезла епископу Зарайскому Ювеналию // ЖМП. 1966. № 2,

59. Слово, сказанное в кафедральном соборе в Куопио // ЖМП. 1966. № 2.

60. Слово во вторую Неделю Великого поста // ЖМП. 1966. № 4.

61. Predigt zum Fest der heiligen Ostern (Слово на праздник Святой Пасхи) // Stimme. 1966. № 4.

62. Слово в канун Благовещения // ЖМП. 1966. № 5.

63. Речь на торжественном открытии и освящении православного госпиталя во имя св. Георгия Победоносца в Бейруте // ЖМП. 1966. № 8.

64. Речь при открытии заседаний Комиссии ХМК по изучению проблем экономики и развивающихся стран 5 июля 1966 г. // ЖМП. 1966. № 8.

65. Диалог с римо-католиками о современной христианской социальной мысли. Доклад на пленуме Конференции «Церковь и общество» // ЖМП. 1966. № 9.

66. Речь на приеме по случаю окончания заседаний Рабочего комитета Комиссии ВСЦ «Вера и устройство» 31 августа 1966 г. // ЖМП. 1966. № 10.

67. Речь на торжественном акте в Ленинградской Духовной Академии 9 октября 1966 г. // ЖМП. 1966. № 12; Stimme. 1966. № 12.

68. Речь на пленарном заседании Совещательного комитета ХМК в Софии 18 октября 1966 г. // ЖМП. 1966. № 12; Stimme. 1967. № 1.

69. Речь на приеме, данном Святейшим Патриархом Кириллом и Священным Синодом Болгарской Церкви в честь участников сессии Совещательного комитета ХМК // ЖМП. 1966. № 12.

1967

70. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Михаилу // ЖМП. 1967. № 1.

71. Речь на III съезде Мирного движения католического духовенства Чехословакии // ЖМП. 1967. № 1.

72. Важная вежа в экуменизме. Из доклада Святейшему Патриарху Алексию и Священному Синоду о Всемирной конференции «Церковь и общество» // ЖМП. 1967. № 2.

73. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Подольскому Гермогену // ЖМП. 1967. № 2.

74. Речь на II Всесоюзной конференции Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами // ЖМП. 1967. № 3.

75. Речь на открытии собеседования богословов Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви ФРГ // ЖМП. 1967. № 4; Stimme. 1967. № 5.

76. Речь на приеме в Отделе внешних церковных сношений Евангелической Церкви Германии // ЖМП. 1967. № 4; Stimme. 1967. № 5.

77. Некоторые материалы для изъяснения текста «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам» (Ин. 15, 3). Доклад, прочитанный на собеседовании «Арнольдсхайн-III» // ЖМП. 1967. № 4; «Богословские труды», сб. 6. М., 1971.

78. Речь на приеме в честь Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла // ЖМП. 1967. № 7.

79. Приветственное слово, произнесенное в Никозии // ЖМП. 1967. № 7.

80. Речь на приеме у Архиепископа Кипрского Макария // ЖМП. 1967. № 8.

81. Приветственное слово в соборе г. Пафоса // ЖМП. 1967. № 8.

82. Речь на приеме у митрополита Пафского Геннадия // ЖМП. 1967. № 8.

83. Речь на приеме у Архиепископа Кипрского Макария в президентском дворце // ЖМП. 1967. № 8.

84. Речь при открытии заседания Рабочего комитета ХМК // ЖМП. 1967. № 8.

85. Речь на приеме по окончании сессии Рабочего комитета ХМК // ЖМП. 1967. № 8.

86. Служба святому праведному Иоанну Русскому, Исповеднику. Л., 1967 (машинопись); ЖМП. 1967. № 11.

87. Тропарь и кондак всем святым, в Ярославской и Ростовской епархии просиявшим // ЖМП. 1967. № 11.

88. Служба Всем святым, просиявшим в Ярославской епархии, еяже краегранесие: «Ростову великому, Ярославлю же славному смиренно дар Никодим приносит». Машинопись. Библиотека ЛДА, б/г.

89. Тропарь всем святителям Ростовским // ЖМП. 1967. № 11.

90. Проповедь в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры // ЖМП. 1967. № 11.

91. Речь на акте в Ленинградской Духовной Академии и семинарии в день памяти св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова // ЖМП. 1967. № 12.

92. Речь на юбилейной сессии Советского комитета защиты мира в Ленинграде // ЖМП. 1967. № 12; Stimme. 1968. № 1.

93. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Смоленскому и Вяземскому Гедеону // ЖМП. 1967. № 12.

1968

94. Приветствие на торжественном богослужении в дворцовой церкви г. Виттенберга, ГДР, 31 октября 1967 г. по случаю 450-летия Реформации // ЖМП. 1968. № 1.

95. Речь на торжественном приеме в Виттенберге по случаю 450-летия Реформации // ЖМП. 1968. № 1.

96. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Токийскому и Японскому Николаю // ЖМП. 1968. № 2.

97. Слово после вечерни в Прощеное воскресенье // ЖМП. 1968. № 3.

98. Речь при посещении центра служения братьев, США // ЖМП. 1968. № 3.

99. Речь на официальном приеме в штаб-квартире Церкви братьев, США // ЖМП. 1968. № 3.

100. Речь на специальном собрании в Вифанской богословской семинарии // ЖМП. 1968. № 3.

101. Речь на открытии консультации Комиссии «Вера и церковное устройство» 17 марта 1968 г. // ЖМП. 1968. № 4.

102. Слово за Божественной литургией 28 января 1968 г. // ЖМП. 1968. № 6.

103. Заявление на Всеправославном Совещании в Женеве // One Church. 1968. № 6.

104. Речь на Всеправославном Совещании в Женеве // ЖМП. 1968. № 7.

105. Речь при закрытии III Всехристианского Мирного Конгресса // ЖМП. 1968. № 9.

106. Русская Православная Церковь и экуменическое движение. Доклад в конференц-зале Упсальского университета // ЖМП. 1968. № 9; Stimme. 1968. № 10; Вестник, 1968. № 62–63; One Church, 1968. № 6.

107. Слово за богослужением на пленарном собрании участников IV Генеральной Ассамблеи ВЦС // ЖМП. 1968. № 9; Stimme. 1968. № 10.

108. Приветствие д-ру С. Л. Боуману // ЖМП. 1968. № 12.

109. О задачах современного богословия // ЖМП. 1968. № 12; Stimme. 1969. № 2.

110. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Корсунскому Петру // ЖМП. 1968. № 12; Вестник. 1968. № 64.

111. Доклад на торжественном юбилейном заседании в МДА 28 мая 1968 г. // Специальный выпуск ЖМП. 1968. «50-летие восстановления патриаршества»; Stimme. 1968. № 7.

1969

112. Приветствие приходу Успенского кафедрального собора в Хельсинки к столетнему юбилею освящения собора // ЖМП. 1969. № 1.

113. Слово на юбилейном акте Союза православных студентов Финляндии // ЖМП. 1969. № 1.

114. Слово, произнесенное в Николо-Богоявленском соборе // ЖМП. 1969. № 2.

115. Речь на Совещании по вопросу проведения Конференции последователей всех религий в СССР за сотрудничество и мир между народами 21 декабря 1968 г. // ЖМП. 1969. № 2; в сборнике «За

сотрудничество и мир между народами. Конференция последователей всех религий в СССР». М., 1969.

116. Кардинал Августин Беа // ЖМП. 1969. № 2.

117. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Герману // ЖМП. 1969. № 2.

118. Проповедь, произнесенная в церкви Учеников Христа (г. Талса, США) // ЖМП. 1969. № 4; Stimme. 1969. № 7.

119. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Сан-Францисскому Марку // ЖМП. 1969. № 5.

120. На Упсальской Ассамблее Всемирного Совета Церквей // ЖМП. 1969. № 5–6.

121. Слово на Пасху // ЖМП. 1969. № 6.

122. Апостолам равные. Там же.

123. Великое дело святых братьев. Там же.

124. Миссионерское дело святого Кирилла среди хозар // ЖМП. 1969. № 7.

125. Rede vor der Festversammlung in Sofia (Речь на праздничном собрании [в честь св. равноапостольного Кирилла] в Софии) // Stimme. 1969. № 7.

126. Доклад на Конференции представителей всех религий в СССР за сотрудничество и мир между народами 1 июля 1969 г. // ЖМП. 1969. № 8; Stimme. 1969. № 8–9.

127. Служба всем святым, просиявшим в Ярославской и Ростовской епархии // ЖМП. 1969. № 10.

128. Послание братии Пантелеимоновского монастыря // ЖМП. 1969. № 11; Stimme. 1970. № 1.

129. Речь при открытии собеседований в Ленинградской Духовной Академии 12 сентября 1969 г. // ЖМП. 1969. № 11.

130. Иоанн XXIII, Папа Римский. Т. I—II. Магистерская диссертация. М., 1969. Машинопись.

1970

131. Сотрудничество крещеных и нехристиан в совместном служении благу человечества. Доклад к богословским собеседованиям IV между представителями Евангелическо-Лютеранской и Русской Православной Церквей // ЖМП. 1970. № 3. «Богословские труды». Сб. 10. М., 1973.

132. К вопросу о сближении халкидонского и нехалкидонского богословия // ЖМП. 1970. № 4; Вестник. 1970. № 70–71.

133. Иоанн XXIII, Папа Римский // ЖМП. 1970. № 7.

134. Речь при награждении медалью им. Отто Нушке // ЖМП. 1970. № 8.

135. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Уманскому Макарию // ЖМП. 1970. № 8.

136. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Мелитону // ЖМП. 1970. № 9; Stimme. 1970. № 12.

137. Тропарь святому равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому // ЖМП. 1970. № 11; 1971. № 4.

138. Речь на годичном акте в Ленинградской Духовной Академии // ЖМП. 1970. № 12.

139. Перспективы ХМК. Речь на заседании Рабочей группы в Будапеште 29 сентября 1970 г. // СРС. 1970. № 32–33; Stimme. 1971. № 2.

140. Последования служб и богослужебные песнопения, составленные митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Л., 1970. Машинопись.

1971

141. Проповедь в Неделю 19-ю по Пятидесятнице // ЖМП. 1971. № 1.

142. Сосуществование или конвергенция? // ЖМП. 1971. № 2; Stimme. 1971. № 2.

143. Доклад на консультации ХМК с римско-католическими деятелями // ЖМП. 1971. № 3; Stimme. 1971. № 4; специальный выпуск СРС. 1971.

144. Четверть в. на Патриаршем престоле. К годовщине со дня кончины Святейшего Патриарха Алексия // ЖМП. 1971. № 4.

145. Слово после вечерни в праздник Рождества Христова // Там же.

146. Слово на Пасху // ЖМП. 1971. № 5.

147. Вступительное слово на заседании руководителей пяти рабочих групп IV Всехристианского Мирного Конгресса 22 апреля 1971 г. // ЖМП. 1971. № 8; Stimme. 1971. № 7.

148. Вступительное слово на консультации ХМК по европейской безопасности // ЖМП. 1971. № 8.

149. Zur Aufhebung des Kirchenbannes über die Altgläubigen (К снятию церковных прещений на старообрядцев) // Stimme. 1971. № 8.

150. Вступительное слово на открытии IV ВМК // ЖМП. 1971.

№ 11; CPC, 1971. № 35; и в сборнике «Fourth All-Christian Peace Assembly». Prague, 1971.

151. Заключительное слово на IV ВМК // ЖМП. 1971. № 11.

1972

152. Христианская ответственность за лучший мир. Доклад на IV ВМК // ЖМП. 1972. № 1—2; Духовная культура, 1972. № 1—2; CPC. 1971. № 36; Stimme. 1971. № 12; 1972. № 1—2; One Church. 1972. № 2—3; в сборнике «Fourth All-Christian Peace Assembly». Prague, 1971.

153. К 80-летию пастора д-ра Мартина Нимёллера // ЖМП. 1972. № 1; Stimme. 1972. № 3.

154. Приветственное слово на приеме, устроенном Священным Синодом Элладской Церкви // ЖМП. 1972. № 1.

155. Речь при открытии II богословского собеседования представителей Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии // ЖМП. 1972. № 2.

156. Речь на открытии заседания Рабочего комитета ХМК // ЖМП. 1972. № 5; CPC. 1972. № 38.

157. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Зарайскому Хризостому // ЖМП. 1972. № 6.

158. Выступление на Ассамблее общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе // ЖМП. 1972. № 8; CPC. 1972. № 39.

159. Приветственная речь участникам заседания Богословской комиссии ХМК // ЖМП. 1972. № 10.

160. Речь на открытии заседания Рабочего комитета ХМК в Эспо // ЖМП. 1972. № 11.

161. Предание и современность // ЖМП. 1972. № 12; Stimme. 1973. № 1.

162. Молитва по окончании заседания Рабочего комитета ХМК в Хельсинки // CPC. 1972. № 40.

163. Доклад «Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви» // Сборник «Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июня 1971 г., документы, материалы, хроника». М., 1972; Stimme. 1971. № 9—11.

164. Доклад «Об отмене клятв на старые обряды» // Сборник «Поместный Собор Русской Православной Церкви».

165. Речь на Предсоборном Соповещании // Там же.

166. Приветствие почетным гостям Поместного Собора // Там же.

167. Слово при вручении Патриаршего куколя Святейшему Патриарху Пимену // Там же.

168. Слово при вручении Патриаршего жезла Святейшему Патриарху Пимену // Там же.

1973

169. Приветственное послание участникам Международного мирного семинара ХМК // ЖМП. 1973. № 1.

170. Слово, произнесенное в Троицком соборе в Ленинграде // ЖМП. 1973. № 2.

171. Predigt zum Sonntag der Vergebung (Слово в Прощеное воскресенье) // Stimme. 1973. № 3.

172. Речь на первом заседании Рабочего комитета ХМК // ЖМП. 1973. № 5.

173. Доклад на сессии Комитета по продолжению работы ХМК // ЖМП. 1973. № 8; CPC, 1973. № 42.

174. Речь на III богословском собеседовании между представителями Русской Православной и Римско-Католической Церквей // ЖМП. 1973. № 8.

1974

175. Крест и Воскресение в православном богослужении. Доклад на богословских собеседованиях «Арнольдсхайн-V» // ЖМП. 1974. № 5.

176. Послание участникам сессии Рабочего комитета ХМК в Праге // ЖМП. 1974. № 6.

177. Святая Евхаристия — таинство жизни Церкви. Доклад в Хельсинкском университете // ЖМП. 1974. № 8.

178. Сборник сочинений. Т. I—V. Докторская диссертация. Л., 1974. Машинопись.

1975

179. Заключительное слово и молитва на сессии КОПР'а ХМК // CPC. 1975. № 50—51.

180. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Ставропольскому и Бакинскому Антонию // ЖМП. 1975. № 11.

181. Святой Климент Охридский в русской литературе // ЖМП. 1975. № 2.

182. Послание Патриаршего Экзарха Западной Европы митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима // ЖМП. 1975. № 3; Вестник, 1975. № 89—90.

183. Вступительное слово к богословской консультации в Западном Берлине // ЖМП. 1975. № 4; СРС. 1975. № 48; Stimme. 1975. № 3.

184. Приветствие участникам заседания Молодежной комиссии ХМК // ЖМП. 1975. № 5.

185. Иисус Христос освобождает и объединяет // ЖМП. 1975. № 5.

186. Слово на подготовительной встрече представителей ВСЦ и делегатов христианских Церквей из СССР // ЖМП. 1975. № 6.

187. Слово на сессии Рабочего комитета ХМК в Софии // ЖМП. 1975. № 6;

188. Изменяющийся мир. Доклад на собеседовании в Тренто // ЖМП. 1975. № 10.

189. Благословенный юбилей // Богословские труды. Сб. 13. М., 1975.

1976

190. La liberte de conscience en URSS (Свобода совести в СССР) // Les nouvelles de Moscou (Московские новости, на франц.), 1976. № 5 (1535).

191. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Воронежскому и Липецкому Ювеналию // ЖМП. 1976. № 2.

192. Слово при открытии заседаний Рабочего комитета ХМК в Нью-Виндзоре // СРС. 1976. № 53.

193. Слово при открытии заседаний Рабочего комитета в Бад-Саарове, ГДР // СРС. 1976. № 54—55.

194. Слово после вечерни 9 января 1976 г. // ЖМП. 1976. № 4; One Church. 1976. № 6.

195. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Выборгскому Кириллу // ЖМП. 1976. № 6; Stimme. 1976. № 8.

196. The Incarnation and the responsibility of the Christian (Воплощение и ответственность христианина) // One Church. 1976. № 6.

197. Слово на третий день Пасхи // ЖМП. 1976. № 7.

1977

198. Слово при открытии православно-реформатских собеседований // ЖМП. 1977. № 1.

199. Слово, посвященное 30-летию Ленинградской духовной академии // ЖМП. 1977. № 3.

200. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Архангельскому и Холмогорскому Исидору // ЖМП. 1977. № 9.

201. Письмо директору Комиссии всемирной миссии и евангелизации ВСЦ д-ру Эмилио Кастро // ЖМП. 1977. № 9.

202. Послание Архиепископу Карельскому и всей Финляндии Павлу (по случаю освящения храма на Новом Валааме и 800-летия Валаамской обители) // ЖМП. 1977. № 10.

203. Курс лекций по истории Русской Церкви (Синодальный период). Машинопись (труд не завершен).

204. Croce e Risurrezione ed alti Scritti teologici (Крест и Воскресение и древние богословские писания). Brescia, 1977.

1978

205. Речь на торжественном акте Ленинградской Духовной Академии // ЖМП. 1978. № 1.

206. Послание участникам Африканской ХМК // ЖМП. 1978. № 3.

207. Письмо по поводу документов Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу // ЖМП. 1978. № 3.

208. Служба св. равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому // ЖМП. 1978. № 5.

209. Gruswort an die CFK — Jugendkommission (Приветствие Молодежной комиссии ХМК) // Stimme. 1978. № 3.

210. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Кировскому и Слободскому Хрисанфу // ЖМП. 1978. № 7.

211. Речь при открытии V ВМК в Праге // ЖМП. 1978. № 9; Stimme. 1978. № 9; Братский вестник, 1978. № 5.

212. Слово на закрытии V ВМК // Там же.

213. Слово при открытии торжественного заседания, посвященного 60-летию восстановления патриаршества // Там же.

1979

214. Иоанн XXIII, Папа Римский // Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 83—240.

1984

215. Иоанн XXIII, Папа Римский. Вена, 1984 (с предисловием кардинала Франца Кенига).

216. Фрагменты авторского предисловия к книге «Иоанн XXIII, Папа Римский». Вена, 1984 // НГ-Религии. 2004. № 3 (133). 18 февраля. С. 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галковский Д. Счастливый Розанов // Литературная газета. 2006. № 16. 19–25 апреля. С. 11.

² Смирнова Н. Последний старец. Ярославль, 2004. С. 352.

³ Востоков П. Стихи. Булонь-на-Сене, 1960. С. 183. Стихотворение «Рязань».

⁴ Батревский Вл. Посох Пересвета // Литературная газета. 2006. № 18. 5–16 мая. С. 6.

⁵ Геллер М. Вехи. Очерк советской политической истории. Лондон, 1987. С. 42–43.

⁶ Малая советская энциклопедия. Т. 7. М., 1931. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Логос. № 17–20. Париж; Брюссель, 1974. С. 148.

⁹ Энциклопедия Третьего рейха. М., 1999. С. 337–339.

¹⁰ См. Речь И. Золотусского при вручении литературной премии Александра Солженицына // Литературная газета. 2005. № 16. 20–26 апреля. С. 12.

¹¹ Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Т. 2. Джорданиль (США), 1957. С. XXIV.

¹² Аннинский Л. Дед и яр // Литературная газета. 2006. № 29. 19–25 июля. С. 15.

¹³ Циркуляр от 5.11.1959. № 1064.

¹⁴ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града. Воспоминания. Ч. III. Тель-Авив, 1980. С. 154–155.

¹⁵ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 155–156.

¹⁶ Адрианов Игорь, священник. Митрополит Никодим: жизнь и деятельность // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 12.

¹⁷ Шаститко П. Ниша, которую нужно заполнить // НГ-Религии. 2005. № 15 (168). 19 октября. С. 6.

¹⁸ Фролов В. Серый кардинал РПЦ // Новая газета. Рязань. 2003. 16–22 сентября.

¹⁹ Наука и религия. 1975. № 8. С. 52.

²⁰ «Земной ангел и небесный человек». Жизнь и труды старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Издание Псково-Печерского монастыря, 2006. С. 13–14.

²¹ Левитин-Краснов А. Э. «Рук Твоих жар» (1941–1956). Тель-Авив, 1979. С. 284–285.

²² Цит. по: «Земной ангел и небесный человек». Жизнь и труды старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Издание Псково-Печерского монастыря, 2006. С. 20.

²³ Там же. С. 44.

²⁴ Литературная газета. 2006. № 45. 1–7 ноября. С. 3.

²⁵ Батревский Вл. Посох Пересвета // Литературная газета. 2006. № 18. 5–16 мая. С. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Церковный вестник. 2005. № 20 (321). Октябрь. С. 8.

²⁸ Шемшученко В. Миссия России в XXI в. // Литературная газета. 2006. № 15. 12–18 апреля. С. 3.

²⁹ Смирнова Н. Последний старец. Ярославль, 2004. С. 84.

³⁰ Там же. С. 89–90.

³¹ Деловой вторник. 2006. 12 сентября. С. 7.

³² Известия. 1992. № 18. 23 января.

³³ Смирнова Н. Последний старец. С. 210–211.

³⁴ Славное десятилетие // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 2. С. 12.

³⁵ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 156.

³⁶ Там же. С. 157.

³⁷ Пасха долгожданной победы // НГ-Религии. 2002. № 8 (161). 18 мая. С. 3.

³⁸ Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. М., 2003. С. 96–97.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Земцов И. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989. С. 228–229.

⁴¹ Речь Громыко А. А. на Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 28 ноября 1947 г. // Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Часть II. М., 1952. С. 241.

⁴² Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. С. 100.

⁴³ За рубежом. 1989. № 10.

⁴⁴ Литературная газета. 1990. № 34. 22 августа.

⁴⁵ Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. С. 100–101.

⁴⁶ Там же. С. 101.

⁴⁷ Там же. С. 103–104.

⁴⁸ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 14–15.

⁴⁹ Левитин-Краснов А. Э. «Рук Твоих жар» (1941–1956). Тель-Авив, 1979. С. 81–83.

- ⁵⁰ Левитин-Краснов А. Э. «Рук Твоих жар» (1941–1956). Тель-Авив, 1979. С. 199–201.
- ⁵¹ Цит. по: Козн Ст. Переосмысливая советский опыт. Chaldize publication. Бенсон; Вермонт (США), 1986. С. 17.
- ⁵² Там же. С. 118.
- ⁵³ Аргументы и факты. 2004. № 41. С. 15.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 175.
- ⁵⁶ Ludova demokracie. 1990. 31 srpna.
- ⁵⁷ Abraham P. Pruvodce duchovimi a politickymi Dejiny Ruska XX Stoleti. Praha, 1993. S. 130.
- ⁵⁸ Лурье С. Взгляд из-за угла // Дело. 2006. № 10. 20 марта. С. 3.
- ⁵⁹ Тайны истории // Сост. И. Н. Кузнецов. Минск, 1998. С. 209–210.
- ⁶⁰ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992. С. 127.
- ⁶¹ Великая Эпоха. 2006. № 18 (40). 22 сентября. С. 3.
- ⁶² Левитин-Краснов А. Э. «Рук Твоих жар» (1941–1956). Тель-Авив, 1979. С. 201–203.
- ⁶³ «Время собирать камни». Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой (СПб.). 2002. № 13–14. С. 408.
- ⁶⁴ Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997 // История Русской Церкви. М., 1997. Т. IX. С. 386.
- ⁶⁵ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 133.
- ⁶⁶ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. Митрополит Николай (Ярушевич). Митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003. С. 57–58.
- ⁶⁷ «Время собирать камни»... С. 412.
- ⁶⁸ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 97.
- ⁶⁹ Там же. С. 61.
- ⁷⁰ Там же. С. 97–98.
- ⁷¹ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 133.
- ⁷² Там же. С. 134–135.
- ⁷³ Там же. С. 136.
- ⁷⁴ Троицкий С. О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 90.
- ⁷⁵ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 138–139.
- ⁷⁶ «Крестный путь...» // Вестник РСХД. 1973. № 107. С. 180.
- ⁷⁷ Валентинов А. Черная книга. Париж, 1925. С. 258.

- ⁷⁸ «Церковные ведомости». 1922. № 10–11.
- ⁷⁹ Смирнова Н. Последний старец. С. 209–210.
- ⁸⁰ Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 430–432.
- ⁸¹ Там же. С. 434.
- ⁸² Энциклопедия Третьего рейха. С. 207.
- ⁸³ «Церковные ведомости». 1928. № 7–8.
- ⁸⁴ Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 450–451.
- ⁸⁵ Там же. С. 452.
- ⁸⁶ Там же. С. 456.
- ⁸⁷ Там же. С. 459.
- ⁸⁸ Там же. С. 459.
- ⁸⁹ Там же. С. 464–465.
- ⁹⁰ Пасха долгожданной победы // НГ-Религии. 2002. № 8 (161). 18 мая. С. 3.
- ⁹¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 186–187.
- ⁹² Смирнова Н. Последний старец. С. 5.
- ⁹³ Кифа. 2006. № 13 (51). Август. С. 3.
- ⁹⁴ Вступительное слово митрополита Минского и Слуцкого Филарета // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 8.
- ⁹⁵ Смирнова Н. Последний старец. С. 358.
- ⁹⁶ Адрианов И., свящ. Митрополит Никодим: жизнь и деятельность // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 17.
- ⁹⁷ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 150–152.
- ⁹⁸ Левитин-Краснов А. Э. «Рук Твоих жар» (1941–1956). Тель-Авив, 1979. С. 140–143.
- ⁹⁹ «Время собирать камни». Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой (СПб.). 2002. № 13–14. С. 409.
- ¹⁰⁰ Человек Церкви. Изд. 2-е. М., 1999. С. 440.
- ¹⁰¹ Беловецкий Д. Нельзя было поступить иначе // Литературная газета. 2001. 6–12 июня. С. 3.
- ¹⁰² Strobe T. For He's a jolly Fellow. Time. 11. 06. 1990. P. 20.
- ¹⁰³ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 160.
- ¹⁰⁴ «Известия». 1918. 19 июля. № 151.
- ¹⁰⁵ Плаксин Р. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М., 1968. Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 244.

- ¹⁰⁶ Метро. 2006. № 219. 4 декабря. С. 7.
- ¹⁰⁷ Ф. 6. Оп. 6/16. Д. Т-175. Т. 2. С. 228 // Аргументы и факты. 1992. № 8.
- ¹⁰⁸ Некрасов И. Второе дело Живкова // Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 13.
- ¹⁰⁹ Аргументы и факты. 2004. № 5. С. 18.
- ¹¹⁰ Барбан Е. Диссидент с Лубянки // Московские новости. 2005. № 37. 23–29 сентября. С. 10.
- ¹¹¹ Смена (СПб). 1991 № 262. 12 ноября. С. 3.
- ¹¹² Архиепископ Клинский Лонгин (Талыпин). «Он был истинным отцом для многих из нас» // Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 28–29.
- ¹¹³ Журнал Московской Патриархии. 1957. № 4. С. 4.
- ¹¹⁴ Константинов Д., прот. Церковная политика Московской Патриархии // Русская Православная Церковь в СССР. Сб. статей. Мюнхен, 1962. С. 172.
- ¹¹⁵ Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калинин-градский. Слово на встрече в Санкт-Петербургской Духовной Академии // Человек Церкви. 2-е изд. М., 1999. С. 433.
- ¹¹⁶ Там же. С. 433.
- ¹¹⁷ Аргументы и факты. 2005. № 7. С. 27.
- ¹¹⁸ Валентинов В. Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 131.
- ¹¹⁹ Осипов С. Генсековские шуточки // Аргументы и факты. 2001. № 21. С. 13.
- ¹²⁰ См.: *Simis K.* USSR: The Corrupt Society. New York, 1982. P. 48.
- ¹²¹ Шаблинская О. «Сын Сталина—это советская железная маска» // Аргументы и факты. 2005. № 49. С. 20.
- ¹²² Адрианов И., свящ. Митрополит Никодим: жизнь и деятельность // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 16.
- ¹²³ Там же. С. 19.
- ¹²⁴ Восленский М. Номенклатура. Лондон, 1984. С. 320–321.
- ¹²⁵ Там же. С. 339.
- ¹²⁶ Там же. С. 320.
- ¹²⁷ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 133–134.
- ¹²⁸ Лилиенфельд Ф. фон. «То, что Церковь разделена, это большое горе» // Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 32.
- ¹²⁹ Русак В., протодиакон. Свидетельство обвинения. Ч. II. М., 1980. С. 249–250.

- ¹³⁰ Лилиенфельд Ф. фон. «То, что Церковь разделена, это большое горе». С. 33.
- ¹³¹ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 166.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Кураев А., диакон. Посмертный триумф Комитета // Московские новости. 1992. № 10. 8 марта.
- ¹³⁴ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. М., 2004. С. 141–142.
- ¹³⁵ Граббе Г., свящ. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Нью-Йорк, 1961. С. 92.
- ¹³⁶ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 74.
- ¹³⁷ Запись выступления опубликована в «Русской мысли». 20.05.1988.
- ¹³⁸ «Гласность». Независимый общественно-политический журнал. Выпуск 28. Москва. 1989. Апрель. С. 8.
- ¹³⁹ Чегодаева М. Опиум для народа // НГ-Религии. 2005. 10 августа. С. 4.
- ¹⁴⁰ Бродский И. Размышления об исчадии ада // Сочинения Иосифа Бродского. Т. 7. СПб., 2001. С. 77–80.
- ¹⁴¹ Маяковский В. В. ППС. Т. 6. М., 1957. С. 258
- ¹⁴² Шейнов В. П. Психология власти. М., 2003. С. 65.
- ¹⁴³ Боровой В., протопресвитер. «И он был верен до смерти» // Человек Церкви. Изд. 2-е. М., 1999. С. 119.
- ¹⁴⁴ Русь Православная. 2000. № 5. С. 6.
- ¹⁴⁵ Православный Санкт-Петербург (газета). 1999. № 9 (87). С. 2.
- ¹⁴⁶ Маяковский В. В. ППС. С. 304.
- ¹⁴⁷ Цит. по: Восленский М. Номенклатура. С. 69. (Текст представлен в фотокопии).
- ¹⁴⁸ Энциклопедия Третьего рейха. С. 163.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 165.
- ¹⁵⁰ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 6. С. 46.
- ¹⁵¹ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2. С. 12.
- ¹⁵² Энциклопедия Третьего рейха. М., 1999. С. 486–487.
- ¹⁵³ Аделин Н. Православное Зарубежье о Русской Православной Церкви в СССР // Русская Православная Церковь в СССР. Сб. статей. Мюнхен, 1962. С. 232.
- ¹⁵⁴ Маяковский В. В. ППС. С. 238.
- ¹⁵⁵ НГ-Религии. 2000. 22 марта.
- ¹⁵⁶ Федоров М. Живее всех живых // Аргументы недели. 2006. № 15/2. 17 августа С. 20.

- 157 *Никольская Е.* На одного вождя меньше // Российская газета. 2005. № 282. 15 декабря. С. 6.
- 158 Новый Петербург. 2006. № 37. 28 сентября. С. 5.
- 159 *Травин Д.* «Коммунар» против «коммунизма» // Дело (СПб). 2006. 27 ноября. С. 11.
- 160 Энциклопедия Третьего рейха. С. 455.
- 161 Там же. С. 322–323.
- 162 Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 341–342.
- 163 *Шейнов В. П.* Психология власти. С. 67–68.
- 164 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. Нижний Новгород, 1998. С. 388–389, 485.
- 165 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 353–356.
- 166 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. С. 355.
- 167 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 363–364.
- 168 *Рубан Ю.* Митрополит Никодим. Из записок семинариста // София (Новгород). 1996. № 1 (17). С. 4.
- 169 *Восленский М.* Номенклатура. С. 321.
- 170 *Валентинов А.* Черная книга. С. 257–258.
- 171 Революция и Церковь. 1922. № 1–3.
- 172 Революция и Церковь. 1920. № 9. С. 56.
- 173 Вестник Св. Синода Православной Церкви в СССР. (Обновленческий орган). 1923. № 1. 18 сентября. С. 3–4.
- 174 Церковные ведомости. 1918. № 6–8. С. 122.
- 175 Революция и Церковь. 1919. № 1. С. 27.
- 176 Наука и религия. 1962. № 2. С. 35.
- 177 София (Новгород). 1998. № 4. С. 4.
- 178 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 157–161.
- 179 Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 284
- 180 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 162.
- 181 *Лев (Церпицкий), архиепископ Новгородский и Старорусский.* «Он всех нас поднял с колен» // Церковь и время. 1998. № 4. С. 15.
- 182 Церковный календарь на 1923 год. Приложение // Революция и Церковь. 1922. С. 46.
- 183 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 59–60.
- 184 *Чертюк С.* Стоп-кадры. Лондон, 1988. С. 165–166.
- 185 *Лев (Церпицкий), архиепископ Новгородский и Старорусский.* «Он всех нас поднял с колен» // Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 16.

- 186 Автор благодарит коллегу — протоиерея Иоанна Малинина — за предоставление материалов из архива его отца — протоиерея Анатолия Малинина.
- 187 София (Новгород). 1998. № 4. С. 5.
- 188 Цит. по: *Стратова Я.* Митрополит Никодим (1929–1978). Жизнеописание // София. 2004. № 3.
- 189 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 40–41.
- 190 СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. Ч. 2. С. 55–56.
- 191 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 42–44.
- 192 Журнал Московской Патриархии. 1979. № 2. С. 26.
- 193 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. С. 463.
- 194 *Шаталов Ю.* Владимирский централ // Литературная газета. 2005. № 6. 16–22 февраля. С. 12.
- 195 *Геворкян Н., Петров Н.* Теракты // Московские новости. 1992. № 31. 2 августа. С. 10.
- 196 Христианство и атеизм. Священник С. Желудков — К. А. Любарский. Переписка. Брюссель, 1982. С. 201.
- 197 Журнал Московской Патриархии. 1984. № 3. С. 33.
- 198 Журнал Московской Патриархии. 1984. № 3. С. 3–4.
- 199 Цит. по: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 352.
- 200 Энциклопедия Третьего рейха. М., 1999. С. 154.
- 201 *Геллер М.* Вехи. С. 89.
- 202 Там же. С. 61–62.
- 203 Там же. С. 62.
- 204 *Смагин С.* Загляните в подсознание // Литературная газета. 2005. № 28. 13–19 июля. С. 4.
- 205 *Геллер М.* Вехи. С. 63.
- 206 *АиФ — Петербург.* 2006. № 19. С. 8.
- 207 *Щербакова И.* НКВД — Гестапо. Брак по расчету // Московские новости. 1991. № 22. 2 июня. С. 10.
- 208 За рубежом. 1991. № 24. С. 12.
- 209 Цит. по: *Schoenbaum D.* La revolution brune. La Societe allemande sous le III Reich. D., 1979. P. 87.
- 210 Энциклопедия Третьего рейха. С. 73.
- 211 *Геллер М.* Вехи. С. 55.
- 212 СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. Ч. 1. С. 116–117.
- 213 СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. Ч. 2. С. 45.
- 214 Там же. С. 76–77.

- ²¹⁵ Энциклопедия Третьего рейха. С. 99.
- ²¹⁶ Черток С. Стоп-кадры. Лондон, 1988. С. 41–42.
- ²¹⁷ Наровчатова С. Ожидание тягот и льгот // Литературная газета. 2006. № 34–35. 30 августа — 5 сентября. С. 15.
- ²¹⁸ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 158–159.
- ²¹⁹ Там же. С. 251.
- ²²⁰ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. М., 2004. С. 119–120.
- ²²¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 309.
- ²²² Пасха долгожданной победы // НГ-Религии. 2002. № 8 (161). 18 мая. С. 3.
- ²²³ Литературная газета. 2006. № 18. 5–16 мая. С. 10.
- ²²⁴ Лебедев Е. Кое-что об ошибках сердца // Новый мир. 1988. № 10. С. 240.
- ²²⁵ Смирнова Н. Последний старец. С. 359.
- ²²⁶ Уткин А. Японский бен Ладен // Литературная газета. 2004. № 19. 19–25 мая. С. 10.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1919. S. 407.
- ²³¹ Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. / Ed. by Z. A. B. Zeman. London, 1958.
- ²³² Милосердов В. Сколько стоила Октябрьская революция? // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 5.
- ²³³ Исповедь бывшего агента // Аргументы и факты. 1992. № 8.
- ²³⁴ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 131.
- ²³⁵ Там же. С. 136.
- ²³⁶ Там же. С. 164–166.
- ²³⁷ Столица. 1992. № 10.
- ²³⁸ Конец агента по делам религий // Московские новости. 1991. № 27. 7 июля.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 161.
- ²⁴² Там же. С. 36–37.
- ²⁴³ Известия. 1992. № 18. 23 января.

- ²⁴⁴ Шейнов В. П. Психология власти. С. 68.
- ²⁴⁵ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 262.
- ²⁴⁶ Революция и Церковь. 1922. № 1–3.
- ²⁴⁷ Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 176.
- ²⁴⁸ Автор статьи — Ларина Наталья (Радонеж. 2004. № 10 (151). С. 15.)
- ²⁴⁹ Московские новости. 1992. № 24. 14 июня. С. 3.
- ²⁵⁰ Аргументы и факты. 2006. № 33. С. 23.
- ²⁵¹ Мустафин В., проф.-прот. Памяти митрополита Никодима // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 40–41.
- ²⁵² Московские новости. 1992. № 24. 14 июня. С. 16.
- ²⁵³ СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. Ч. 2. С. 99.
- ²⁵⁴ Там же. С. 123.
- ²⁵⁵ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 207.
- ²⁵⁶ Известия. 2005. № 212. 22 ноября. С. 16.
- ²⁵⁷ Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. Изд. 2-е. М., 1975. С. 301.
- ²⁵⁸ Восленский М. Номенклатура. С. 151.
- ²⁵⁹ Там же. С. 458.
- ²⁶⁰ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. М., 2004. С. 102–103.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Там же. С. 141.
- ²⁶³ Казнимые сумасшествием. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 65.
- ²⁶⁴ Буковский В. «И возвращается ветер...». Нью-Йорк, 1978. С. 321–322.
- ²⁶⁵ Евтушенко Е. Фехтование с навозной кучей // Литературная газета. 1991. № 4. 30 января. С. 9.
- ²⁶⁶ Казнимые сумасшествием. С. 219.
- ²⁶⁷ Евтушенко Е. Гений выше жанра // Литературная газета. 2006. № 39–40. 27 сентября — 3 октября. С. 6.
- ²⁶⁸ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж, 1975. С. 241–243.
- ²⁶⁹ Там же. С. 250–252.
- ²⁷⁰ Казнимые сумасшествием. С. 184–185.
- ²⁷¹ Журнал Московской Патриархии. 1968. № 10. С. 2–3.
- ²⁷² Известия. 2005. № 212. 22 ноября. С. 16.
- ²⁷³ Журнал Московской Патриархии. 1969. № 1. С. 8.

- 274 *Привалов К.* Золотой айсберг КПСС // Литературная газета. 1991. № 41. 16 октября. 10. С. 6.
- 275 *Леих Р.* Жан-Поль Сартр // Литературная газета. 2005. № 26. 29 июня — 5 июля. С. 5.
- 276 Известия. 1992. № 18. 23 января.
- 277 *Озеров М.* Британский министр — на службе Лубянки // Литературная газета. 2006. № 16. 19–25 апреля. С. 12.
- 278 *Мустафин В., проф.-прот.* Памяти митрополита Никодима // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 40.
- 279 Огонек. 1992. № 4 (3366). 25 января.
- 280 Там же.
- 281 *Геллер М.* Седьмой секретарь. Лондон, 1991. С. 329.
- 282 *Шейнов В. П.* Психология власти. М., 2003. С. 255–256.
- 283 Цит. по: Русская мысль. 1992. № 3939. 24 июля.
- 284 *Ярошевский В.* Расплата за интервенцию // Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 12–13.
- 285 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Две встречи. С. 328.
- 286 *Рубан Ю.* Митрополит Никодим. Из записок семинариста. С. 4.
- 287 Аргументы и факты. 2004. № 5. С. 18.
- 288 Дело. 2000. 31 июля. С. 11.
- 289 *Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калининградский.* Приношение благодарной памяти. (Из цикла телепередач «Слово пастыря») // Человек Церкви. Изд. 2-е. М., 1999. С. 437.
- 290 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Две встречи. С. 191.
- 291 *Шпаков Ю.* 800 страниц обвинения // Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 12.
- 292 Аргументы и факты. 2004. № 5. С. 19.
- 293 *Восленский М.* Номенклатура. С. 446.
- 294 Энциклопедия Третьего рейха. С. 180.
- 295 Там же. С. 348.
- 296 Там же. С. 108.
- 297 Там же. С. 180.
- 298 *Друзенко А.* Верфь и майдан // Литературная газета. 2005. № 34–35. 31 августа — 6 сентября. С. 13.
- 299 Журнал Московской Патриархии. 1980. № 3. С. 36–37.
- 300 Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 20 марта 1980 г. // Журнал Московской Патриархии. 1980. № 5. С. 5.

- 301 *Груева Е.* Халява, сэр... // Политбюро. 2003. 11 августа. С. 77.
- 302 *Земцов И.* Черненко: Советский Союз в канун перестройки. С. 292.
- 303 Там же. С. 308.
- 304 Там же. С. 293.
- 305 *Стадник И.* Паркбанк: там мы прятали военный бюджет // Московские новости. 1992. № 29. 19 июля. С. 14.
- 306 Там же.
- 307 *Маяковский В. В.* ППС. С. 252.
- 308 Там же. С. 254.
- 309 *Осипов С.* Почему Маркс ненавидел Россию // Аргументы и факты. 2005. № 45. С. 22.
- 310 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: В 42 т. 2-е изд. М., 1955–1974. Т. 8. С. 52–55.
- 311 *Седаков В.* Екатерина вернулась в Первопрестольную // Литературная газета. 2006. № 5. 8–14 февраля. С. 14.
- 312 *Лебединцев А.* Очередь в «шпионы» // Аргументы и факты. 2002. № 34. С. 18. См. также: СМЕРШ открывает тайны // Аргументы и факты. 2002. № 26.
- 313 *Крутикова-Абрамова Л.* У Федора Абрамова ответы были // Смена. 1992. № 259–260. 11 ноября.
- 314 *Ротенберг В. С., Бондаренко С. М.* Мозг. Обучение. Здоровье. М., 1989. С. 118–120.
- 315 *Алехин Г.* Белая тьма. Л., 1971. С. 319.
- 316 Крокодил. 1930. № 12.
- 317 Революция и Церковь. 1920. № 9–12. С. 72.
- 318 Там же.
- 319 *Лонгин (Талыпин), архиепископ Клинский.* «Он был истинным отцом для многих из нас» // Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 26–27.
- 320 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 358–359.
- 321 Там же. С. 361–363.
- 322 *Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калининградский.* Слово на встрече в Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 424.
- 323 *Земцов И.* Черненко: Советский Союз в канун перестройки. С. 161.
- 324 Энциклопедия Третьего рейха. С. 331.

³²⁵ Москву поставили «на уши» // Аргументы и факты. 2003. № 48. С. 36.

³²⁶ Макаров В. КГБ. Вчера. Сегодня. Завтра? // Русская мысль. 1992. № 3917. 21 февраля. С. 6.

³²⁷ Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. С. 338–339.

³²⁸ Там же. С. 370.

³²⁹ Журнал Московской Патриархии. 1986. № 4. С. 37.

³³⁰ Рубан Ю. Митрополит Никодим. Из записок семинариста. С. 5.

³³¹ Суворов В. Аквариум. Лондон, 1989. С. 149.

³³² Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 251.

³³³ Суворов В. Аквариум. С. 151.

³³⁴ Угланов А. Смертельная рана КГБ // Аргументы и факты. 2001. № 33. С. 4.

³³⁵ Шейнов В. П. Психология власти. С. 68.

³³⁶ Золовкин С. О бедном агенте замолвите слово... // Литературная газета. 2004. № 12–13. 31 марта — 6 апреля. С. 5.

³³⁷ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 291.

³³⁸ Московские новости. 1992. № 28. 12 июля. С. 7.

³³⁹ Альбац Е. Теневой штат КГБ // Московские новости. 1992. № 13. 29 марта. С. 18.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Из отчета Совета по делам религий — членам ЦК КПСС (1974 г.) // Вестник РХД. № 130. Париж — Нью-Йорк — Москва, IV-1979. С. 279–280.

³⁴² Там же. С. 278.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 194–195.

³⁴⁵ Смена. 1991. № 262. 12 ноября. С. 3.

³⁴⁶ Был ли Горбачев чекистом? // Аргументы и факты. 1992. № 41.

³⁴⁷ Беловецкий Д. Нельзя было поступить иначе. С. 3.

³⁴⁸ Из отчета Совета по делам религий... С. 279.

³⁴⁹ Афанасьева Г. Казимера Прунскене отрицает связь с КГБ // Московские новости. 1992. № 27. 5 июля. С. 9.

³⁵⁰ Казнимые сумасшествием. С. 479.

³⁵¹ Сироткин В. Легенды и мифы новой Латвии // Литературная газета. 2005. № 9. 2–8 марта. С. 11.

³⁵² Ильин А. Новый премьер Литвы служил на Северном флоте // Независимая Газета. 2006. № 135. 5 июля. С. 6.

³⁵³ Хамастер М. Неудачное покаяние Гюнтера Грасса // Литературная газета. 2006. № 34–35. 30 августа — 5 сентября. С. 1, 4.

³⁵⁴ Борин Ю. Партийный стук // Московские новости. 1992. № 29. 19 июля. С. 17.

³⁵⁵ Из отчета Совета по делам религий... С. 286–288.

³⁵⁶ Там же. С. 284.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 141.

³⁵⁹ «Стукач» в законе // Вечерний Петербург. 1992. № 117. 21 мая. С. 2.

³⁶⁰ Чехонадский Ю. Не надо, не надо, не надо, друзья! // Литературная газета. 2003. № 27. 2–8 июля. С. 10.

³⁶¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 351.

³⁶² Аргументы и факты. 2001. № 30. С. 8.

³⁶³ Буковский В. «И возвращается ветер...». С. 212.

³⁶⁴ Миталков Н. Может, и я агент КГБ? // Вечерний Петербург. 1992. № 108. 11 мая. С. 2.

³⁶⁵ Климонтович Н. В защиту муляжей // Независимая газета. 2005. № 265. 6 декабря. С. 12.

³⁶⁶ Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания. Брюссель, 1939. С. 210–211.

³⁶⁷ Шелин С. Николай Ежов. Нарком и пустота // Дело. 2000. № 40. 30 октября. С. 14.

³⁶⁸ Золотоносов М. Александр Галич, Булат Окуджава. Судьбы барабанщики // Дело. 2006. № 31. 11 сентября. С. 12.

³⁶⁹ Энциклопедия Третьего рейха. С. 153

³⁷⁰ Перестройка в КГБ // Известия. 1989. № 300. 27 октября.

³⁷¹ Беловецкий Д. Нельзя было поступить иначе. С. 3.

³⁷² Энциклопедия Третьего рейха. С. 108.

³⁷³ Там же. С. 187.

³⁷⁴ Самоваров А. Кривые зеркала // Литературная газета. 2006. № 2–3. 25–31 января. С. 12.

³⁷⁵ Земцов И. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989. С. 330.

³⁷⁶ См. Грани. № 165.

³⁷⁷ Яковлев А. Н. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября.

³⁷⁸ Яковлев А. Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Вестник АН СССР. 1987. № 6. С. 69.

³⁷⁹ Русская мысль. 1992. № 3920. 13 марта.

³⁸⁰ Яковлев А. Н. Великая Французская революция и современность. Доклад // Советская культура. 1989. 15 июля.

³⁸¹ Арутюнов А. А. Он был великим гражданином // Великая эпоха. 2002. № 20. 18 ноября. С. 5.

³⁸² Там же.

³⁸³ Энциклопедия Третьего рейха. С. 312.

³⁸⁴ Цит. по: Буковский В. Московский процесс // Русская мысль. 1995. № 4103. 30 ноября — 6 декабря. С. 8.

³⁸⁵ Буковский В. «И возвращается ветер...». С. 310–311.

³⁸⁶ Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 20.

³⁸⁷ Сидорова С. Свобода — избранных удел // Ленинградская правда. 1991. № 59. 13 марта.

³⁸⁸ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 333.

³⁸⁹ Энциклопедия Третьего рейха. С. 57.

³⁹⁰ Там же. С. 282.

³⁹¹ Там же. С. 388, 470.

³⁹² См. Емельянова И. Пастернак и Ивинская. М., 2006.

³⁹³ Мельгунов С. П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1989. С. 175.

³⁹⁴ Там же. С. 189–190.

³⁹⁵ Архипов И. Большой дом как бытовое явление // Петербургский «Час пик». 2002. № 46. 13–19 ноября. С. 8.

³⁹⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 146.

³⁹⁷ Геллер М. Вехи. С. 71.

³⁹⁸ Антонов-Авсеев А. Суд над палачом // Аргументы и факты. 2000. № 22. С. 15.

³⁹⁹ Восленский М. Номенклатура. С. 328.

⁴⁰⁰ Маяковский В. В. ППС. С. 269.

⁴⁰¹ Энциклопедия Третьего рейха. С. 263.

⁴⁰² Архипов И. Большой дом как бытовое явление // Петербургский «Час пик». 2002. № 46. 13–19 ноября. С. 8.

⁴⁰³ Баймухаметов С. Почему богатые не любят шестидесятников? // Литературная газета. 2002. № 42. 16–22 октября. С. 5.

⁴⁰⁴ Григорьев Д. Путешествие в Уфляндию // Аргументы и факты. 2007. № 7. С. 23.

⁴⁰⁵ Земцов И. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. С. 272.

⁴⁰⁶ Буковский В. «И возвращается ветер...». С. 246–247.

⁴⁰⁷ Сидоровский Л. Диссидент // Смена. 1991. № 274–275. 27 ноября. С. 5.

⁴⁰⁸ Казнимые сумасшествием. С. 288.

⁴⁰⁹ Там же. С. 476–477.

⁴¹⁰ Кузнецов П. Дворник Платонов // Хроника. 2007. № 19 (141). С. 15.

⁴¹¹ Перестройка в КГБ // Известия. 1989. № 300. 27 октября.

⁴¹² Геллер М. Седьмой секретарь. С. 162.

⁴¹³ Перестройка в КГБ // Известия. 1989. № 300. 27 октября.

⁴¹⁴ Журавель П. Воскрешение «Трубного зова» // НГ-Религии. 2000. № 7 (53). 12 апреля. С. 7.

⁴¹⁵ Смена. 1991. № 262. 12 ноября. С. 3.

⁴¹⁶ Логос. 1975. № 17–20. С. 148.

⁴¹⁷ Восленский М. Номенклатура. С. 417–419.

⁴¹⁸ Травин Д. «Коммунар» против «коммунизма» // Дело. 2006. 27 ноября.

⁴¹⁹ Журавель П. Воскрешение «Трубного зова» // НГ-Религии. 2000. № 7 (53). 12 апреля. С. 7.

⁴²⁰ Стихотворение Валентина Резника // Литературная газета. 2006. № 10. 15–21 марта. С. 7.

⁴²¹ Журнов Е. Большой театр на Лубянке // Аргументы и факты. 1995. № 6. С. 6.

⁴²² Рубан Ю. Митрополит Никодим. Из записок семинариста. С. 4.

⁴²³ Альбац Е. Теневой штат КГБ // Московские новости. 1992. № 13. 29 марта. С. 19.

⁴²⁴ Светличный М. Стукачи были, есть и будут // Аргументы и факты. 1995. № 30.

⁴²⁵ Шейнис В. Л. Поездка в город Чехов // НГ-EXLIBRIS. 2004. 13 мая. С. 3.

⁴²⁶ Известия. 1992. № 18. 23 января.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 362–363.

⁴²⁹ «Огонек». 1989. № 44. С. 10.

⁴³⁰ Энциклопедия Третьего рейха. С. 486.

⁴³¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 183.

- 432 *Штурман Д.* Марксизм: наука или утопия? Лондон, 1989.
- С. 130.
- 433 *Багрицкий Э. Г.* Поэма «ТБЦ» (1929) // Советская поэзия: В 2 т. Т. 1. М., 1977. С. 269.
- 434 *Штурман Д.* Марксизм: наука или утопия? С. 146–147.
- 435 *Буковский В.* «И возвращается ветер...». С. 325–327.
- 436 Аргументы и факты. 2006. № 50. С. 13.
- 437 *Balabanoff A.* Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. Hannover, 1961. S. 68.
- 438 *Валентинов В.* Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 55.
- 439 *Восленский М.* Номенклатура. С. 403–404.
- 440 Там же. С. 408.
- 441 Там же. С. 177.
- 442 *Слесинский Р., свящ.* «Личные» подробности // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 100–101.
- 443 Аргументы и факты. 2004. № 5. С. 18.
- 444 *Озеров М.* Вдоль по бульвару миллиардеров // Литературная газета. 2005. № 39–40. 28 сентября — 4 октября. С. 11.
- 445 *Земцов И.* Черненко: Советский Союз в канун перестройки. С. 276.
- 446 *Золотоносов М.* Юрий Любимов и Таганка // Дело. 2006. 20 марта. С. 9.
- 447 *Озеров М.* Вдоль по бульвару миллиардеров. С. 11.
- 448 *Успенский Э.* Чебурашка. Хожение по мукам // Дело. 2005. № 36. 10 октября. С. 14.
- 449 *Рябинина О.* «Каменная» Зоя // Аргументы и факты. 2006. № 32. С. 18.
- 450 *Смирнова Н.* Последний старец. С. 356–357.
- 451 Советская Молдавия. 1961. 7 июня.
- 452 *Михаил (Мудьюгин), архиеп.* Русская православная церковность. М., 1995. С. 18.
- 453 *Адрианов И., свящ.* Митрополит Никодим: жизнь и деятельность // В память вечную. Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 14.
- 454 *Михаил (Мудьюгин), архиеп.* Русская православная церковность. М., 1995. С. 18.
- 455 *Буковский В.* «И возвращается ветер...». С. 335–336.
- 456 Там же. С. 227.

- 457 «Время собирать камни». Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой (СПб.). 2002. № 13–14. С. 407–408.
- 458 *Нетаньяху Б.* Война с терроризмом. М., 2002. С. 93–94.
- 459 Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 96.
- 460 Журнал Московской Патриархии. 1984. № 12. С. 39.
- 461 *Белевцев И., свящ.* Профессор А. И. Макаровский. Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 7. С. 28–29.
- 462 Энциклопедия Третьего рейха. С. 487.
- 463 *Степанов (Русаков) В., протодиакон.* Свидетельство обвинения. М., 1980. Т. 2. С. 155–156. (Книга напечатана в типографии монастыря Джорданвилль (США) в 1987 г.)
- 464 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 241.
- 465 Журнал Московской Патриархии. 1982. № 2. С. 24.
- 466 *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 258.
- 467 *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. С. 50–51.
- 468 Из отчета Совета по делам религий... С. 288–289.
- 469 *Сироткин В.* «Верните наше сало за 700 лет!» // Литературная газета. 2003. № 41. 8–14 октября. С. 4.
- 470 *Михаил (Мудьюгин), архиеп.* Русская православная церковность. С. 111.
- 471 Журнал Московской Патриархии. 1972, № 12. С. 54–59.
- 472 *Эдельштейн Г., свящ.* Чекисты... в рясах // Аргументы и факты. 1991. № 36 (569). Сентябрь. С. 7.
- 473 Журнал Московской Патриархии. 1980. № 2. С. 2.
- 474 *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. С. 59.
- 475 Там же. С. 142.
- 476 *Черниченко Ю.* Две тайны. «Если по совести». М., 1988. С. 360.
- 477 Аргументы и факты. 1991. № 36. С. 7.
- 478 *Бычкова О.* КПСС в правовом государстве немыслима // Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 21.
- 479 Цит. по: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. С. 164.
- 480 Литературная газета. 2005. № 29. 20–26 июля. С. 11.
- 481 Правда. 1939. 16 декабря.
- 482 СССР — Германия 1939–1941. Ч. 2. Нью-Йорк, 1989. С. 111.
- 483 Там же. С. 116.
- 484 Казнимые сумасшествием. С. 73.
- 485 Там же. С. 74.
- 486 Там же. С. 272.

- 487 *Строкань С.* Эфиопы и в Москве голодают // Московские новости. 1992. № 29. 19 июля. С. 3.
- 488 *Журнал Московской Патриархии.* 1969. № 11. С. 25.
- 489 *Шейнов В. П.* Психология власти. С. 66–67.
- 490 *Наука и религия.* 1978. № 7. С. 23.
- 491 *Энциклопедия Третьего рейха.* С. 431–432.
- 492 *Васильев А.* Вместе с народом // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 3. С. 42.
- 493 Новогоднее послание патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 12. С. 3.
- 494 Там же.
- 495 *Чуканов Ю.* Кровавый чардаш // Новый Петербург. 2006. № 44. 16 ноября.
- 496 *Александров С.* Тайны 1956-го // Литературная газета. 2006. № 45. 1–7 ноября. С. 12.
- 497 *Шейнов В. П.* Психология власти. С. 518–519.
- 498 *Родионов Б.* Оправданию не подлежит // Известия. 1991. № 306. 27 декабря.
- 499 Там же.
- 500 *Восленский М.* Номенклатура. С. 472–473.
- 501 *Логос.* № 17–20. Париж; Брюссель, 1975. С. 137–140.
- 502 *Аргументы и факты.* 2004. № 5. С. 18.
- 503 *Дело.* 2006. № 15. 24 апреля. С. 15.
- 504 Там же.
- 505 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 295.
- 506 *Буковский В.* «И возвращается ветер...». С. 316–317.
- 507 *Казнимые сумасшествием.* С. 462–463.
- 508 *Загальский Л.* Заметки на полях истории болезни отечественной психиатрии // Литературная газета. 1989. № 26. 28 июня.
- 509 *Казнимые сумасшествием.* С. 110.
- 510 Там же. С. 192.
- 511 Там же. С. 384.
- 512 *Борис Ельцин — встреча со слушателями высшей комсомольской школы* 20. 11. 1988 // Русская мысль. 1989. 6 января.
- 513 *Попов А.* Остаюсь собачкой, лающей на красноармейцев // Литературная газета. 2000. № 40. 4–10 октября. С. 7.
- 514 *Буковский В.* «И возвращается ветер...». С. 237.
- 515 *Энциклопедия Третьего рейха.* С. 215.
- 516 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 21.
- 517 Там же. С. 177.

- 518 *Казнимые сумасшествием.* С. 93, 98.
- 519 *Энциклопедия Третьего рейха.* С. 202.
- 520 *Горлова Н.* Не в последний раз горит Коринф! // Литературная газета. 2004. № 25–26. 30 июня — 6 июля. С. 7.
- 521 *Литературная газета.* 2004. № 12–13. 30 марта — 5 апреля. С. 2.
- 522 *Михайлов В.* Имя им — чекисты // Ленинградская правда. 1977. 20 декабря.
- 523 *Кувалдин Ю.* Одномерный Солженицын // НГ-ЕХ LIBRIS. 2003. № 14 (268). 17 апреля. С. 5.
- 524 *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Церковь выжила! // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 27.
- 525 *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. С. 147–148.
- 526 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Две встречи. С. 171–172.
- 527 *Филиппов Н.* Вражеские происки церковников. Куйбышев, 1939. С. 39.
- 528 Из отчета Совета по делам религий... С. 321.
- 529 *Киселев С.* Шторм-2 // Литературная газета. 1989. 10 мая.
- 530 *Киселев С.* Одесское управление СБУ перед выбором // Литературная газета. 1996. 17 апреля.
- 531 *Энциклопедия Третьего рейха.* С. 284.
- 532 *Восленский М.* Номенклатура. С. 539.
- 533 См. Журнал Московской Патриархии. 1988. № 3. С. 24–26.
- 534 *Вступительное слово митрополита Минского и Слуцкого Филарета* // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 10–11.
- 535 *Церковь и время.* 1998. № 4 (7). С. 33.
- 536 *Лилиенфельд Ф. фон.* Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 192.
- 537 Там же. С. 213.
- 538 *Краснов-Левитин А. Э.* В поисках нового града... С. 159.
- 539 *Лилиенфельд Ф. фон.* Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 192.
- 540 *Цит. по: Шевелев В.* «Мы, гестаповцы...» // Московские новости. 1991. № 41. 13 октября.
- 541 *Смена.* 1991. № 262. 12 ноября. С. 3.
- 542 *Цит. по: Русак В., протодиакон.* Свидетельство обвинения. Ч. II. М., 1980. С. 24.
- 543 *Василий (Кривошеин), архиеп.* Две встречи. С. 198–201.
- 544 *Восленский М.* Номенклатура. С. 159.

- 545 «Время собирать камни». Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой (СПб.). 2002. № 13–14. С. 410.
- 546 Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 12.
- 547 Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 205–206.
- 548 Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калинин-градский. Слово на встрече в Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 430.
- 549 Шейнов В. П. Психология власти. С. 368.
- 550 Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 270.
- 551 Красин В. Суд. Нью-Йорк, 1983. С. 73.
- 552 Церковный вестник. 2004. № 19–20. Октябрь. С. 17.
- 553 Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 92.
- 554 Известия. 1924. 1 июня.
- 555 Церковные ведомости. 1925. № 7–8.
- 556 Известия. 1924. № 166. 23 июня.
- 557 Вестник св. Синода Православной Церкви в СССР (Обновленческий орган). 1931. № 1–2.
- 558 Поджи В., свящ. «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...» // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 107.
- 559 Там же. С. 108.
- 560 Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 137.
- 561 Там же. С. 214–215.
- 562 Русская мысль. 1992. № 3920. 13 марта.
- 563 Буковский В. Московский процесс // Русская мысль. 1995. № 4106. 21–27 декабря. С. 8.
- 564 Там же. С. 8–9.
- 565 Золотуский И. Знак беды // Литературная газета. 2004. № 24. 23–29 июня. С. 8.
- 566 «Галина. История жизни» // Аргументы и факты. 1991. № 31.
- 567 Таймс. 1974. 1 марта.
- 568 Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. С. 318–319.
- 569 Журнал Московской Патриархии. 1979. № 6. С. 14.
- 570 Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 154–159.
- 571 Там же. С. 164–169.
- 572 Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. С. 326–327.
- 573 Там же. С. 490.
- 574 Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 194.

- 575 Русская мысль. 1992. № 3931. 29 мая. С. 9.
- 576 Бычкова О. КПСС в правовом государстве немыслима // Московские новости. 1992. № 32. 9 августа. С. 21.
- 577 Шейнис В. Л. Поездка в город Чехов // НГ-EXLIBRIS. 2004. 13 мая. С. 3.
- 578 Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 295.
- 579 Маяковский В. В. ППС. С. 241–242.
- 580 Там же. С. 289.
- 581 Из писем В. И. Ленина к Инессе Арманд // Большевик. 1949. № 1. С. 42.
- 582 Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 54–57.
- 583 Маяковский В. В. ППС. С. 281.
- 584 Энциклопедия Третьего рейха. С. 296.
- 585 Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 2. МЛС, 1966. С. 269.
- 586 Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 141.
- 587 Там же. С. 175.
- 588 Полушин В. Гумилевы. 1720–2000: Семейная хроника. Летопись жизни и творчества Н. С. Гумилева. М., 2004.
- 589 Друксин Л. Спасенная книга. Лондон, 1984. С. 188–191.
- 590 Вечерний Петербург. 1992. № 171. 24 июля. С. 2.
- 591 Лиллиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 202.
- 592 Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 9.
- 593 Пора подводить итоги... // Кифа. 2006. № 17 (55). Ноябрь. С. 1, 7.
- 594 Геллер М. Вехи. С. 64.
- 595 Фомин В. Посвященная Октябрю // Ленинградская правда. 1967. 27 сентября.
- 596 Энциклопедия Третьего рейха. С. 303.
- 597 Ковалев К. Автор национального гимна // Литературная газета. 2004. № 22. 2–8 июня. С. 10.
- 598 Собчак А. Хождение во власть. М., 1991. С. 44–45.
- 599 Солозобов Ю. Родная речь // Литературная газета. 2006. № 33. 9–15 августа. С. 2.
- 600 Сванидзе Н. Родина не в опасности // Литературная газета. 2001. № 27. 4–10 июля. С. 10.
- 601 Лиллиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. С. 194.
- 602 Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. С. 350.
- 603 Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 163.
- 604 Там же. С. 164–165.

- ⁶⁰⁵ Боровой В., протопресвитер. «И он был верен до смерти». С. 135.
- ⁶⁰⁶ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб. 2003. С. 141–144.
- ⁶⁰⁷ Поджи В., свящ. «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...». С. 105.
- ⁶⁰⁸ Там же. С. 133–135.
- ⁶⁰⁹ Боровой В., протопресвитер. «И он был верен до смерти». С. 135.
- ⁶¹⁰ Там же. С. 135–137.
- ⁶¹¹ Поджи В., свящ. «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...». С. 105.
- ⁶¹² Краснов-Левитин А. Э. В поисках нового града... С. 165–166.
- ⁶¹³ Рокжуччи А. Митрополит Никодим в истории христианства XX в. // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 31.
- ⁶¹⁴ Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июня 1971 года. Документы. Материалы. Хроника. М., 1972. С. 62–63.
- ⁶¹⁵ Там же. С. 128.
- ⁶¹⁶ Боровой В., протопресвитер. «И он был верен до смерти». С. 141–142.
- ⁶¹⁷ Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. С. 334.
- ⁶¹⁸ Там же. С. 356–357.
- ⁶¹⁹ Журнал Московской Патриархии. 1986. № 9. С. 8.
- ⁶²⁰ Казнимые сумасшествием. С. 368.
- ⁶²¹ Хаустов Д. Куликовская битва продолжается // НГ-Религии. 2005. № 14 (167). 5 октября. С. 3.
- ⁶²² Рожков В., протоиерей. Подготовка к участию в Соборе Русской Православной Церкви // «Theologia». (Колледж им. Св. Фомы Аквинского). 1996. № 6 (январь–июнь). С. 28.
- ⁶²³ Поджи В., свящ. «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...». С. 108–109.
- ⁶²⁴ Рожков В., протоиерей. Подготовка к участию в Соборе Русской Православной Церкви. С. 28–29.
- ⁶²⁵ Найт Э. Л. Берия — неожиданный ракурс // «Нувель Обсерватер». Париж. Цит. по: За рубежом. 1995. № 4. С. 10.
- ⁶²⁶ Геворкян Н., Петров Н. Теракты // Московские новости. 1992. № 31. 2 августа. С. 10.

- ⁶²⁷ Боровой В., протопресвитер. «И он был верен до смерти». С. 137–138.
- ⁶²⁸ Дидула П. Никодим // Вирую (газета УГКЦ). 1998. № 21. Сентябрь.
- ⁶²⁹ Штамм А. Средневековые с ядерным оружием в эпоху Интернета // Посев. 2006. № 3. С. 4.
- ⁶³⁰ Там же.
- ⁶³¹ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2003. С. 69.
- ⁶³² Маяковский В. В. ППС. С. 266.
- ⁶³³ Там же. С. 267.
- ⁶³⁴ Там же. С. 267.
- ⁶³⁵ Миллюков П. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1927. С. 337.
- ⁶³⁶ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2003. С. 72.
- ⁶³⁷ Малая советская энциклопедия. Т. 9. М., 1932. С. 459.
- ⁶³⁸ Революция и Церковь. 1922. № 1–2.
- ⁶³⁹ Валентинов А. Черная книга. С. 246–249.
- ⁶⁴⁰ Вестник Св. Синода Православной Церкви в СССР. (Обновленческий орган). 1925. № 1.
- ⁶⁴¹ Китеж. 1930. № 1. С. 1–5.
- ⁶⁴² Известия. 1930. № 46.
- ⁶⁴³ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 621.
- ⁶⁴⁴ Восленский М. Номенклатура. С. 426.
- ⁶⁴⁵ Шкаровский М. В. Богостроительство Третьего Рейха // НГ-Религии. 2004. № 5 (158). 12 мая. С. 7.
- ⁶⁴⁶ Логос. 1975. № 17–20. С. 148.
- ⁶⁴⁷ СССР — Германия 1939–1941. Ч. 1. Нью-Йорк, 1989. С. 22.
- ⁶⁴⁸ Цит. по: СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989, Ч. 1. С. 117–118.
- ⁶⁴⁹ СССР — Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. Ч. 2. С. 42.
- ⁶⁵⁰ Энциклопедия Третьего рейха. С. 406.
- ⁶⁵¹ Русак В., протодиакон. Свидетельство обвинения. Ч. II. М., 1980. С. 260–266.
- ⁶⁵² Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. С. 42–44.
- ⁶⁵³ «Время собирать камни». Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой (СПб.). 2002. № 13–14. С. 409.
- ⁶⁵⁴ Известия. 1992. № 18. 23 января.
- ⁶⁵⁵ Нетаньяху Б. Война с терроризмом. М., 2002. С. 92.
- ⁶⁵⁶ Там же. С. 92–93.
- ⁶⁵⁷ Московские новости. 1992. № 28. 12 июля. С. 7.

- ⁶⁵⁸ *Восленский М.* Номенклатура. С. 454, 457.
⁶⁵⁹ Аргументы и факты. 1992. № 21. С. 2.
⁶⁶⁰ *Каверин Н.* Зачем любил ты Рим, владыка Никодим?.. // Москва. 2004. № 9. С. 236–237.
⁶⁶¹ *Штеле Г. Я.* Восточная политика Ватикана. 1917–1975. Мюнхен; Цюрих, 1975.
⁶⁶² Вступительное слово митрополита Минского и Слуцкого Филарета // В память вечную... Материалы Минского научно-богословского семинара. Минск, 2006. С. 11.
⁶⁶³ Московские новости. 1988. 28 августа.
⁶⁶⁴ *Поджи В., свящ.* «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...». С. 111–112.
⁶⁶⁵ Радонеж. 1999. № 2–3 (87). Февраль.
⁶⁶⁶ *Лев (Церпицкий), архиепископ Новгородский и Старорусский.* «Он всех нас поднял с колен» // Церковь и время. 1998. № 4 (7). С. 20–23.
⁶⁶⁷ *Рубан Ю.* Митрополит Никодим. Из записок семинариста. С. 5.
⁶⁶⁸ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Две встречи. СС. 222.
⁶⁶⁹ *Поджи В., свящ.* «... Я никогда не слышал таких прекрасных слов о Церкви...». С. 112.
⁶⁷⁰ «Апрельские хроники» В. Волкова // Радонеж. 2003. № 8 (138). С. 12.

- Абель Рудольф 154
 Абель Т. 124
 Абрамов Федор 251
 Абуладзе Тенгиз 388
 блаж. Августин, епископ Иппонский 569
 Августин Беа, кардинал 563
 Августин (Виноградский), архиеп. 570
 Августин (Гуляницкий), епископ 570
 Августин (Сахаров), епископ 570
 Авель (Македонов), архимандрит 16, 554–556
 Аверинцев С. С., академик 171
 Агафангел (Догадин), архим. 147
 Агафангел (Преображенский), митрополит 57, 58, 60, 61
 Аграмаков Н. 23
 Адельгейм Павел, протоиерей 544–545
 Адрианов Игорь, протоиерей 87, 378
 Акаси, атташе, Япония 180, 181
 Аксенов Василий 216, 292
 св. Александр Невский, князь 21, 75, 118, 143, 165, 166, 169, 295, 503
 преп. Александр Свирский 128
 Александр (Федоров), игумен 200
 Александр П., император 75
 Александров А. В., руководитель Ансамбля песни и пляски СА 548
 Александров Борис, сын 548
 Александров Григорий, кинорежиссер 257
 Александра, княжна 76
 Алексей, цесаревич 76
 Алексей I, патриарх РПЦ 20, 32, 38–43, 51–57, 80, 81, 96, 110, 112, 136, 140, 152, 172, 194–195, 222, 261, 383, 393, 498, 501, 517, 518–520, 557, 563, 565, 566, 582, 588
 Алексей II, патриарх РПЦ 7, 22, 70, 95, 106, 120, 172–176, 196, 267, 300, 302, 339, 353, 357, 460, 475, 476, 484, 549, 550, 551, 556, 561
 Алексей (ван дер Менсбрюгге), епископ 519
 Алексей (Палицын), архиеп. 68
 Алипий, архим, настоятель Псково-Печорского м-ря 379
 Аллилуева Евгения 153
 Аллилуева Анна 153

Альенде Сальватор 77, 78
 Амбарцумов Димитрий, протоиерей 537
 Амвросий (Сиверс), архиеп. (Катакомбная Церковь) 176
 Амвросий (Смирнов), архиеп. 404
 Анастасия, княжна 76
 Андреев Даниил 153
 Андреев-Бартошевич 557, 563
 Андрей Боболи, святой РКЦ 581
 Андриан (Четвергов), митрополит, Старообрядческая Церковь 70
 Андроник, игумен, о-в Валаам 537
 Андропов Ю. В. 115, 155–157, 206, 224, 240, 272, 276, 297, 298, 303, 325, 328, 369, 429, 430, 431, 433, 443, 450, 455, 473, 504, 505, 510, 511, 589, 590
 Анненков Ю. П. 532
 Анталл Йожеф, Венгрия 432, 440
 Антонеску Йон Виктор, Румыния 578
 Антоний (Блюм), митрополит 259, 291, 366, 369, 494, 516, 517, 520, 521–523
 преп. Антоний Дымский 128
 Антоний (Мельников), митрополит 82, 85, 104, 137, 147, 187, 193–195, 262, 263, 265, 266, 331, 339, 364, 369, 453, 466, 469, 472–474, 487, 496, 497, 532, 537–540, 543
 Антонов-Овсеенко Антон 312
 Арманд Инесса 595
 Арсений, митрополит Новгородский 136, 140
 преп. Арсений Коневский 129
 Астауров, академик 323
 Ататюрк Кемаль 506
 Атлантов Владимир 513
 Аугуст Франтишек 226
 Афинагор, патриарх (Конст. Церковь) 80, 508, 557, 563
 Ахматова А. А. 50, 307, 413, 414, 452, 534–538

 Баадер Андреас 225
 Бабицкий Константин 215
 Багрицкий Эдуард 354, 355
 Базилио Помпали, кардинал 583
 Бакатин Вадим 6, 74, 346
 Бакунин Михаил 248
 Балабанова Анжелика 358, 577

Балакирев Вадим, протоиерей 132
 Бандера Степан 463
 Баринов Валерий 332–333, 336, 338, 339
 Бахревский Владислав 24, 25
 Бахтин Петр, свящ. 387, 388
 Беде Виктор 592
 Безменов Борис, прот. 132, 133, 134, 270, 379, 422, 423
 Белавский Петр, прот. 106
 Белевцев Иоанн, проф.-прот. 384, 387, 464, 472
 Белинский Виссарион Григорьевич 290
 Белов Сергей 242
 Бенедикт XV, папа 575
 Бенкендорф А. Х. 4
 Берг И. Д. 313, 314
 Бердяев Н. А. 50, 307, 309, 324, 328, 450
 Берия Л. П. 44, 49, 154, 198, 284, 292, 313, 385, 386, 425, 574
 Биляк Васил 230, 231
 Бисмарк Отто фон 384, 385, 540
 Блантер Матвей Исаакович 357
 Блинков Амвросий, свящ. 145
 Бобков Ф. Д. (КГБ) 78, 276, 510
 Боброва Н. С. 180
 Богданов Александр Александрович 577
 Боголюбов Димитрий, прот. 40
 Богомолов, посол 587
 Богораз Лариса 215, 524
 Бобовский (КГБ, Одесса) 462
 Болен Чарльз, посол (США) 427, 428
 Большаков С. Н. 558, 559
 Боннер Елена 524
 Бонхеффер Дитрих, пастор 450
 Борин Ю. 280
 Борис Годунов, царь 73, 113
 Борисовский В. В. 121
 Борман Мартин 13
 Боровой Виталий, протопресвитер 106, 157, 158, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 177, 518, 519, 561, 563, 566, 574
 Бортнянский Дмитрий 122
 Борхерт, писатель 510
 Браиловский Григорий 159

Брандт Вилли 510
 Брежнев Л. И. 3, 5, 68, 69, 114, 178, 210, 211, 216, 224, 229, 230, 240, 242, 245, 246, 258, 276, 296, 298, 339, 356, 408, 452, 473, 511, 542, 543, 548
 Брежнева Галина 45
 Бродский Иосиф Александрович 103, 117, 307, 311, 328, 516
 Брутенц К. (ЦК КПСС) 78
 Буевский А. С. 100, 193, 260, 261
 Буковский В. К. 184, 305, 328, 355, 356, 379, 445, 448, 449, 522, 569
 Булгаков Сергей, прот. 309
 Булганин Николай 26, 190–191, 427, 461
 Бунин И. А. 50, 107, 307, 516
 Бурденко Н. Н., акад. 46, 47, 49
 Бухарин Н. И. 5, 44, 109, 110, 249, 581
 Бухвостов Я. Г. 10
 Буш Джордж-старший 74
 Быков Василь, писатель 511–512
 Быстриевский Константин, прот. 420

 Вагнер Рихард 165, 166
 Вазген I, католикос 91, 245, 409
 Варлаам (Ряшенцев), архиеп. 60, 61
 Варламов И. В. 186, 560
 Василевская Ванда 164
 Василий (Кривошеин), архиеп. 52, 53, 64, 94, 97, 99, 125, 128, 152, 186, 188, 189, 232, 234, 261, 262, 263, 459, 494, 499, 509, 515, 517–520, 521–523, 556, 558, 560, 567, 568, 588, 602
 Введенский Александр, митроп. (обновленец) 40, 66, 67, 68, 123, 528, 581
 Вдовин Юрий 433
 Ведерников А. В. 53, 564
 Вениамин (Воскресенский), епископ 58, 61
 Вениамин (Казанский), митрополит 8, 389
 Вениамин (Муратовский), митрополит (обновленец) 66
 Вениамин (Новицкий), архиеп. 125, 126, 127, 128
 Вениамин, митрополит Петроградский 109, 383, 528, 581
 Вертинский Александр 152
 Ветров Михаил 37
 Веттиг Гердт, пастор 235
 Виллебрандс Иоанн, кардинал 561, 563, 574

Вильсон Гарольд 226, 227
 Виноградов А. П. 91
 Винцентас Сладкявичус, кардинал 101
 Вихров В., свящ. 136
 Вишневская Галина 513–514
 Владимир (Котляров), митрополит 262, 563
 Владимир (Сабодан), митрополит 201
 Владимов Георгий 524
 Власак В. 212
 Власенко В. 295
 Вознесенский Андрей 292
 Войнович Владимир 292, 323, 524
 Волков В. Н. (Франция) 603
 Волков Олег 450
 Воровский Вацлав 160
 Воронов Ливерий, проф.-прот. 176–180, 401, 421–424, 483, 484
 Ворошилов К. Е. 530–531
 Восленский М. 90, 91, 313, 498
 Востоков П. 11
 Высотская Ольга 535
 Высоцкий Владимир 273, 310

 Габсбург Отто 440
 Габсбург Рудольф 440
 Гавел Вацлав 228, 229, 230, 231
 Гавриил (Огородников), епископ 392
 Гагарин Ю. А. 68
 Гак Иржи 212
 Гайнов Н., свящ. 499
 Галич Александр 309, 326, 343
 Ганзелка Иржи 216
 Гарин-Михайловский Н. Г. 418
 Гаспари, кардинал 575
 Гашпарик Ш. 212
 Гдлян Гельман 591
 Геббельс Йозеф 124, 165, 296, 303, 310, 584
 Гевара Че 225
 Герек Эдвард 240
 Геринг Герман 116, 258, 293, 580
 Герман (Тимофеев), митрополит 379, 484, 498, 588

преп. Герман Аляскинский 509
 Гермоген (Голубев), архиеп. 193–195, 199
 Гесс Рудольф 122
 Гиммлер Генрих 116, 315, 574
 Гитлер Адольф 5, 13, 29, 35, 59, 60, 103, 109, 111, 112, 113, 116, 122, 123, 124, 128, 158, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 176, 198, 206, 238, 239, 248, 249, 251, 268, 297, 345, 354–355, 385, 410, 423, 437, 450, 516, 529, 532, 577, 578, 579, 584, 585, 587
 Глеб (Покровский), епископ 13
 Глебов Борис, прот. 71, 135, 149, 484
 Гнедич Петр, прот. 499
 Гогоберидзе Симон 153
 Гомулка Владислав 229
 Гор, каноник 243
 Горбаневская Наталья 215, 413
 Горбачев А. П. 388
 Горбачев М. С. 74, 77, 196, 197, 229, 240, 244, 245, 249, 272, 276–277, 299, 300, 328, 350, 351, 352
 Горбачева Раиса Максимовна 549
 Горбовский Глеб 12
 Гордеев Сергей 184
 Гордиевский Олег 169, 370
 Гридиенко Н. С. 496
 Городецкий Сергей 534
 Горький А. М. 14, 594
 Гюнтер Грасс 279, 280
 Грейс Дмитрий 548
 Григоренко Петр, генерал 446
 Григорий VII, патриарх Константинопольский 507
 Григорий XVI, папа 566
 Григорий (Чуков), митрополит 392, 418
 Гришин Виктор Васильевич 224
 Громадка И. 221
 Громыко Андрей 34, 243, 357, 510
 Гросс К. 436
 Гроссман Василий 385
 Груздев Павел, свящ. 28, 62, 129, 137, 141, 179
 Гук Аркадий 370
 Гумилев Лев Николаевич 535–537
 Гумилев Николай Степанович 534–535

Гумилев Орест Николаевич 535
 Гундяев Михаил, прот. 187, 392
 Гундяев Николай, прот. 186–187, 497
 Гурвиц Эдуард 462–463
 Давид, князь (Ярославль) 57
 Даллес Аллен, госсекретарь, США 428
 Дамаскин, епископ Вологодский 284
 Дамиан, патриарх Иерусалимский 507
 Данилов И., генерал 382
 Даниэль Юлий 339, 524
 Дарманский, бывший священник 494
 Джамбул Джабаев, акын 15
 Дзержинский Ф. Э. 29, 113, 116, 157, 169, 254, 315, 358, 370, 436
 Дзиган Е. 163
 Делоне Вадим 215
 Демичев П. Н. (ЦК) 513
 Дени (Шамбо), архим. 518
 Дибелиус К. О. 59, 60
 Димитрий (Градулов), архиеп. 16, 17, 18, 32, 526
 Димитрий, епископ (США) 262
 Дмитрий Иванович Донской, московский князь 10, 25
 Довбуш Алексей, протодиакон 453
 Довженко Александр, кинорежиссер 14
 Долгорукий Юрий, князь 547
 Достоевский Ф. М. 6, 171–172, 265, 354, 369
 Драгунский Давид Абрамович, генерал 37
 Дремлюга Владимир 215
 Дубчек Александр 211, 212, 216, 222
 Дудин М. А. 237–238
 Дудинцев В. 363, 524
 Дымша Стефан, прот. 491, 596
 Дымшиц Марк 315
 Евгений (Кобранов), епископ 60, 61
 Евлогий (Георгиевский), митрополит 50, 583
 Евсевий, архиепископ Псковский 23
 Евтушенко Евгений 216–217
 Едигес П. 445
 Ежов Н. И. 15, 284, 291, 456

Екатерина II 153, 250, 312
Елагин Михаил, прот. 146–148
Елевферий (Воронцов), митроп. 392, 501
Ельцин Б. Н. 49, 73, 74, 76, 229, 276, 447, 550
Енукидзе А. 115
Ермаков Георгий 323, 324
Ефрем IV, патриарх (Грузия) 500

Жаринов Г. С. 133, 134, 246, 249, 251, 252, 253, 254, 255–257, 380,
457, 464, 475, 569, 573
Железняков А. Ф. 110
Желудков Сергей, свящ. 494
Живкова Елена (внучка) 77
Живков Тодор 77, 229, 243
Жириновский В. В. 206
Жуков Александр 536
Жуков Г. К., маршал 284, 427, 428

Замятин Е. 444
Засулич В. 180
Зеэман З. А. Б. 181
Зикмунд Мирек 216
Зиллиакус Кони, революционер 180, 181
Зимаков (КГБ) 315, 317, 320, 321, 322, 325
Зиновьев Александр 524
Зиновьев Г. Е. 5, 249, 311, 422, 465, 595
Золотусский Игорь 511
Зощенко Михаил 50
Зубков Василий 264
Зюганов Г. А. 267

Ианнуарий (Ивлиев), архим. 85, 258, 365, 497
Иванов А. 290
Иванов Вячеслав 538
Иванов Дмитрий Вяч. 538
Ивинская Ольга 310–311
Игнатий (Депутатов), игумен 25
Илиан (Востряков), епископ 596
Илия, патриарх Антиохийский 560
Ильичев Леонид Федорович (ЦК) 564

Индра Алоис 231
Иннокентий, митрополит Московский 509
Иннокентий (Павлов), игумен 335, 336
Иннокентия, игумения 143
Иоаким II, патриарх Константинопольский 567
Иоанн (Вендланд), митрополит 63
Иоанн (Крестьянкин), архим. 20, 21, 22, 23, 137
Иоанн Сергиев Кронштадтский, прот. 148, 202
Иоанн (Снычев), митроп. 59, 285, 286, 287, 372–373, 604
Иоанн (Экономцев), игумен 474
Иоанн, митрополит Гельсингфорский 409
св. Иоанн Новгородский 135
Иоанн XXIII, папа 488, 557, 562
Иоанн Павел I, папа 596, 597, 598, 599, 601, 602, 603
Иоанн Павел II, папа 349, 441
Иосаф, архиепископ (Днепропетровск) 46
Иов, архиеп. (ОВЦС) 187
Иоганн Арндт, суперинтендент 573
Иозеф Миндсенти, кардинал 433–441
Ионафан (Елецких), епископ 124
св. Иосиф (Астрахань) 394
Иосиф (Невский), епископ 136
Иосиф (Петровых), митроп. 60, 109
Иосиф (Слипый), митрополит, униат. 574, 575
Иосиф (Чернов), митрополит 128
Иринарх, архим. 420
Исаковский Михаил Васильевич 358
Иувеналий (Масловский), епископ 13

Каверин (Зильбер) Вениамин 323
Каверин Николай 592
Каганович Л. М. 45, 114
Кадар Янош 209, 229, 425, 428, 430, 431, 438, 441
Каддафи Муамар 590
Казем-Бек А. Л. 150–152, 488, 572
Казновецкий Анатолий, прот. 176
Каледа Кирилл, прот. 199
Калинин М. И. 114, 115, 529, 530, 531
Каменский Василий, прот. 418–420
Капек Антонин 231

Капитанчук В. 499
Капица Петр Леонидович, акад. 218
Капто А. (ЦК) 276, 334
Карев А. В. 52
Карелин Феликс 499
Карл Великий 248
Кароли Тот, епископ 241
Карпов Г. Г. 51, 52, 195, 461
Картер Джимми (США) 241
Карякин Юрий 64
Касаткин Евгений, свящ. 126
Кастро Фидель 225, 236, 446, 497, 529
Катукова, прокурор 324
Качалов (Шверубович) Василий Иванович, актер 14
Каширин Е. 23
Кедров (ЧК) 404
Керль Ханс 59
Ким Юлий 549
Кинг Мартин Лютер 473
Кио Игорь 45
Киприан (Зернов), епископ 96, 97
Кир, каноник 243
Кирилл (Гундяев), митрополит 82, 169, 184, 233, 256, 341, 344, 356, 357, 405, 457, 466, 467, 471, 483, 495, 500, 539, 602
Кирилл (Начис), архим. 375, 420, 492
Кирилл (Смирнов), митроп. 55, 56
Кирилл Владимирович Романов, вел. князь 150, 151
Киркилас Гядиминас 278
Киров С. М. 114, 116, 163, 311
Клавдиан, архим. 129, 146
Клюев Николай 14, 15
Ковалев Г. В. 195
Ковалев Николай 269
Ковалев Константин 548
Коган Павел 166, 183
Кожемякин, генерал КГБ 463
Козлов Фрол (ЦК) 86, 87
Козырев, посол (Италия) 562
Колдер Драгомир 231
Коллонтай Александра, посол (Швеция) 595

Колоницкий, редактор 563
Колчицкий Николай, протопресвитер 16, 39, 40
Комиссаров В. А. 397
Кондратович 220
Кондрашов Иоанн, прот. 365–366
Кондрашов Иван, диакон 482
Конев И., маршал 208, 279, 430
Конин Лев, прот. 442, 449–452
Конквест Роберт 11
Константин, князь (Ярославль) 57
Коньков Николай 553
Копачи Шандор 431
Копелев Лев 524
Копировский А. М. 200
Корвалан Луис 237, 356
Коржавин Наум 524
Корнилий, митрополит Виленский 41, 42
Корнилий, митрополит Ярославский 68
Коробко Г. Ф. 281, 283
Косыгин А. Н. 91, 276
Коффер Реми 35
Кочетков Георгий, прот. 170
Кравчук Леонид 463
Красиков П. А. 287
Красин Леонид Борисович 160
Красницкий, прот. 58
Краснов-Левитин А. Э. 20, 39, 41, 50, 65, 167, 168, 266
Кренкель Эрнст 192
Кривицкий Вальтер 162
Кривошеев Владлен 208, 222
Крупская Н. К. 5
Крючков В. А. (КГБ) 73, 169, 190, 272, 276, 287, 293, 294, 329, 330, 345, 524
Ксепинская Матильда 50, 595
Кузнецов Н. Г., адмирал 165
Кузнецов Павел 328
Кузнецов Эдуард 315
Куйбышев Валериан Михайлович 114, 285
Кундера Милан 211
Кураев Андрей, диакон 97, 333

Куроедов В. А. 53, 121, 188, 196, 210, 517, 519, 521

Курчо Карло 589

Кутепов А., генерал 153, 155

Кутепов П. А. (сын) 153–155

Кюльман, статс-секретарь 182

Лакшин Владимир Яковлевич 220

Ларионов А. Н. 19, 20

Ласло Пашкаи, примас 440

Лацис Мартын Иванович (Мариньш Янович) (ЧК) 311

Лащенко П., генерал 430

Лебедев Евгений, актер 237

Лебединцев А. 250

Лев (Церпицкий), архиеп. 71, 73, 141, 143, 144, 527, 539, 593, 596, 597

Лев XII, папа 585

Левин Исаак 110

Ленин В. И. 4, 8, 15, 64, 75, 86, 103, 105, 106, 107, 108, 114, 117, 122, 151, 155, 156, 157, 179, 180–183, 198, 211, 233, 238, 243, 256, 292, 301, 308, 309, 314, 339, 358, 384, 401, 422, 436, 444, 446, 447, 455, 457, 458, 462, 463, 465, 471, 496, 497, 528–530, 532, 545, 546, 547, 548, 573, 575, 576, 577, 580, 592, 594, 595

Леонов Леонид 103

Леонтович Михаил Александрович, акад. 218, 323

Лец Станислав Ежи 149

Лиленфельд Фэри фон 94, 95, 97, 168, 206, 213, 214, 271, 274, 285, 486, 487, 488, 538, 556

Литвинов Павел 215

Лиханов Альберт 371

Логачев К. И. 492

Лонгин (Талыпин), архиеп. 78–80, 255

Луначарский А. В. 4

Лунц Даниил Романович, проф. 446, 448

Лысенко Трофим Денисович, акад. 265

Любарский Кронид 154

Любимов Юрий 369

Людендорф, генерал 181

Лютер Мартин 59, 123, 533

Ля Пира, мэр (Италия) 562

Мазур Андрей, протодиакон 532, 539

Мазур Игорь, прот. 270, 469

Мазурок Юрий, певец 513

Майзель Ревекка (ЧК) 405

Макарий (Глухарев), архим. 573

Макарий (Свистун), митроп. 544–545

Макариос, архиеп. (Кипр) 9

Макаровский А. И., проф. 383, 384–387

Макарцев П. В. 188, 210, 519, 520, 521

Маленков Г. М. 386

Малетер Пал 430, 431

Малик Яков 213

Мандельштам О. Э. 265, 307

Мануил (Лемешевский), епископ 287

Манухин, врач 594

Мао Цзэдун 225

Мариан Борис 430

Маринетти Ф. Т. 578, 580

Мария, княжна 76

Маркелл (Ветров), епископ 71, 72, 86, 335, 502–504, 602

Маркс Карл 135, 206, 246–249, 250, 296, 354, 444, 446, 496, 497, 547 преп. Мартирий Зеленецкий 128

Мартти Симойоки, архиеп. (Финляндия) 410

Марчук Евгений 463

Маршак С. Я. 320

Маяковский В. В. 105, 109, 122, 254, 314, 320, 373, 529–532, 580

Медведев Н. Д. 491, 596

Медведев Рой 500

Медынский Григорий 19

Межиров А. П. 267

Мейерхольд Всеволод Эмильевич 14

Мелитон (Соловьев), архиеп. 10, 465, 485, 502

Мелхиседек (Лебедев), архиеп. 63, 486

Менгисту Хайле Мариам 69, 416, 417, 470

Мендель Грегор 29

Мень Александр, прот. 393

Меньшов Владимир, кинорежиссер 84

Меркель Ангела 278

Меркурий, епископ Зарайский 23

Меркуров Сергей 250

Мецарош Тибор 440
 Микоян Анастас Ив. 45, 428
 Милашкина Тамара Андр., певица 513
 Милованов Е. Е. 189
 Мильтке Эрих, министр госбезопасности (Штази, ГДР) 235
 Минулин Юрий 199
 Мирбах Вильгельм, граф 182, 183, 291
 Миржеевский Любомир 241
 Митрофан (Краснопольский), архиеп. 394
 Михаил (Арранц), Общество Иисуса, профессор 570–572
 Михаил (Мудьюгин), архиеп. 284, 377, 389–416, 492
 Михалков Н. С. 288–290
 Михалков Сергей Владимирович 290, 547, 549
 Михей, игумен (Жировицкий монастырь) 194–195
 Мишин Г. И. 446
 Моват Иоанн, капеллан
 Можаяв Борис 524
 Молотов В. М. 34, 37, 45, 151, 158, 164, 165, 206, 307, 386, 410, 529, 530, 585, 586
 Моммер Карл 243
 Монтан Ив 225
 Мстислав Удалой, князь 135
 Муколин В. М. 396
 Муссолини Бенито 150, 151, 160, 268, 363, 576–580, 585
 Мустафин Владимир, прот. 204, 227
 Мухин Н. 189
 Мюллер Людвиг 123

 Набоков В. В.
 Набутов Кирилл 375–376
 Нагибин Юрий 453
 Наджаров, проф. 379
 Надь Имре 427, 428, 429, 431, 433, 434, 435, 436
 Найда Юджин, проф. 488
 Найман Анатолий 122
 Нарусова Людмила 604
 Нарыжный А. М. 119
 Некрасов Андрей, кинорежиссер 290
 Некрасов Виктор 307
 Некрич Александр 524

Нестеренко Евгений, певец 513
 Нестеров Михаил Васильевич, художник 108
 Неханицкий Владимир 231
 Нечаев, архитектор 118
 Никита епископ, святитель Новгородский 136, 141
 Никифоров Владимир, свящ. 569
 Никифоров Е. К. 603
 Николай, епископ Владимирский 284
 Николай I, император 566
 Николай II, император 27, 75, 76, 118, 301
 Николай, митрополит Банатский 600
 Николай (Ярушевич), митрополит 20, 38, 39, 46–55, 67, 99, 113, 152, 167, 168, 286, 392, 492, 557, 564
 Никольский Николай, прот. 388
 Никон, патриарх РПЦ 3, 122
 Никон (Якимов), игумен 470
 Нимеллер Мартин 123
 Новиков М. П. 496
 Ньютон Исаак 29

Образцова Елена 513, 514
 Овечкин Валентин 221
 Олег, князь Рязанский 10, 11
 Олейников Анатолий 273
 Ольга, княжна 76
 Опекушин Александр 250
 Орджоникидзе Константин 153
 Осецкий Карл фон 516
 Осипов А. А., бывш. протоиерей 377
 Ослябя, инок 25
 Остапов Д. А. 39, 41, 42, 43, 519

Павел VI, папа 438, 439, 508, 575, 595, 598, 599, 602
 Павел, архиеп. Рязанский 23, 25
 Павел (Борисовский), митроп. 61
 Павел Вергезе, митроп. (Дели) 205
 Павилонис Иосиф, свящ. РКЦ 568, 569
 Панкратий, митрополит (Болгария) 79
 Панкратов-Черный А. 202
 Палах Ян 210

Палацкий, проф. 249
 Панов Яков 535
 Папанин Иван Дмитриевич 192
 Парийский Л. Н. 380, 383
 Парин Василий, акад. 153
 Пастернак Борис 310–311, 516
 Паустовский Константин 363, 364
 Пауэрс Гарри 154
 Педро Аррупе 596
 Пересвет, инок Александр 11, 24, 25, 570
 Петефи Шандор 427
 Петлюра Симон 157
 Петр I, император 117, 497
 Петров-Водкин, художник 74
 Петрусек Милослав 228
 Пивоваров Е. П. 340
 Пий IX, папа 585
 Пий XI, папа 99, 268, 581, 582, 583, 584, 585
 Пий XII, папа 437
 Пилсудский 157
 Пимен (Извеков), патриарх РПЦ 9, 76, 131, 155, 197, 201, 202, 262, 274, 321, 334, 362, 388, 464, 498, 499, 500, 509, 515, 523, 567, 568
 Пимен (Хмелевский), архиеп. 32
 Пиночет Аугусто 77
 Пиранделло Луиджи 578
 Питирим (Крылов), епископ 582
 Питирим (Свиридов), митрополит Ленинградский 419, 588
 Питирим (Нечаев), митрополит Юрьевский 288–290, 292, 549, 551
 Пиццардо, зам. статс-секретаря 576
 Платон, архиеп. (ОВЦС) 187
 Плеханов Г. В. 180, 422
 Плоткин Л. А. 536
 Победоносцев К. П. 573
 Погодин А. А. 185
 Поджи Винченцо, свящ. РКЦ 559
 Пождаев, дипломат (Рим) 587
 Пономарев Борис Николаевич (ЦК) 224, 590
 Попелушко Ежи, свящ. РКЦ 349
 Попов Г. Х., мэр 115
 Пospelовский Д. В. 116

Пот Пол, Камбоджа 225, 354
 Потакос, генерал (Греция) 82
 Потапов Иван 424, 425, 431, 432, 433
 Поттер Филипп (ВСЦ) 526
 Починок Александр 107
 Привалов Кирилл 35
 Провоторов Владислав, прот. 339
 Прокопий Кесарийский 4
 Прокофьев Сергей Сергеевич 546
 Профьюмо Джон 367
 Прунскене Казимера 277, 278
 Пудовкин Всеволод Илларионович, кинорежиссер 14
 Пустынцев Борис 431, 433
 Путин В. В. 22, 294, 295, 315, 580
 Пушкин А. С. 107, 108, 110, 113, 157, 250
 Пятс Константин (Эстония) 278

 Радек Карл 534
 Раевский Н. И. (Вена) 588
 Раина Петр, прот. 596
 Раков Лев, историк 153
 Ракоши Матъяш 157, 425, 434, 437, 439
 Ранер Карл 489
 Ранне Александр, прот. 335, 596
 Ранне Игорь, прот. 9
 Регельсон Лев 499
 Редер, адмирал 165
 Решетовская Н. А. 18
 Риббентроп Иоахим фон 112, 158, 165, 176, 206, 410, 587
 Рид Джон 11
 Рифеншталь Лени 122
 Ровинец, иеромонах 195
 Рогов, чекист 254
 Родзянко Владимир, прот. 517
 Рождественский Г. 546
 Рожков Владимир, прот. 571, 572, 596
 Розенберг Альфред 249
 Роккуччи Адриано, проф. 564
 Романов Григорий 3, 242
 Ромжа Юрий Теодор, епископ (Ужгородская уния) 574

Роом Абрам Матвеевич, кинорежиссер 164
Ростропович Мстислав 218, 513
Рошаль Г., кинорежиссер 166
Рубан Ю. И. 131, 232, 263, 341, 601
Рузвельт Франклин (США) 257
Русак Владимир, протодиакон 387
Русланова Лидия 537
Рыбаков Юлий 450
Рыбин Андрей, диакон 189

Савва, епископ Черниговский 284
Савченко Игорь 164
Салтыков А. 143
Салтыков-Щедрин М. Е. 531
Санчес Рамирес Ильич 381
Сартр Жан Поль 225
Сахаров А. Д., акад. 3, 43, 218, 323, 328, 512, 516, 524, 548
Сванидзе Николай 550
Свердлов Я. М. 75, 87, 114
Светлов Михаил 286
Светов Феликс 524
Свидницкий Иосиф, свящ. 569
Свобода Людвиг (Чехословакия) 223
Секкии Пьетро 589
Селезнев Геннадий 267
Селигман М. 252
Семичастный Владимир (КГБ) 45, 86, 516
Сенько Петр 264, 491
преп. Серафим Саровский 198, 199, 307
Серафим (Никитин), митроп. 514–516, 522
Серафим (Полоз), иером. 374
Серафим (Самойлович), архиеп. 60, 61
Серафим, митрополит Тверской 582
преп. Сергей Радонежский 25, 302
Сергий (Воскресенский), архиеп. 40
Сергий (Голубцов), епископ 137
Сергий (Ларин), архиеп. 64, 65–68
Сергий (Савельев), архим. 254
Сергий (Страгородский), патриарх РПЦ 17, 39, 40, 55, 58, 59, 60,
61, 67, 98, 99, 112, 261, 383, 459, 460, 507, 582, 583

Серов Иван, генерал КГБ 45, 430
Силовьев Владимир, прот. 570
Симон (Ишунин), архиеп. 553–554
Симонов Константин 292
Сингх Аркадий 449
Сингх Динеш 205
Скалетт Джон 370
Скляров Ю. (ЦК) 78
Славницкий Михаил, прот. 252
Слесинский Роберт, свящ. 364
Сложеникин Николай 260, 482
Слуцкий Б. 116
Сметона Антанас (Литва) 278
Смирнов Н. 87
Смрковский Иозеф 211
Снежневский А., проф. 443, 444
Собчак Анатолий 549, 604
Соколов Н. 136
Соколовский Николай 533
Солженицын А. И. 3, 11, 18, 23, 217–221, 456, 509–516, 521–523, 524
Сорокин Владимир, прот. 306, 326–327, 331, 464, 465, 466, 492
Спасский Игорь, акад. 549
Спенглер Майкл, капеллан 186
Сперанский Михаил, прот. 382–383, 389
Сплюшнов Александр 339
Сталин Василий 154
Сталин И. В. 5, 11, 12, 14, 15, 30, 33, 36, 37, 39, 43, 44, 47, 49, 50,
56, 64, 75, 103, 110, 111, 112, 113, 114, 145, 151, 158, 159, 160, 161,
162, 179, 183, 203, 208, 225, 245, 257, 291, 292, 297, 341, 357, 384,
385, 391, 401, 427, 436, 439, 461, 468, 490, 500–501, 505, 530, 545,
547, 548, 549, 573, 574, 577, 580, 583, 585, 586, 587
Старчик П. П. 447, 448
Степашин Сергей 346
Стефан (Знамировский), архиеп. 404
Стефан (Яворский), митрополит 10, 11
Стойков Василий, проф.-прот. 331, 399, 467, 473, 484
Стоунхауз Джон 226, 227
Струве Н. А. 309, 495, 528
Суворов Виктор (Резун) 265, 266
Судоплатов П. А. 154, 574

Суслов М. А. 224, 246, 296, 297, 350, 428
Сутягин Игорь 193
Сухарев А. Я., проф. 577
Сюреш М. 435

Талантов Борис Владимирович 94, 95
Таиров Александр Яковлевич, режиссер 14
Тамм Игорь Евгеньевич, акад. 323
Татьяна, княжна 76
Твардовский Александр Трифонович 218, 219, 220, 221, 316
Тетерятников Николай, прот. 144, 145, 260, 307, 317, 320, 455, 534, 538, 551, 552
Тимаков Владимир, прот. 50, 286
Тимохин Сергей 332, 336, 338
Тимошевский 189, 228
Тито Иосип Броз 212, 225, 366, 425
Тито Йованка 367
Тиссеран Евгений, кардинал 558–559, 560
Тихвинский, дипломат (Лондон) 588
св. Тихон Задонский 573
св. Тихон (Белавин), патриарх РПЦ 27, 57, 58, 67, 76, 136, 155, 261, 348–349, 390, 394, 402, 507, 509, 530, 581
Ткачев П. Н. 354
Товстоногов Г., режиссер 513
Толстой А. Н. 47, 291
Томский Н. (скульптор) 118
Троцкий Л. Д. 5, 114, 123, 151, 154, 183, 240, 395, 422, 465, 530, 531, 595
Трусова А. И. 419
Турчин Валентин 524
Тухачевский Михаил Николаевич, маршал 158, 161
Тухманов Д. Ф. 549
Тучков Е. А. (ГПУ) 31, 55, 57, 287

Ульбрихт Вальтер 229
Ульманис Карлис (Латвия) 278
Успенская Л. П. 142
Успенский Д. А., свящ. 142
Успенский Н. Д., проф. 142, 266, 476–484
Устинов Дмитрий Федорович (ЦК) 115

Устрялов Николай 545
Уфлянд Владимир 317
Уэсли Джон 526

Фадеев Александр 340
Фадюхин С. П. 203
Файнберг Виктор 215
Фалиго Роже 35
Фалин В. 276
Фальконе, прокурор 591, 592
Фанфани (Италия) 562
Федор (Штротман), иером. 558–559
Федоров Леонид 145
Фельтринелли Джанджакомо 589
Феодор, князь (Ярославль) 57
Феодосий (Погорский), архиеп. 120
Феодосий, епископ (Вологда, Астрахань) 404
Фетчина Евгений (Юджин) 416
Филарет (Вахрамеев), митрополит 32, 61, 63, 172, 189, 342, 486, 593
Филипп (Гумилевский), архиеп. 582
Филарет (Денисенко), монах, бывш. митрополит 90, 201, 227, 228, 241, 398, 399, 462, 464, 544
Филарет (Дроздов), митрополит Московский 62
Филипп (Ставицкий), епископ 396
Фиников В. Н. 136
Флоренский Павел, прот.
Фома Кемпийский 573
Фомин Виталий 430, 546
Фоорт Теодор ван дер 454–456
Фотий П, патриарх Константинопольский 507
Фортунато Михаил, прот. 367
Франк Ханс, генерал-губернатор (Польша) 164
Франко Франсиско, каудильо (Испания) 315, 578
Франтишек Томашек, кардинал 209–210
Франц Кениг, кардинал 488
Фрейд Зигмунд 580
Фролик Джозеф 226
Фромм Эрих 547
Фуров В. Г. 53, 194
Фьетта, нунций 587

Хайле Селассие, император 69
Хайт Юлий Абрамович, композитор 548
Харчев Константин 78, 101, 196, 197, 350
Хереш Элизабет 182
Хмельницкий Богдан 164
Хонеккер Маргот 236–237
Хонеккер Роберто 236
Хонеккер Эрих 235–237
Хорти Миклош (Венгрия) 437, 578
Хоссенфельдер Иоахим 123
Хризостом (Мартишкин), митроп. 69, 205, 275, 277, 281–283, 284
Христораднов Ю. Н. 196, 198, 490
Хрущев Н. С. 5, 19, 34, 44, 45, 48, 50, 64, 65, 68, 69, 100, 118, 158, 190–191, 221, 225, 292, 297, 298, 426, 427, 428, 443, 450, 547, 574, 575
аль Хуссейни Хадж Амин, муфтий 35

Циглер Адольф 450
Цыпин Владислав, прот. 52

Чаковский Александр 201
Чаушеску Николай 212
Чебриков Виктор (КГБ) 169, 242, 272, 299, 510
Челубей, татарский воин 25, 570
Черненко Константин 115, 224, 240, 298, 299
Чехов А. П. 265, 347
Чехов Дмитрий 294
Чичерин Г. В. 160, 576
Чугунов, комендант (Астрахань) 395
Чуковская Л. К. 512–513
Чуркин Станислав 133, 134

Шагинян Мариэтта 238
Шаманов П. Ф. 281, 282
Шамбаров В. 23
Швестка Олдржих 231
Шелепин Александр (КГБ) 48, 292
Шелест Петр Ефимович (ЦК) 230
Шемякин Михаил 442, 443

Шереди, архиеп. 437
Шик О. 212
Шикльгрубер Алоис 111
Шилов, следователь 413, 414
Шкловский Виктор 14
Шлегель Фридрих 354
Шлинк Эдмунд 489
Шостакович Дмитрий Дмитриевич 121, 217, 218, 323
Шпак, губернатор (Рязань) 24
Шпеер Альберт фон 158
Шредер 183, 278
Штейнвакс (Штайнвахс) 181, 182
Штольпе Манфред 274–275
Шуленбург Фридрих-Вернер фон, посол 151, 165, 587
Шульгин Василий 153
Шухевич Роман 463
Шушпанов Александр 184–186

Щелоков Н. А, министр МВД 505, 514
Щелоков, преподаватель ЛДА 475
Щербицкий Владимир Васильевич (ЦК) 462

Эдельштейн Георгий, свящ. 405, 406
Эйзенштейн Сергей 165, 166
Эйнштейн Альберт 265
Эйтингон Н. И. 154
Энгельгардт Владимир Александрович, акад. 323
Энгельс Фридрих 247, 248–249, 444, 497, 547
Эренбург Илья 152, 340
Эшлиман Николай, свящ. 98

Ювеналий (Поярков), митрополит 69, 172, 234, 487, 523
Юдович М. 406
Юрлов А. 546

Ягода Генрих 580
Ядов Владимир 368
Якеш Милош 233
Яковлев А. Н. 45, 219, 300, 301, 302, 510

Яковцевский К., прот. 136
Якунин Глеб, свящ. 98, 185–186
Ярузельский Войцех 349
Яхимович И. А. 215, 216, 217

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Знакомство с митрополитом	8
СТРЕМИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА	10
Рязань	—
Рязанская епархия	16
Ярославль-1	26
Иерусалим	32
Москва	38
Митрополит Николай (Ярушевич)	46
Ярославль-2	56
Серебряный Бор	69
ЗАГРАНИЦА	74
Болгария	75
Финляндия	79
Афон	80
Депутатский зал	86
«Бронь ЦК»	92
Пресс-конференции	94
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЕПАРХИЯ (1963–1978)	104
Митрополит Ленинградский	—
В «блокадном» Ленинграде	118
Владыки-«отсиденты»	125
Аудиенции	130
Жизнь в «Стреле»	134
НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ (1967–1978 гг.)	136
Упразднение епархии	—
Митрополит Новгородский	137
Протоиерей Михаил Елагин	146
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ (ОВЦС) (1960–1972)	150

«Советы без коммунистов»	150	«Шум — шир» («снят — назначен»)	466
«Дело Кутепова»	153	«Архиерей наш Никодим»	473
Протопресвитер Виталий Боровой	157	Профессор Н. Д. Успенский	477
Епископ Алексей (Ридигер) (Святейший Патриарх Алексий II)	173	Литургист, магистр богословия	486
Профессор-протоиерей Ливерий Воронов	176	О ТИТУЛАХ	499
«От Японии до Англии»	180	Кандидат в патриархи	—
«Сергианство»	184	«Нэ жалэй!»	501
Совет по делам религий	188	«Ленинградский»	504
Иновение, инославие	202	«Турецкая Пасха»	507
Всемирный Совет Церквей	204	«Бывают странные сближенья»	511
Прага-68	208	Патриарший Экзарх	518
Христианская мирная конференция	224	«МЕЛОЧИ АРХИЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ»	527
Миротворческие конгрессы	234	Комарово	535
«ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	247	О фарфоре	539
«Обученная беспомощность»	—	Выигрывая качество	542
«Malum necessitatis» — «необходимое зло»	264	«Союз нерушимый»	545
«Период полураспада»	293	Праздничные «колядки»	553
«Органы не ошибаются!»	303	ПЕРВЫЙ И ТРЕТИЙ РИМ	558
«Электрический стул»	331	«Ватикан-2»	—
«Ну, а пока госбезопасность»	348	«Интеркоммунион»	566
«Не нужен мне берег турецкий»	358	О. Михаил Арранц	572
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ	377	Униатский вопрос	574
Тактика «живого щита»	—	Дуче, фюрер, вожди	577
Проф.-прот. Михаил Сперанский	383	ВСЕГО «СЕМЬ СЕДМИН»	594
Профессор А. И. Макаровский	384	Библиография трудов митрополита Никодима	607
Владыка Михаил (Мудьюгин)	389	Примечания	624
Петербург—Ленинград	—	Именной указатель	649
Ректор Ленинградской духовной академии	393		
Астрахань	395		
Вологда	404		
Санкт-Петербург	413		
С изломанными судьбами, с искаленной психикой	417		
«Бес в виде эфиопа»	—		
Духовники-исповедники	419		
Расконвоированный профессор	421		
Будапешт-56	425		
Кардинал Йозеф Миндсенти	435		
Казнимый сумасшествием	443		
«Летучий голландец»	455		
«Кесарю — кесарево»	458		

9
88
96-99
128
125
115, 140-1

архимандрит Августин (Никитин)

ЦЕРКОВЬ ПЛЕНЕННАЯ
МИТРОПОЛИТ НИКОДИМ (1929-1978) И ЕГО ЭПОХА
(В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ)

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Подписано в печать 09.09.2008. Формат 60 × 84¹/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,3 + 0,23 вкл. Заказ 489.

Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.